3 1761 06192309 0

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ.

Presented to the

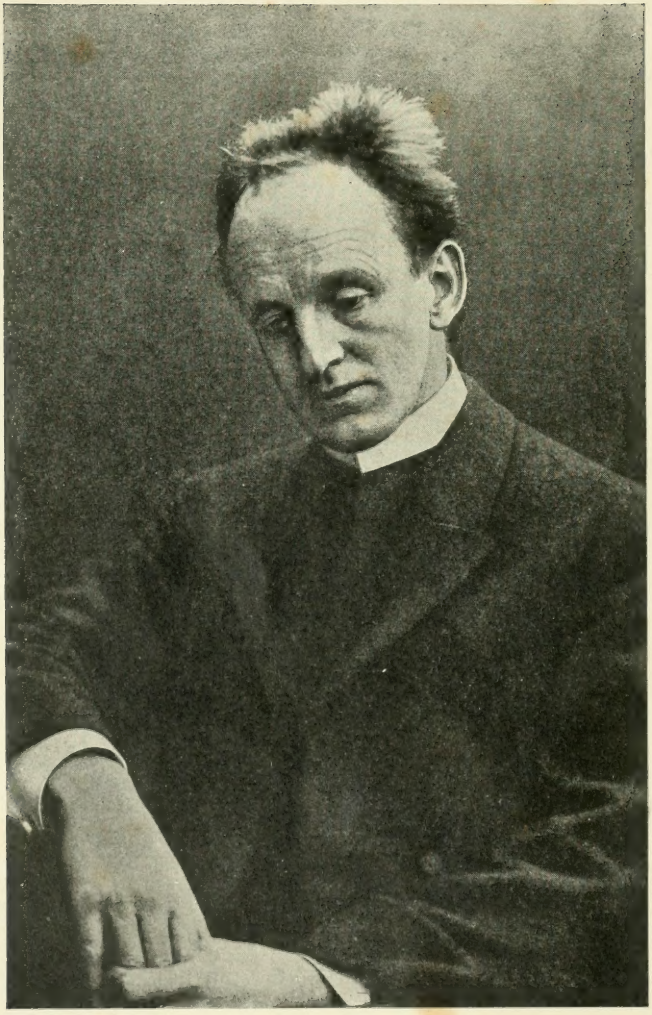
LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN



Gerhart Hauptmann

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1908

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

LIBRARY
MAR 22 2004
UNIVERSITY OF TORONTO

Гергартъ Гауптманъ.

Этюдъ.

Всесторонняя и справедливая оцѣнка рѣдко выпадаетъ на долю живого писателя, но еще рѣже бываетъ, когда вокругъ него шумитъ ожесточенный споръ, и одни изъ его современниковъ видятъ въ немъ генія первой силы, а другіе стремятся доказать, что онъ явленіе почти-что ординарное.

Такой странный расколъ во мнѣніяхъ указываетъ на то, что писатель сумѣлъ прикоснуться къ самому больному мѣсту современной ему жизни, что онъ задѣлъ въ сердцахъ и умахъ своихъ современниковъ вопросы и настроенія, наиболѣе жгучіе, наболѣвшіе, способные разжечь, раскалить человѣка до крайностей въ спорѣ.

Такіе споры ведутся вотъ уже около двадцати лѣтъ при появленіи каждаго новаго произведенія Гергарта Гауптмана.

Есть вопросы, при рѣшеніи которыхъ хладнокровіе является признакомъ извѣстнаго моральнаго дефекта; въ особенности, если эти вопросы освѣщены не съ общихъ точекъ зрѣнія, а разсмотрѣны подъ угломъ зрѣнія современной минуты. Гауптманъ всегда вращается въ сферѣ этихъ мучительныхъ сложныхъ нравственныхъ проблемъ и почти всегда онъ рѣшаетъ ихъ на нашихъ глазахъ, на примѣрахъ, которые какъ сама жизнь правдивы, выпуклы и близки нашему сердцу. Вполнѣ понятно, что цѣлая битва мнѣній закипаетъ вокругъ каждаго его произведенія, но непонятнымъ или во всякомъ случаѣ страннымъ остается колебаніе этихъ мнѣній, по которому видно, что для однихъ судей нашъ драматургъ—соперникъ или наслѣдникъ Шекспира и Гёте, для другихъ—просто талантливый писатель, какихъ немало.

Всякая оцѣнка степени таланта писателя всегда грозитъ быть очень субъективной. Воздержимся поэтому отъ всякихъ сравненій Гауптмана съ художниками большей или меньшей силы; воздержимся

отъ возведенія его въ санъ міровыхъ талантовъ или только національныхъ, въ званіе писателей перваго ранга или второго. Остановимся на его исторической роли какъ художника, на связи его творчества съ основными этико-философскими вопросами нашего времени.

Но надо все-таки хоть въ нѣсколькихъ словахъ вспомнить о человѣкѣ

I.

Внѣшнія событія жизни поэта складываются въ довольно простой и мало занимательный разсказъ. Гергартъ Гауптманъ родился въ Силезіи, въ 1862 году, въ крестьянской семьѣ, но относительно богатой. Образованіе онъ получилъ разностороннее и одно время мечталъ стать скульпторомъ. Въ юные годы для пополненія своего артистическаго образованія ѣздилъ онъ въ Италію и долго жилъ тамъ; плодомъ этой молодой и вольной жизни художника на родинѣ всѣхъ искусствъ была однако не статуя или картина, а поэма въ довольно старомъ разочарованномъ тонѣ. Построена была эта поэма на философской мысли о жалкой участи всѣхъ людей, которые чувствуютъ въ себѣ великія титаническія силы, сознаютъ себя дѣтьми Прометея, но именно только дѣтьми, безсильными въ борьбѣ съ исполинской задачей. Поэма, очевидно, отражала тягостное чувство неправильно избранной дороги, и Гауптманъ—который помимо артистическаго образованія успѣлъ на университетской скамьѣ собрать хорошій запасъ знаній философскихъ и естественно-историческихъ,—отъ мысли стать ваятелемъ и живописцемъ отказался.

Постановка въ 1889 году его первой драмы рѣшила его участь какъ писателя. Съ тѣхъ поръ онъ всецѣло отдался творческой работѣ драматурга. Почти каждый годъ выступалъ онъ съ новой пьесой: росъ его успѣхъ, но росли также и его враги. Жизнь его стала жизнью писателя, принужденнаго отстаивать занятый постъ. Художникъ сильный, онъ вотъ уже двадцать лѣтъ борется съ перемѣннымъ успѣхомъ за тѣ лавры, которые въ такой промежутокъ времени обыкновенно либо навсегда остаются за писателемъ, либо совсѣмъ ему не даются.

II.

Гауптманъ принадлежитъ къ числу писателей разносторонникъ, которые любятъ перемѣну тона и настроенія въ своихъ произведеніяхъ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о широтѣ его таланта, но нѣсколько затрудняетъ общую оцѣнку его какъ писателя.

Если сбросить со счетовъ его юношескую поэму, написанную имъ въ Италіи, и двѣ маленькихъ повѣсти (единственное, что онъ

писалъ въ этомъ родѣ), то Гауптмана можно и должно судить исключительно какъ драматурга. И вотъ, какъ драматургъ онъ выступалъ поперемѣнно въ трехъ разныхъ роляхъ и совсѣмъ не съ одинаковымъ успѣхомъ.

Гауптмана мы знаемъ какъ автора драмъ и комедій. И кромѣ того, въ своихъ драмахъ, онъ поперемѣнно то реалистъ, то символистъ. Это смѣшеніе стилей и точекъ зрѣнія на жизнь тѣмъ страннѣе, что оно очень капризно. Комедіи и драмы, символическія и бытовыя, въ серіи пьесъ Гауптмана слѣдуютъ одна за другой безъ всякаго порядка, безъ всякой хронологической послѣдовательности, и кажется, что авторъ всецѣло отдается налетѣвшимъ на него настроеніямъ. Какъ будто не увѣренный въ своихъ силахъ, онъ, спустя двадцать лѣтъ литературной дѣятельности, все еще задаетъ себѣ вопросъ — какимъ путемъ идти? И идетъ онъ одновременно по разнымъ путямъ.

Въ особенности комедіи Гауптмана дробятъ общее впечатлѣніе. Очень рѣдки случаи, когда комическая и трагическая сторона нашей жизни бываетъ одному и тому же художнику ясна и видна съ одинаковой отчетливостью. Въ исторіи всеобщей литературы нѣтъ примѣровъ такой разносторонней способности художника-драматурга. Со временъ Эсхила, Софокла, Эврипида и Аристофана художники-драматурги подѣлили между собой комическія и трагическія полосы нашей жизни, и комедіи Гёте и Шиллера нами основательно забыты. Есть, конечно, исключенія, которыя мы найдемъ, напр., въ театрѣ Лопе де-Вега и Шекспира, гдѣ, повидимому, комическое и трагическое такъ искусно и естественно переплетается, но все же никто не рѣшится сказать, что Шекспиръ-трагикъ равенъ по силѣ Шекспиру-комику. Мы отдаемъ должное великому трагику, говоря, что ему не былъ чуждъ комическій смыслъ нашей жизни, но объ этомъ смыслѣ мы все-таки думаемъ мало, когда произносимъ его имя...

Съ тѣхъ поръ, какъ въ литературѣ утвердился особый родъ драматическаго творчества, который носитъ неопредѣленное названіе «драмы» въ отличіе отъ комедіи и трагедіи, родъ, въ которомъ комическое и трагическое, какъ въ самой жизни, смѣшивается и сливается, это рѣзкое противопоставленіе писателя-трагика и комика стало сглаживаться. За послѣднее время (приблизительно со средины XIX вѣка, со времени рѣшительной побѣды реализма въ искусствѣ) у насъ совершенно исчезли съ литературнаго горизонта и чистые комики и чистые трагики, и мѣсто ихъ заступили творцы «драмъ», «пьесъ», «драматическихъ картинъ»—въ которыхъ комическое и трагическое слито воедино.

Гергартъ Гауптманъ, если вѣрить тѣмъ общимъ заглавіямъ,

которыя онъ даетъ своимъ пьесамъ, причисляетъ себя именно къ такимъ «драматургамъ».

И все-таки, если бы изъ числа современныхъ драматическихъ писателей пришлось указать такого, который всего ближе подходитъ къ установившемуся нашему представленію о трагикѣ, то назвать нужно именно Гауптмана. Въ немъ чувствуется прирожденный трагикъ, который достигаетъ наибольшей смѣлости и силы въ полетѣ своей фантазіи, именно когда приближается къ этому трагическому полюсу жизни. Живи онъ въ иное время, не въ нашъ вѣкъ торжествующаго реализма, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ бы трагикомъ самаго чистаго стиля. По крайней мѣрѣ всѣ задатки къ тому въ его творчествѣ имѣются, и эти-то задатки принимаются иногда критиками за прегрѣшеніе противъ реальной правды, за умышленное исканіе драматическихъ «эффектовъ», за перенапряженіе чувствъ и наконецъ за совершенно непроницаемый, туманный символизмъ, который свидѣтельствуетъ будто бы о слабости таланта...

И вотъ тотъ писатель, который самой природой предрасположенъ къ наиболѣе чуткому воспріятію трагической стороны нашей жизни — неоднократно стремится намекнуть намъ, что и комическая ея сторона находитъ въ немъ цѣнителя и умѣлаго истолкователя.

Нельзя сказать, чтобы эти опыты въ комическомъ родѣ свидѣтельствовали о силѣ Гауптмана какъ художника. Правда, критика встрѣтила двѣ его первыхъ комедіи съ одобреніемъ, но это потому, что она не примѣняла къ нимъ особенно высокой мѣрки. И дѣйствительно, «Крамптонъ» (1892) и «Бобровая шуба» (1893) принадлежатъ къ числу обыденныхъ, «удачныхъ» комедій. Исторія промотавшагося художника, которая разсказана въ «Крамптонѣ», эта веселая и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательная исторія объ его дочери и его любимомъ ученикѣ, которымъ въ концѣ концовъ удается вырвать сумбурнаго старика изъ обстановки, которая должна неминуемо погубить его талантъ—полна многихъ трогательныхъ и комическихъ положеній. Сама по себѣ тема—а именно борьба талантливой натуры художника съ мелкими страстями человѣка—могла бы дать богатый матеріалъ для настоящей драмы, но Гауптманъ предпочелъ отнестись къ этому драматическому положенію съ насмѣшливой нѣжностью, съ ироніей и чувствительностью, и создалъ дѣйствительно легкую комедію въ хорошемъ стилѣ. Еще болѣе «легка», но несравненно болѣе ядовита его вторая комедія: «Бобровая шуба» — довольно злая сатира на чиновниковъ и мастерская характеристика пронырливой обманщицы. Комедія весела, и въ ней очень много тонкихъ бытовыхъ чертъ изъ простонародной

жизни, въ средѣ которой вся эта смѣшная исторія разыгрывается. Гауптману, очевидно, понравился такой сюжетъ и такая манера его разработки, потому что, лѣтъ восемь спустя послѣ представленія этой пьесы, онъ почему-то вдругъ вернулся къ сходной темѣ и повторилъ въ своемъ «Красномъ пѣтухѣ» (1901) всѣ эти комическіе пріемы мастерства. Новаго онъ ничего не далъ, и пьеса успѣха не имѣла, какъ всякое повтореніе. «Бобровая шуба» въ техническомъ отношеніи осталась все-таки лучшей комедіей Гауптмана. Попробовалъ онъ свои силы и въ игривой шутовской буффонадѣ. Именно къ этому роду веселыхъ зрѣлищъ должна быть отнесена его пьеса: «Шлукъ и Яу» (1900). Движенія въ ней много, народный жаргонъ какъ всегда живъ и полонъ юмора, но исключительность и необычность комическихъ положеній двухъ пьяныхъ героевъ, которыхъ мистифицируютъ, лишаютъ эту пьесу того живого интереса, который способна возбудить въ насъ настоящая комедія. Настоящей, жизненной комедіей нельзя назвать и послѣднюю пьесу Гауптмана: «Дѣвы изъ Бишофсберга» (1907), которая стоитъ какъ бы посрединѣ между буффонадой и комедіей характеровъ. Она очень растянута, и содержаніе ея не даетъ матеріала для пяти актовъ, да и выведенные характеры новизной не блещутъ.

Упорное возвращеніе Гауптмана къ комедіи и шуткѣ въ драматической формѣ представляетъ собой нѣкоторую загадку. И большой талантъ можетъ, конечно, оступиться, но первая же неудача или средній успѣхъ заставятъ его взвѣсить свои силы. Творчество Гауптмана, какъ комическаго писателя, не только не обнаруживаетъ какого-нибудь движенія впередъ, усовершенствованія въ обрисовкѣ характеровъ и положеній, а, наоборотъ, оно показываетъ, что самая сущность комическаго взгляда на жизнь чужда основамъ его міросозерцанія. Только та комедія имѣетъ глубокій смыслъ, которая въ конечномъ своемъ выводѣ заставитъ людей задуматься надъ серьезностью задачи жизни и изъ-за цѣлаго ряда смѣшныхъ лицъ и положеній покажетъ намъ серьезный ликъ самой жизни, надъ которой мы смѣемся. До такого серьезнаго комизма Гауптманъ никогда не возвышался. Но его первой комедіи, по «Крамптону», можно было еще думать, что онъ начнетъ углублять свой комизмъ, такъ какъ въ «Крамптонѣ» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ появлялся естественный надрывъ, указывавшій на то, что можно было и серьезно отнестись къ сюжету, къ которому драматургъ отнесся съ иронической смѣшливостью. Но дальнѣйшія комедіи Гауптмана показываютъ ясно, что онъ сталъ не повышаться въ своемъ комизмѣ, а отъ комедіи пошелъ къ легкой шуткѣ вплоть до фарса. «Бобровая шуба» еще взяла своей техникой, а «Шлукъ» и «Дѣвы» и въ этомъ отношеніи отъ нея отстали.

Не надо быть, конечно, излишне строгимъ; комедіи Гауптмана не хуже многихъ комедій, стяжавшихъ даже извѣстность на подмосткахъ. Но для характеристики Гауптмана какъ драматурга и писателя онѣ даютъ очень мало, или, вѣрнѣе, ничего не даютъ. Тотъ, кто желалъ бы сохранить цѣльность представленія о Гауптманѣ, могъ бы совсѣмъ съ ними не знакомиться или, выдѣливъ ихъ въ особую группу, заинтересоваться ими какъ капризомъ большого художника, какъ отдыхомъ, который онъ себѣ дозволилъ.

III.

Комедіи Гауптмана, дѣйствительно, производятъ впечатлѣніе пьесъ, на которыхъ отдыхала фантазія автора — такъ она уставала и такъ была измучена тѣми темами съ трагическимъ содержаніемъ, надъ обработкой которыхъ она упорно трудилась.

Гауптманъ стоитъ въ первомъ ряду современныхъ писателей, которымъ доступна вся глубина трагическаго смысла переживаемой нами минуты.

Въ способѣ изображенія трагическаго въ жизни онъ одинаково силенъ и какъ строгій реалистъ и какъ мыслитель, который стремится символизировать явленія и типы.

Сопоставляя тѣ изъ пьесъ Гауптмана, въ которыхъ онъ касается трагическаго смысла жизни, мы видимъ, что оба эти пріема, и чисто-реальный и символическій, чередуются очень капризно. Нашъ трагикъ вперемежку то наблюдаетъ какой-нибудь частный фактъ, то обобщаетъ смыслъ явленій, покрывая ихъ символическимъ покровомъ.

Присмотримся къ тѣмъ пьесамъ, которыя взяты прямо изъ жизни, набросаны художникомъ, можетъ-быть, даже безъ опредѣленнаго плана для всей его творческой работы. Замѣтимъ прежде всего, что мы—читатели—грѣшимъ иногда одной склонностью, которая сильно вліяетъ на наше общее сужденіе о творчествѣ писателя. Мы хотимъ непремѣнно, чтобы всѣ произведенія художника составляли нѣчто цѣлое, чтобы всѣ они были связаны одной общей мыслью, или по крайности имѣли извѣстную идейную связь между собой. А между тѣмъ нерѣдко случается, что художникъ позволяетъ себѣ на время забыть о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые его какъ писателя и поэта по преимуществу волнуютъ, и пишетъ произведеніе, въ полномъ смыслѣ слова свободное.

Несомнѣнно, что есть основные философскіе, или, вѣрнѣе, этическіе вопросы современной намъ жизни, которыми Гауптманъ преимущественно интересовался. Но искать ихъ во всѣхъ его драмахъ было бы ошибкой. Есть у него пьесы, вполнѣ самостоятельныя по идеѣ—трагическія положенія, поразившія художника своей без-

площадной суровостью или жестокой красотой. Эти положенія Гауптманъ выхватилъ изъ жизни, обработалъ, и такой этюдъ удавался ему не хуже, чѣмъ созданіе задуманное, вынашенное, которому онъ, очевидно, придавалъ большее значеніе, чѣмъ случайной работѣ.

Такіе свободные этюды цѣнны каждый порознь, и хронологическая послѣдовательность, въ какой они написаны, не играетъ никакой роли въ ихъ оцѣнкѣ. Возьмемъ, напримѣръ, одну изъ раннихъ такихъ пьесъ—«Праздникъ мира» (1890); тѣ критики, которые говорили, что въ этой драмѣ сфотографированъ простой случай, были, пожалуй, правы. Случай, разсказанный въ этой драмѣ, къ счастію, принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ, изъ ряда вонъ выходящихъ, но тѣмъ не менѣе этотъ случай глубоко трагическій. Настоящій трагикъ, изображая его, имѣетъ возможность подчеркнуть одно изъ общихъ, всей нашей жизни присущихъ трагическихъ противопоставленій свободной воли человѣка съ роковой неизбѣжностью унаслѣдованнаго и воспитаніемъ созданнаго характера. Развалившаяся въ своихъ нравственныхъ основахъ семья, полоумный отецъ, озлобленная до ненависти сестра, братъ-циникъ, и среди нихъ молодой человѣкъ, который готовъ начать новую жизнь съ любимой имъ дѣвушкой и не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что, какъ членъ этой развалившейся семьи, онъ не дастъ своей невѣстѣ ничего, кромѣ несчастія—развѣ это такой ординарный случай, который для психолога, драматурга и для зрителя можетъ пройти незамѣченнымъ и неоцѣненнымъ? Трагизмъ положенія усугубляется еще тѣмъ, что пьеса есть, собственно, лишь введеніе къ настоящей трагедіи, которая должна развернуться въ семьѣ молодого человѣка, вступающаго въ новую жизнь, но безсильнаго побороть тѣ злыя начала своей психической организаціи, которыми надѣлила его и природа и семейная обстановка.

Семейными исторіями можно назвать также и двѣ другихъ драмы Гауптмана, тоже эпизодическаго характера въ его творчествѣ, а именно «Возчика Геншеля» (1898) и «Розу Бердтъ» (1903). Если про «Праздникъ мира» можно было сказать, что въ этой пьесѣ взятъ случай слишкомъ необычный, то эти двѣ пьесы грѣшатъ обратнымъ: сюжетъ, въ нихъ обработанный, слишкомъ часто попадается намъ на глаза въ жизни разныхъ людей и въ самыхъ различныхъ обстановкахъ. Дѣйствительно, человѣкъ какъ Геншель, привыкшій къ извѣстному семейному укладу и женившійся послѣ смерти жены уже пожилымъ человѣкомъ на разбитной дѣвушкѣ и въ концѣ концовъ повѣсившійся — развѣ эта драма не ординарна въ ея безчисленныхъ варіаціяхъ, съ концомъ столь же ужаснымъ

или менѣе печальнымъ? Такъ же обыденна и трагедія молодой Берндтъ, которая кончила дѣтоубійствомъ. Положимъ, не всегда такой конецъ слѣдуетъ за разочарованіемъ, которое такъ часто переживаетъ дѣвушка, но аналогичная душевная драма встрѣчается нерѣдко. Однако трагикъ можетъ показать на такихъ темахъ если не оригинальность своего замысла и особенно сложную психологическую мотивировку, то просто свою пластику какъ драматурга. И всякій, кто читалъ эти драмы Гауптмана или видѣлъ ихъ со сцены, долженъ признать, что какъ пьесы, со стороны ихъ техническаго выполненія, онѣ — шедевры. Рамка въ нихъ маскирована такъ, какъ, пожалуй, ни въ одной изъ пьесъ нашего автора. А большаго, вѣроятно, онъ самъ отъ нихъ не требовалъ.

Къ числу драмъ этого же типа, т.-е. этюдовъ съ натуры, въ которыхъ не заключено широкой, философской обобщающей мысли и которые не претендуютъ на рѣшеніе запутанныхъ проблемъ жизни, можно отнести и столь прославленную пьесу «Ткачи» (1893).

Это была четвертая по счету пьеса Гауптмана и первая, которая создала ему настоящую широкую литературную славу. Можно было предположить, что молодой писатель и въ дальнѣйшей своей работѣ пойдетъ по тому направленію, которое такъ рѣзко было намѣчено въ этомъ столь нашумѣвшемъ произведеніи. Драма была, во-первыхъ, выдержана въ строжайшемъ реальномъ стилѣ, безъ какой-либо попытки обобщенія типовъ; во-вторыхъ, она была насквозь пропитана соціальной тенденціей. Ошибочно было бы предполагать, что именно эта тенденція создала славу пьесы. Несомнѣнно, что острота рабочаго вопроса направила общественное вниманіе на эту драму. Но одно дѣло—привлечь вниманіе, а другое—овладѣть имъ, а «Ткачи» овладѣли зрителемъ, какъ ни одна изъ драмъ Гауптмана. Но опять-таки, если мы начнемъ разбираться въ вопросѣ, что именно въ этой драмѣ дало ей такую власть надъ зрителемъ, то мы убѣдимся, что вся сила драмы не въ оригинальной постановкѣ вопроса, не въ его рѣшеніи, конечно (которое себѣ истинный реалистъ и не могъ позволить), а снова и, пожалуй, единственно въ вѣрномъ и точномъ воспроизведеніи жизни и въ упраздненіи рампы. Иллюзія доведена до высочайшей степени, и достигнуто это тѣмъ, что сцена заполнена не типами, а простыми людьми, самыми простыми и совсѣмъ не яркими, т.-е. такими, какіе обыкновенно дѣйствуютъ въ жизни. Имѣй Гауптманъ въ виду приковать наше вниманіе къ самому рабочему вопросу и заставить насъ задуматься надъ нимъ, онъ, конечно, усложнилъ бы психологію дѣйствующихъ лицъ своей драмы. Вѣдь вся трудность, вся философія рабочаго вопроса заключается не въ одной только эксплоатаціи неимущаго имущимъ и не въ отсутствіи жалости и любви у силь-

наго. Если уже брать рабочій вопросъ предметомъ обработки для трагедіи, то надо подчеркнуть то роковое, то фатальное, что заключено въ современныхъ соціальныхъ условіяхъ жизни. Объ борющіяся силы, и сила господствующая и сила подчиненная, должны быть представлены въ наибольшей полнотѣ и наиполномъ идейномъ и матеріальномъ вооруженіи, которое соотвѣтствуетъ тому значенію, какое капиталъ и трудъ имѣютъ въ дѣйствительности. Гауптманъ въ этой философіи вопроса не хотѣлъ разбираться и взялъ очень несложное противопоставленіе голодной, обнищавшей, доведенной до отчаянія массы и ея хозяевъ, въ которыхъ страсть къ наживѣ заглушила всѣ человѣческія чувства. Столкновеніе этихъ двухъ силъ, и притомъ столкновеніе чисто-физическое, наполняетъ собой всѣ акты драмы и разрѣшается въ послѣднемъ актѣ вмѣшательствомъ третьей физической силы, которая ничего не доказываетъ, ничего не объясняетъ, никакого отвѣта на вопросъ не даетъ, а только машинально останавливаетъ дѣйствіе.

Общегуманный этическій смыслъ трагической картины былъ Гауптману, повидимому, дороже, чѣмъ та соціальная тенденція, которую онъ такъ подчеркнулъ въ своемъ произведеніи. На это соображеніе наводитъ насъ судьба этой соціальной тенденціи въ послѣдующихъ созданіяхъ писателя. Будь эта тенденція сильна въ Гауптманѣ, имѣй онъ въ виду въ своей драмѣ протестъ и оборону извѣстной политико-соціальной идеи, онъ, конечно, не удовольствовался бы ея единичной и однократной защитой въ «Ткачахъ». Писатель съ настоящимъ политическимъ темпераментомъ, будь онъ даже очень крупный художникъ, не могъ бы удовлетвориться однимъ примѣромъ для поясненія своей проповѣди и, конечно, въ другихъ своихъ драмахъ не скрылъ бы своей тенденціи. У Гауптмана «Ткачи» единственная драма съ политической окраской, но и въ ней эта сторона вопроса отодвинута на второй планъ, а на первый выдвинута сторона этическая. Пьеса эта въ сущности — картина нравовъ, и вся сила ея въ художественномъ реализмѣ, доведенномъ до высшей степени художественной правды. Зритель придавленъ зрѣлищемъ и въ полной власти писателя, который сумѣлъ его переселить въ обстановку жизни совершенно для него новую и заставилъ перестрадать (въ самомъ точномъ и прямомъ смыслѣ этого слова) все, что на сценѣ происходитъ. «Ткачей» иногда сравнивали съ «Жерминалемъ» Зола, но между этими произведеніями искусства различія все-таки больше, чѣмъ сходства. «Жерминаль» тенденціозно-скомпонованная грандіозная картина, которая входитъ отдѣльной частью въ цѣлую серію историческихъ картинъ, поясняющихъ основную историко-соціальную мысль автора. Зола— соціологъ, защитникъ и иллюстраторъ извѣстной теоріи. Гауптманъ

въ «Ткачахъ»—художникъ-наблюдатель, не скрывающій, конечно, своихъ симпатій къ одной части дѣйствующихъ въ драмѣ лицъ, но очень мало заботящійся о какихъ бы то ни было теоріяхъ. Во всей всемірной литературѣ «Ткачамъ» трудно найти параллель, Бывали эпическія народныя поэмы, въ которыхъ развертывалось героическое преданіе, бывали трагедіи, въ которыхъ авторъ освѣщалъ народные идеалы, религіозные и нравственные, бывали героическія поэмы въ лицахъ, какъ, напр., «Вильгельмъ Телль» Шиллера—но до появленія «Ткачей» мы не имѣли настоящаго бытового героическаго жанра на сценѣ—жанра безъ малѣйшей идеализаціи въ сторону добра или зла, красоты или безобразія. Эта пьеса сохранитъ имя автора въ потомствѣ, хотя она меньше, чѣмъ другія его произведенія, даетъ матеріала для характеристики его собственнаго міросозерцанія.

IV.

Когда переходишь къ установленію главныхъ основъ міропониманія Гауптмана и къ тѣмъ вопросамъ общаго характера, которые всего чаще тревожатъ его душу, то прежде всего сталкиваешься съ однимъ соображеніемъ, которое грозитъ каждый выводъ обратить въ простое предположеніе. Сказалъ ли Гауптманъ все, что̀ имѣлъ сказать, достигъ ли онъ своего зенита какъ писатель? Хочется вѣрить, что нѣтъ, и, судя по тому смѣшенію стилей, какое царствуетъ въ его пьесахъ, по разнообразію тоновъ и ключей, въ какихъ они писаны, можно думать, что намъ еще долго ждать его послѣдняго слова.

Но и въ томъ, что̀ онъ успѣлъ сказать, намѣчаются нѣкоторые краеугольные вопросы нашей жизни, трагически освѣщенные художникомъ.

Особенно рельфно отмѣчена художникомъ вѣчно трагичная идея о неизбѣжномъ, непримиримомъ столкновеніи личности со средой, которой она предъявляетъ новыя, какъ она убѣждена, законныя требованія. Личность эта можетъ быть очень сильной или просто возвышающейся надъ общимъ ординаромъ, но она осуждена на борьбу, которая почти всегда приводитъ къ трагическому исходу.

Идея далеко не новая. Съ тѣхъ поръ какъ міръ себя помнитъ, онъ думалъ надъ этой печальной проблемой, и герой въ борьбѣ съ враждебной ему сверхъестественной силой или темной земной силой, его обступившей, былъ издавна любимымъ трагическимъ образомъ, который въ безчисленныхъ варіаціяхъ воспроизводило искусство. Столкновеніе античнаго героя со слѣпой судьбой, вызовъ, брошенный титанами верховному богу, покорность предопредѣленію, которую обнаруживалъ сильный человѣкъ послѣ безплоднаго ропота

на Бога, наконецъ всевозможные виды страданія героя въ его дружелюбныхъ или недружелюбныхъ столкновеніяхъ съ толпой, во главѣ которой онъ поставленъ или долженъ стать—все это разные моменты единой трагедіи, въ которой дѣйствующими лицами являются сильный умъ, сильная воля, сильное чувство человѣка и всѣ тѣ призраки или живые люди, которые становятся на пути развитія этой силы.

Внесло ли наше время что-нибудь новое въ постановку или въ рѣшеніе этого стараго вопроса?

Вопросъ, конечно, не потерялъ своей остроты; можно сказать даже съ увѣренностью, что трагизмъ его сталъ глубже. Отъ всякихъ мыслей взваливать на таинственную слѣпую судьбу наши собственные просчеты и несчастія мы отказались, хотя ощущеніе нашей зависимости отъ какой-то надъ нами поставленной силы отъ этого не стало меньше; успокаиваться въ молчаливомъ признаніи велѣній предопредѣленія мы также перестали, хотя попрежнему понятіе о Богѣ возбуждаетъ въ насъ надежду на конечное торжество того, что подсказываетъ намъ наша любовь и чувство справедливости. Противорѣчіе между сѣрой толпой и поставленной среди нея для ея блага сильной личностью осталось все то же и ощущается, пожалуй, еще больнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ представленіи человѣкъ выросъ, и вся отвѣтственность за его помыслы, чувства и дѣянія стала падать на него единолично. Культъ разума человѣческаго, одержавшаго столько блестящихъ побѣдъ въ послѣднее время, не далъ намъ того утѣшенія, на которое мы могли бы разсчитывать: онъ только заставилъ насъ болѣзненнѣе относиться ко всѣмъ несовершенствамъ нашей земной жизни. Всяческое оправданіе добра, которое намъ за послѣднее столѣтіе давала и свободная религія, и философія, и наука—при всей своей теоретической глубинѣ тоже не дало утѣшенія. Чѣмъ больше насъ хотѣли увѣрить, что мы по естеству нашему къ добру склонны и даже вопреки нашей злой волѣ идемъ къ осуществленію его завѣтовъ,—тѣмъ трагичнѣе становился нашъ взглядъ на соціальныя неурядицы, которыя происходили и происходятъ именно отъ недостатка въ насъ естественной склонности къ добру. Наконецъ и наука, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, отъ науки естественно-исторической до политической и экономической, наука, подарившая насъ истинами или теоріями, претендующими на истинность, которыми многія жестокости нашей жизни были какъ бы оправданы—заставила насъ задуматься надъ трагической судьбой тѣхъ, кто силенъ и чуткъ, и желалъ бы въ самихъ законахъ природы вычитать нравственную тенденцію и найти въ нихъ оправданіе добра. Какіе бы успѣхи наша цивилизація ни дѣлала, всегда повыше-

ніе тѣхъ требованій, которыя мы предъявляемъ человѣку, будетъ источникомъ великихъ скорбныхъ мыслей о несовершенствѣ условій нашей земной жизни. Въ особенности въ послѣднее время, когда объ этихъ условіяхъ такъ много было говорено, когда наше вниманіе было преимущественно устремлено на ихъ изученіе и улучшеніе, всякая соціальная или нравственная аномалія должна очень болѣзненно на насъ отзываться; и потому борьба противъ этихъ аномалій, борьба и въ настоящее время очень трудная и въ большинствѣ случаевъ съ печальнымъ исходомъ—дѣлаетъ трагическій смыслъ жизни еще болѣе ощутительнымъ.

V.

Пьесы, въ которыхъ Гауптманъ касается этой трагической борьбы отдѣльной личности за свои ли личныя права или за права общечеловѣческія, дѣлятся по техникѣ выполненія и по замыслу на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличныхъ группы; однѣ выдержаны въ стилѣ строгаго реализма, другія въ большей или меньшей степени символичны.

Драма «Передъ восходомъ солнца» (1889), съ которой Гауптманъ началъ свою дѣятельность, имѣла крупный успѣхъ и заставила нѣмцевъ вспомнить о «Власти тьмы» Толстого. Имъ показалось, что Гауптманъ писалъ свою пьесу подъ впечатлѣніемъ нашей крестьянской трагедіи. Но едва ли между этими двумя произведеніями есть какое-нибудь сходство, кромѣ чисто-внѣшняго простонароднаго колорита. Въ основной своей идеѣ они расходятся: драма Толстого построена на покаяніи и казни преступнаго человѣка, который свою собственную личность посмѣлъ поставить выше закона; драма Гауптмана—исповѣдь души отнюдь не преступной, а наоборотъ, очень чистой, которая, не имѣя силъ бороться противъ затягивающей ее тины, предпочитаетъ умереть, чѣмъ покориться... Главная фигура драмы — несчастная Елена, выросшая въ семьѣ алкоголиковъ и осужденная на гибель, какъ и всѣ другіе члены ея несчастной семьи. Этотъ семейный алкоголизмъ—своего рода фатумъ, который придаетъ чисто-житейской драмѣ оттѣнокъ настоящей трагедіи въ высокомъ смыслѣ. Личная инициатива борющагося человѣка, его добрая воля, его совершенно ясное сознаніе той опасности, какой онъ подвергается—всѣ эти по-своему героическія усилія характера парализованы враждебной силой, которая можетъ ихъ превратить въ ничто и всецѣло подчинить себѣ человѣка. Но изобразить гибель героини подъ непосредственнымъ ударомъ самой судьбы значило вернуться къ старому, давно отжившему представленію и съ современной точки зрѣнія уменьшить силу трагизма. Мы на такую гибель человѣка подъ тяжестью

условій, въ созданіи которыхъ его добрая воля не участвовала, смотримъ какъ на случайность. Трагизмъ положенія Елены надлежало усложнить именно вмѣшательствомъ человѣческой воли, и отъ этой сознательной воли она должна была погибнуть. Такъ и сдѣлалъ авторъ. Онъ въ этотъ домъ алкоголиковъ привелъ убѣжденнаго соціалъ-демократа — проповѣдника самыхъ новѣйшихъ истинъ, направленныхъ на обновленіе соціальнаго строя и искорененіе всѣхъ соціальныхъ пороковъ, въ томъ числѣ, конечно, и того порока, какимъ страдаетъ несчастная семья, куда судьба забросила обновителя. Искренность и смѣлость сужденій этого соціалъ-демократа, конечно, кружатъ голову несчастной дѣвушки, которая въ своей семьѣ кромѣ пошлости ничего не слыхала и кромѣ пьянаго и иного безобразія ничего не видала. Она влюблена въ проповѣдника и онъ въ нее, и даже рѣшена свадьба, когда наконецъ случайно онъ узнаётъ, въ какую семью онъ попалъ. Такъ какъ онъ поставилъ себѣ для осуществленія своихъ соціальныхъ теорій ближайшей цѣлью имѣть безусловно здоровое потомство, то — прямолинейный въ своемъ поведеніи — онъ покидаетъ гостепріимный домъ и пишетъ несчастной Еленѣ на прощаніе письмо, которое ведетъ ее къ самоубійству. Кто собственно погубилъ эту дѣвушку, несомнѣнно борющуюся противъ среды, которая ее опутала? Если сказать, что ее погубила эта среда, то это вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что этой среды испугался ея спаситель. И именно въ этомъ-то и заключается весь повышенный трагизмъ драмы Гауптмана. Виновникомъ гибели героини является уже не слѣпая судьба, не законъ наслѣдственности, а добрая воля сознательнаго человѣка, который къ тому же несомнѣнно желаетъ добра. Принципіальная жестокость, которую онъ обнаруживаетъ, жестокость, требующая для себя жертвы, и притомъ невинной жертвы, ради соціальнаго блага—вотъ то истинно-трагическое начало современной жизни, которое такъ рельефно выдѣлилъ Гауптманъ въ простой, повидимому, жанровой картинѣ. И на самомъ дѣлѣ, развѣ мало въ нашей жизни случаевъ, при которыхъ на добро направленная воля не останавливается передъ жертвоприношеніемъ личности ради блага общаго—и при томъ блага, нерѣдко очень отдаленнаго? Какъ часто теорія, которая направлена на то, чтобы поднять общій умственный и нравственный уровень среды, въ своемъ поступательномъ ходѣ сметаетъ вмѣстѣ съ отжившимъ и достойнымъ смерти и полное надеждъ и обѣщаній?

Сходная идея, но только въ иной варіаціи, проведена и въ драмѣ Гауптмана «Одинокіе» (1891). Опять передъ нами какъ будто простая картинка нравовъ—случай; а между тѣмъ въ этомъ случаѣ обнаруженъ общечеловѣческій смыслъ и всѣмъ намъ, современнымъ людямъ, очень понятный.

Завязка драмы очень несложна. Простая семейная исторія, если судить только по внѣшнему развитію дѣйствія. Такихъ семейныхъ ссоръ, которыя основаны на неравенствѣ умственнаго развитія супруговъ, очень много, и кончаются онѣ обыкновенно какимъ-нибудь семейнымъ разваломъ или глухой затяжной войной. Въ драмѣ Гауптмана она закончена самоубійствомъ мужа. Если начать разбираться въ мотивахъ, которые привели къ этому концу, то увидишь, что эта съ виду столь ординарная трагедія — лишь предлогъ для постановки крайне сложнаго этическаго вопроса. Что привело Іоганнеса Вокерата къ рѣшенію съ собой покончить? Встрѣча его съ курсисткой, которая первая отвѣтила на его умственные запросы и дала ему почувствовать, что она, и какъ женщина, къ нему неравнодушна? Но изъ пьесы не видно, чтобы эта любовь достигла той степени, которая не допускаетъ разлуки. Вокератъ и курсистка разстаются еще до того момента, когда страсть вступаетъ въ свои права. Это не самоубійство отъ любви. Нельзя признать его и самоубійствомъ отъ скуки, послѣ отъѣзда единственнаго человѣка, который способенъ откликаться на душевную жизнь другого. Скука была и раньше, и Вокератъ, при всей своей нервной развинченности, достаточно силенъ, чтобы нести этотъ крестъ дальше. Наконецъ, если присмотрѣться къ отношеніямъ, которыя установились между Іоганнесомъ и его женой, то ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать враждебными. Эти отношенія даже любовныя и нѣжныя и съ той и съ другой стороны. Жена отлично понимаетъ, что она ничего кромѣ своей любви не можетъ дать мужу, что онъ скучаетъ съ ней; мужъ, со своей стороны, ни на минуту не теряетъ нѣжнаго чувства къ женѣ и къ своей семьѣ, и требуетъ только одного, чтобы рядомъ съ женой около него стало другое лицо, которое удовлетворяло бы совсѣмъ инымъ его чувствамъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ къ женѣ питаетъ. Разлюбить жену онъ не можетъ, бросить ее онъ ни въ какомъ случаѣ не желаетъ, разстаться со своей новой подругой онъ также не хочетъ, потому что въ отсутствіи ея умретъ духовно, наконецъ удержать ее при себѣ онъ не можетъ, потому что противъ этого рѣшенья возстаетъ вся современная этика. Въ требованіяхъ этой современной этики и кроется вся трагическая завязка пьесы: вѣдь въ сущности то, чего хочетъ герой, это—новой формы семьи. Семьи вообще онъ не отрицаетъ, но желаетъ только большей свободы для тѣхъ, кто рѣшился взять на себя ея обязательства. Онъ желаетъ признанья такой новой семьи со стороны общества, а также и добровольнаго признанья ея со стороны лицъ, которыя входятъ въ его семью стараго типа. Можно спорить, конечно, противъ такого «расширенья» семьи, но нельзя не согласиться, что въ мысляхъ, которыя высказываетъ этотъ семейный индивидуалистъ,

нѣтъ ничего антигуманнаго или безнравственнаго. И вотъ возникаетъ та трагедія, при которой человѣкъ, сознающій себя нравственно правымъ и не желающій никому причинить страданіе, видитъ, что его законная мысль становится источникомъ мученій для всѣхъ близкихъ ему лицъ и грозитъ замкнуть его въ еще болѣе тѣсный кругъ личной, одинокой жизни. Старыя традиціонныя мнѣнія среды противъ него; противъ него любовь всѣхъ близкихъ, противъ него наконецъ онъ самъ, который чувствуетъ, что онъ виновникъ несчастія. Добровольная смерть выводитъ его изъ всѣхъ этихъ затрудненій.

Основная идея трагедіи, какъ видимъ, напоминаетъ идею драмы «Передъ восходомъ солнца». И здѣсь и тамъ—смерть людей невинныхъ, идущихъ къ добру, борющихся по мѣрѣ силъ съ тѣмъ, что называется косностью среды, и смерть эта—что всего трагичнѣе—приходитъ къ нимъ не оттуда, откуда они могли бы ждать ее, не отъ враговъ ихъ: ее несетъ имъ новизна, тотъ новый взглядъ на отношеніе личности и среды, который обѣщаетъ имъ спасеніе и разрѣшеніе мучившихъ ихъ противорѣчій.

Съ этой же мыслью въ новой варіаціи встрѣчаемся мы у Гауптмана и въ драмѣ «Михаэль Крамеръ» (1900). Драма несомнѣнно съ философскимъ смысломъ, только этотъ смыслъ слишкомъ широкъ и глубокъ для того случая, изъ котораго онъ выведенъ. Слишкомъ мало дано намъ матеріала для характеристики молодого Крамера, чтобы изъ его трагической судьбы дѣлать тотъ выводъ, какой желателенъ автору. Драма въ сущности есть исторія непонятой и непризнанной души молодого художника. Мы знаемъ, что онъ одаренъ большимъ талантомъ, что онъ безобразенъ по внѣшности и съ этимъ безобразіемъ помириться не можетъ, что наконецъ семейная среда, въ которой онъ растетъ, не только не способствуетъ росту его дарованія, но въ концѣ разрушаетъ его темпераментъ, какъ человѣка и художника. Тонкая и чуткая натура, онъ —въ виду страшно безшабашнаго отношенія къ своему таланту—не можетъ въ немъ найти удовлетворенія и наполнить имъ свою жизнь: одинокій въ семьѣ, онъ не имѣетъ никого, кто помогъ бы ему нести тяготу его нервной и вмѣстѣ съ тѣмъ праздной жизни, наконецъ, влюбленный безнадежно и страстно, но осмѣянный, онъ подъ аффектомъ видитъ въ смерти своего единственнаго друга. Кто виноватъ въ его крушеніи?.. Авторъ не скрываетъ виновника и указываетъ на его отца—на убѣжденнаго художника, на спокойнаго и увѣреннаго жреца искусства, который, зная, какой талантъ въ душѣ его сына хранится, былъ страшно суровъ и не сумѣлъ направить эту артистическую натуру. Неделикатно и невнимательно относился онъ къ грѣхамъ и распутству юноши, спасая въ немъ художника и забывая, что въ данномъ случаѣ артистъ и безпутный человѣкъ не-

отдѣлимы другъ отъ друга. Только послѣ смерти сына старикъ начинаетъ понимать, что помимо таланта существуетъ еще и иная цѣнность, съ которой также необходимо обращаться бережно, а именно—жизнь человѣка. Мистическій конецъ драмы можно толковать разно, но, независимо отъ конца, пьеса сохраняетъ свой трагическій смыслъ,—и вновь передъ нами возникаетъ тотъ же вопросъ, который стоялъ, когда мы смотрѣли на «Одинокихъ» и на трагедію «Передъ восходомъ солнца». Несомнѣнно, среда губитъ всѣхъ этихъ людей, но характерно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ ударъ нанесенъ людьми или понятіями, которые въ сущности имѣютъ въ виду улучшеніе и исправленіе той самой среды, которая затягиваетъ человѣка. Какой-то своеобразный фатумъ, на старый непохожій, распоряжается нами и въ новомъ свѣтѣ показываетъ намъ трагическій смыслъ нашей жизни, которая требуетъ жертвъ въ лицѣ наиболѣе чуткихъ ея участниковъ. Источникомъ гибели этихъ чуткихъ людей являются не слѣпо враждебныя имъ силы, а такія, которыя конечной своей цѣлью ставятъ торжество на землѣ болѣе справедливаго и счастливаго порядка.

Надъ этимъ запутаннымъ и труднымъ вопросомъ Гауптманъ много думалъ. Онъ, конечно, не рѣшилъ его, не исчерпалъ его, да онъ и не могъ этого сдѣлать, такъ какъ самый вопросъ только еще обостряется и становится на очередь. Въ сложной исторіи столкновенія личности со средой поэтъ прежняго времени останавливался преимущественно на самомъ героѣ, погибающемъ или торжествующемъ въ борьбѣ съ враждебной судьбой или враждебными ему людьми. Всегда полагалось, что герой правъ во всемъ. Но пришлось наконецъ натолкнуться на трагическое положеніе, когда спасительная теорія губитъ людей не меньше, чѣмъ порядокъ, противъ котораго эта теорія направлена, или когда герой въ борьбѣ за идею причиняетъ людямъ, и невиннымъ людямъ, боль не меньшую, чѣмъ та, которую имъ причиняла косная традиція.

VI.

Эти новыя осложненія стараго вопроса Гауптманъ не могъ пояснять только на реальныхъ примѣрахъ. Какъ художникъ, онъ понималъ, что вопросъ очень глубокъ, что на частныхъ случаяхъ разъяснить его трудно, и онъ облекъ его въ символическую форму.

Сначала Гауптманъ попробовалъ пойти дорогой средней между реализмомъ и символизмомъ и принялся за разработку исторической темы. Онъ написалъ историческую хронику изъ временъ крестьянской войны въ эпоху Реформаціи. Драма эта: «Флоріанъ Гейеръ» (1896) не имѣла никакого успѣха. Очень скучная и совершенно не сценичная, она продвигала на авансцену какой-то

неясный обликъ аристократа-индивидуалиста—борца за демократическую эгалитарную идею. Многимъ пьеса напомнила драму Гёте «Гецъ фонъ-Берлихингенъ», и сравненіе было, конечно, не въ пользу Гауптмана. Но кромѣ этого сама концепція сильной личности, которая отстала отъ своей дворянской среды и съ нею враждуетъ, а слиться со средой крестьянской не можетъ и остается ею непонятой, этотъ старый контрастъ, нѣкогда въ литературѣ очень распространенный — теперь не могъ заинтересовать своей уже потертой драматичностью. Больной современный вопросъ, надъ которымъ думалъ Гауптманъ, въ эти узкія историческія рамки никакъ не вмѣщался. Пришлось ихъ раздвинуть, и художникъ изъ реалиста и историка превратился въ символиста. Онъ написалъ свою знаменитую драматическую сказку: «Потонувшій колоколъ» (1896).

Пьеса эта имѣла колоссальный успѣхъ на всѣхъ сценахъ и вызвала много толкованій, которыя взялись расшифровать ея таинственный смыслъ. Рѣшеній таинственной загадки, которую хранила въ себѣ эта волшебная сказка, было дано очень много. Комментаторы, конечно, не сошлись въ толкованіи и не могли сойтись, такъ какъ пьеса Гауптмана — не строго-идейная вещь, проводящая опредѣленную, рѣзко выраженную мысль, а продуктъ свободной фантазіи, увлекшей самого художника. Поэтъ отдался своему вдохновенію и не смогъ подчинить его своей мысли. Получилась пестрая, удивительно красивая картина, въ которой художественныя детали заслоняли главную мысль, несомнѣнно потонувшую въ цѣломъ морѣ поэзіи, съ ней ничего общаго не имѣющей.

О поэтическихъ красотахъ этой сказки нѣтъ нужды распространяться: ее достаточно прочесть, чтобы почувствовать себя въ мірѣ живыхъ призраковъ и утратить способность отличать видѣніе отъ жизни. И замыселъ, и языкъ, и образы — все производитъ поэтическую иллюзію, которая не имѣетъ себѣ на сценѣ равной, за исключеніемъ развѣ только лучшихъ вещей Метерлинка. Останавливаясь на основной мысли этой сказки, которая несомнѣнно будетъ жить, какъ художественный образецъ современнаго символизма въ искусствѣ, надо отмѣтить прежде всего, что и тѣ части драмы, въ которыхъ высказана эта основная ея идея, осложнены побочными эпизодами, необычайно поэтичными и отвлекающими вниманіе читателя отъ главной темы. Къ числу такихъ эпизодовъ надо отнести, напримѣръ, всю исторію любви литейщика Генриха къ Раутенделейнъ — старый мотивъ о любви простыхъ смертныхъ къ феямъ, русалкамъ и разнымъ «дѣвамъ» горъ, лѣсовъ и морей, мотивъ необычайно нѣжный и грустный, использованный нашимъ авторомъ съ большимъ искусствомъ. Иногда кажется, что эта-то несчастная любовь и есть главная тема, что въ ней-то и заклю-

чена главная идея пьесы, но, конечно, въ этомъ необычайно красивомъ драматическомъ положеніи нѣтъ никакой идеи, а есть только настроеніе. Авторъ былъ самъ такъ этимъ настроеніемъ захваченъ, что забывалъ о мысли, которая призвала къ жизни всѣ эти призраки и видѣнія.

Жалко разгонять всѣ эти видѣнія, чтобы вмѣсто нихъ получить строгую и сухую идею. Но она есть, и ее надо отмѣтить въ виду ея связи со всѣми пьесами Гауптмана, о которыхъ говорено выше. Идея эта пояснена такимъ разсказомъ.

Извѣстный своимъ благочестіемъ и своей образцовой семейной жизнью, мастеръ Генрихъ во славу христіанскаго Бога вылилъ колоколъ; этотъ колоколъ, который надлежало повѣсить въ часовнѣ, въ горахъ, злые духи (даже не злые, а просто въ христіанскаго Бога не вѣрующіе) съ горной тропинки скатили въ озеро и потопили. Самъ мастеръ попалъ въ сѣти этихъ духовъ, и совсѣмъ новыя мысли зароились въ его головѣ, и совсѣмъ новымъ чувствомъ былъ онъ вдругъ охваченъ. Все, чѣмъ онъ жилъ раньше, весь смыслъ его прежней жизни былъ имъ сразу утраченъ; семью свою онъ забылъ и бросилъ, увлеченный горной феей, мысль — воздвигать во славу христіанскаго Бога часовни — показалась ему уже ничтожной сравнительно съ тѣмъ подъемомъ духа, тѣмъ титаническимъ чувствомъ, которое имъ завладѣло. Онъ сталъ помышлять о постройкѣ какого-то колоссальнаго храма на вершинѣ горы,—неизвѣстно какому богу посвященнаго. Онъ хотѣлъ создать нѣчто великое, въ чемъ должна была выразиться его собственная величественная личность; онъ самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ, но онъ заставилъ всѣхъ горныхъ духовъ служить своему дерзновенному дѣлу. И вотъ въ самый разгаръ работы къ нему пришли его покинутыя дѣти и принесли ему крынку слезъ, которыя выплакала его жена, прежде чѣмъ утопиться. Утопленница на днѣ озера стала звонить въ тотъ святой колоколъ, который нѣкогда былъ вылитъ ея мужемъ. Мастеръ услыхалъ эти звуки, въ немъ проснулась совѣсть, и со своей горной вершины онъ ринулся внизъ, къ людямъ, на спасеніе своей осиротѣвшей семьи. Но спасать было некого. Возвратъ къ старому былъ невозможенъ, и мастеръ вновь съ трудомъ приплелся на свои горы, чтобы увидать, какъ рушится и горитъ тотъ храмъ, который онъ строилъ, и чтобы навсегда потерять и горную фею, которая его не узнала послѣ его возвращенія. Смерть, конечно, разрѣшила всѣ его страданія.

Если приемотрѣться къ этому сухому остову поэтической сказки, то идея разсказа становится ясна. Вѣдь это хорошо намъ знакомая трагедія сверхчеловѣка, который для достиженія великаго готовъ пренебречь «малыми сими», но у котораго въ рѣшительный

моментъ не хватило духа и силы настоять на великомъ, вопреки нѣжнымъ чувствамъ и угрызеніямъ совѣсти. Трагедія несомнѣнно современная, близко граничащая съ тѣми идеями объ автономной личности, которая, въ своемъ стремленіи развернуть всѣ свои силы для достиженія полноты бытія, считаетъ себя въ правѣ стать выше всякихъ обязательствъ общественной и личной этики.

Вмѣстѣ съ несомнѣнной красотой художественнаго замысла и выполненія, эта идейная сторона пьесы создала ея всемірный успѣхъ. Въ драмѣ видѣли трагедію современнаго индивидуалиста, и притомъ не того призрачнаго индивидуалиста, психологія котораго разрабатывалась теоретически, а трагедію живого человѣка, которому надлежало свое сверхчеловѣчество оправдать въ кругу чисто-реальныхъ бытовыхъ отношеній. Противопоставленіе міра призрачнаго, въ горахъ, съ самой будничной бюргерской обстановкой въ деревнѣ, это столкновеніе пастора, учителя и цырюльника съ духами и борьба между ними изъ-за обладанія душой мастера, наконецъ это появленіе въ горахъ дѣтей мастера съ крынкою земныхъ слезъ,—все это смѣлое смѣшеніе реальнаго съ фантастическимъ вытекаетъ изъ строгаго умысла художника поставить сверхчеловѣка, насколько это возможно, ногами на землю и нарисовать его фигуру въ размѣрахъ болѣе реальныхъ и земныхъ, сохраняя однако ея идейность. И надо признать, что изъ всѣхъ повѣстей, романовъ и драмъ, иногда очень сильныхъ, въ которыхъ разные художники пытались сверхчеловѣка низвести съ облаковъ теоріи на землю—«Потонувшій колоколъ» самое смѣлое по замыслу произведеніе, въ которомъ бытовое и фантастическое, реальное и символическое, сверхчеловѣческое и гуманное удивительно гармонично слиты - что и придаетъ этой сказкѣ особую красоту возвышеннаго трагизма.

VII.

Трагизма въ жизни человѣческой всегда было много, но бывали вѣка, когда сознаніе трагическаго смысла бытія обострялось и углублялось въ людяхъ, вѣка особенно повышеннаго нравственнаго чувства въ людяхъ и упорной, согрѣтой глубокимъ чувствомъ гуманной работы въ борьбѣ со всѣми нравственными аномаліями земного существованія. Нашъ вѣкъ, несмотря на то, что онъ желѣзный и кровавый,—одинъ изъ самыхъ гуманныхъ въ томъ смыслѣ, что изысканіе способовъ борьбы съ этимъ желѣзомъ и кровью составляло одну изъ главныхъ заботъ всѣхъ идейныхъ его вождей; равно какъ и забота о всѣхъ обездоленныхъ и униженныхъ составляла основной параграфъ его политико-соціальной программы. Нельзя сказать, что видимые результаты окупили ту работу ума и главнымъ образомъ тѣ страданія душевныя, которыя сопровождали нашъ вѣкъ въ

его прогрессивномъ движеніи. Нѣкоторая нравственная усталость даетъ себя чувствовать, и выражается она отчасти въ вызывающемъ отношеніи къ тѣмъ самымъ гуманнымъ принципамъ, проведеніе которыхъ въ жизнь причиняло людямъ столько страданія, отчасти эта усталость выражается и въ той любви къ мечтѣ, къ міру нереальнаго во всѣхъ его видахъ, которое лежитъ въ основѣ и современныхъ религіозныхъ исканій, и всѣхъ новшествъ искусства. Мечта какъ вѣра, какъ успокоеніе, какъ утѣшеніе, мечта какъ бо́льшая реальность, чѣмъ сама жизнь, какъ обѣщаніе конечнаго торжества и побѣды идеала надъ жизнью—этотъ религіозно-философскій и эстетическій подъемъ души—онъ въ послѣднее время даетъ себя чувствовать, какъ одна изъ характерныхъ психическихъ чертъ нашего времени. Въ этой мечтѣ трагизмъ переживаемаго момента находитъ свое смягченіе и свое естественное дополненіе.

Неудивительно, что Гауптманъ, къ трагическому въ нашей жизни столь чуткій, отозвался и на эту основную тенденцію своего времени, на это тяготѣніе къ мечтѣ, въ которой людямъ дано было бы не одно только осужденіе и приниженіе жизни, а въ извѣстномъ смыслѣ награда за ея разочарованія и страданія.

Такая мечта улыбалась художнику, когда онъ писалъ «Ганнеле» (1893), «Бѣднаго Генриха» (1902) и «Пиппа пляшетъ» (1906). Драмамъ этимъ въ творчествѣ Гауптмана надо отвести совсѣмъ особое мѣсто. Онѣ въ конечномъ выводѣ даютъ настроеніе совершенно иное, чѣмъ то, какое выносишь изъ остальныхъ пьесъ нашего драматурга. Всегда его пьеса—за исключеніемъ, конечно, комедій—ссоритъ человѣка съ жизнью, ставя его лицомъ къ лицу съ вопросомъ, на который нѣтъ положительнаго отвѣта, передъ которымъ надо смириться, признавъ его трагическій смыслъ; и только въ этихъ «мечтательныхъ» пьесахъ намъ дано, если не рѣшеніе этихъ вопросовъ, то минутное забвеніе ихъ.

Пьеса «Ганнеле» или, какъ она называлась, «Вознесеніе Ганнеле» обошла всѣ сцены и поистинѣ можетъ назваться самой трогательной пьесой современнаго репертуара. Ее, конечно, можно понимать какъ картину страданій несчастнаго ребенка, оскорбленнаго, забитаго, котораго отецъ своей пьяной жестокостью толкнулъ на неудачное самоубійство, только продлившее агонію. Тогда эта картина нищеты и страданія и всѣ бытовыя детали дома призрѣнія бѣдныхъ, въ которомъ умираетъ Ганнеле—чистый и безпощадный жанръ, назначеніе котораго только усилить ссору человѣка съ жизнью. Но если понять всѣ эти земныя страданія какъ мрачный фонъ, на которомъ должно отчетливо проступить райское видѣніе, то совсѣмъ инымъ свѣтомъ озаряется эта грустная драма. Ей ставили въ упрекъ, что она воскрешаетъ старую сказку о загробномъ

блаженствѣ, т.-е. изображаетъ нѣчто совершенно гадательное. Но, не вступая въ пререканія о возможности или невозможности загробныхъ наградъ, можно признать, что сама мысль о такой наградѣ есть нѣчто реальное, не говоря уже о томъ, что за этими райскими видѣніями остается вѣчная правда идеала и правда надежды на награду за страданіе. Въ этомъ смыслѣ драма Гауптмана не простое повтореніе религіозной мечты, а мистерія, полная настроенія, совсѣмъ не отжившаго. Во всей всемірной литературѣ нѣтъ другой такой драмы, въ которой было бы такъ правдоподобно передано настроеніе экстаза измученной наивной человѣческой души, отказавшейся отъ всякой борьбы въ жизни и сохранившей только одну земную мысль о неизбѣжности суда надъ зломъ и награды за страданіе. «Ганнеле» не разсчитана на то, чтобы будить въ насъ какія-нибудь мысли, она должна настроить насъ на тотъ душевный тонъ, который далъ полетъ всѣмъ мечтамъ людей о загробномъ мірѣ. Эта мистерія вскрываетъ на нашихъ глазахъ одну изъ самыхъ глубокихъ тайнъ человѣческой психики,—ту затаенную нравственную мысль, или, вѣрнѣе, нравственное чаяніе, которое лежитъ въ основѣ религіознаго представленія о мірѣ. Не все ли равно, возникаетъ ли это чаяніе въ душѣ сильнаго человѣка, или слабаго ребенка?..

Успокаивающей и утѣшающей насъ грезой можно назвать и пьесу Гауптмана: «Бѣдный Генрихъ». Если «Ганнеле» — мечта о загробномъ воздаяніи, то эта драма — мечта объ искупленіи любовью на землѣ. Исторія любви наивной дѣвочки къ прокаженному рыцарю — своего рода житіе святой, и авторъ необычайно умѣло и художественно сохранилъ этотъ колоритъ старинной религіозной легенды. Но религіозность пьесы совсѣмъ особенная, современная, и она непохожа на старую религіозность, враждующую съ красотой и съ радостью. Несомнѣнно, что Оттегебе, готовая умереть за бѣднаго Генриха и увѣренная, что только ея кровь исцѣлитъ его отъ проказы — несомнѣнно, что она любитъ рыцаря совсѣмъ не духовной любовью, а настоящей земной любовью: рыцарь, который женится на ней послѣ своего исцѣленія, послѣ того чуда, которое совершилъ этотъ ребенокъ своей любовью — тоже мало похожъ на героя религіозной легенды. Но въ общемъ на пьесѣ лежитъ отпечатокъ святости, и это очень характерно именно для нашего времени, которое любовь понимаетъ не въ старомъ аскетическомъ смыслѣ, а въ жизнерадостномъ и обѣщающемъ счастіе здѣсь, на землѣ. При рѣшеніи разныхъ соціальныхъ вопросовъ мы привыкли говорить о любви, готовой на жертвы, и любви, которая украшала бы нашу жизнь и сдѣлала бы ее болѣе счастливой. Конечно, это любовь иного порядка, чѣмъ та, которая выведена въ драмѣ Гауптмана, но при символическомъ толкованіи «Бѣднаго Генриха»—можно эту мисте-

рію наивной, собою жертвующей любви понять именно какъ прославленіе того исключительно-таинственнаго, какъ бы съ небесъ упавшаго чувства, которое одно способно распутать затянувшіеся узлы нашихъ личныхъ и соціальныхъ отношеній. Во всякомъ случаѣ «Бѣдный Генрихъ» въ современномъ репертуарѣ самая нѣжная мистерія любви, въ которой самопожертвованіе и торжество сливаются вмѣстѣ въ нераздѣльное цѣлое. Понимать же эту любовь мы можемъ въ узкомъ или въ самомъ широкомъ смыслѣ.

«Ганнеле» и «Бѣдный Генрихъ», поставленные рядомъ съ бытовыми трагедіями Гауптмана, исполняютъ ту роль примиряющей и утѣшающей насъ мечты, которую въ жизни человѣчества отъ вѣка выполняла вѣра въ Бога съ ея ученіемъ о конечномъ торжествѣ справедливости на небесахъ и вѣра въ человѣка, который здѣсь на землѣ установитъ царство правды и счастія... Но какой бы утѣшительной, какой бы свѣтлой ни являлась такая мечта, она всегда грустна, и, вмѣстѣ съ восторгомъ и самозабвеніемъ, она будитъ въ нашемъ сердцѣ всегда щемящее меланхолическое чувство.

Должно-быть, это, совсѣмъ не поддающееся анализу, чувство хотѣлъ истолковать и пояснить въ образахъ Гауптманъ, когда писалъ свою пьесу: «Пиппа пляшетъ». Мы говоримъ: «должно-быть», потому что проникнуть въ замыселъ автора въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности.

Пьеса произвела на всѣхъ зрителей и читателей впечатлѣніе крайне странное: никто не могъ формулировать, что именно хотѣлъ ею сказать авторъ; и дѣйствительно, если искать мысли въ этомъ произведеніи, т.-е. мысли ясно опредѣленной, то это трудъ напрасный.

Но, помимо права излагать свои мысли, свои сужденія, нельзя же не признать за художникомъ такого же права передавать зрителю исключительно свое настроеніе. Обыкновенно такое настроеніе передается вмѣстѣ съ мыслью, вмѣстѣ съ извѣстной картиной, въ которой есть опредѣленное и закругленное содержаніе. Но отчего не передать такого настроенія въ картинахъ даже безсвязныхъ, въ картинахъ туманныхъ, съ содержаніемъ, расплывающимся въ неясностяхъ, въ намекахъ, въ совершенно фантастическихъ грезахъ, которыя самъ авторъ былъ бы, вѣроятно, объяснить не въ состояніи? Вѣдь нерѣдко бываютъ такія душевныя состоянія, при которыхъ только ощущаешь впечатлѣнія жизни, ощущаешь ихъ смутно, но сильно, и никакъ не можешь выяснить себѣ ихъ смысла. Такое ощущеніе бываетъ иногда очень поэтично, просится быть переданнымъ въ образахъ, и, конечно, эти образы всегда будутъ походить на туманъ, который стелется и мѣняетъ свои очертанія.

Кто собственно эта Пиппа, которая все пляшетъ? Въ ней много сходнаго съ нѣжной Раутенделейнъ изъ «Потонувшаго колокола»,

въ ней очень много родственнаго съ Миньоной Гёте. Игривая, веселая, нѣжная и полная любви мечта—она родилась за горами, въ волшебномъ городѣ, и судьба занесла ее въ снѣга, на сѣверъ, забросила въ общество людей грубыхъ, злыхъ или несчастныхъ, но вездѣ, куда ни закинетъ ее случай, она пляшетъ на радость себѣ и другимъ. Она всѣхъ въ себя влюбляетъ, и холоднаго, расчетливаго фабриканта, и огрубѣвшаго несчастнаго рабочаго, и мыслителя, и ученаго, и беззаботнаго поэта, который, на пути въ свою теплую родину, замерзаетъ въ снѣгахъ. Всюду, въ самую грубую, бѣдную обстановку несетъ она съ собой лучъ свѣта и тепла, чтобы вдругъ незамѣтно и безпричинно угаснуть и заставить любимаго ею человѣка ослѣпнуть, такъ какъ зачѣмъ ему зрѣніе, когда онъ остался одинъ безъ нея, когда онъ созерцалъ ее и теперь ее никогда больше не увидитъ?

Кто она?—на этотъ вопросъ едва ли найдется отвѣтъ, но только всякій, кто читаетъ эту драму, не можетъ не ощущать тепла и радости при встрѣчѣ съ этой пляшущей грезой, и грусти и тоски при разставаніи съ ней. А что это за греза, что она людямъ обѣщаетъ, куда зоветъ, зачѣмъ пляшетъ—остается такой же тайной, какъ любая наша веселая и гуманная надежда, свѣтлая идея, полная любви и утѣшенія мечта, которая всюду, во всѣхъ обстановкахъ, во всѣхъ состояніяхъ, у грубыхъ и нѣжныхъ людей, у прозаиковъ и поэтовъ, у богатыхъ и бѣдныхъ, вызываетъ то настроеніе, которое одинаково, при страшной бѣдности духовной или страшной бѣдности матеріальной, способно набросить поэтическій покровъ на скуку и тяготу жизни.

Въ «Пиппѣ» Гауптманъ далъ художественный образецъ драмы чистаго «настроенія». Ее можно понять и ее можно судить только по общему впечатлѣнію, не углубляясь въ ея запутанную символику.

VIII.

Какъ видимъ, Гауптманъ писатель очень разносторонній, при единствѣ той внѣшней формы, въ какую онъ облекаетъ свои поэтическіе замыслы.

Современная бытовая комедія ему обязана нѣсколькими игривыми пьесами, въ которыхъ есть и наблюдательность и юморъ, но въ которыхъ нѣтъ души самого писателя.

Это душа трагика, но умягченная большой примѣсью сентиментализма и мечтательности. Этотъ трагикъ иногда просто рисуетъ какую-нибудь страшную деталь нашей жизни съ поразительной художественной правдивостью и точностью, безъ широкихъ выводовъ и обобщеній; иногда же онъ останавливается передъ такими картинами жизни съ цѣлью уловить въ нихъ общій трагическій

смыслъ, подчеркнуть въ нихъ современную трагическую идею въ ея грозномъ и печальномъ проявленіи. Тогда онъ либо остается вѣренъ своей техникѣ строгаго реалиста, либо придаетъ своему замыслу символическую форму; изъ всѣхъ грозныхъ идей современности онъ пока всего чаще останавливался на запутанномъ этическомъ вопросѣ о трагической необходимости въ борьбѣ за лучшую и счастливую будущность жертвовать счастіемъ единицъ, на которыхъ не лежитъ никакой вины, но которыя фатально должны быть устранены при побѣдоносномъ шествіи новой идеи. Не съ враждебной людямъ судьбой, не съ людьми, враждебными новой идеѣ, борется герой,—онъ осужденъ на то, чтобы наносить раны тѣмъ людямъ, которые, можетъ-быть, всего больше его любятъ.

На реальныхъ примѣрахъ, какъ въ «Одинокихъ», «Передъ восходомъ солнца» и въ «Крамерѣ», а также въ символической сказкѣ о «Потонувшемъ колоколѣ» подчеркнулъ художникъ это трагическое положеніе человѣка, но онъ не оставилъ насъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ мрачной истины. Безпощадный и суровый въ изображеніи трагическихъ сторонъ нашей жизни, Гауптманъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ удивительный даръ будить въ зрителѣ интимнѣйшее чувство вѣры въ конечное разрѣшеніе всѣхъ земныхъ трагедій, чувство мечтательной надежды, религіозное чувство довѣрія и къ Богу и къ людямъ, однимъ словомъ, цѣлый рядъ «романтическихъ настроеній», въ которыхъ человѣкъ всегда находилъ и отдохновеніе и утѣшеніе въ земныхъ скорбяхъ. Рѣдко въ писателѣ встрѣчается такое красивое сочетаніе суроваго трагизма съ романтической нѣжностью.

И въ этомъ сочетаніи—оригинальность Гауптмана, какъ писателя. За его творчествомъ останется безспорно одно качество, качество въ искусствѣ наибольшей цѣнности:—художника нельзя принять за другого, и забыть его нельзя, и несомнѣнно, что, когда наше время станетъ историческимъ прошлымъ, всѣ созданные имъ трагическіе образы не потускнѣютъ, а, наоборотъ, на фонѣ нашей эпохи выступятъ болѣе выпукло и отчетливо.

Несторъ Котляревскій.

ПРЕДЪ ВОСХОДОМЪ СОЛНЦА.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ **В. М. Саблина.**

Драма «Предъ восходомъ солнца» (Vor Sonnenaufgang) является по времени написанія первою пьесою Герхарта Гауптмана. Она предстала на судъ публики въ 1889-мъ году. Ей по праву принадлежитъ первое мѣсто въ собраніи сочиненій Гауптмана. Это мѣсто занимаетъ она и въ лучшемъ нѣмецкомъ изданіи его сочиненій (Фишера, Берлинъ, 1906 г.), которому, какъ прошедшему санкцію самого творца «Ткачей» и «Ганнеле», намѣрено слѣдовать и настоящее, первое *полное* русское изданіе.

Раннѣйшее произведеніе Гауптмана: «Участь Прометидовъ» самимъ авторомъ исключено изъ его полнаго собранія. Первая поэма знаменитаго нѣмецкаго драматурга буквально раздѣлила судьбу перваго произведенія нашего Гоголя. Какъ русскій великій писатель самъ скупалъ и уничтожалъ своего «Ганса Кюхельгартена», такъ тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ своей поэмы, Гауптманъ изъялъ изъ обращенія все свое изданіе цѣликомъ.

Ту же участь раздѣлила и раннѣйшая пьеса писателя: «Тиверій». Два театра отказали юному Гауптману въ постановкѣ его произведенія. Гауптманъ не включилъ и этой юношеской вещи въ свои сочиненія.

«Предъ восходомъ солнца» открываетъ рядъ «соціальныхъ драмъ» Гауптмана. Первоначально авторъ хотѣлъ назвать драму «Сѣятель». Нынѣшнее названіе дано ей по совѣту молодого нѣмецкаго писателя Арно Гольца, которому вообще суждено было сыграть значительную роль въ писательской судьбѣ Гауптмана.

Именно Арно Гольцемъ былъ данъ Гауптману и самый толчокъ къ написанію драмы. Двадцатишестилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ Гауптманъ, по разсказу его біографа Шлентера *), познакомился съ нимъ въ Берлинѣ, въ 1889-мъ году, при посредствѣ своего друга І. Шлафа.

Гольцъ прочиталъ ему рядъ своихъ маленькихъ произведеній, между прочимъ разсказъ: «Papa Hamlet». Всѣ эти вещи были посвящены реальнѣйшему изображенію быта и характеровъ «низовъ»

*) Gerhart Hauptmann, sein Lebensgang und seine Dichtung, von Paul Schlenther, vierte Auflage, Berlin. 1898.

нѣмецкаго общества. Безпощадный, откровенный и точный, какъ фотографъ, Гольцъ спускался на самое «дно» этой жизни, показывалъ всѣ неприглядныя стороны существованія «бѣдноты» и ужасы порока и грязи.

Не менѣе этихъ литературныхъ произведеній повліяли на Гауптмана и самыя рѣчи Гольца, молодого, самобытнаго, заражающаго своими убѣжденіями. Онъ раздѣлялъ теорію такъ-называемаго «послѣдовательнаго натурализма» и являлся страстнымъ сторонникомъ натурализма Зола и врагомъ господствовавшаго тогда въ Германіи псевдореализма.

Какъ нельзя болѣе Гауптманъ былъ предрасположенъ къ усвоенію такихъ литературныхъ взглядовъ всѣмъ своимъ прошлымъ, начиная впечатлѣніями дѣтства въ окрестностяхъ Зальцбрунна, гдѣ онъ лицомъ къ лицу наблюдалъ неприкрытую крестьянскую жизнь. Гольцъ не создалъ Гауптмана, — онъ далъ ему только толчокъ къ выходу на настоящую дорогу, которую уже самостоятельно нащупывалъ будущій знаменитый драматургъ.

Гольцъ предложилъ Гауптману работать надъ драмою вмѣстѣ. Гауптманъ отклонилъ это предложеніе и, даже не познакомивъ собрата съ замысломъ своего произведенія, уѣхалъ въ Бергедорфъ, гдѣ скоро закончилъ работу. Благодарный своимъ друзьямъ, онъ издалъ драму въ свѣтъ съ посвященіемъ «Біарне П. Гольмсену». Подъ этимъ псевдонимомъ скрывались Арно Гольцъ и І. Шлафъ.

Первымъ цѣнителемъ настоящей силы начинающаго писателя явился извѣстный нѣмецкій беллетристъ Теодоръ Фонтанъ. Когда издатель пьесы послалъ ему одинъ экземпляръ на прочтеніе, Фонтанъ поздравилъ его съ тѣмъ, что авторъ идетъ по стопамъ Ибсена. Благодарный Фонтану за это первое признаніе, Гауптманъ посвятилъ ему свою вторую пьесу: «Праздникъ мира».

20 октября 1889 года руководитель берлинскаго «Свободнаго театра» Отто Брамъ поставилъ драму на сценѣ. Она прошла съ огромнымъ шумомъ. Счастье повернулось лицомъ къ молодому писателю, еще такъ недавно скупавшему свои книжки и получавшему отказы режиссеровъ. Съ этого момента, можно сказать, началась слава Гауптмана.

Нужно знать, что̀ представляла собою тогдашняя нѣмецкая сцена, чтобы понять громадный эффектъ, произведенный пьесою начинающаго драматурга. Въ нѣмецкомъ театрѣ процвѣтала сентиментальная драма писателей устарѣвшаго шиллеровскаго жанра, подражанія французскимъ салоннымъ пьесамъ съ неизбѣжнымъ прелюбодѣяніемъ и неуклюжій и банальный фарсъ. Гауптманъ далъ превосходную жизненную драму, перенеся центръ ея съ дѣйствія и фабулы на характеръ и среду, воспитывающую характеры.

Чистое стремленіе къ правдѣ и естественности, удивительная реальность пьесы, превосходно схваченный языкъ дѣйствующихъ лицъ произвели самое выгодное для автора впечатлѣніе. Постановка «Предъ восходомъ солнца» начала, какъ принято выражаться, новую эру въ нѣмецкой драматургіи. Бартельсъ *) готовъ сравнить эффектъ появленія этой драмы съ эффектомъ постановки шиллеровскихъ «Разбойниковъ».

Сужденія зрителей и критики о новой пьесѣ, однако, не были единогласными. Въ то время, какъ одни увидѣли настоящіе размѣры дебютирующаго писателя и его удивительный даръ схватыванія цѣликомъ

*) Gerhart Hauptmann, von Adolf Bartels, Berlin, 1906.

«кусковъ жизни», другіе не усмотрѣли здѣсь ничего, кромѣ грязи и низменности.

Русскому читателю этотъ расколъ въ умахъ можетъ напомнить исторію «Ревизора». Какъ Булгаринъ не хотѣлъ видѣть въ реализмѣ Гоголя ничего, кромѣ сала и «поль-де-коковщины», такъ нѣкоторые изъ критиковъ Гауптмана съ озлобленіемъ доказывали, что такихъ писателей надо гнать изъ храма искусства, что они вносятъ въ общество и литературу только грязь и цинизмъ.

Нужны были годы, чтобы и слѣпые увидѣли красоту и силу Гауптмана, почувствовали въ его драмахъ голосъ живой жизни, а въ немъ самомъ—чуткое поэтическое сердце. Какою, напримѣръ, благоуханною красотой вѣетъ отъ признанія Елены Лоту въ концѣ третьяго акта драмы и отъ милой бесѣды влюбленныхъ въ началѣ четвертаго, гдѣ Лотъ повторяетъ диктуемое ему прелестной дѣвушкой признаніе! Это чисто тургеневскіе тона.

Мастерство Гауптмана въ изображеніи женскихъ типовъ совершенно исключительно. Въ русской литературѣ, очень бѣдной матеріалами о Гауптманѣ, это отмѣчено К. Д. Бальмонтомъ, подмѣтившимъ и другую черту нѣмецкаго писателя: судьба всѣхъ женщинъ у него одинаково трагична.

Припомнимъ, что всегда то же было и у нашихъ Тургенева и Чехова.

Нѣмецкая драматургія шла позади искусства Франціи и сѣверныхъ странъ. Натурализмъ въ Германію проникъ съ опозданіемъ. Глубокій психологическій романъ русскихъ и столь же углубленное творчество норвежца Ибсена несомнѣнно оказало свое вліяніе на Гауптмана. Психологическое содержаніе его драмъ, ихъ захватывающій реализмъ и философская мысль, одухотворяющая произведеніе,—все это естественное «выявленіе» души Гауптмана. Но все это слагалось подъ извѣстными воздѣйствіями.

Иностранная критика, оцѣнивая «Предъ восходомъ солнца», очень дружно указываетъ обыкновенно на вліянія нашего Толстого,—въ частности «Власти тьмы», написанной въ 1886 году и тогда много шумѣвшей, Зола, —въ частности, его «Западни» и «Земли», и Ибсена,—въ частности, его «Призраковъ».

Трагизмъ первой драмы Гауптмана въ ужасѣ наслѣдственности. Эта же тема захватила Ибсена, въ пьесѣ котораго сынъ является передъ природой страшною расплатою за грѣхи отца, и Зола, спеціально разработавшаго ее въ серіи романовъ. Въ «Западнѣ» — на сценѣ та же трагедія алкоголизма, что и у Гауптмана. Трезвый реализмъ «Земли», такъ же какъ и безпощадная правда «Власти тьмы», могли подсказывать молодому драматургу, какъ надо писать.

Какого-либо ближайшаго сходства драмы Гауптмана съ «Властью тьмы», кромѣ общности внѣшняго, простонароднаго колорита, искать было бы напрасно. Психологическій моментъ обѣихъ драмъ совсѣмъ различенъ. Общаго обоимъ писателямъ только безпощадность ихъ касанія къ ужасамъ изображаемой ими темной среды. Русская темная деревня воспроизведена Толстымъ тѣмъ же пріемомъ, какимъ нѣмецкій драматургъ рисовалъ свой нѣмецкій «склепъ».

Въ воспроизведеніи чисто-простонароднаго языка Гауптманъ могъ быть болѣе подъ впечатлѣніемъ Зола. Толстого онъ читалъ только въ переводѣ. Во всякомъ случаѣ Гауптманъ вездѣ остался самимъ собою, и все въ пьесѣ—чисто-гауптмановское.

«Предъ восходомъ солнца» — одна изъ превосходныхъ пьесъ новаго

театра вообще, помимо ея историческаго значенія. Нужны были огромный талантъ и вкусъ, чтобы начать карьеру драматурга пьесою такого техническаго совершенства. Въ ней столько пропорціональности, вкуса, мастерства формы, не говоря объ удивительной выпуклости фигуръ, представляющихъ идеальный матеріалъ для вдумчиваго актера.

«Пьеса превосходна,—пишетъ о первой драмѣ Гауптмана знаменитый критикъ Г. Брандесъ:—правдивостью разговоровъ и изображенныхъ въ ней типовъ. Это настоящее мастерское произведеніе».

И это не грубое и случайное фотографированіе или списываніе природы. Надо всѣмъ произведеніемъ вѣетъ явственно ощутимое дыханіе писательской совѣсти, осуждающей и благословляющей и прекрасно тоскующей по хорошей женской душѣ, которой еще не выпадаетъ счастье въ грустныхъ условіяхъ нашего грустнаго существованія.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Представленіе этой драмы состоялось 20-го октября въ Лессингъ-театрѣ и было организовано союзомъ «Свободной сцены». Пользуюсь случаемъ появленія новаго изданія, чтобы отъ всего сердца благодарить руководителей этого союза, въ особенности Отто Брама и П. Шлентера. Пусть будущее покажетъ, что они, вызвавъ къ жизни, вопреки мелочнымъ соображеніямъ, произведеніе, вытекшее изъ чистыхъ мотивовъ,—сослужили службу нѣмецкому искусству.

Шарлоттенбургъ, 26 октября 1889 г.

Герартъ Гауптманъ.

ПРЕДЪ ВОСХОДОМЪ СОЛНЦА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Краузе, богатый крестьянинъ.
Г-жа Краузе, его вторая жена.
Елена, Марта } его дочери отъ перваго брака.
Гофманъ, инженеръ, мужъ Марты.
Вильгельмъ Кааль, племянникъ г-жи Краузе.
Г-жа Шиллеръ, компаньонка г-жи Краузе.
Альфредъ Лотъ.
Д-ръ Шиммельпфеннигъ.
Бейбстъ, рабочій въ имѣніи Краузе.
Густа, Лиза, Марія } дѣвушки въ имѣніи Краузе.
Баэръ, по прозванью Гопслабаэръ.
Эдуардъ, слуга Гофмана.
Миля, горничная г-жи Краузе.
Скотница.
Голишъ, по прозванью Гошъ, пастухъ.
Посыльный.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Низкая комната, полъ покрытъ хорошимъ ковромъ, вся обстановка деревенская, но съ претензіей на моду; на стѣнѣ, позади обѣденнаго стола, картина, изображающая повозку, запряженную четверкой, съ возницей въ синей блузѣ.

(Миля, коренастая крестьянская дѣвушка, съ краснымъ, глуповатымъ лицомъ, отворяетъ среднюю дверь и впускаетъ Альфреда Лота. Лотъ средняго роста, широкоплечій, коренастый, съ рѣшительными, немного угловатыми манерами. Русые волосы, голубые глаза, жиденькіе русые усы, лицо костистое, выраженіе лица серьезное, одѣтъ прилично, но не по модѣ. На немъ лѣтнее пальто, черезъ плечо сумка, въ рукахъ палка).

Миля. Пожалуйте, я сейчасъ позову господина инженера. Присядьте пока.

(Стеклянная дверь въ зимній садъ быстро отворяется. Врывается крестьянка съ сине-багровымъ лицомъ отъ злости. Одѣта не лучше прачки. Голыя, красныя руки, синяя юбка и корсажъ. Красный съ крапинами платокъ на груди. Ей лѣтъ сорокъ, лицо грубое, животное, злое. Въ общемъ хорошо сохранилась).

Г-жа Краузе (кричитъ). Эй, дѣвка... такъ и есть... Бѣда съ этими бабами... Вонъ отсюда... мы не подаемъ... (Обращаясь не то къ Милѣ, не то къ Лоту). Работать надо, руки есть. Вонъ, вонъ. Здѣсь не подаютъ.

Лотъ. Позвольте, сударыня... Вѣдь вы... я... моя фамилія Лотъ... я желалъ бы... я даже не имѣю намѣ...

Миля. Я только хотѣла доложить г-ну инженеру...

Г-жа Краузе. У моего зятя выпрашивать, знаемъ мы это... У него ничего нѣтъ здѣсь своего. (Дверь направо отворяется, Гофманъ просовываетъ голову).

Гофманъ. Мамаша, прошу тебя... (Выходитъ, обращаясь къ Лоту). Это что? Альфредъ! Дружище! Господи, да неужели же это ты? Вотъ это... это ты умно придумалъ. (Гофманъ, лѣтъ тридцати, стройный, худой, высокаго роста. Одѣтъ по послѣдней модѣ, элегантно причесанъ, на пальцахъ дорогія кольца, брильянтовыя запонки въ манишкѣ и брелоки на цѣпочкѣ. Волосы густые, усы пышные и холеные. Лицо птичье. Выраженіе лица неопредѣленное, глаза черные, живые, иногда безпокойные).

Лотъ. Я, собственно говоря, совершенно случайно...

Гофманъ (возбужденно). Ахъ, это такъ мило... Ну, это потомъ. (Онъ пробуетъ снять съ него сумку). Болѣе пріятнаго сюрприза рѣшительно не могло случиться. (Беретъ у него шляпу и палку и кладетъ все на стулъ около двери). Рѣшительно не могло...

Лотъ (самъ снимая сумку). Я, собственно говоря, къ тебѣ совершенно случайно. (Кладетъ сумку на столъ на авансценѣ).

Гофманъ. Садись. Ты навѣрно усталъ,—садись, пожалуйста. Помнишь? Когда ты прежде ко мнѣ приходилъ, всегда, бывало, бросался на диванъ, такъ что пружина звенѣла и подбрасывала тебя. Ну-ка, вспомни старину. (Г-жа Краузе смотритъ удивленно и уходитъ. Лотъ садится на одно изъ креселъ, стоящихъ на авансценѣ вокругъ стола).

Гофманъ. Ты что̀ пьешь? Пиво? Вино? Коньякъ? Кофе? Чай? Все есть.

(Изъ зимняго сада выходитъ, читая, Елена: ея большая, пожалуй, даже грубая фигура, прическа ея роскошныхъ волосъ, выраженіе лица, модное платье, походка и весь общій видъ—все-таки не могутъ скрыть ея крестьянскаго происхожденія).

Елена. Ты бы могъ, зятекъ... (Замѣчаетъ Лота и быстро скрывается). Простите, ради Бога. (Уходитъ).

Гофманъ. Куда ты, останься!

Лотъ. Твоя жена?

Гофманъ. Нѣтъ, ея сестра. Развѣ ты не слышалъ, какъ она меня величаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Недурна? А?.. Ну, говори же наконецъ, что ты хочешь? Кофе? Чаю? Грогу?

Лотъ. Спасибо, спасибо за все.

Гофманъ (предлагаетъ ему сигару). Ну, можетъ-быть, это? Тоже нѣтъ?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Скромность, достойная удивленія! (Закуриваетъ сигару и въ это время говоритъ) Не... пепелъ, то-есть табакъ, хотѣлъ я сказать... фу, ты... ну, дымъ... дымъ, конечно, тебѣ не мѣшаетъ?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Если бы у меня и этого не было... Но разсказывай все, наконецъ. Вѣдь десять лѣтъ прошло, — хотя ты, впрочемъ, мало измѣнился, — десять лѣтъ времени много. Ну, что̀ подѣлываетъ Ш... Шнурцъ, кажется, такъ? Фипсъ, вся наша веселая компанія? Имѣешь ты о нихъ свѣдѣнія?

Лотъ. Развѣ ты не знаешь?

Гофманъ. Что̀?

Лотъ. Что онъ застрѣлился.

Гофманъ. Еще застрѣлился? Кто?

Лотъ. Да Фипсъ! Фридрихъ Гильдебрантъ.

Гофманъ. Да что̀ ты?

Лотъ. Да, застрѣлился въ Грюневальдѣ, въ живописномъ мѣстѣ, на берегу Гавельскаго озера. Я былъ тамъ, оттуда видъ на Шпандау.

Гофманъ. Отъ него я этого не ожидалъ. Финсъ не былъ похожъ на героя.

Лотъ. Потому и застрѣлился. Онъ былъ добросовѣстный, черезчуръ добросовѣстный человѣкъ.

Гофманъ. Добросовѣстный? При чемъ же это тутъ?

Лотъ. Да, именно поэтому... не будь этого, онъ, конечно, не застрѣлился бы.

Гофманъ. Ничего не понимаю.

Лотъ. Ну, ты помнишь его позитивистическія убѣжденія?

Гофманъ. Какъ же. Онъ вѣдь былъ зеленый.

Лотъ. Совершенно вѣрно. Ты вѣдь не будешь отрицать того, что онъ былъ безусловно талантливый юноша. Пять лѣтъ онъ работалъ простымъ штукатуромъ, затѣмъ пять голодалъ и лѣпилъ маленькія статуэтки.

Гофманъ. Ужасное занятіе. Я понимаю искусство, какъ развлеченіе... Нѣтъ, подобнаго рода искусство не по моему вкусу.

Лотъ. Я тоже не любитель, но онъ ужъ пошелъ на это. Прошлой весной они кончали памятникъ, какого-то князька увѣковѣчили. Финсъ принималъ участіе и заработалъ. Вскорѣ послѣ этого онъ застрѣлился.

Гофманъ. Но гдѣ здѣсь добросовѣстность, рѣшительно не понимаю. Это можно назвать только блажью, сплиномъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ.

Лотъ. Да, но это общая участь.

Гофманъ. Очень жаль, но все-таки я съ нимъ не согласенъ.

Лотъ. Ну, для него-то совершенно безразлично, что...

Гофманъ. Да и вообще оставимъ этотъ разговоръ. Я его жалѣю не меньше, чѣмъ ты, но вѣдь онъ уже умеръ. Славный малый былъ... Разскажи лучше что-нибудь про себя, какъ ты жилъ, что̀ подѣлывалъ?

Лотъ. Со мной случилось, что̀ я и ожидалъ. Развѣ ты ничего про меня не слышалъ? То-есть изъ газетъ?

Гофманъ (немного смущенный). Нѣтъ.

Лотъ. Не слыхалъ про мою лейпцигскую исторію?

Гофманъ. Ахъ, про это. Да. Только такъ, случайно.

Лотъ. Дѣло было вотъ какъ...

Гофманъ (беря его за руку). Прежде чѣмъ ты начнешь разсказывать, скажи, ты въ самомъ дѣлѣ ничего не хочешь?

Лотъ. Попозднѣй, можетъ-быть.

Гофманъ. Ну, рюмочку коньяку?

Лотъ. О, нѣтъ. Этого во всякомъ случаѣ нѣтъ.

Гофманъ. Ну, а я выпью рюмочку... Ничего нѣтъ лучше для желудка. (Приноситъ бутылку и двѣ рюмки изъ буфета, ставитъ все это на столъ передъ Лотомъ). Grand Champagne, лучшая марка. Можетъ, выпьешь?

Лотъ. Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ (выпиваетъ). А!.. теперь я весь—вниманіе.

Лотъ. Коротко и ясно: влетѣлъ я сильно.

Гофманъ. На два года, кажется?

Лотъ. Совершенно вѣрно. Однако ты, повидимому, освѣдомленъ. Два года тюрьмы, а потомъ меня исключили изъ университета. Тогда мнѣ былъ двадцать одинъ годъ. Во время этого двухлѣтняго заключенія я написалъ мое первое сочиненіе по политической экономіи. Чтобы было очень пріятно сидѣть въ тюрьмѣ, этого я не скажу.

Гофманъ. И какъ только можно было это устроить? Удивляюсь! Надо же было забить себѣ это въ голову. Просто представить себѣ не могу, чтобы ты выкинулъ такое ребячество. Отправиться въ Америку такимъ молокососамъ, какъ мы! Мы—и основаніе образцоваго государства, удивительное зрѣлище!

Лотъ. Ребячество? Да! Въ извѣстномъ отношеніи это была дѣйствительно ребяческая выходка. Мы не разсчитали всей трудности такого предпріятія.

Гофманъ. И ты дѣйствительно поѣхалъ въ Америку, совершенно серьезно, съ пустыми руками... Ну какъ же назвать это? Безъ всякихъ средствъ мечтать объ устройствѣ образцоваго государства, нѣтъ, это прямо... по меньшей мѣрѣ наивно.

Лотъ. Вотъ, какъ разъ, представь себѣ, результатами-то моей поѣздки въ Америку я совершенно доволенъ.

Гофманъ (громко засмѣявшись). Если ты считаешь прекраснымъ результатомъ холодный душъ...

Лотъ. Возможно, что я немного и поостылъ, но это еще не значитъ, что со мной случилось что-то особенное. Каждому приходится пройти черезъ разочарованія. Но я далекъ отъ того, чтобы не признавать достоинствъ за тѣмъ, ну, скажемъ, горячимъ временемъ. Оно вовсе ужъ не было такъ наивно, какъ ты думаешь.

Гофманъ. Можетъ-быть... не знаю.

Лотъ. Ты вспомни только всѣ наши мальчишескія развлеченія: вся эта корпораціонная жизнь въ университетѣ,

пьянство, драки. Къ чему вся эта ерунда? Или, какъ Финсъ говорилъ: что ему Гекуба!.. Вѣдь не на этомъ же все было основано. Нѣтъ, у насъ были самые высшіе человѣческіе идеалы. И все-таки, несмотря на это, то наивное время помогло мнѣ отдѣлаться отъ многихъ предразсудковъ. И мнимая религія и мнимая мораль.

Гофманъ. Въ этомъ я совершенно согласенъ съ тобой. Если я сталъ развитымъ человѣкомъ безъ всякихъ предразсудковъ, то, конечно, — я никогда не лгу, — благодаря днямъ нашей дружбы. Безъ сомнѣнія, меньше, чѣмъ кто-нибудь, я отрицаю это. Я вообще во всѣхъ отношеніяхъ не дикарь, но не могу же я прошибать стѣну лбомъ? Ну къ чему увеличивать еще больше несчастія, которымъ, къ сожалѣнію, подвергается современное поколѣніе. Надо всему давать идти своимъ естественнымъ порядкомъ. Что должно быть, то пусть и будетъ! Практичнымъ, практичнымъ надо быть прежде всего. Припомни, я и прежде такъ разсуждалъ, и это принесло свои плоды. Въ этомъ все дѣло. Вы же всѣ, не исключая и тебя, поступаете поразительно непрактично.

Лотъ. Въ чемъ же именно? Объясни, пожалуйста!

Гофманъ. Очень просто. Вы не умѣете использовать вашихъ способностей. Напримѣръ, ты: человѣкъ ты образованный, свѣдущій, энергичный и такъ далѣе, для тебя все открыто. А вмѣсто этого ты лаешь. Компрометируешь себя съ самыхъ первыхъ шаговъ... Ну сознайся, положа руку на сердце: ты ни разу не раскаивался въ этомъ?

Лотъ. Мнѣ не въ чемъ было раскаиваться, потому что я былъ осужденъ невинно.

Гофманъ. Ну, въ этомъ я не судья.

Лотъ. Изволь, суди самъ, я тебѣ все разскажу: обвинительный актъ утверждалъ, будто бы я основалъ нашъ кружокъ исключительно съ цѣлью партійной агитаціи, затѣмъ, будто я собиралъ для этого деньги. Но вѣдь ты-то знаешь, что мы занимались исключительно мечтами о колоніяхъ, ну, а что касается денегъ, то ты самъ только-что сказалъ, что у насъ у всѣхъ были пустые карманы. Какъ видишь, въ обвиненіи не было ни слова правды, и тебѣ, какъ члену кружка, слѣдовало бы...

Гофманъ. Ну, членомъ-то я былъ больше по имени, но тебѣ, конечно, я вѣрю. Надо принять во вниманіе, что и судьи-то только люди. Во всякомъ случаѣ гораздо было бы благоразумнѣе тебѣ не показывать и виду. Въ этомъ отно-

шеніи я вообще часто удивлялся тебѣ: редакторъ рабочей газеты, самой темненькой изъ всѣхъ уличныхъ листковъ, кандидатъ въ рейхстагъ отъ милаго простого народа! И зачѣмъ тебѣ все это?—только не придавай моимъ словамъ ложнаго смысла. Ужъ меня-то, кажется, нельзя заподозрѣть въ отсутствіи состраданія къ народу, но если что-нибудь и желательно, то должно это придти оттуда, сверху. Необходимо даже, чтобы это все совершилось сверху. Вѣдь народъ не знаетъ, что ему нужно. Вы думаете, что народъ долженъ самъ добиться этого, вотъ это-то я и называю— пробивать стѣну лбомъ.

Лотъ. Я не совсѣмъ понимаю тебя.

Гофманъ. Ну, посмотри на меня. Руки у меня не связаны: я бы могъ тоже начать осуществлять всѣ эти идеалы. И я могу сказать, что почти уже исполнилъ свою практическую программу. Но вы... безъ средствъ, чего же вы можете достигнуть?

Лотъ. Да, какъ слышно... къ милліонамъ плывешь...

Гофманъ (польщенный). Много чести! Еще рано немного. Кто же говоритъ это? Каждый дѣлаетъ свое дѣло. И соразмѣрно получаетъ вознагражденіе... Кто же говоритъ это?

Лотъ. Я слышалъ въ гостиницѣ: два господина за сосѣднимъ столомъ говорили.

Гофманъ. О, у меня есть враги. Что же они говорили?

Лотъ. Ничего особеннаго. Отъ нихъ я узналъ, что ты какъ разъ во-время переѣхалъ въ деревню къ своему тестю.

Гофманъ. И чего только ни придумаютъ эти люди! Дорогой другъ, ты просто не повѣришь, какъ тутъ слѣдятъ шагъ за шагомъ за человѣкомъ въ моемъ положеніи. Это самая невыгодная сторона богатства... А дѣло все въ томъ, что я здѣсь покойнѣе, да и воздухъ здоровѣе, а это необходимо для моей беременной жены.

Лотъ. Но какъ же относительно доктора? Вѣдь въ такихъ случаяхъ близость хорошаго врача важнѣй всего. А здѣсь въ деревнѣ...

Гофманъ. Въ томъ-то все и дѣло, что врачъ здѣсь очень хорошій, и, знаешь, я пришелъ къ тому заключенію, что добросовѣстность во врачѣ гораздо важнѣе способностей.

Лотъ. У врачей она, можетъ-быть, идетъ рядомъ со способностями.

Гофманъ. Очень возможно. Добросовѣстность, во всякомъ случаѣ, у нашего врача есть. Онъ немного идеологъ, онъ

пользуется большой любовью среди углекоповъ и крестьянъ, они его прямо боготворятъ... Временами онъ бываетъ невыносимъ смѣсью своей суровости и сентиментальности, но я, ты знаешь, умѣю цѣнить добросовѣстность... Безусловно!.. Да, пока не забылъ... мнѣ очень интересно, да и важно знать, кого слѣдуетъ остерегаться. Послушай... Ну, скажи... я по твоему лицу вижу, что эти два господина, твои сосѣди по столу, не совсѣмъ лестно говорили обо мнѣ. Пожалуйста, скажи, что они говорили...

Лотъ. По правдѣ сказать, мнѣ не слѣдовало бы это дѣлать, потому что я хотѣлъ попросить у тебя двѣсти марокъ, именно попросить, такъ какъ я не знаю, буду ли я въ состояніи возвратить тебѣ ихъ когда-нибудь...

Гофманъ (вынимаетъ изъ бокового кармана чековую книжку, пишетъ чекъ и передаетъ его Лоту). Въ любомъ отдѣленіи государственнаго банка... Я только искренно радъ...

Лотъ. Твоя готовность превзошла всѣ мои ожиданія,— принимаю съ благодарностью. Будь увѣренъ, что деньги эти будутъ истрачены съ пользой.

Гофманъ (съ легкимъ паосомъ). Каждый работникъ заслуживаетъ награды. Ну, а теперь, Лотъ, будь добръ и разскажи, что говорили эти господа...

Лотъ. Говорили они, безъ сомнѣнія, ерунду.

Гофманъ. Все-таки разскажи. Ну, мнѣ это прямо интересно, только интересно и больше ничего.

Лотъ. Рѣчь шла о томъ, что ты вытѣснилъ какого-то подрядчика Мюллера.

Гофманъ. Ну, конечно! Про эту исторію!

Лотъ. Кажется, этотъ господинъ былъ женихомъ твоей теперешней жены?

Гофманъ. Совершенно вѣрно. Ну, а дальше?

Лотъ. Я разскажу тебѣ все, что я слышалъ. Думаю, что тебѣ важно знать всю эту клевету.

Гофманъ. Конечно! Ну?

Лотъ. Насколько я понялъ изъ слышаннаго, Мюллеръ предпринялъ постройку участка здѣшней горной дороги.

Гофманъ. Да. Съ какими-то десятью тысячами талеровъ въ карманѣ. Ну, а когда увидалъ, что ему этихъ денегъ не хватитъ, то рѣшилъ выловить себѣ поскорѣе невѣсту изъ вицдорфскихъ дѣвушекъ, и намѣтилъ мою теперешнюю жену.

Лотъ. Они говорили, что онъ дѣйствительно хотѣлъ такъ поступить съ дочерью, а ты поступилъ такъ со старикомъ...

Вѣдь онъ застрѣлился, кажется, потомъ? Затѣмъ, будто бы ты достроилъ его дорогу и при этомъ немало заработалъ.

Гофманъ. Доля правды въ этомъ есть. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты зналъ связь между этими фактами... Не знаютъ ли они еще какихъ-нибудь интересныхъ фактовъ?

Лотъ. И, знаешь, въ особенности они были раздражены однимъ обстоятельствомъ: они подробно разсказывали про твое огромное предпріятіе съ углемъ и называли тебя... ну, названіе не лестное. Короче говоря, они разсказывали, что ты за бутылкой шампанскаго убѣдилъ здѣшнихъ глупыхъ крестьянъ заключить договоръ, по которому ты одинъ за ничтожную сумму получаешь весь добываемый въ ихъ копяхъ уголь.

Гофманъ (всталъ, видимо затронутый за живое). Вотъ что я скажу тебѣ, Лотъ... Э, да къ чему это затрогивать! Лучше подумаемъ объ ужинѣ, я чертовски голоденъ. Чертовски голоденъ! (Надавливаетъ кнопку электрическаго звонка, проволока котораго, въ видѣ зеленаго шнурка, свѣшивается надъ столомъ; слышится звонокъ).

Лотъ. Если ты хочешь, чтобы я остался, будь такъ добръ... я хотѣлъ бы немного привести себя въ порядокъ.

Гофманъ. Сію минуту... (Входитъ Эдуардъ, лакей въ ливреѣ). Эдуардъ, отведите барина въ комнату для пріѣзжихъ.

Эдуардъ. Слушаю-съ.

Гофманъ (пожимая руку Лота). Минутъ черезъ пятнадцать приходи внизъ кушать.

Лотъ. Хорошо. До свиданія.

Гофманъ. До свиданія. (Эдуардъ отворяетъ дверь и пропускаетъ Лота. Оба уходятъ. Гофманъ чешетъ себѣ затылокъ, смотритъ задумчиво въ полъ, идетъ къ двери налѣво, берется за ручку; въ это время входитъ Елена въ стеклянную дверь и обращается къ нему).

Елена. Зять, это кто такой?

Гофманъ. Одинъ изъ моихъ товарищей по гимназіи, даже самый старшій изъ нихъ, Альфредъ Лотъ.

Елена (быстро). Онъ совсѣмъ ушелъ?

Гофманъ. Нѣтъ, онъ будетъ у насъ ужинать. А возможно, очень возможно, что и переночуетъ.

Елена. Я ни за что не выйду къ ужину.

Гофманъ. Почему?

Елена. Что мнѣ дѣлать съ образованными людьми? Лучше ужъ останусь преспокойно крестьянкой.

Гофманъ. Вѣчно эти фокусы! Нѣтъ, сдѣлай одолженіе, похлопочи объ ужинѣ. Я хочу устроить немного по-праздничному. Я подозрѣваю, что онъ что-то затѣваетъ.

Елена. Что же онъ можетъ затѣвать, думаешь ты?

Гофманъ. Ну, тебѣ этого не понять. Можетъ-быть, я и ошибаюсь, до сихъ поръ мнѣ не приходилось думать объ этомъ. Во всякомъ случаѣ приготовь все какъ слѣдуетъ. Конечно, шампанскаго. Что, изъ Гамбурга прислали омаровъ?

Елена. Кажется, сегодня утромъ прислали.

Гофманъ. Значитъ, омары будутъ... (Стукъ въ дверь). Войдите.

Посыльный (входитъ съ ящикомъ подъ мышкой, говоритъ нараспѣвъ). Посылка.

Елена. Откуда?

Посыльный. Изъ Берлина.

Гофманъ. Ну да, это дѣтскія вещи изъ магазина Герцога. (Осматриваетъ посылку и беретъ квитанцію). Да, да, конечно, отъ Герцога.

Елена. Цѣлый ящикъ! Куда же это столько?

Гофманъ (даетъ на чай посыльному).

Посыльный (нараспѣвъ). Добрый вечеръ. (Уходитъ).

Гофманъ. Какъ куда?

Елена. Да вѣдь здѣсь хватитъ на троихъ дѣтей.

Гофманъ. Ты не ходила съ женой гулять?

Елена. Что же я подѣлаю, если она сейчасъ же устаетъ?

Гофманъ. Вѣчно устаетъ. Просто несчастіе! Полтора часа... надо же слушаться доктора! Для чего же звать его, если...

Елена. А ты возьмись за это какъ слѣдуетъ и выгони эту Шиллеръ. Ну что я могу сдѣлать со старой бабой, которая вѣчно ей поддакиваетъ.

Гофманъ. Ну, а я что могу подѣлать? Что же я сдѣлаю, какъ мужъ?.. да и кромѣ того ты знаешь тещу.

Елена (горько). И даже слишкомъ хорошо.

Гофманъ. Гдѣ она сейчасъ?

Елена. Съ тѣхъ поръ, какъ г-нъ Лотъ здѣсь, эта Шиллеръ не даетъ ей покою. Къ ужину она, навѣрно, колесомъ заходитъ.

Гофманъ (углубившись въ свои мысли, ходитъ по комнатѣ). Клянусь, послѣдній разъ переношу я все это. Честное слово.

Елена. Тебѣ-то хорошо,—ты можешь идти, куда хочешь.

Гофманъ. Если бы я жилъ здѣсь всегда, при мнѣ не могло бы быть такого безобразія.

Елена. Въ этомъ я не виновата. Я ей водки не давала.

Вотъ ты г-жу Шиллеръ лучше выгони. Если бы я была мужчиной!..

Гофманъ (со вздохомъ). Поскорѣй бы все это прошло! (Идетъ къ двери направо). Итакъ, Елена, пожалуйста, постарайся для меня, чтобы ужинъ былъ повкуснѣе. А мнѣ надо еще одно дѣльце окончить.

Елена (звонитъ. Входитъ Миля). Миля, накройте столъ. Эдуарду велите заморозить шампанское и открыть четыре дюжины устрицъ.

Миля. Ужъ вы сами ему скажите, онъ меня не слушается, онъ говоритъ, что получаетъ жалованье отъ г-на инженера и...

Елена. Пошлите его ко мнѣ.

(Миля уходитъ. Елена подходитъ къ зеркалу, прибираетъ на туалетѣ. Въ это время входитъ Эдуардъ).

Елена (продолжаетъ стоять передъ зеркаломъ). Эдуардъ, заморозьте шампанское и откройте устрицы. Г-нъ Гофманъ приказалъ это сдѣлать.

Эдуардъ. Слушаю-съ!

(Эдуардъ уходитъ. Тотчасъ же раздается стукъ въ среднюю дверь).

Елена (испуганно). Боже мой! (Тихо) Войдите. (Громче и храбрѣе) Войдите!

Лотъ (входитъ). Ахъ, простите, ради Бога! я помѣшалъ?.. Мое имя—Лотъ.

Елена (приседаетъ, какъ на урокѣ танцевъ).

Голосъ Гофмана (за запертой дверью). Безъ церемоній, дѣти... Я сейчасъ выйду. Лотъ! это моя сосѣдка, Елена Краузе. Елена, а это мой другъ—Альфредъ Лотъ. Будьте знакомы!

Елена. Всегда ты дуришь.

Лотъ. Я на него не обижаюсь. Что касается хорошаго тона, то я самъ—настоящій варваръ. Можетъ быть, я помѣшалъ вамъ, такъ я...

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, нисколько! (Оба смущены). Это... это очень много съ вашей стороны, что вы разыскали моего зятя, онъ всегда жалуется... жалуется, что всѣ его товарищи забыли его.

Лотъ. Это вышло совершенно случайно. Я все время жилъ въ Берлинѣ и въ его окрестностяхъ и не имѣлъ понятія, гдѣ Гофманъ. Со времени моего студенчества въ Бреславлѣ я не былъ въ Силезіи.

Елена. Значитъ, вы совершенно случайно попали къ нему?

Лотъ. Совершенно случайно разыскалъ его, и какъ разъ тамъ, гдѣ я думалъ работать.

Елена. Вы шутите! Въ Вицдорфѣ—научныя занятія, въ этомъ жалкомъ гнѣздѣ!

Лотъ. Вы называете его жалкимъ? Но вѣдь здѣсь необычайныя богатства.

Елена. Да, правда. Относительно...

Лотъ. Я только и дѣлалъ, что удивлялся. Увѣряю васъ, что такихъ крестьянскихъ усадебъ рѣшительно нигдѣ нѣтъ. Богатство здѣсь видно во всемъ.

Елена. Вы совершенно правы! Въ рѣдкой конюшнѣ лошади и коровы ѣдятъ не изъ мраморныхъ яслей и нейзильберныхъ рѣшетокъ. И все это сдѣлалъ уголь, найденный въ нашихъ поляхъ. Онъ моментально обогатилъ здѣшнихъ крестьянъ. (Показываетъ на картину на задней стѣнѣ) Посмотрите,—мой дѣдъ былъ извозчикомъ; это имѣньице принадлежало ему, но тогда земля не давала ничего, и ему пришлось заняться извозомъ. Вотъ это онъ самъ—въ синей блузѣ. Мой отецъ въ молодости тоже носилъ такой костюмъ... Нѣтъ, я не въ этомъ смыслѣ сказала: «жалкій», а потому, что здѣсь скука. Для ума здѣсь пищи нѣтъ. Смертельная скука.

(Миля и Эдуардъ то входятъ, то выходятъ, накрывая столъ справа въ задней части сцены).

Лотъ. Бываютъ же здѣсь вечера?

Елена. Вообразите, даже и этого нѣтъ. Крестьяне пьютъ, играютъ въ карты, охотятся. Тутъ никого не видишь. (Подходитъ къ окну и показываетъ рукой) Вотъ развѣ такія картины.

Лотъ. Гм! Углекопы...

Елена. Да, углекопы, которые идутъ изъ дому въ шахты или изъ шахтъ домой, и такъ все время. По крайней мѣрѣ я вижу только углекоповъ. Вы думаете, что мнѣ можно одной выйти изъ дому? Самое большое—это въ поле, черезъ заднія ворота. Вѣдь это такой сбродъ! Вѣчно вытаращатъ на васъ глаза, да и смотрятъ-то такъ угрюмо, какъ будто вы совершили какое-то преступленіе... Зимой, если ѣдешь въ саняхъ и встрѣтишь въ горахъ, въ темнотѣ, въ мятель толпу этихъ углекоповъ, вы думаете, они посторонятся? Ни за что! Они нарочно пойдутъ передъ лошадьми. Сколько разъ приходилось браться за кнутъ. Иначе не проѣдешь. Но зато какъ они ругаются потомъ вслѣдъ! Мнѣ часто страшно становилось.

Лотъ. А знаете, я пріѣхалъ сюда какъ разъ для этихъ людей, которыхъ вы такъ боитесь.

Елена. Ну, что вы говорите?

Лотъ. Совершенно серьезно. Они меня больше всего и всѣхъ интересуютъ.

Елена. Больше всѣхъ, безъ всякихъ исключеній?

Лотъ. Да.

Елена. Даже не исключая моего зятя?

Лотъ. Даже не исключая и его. Интересъ этотъ совершенно другой... болѣе высокій... простите, но вы этого не поймете.

Елена. Почему? Я васъ вполнѣ понимаю. (Роняетъ изъ кармана письмо. Лотъ нагибается). Оставьте — это не важно. Самая обыкновенная школьная переписка.

Лотъ. Вы были въ школѣ?

Елена. Да, въ Гернгутѣ. Вы не думайте, что я... Нѣтъ, нѣтъ, я понимаю васъ.

Лотъ. Видите ли, рабочіе меня интересуютъ именно какъ рабочіе.

Елена. Да, да, конечно, интересно... очень... такой углекопъ... Вѣдь есть мѣста, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Но если каждый день ихъ видѣть...

Лотъ. Даже если ихъ видѣть и каждый день. Ихъ даже необходимо видѣть каждый день, чтобы найти въ нихъ интересное.

Елена. Это такъ трудно найти? Что же это собственно?.. Ну, въ чемъ же заключается это интересное?

Лотъ. Очень интересно, напримѣръ, почему эти люди, по вашимъ словамъ, смотрятъ на васъ всегда съ такой ненавистью и угрюмо.

Елена. Почему же вы думаете, что это такъ ужъ особенно интересно?

Лотъ. Да потому, что это явленіе вовсе не обычное. Мы же всѣ бываемъ такими только временами, а не всегда.

Елена. Да; но почему же они такъ смотрятъ... съ такой ненавистью и такъ угрюмо? Должно же быть для этого какое-нибудь основаніе.

Лотъ. Совершенно справедливо. Вотъ это-то основаніе и интересно узнать.

Елена. Нѣтъ. Вы что-то сочиняете. Ну что вамъ отъ того, если вы даже узнаете?

Лотъ. Можетъ-быть, можно найти причину, почему эти люди выглядятъ такими несчастными и угрюмыми, и устранить. Можно тогда ихъ сдѣлать и счастливыми.

Елена (немного смущенно). По правдѣ сказать... я только

теперь поняла васъ немного... все это для меня такъ ново' такъ ново.

Гофманъ (входитъ изъ двери направо. Держитъ въ рукѣ нѣсколько писемъ). Ну вотъ и я. Эдуардъ! Эти письма отправить на почту, только до восьми часовъ. (Отдаетъ письма лакею. Лакей уходитъ). Ну, дѣти, теперь можно поужинать. Здѣсь непозволительная жара. Сентябрь, и такая жара! (Вынимаетъ шампанское изъ вазы со льдомъ). Вдова Клико! Эдуардъ знаетъ мою слабость. (Къ Лоту) Вы о чемъ-то такъ горячо спорили. (Подходитъ къ накрытому и уставленному закусками столу. Потираетъ руки). Да! выглядитъ аппетитно. (Смотритъ лукаво на Лота) А? ты какъ думаешь?.. Да, Елена! къ намъ придетъ Вильгельмъ Кааль. Онъ былъ сейчасъ на дворѣ.

Елена (дѣлаетъ нетерпѣливый жестъ).

Гофманъ. Дорогая моя, какъ будто я его... но что же я могу сдѣлать? (Слышны тяжелые шаги за дверью). Вѣдь я же его не звалъ.

(Кааль входитъ, не постучавшись. Ему двадцать четыре года. Неуклюжій деревенскій парень. Повидимому, ему страшно хочется изобразить богатаго и ловкаго молодого человѣка. Черты лица грубыя. Выраженіе лица глупое. Одѣтъ въ зеленый жакетъ, пеструю бархатную жилетку, темныя брюки и лаковые башмаки. Жакетъ съ пуговицами изъ оленьяго рога, по часовой цѣпочкѣ оленьи зубы. Запкается).

Кааль. Добрый вечеръ! (Увидалъ Лота, смутился. У него очень жалкій видъ).

Гофманъ (подходитъ къ нему и ободряетъ его). Добрый вечеръ, г-нъ Кааль.

Елена (сердито). Добрый вечеръ.

Кааль (идетъ, тяжело ступая, наискось черезъ всю комнату, подходитъ къ Еленѣ и протягиваетъ ей руку). Добрый вечеръ, Лена.

Гофманъ (къ Лоту). Позволь тебѣ представить: г-нъ Кааль, сынъ нашего сосѣда.

Кааль (вертитъ шляпу въ рукѣ, смущенъ).

Гофманъ. За столъ, дѣти! Кого еще нѣтъ? Да, тещи! Миля! попросите г-жу Краузе къ столу. (Миля уходитъ въ среднюю дверь).

Миля (за сценой въ сѣняхъ, кричитъ) Барыня! Барыня! Идите ѣсть! Идите ѣсть!

Елена и Гофманъ (смотрятъ другъ на друга и отъ души смѣются. Затѣмъ оба вмѣстѣ смотрятъ на Лота).

Гофманъ (обращаясь къ Лоту). Что городъ, то норовъ,— что деревня, то обычай.

Г-жа Краузе (входитъ, разодѣтая въ пухъ и прахъ, въ шелкахъ и въ драгоцѣнностяхъ. Тщеславіе, глупая надменность, безсмысленное чванство въ манерахъ).

Гофманъ. А-а! вотъ и мама! Позволь тебѣ представить моего друга, д-ра Лота.

Г-жа Краузе (дѣлаетъ невѣроятный книксенъ). Очень рада. (Послѣ паузы) Ужъ вы не сердитесь на меня, г-нъ докторъ! Не взыщите ужъ (чѣмъ дальше, тѣмъ говоритъ быстрѣе) за мое давешнее обращеніе съ вами. Знаете, прямо голова идетъ кругомъ отъ этой массы пищихъ... Ну просто бѣда съ ними! Вы себѣ представить не можете... Да къ тому же они и воры всѣ. Конечно, дѣло не въ пфеннигѣ. Можно и три пфеннига дать, въ крайнемъ случаѣ, и талеръ даже, мы этого не считаемъ. Вотъ Людвига Краузе—ну, эта скупа, такъ скупа! Всякой дряни завидуетъ: мужъ-то у нея, вы знаете, отъ злости умеръ, отъ досады, что проигралъ въ карты двѣ тысячи талеровъ. Нѣтъ, мы не такіе. Вотъ посмотрите на буфетъ—вѣдь стоитъ онъ двѣсти талеровъ безъ пересылки. Такой буфетъ не стыдно и барону Клинкову поставить у себя.

(Г-жа Шпиллеръ вошла вскорѣ послѣ г-жи Краузе. Маленькаго роста, кривобока и разодѣта въ старыя платья г-жи Краузе. Все время, пока говоритъ г-жа Краузе, она благоговѣйно смотритъ на нее. Ей на видъ лѣтъ пятьдесятъ пять; при выдыханіи она издаетъ легкій стонъ, который слышенъ и въ то время, когда она говоритъ, въ видѣ буквы «м»).

Г-жа Шпиллеръ (говоритъ тихо, покорнымъ, грустнымъ тономъ). У барона Клинкова точь-въ-точь такой же буфетъ... мммм...

Елена (къ г-жѣ Краузе). Мама, не сѣсть ли намъ раньше закусить, а потомъ...

Г-жа Краузе (моментально поворачивается къ Еленѣ и пронзаетъ ее уничтожающимъ взглядомъ. Коротко и повелительно). Развѣ это прилично! (Собираясь садиться за столъ, вспоминаетъ, что не прочтена предобѣденная молитва. Механически складываетъ руки къ молитвѣ, но сама еще сердится).

Г-жа Шпиллеръ (читаетъ молитву). Сойди съ небесной, Боже, высоты. Благослови, что даровалъ намъ Ты. Аминь.

(Всѣ съ шумомъ садятся. Неловкое положеніе понемногу сглаживается. Нѣкоторое время всѣ другъ друга усиленно угощаютъ).

Гофманъ (Лоту). Не стѣсняйся, пожалуйста. Устрицъ хочешь?

Лотъ. Да, хочу попробовать. Первый разъ въ жизни буду ихъ ѣсть.

Г-жа Краузе (только-что взявъ устрицу, съ полнымъ ртомъ). То-есть въ этомъ году?

Лотъ. Нѣтъ, вообще.

(Г-жа Краузе и г-жа Шпиллеръ обмѣниваются взглядами).

Гофманъ (обращаясь къ Кааю, выжимающему зубами лимонъ). Я васъ цѣлыхъ два дня не видалъ, г-нъ Кааль. Ну что, удачно охотились за мышами это время?

Кааль. Н...н...н...нѣтъ.

Гофманъ (Лоту). Г-нъ Кааль страстный охотникъ.

Кааль (заикаясь). Эти мыши ужасно глупыя животныя.

Елена (громко засмѣявшись). Нѣтъ, вы знаете, онъ убиваетъ всѣхъ—и дикихъ и домашнихъ животныхъ.

Кааль (заикаясь). Вчера я наконецъ застрѣлилъ старую свинью.

Лотъ. Повидимому, охота—ваше главное занятіе?

Г-жа Краузе. Г-нъ Кааль занимается этимъ для своего собственнаго удовольствія.

Г-жа Шпиллеръ. Лѣсъ, дичь и женщины—какъ говорилъ его превосходительство министръ фонъ-Шадендорфъ.

Кааль (заикаясь). Послѣзавтра у насъ будутъ садки голубей.

Лотъ. А что это такое, садки голубей?

Елена. Ахъ, я это видѣть не могу равнодушно. Звѣрская забава. Даже уличные мальчишки, которые съ наслажденіемъ окна бьютъ, даже и они этого не позволяютъ себѣ.

Гофманъ. Ну, Елена, ты ужъ слишкомъ строга.

Елена. Не знаю, но, по-моему, ужъ гораздо лучше бить стекла, чѣмъ стрѣлять въ привязанныхъ къ колу голубей.

Гофманъ. Но надо помнить, Елена:..

Лотъ (что-то разрѣзая на тарелкѣ). Возмутительное безобразіе!

Кааль (заикаясь). Нѣсколько штукъ голубей...

Г-жа Шпиллеръ (къ Лоту). Г-нъ Кааль уже убилъ двѣсти штукъ.

Лотъ. Вообще всякая охота безобразіе.

Гофманъ. Да, но неустранимое. Какъ разъ теперь мнѣ поручено достать пятьсотъ лисицъ, и всѣ лѣсники въ окружности, да и во всей Германіи, сторожатъ лисьи норы.

Лотъ. Кому же понадобилось столько живыхъ лисицъ?

Гофманъ. Ихъ отправляютъ въ Англію, гдѣ онѣ удостаиваются быть убитыми тотчасъ же по выходѣ изъ клѣтокъ благородными лордами и лэди.

Лотъ. Скотина всегда останется скотиной, кто бы онъ ни былъ, христіанинъ или магометанинъ.

Елена. Мама, передать тебѣ омаровъ?

Г-жа Краузе. Въ этомъ сезонѣ они замѣчательно хороши.

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, у васъ такой тонкій вкусъ...ммм...

Г-жа Краузе (Лоту). А вы, г-нъ докторъ, и омаровъ никогда не ѣли?

Лотъ. О, нѣтъ, омаровъ мнѣ приходилось часто ѣсть въ Варнемюнде, на моей родинѣ.

Г-жа Краузе (къ Кааль). Правда, Вильгельмъ, иногда сама не знаешь, чего тебѣ хочется съѣсть?

Кааль (заикаясь). Это... Дѣйствительно... это только Богъ знаетъ, тетушка.

Эдуардъ (хочетъ налить Лоту шампанскаго). Шампанскаго.

Лотъ (отстраняетъ свой бокалъ). Нѣтъ, спасибо.

Гофманъ. Ну, безъ глупостей!

Елена. Вы не пьете?

Лотъ. Нѣтъ.

Гофманъ. Ну, послушай, вѣдь это наконецъ скучно.

Лотъ. Если бы я пилъ, я былъ бы еще скучнѣе.

Елена. Это интересно, докторъ.

Лотъ. Что? Что я дѣлаюсь скучнѣе, когда выпью?

Елена (немного въ смущеніи). Нѣтъ, нѣтъ, что... что вы не пьете... то-есть, я хотѣла сказать, интересно, что вы вообще не пьете.

Лотъ. Почему же интересно?

Елена (покраснѣвъ). Это... это необыкновенно. (Окончательно краснѣетъ и смущается).

Лотъ (неловко). Вы, къ сожалѣнію, правы.

Г-жа Краузе (Лоту). Бутылка стоитъ пятнадцать марокъ. Можете смѣло пить,—прямо изъ Реймса. Дурного вина мы бы не предложили вамъ, потому что сами его не пьемъ.

Г-жа Шиллеръ. Ахъ, повѣрьте мнѣ, г-нъ докторъ, если бы даже его превосходительство г-нъ министръ фонъ-Шадендорфъ.... ммм... сидѣлъ бы за этимъ столомъ...

Кааль. Я не могу жить безъ вина.

Елена (Лоту). Скажите, почему вы собственно не пьете?

Лотъ. Съ удовольствіемъ...

Гофманъ. Э, что тамъ. (Беретъ у лакея бутылку и хочетъ самъ налить ему вина). Вспомнимъ-ка, старый товарищъ, какъ мы раньше весело проводили время.

Лотъ. Нѣтъ, оставь, прошу тебя.

Гофманъ. Ну, сегодня. Одинъ разъ.

Лотъ. Ни за что.

Гофманъ. Ну, для меня! (Гофманъ хочетъ налить, Лотъ отстраняетъ бутылку; небольшая борьба).

Лотъ. Нѣтъ, нѣтъ, я же сказалъ... нѣтъ и нѣтъ!

Гофманъ. Только не сердись.

Кааль (къ г-жѣ Шиллеръ). Не хочетъ, и не надо...

Г-жа Шиллеръ (киваетъ утвердительно).

Гофманъ. Ну, воля твоя, только не могу понять: ни стакана вина за ужиномъ...

Лотъ. Стаканъ пива за завтракомъ.

Гофманъ. А то какъ же! Стаканъ пива даже полезно.

Лотъ. Рюмочку-другую коньяку.

Гофманъ. Неужели ужъ этого нельзя? Аскетомъ-то меня не сдѣлаешь. Зачѣмъ я самъ себя буду лишать всѣхъ удовольствій въ жизни?

Лотъ. Ну, я съ этимъ не согласенъ. По-моему, и такъ достаточно неизбѣжныхъ раздражающихъ моментовъ для нервной системы.

Гофманъ. Общество, въ которомъ ничего не пьютъ... это такъ пусто и скучно; спасибо за такую компанію!

Г-жа Краузе. Дворяне всегда много пьютъ.

Г-жа Шиллеръ (подтверждаетъ ея слова кивкомъ головы). Пить вино—благородно.

Лотъ (къ Гофману). Для меня какъ разъ наоборотъ,—мнѣ скучно въ обществѣ, гдѣ много пьютъ.

Гофманъ. Само собой, все хорошо въ мѣру.

Лотъ. Ну, а что ты называешь въ мѣру?

Гофманъ. Ну... конечно, чтобы не терять разсудка.

Лотъ. А-а-а... Значитъ, ты все-таки согласенъ, что злоупотребленіе алкоголемъ вредитъ разсудку. Вотъ видишь, потому-то мнѣ и скучно въ пьяной компаніи.

Гофманъ. Развѣ ты боишься такъ скоро лишиться разсудка?

Клаль (запинаясь). Я недавно выпилъ бутылку рюдесхеймера, бутылку шампанскаго, затѣмъ бутылку бордо, и все-таки не былъ пьянъ.

Лотъ (Гофману). Ничуть не боюсь; ты, вѣроятно, помнишь вѣдь, что всегда я развозилъ всѣхъ васъ, пьяныхъ, по домамъ. Натура у меня осталась здоровая, какъ и была, такъ что бояться въ этомъ отношеніи мнѣ не приходится.

Гофманъ. Тогда почему же?

Елена. Въ самомъ дѣлѣ, почему же вы въ концѣ концовъ не пьете?

Лотъ (Гофману). Ну, изволь; успокойся, я потому сегодня ничего не пью, что далъ слово избѣгать спиртныхъ напитковъ.

Гофманъ. Иначе говоря, ты дошелъ до того, что поступилъ въ общество трезвости?

Лотъ. Да, я полнѣйшій трезвенникъ.

Гофманъ. Долго ли ты будешь заниматься такими, съ позволенія сказать...

Лотъ. Всю жизнь.

Гофманъ (бросаетъ ножъ и вилку и встаетъ со стула). Фу, ты настоящій мѣшокъ съ соломой! (Садится). Прости, но, откровенно говоря, это черезчуръ наивно.

Лотъ. Можешь называть это, какъ тебѣ угодно.

Гофманъ. Но какимъ путемъ ты дошелъ до этого?

Елена. Для этого у васъ была, вѣроятно, вѣская причина.

Лотъ. Да, конечно. И ты, Гофманъ, повидимому, не знаешь, какую громадную роль играетъ алкоголь въ нашей жизни? Если ты хочешь имѣть понятіе объ этомъ, прочти Бунге. Я помню, что сказалъ знаменитый Эвереттъ о значеніи алкоголя для Соединенныхъ Штатовъ. Эти изслѣдованія касаются десятилѣтняго періода. По его мнѣнію, алкоголь поглотилъ сумму въ 3 милліарда и 600 милліоновъ долларовъ. Онъ отправилъ на тотъ свѣтъ 300.000 взрослыхъ; 100.000 дѣтей попали изъ-за него въ нищіе, нѣсколько тысячъ попало въ тюрьмы и въ работные дома. Онъ былъ причиной по крайней мѣрѣ 2.000 самоубійствъ. Онъ причинилъ убытку, самое меньшее, на 10 милліоновъ долларовъ путемъ пожаровъ и грабежей; изъ-за него 2.000 женщинъ овдовѣли и не менѣе милліона дѣтей осиротѣли. Но что самое ужасное, это то, что влеченіе къ алкоголю простирается до третьяго и четвертаго поколѣнія. Если бы я далъ себѣ слово не жениться, то я могъ бы пить, но такъ какъ я... Всѣ мои предки были люди здоровые и крѣпкіе и, насколько я знаю, воздержные люди. Каждое мое движеніе, каждый трудъ, который я преодолѣю, каждое мое дыханіе, — все мнѣ говоритъ, какъ я долженъ быть имъ благодаренъ. И вотъ во мнѣ окрѣпло безповоротное рѣшеніе передать моему потомству это наслѣдство совершенно неиспорченнымъ.

Г-жа Краузе. А вѣдь правда, зять, наши углекопы черезчуръ пьянствуютъ, это что и говорить!

Клаль. Они пьютъ, какъ свиньи.

Елена. Значитъ, это наслѣдственное?

Лотъ. Есть цѣлыя семьи алкоголиковъ, которыя погибаютъ отъ этого.

Клаль (не то г-жѣ Краузе, не то Еленѣ). Вашъ старикъ тоже совсѣмъ съ ума сходитъ.

Елена (блѣдная, какъ полотно, рѣзко). Не говорите глупостей!

Г-жа Краузе. Какія гордыя дѣвки пошли! Скажите, принцесса какая! Такъ обращаться съ будущимъ мужемъ!

(Къ Лоту, показывая на Кааля) Вѣдь онъ, надо вамъ сказать, ея будущій мужъ, г-нъ докторъ. Ужъ у насъ все устроено.

Елена (вскакивая). Перестать! Или... перестань, мама, или...

Г-жа Краузе. Вотъ, извольте-ка послушать... Ну, скажите, г-нъ докторъ, вотъ и это тоже отъ образованія? Я съ ней, видитъ Богъ, какъ со своимъ ребенкомъ обращаюсь, а она меня за дуру сумасшедшую считаетъ.

Гофманъ (успокаивая). Ахъ, мама, ради Бога, сдѣлай одолженіе...

Г-жа Краузе. Ну нѣтъ, какова птица? Ну гдѣ же здѣсь справедливость... дрянь ты этакая!

Гофманъ. Мама, прошу тебя наконецъ...

Г-жа Краузе (свирѣпо). Тоже бабы! Присмотрѣть за прислугой въ хозяйствѣ, это избави Богъ! А вотъ разные Шиллеры да Гёте и другіе дураки, которые только и умѣютъ, что врать,—вотъ эти ихъ съ ума сводятъ. Просто заболѣешь съ ней отъ злости!

Гофманъ (успокаивая). Ну... она просто... Ну, это, пожалуй, было не совсѣмъ правильно съ ея стороны... (Дѣлаетъ знаки Еленѣ, которая въ возбужденіи отошла въ сторону. Дѣвушка съ трудомъ сдерживаетъ слезы и садится на прежнее мѣсто).

Гофманъ (прерываетъ мучительное молчаніе, къ Лоту). Да... на чемъ мы остановились? Ахъ, правда... на злополучномъ алкоголѣ. (Поднимаетъ стаканъ) Ну, мама, миръ! Давай-ка чокнемся и помиримся. Пусть алкоголь помиритъ насъ, доставимъ ему эту честь. (Г-жа Краузе не совсѣмъ охотно, но чокается. Гофманъ, обращаясь къ Еленѣ) Елена! Твой бокалъ пусть? Лотъ, твой урокъ не пропалъ даромъ.

Елена. Нѣтъ, нѣтъ, я...

Гофманъ. Ты до сихъ поръ не была такой нѣжепкой.

Елена (твердо). Я просто сегодня не хочу пить...

Гофманъ. Прости, ради Бога, прости... Да, о чемъ мы говорили?

Лотъ. Мы говорили, что есть цѣлыя семьи алкоголиковъ.

Гофманъ. Совершенно вѣрно, но... (Замѣчаетъ, что г-жа Краузе все болѣе и болѣе раздражается, а Кааль съ трудомъ удерживается, чтобы не разсмѣяться надъ чѣмъ-то, что его внутренно сильно забавляетъ. Елена, со своей стороны, наблюдаетъ за нимъ и угрожающимъ взглядомъ уже нѣсколько разъ удержала его высказать то, что ему очень хотѣлось сказать. Лотъ равнодушно занятъ кожицей отъ яблока, ничего не замѣчаетъ).

Лотъ. А у васъ, кажется, на недостатокъ пожаловаться нельзя?

Гофманъ. То-есть... недостатокъ чего?

Лотъ. Ну, конечно, пьяницъ.

Гофманъ. Гм... ты думаешь? А, да, конечно, углекопы...

Лотъ. Ну, не одни же углекопы. Напримѣръ, въ гостинницѣ, гдѣ я остановился, прежде чѣмъ придти къ тебѣ, я видѣлъ, какъ развалился тамъ одинъ. (Онъ облокачивается локтями на столъ, кладетъ голову на руки и смотритъ пристально на столъ).

Гофманъ. Правда? (Его смущеніе дошло до высшей степени. Елена пристально смотритъ на Кааля, который трясется отъ внутренняго смѣха, но еще сдерживаетъ себя, чтобы не расхохотаться громко).

Лотъ. Удивительно, что ты не знаешь этого оригинала. Вѣдь гостинница здѣсь рядомъ. Мнѣ сказали, что это здѣшній богатый крестьянинъ, который буквально съ утра до ночи и съ ночи до утра пьетъ въ этой гостинницѣ. Конечно, онъ уже превратился въ какого-то звѣря. Эти заплывшіе пьяные глаза, которыми онъ уставился на меня!.. (Кааль не выдержалъ, разражается громкимъ смѣхомъ, такъ что Лотъ и Гофманъ удивленно смотрятъ на него).

Кааль (говоритъ сквозь смѣхъ). Конечно... конечно... это старикъ.

Елена (быстро, порывисто вскакиваетъ, мнетъ въ рукахъ салфетку и бросаетъ на столъ). Вы... вы... (Плюетъ) Тьфу! (Быстро уходитъ).

Кааль (прерывая смущеніе, возникшее отъ сдѣланной имъ большой глупости). Вотъ еще! Ерунда! Глупо... Я пойду своей дорогой. До свиданія. (Надѣваетъ шляпу и говоритъ, уходя и не оборачиваясь) Доброй ночи!

Г-жа Краузе (вслѣдъ ему). Я тебѣ этого не забуду, Вильгельмъ. (Складываетъ салфетку и кричитъ) Миля! (Миля входитъ). Убирай! (Про себя, но громко) Вотъ дуракъ-то!

Гофманъ. Но, мама, я, сказать по правдѣ...

Г-жа Краузе. Торопись. (Встаетъ, уходитъ).

Г-жа Шиллеръ. Ахъ, у нея было столько непріятностей сегодня! Благодарю покорно. (Встаетъ, тихо молится, вскидывая глазами, и затѣмъ уходитъ).

(Миля и Эдуардъ убираютъ со стола. Гофманъ всталъ и съ зубочисткой во рту идетъ на авансцену. Лотъ за нимъ).

Гофманъ. Вотъ видишь, каковы онѣ... женщины.

Лотъ. Я ничего не понимаю.

Гофманъ. Э, да и говорить объ этомъ не стоитъ. Это и въ самыхъ аристократическихъ семьяхъ бываетъ. Надѣюсь, это не помѣшаетъ тебѣ погостить у насъ нѣсколько дней...

Лотъ. Я бы очень хотѣлъ познакомиться съ твоей женой... Отчего она не показывается?

Гофманъ (обрѣзая новую сигару). Ну, понимаешь, въ ея положеніи... Женщина вѣдь не можетъ не модничать. Пойдемъ, пройдемся по саду. Эдуардъ! Кофе въ бесѣдку!

Эдуардъ. Слушаю.

(Гофманъ и Лотъ уходятъ черезъ зимній садъ. Эдуардъ уходитъ въ среднюю дверь, туда же за нимъ идетъ и Миля съ заставленнымъ посудой подносомъ. Нѣсколько времени комната остается пустой, затѣмъ появляется Елена).

Елена (разстроенная, съ заплаканными глазами, держитъ платокъ около рта. Отъ средней двери, черезъ которую она вошла, она быстро дѣлаетъ нѣсколько шаговъ влѣво и прислушивается у двери, ведущей въ комнату Гофмана). О, не уходи! (Не услышавъ здѣсь ничего, она прокрадывается къ двери зимняго сада и нѣсколько секундъ прислушивается, затаивъ дыханіе, умоляющимъ тономъ, съ сложенными соотвѣтственно руками) О, не уходи, не уходи!

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Около четырехъ часовъ утра. Окна въ трактирѣ освѣщены. Въ ворота виденъ блѣдно-сѣрый утренній свѣтъ, который въ теченіе дѣйствія окрашивается въ темно-красный, а затѣмъ такъ же постепенно переходитъ въ свѣтлый денной свѣтъ. На землѣ около воротъ сидитъ Бейбетъ (ему около шестидесяти лѣтъ) и отбиваетъ косу. При поднятіи занавѣса почти ничего не видно, кромѣ его фигуры, которая вырѣзывается на сѣромъ утреннемъ небѣ, но слышны однообразные, непрерывные, правильные удары молотка о наковальню. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышенъ только этотъ шумъ, затѣмъ глубокая тишина нарушается крикомъ гостей, уходящихъ изъ трактира. Трактирная дверь съ грохотомъ запирается на замокъ. Свѣтъ въ окнахъ гаснетъ. Вдали лаетъ собака, громко перекликаются пѣтухи. На дорожкѣ отъ трактира появляется темная фигура, которая зигзагами идетъ ко двору. Это крестьянинъ Краузе, который, какъ всегда, уходитъ изъ трактира послѣдній.

Крестьянинъ Краузе (натыкается на садовый заборъ, крѣпко хватается за него руками и громко бормочетъ нѣсколько въ носъ пьянымъ голосомъ, назадъ, по направленію къ трактиру). Садъ мой... трактиръ мой... (Пробормотавъ и проворчавъ нѣсколько непонятныхъ словъ, онъ выпускаетъ заборъ и врывается во дворъ, гдѣ ухватывается за рукоятку плуга). Садикъ мой... (Полунапѣвая) Пей... братецъ... ей... пей... Пей... братецъ... водка смѣлость даетъ. (Ворчитъ громче) Ну, развѣ я не красивъ? А? А дочери развѣ у меня не красивыя?

Елена (быстро выходитъ изъ дому. Видно, что она наспѣхъ накинула кое-какъ платье). Папа... милый папа... иди же. (Под-

хватываетъ его подъ руку, старается его поддержать и ввести въ домъ). Ну, иди же... скорѣе домой. Иди скорѣе! Ахъ!

Крестьянинъ Краузе (выпрямился, старается стоять прямо, вынимаетъ съ трудомъ и съ помощью обѣихъ рукъ изъ кармана штановъ кожаный кошелекъ, полный денегъ. На дворѣ посвѣтлѣло, и видно, что онъ, 50-ти-лѣтній мужчина, одѣтый въ поношенное платье, ничѣмъ не лучше, чѣмъ самый бѣдный сельскій работникъ. Онъ безъ шапки, его сѣдые, жидкіе волосы растрепаны и не причесаны. Грязная рубашка широко распахнута до самаго живота; на единственной застегнутой помочи еле держатся когда-то желтые, теперь же лоснящіеся отъ грязи, кожаные штаны, привязанные къ щиколкамъ; босыя ноги всунуты въ вышитыя ночныя туфли, вышивка которыхъ кажется еще совсѣмъ новой. На немъ нѣтъ ни жилета ни куртки, рукава рубашки не застегнуты. Доставъ кошелекъ, онъ нѣсколько разъ постукиваетъ имъ правой рукой по ладони лѣвой руки, такъ что деньги звенятъ. При этомъ смотритъ на дочь сладострастнымъ взглядомъ). Видишь деньги? И все мои! Хочешь, подарю тебѣ нѣсколько талеровъ?

Елена. Ахъ, Боже мой! (Напрасно нѣсколько разъ принимается тащить его. При одной изъ этихъ попытокъ онъ обнимаетъ ее съ неуклюжестью гориллы и дѣлаетъ нѣсколько развратныхъ жестовъ. Елена испускаетъ подавленный крикъ о помощи). Сейчасъ же пусти! Пусти! Слышишь, папа, ахъ! (Плачетъ, затѣмъ, охваченная вдругъ въ одно и то же время страхомъ, отвращеніемъ и бѣшенствомъ, кричитъ) Животное, свинья! (Толкаетъ его отъ себя. Крестьянинъ падаетъ во весь ростъ на землю. Бейбстъ подходитъ, прихрамывая, со своего мѣста изъ-подъ вороть. Елена и Бейбстъ вмѣстѣ стараются поднять крестьянина).

Крестьянинъ Краузе (запинаясь). Хочешь, пивомъ угощу?.. Хочешь?.. (Крестьянина поднимаютъ, и онъ бросается въ домъ, увлекая ихъ за собой. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой. Въ домѣ слышенъ шумъ, хлопанье дверей. Въ одномъ изъ оконъ появляется свѣтъ. Затѣмъ Бейбстъ снова выходитъ изъ дому. Онъ чиркаетъ о свои кожаные штаны сѣрную спичку, чтобы зажечь короткую трубочку, которую онъ почти никогда не вынимаетъ изо рта. Пока онъ этимъ занятъ, Кааль проскальзываетъ изъ двери дома. Онъ въ чулкахъ, куртка виситъ у него черезъ лѣвую руку, въ лѣвой рукѣ — ночныя туфли. Въ правой онъ держитъ шляпу, въ зубахъ воротничокъ отъ рубашки. Добравшись почти до середины двора, онъ оборачивается и видитъ смотрящаго на него Бейбста. Нѣсколько секундъ онъ стоитъ въ нерѣшительности, потомъ беретъ шляпу и воротничокъ отъ рубашки въ лѣвую руку, достаетъ что-то изъ кармана штановъ, подходитъ къ Бейбсту и даетъ ему что-то въ руку).

Кааль. Вотъ вамъ талеръ, и не болтать! (Идетъ быстро черезъ дворъ и прыгаетъ черезъ заборъ праваго сада. Уходитъ).

Бейбстъ (зажегъ новой спичкой трубку, идетъ, прихрамывая, къ воротамъ, опускается на землю и принимается за отбивку косы. Снова нѣкоторое время слышны только удары молотка и оханье старика, прерываемое короткими проклятіями, когда у него что-нибудь не ладится въ работѣ. Стало значительно свѣтлѣе).

Лотъ (выходитъ изъ двери дома, стоитъ тихо, потягивается, нѣсколько разъ глубоко вздыхаетъ). А... А... Утро-то какое! (Медленно идетъ на заднiй планъ до воротъ. Къ Бейбсту) Добраго утра. Раненько встали!

Бейбстъ (недовѣрчиво косится на него; недружелюбно). Доброе утро! (Маленькая пауза, потомъ Бейбстъ, не обращая вниманiя на присутствiе Лота, разговариваетъ какъ будто съ косой, которой онъ нѣсколько разъ сердито взмахиваетъ) У! Скотина этакая! Будешь теперь ровной? Эхъ! Чтобъ тебя чортъ побралъ! (Точитъ дальше).

Лотъ (сѣлъ между рукоятками экстирпатора). Сегодня, должно-быть, сѣнокосъ?

Бейбстъ (грубо). У кого сѣнокосъ, у кого нѣтъ.

Лотъ. Но вѣдь вы точите косу?

Бейбстъ (къ косѣ). Эхъ, дура! (Маленькая пауза).

Лотъ. Зачѣмъ же вы тогда точите косу, если сегодня не будетъ сѣнокоса?

Бейбстъ. Ну, а если скоту кормъ нуженъ, такъ по-вашему косы не нужно?

Лотъ. Ахъ, такъ вы это только для корма на одинъ день?

Бейбстъ. А то что же еще?

Лотъ. И такъ каждое утро будутъ косить?

Бейбстъ. А то что-жъ? Голодать, что ли, скоту?

Лотъ. Вы должны быть ко мнѣ снисходительны. Я городской житель. Я въ сельскомъ хозяйствѣ толку не знаю.

Бейбстъ. Городской житель! Да они лучше сельскихъ хозяйство-то знаютъ.

Лотъ. Ну, ко мнѣ это не относится. Не можете ли вы мнѣ объяснить, что это за машина? Ужъ нѣсколько разъ я ее видалъ, а названiя...

Бейбстъ. Это на которой вы сидите-то? Это, говорятъ, экстрабаторъ.

Лотъ. Ну, конечно, экстирпаторъ. Его здѣсь тоже употребляютъ?

Бейбстъ. Къ сожалѣнiю, нѣтъ!.. Онъ все губитъ... онъ какъ есть все поле губитъ... Бѣдному человѣку тоже хочется имѣть клочокъ земли, да на такой землѣ никакой хлѣбъ не растетъ... да нѣтъ, онъ скорѣе всему дастъ погибнуть. Ничего не растетъ, кромѣ сорныхъ травъ, да...

Лотъ. Да, съ этимъ ничего не выручишь. Я знаю, въ Карiйцы тоже употребляли такiе экстирпаторы, чтобы совершенно очистить обрабатываемыя земли.

Бейбстъ. А гдѣ эти и... Вы сейчасъ сказали, и...

Лотъ. Икарійцы? Въ Америкѣ.

Бейбстъ. Тамъ тоже есть такія вещи?

Лотъ. Да, конечно.

Бейбстъ. А что это за народъ?

Лотъ. Икарійцы? Это не отдѣльный народъ. Это люди всѣхъ націй, соединившіеся вмѣстѣ. Они владѣютъ въ Америкѣ прекраснымъ кускомъ земли, на которомъ они сообща хозяйничаютъ. Всю работу и весь заработокъ они дѣлятъ поровну. У нихъ нѣтъ ни одного бѣдняка.

Бейбстъ (лицо его приняло-было нѣсколько болѣе дружественное выраженіе, но при послѣднихъ словахъ Лота онъ опять сталъ смотрѣть недовѣрчиво и недружелюбно. Не обращая вниманія на Лота, онъ снова весь погружается въ работу). Ну ужъ и коса!..

Лотъ (все еще сидитъ, смотритъ сначала на старика со спокойной улыбкой, затѣмъ выглядываетъ за ворота. Черезъ ворота видны далеко тянущіяся клеверныя поля и луга; между ними извивается ручей, теченіе котораго мелькаетъ между ольхами и ивами. На горизонтѣ одна конусообразная гора. Повсюду разсѣяны жаворонки, непрерывное пѣніе которыхъ слышится и вдали и вблизи. Лотъ поднимается со словами). Пойти прогуляться, что ли? Хорошее утро! (Уходитъ въ ворота. Слышно хлопанье деревянныхъ башмаковъ. Кто-то быстро идетъ по лѣстницѣ съ чердака конюшни: это Густа).

Густа (довольно полная дѣвушка, безъ корсета; голыя руки и икры, на голыхъ ногахъ деревянные башмаки. Несетъ зажженный фонарь). Доброе утро, дядя Бейбстъ.

Бейбстъ (что-то бормочетъ).

Густа (смотритъ, защитивъ глаза рукой, за ворота вслѣдъ Лоту). Это еще кто?

Бейбстъ (раздраженно). Бѣдныхъ людей за дураковъ считаетъ, а самъ, поди, свѣтитъ, какъ огонь... (Встаетъ). Приготовь-ка телѣгу, дѣвка.

Густа (занималась мытьемъ икръ у колодца, теперь кончила и говоритъ, прежде чѣмъ уйти въ коровникъ). Сейчасъ, сейчасъ, дядя Бейбстъ.

Лотъ (возвращается и даетъ Бейбсту денегъ). Вотъ тутъ... пустяки. Деньги всегда могутъ пригодиться.

Бейбстъ (растаявъ, какъ бы превращенный, съ искреннимъ расположеніемъ). Да, да, вы правы... я тоже это думалъ много разъ. Вы, должно-быть, въ гостяхъ у зятя? (Вдругъ разговорившись) Знаете что... если вы захотите прогуляться, то идите вонъ туда... на гору. Только все лѣвѣй держите, а то направо тамъ обвалъ. Сынъ мой говоритъ, что это оттого, что плохо подпорки поставили... углекопы-то... имъ платили мало... это онъ, сынъ-то, говоритъ... совсѣмъ какъ

могила. Понимаете! Такъ вы полѣвѣй берите, все полѣвѣй. Направо яма. А то вотъ въ прошломъ году шла тутъ торговка масломъ да и провалилась... а какъ тамъ глубоко, одинъ Богъ знаетъ... Такъ и не нашли... Такъ, слышите, все лѣвѣй держите. Какъ разъ и выйдете. (Раздается выстрѣлъ).

Лотъ. Кто это такъ рано стрѣляетъ?

Бейбстъ. Кому же еще? Извѣстно, этотъ поганый...

Лотъ. Кто такой?

Бейбстъ. Кааль Вильгельмъ, сынъ сосѣда Нуппера... Ну погоди-жъ. Я видѣлъ, онъ въ моемъ саду жаворонковъ стрѣлялъ.

Лотъ. Да вы хромаете?

Бейбстъ. Да, не приведи Богъ какъ... (Грозитъ кулакомъ по направленію полей) Ну погоди-жъ ты! Погоди... ты!..

Лотъ. Что у васъ съ ногой?

Бейбстъ. У меня-то?

Лотъ. Да.

Бейбстъ. Напустили на меня.

Лотъ. И больно вамъ?

Бейбстъ (схватившись за ногу). Страшно болитъ.

Лотъ. У васъ нѣтъ доктора?

Бейбстъ. Какъ вамъ сказать? Всѣ доктора ничего не понимаютъ. Всѣ. Ну, а нашъ докторъ—дѣльный человѣкъ!

Лотъ. Онъ вамъ помогъ?

Бейбстъ. Немного, можетъ, и помогъ. Онъ мнѣ и бинтовалъ ее и мазалъ... ну, а мнѣ все не легче. Но онъ... ну, однимъ словомъ, онъ жалѣетъ бѣдныхъ людей, и лѣкарства покупаетъ, и не беретъ ничего, и приходитъ во всякое время...

Лотъ. Но вѣдь вы гдѣ-нибудь ее да повредили? Вы всегда такъ хромали?

Бейбстъ. Вовсе нѣтъ.

Лотъ. Въ такомъ случаѣ я не понимаю, должна же быть причина...

Бейбстъ. Почемъ я знаю? (Снова грозитъ кулакомъ) Подожди ты! погоди съ своей стрѣльбой.

Кааль (появляется въ своемъ саду. Въ правой рукѣ держитъ ружье, лѣвая рука зажата. Кричитъ). Здравствуйте, г-нъ докторъ! (Лотъ идетъ черезъ дворъ къ нему. Между тѣмъ Густа и другая дѣвушка, Лиза, запрягли телѣгу, на которой лежатъ грабли и навозныя вилы. Онѣ выѣзжаютъ черезъ ворота въ поле мимо Бейбста, который, послѣ нѣсколькихъ гнѣвныхъ взглядовъ и гнѣвныхъ жестовъ исподтишка по адресу Кааля, вскидываетъ косу на плечо и, прихрамывая, идетъ за ними. Бейбстъ и дѣвушки уходятъ).

Лотъ (Каалю). Доброе утро!

Кааль. Показать вамъ штучку? (Протягиваетъ черезъ заборъ зажатую руку).

Лотъ. Что это у васъ тамъ?

Кааль. Отгадайте! (Открываетъ сейчасъ же руку).

Лотъ. Что?! такъ это правда... вы стрѣляете жаворонковъ! Да васъ за это за уши слѣдуетъ отодрать, безобразника этакій, понимаете? (Поворачивается къ нему спиной и идетъ прямо черезъ дворъ назадъ за Бейбстомъ и дѣвушками. Уходитъ).

Кааль (смотритъ пристально съ глупымъ изумленіемъ нѣсколько секундъ вслѣдъ Лоту, затѣмъ сжимаетъ исподтишка кулакъ, говоритъ). Подлецъ! (Оборачивается и исчезаетъ направо. Нѣсколько секундъ сцена остается пустой).

Елена (выходитъ изъ дома въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и большой садовой шляпѣ. Оглядывается кругомъ, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ воротамъ, останавливается и заглядываетъ въ ворота. Затѣмъ медленно идетъ направо черезъ дворъ и поворачиваетъ на дорогу къ трактиру. Большія связки всевозможныхъ чаевъ висятъ для просушки черезъ заборъ; она нюхаетъ ихъ, проходя мимо. Наклоняетъ вѣтви плодовыхъ деревьевъ и разсматриваетъ низко висящія красныя яблоки. Когда она замѣчаетъ, что Лотъ отъ трактира идетъ къ ней навстрѣчу, ее охватываетъ еще большее безпокойство, такъ что она поворачиваетъ и идетъ отъ Лота назадъ во дворъ. Здѣсь она замѣчаетъ, что голубятня еще заперта, идетъ къ ней черезъ маленькую калитку плодоваго сада и старается стащить книзу веревку, которую отнесло вѣтромъ и она гдѣ-то зацѣпилась; въ это же время до нея дошелъ Лотъ и заговорилъ).

Лотъ. Здравствуйте.

Елена. Здравствуйте... Вѣтеръ занесъ веревку.

Лотъ. Позвольте, я вамъ помогу. (Входитъ также черезъ калитку, стаскиваетъ внизъ веревку и открываетъ голубятню. Голуби вылетаютъ).

Елена. Благодарю васъ.

Лотъ (снова идетъ черезъ калитку, но останавливается за заборомъ и стоитъ, опершись на него. Елена передъ заборомъ. Послѣ маленькой паузы). Вы всегда такъ рано встаете?

Елена. А я какъ разъ вамъ хотѣла задать тотъ же вопросъ.

Лотъ. Я? Нѣтъ. Со мной это всегда бываетъ, когда я ночую въ чужомъ домѣ.

Елена. Отчего же это?

Лотъ. Объ этомъ я, по правдѣ сказать, никогда еще не думалъ, да и не вижу цѣли думать?

Елена. Почему же нѣтъ?

Лотъ. По крайней мѣрѣ никакой видимой, практической цѣли.

Елена. А по-вашему все, что вы думаете или дѣлаете, должно имѣть практическую цѣль?

Лотъ. Не иначе, въ противномъ случаѣ...

Елена. Вотъ этого отъ васъ я не ожидала услыхать.

Лотъ. Чего?

Елена. То же самое, вѣроятно, думала и мачеха, когда третьяго-дня отняла у меня «Вертера».

Лотъ. Дѣйствительно, книга глупая.

Елена. Не говорите этого!

Лотъ. Я еще разъ повторяю, это книга для слабыхъ людей.

Елена. Это очень можетъ быть.

Лотъ. Почему вы стали читать именно эту книгу? Развѣ она вамъ понятна?

Елена. Я надѣюсь... отчасти, конечно. Ея чтеніе такъ успокаиваетъ. (Послѣ паузы) Но если это, по-вашему, глупая книга, то, можетъ-быть, вы укажете мнѣ что-нибудь лучшее?

Лотъ. Прочтите... ну... знаете вы «Борьбу за Римъ», Дана?

Елена. Нѣтъ, но я куплю эту книгу. А она служитъ какой-нибудь практической цѣли?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ разумной цѣли. Она описываетъ людей не такими, какіе они есть, а какими они должны быть. Она имѣетъ символическое значеніе.

Елена (съ увѣренностью). Это хорошо. (Маленькая пауза). Можетъ-быть, вы можете мнѣ сказать... въ газетахъ такъ много говорятъ о Зола и Ибсенѣ. Что это, большіе поэты?

Лотъ. Это вовсе не поэты, а необходимое зло, фрейлейнъ. Я здоровый человѣкъ и требую отъ поэзіи свѣтлаго, освѣжающаго напитка. Я не больной. А Зола и Ибсенъ предлагаютъ лѣкарства.

Елена (какъ бы невольно). Значитъ, мнѣ они, можетъ-быть, будутъ полезны.

Лотъ (до сихъ поръ отчасти, теперь же совершенно погружается въ созерцаніе покрытаго росой фруктоваго сада). Какъ здѣсь хорошо! Посмотрите, какъ солнце поднимается надъ вершиной этой горы. У васъ въ саду много яблокъ... Прекрасный урожай.

Елена. И въ этомъ году три четверти всего опять раскрадутъ. Кругомъ ужъ очень много бѣдныхъ!

Лотъ. Вы не повѣрите, какъ я люблю деревню. Къ сожалѣнію, большая часть моей пшеницы, которую я долженъ воздѣлывать, растетъ въ городѣ. Но теперь я хочу вполнѣ насладиться деревенской жизнью. Мы больше, чѣмъ кто-либо, нуждаемся въ солнцѣ и свѣжемъ воздухѣ.

Елена (вздыхая). Больше нуждаетесь, чѣмъ... Почему?

Лотъ. Потому что мы ведемъ ожесточенную борьбу, до конца которой и не доживешь.

Елена. Развѣ мы, другіе, не ведемъ такой же борьбы?

Лотъ. Нѣтъ.

Елена. Но вѣдь мы тоже боремся?

Лотъ. Конечно. Но эта борьба можетъ кончиться.

Елена. Можетъ — въ этомъ вы правы. А почему же та борьба, которую вы ведете, г-нъ Лотъ, не можетъ кончиться?

Лотъ. Ваша борьба—борьба за личное благосостояніе. И каждый, насколько это въ силахъ человѣка, можетъ его достигнуть. Моя же борьба —борьба за всеобщее счастье. Чтобы мнѣ стать счастливымъ, необходимо, чтобы сначала всѣ люди были счастливы. Мнѣ для счастья необходимо не видѣть кругомъ ни болѣзней, ни бѣдности, ни рабства, ни подлости. Я могъ бы сѣсть за столъ только послѣднимъ.

Елена (съ убѣжденіемъ). Тогда вы очень, очень хорошій человѣкъ.

Лотъ (немного смущенный). О, въ этомъ нѣтъ заслуги. Я такъ ужъ созданъ. Да и самая борьба въ надеждѣ на успѣхъ доставляетъ мнѣ громадное удовлетвореніе. И это счастье, по-моему, гораздо выше обыкновеннаго эгоистичнаго.

Елена. Да, но такихъ людей немного. Какое счастье родиться такимъ!

Лотъ. Такимъ никто не родится. Мнѣ кажется, такимъ дѣлаешься, благодаря несообразности всѣхъ нашихъ отношеній. Необходимо разъ навсегда сознать эту несообразность. А разъ ты это сознаешь и страдаешь среди этихъ несообразностей, то по необходимости самъ собой сдѣлаешься такимъ, какимъ сталъ и я.

Елена. Мнѣ хочется вполнѣ васъ понять... Что вы собственно называете несообразнымъ?

Лотъ. Несообразно, напримѣръ, если работающій въ потѣ лица голодаетъ, а лѣнивый живетъ въ избыткѣ. Несообразно наказывать убійство въ мирное время и прославлять его въ военное. Несообразно презирать палача, а самимъ, какъ это дѣлаютъ всѣ солдаты, гордо разгуливать съ привязаннымъ сбоку человѣкоубійственнымъ инструментомъ — саблей или шпагой. Если бы палачъ вздумалъ прогуляться со своимъ топоромъ, то его, безъ сомнѣнія, побили бы камнями. Несообразно имѣть государственной религіей религію Христа, эту религію терпѣнія, самопо-

жертвованія и любви, и воспитывать вмѣстѣ съ тѣмъ народъ въ духѣ кровопролитій, воспитывать для убійства такихъ же людей. И вѣдь это только единицы среди милліоновъ другихъ несообразностей. И пойти наперекоръ этимъ несообразностямъ нелегко. Чѣмъ раньше начнешь, тѣмъ лучше.

Елена. Какъ вы пришли къ этому? Все это такъ просто, а никому это и въ голову не приходитъ.

Лотъ. Мнѣ было нетрудно додуматься до этого благодаря ходу моего развитія, разговорамъ съ друзьями, чтенію и собственнымъ мыслямъ. Первую несообразность я понялъ еще маленькимъ мальчикомъ. Я какъ-то совралъ, и отецъ за это меня выдралъ. Вскорѣ послѣ этого я поѣхалъ съ нимъ по желѣзной дорогѣ и замѣтилъ, что отецъ мой тоже совралъ и считалъ это вполнѣ справедливымъ. Мнѣ было тогда пять лѣтъ, а мой отецъ сказалъ кондуктору, что мнѣ еще не было четырехъ, такъ какъ дѣти моложе четырехъ лѣтъ пользовались даровымъ проѣздомъ. Затѣмъ, однажды мой учитель мнѣ сказалъ: «будь прилеженъ, дѣлай свое дѣло, и тогда все пойдетъ хорошо въ твоей жизни». И онъ былъ неправъ, это я понялъ очень скоро. Мой отецъ былъ добросовѣстный, честный, вполнѣ благородный человѣкъ, а одинъ подлецъ, который и сейчасъ богатъ, обманомъ лишилъ его нѣсколькихъ тысячъ талеровъ. Къ этому же негодяю, у котораго былъ большой мыловаренный заводъ, мой отецъ, впавъ въ бѣдность, долженъ былъ поступить на мѣсто.

Елена. У насъ никто не осмѣлится—вслухъ никто не осмѣлится счесть это за несправедливость. Много, если почувствуютъ въ глубинѣ души. Это чувствуютъ нѣкоторые, пожалуй, и часто,—и тогда такого человѣка считаютъ трусомъ.

Лотъ. Я помню одну несообразность, которая рѣзко бросилась мнѣ въ глаза. До тѣхъ поръ я думалъ, что убійство во всѣхъ случаяхъ наказывается, какъ преступленіе. Но съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, что незаконными считаются только самыя мягкія формы убійства.

Елена. Какимъ же это образомъ?..

Лотъ. Мой отецъ былъ рафинировальщикъ; мы жили рядомъ съ заводомъ, и наши окна выходили на заводскій дворъ. Да, многому тамъ я научился... Такъ былъ вотъ тамъ одинъ рабочій,—прослужилъ на заводѣ пять лѣтъ и началъ сильно кашлять и худѣть... Я помню, какъ отецъ разсказывалъ намъ за столомъ: Бурмейстеръ — такъ звали

рабочаго — наживетъ себѣ чахотку, если будетъ еще работать при выдѣлкѣ мыла. Докторъ ему это прямо сказалъ. У рабочаго было восемь человѣкъ дѣтей, и онъ былъ такъ изнуренъ, что найти себѣ другой работы не могъ и долженъ былъ поневолѣ остаться на мыловаренномъ заводѣ. И принципалъ считалъ себя, конечно, благотворителемъ за то, что оставилъ его. Въ одинъ страшно жаркій августовскій день онъ съ трудомъ везъ тачку извести черезъ дворъ. Я какъ разъ смотрѣлъ изъ окна и замѣтилъ, что онъ остановился, закачался и наконецъ упалъ во весь ростъ на камни. Я побѣжалъ туда, пришелъ отецъ, пришли другіе рабочіе, а онъ только хрипитъ, и ротъ его былъ полонъ крови. Я сталъ помогать перенести его въ домъ. Онъ представлялъ собою груду лохмотьевъ, пропитанныхъ известью и другими ѣдкими химическими продуктами. Мы не успѣли его донести до дому, онъ умеръ по дорогѣ.

Елена. Господи, какъ ужасно!

Лотъ. Да, а недѣлю спустя мы вытащили тѣло его жены изъ рѣки, въ которую стекалъ съ завода негодный щелокъ. Когда вотъ знаешь все это, какъ я теперь знаю, то, повѣрьте, жить спокойно нельзя. Да, простой кусочекъ мыла, о которомъ никто на свѣтѣ ничего не думаетъ, и чисто вымытыя, выхоленныя руки приводятъ меня въ самое мрачное настроеніе духа.

Елена. Я тоже видѣла разъ нѣчто подобное. Это было ужасно, ужасно!

Лотъ. Что такое?

Елена. Сына одного рабочаго принесли сюда полумертвымъ... года три тому назадъ.

Лотъ. Несчастный случай?

Елена. Да, на той сторонѣ, въ Медвѣжьей штольнѣ.

Лотъ. Рудокопъ?

Елена. Да, большинство здѣшней молодежи работаетъ въ рудникахъ. И второй сынъ этого отца тоже былъ пленеромъ и кончилъ такъ же.

Лотъ. Оба умерли?

Елена. Оба умерли... одинъ разъ оборвалось что-то въ подъемной машинѣ, а другой разъ тамъ газомъ задушило... У старика Бейбста есть еще третій сынъ. И онъ съ Пасхи началъ тамъ работать.

Лотъ. Тамъ же! Да что вы говорите! И отецъ согласился?

Елена. Конечно! Только еще ворчливѣе прежняго сталъ. Развѣ вы его еще не видали?

Лотъ. Я? Почему?

Елена. Да онъ съ ранняго утра сидѣлъ здѣсь въ воротахъ.

Лотъ. Ахъ, онъ работаетъ здѣсь на дворѣ?

Елена. Ужъ много лѣтъ.

Лотъ. Хромаетъ?

Елена. Даже очень сильно.

Лотъ. Такъ, такъ. Что это у него съ ногой?

Елена. Ахъ, это дикая исторія. Вы вѣдь знаете г-на Кааля?.. Простите, но я подойду къ вамъ поближе. Его отецъ, видите ли, былъ такой же сумасшедшій охотникъ, какъ и сынъ. Онъ стрѣлялъ вслѣдъ ученикамъ ремесленниковъ, когда они проходили черезъ дворъ, конечно, только на воздухъ, только чтобы попугать ихъ. Къ тому же онъ былъ страшно вспыльчивъ, особенно когда выпьетъ. Ну, Бейбстъ какъ-то и разворчался, — онъ очень любитъ ворчать, — тогда крестьянинъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ него... Бейбстъ, знаете, былъ раньше кучеромъ у сосѣда Кааля.

Лотъ. Преступленіе за преступленіемъ, куда ни посмотри!

Елена (все безсвязнѣе и возбужденнѣе). Я много разъ такъ думала про себя... они всѣ возбуждаютъ во мнѣ иногда такую страшную жалость — старый Бейбстъ и... Крестьяне такъ глупы и грубы, какъ... какъ, напримѣръ, Штрекманъ, который заставляетъ своихъ работниковъ голодать, а собакъ кормитъ чуть не кондитерскимъ печеньемъ. Я просто растерялась здѣсь, съ тѣхъ поръ какъ вернулась изъ пансіона. Я болтаю глупости, — вамъ это совсѣмъ неинтересно. Вы, можетъ-быть, смѣетесь надо мной.

Лотъ. Что вы говорите?.. Почему бы я сталъ надъ вами...

Елена. Ну какъ же нѣтъ? Навѣрно, вы думаете: она не лучше другихъ здѣшнихъ!

Лотъ. Я ни о комъ не думаю дурно.

Елена. Нѣтъ, все равно, я не повѣрю... нѣтъ, нѣтъ!

Лотъ. Чѣмъ же я далъ вамъ поводъ...

Елена (готовая заплакать). Ахъ, будетъ вамъ! Вы презираете насъ, сознайтесь — вѣдь вы должны насъ презирать (плаксиво) — и зятя и меня! Меня прежде всего, и на это, на это у васъ, вѣроятно, есть также основаніе. (Быстро поворачивается къ Лоту спиной и идетъ, не владѣя больше своими движеніями, черезъ фруктовый садъ къ заднему плану. Лотъ входитъ въ калитку и медленно идетъ за ней).

Г-жа Краузе (въ утреннемъ туалетѣ, съ краснымъ, какъ у индюка, лицомъ, въ дверяхъ, кричитъ). Бѣда съ этими дѣвками! Въ моемъ домѣ. Вонъ всѣхъ этихъ дѣвокъ! (Бѣжитъ черезъ дворъ и исчезаетъ въ конюшнѣ. Г-жа Шиллеръ появляется съ вязаньемъ въ дверяхъ дома. Въ конюшнѣ слышны брань и вой).

Г-жа Краузе (толкаетъ передъ собой изъ конюшни воющую дѣвушку). Дѣвка уличная! (Дѣвушка воетъ громче). Вонъ отсюда! Собирай свои пожитки и убирайся! (Елена, съ красными глазами, входитъ въ ворота, замѣчаетъ сцену и тихо стоитъ, выжидая).

Дѣвушка (видитъ г-жу Шиллеръ, бросаетъ скамейку и ведро для молока, и яростно подходитъ къ ней). Это вы все! Я вамъ за это отплачу! (Бѣжитъ, всхлипывая, по чердачной лѣстницѣ наверхъ. Скрывается).

Елена (подходя къ г-жѣ Краузе). Что она такое сдѣлала?

Г-жа Краузе (грубо). А тебѣ что за дѣло, дура?

Елена (горячо, почти плача). Да, это мое дѣло.

Г-жа Шиллеръ (быстро подходя). Это совсѣмъ не дѣло для молоденькой барышни...

Г-жа Краузе. Почему это, Шиллеръ? Не сахарная. Съ конюхомъ она на одной постели лежала... Вотъ знай!..

Елена (повелительнымъ голосомъ). Но дѣвушка все-таки останется у насъ.

Г-жа Краузе. Дѣвка!

Елена. Хорошо! Тогда я разскажу отцу, что у тебя почуетъ Вильгельмъ Кааль.

Г-жа Краузе (даетъ ей пощечину). Вотъ тебѣ!

Елена (блѣдная какъ смерть, но еще тверже). Дѣвушка останется, или... или я вездѣ разскажу. Ты и Кааль Вильгельмъ... Твой двоюродный братъ... мой женихъ... Я вездѣ разскажу.

Г-жа Краузе (въ нерѣшительномъ смущеніи). Кто это смѣетъ сказать?

Елена. Я! Потому что я видѣла, какъ онъ сегодня утромъ изъ твоей спальни... (Быстро уходитъ въ домъ).

(Г-жа Краузе шатается, близка къ обмороку. Г-жа Шиллеръ подходитъ къ ней съ флакончикомъ).

Г-жа Шиллеръ. Сударыня! Сударыня!

Г-жа Краузе. Шиллеръ, скажите этой дѣвкѣ, пусть остается!

(Занавѣсъ быстро падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ ссоры Елены съ мачехой на дворѣ. Обстановка та же, что въ первомъ дѣйствіи.

Д-ръ Шиммельфеннигъ сидитъ за столомъ налѣво на переднемъ планѣ и пишетъ рецептъ. Шляпа съ большими полями, палка и нитяныя перчатки на столѣ передъ нимъ. Плотный, низкаго роста, съ черными волосами и довольно густыми усами. Черный сюртукъ по образцу обыкновенныхъ охотничьихъ сюртуковъ. Одѣтъ солидно, но не изящно. У него привычка почти безостановочно крутить и поглаживать усы, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ самъ возбужденнѣе. Выраженіе его лица въ разговорѣ съ Гофманомъ принужденно-спокойно, въ углахъ рта саркастическая складка. Его движенія живы, опредѣленны, угловаты, но вполнѣ естественны.

Гофманъ въ шелковомъ халатѣ и туфляхъ ходитъ по комнатѣ. На столѣ на заднемъ планѣ накрытъ завтракъ. Дорогой фарфоръ, печенье, графинчикъ съ ромомъ и т. п.

Гофманъ. Что же, вы довольны, докторъ, моей женой?

Д-ръ Шиммельфеннигъ. Почему же нѣтъ? Она выглядитъ совсѣмъ хорошо.

Гофманъ. И, вы думаете, все обойдется хорошо?

Д-ръ Шиммельфеннигъ. Надѣюсь.

Гофманъ (послѣ паузы, нерѣшительно). Я уже нѣсколько недѣль, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ сюда, все собираюсь спросить у васъ совѣта въ одномъ, очень важномъ вопросѣ.

Д-ръ Шиммельфеннигъ (который былъ до сихъ поръ занятъ писаньемъ, откладываетъ перо, встаетъ и передаетъ Гофману написанный рецептъ). Такъ... Закажите это поскорѣе. (Беретъ шляпу, перчатки и палку). Ваша жена жалуется на головную боль. (Глядя въ шляпу, дѣловитымъ тономъ). Да, чтобы не забыть... Постарайтесь объяснить вашей женѣ, что она нѣкоторымъ образомъ отвѣтственна за будущаго ребенка. Я самъ ей только-что поразсказалъ о послѣдствіяхъ затягиванія.

Гофманъ. Конечно, докторъ... я сдѣлаю все отъ меня зависящее...

Д-ръ Шиммельфеннигъ (кланяясь нѣсколько неловко). Будьте здоровы. (Идетъ, потомъ останавливается). Ахъ, да!.. Вы хотѣли спросить у меня что-то. (Холодно взглядываетъ на Гофмана).

Гофманъ. Да, если у васъ есть нѣсколько свободныхъ минутъ... (Не безъ аффектаціи) Вы знаете ужасную смерть моего перваго мальчика. Вы были вѣдь свидѣтелемъ ея. Вы знаете, конечно, въ какомъ ужасномъ состояніи былъ я въ то время... Но время все смягчаетъ... Наконецъ я вознагражденъ, мое страстное желаніе, повидимому, испол-

няется. Вы понимаете, что я готовъ все сдѣлать... Я ночей не сплю и все-таки не знаю, все-таки еще не знаю, что я долженъ сдѣлать, чтобы избавить еще не родившееся созданіе отъ участи его братишки. Объ этомъ-то я и хотѣлъ съ вами...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (сухо и дѣловито). Разлучите его съ матерью: это главное условіе успѣшнаго развитія.

Гофманъ. То-есть? Вы хотите сказать: совсѣмъ разлучить? Ему нельзя даже быть въ одномъ домѣ съ ней?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да, если вы серьезно хотите сохранить своего ребенка, то нельзя. Вѣдь ваши средства позволяютъ вамъ свободно распорядиться въ этомъ отношеніи?

Гофманъ. Да, слава Богу! Я уже купилъ близъ Гиршберга виллу съ очень большимъ паркомъ. Но я хотѣлъ и жену...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (крутитъ усъ и пристально смотритъ въ землю. Послѣ нѣкотораго раздумья). Для жены купите виллу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Гофманъ (пожимаетъ плечами).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (какъ прежде). Не можете ли вы заинтересовать въ воспитаніи ребенка вашу невѣстку?

Гофманъ. Если бы вы знали, г-нъ докторъ, какія тутъ затрудненія... Кромѣ того, вѣдь она совершенно неопытная молодая дѣвушка... Мать—все-таки мать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вы знаете мое мнѣніе. Честь имѣю кланяться.

Гофманъ (кланяясь ему съ преувеличенною любезностью). До свиданія! Очень, очень вамъ благодаренъ... (Оба уходятъ въ среднюю дверь).

Елена (входитъ, внѣ себя, всхлипываетъ, держитъ платокъ у рта, падаетъ на диванъ налѣво. Черезъ нѣсколько секундъ снова входитъ Гофманъ, держа въ рукахъ газеты).

Гофманъ. Что это ты? И долго это будетъ продолжаться? Съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, дня не проходитъ, чтобы ты не плакала.

Елена. Ахъ! Ну что ты понимаешь? Если бы ты имѣлъ хоть маленькое представленіе обо всемъ, ты бы удивлялся, что я иногда не плачу.

Гофманъ. Ну, это мнѣ не нравится!

Елена. А мнѣ тѣмъ болѣе!

Гофманъ. Послушай, значитъ, опять что-нибудь вышло?

Елена (вскакиваетъ, топаетъ ногой). Я не могу больше тер-

пѣть. Довольно! Я этого больше не позволю! Я не понимаю, почему... я...

Гофманъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, въ чемъ дѣло, чтобы...

Елена (снова горячо прорываясь). Мнѣ все равно! Хуже быть не можетъ. Отецъ — пьяница, животное, отъ котораго не защищена даже собственная дочь. Прелюбодѣйка-мачеха, которая желаетъ сосватать меня за своего любовника... Вообще вся эта жизнь... Нѣтъ!.. Я не понимаю, кто смѣетъ меня заставить сдѣлаться совсѣмъ дурной! Я ухожу! Я уѣзжаю! И если вы меня не пустите... веревка... ножъ... револьверъ... мнѣ все равно,—я не могу браться за водку, какъ моя сестра.

Гофманъ (испуганно, хватаетъ ее за руку). Лена!.. Молчи!.. Не говори объ этомъ!

Елена. Все равно!.. Мнѣ совершенно все равно!.. Надо стыдиться всего этого въ глубинѣ души. Хочется знать что-нибудь, чѣмъ-нибудь быть, быть въ состояніи чѣмъ-нибудь сдѣлаться,—а чѣмъ же сдѣлаешься?

Гофманъ (не выпускавшій до сихъ поръ ея руки, начинаетъ постепенно подводить дѣвушку къ дивану. Въ тонѣ его голоса слышится теперь вдругъ мягкая, преувеличенная, какъ бы вибрирующая нѣжность). Леночка! Я знаю, много тебѣ приходится здѣсь выносить. Успокойся!.. Не разсказывай мнѣ ничего... Я знаю... (Кладетъ, лаская, правую руку ей на плечо, приближается къ ней лицомъ). Я не могу видѣть твоихъ слезъ. Слышишь, мнѣ самому это больно. Не гляди на обстоятельства мрачнѣе, чѣмъ они есть, а потомъ, развѣ ты забыла, что мы оба находимся въ одинаковомъ положеніи? Я вступилъ въ эту деревенскую атмосферу... а развѣ я подхожу къ ней? Вѣроятно, такъ же мало, какъ и ты.

Елена (все еще плача). Подозрѣвала ли это мама, когда она захотѣла, чтобы я воспитывалась въ Гернгутѣ. Лучше бы она меня... лучше бы она меня оставила дома,—тогда я, по крайней мѣрѣ, ничего бы другого не знала, выросла бы здѣсь, въ болотѣ. Но такъ...

Гофманъ (довелъ нѣжно Елену до дивана и садится рядомъ съ ней, тѣсно прижавшись къ ней. Въ его утѣшеніяхъ все замѣтнѣе проскальзываетъ чувственный элементъ). Леночка! Ну посмотри на меня! Ну утѣшься! О сестрѣ твоей мнѣ тебѣ нечего говорить. (Горячо и съ задушевностью, обнимая ее крѣпче) Если бы она была похожа на тебя!.. Ну сама посуди, чѣмъ она можетъ быть для меня? Что за жизнь, Леночка, образован-

наго человѣка, (тише) жена котораго страдаетъ такой несчастной страстью? Вѣдь вслухъ сказать-то странно: женщина и водка... Ну, скажи, развѣ я счастливъ?.. Подумай о моемъ Фрицѣ. Ну?.. (Все страстнѣе) Но судьба все-таки позаботилась, она заставила встрѣтиться насъ съ тобой. Мы созданы другъ для друга! Намъ съ нашимъ общимъ горемъ суждены и общія радости. Правда, Леночка? (Онъ совсѣмъ обнимаетъ ее. Она переноситъ это, но съ выраженіемъ лица, которое говоритъ, что она принуждаетъ себя къ терпѣнію. Она затихла и ждетъ, повидимому, съ трепетнымъ ожиданіемъ, что что-то должно непремѣнно произойти).

Гофманъ (нѣжно). Послушайся меня, уходи отсюда и поселись съ нами. Будущій ребенокъ нуждается въ матери. Лена, замѣни ему мать! (Страстно тронутый, сентиментально) Вѣдь у него нѣтъ матери! А потомъ еще: внеси немного, ну хоть капельку свѣта и въ мою жизнь! Сдѣлай, сдѣлай это! (Хочетъ положить голову къ ней на грудь. Она вскакиваетъ, возмущенная. На ея лицѣ отражается презрѣніе, изумленіе, отвращеніе, ненависть).

Елена. О, теперь я тебя насквозь вижу! До сихъ поръ я это смутно подозрѣвала, но теперь я знаю.

Гофманъ (изумленно, не понимая). Что?.. Елена...

Елена. Теперь я знаю, что ты ни на волосъ не лучше... Нѣтъ, ты хуже, ты всѣхъ гаже здѣсь!

Гофманъ (встаетъ, холодно). Очень странно ты ведешь себя сегодня!

Елена (подходитъ къ нему ближе). Ты прямо идешь къ цѣли. (Вполголоса ему на ухо) Но у тебя другое оружіе, чѣмъ у отца и мачехи или у почтеннаго господина жениха. О, совсѣмъ другое! Они всѣ, взятые вмѣстѣ, въ сравненіи съ тобой жалкіе ягнята. Но теперь... теперь мнѣ это сразу стало ясно, какъ день.

Гофманъ (съ притворнымъ негодованіемъ). Лена! Ты... ты съ ума сошла, вѣдь это чистое безуміе... (Прерываетъ себя, ударяетъ себя по головѣ). Господи, какъ это я сразу не догадался! Ну, конечно... Ты... хоть сейчасъ еще очень рано, но я держу пари, ты... Елена, ты сегодня утромъ ужъ разговаривала съ Альфредомъ Лотомъ.

Елена. А почему бы мнѣ съ нимъ и не разговаривать? Это человѣкъ, отъ котораго всѣмъ бы намъ слѣдовало прятаться отъ стыда...

Гофманъ. Такъ, значитъ, правда?.. Да?.. Въ такомъ случаѣ нечего удивляться. Да, да, да, воспользовался, зна-

чить, случаемъ унизить своего благодѣтеля. Что же? Этого всегда надо ожидать.

Елена. Зять, вѣдь это же подло.

Гоффманъ. Я тоже такъ думаю!

Елена. Онъ не сказалъ о тебѣ ни слова, ни одного слова!

Гоффманъ (не соглашаясь съ этимъ). Ну, и если дѣло обстоитъ такъ, то моя прямая обязанность... да, да, моя обязанность, какъ родственника, оградить такую неопытную дѣвушку, какъ ты...

Елена. Неопытную дѣвушку? Что же ты думаешь обо мнѣ?

Гоффманъ (раздраженно). Лотъ вошелъ въ домъ подъ моей отвѣтственностью. Ну, такъ знай: это, выражаясь осторожно, въ высшей степени опасный мечтатель, этотъ г-нъ Лотъ!

Елена. То, что ты говоришь о г-нѣ Лотѣ, несообразно, до смѣшного несообразно.

Гоффманъ. Мечтатель, задача котораго кружить головы не только женщинамъ, но и благоразумнымъ мужчинамъ.

Елена. Видишь, вотъ и опять несообразность! Послѣ немногихъ словъ, которыми мы обмѣнялись съ г-номъ Лотомъ, у меня стало такъ отрадно-ясно въ головѣ...

Гоффманъ. Въ томъ, что я говорю, нѣтъ ничего несообразнаго.

Елена. Чтобы почувствовать несообразность, надо имѣть чутье; а его-то у тебя и нѣтъ.

Гоффманъ (какъ выше). Мы теперь говоримъ не объ этомъ. Еще разъ тебѣ объявляю, что я не говорю тебѣ ничего несообразнаго, напротивъ, все это совершенно вѣрно. Я знаю это по себѣ: онъ отуманиваетъ голову, и тогда невольно начинаешь мечтать о братствѣ съ народомъ, о свободѣ и равенствѣ, забывая и объ обычаяхъ и о нравственности... Ради этой химеры тогда мы, видитъ Богъ, перешагнули бы черезъ трупы родителей, чтобы достигнуть цѣли. И, повторяю, онъ въ случаѣ надобности сдѣлаетъ это и теперь.

Елена. А сколько родителей перешагиваютъ ежегодно черезъ трупы своихъ дѣтей, при чемъ никто...

Гоффманъ (прерываетъ ее). Это безуміе! Тогда всему, значитъ, конецъ! Говорю тебѣ, берегись его во всѣхъ... да, да, я говорю совершенно ясно — во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ нѣтъ и слѣда заботъ о нравственности.

Елена. И какъ это опять несправедливо! Повѣрь мнѣ, зять, разъ только начнешь обращать на это вниманіе... Это ужасно интересно...

Гофманъ. Говори, что тебѣ угодно. Теперь ты предупреждена. Я могу тебѣ сказать еще одно... только это между нами: тогда я чуть-чуть не попалъ изъ-за него и вмѣстѣ съ нимъ въ самую ужасную исторію.

Елена. Но если это такой опасный человѣкъ, почему же ты такъ искренно обрадовался вчера, когда...

Гофманъ. Ахъ. Боже мой, но вѣдь мы еще дѣтьми росли вмѣстѣ. Да ты и не знаешь, можетъ-быть, у меня были опредѣленныя причины...

Елена. Причины? Какія?

Гофманъ. Вотъ именно эти... Если бы онъ пріѣхалъ сегодня и если бы я зналъ то, что знаю теперь...

Елена. Да что ты наконецъ знаешь? Я уже тебѣ сказала, что о тебѣ онъ не говорилъ ни слова.

Гофманъ. Понадѣйся на него! Сознаюсь, я долго колебался, приглашать его остаться или нѣтъ. Лотъ—человѣкъ, знакомство съ которымъ компрометируетъ. За нимъ слѣдятъ.

Елена. Развѣ онъ совершилъ какое-нибудь преступленіе?

Гофманъ. Не будемъ лучше говорить объ этомъ. Но повѣрь одному: человѣкъ со взглядами, какихъ держится онъ, въ настоящее время считается гораздо опаснѣе любого вора.

Елена. Это я себѣ замѣчу... Но только, слышишь? послѣ твоей характеристики г-на Лота, не спрашивай меня, что я думаю о тебѣ. Слышишь?

Гофманъ (шутливо-холодно). Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что мнѣ интересно это знать? (Нажимаетъ пуговку звонка). Кажется, это онъ идетъ. (Входитъ Лотъ).

Гофманъ. Ну, хорошо поспалъ, дружище?

Лотъ. Хорошо, но недолго. Послушай, я сейчасъ видѣлъ, изъ дому вышелъ какой-то господинъ...

Гофманъ. Вѣроятно, докторъ... онъ только-что здѣсь былъ. Вѣдь я тебѣ разсказывалъ... странная смѣсь жестокости и сентиментальности.

(Елена говоритъ съ Эдуардомъ, который только-что вошелъ. Онъ уходитъ и вскорѣ затѣмъ подаетъ чай и кофе).

Лотъ. Эта смѣсь, какъ ты выражаешься, напомнила мнѣ одного моего стараго университетскаго товарища,—я просто головой могъ бы поручиться, что это онъ—Шиммельпфеннигъ.

Гофманъ (садясь къ столу съ накрытымъ завтракомъ). Совершенно вѣрно: это и есть Шиммельпфеннигъ.

Лотъ. Что? Онъ?

Гофманъ. Его въ самомъ дѣлѣ зовутъ Шиммельпфеннигъ.

Лотъ. Здѣшняго доктора?

Гофманъ. Ну да, ты самъ только-что сказалъ.

Лотъ. Значитъ... Господи, какъ это странно! Такъ это безусловно онъ.

Гофманъ. Прекрасныя души встрѣчаются и на морѣ и на сушѣ. Ты не разсердишься, если я начну. Мы только-что хотѣли завтракать. Садись. Ты, вѣроятно, еще не завтракалъ?

Лотъ. Нѣтъ!

Гофманъ. Ну такъ вотъ. (Онъ пододвигаетъ, продолжая сидѣть. Лоту стулъ. Затѣмъ къ Эдуарду, который входитъ съ чаемъ и кофе) Развѣ старая барыня не придетъ?

Эдуардъ. Барыня и г-жа Шиллеръ будутъ завтракать у себя въ комнатѣ.

Гофманъ. Но вѣдь этого еще никогда...

Елена (поправляя сервировку). Оставь! У нихъ на это есть свои причины.

Гофманъ. Да?.. Лотъ, кушай... Яйцо? чаю?

Лотъ. Я бы попросилъ лучше стаканъ молока.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ.

Елена. Эдуардъ, скажите Милѣ, чтобы надоила свѣжаго.

Гофманъ (чиститъ яйцо). Молоко — брр! даже передергиваетъ. (Беретъ соль и перецъ). Послушай, Лотъ, что тебя собственно привело въ наши страны? Я совершенно забылъ спросить тебя объ этомъ.

Лотъ (намазываетъ розанчикъ масломъ). Я хотѣлъ бы изучить кое-какія мѣстныя условія.

Гофманъ (взглядываетъ на него). То-есть?.. Какія же условія?

Лотъ. Точнѣе говоря, я хочу изучить положеніе здѣшнихъ рудокоповъ.

Гофманъ. Ну, оно въ общемъ очень хорошо.

Лотъ. Ты думаешь? Это было бы превосходно... Да, чтобы не забыть: ты долженъ мнѣ помочь. Ты окажешь большую услугу народному хозяйству, если...

Гофманъ. Я? Какимъ образомъ?

Лотъ. Вѣдь ты откупилъ здѣшніе рудники?

Гофманъ. Ну такъ что же изъ этого?

Лотъ. Слѣдовательно тебѣ легко достать мнѣ разрѣшеніе посѣщать рудники. Т.-е. я хочу по крайней мѣрѣ въ продолженіе мѣсяца спускаться въ рудники, чтобы хоть нѣсколько изучить производство...

Гофманъ (вскользь). И что увидишь тамъ внизу, потомъ все опишешь?

Лотъ. Да. Моя работа будетъ сдѣлана преимущественно на основаніи видѣннаго.

Гофманъ. Мнѣ, право, очень жаль, но я ничего не могу сдѣлать. Ты хочешь писать только о рудокопахъ?

Лотъ. Изъ этого вопроса видно, что ты совсѣмъ не... политико-экономъ.

Гофманъ (оскорбленный въ своемъ самолюбіи). Извини, пожалуйста! Кажется, ты не можешь сомнѣваться?.. Я не понимаю, почему нельзя было задать этотъ вопросъ? И наконецъ ничего бы не было удивительнаго... Нельзя вѣдь всего знать.

Лотъ. Успокойся. дѣло очень просто: если я буду изучать положеніе здѣшнихъ углекоповъ, то, конечно, долженъ буду коснуться и тѣхъ условій, которыя обусловливаютъ это положеніе.

Гофманъ. Въ такихъ сочиненіяхъ иногда страшно преувеличиваютъ.

Лотъ. Надѣюсь, я этого избѣгну.

Гофманъ. Это будетъ очень похвально. (Онъ уже нѣсколько разъ и теперь снова взглядываетъ короткимъ, пытливымъ взглядомъ на Елену, которая съ наивнымъ благоговѣніемъ слушаетъ Лота). Какъ это до дикости смѣшно. Иногда неожиданно придетъ въ голову... И почему вдругъ придетъ — неизвѣстно!

Лотъ. Какая же это мысль такъ неожиданно пришла тебѣ въ голову?

Гофманъ. Насчетъ тебя. Я вспомнилъ о твоей... нѣтъ, это даже безтактно... въ присутствіи молодой особы говорить о твоихъ сердечныхъ тайнахъ.

Елена. Въ такомъ случаѣ я лучше...

Лотъ. О, нѣтъ!.. Пожалуйста, останьтесь. Я уже давно замѣчаю, къ чему онъ ведетъ. Въ этомъ рѣшительно нѣтъ ничего опаснаго. (Къ Гофману) Ты говоришь о моей помолвкѣ, не правда ли?

Гофманъ. Если ты самъ догадался, то да. Я дѣйствительно вспомнилъ о твоей помолвкѣ съ Анной Фаберъ...

Лотъ. Дѣло разошлось, конечно, когда я попалъ тогда въ тюрьму.

Гофманъ. Ну, это не особенно красиво съ ея стороны.

Лотъ. Во всякомъ случаѣ это было честно. Въ ея письмѣ съ отказомъ сказалась ея истинная физіономія, и если бы

она раньше меня познакомила съ ней, то, конечно, многаго бы не было.

Гофманъ. А съ тѣхъ поръ твое сердце оставалось свободнымъ?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Ну, разумѣется, далъ клятву не жениться, такъ же, какъ и не пить! А? Впрочемъ, chacun a son goût.

Лотъ. Это не вкусъ мой, а, можетъ-быть, моя судьба. Насколько я помню, я тебѣ уже говорилъ, что насчетъ женитьбы я клятвъ себѣ никакихъ не давалъ. Я боюсь только, что я просто не найду женщины, которая подходила бы ко мнѣ.

Гофманъ. Громкія слова, Лотъ!

Лотъ. Совершенно серьезно! Можетъ-быть, съ годами ударяешься слишкомъ въ критику, а здоровый инстинктъ становится слабѣе. А я считаю инстинктъ лучшей гарантіей подходящаго выбора.

Гофманъ (съ оттѣнкомъ скабрезности). Ну, онъ опять явится, (смѣясь) именно инстинктъ.

Лотъ. Да, въ концѣ концовъ, что я могу предложить женщинѣ? Я всегда буду сомнѣваться, могу ли я требовать отъ женщины, чтобы она довольствовалась той маленькой частицей моей личности, которая остается отъ цѣли моей жизни. А потомъ я боюсь заботъ о семействѣ.

Гофманъ. Что?.. Заботъ о семействѣ? Да развѣ у тебя нѣтъ головы и рукъ, что ли?

Лотъ. Какъ видишь, есть. Но,—какъ я уже тебѣ сказалъ, — моя рабочая сила большею своею частью принадлежитъ дѣлу и всегда будетъ принадлежать ему своею большею частью: такимъ образомъ она уже не моя. Кромѣ того, я только съ громадными затрудненіями...

Гофманъ. Тсс! Вотъ звонитъ.

Лотъ. Ты считаешь все это пустыми фразами?

Гофманъ. Откровенно говоря, похоже на то. Вѣдь мы въ концѣ концовъ тоже не бушмены, а однако женимся. Есть люди, которые увѣрены, что имъ дана какая-то привилегія на совершеніе всѣхъ благодѣяній на свѣтѣ.

Лотъ (горячо). Совсѣмъ нѣтъ! Я объ этомъ и не думаю. Если бы ты не отрекся отъ своей жизненной задачи, то твое счастливое матеріальное положеніе было бы только на руку.

Гофманъ (иронически). Это одно изъ твоихъ требованій?

Лотъ. Требованій? Какихъ?

Гофманъ. Я хочу сказать, что ты бы обратилъ, конечно, вниманіе на состояніе твоей жены.

Лотъ. Непремѣнно.

Гофманъ. А затѣмъ бы послѣдовалъ еще длинный рядъ другихъ требованій.

Лотъ. Конечно! Тѣлесное и душевное здоровье невѣсты, напримѣръ, для меня conditio sine qua non.

Гофманъ (смѣясь). Великолѣпно! Въ такомъ случаѣ необходимо предварительное врачебное изслѣдованіе невѣсты.

Лотъ (серьезно). Да, но помни, что я и къ себѣ предъявляю требованія.

Гофманъ (все горячѣе). Знаю, знаю!.. Отлично помню, какъ ты изучалъ литературу о любви, чтобы убѣдиться самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что то чувство, которое ты тогда испытывалъ къ какой-то дамѣ, было дѣйствительно любовью. Ну-съ, такъ какія же у тебя еще требованія?

Лотъ. Я бы хотѣлъ, чтобы моя жена была способна къ самоотреченію.

Елена. Если... если... Нѣтъ, лучше я не буду говорить... я хотѣла только сказать: женщина вѣдь вообще привыкла къ самоотреченію.

Лотъ. Ради Бога! Вы совершенно меня не поняли. Я не то подразумѣваю подъ самоотреченіемъ. Ну, она должна была бы добровольно и съ радостью отречься отъ той части моего существа, которая принадлежитъ моей жизненной задачѣ. Нѣтъ, нѣтъ! Въ остальномъ моя жена можетъ требовать всего, чего лишали женщинъ въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Гофманъ. О-о!.. Женская эмансипація,—дѣйствительно твой поворотъ достоинъ удивленія. И теперь ты въ вѣрномъ фарватерѣ. Фрицъ Лотъ, или агитаторъ въ жилетномъ карманѣ... Какъ же ты формулируешь свои требованія, или, вѣрнѣе: насколько должна быть эмансипирована твоя жена? Мнѣ очень интересно тебя послушать. Должна она курить сигары? Носить брюки?

Лотъ. Это менѣе всего, но, во всякомъ случаѣ, она должна была бы не обращать вниманія на нѣкоторые общественные предразсудки. Она должна была бы, напримѣръ, безбоязненно, если она меня дѣйствительно любитъ, отказаться отъ извѣстныхъ вѣрованій.

Гофманъ (кончилъ завтракать. Вскакиваетъ въ полусерьезномъ, полукомическомъ ужасѣ). Знаешь? Это... это... прямо безсо-

мѣстное требованіе! И я тебѣ предсказываю, тебѣ такъ и придется промаяться до конца жизни, если ты не предпочтешь сдѣлать уступку.

Елена (съ трудомъ преодолѣвая внутреннее волненіе). Я должна извиниться- -хозяйство... мама въ своей комнатѣ и...

Гофманъ. Не стѣсняйся!

(Елена кланяется, уходитъ).

Гофманъ (съ коробкой спичекъ подходитъ къ сигарному ящику, который стоитъ на буфетѣ). Да, такъ и должно было быть... Ты раззадориваешь... и довольно страшно! (Береть сигару изъ ящика и садится на диванъ налѣво спереди. Онъ обрѣзаетъ кончикъ сигары и держитъ, въ продолженіе послѣдующихъ словъ, сигару въ лѣвой рукѣ, а отрѣзанный кусочекъ между пальцами правой руки). И вмѣстѣ съ тѣмъ это же забавляетъ. А потомъ — ты не повѣришь, какъ благотворно дѣйствуютъ нѣсколько дней въ деревнѣ вдали отъ дѣлъ. Если бы только не этотъ сегодняшній... Который теперь часъ? Къ сожалѣнію, я какъ разъ сегодня долженъ обѣдать въ городѣ. Необходимо было дать этотъ обѣдъ. Приходится! Дѣловой человѣкъ! Рука руку моетъ. Горные инженеры ужъ привыкли къ этому. Ну, одну-то сигару еще можно выкурить. (Бросаетъ кусочекъ сигары въ плевательницу, садится снова на диванъ и закуриваетъ сигару).

Лотъ (у стола; перелистываетъ, стоя, роскошное изданіе). «Приключенія графа Зандора».

Гофманъ. Эту глупость ты встрѣтишь здѣсь у большинства крестьянъ.

Лотъ (скрывъ лицо между листами). Сколько лѣтъ твоей невѣсткѣ?

Гофманъ. Въ августѣ исполнится двадцать одинъ.

Лотъ. Она несчастна?

Гофманъ. Не знаю. Думаю, впрочемъ, нѣтъ. Она производитъ на тебя такое впечатлѣніе?

Лотъ. Во всякомъ случаѣ, она выглядитъ скорѣе... скорѣе тоскующей, чѣмъ больной.

Гофманъ. Непріятности съ мачехой...

Лотъ. Кажется, она немного раздражительна?

Гофманъ. При такихъ условіяхъ... желалъ бы я знать, кто бы не сдѣлался раздражительнымъ при такихъ условіяхъ...

Лотъ. Съ большой энергіей, кажется?

Гофманъ. Упрямство!

Лотъ. И сердца въ ней много тоже, правда?

Гофманъ. Иногда даже слишкомъ.

Лотъ. Почему же она не живетъ въ твоемъ домѣ, если условія здѣсь для нея такія тяжелыя?

Гофманъ. Спроси ее, почему! Я ей много разъ предлагалъ. У женщинъ свои капризы. (Гофманъ, съ сигарой во рту, вынимаетъ записную книжку и подсчитываетъ). Ты вѣдь не разсердишься на меня, если я... если я тебя оставлю?

Лотъ. Конечно, нѣтъ.

Гофманъ. Сколько времени ты еще думаешь...

Лотъ. Да вотъ подыщу себѣ квартиру. Гдѣ живетъ Шиммельпфенингъ? Всего лучше я пойду къ нему. Онъ, конечно, мнѣ поможетъ. Вѣроятно, я сейчасъ же найду что-нибудь подходящее, ну, а сегодня я переночую въ гостиницѣ.

Гофманъ. Это почему же? Нѣтъ, до завтрашняго утра ты, конечно, останешься у насъ. Я самъ въ этомъ домѣ гость, а то бы, разумѣется, предложилъ тебѣ... понимаешь...

Лотъ. Конечно.

Гофманъ. Послушай, неужели ты въ самомъ дѣлѣ серьезно?..

Лотъ. Буду ночевать въ гостиницѣ?

Гофманъ. Это вздоръ!.. Нѣтъ, я вспомнилъ о томъ, что ты говорилъ о твоей работѣ?

Лотъ. А почему же нѣтъ?

Гофманъ. По правдѣ сказать, я принялъ это за шутку. (Подшмается, довѣрчиво, полушутя). Какъ? И ты дѣйствительно былъ бы способенъ здѣсь... какъ разъ здѣсь, гдѣ твой другъ такъ счастливо твердо сталъ на ноги, подкапывать почву?

Лотъ. Даю тебѣ честное слово, Гофманъ! Я не имѣлъ никакого понятія о томъ, что ты живешь здѣсь. Если бы я это зналъ...

Гофманъ (вскакиваетъ, въ высшей степени довольный). Хорошо! Хорошо! Если дѣло обстоитъ такъ... меня искренно радуетъ, что я въ тебѣ не обманулся... Итакъ, теперь ты это знаешь и, само собой разумѣется, возьмешь у меня дорожные расходы,— ну и остальное. Ради Бога, не стѣсняйся! Это просто моя обязанность, какъ друга... Я узнаю въ этомъ моего стараго, благороднаго Лота! А я сознаюсь: я нѣкоторое время серьезно подозрѣвалъ тебя... Но, повѣрь, откровенно тебѣ сказать, я совсѣмъ не такъ дуренъ, какъ себя иногда выставляю. Я всегда высоко цѣнилъ тебя и твое честное, упорное стремленіе. Я всей душой понимаю и признаю правильными требованія ограбленныхъ и удрученныхъ массъ. Да, улыбайся, но я иду даже дальше и думаю, что въ рейхстагѣ существуетъ только одна партія,

у которой есть идеалы, и это та, къ которой принадлежишь ты... Только—по-моему—не торопиться и ничего не разрушать. Все, все придетъ въ свое время. Только терпѣніе и терпѣніе!

Лотъ. Терпѣніе, конечно, нужно имѣть. Но это еще не даетъ права сидѣть сложа руки.

Гофманъ. И я думаю то же самое. Я вообще мысленно гораздо чаще соглашался съ тобой, чѣмъ на словахъ. Сознаюсь, хорошаго въ этомъ мало. Но я привыкъ... я не люблю показывать своихъ картъ... Также и въ женскомъ вопросѣ... во многомъ ты совершенно правъ... (Между тѣмъ подошелъ къ телефону, звонитъ и говоритъ то въ телефонъ, то къ Лоту). А какъ внимательна была невѣстка... (Въ телефонъ) Францъ, черезъ десять минутъ чтобы лошади были готовы... (Къ Лоту) Это произвело на нее впечатлѣніе... (Въ телефонъ) Что? Ахъ, глупости! Ну, да слушайте же, запрягите тогда вороныхъ... (Къ Лоту) Почему бы это и не могло произвести на нее впечатлѣніе?.. (Въ телефонъ) Плетенка, вы говорите, въ починкѣ? Барыня... да... ну да! И поскорѣй, да. Хорошо! (Послѣ того, какъ онъ надавилъ пуговку домашняго звонка, къ Лоту) Подожди, дай мнѣ только вывести приличную гору изъ монетъ, тогда случится нѣчто... (Входитъ Эдуардъ). Мои гамаши и сюртукъ! (Эдуардъ уходитъ). Тогда случится нѣчто, во что вы не вѣрите. Когда ты черезъ два-три дня — до тѣхъ поръ ты безусловно живешь у насъ, иначе я сочту это за личное оскорбленіе... (Снимаетъ халатъ). Итакъ, черезъ два-три дня, когда ты отсюда уѣдешь, я отвезу тебя на вокзалъ въ своей каретѣ.

(Эдуардъ входитъ съ сюртукомъ и гамашами).

Гофманъ (пока на него надѣваютъ сюртукъ). Такъ! (Садится на стулъ). Теперь башмаки. (Надѣваетъ одинъ). Одинъ готовъ!

Лотъ. Ты меня, вѣроятно, не совсѣмъ понялъ.

Гофманъ. Да? Весьма возможно!.. Эдуардъ, почта еще не пришла? Постойте! Подите въ мою комнату. Налѣво на бюро лежитъ рукопись въ голубой обложкѣ, отнесите ее въ карету, въ карманъ. (Эдуардъ уходитъ въ правую дверь, затѣмъ выходитъ и уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ. Я говорю только: ты не понялъ меня въ одномъ отношеніи.

Гофманъ (все еще возясь со вторымъ башмакомъ). Уфъ! Такъ... (Встаетъ и притопываетъ башмаками). Вотъ мы и готовы. Нѣтъ ничего непріятнѣе узкихъ башмаковъ... Что ты говорилъ?

Лотъ. Ты говорилъ о моемъ отъѣздѣ...

Гоффманъ. Ну?..

Лотъ. Вѣдь я тебѣ ужъ сказалъ, что я долженъ здѣсь остаться съ совершенно опредѣленной цѣлью.

Гоффманъ (въ высшей степени смущенъ и въ то же время раздраженъ). Послушай... Вѣдь это же недостойно... Обязанъ же ты, какъ другъ...

Лотъ. Измѣнить моему дѣлу?..

Гоффманъ (внѣ себя). Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ и я не имѣю ни малѣйшей причины обращаться съ тобой, какъ съ другомъ. И я считаю твой поступокъ, выражаясь деликатно, поразительно безстыднымъ.

Лотъ (очень спокойно). Можетъ-быть, ты мнѣ объяснишь, что собственно тебѣ дало право награждать меня такими эпитетами...

Гоффманъ. Я еще долженъ тебѣ это объяснить? Чтобы не чувствовать этого, надо имѣть кожу носорога. Ты пріѣзжаешь сюда, пользуешься моимъ гостепріимствомъ, выбалтываешь мнѣ нѣсколько дюжинъ своихъ дешевыхъ фразъ, вертишь голову моей невѣсткѣ, болтаешь о прежней дружбѣ и тому подобномъ, а потомъ совершенно наивно разсказываешь, что хочешь писать работу о здѣшнихъ условіяхъ. Да за кого же ты меня, собственно, принимаешь? Можетъ-быть, ты думаешь, я не знаю, что эти такъ-называемыя работы—не что иное, какъ безстыдные памфлеты?! Такой же пасквиль хочешь написать и ты, и какъ разъ о нашемъ угольномъ округѣ. Неужели же ты дѣйствительно не понимаешь, на комъ прежде всего отзовется самымъ роковымъ образомъ подобный пасквиль? Вѣдь только на мнѣ! Слѣдовало бы еще основательнѣе положить конецъ всѣмъ вашимъ продѣлкамъ, развратители народа! А вы именно такіе! Что вы дѣлаете? Вы поселяете въ рудокопахъ недовольство, взыскательность, раздражаете ихъ, озлобляете, дѣлаете ихъ строптивыми, непослушными, несчастными, рисуете передъ ними золотыя горы, а сами вырываете изъ ихъ кармановъ послѣдніе жалкіе гроши.

Лотъ. Изволилъ снять маску?

Гоффманъ (грубо). Ахъ, что! Ты смѣшной, напыщенный арендаторъ добродѣтели. Ну такъ что-жъ, что я стою передъ тобой безъ маски! Работай-ка ты лучше! И оставь свою нелѣпую чепуху! Дѣлай что-нибудь! Достигни какихъ-нибудь результатовъ! Я ни у кого не клянчу по двѣсти марокъ. (Быстро уходитъ въ среднюю дверь).

(Лотъ нѣсколько минутъ смотритъ спокойно ему вслѣдъ, потомъ не менѣе спокойно беретъ за боковой карманъ, вынимаетъ портфель и достаетъ изъ него кусокъ бумаги—чекъ Гофмана, рветъ его на мелкіе куски и медленно бросаетъ ихъ въ ящикъ съ угленъ. Потомъ онъ беретъ палку и шляпу и поворачивается, чтобы идти. Теперь появляется Елена на порогѣ зимняго сада).

Елена (тихо). Г-нъ Лотъ!

Лотъ (вздрагиваетъ, оборачивается). А! это вы! По крайней мѣрѣ я могу съ вами проститься.

Елена (невольно). А вамъ это необходимо?

Лотъ. Да! необходимо! Вѣроятно,—вы были тамъ,—вы слышали сцену, и, значитъ...

Елена. Я все слышала.

Лотъ. Ну, тогда вы не удивитесь, если я потихоньку оставлю этотъ домъ.

Елена. Нѣтъ, я понимаю... Можетъ-быть, вы могли помягче отнестись къ нему... Мой зять очень быстро раскаивается. Я это часто...

Лотъ. Очень можетъ быть! Вотъ именно поэтому я и думаю, что его слова и составляютъ его настоящее мнѣніе обо мнѣ. Несомнѣнно, это его искреннее мнѣніе.

Елена. Вы это серьезно думаете?

Лотъ. Да! Серьезно! Итакъ... (Идетъ къ ней и протягиваетъ руку). Живите счастливо! (Онъ поворачивается и снова останавливается). Я не знаю... или, вѣрнѣе... (Смотритъ ясно и спокойно въ лицо Елены). Я знаю, знаю только съ этой минуты, что мнѣ не совсѣмъ легко уходить отсюда... и...

Елена. Если бы я васъ очень попросила... очень сильно... остаться здѣсь еще?

Лотъ. Вы, значитъ, не раздѣляете мнѣнія вашего зятя?

Елена. Нѣтъ! И я хотѣла непремѣнно... непремѣнно вамъ это сказать, прежде... прежде, чѣмъ вы уйдете.

Лотъ (опять схватываетъ ея руки). Меня это страшно радуетъ.

Елена (борясь съ собой. Возбужденіе ея быстро переходитъ въ безсознательность. Лепечетъ съ трудомъ). И еще хотѣла я вамъ... сказать вамъ именно... именно, что я васъ очень высоко цѣню и уважаю, какъ никого до сихъ поръ... до сихъ поръ... что я вамъ довѣряю, что я готова это... это доказать, что я чувствую къ тебѣ, къ вамъ... (Падаетъ безъ чувствъ къ нему на руки).

Лотъ. Елена!

(Занавѣсъ быстро опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дворъ, какъ и во второмъ дѣйствіи. Дѣйствіе происходитъ черезъ четверть часа послѣ объясненія Елены въ любви.

Марія и скотникъ Гольцъ стаскиваютъ по лѣстницѣ деревянный сундукъ. Изъ дома выходитъ Лотъ и медленно, съ задумчивымъ видомъ, идетъ прямо черезъ дворъ. Не дойдя до поворота къ трактиру, онъ наталкивается на Гоффмана, который поспѣшно идетъ ему навстрѣчу.

Гоффманъ (въ цилиндрѣ и лайковыхъ перчаткахъ). Не сердись на меня (загораживаетъ дорогу Лоту и протягиваетъ ему обѣ руки). Я беру все назадъ... Ну, требуй отъ меня удовлетворенія... Я готовъ чѣмъ угодно удовлетворить тебя... Я раскаиваюсь... раскаиваюсь буквально во всемъ.

Лотъ. Толку въ этомъ для насъ обоихъ немного.

Гоффманъ. Ахъ, Господи, но если бы только... Ну погоди. Что же я могу еще сдѣлать? Говорю же тебѣ—совѣсть не дастъ мнѣ покоя... я весь измучился... Ужъ по этому можешь понять, что это для меня страшно серьезный вопросъ. Куда ты хотѣлъ?..

Лотъ. Въ трактиръ... пока...

Гоффманъ. Нѣтъ, этого ты не сдѣлаешь! Не дѣлай этого. Я вѣрю, тебя это должно было глубоко оскорбить... Можетъ-быть, и не такъ... легко исправить все это нѣсколькими словами... Ну, дай же мнѣ случай... доказать тебѣ... Слышишь? Обернись! Ну, останься хоть... до завтра. Или до тѣхъ поръ, пока я вернусь. Я долженъ на досугѣ высказаться передъ тобой еще разъ... Не можешь же ты мнѣ и въ этомъ отказать...

Лотъ. Если это такъ тебѣ важно...

Гоффманъ. Страшно важно, клянусь тебѣ честью! Отъ этого все зависитъ. Ну, пойдемъ... пойдемъ. Не уѣзжай такъ. Пойдемъ. (Онъ увлекаетъ въ домъ Лота, который больше не сопротивляется. Оба уходятъ).

(Отпущенная служанка и скотникъ между тѣмъ поставили сундукъ на тележку, Гольцъ берется за лямку).

Марія (суетъ что-то въ руку Гольцу). Вотъ тебѣ, Гольцъ.

Скотникъ (не принимаетъ). Бери свои гроши!

Марія. О, глупый!

Скотникъ. Ну, какъ хочешь. (Беретъ деньги и кладетъ ихъ въ кожаный кошелекъ).

Г-жа Шиллеръ (въ одномъ изъ оконъ). Марія!

Марія. Ну, чего вы еще хотите?

Г-жа Шиллеръ (выходитъ черезъ минуту изъ двери). Барыня оставитъ тебя, если ты пообѣщаешь...

Марія. Дрянь какая! Если я пообѣщаюсь! Ну, поѣзжай, Гошъ!

Г-жа Шпиллеръ (подходитъ ближе). Барыня и жалованья прибавитъ, если ты... (Неожиданно шопотомъ). Плюнь ты на это. Она иногда любитъ поворчать.

Марія (въ бѣшенствѣ). Не надо мнѣ ея грошей! (Плаксиво, идетъ за Гошемъ, который проѣзжаетъ съ тачкой. Уходитъ. Г-жа Шпиллеръ уходитъ за ней).

(Въ главный входъ входитъ Баэръ, по прозванію Гоплабаэръ. Длинный человѣкъ съ зобомъ. Онъ босой и безъ шапки, панталоны внизу сильно потрепанныя, спускаются немного ниже колѣнъ. У него лысина. Сохранившіеся волосы темные, грязные, спутанные, висятъ до плечъ. Походка его напоминаетъ страуса. Онъ везетъ за бечевку дѣтскую телѣжку съ пескомъ. Онъ безъ бороды и усовъ. Видъ заброшеннаго безъ призора крестьянскаго парня лѣтъ двадцати).

Баэръ (удивительно мычащимъ голосомъ). Песо-окъ! Пеео-окъ! (Идетъ черезъ дворъ и исчезаетъ между домомъ и конюшней. Гофманъ и Елена выходятъ изъ дому. Елена блѣдна, держитъ въ рукѣ пустой стаканъ).

Гофманъ (Еленѣ). Займи его немного, понимаешь?.. Не дай ему уѣхать... Это мнѣ очень важно. Онъ такъ обидчивъ, честолюбивъ... Прощай! Ахъ, неужели же мнѣ изъ-за этого совсѣмъ не ѣхать?.. Какъ себя чувствуетъ Марта? У меня какое-то странное предчувствіе, какъ будто все скоро... Пустяки... Прощай!.. Надо спѣшить! (Кричитъ) Францъ, ѣхать во весь духъ! (Быстро уходитъ въ главный входъ).

Елена (подходитъ къ насосу, наливаетъ полный стаканъ и выпиваетъ его залпомъ. Второй стаканъ воды выпиваетъ до половины. Ставитъ стаканъ на трубу насоса и медленно идетъ, оглядываясь по временамъ назадъ, черезъ ворота. Баэръ выходитъ между домомъ и конюшней и останавливается съ телѣжкой передъ домомъ. Миля беретъ у него песокъ. Между тѣмъ Кааль появляется справа за заборомъ и разговариваетъ съ г-жой Шпиллеръ, стоящей снаружи, то-есть при входѣ во дворъ. Оба во время разговора медленно ходятъ вдоль забора).

Г-жа Шпиллеръ (сочувственно). Ахъ, да, г-нъ Кааль! Я столько разъ вспоминала васъ, когда... когда... фрейлейнъ... Вѣдь она... такъ сказать... помолвлена съ вами и вотъ... ахъ!.. въ мое время!..

Кааль (влѣзаетъ на скамью подъ дубомъ и укрѣпляетъ западню для синицъ на нижней вѣткѣ). Когда же уѣзжаетъ этотъ мерзавецъ-докторъ?

Г-жа Шпиллеръ. Ахъ, г-нъ Кааль, кажется, еще не скоро. Ахъ, г-нъ Кааль, хотя я, такъ сказать, низкаго происхожденія, но я знаю, такъ сказать, что такое воспитаніе. Въ этомъ отношеніи, г-нъ Кааль... она... ммм... она...

поступаетъ относительно васъ не очень хорошо. Нѣтъ! Въ этомъ, такъ сказать, я никогда не была грѣшна — моя совѣсть, уважаемый г-нъ Кааль, чиста... такъ сказать, какъ самый чистый снѣгъ.

(Баэръ покончилъ съ пескомъ и въ ту же минуту уходитъ со двора, проходя мимо Кааля).

Кааль (замѣчаетъ Баэра и кричитъ). Гонслабаэръ, прыгни-ка!

(Баэръ дѣлаетъ нѣсколько гигантскихъ прыжковъ).

Кааль (ржетъ отъ смѣха, кричитъ во второй разъ). Гонслабаэръ, ну-ка, прыгни!

Г-жа Шиллеръ. Да, да, г-нъ Кааль... Я желаю вамъ только добра... Вы должны наблюдать... съ ней что-то творятся, и...

Кааль. Мерзавецъ-докторъ'.. Голытьба паршивая!

Г-жа Шиллеръ (таинственно). И вѣдь какой человѣкъ! Ахъ, мнѣ такъ жалко барышню! Жена полицейскаго мнѣ сказала, что это очень опасный человѣкъ. Ея мужъ... такъ сказать... представьте себѣ... долженъ слѣдить за нимъ.

(Лотъ выходитъ изъ дому, оглядывается кругомъ).

Г-жа Шиллеръ. Видите, онъ ищетъ барышню... А-ахъ, смотрѣть жалко!

Кааль. Ну, подожди! (Уходитъ).

(Г-жа Шиллеръ идетъ къ дому. Проходя мимо Лота, даетъ ему низкій реверансъ. Уходитъ въ домъ).

(Лотъ медленно уходитъ въ ворота. Скотница, худая, изможденная, изголодавшаяся женщина, появляется между конюшней и домомъ. Подъ фартукомъ она несетъ большой горшокъ и проскальзываетъ съ нимъ, боязливо оглядываясь, въ коровникъ. Обѣ дѣвушки входятъ въ ворота, каждая везетъ передъ собой тачку, полную навоза. За ними идетъ Бейбетъ съ короткой трубкой въ зубахъ и косой на плечѣ. Лиза подкатываетъ свою тачку къ лѣвой двери конюшни, а Августа къ правой, и обѣ дѣвушки переносятъ въ стойла траву большими охапками).

Лиза (выходитъ съ пустыми руками изъ конюшни). Эй, Густа, Марія ушла.

Августа. А то что же?..

Лиза. Поди-ка, спроси скотницу. Она донтъ себѣ горшокъ молока.

Бейбетъ (вынаетъ косу на стѣну). Ну, попадется она Шиллеръ... Эта не похвалитъ.

Августа. Избави, Боже!

Лиза. У бѣдной женщины восемь человѣкъ дѣтей.

Августа. Восемь маленькихъ дѣтей... Всѣхъ накормить надо!

Лиза. Она ей никогда и горшка молока не дастъ... злая!

Августа. Гдѣ она доитъ?

Лиза. Вонъ тамъ.

Бейбстъ (набиваетъ трубку, крѣпко держитъ зубами мѣшочекъ съ табакомъ). Марія ушла?

Лиза. И это правда, правда! Конюхъ съ ней спалъ.

Бейбстъ (пряча мѣшокъ съ табакомъ въ карманъ). Что же тутъ такого? На то она и женщина. Тоже вѣдь иногда... (Закуриваетъ трубку, затѣмъ уходитъ въ главный входъ. Уходя) Я пойду закушу...

Скотница (осторожно неся подъ фартукомъ горшокъ, полный молока, выскальзываетъ изъ коровника). Никто меня не видалъ?

Лиза. Иди, иди, никто не видитъ. Проходи скорѣе!

Скотница (проходя, дѣвушкамъ). Только для грудного малыша!

Лиза (кричитъ ей вслѣдъ). Скорѣе! Кто-то идетъ!

Августа. Ничего. Это наша барышня.

(Дѣвушки продолжаютъ носить траву и, кончивъ, толкаютъ пустыя тачки подъ ворота и уходятъ обѣ въ коровникъ. Логъ и Елена входятъ черезъ ворота).

Лотъ. Этотъ Каалъ просто невыносимъ—шпіонъ какой-то!

Елена. Пройдемте въ бесѣдку... (Входятъ черезъ калиточку въ лѣвый садикъ и проходятъ къ бесѣдкѣ). Это мое любимое мѣсто. Здѣсь я могу спокойно читать.

Лотъ. Красивое мѣсто. Правда. (Садятся въ бесѣдкѣ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Молчаніе. Затѣмъ Лотъ) Какіе у васъ красивые и густые волосы.

Елена. Да, зять это тоже говоритъ. Онъ говоритъ, что не видалъ такихъ, даже и въ городѣ... Коса у меня толщиной въ руку... Когда я ихъ распущу, такъ они до самыхъ колѣнъ. Трогайте,—мягкіе, какъ шелкъ. Правда?

Лотъ. Совсѣмъ шелковые. (По немъ пробѣгаетъ дрожь. Онъ наклоняется и цѣлуетъ волосы).

Елена (испуганно). Нѣтъ, не надо! А если...

Лотъ. Елена, развѣ то было не серьезно?

Елена. Ахъ, мнѣ такъ стыдно... Что я надѣлала? Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею... За кого вы должны меня считать...

Лотъ (подвигается къ ней, беретъ ея руку въ свою). Ну, объ этомъ вамъ нечего безпокоиться!

Елена (вздыхая). Ахъ, что бы сказала сестра Шмиттгенъ... Не могу даже и представить себѣ...

Лотъ. Кто это сестра Шмиттгенъ?

Елена. Учительница изъ пансіона.

Лотъ. Какъ можете вы поступать только по мыслямъ сестры Шмиттгенъ!

Елена. Она была очень добрая. (Вдругъ сильно смѣется).

Лотъ. Чего ты вдругъ разсмѣялась?

Елена (полугрустно, полувесело). Ахъ!.. Когда она стояла на хорахъ и пѣла... у нея остался только одинъ длинный зубъ... она должна была пѣть: «Утѣшь, утѣшь мой народъ», а у нея выходило: «О, ѣшь, о, ѣшь мой народъ»! Такъ смѣшно было... мы всегда такъ смѣялись, когда по всей залѣ раздастся: «О, ѣшь, о, ѣшь...» (Не можетъ удержаться отъ смѣха, Лотъ заражается ея веселостью. Она кажется ему такой милой, что онъ хочетъ воспользоваться минутой и обнять ее. Елена отклоняется). Ахъ, нѣтъ!.. Я тебѣ... вамъ сама бросилась на шею.

Лотъ. Не говорите такъ.

Елена. Я не виновата, вы сами въ этомъ виноваты. Зачѣмъ вы потребовали...

(Лотъ еще разъ обнимаетъ ее, крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ. Сначала она немного противится, затѣмъ уступаетъ и съ спокойнымъ блаженствомъ смотритъ въ сіяющее счастьемъ лицо Лота, которое склоняется къ ней. Вдругъ, сдѣлавшись смѣлой, она первая цѣлуетъ его въ губы. Оба краснѣютъ, затѣмъ Лотъ возвращаетъ ей поцѣлуй, прижимая къ ея губамъ долгимъ, крѣпкимъ, горячимъ поцѣлуемъ. Нѣкоторое время обмѣнъ поцѣлуями является единственнымъ, нѣмымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчивымъ разговоромъ обоихъ. Лотъ заговариваетъ первый).

Лотъ. Лена. Шепъ!.. Тебя здѣсь зовутъ Леной?

Елена (цѣлуетъ его). Зови меня по-другому... Зови, какъ тебѣ хочется.

Лотъ. Дорогая!.. (Повторяется игра поцѣлуевъ и любованія другъ другомъ).

Елена (ее крѣпко обнялъ Лотъ, она положила голову къ нему на грудь, съ затуманенными, счастливыми глазами, шепчетъ въ упоеніи). Ахъ, какъ хорошо! Какъ хорошо!

Лотъ. Такъ умереть съ тобой!

Елена (страстно). Жить... (Освобождается изъ его объятій). Зачѣмъ же умирать теперь?.. теперь...

Лотъ. Не пойми этого ложно. Ужъ съ давнихъ поръ я оньяняю себя... особенно въ счастливыя минуты, оньяняю себя мыслью стать лицомъ къ лицу со смертью.

Елена. Лицомъ къ лицу со смертью?

Лотъ (безъ всякой сентиментальности). Да, и тогда она не представляется мнѣ ужасной, а, напротивъ, въ ней есть что-то дружеское. Зовешь ее и навѣрное знаешь, что она придетъ. Смертью отъ всего можно освободиться, отъ прошед-

шаго—и будущаго... (Смотря на руку Елены) У тебя замѣчательно красивая рука (гладитъ ея руку).

Елена (снова бросается въ его объятія).

Лотъ. Нѣтъ, знаешь. Я не жилъ... до сихъ поръ.

Елена. А ты думаешь, я жила?.. У меня просто голова кружится отъ счастья. Господи! И какъ это такъ вдругъ...

Лотъ. Да, такъ вдругъ...

Елена. Послушай, мнѣ кажется, что вся моя жизнь—это одинъ день, а вчера и сегодня—это цѣлый годъ. Правда?

Лотъ. Я пріѣхалъ только вчера?

Елена. Ну, разумѣется. Въ томъ-то и дѣло... А ты этого и не зналъ?

Лотъ. Право, мнѣ тоже кажется...

Елена. Да? Что прошелъ цѣлый годъ? Правда? (Полуприставъ) Постой... кажется, кто-то идетъ... (Отодвигаются другъ отъ друга). Ахъ, мнѣ все равно. Я теперь такая храбрая. (Она остается сидѣть и взглядомъ подзываетъ Лота сѣсть ближе, что онъ сейчасъ же и исполняетъ).

Елена (въ объятіяхъ Лота). Ну... что же мы прежде всего сдѣлаемъ?

Лотъ. Твоя мачеха, вѣроятно, мнѣ откажетъ.

Елена. Ахъ, моя мачеха... это ея совсѣмъ не касается. Я дѣлаю, что хочу... Я имѣю часть въ наслѣдствѣ матери.

Лотъ. Поэтому ты думаешь...

Елена. Я совершеннолѣтняя, отецъ долженъ мнѣ ее выплатить.

Лотъ. Ты, вѣроятно, не въ ладахъ здѣсь со всѣми?.. А куда уѣхалъ твой отецъ?

Елена. Уѣ... ты... Такъ ты еще не видалъ отца?

Лотъ. Нѣтъ. Гофманъ мнѣ сказалъ...

Елена. Ты... навѣрное... его ужъ видѣлъ.

Лотъ. Я не зналъ!.. Гдѣ же, дорогая?

Елена. Я... (Разражается слезами). Нѣтъ, я не могу... не могу тебѣ этого сказать... это такъ ужасно!

Лотъ. Ужасно? Но, Елена, развѣ твой отецъ чѣмъ-нибудь...

Елена. Ахъ, не спрашивай! Не теперь! Потомъ...

Лотъ. Если ты сама не хочешь мнѣ чего-нибудь сказать, то я тебя объ этомъ, конечно, не буду спрашивать... Послушай, относительно денегъ... въ худшемъ случаѣ... я зарабатываю статьями не очень много, но, я думаю, въ концѣ концовъ этого намъ обоимъ хватитъ.

Елена. Я тоже не буду бездѣльничать. Но тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Наслѣдства вполнѣ хватитъ. А ты отъ своей задачи ни въ какомъ случаѣ не долженъ отказываться, и именно теперь... теперь-то именно у тебя должны быть развязаны руки.

Лотъ (задушевно цѣлуетъ ее). Милая, благородная душа!..

Елена. Ты, правда, меня любишь?.. Правда?.. Правда?..

Лотъ. Правда.

Елена. Скажи сто разъ правда?

Лотъ. Правда, правда и истинная правда!

Елена. Знаешь, ты сочиняешь.

Лотъ. Истинная правда стоитъ ста простыхъ правдъ.

Елена. Да? Конечно, въ Берлинѣ?

Лотъ. Нѣтъ, именно въ Вицдорфѣ.

Елена. Ахъ, ты... Посмотри на мой мизинецъ и не смѣйся.

Лотъ. Хорошо.

Елена. Ты кромѣ твоей первой невѣсты еще другихъ лю... Ты, ты смѣешься!

Лотъ. Я тебѣ хочу серьезно сказать, дорогая... я считаю это своимъ долгомъ... Я со многими женщинами...

Елена (быстро вскакиваетъ, зажимаетъ ему роть). Ради Бога... скажи мнѣ объ этомъ потомъ, когда мы состаримся... черезъ много лѣтъ, когда я тебѣ скажу: говори... Слышишь,— не раньше!

Лотъ. Хорошо. Какъ хочешь.

Елена. А теперь лучше что-нибудь хорошее... Слушай: скажи мнѣ еще разъ...

Лотъ. Что?

Елена. «Я тебя...»

Лотъ. «Я тебя...»

Елена. «И всегда только тебя...»

Лотъ. «И всегда только тебя...»

Елена. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Лотъ. «Любилъ, любилъ всю мою жизнь...»

Елена. «И всю жизнь буду любить только тебя...»

Лотъ. «И всю жизнь буду любить только тебя», и это такъ же вѣрно, какъ то, что я честный человѣкъ.

Елена (радостно). Этого я не говорила.

Лотъ. А я говорю. (Цѣлуются).

Елена (напѣваетъ совсѣмъ тихо). Ты живешь въ моемъ сердцѣ...

Лотъ. Теперь ты должна признаться.

Елена. Во всемъ, въ чемъ хочешь.

Лотъ. Признайся. Я первый?

Елена. Нѣтъ.

Лотъ. Кто?

Елена (задорно смѣется). Каааль Вильгельмъ!

Лотъ (смѣется). Кто еще?

Елена. Нѣтъ, больше, право, никого нѣтъ. Ты долженъ мнѣ вѣрить... Право, нѣтъ. Зачѣмъ бы я стала тебѣ лгать?

Лотъ. Итакъ, значитъ, еще кто-то?

Елена (горячо). Прошу, прошу, ну, умоляю тебя, не спрашивай меня объ этомъ. (Закрываетъ лицо руками и плачетъ, повидимому, невольно).

Лотъ. Но, но, Леночка, я вѣдь не принуждаю тебя.

Елена. Потомъ, все, все потомъ.

Лотъ. Какъ хочешь, дорогая...

Елена. Ну да, былъ одинъ, видишь ли, котораго я... потому что... потому что онъ показался менѣе дурнымъ изъ всѣхъ дурныхъ. Но теперь это совсѣмъ другое. (Плачетъ на груди у Лота, порывисто) Ахъ, если бы я могла больше не разставаться съ тобой! Я бы больше всего желала сейчасъ же уйти съ тобой.

Лотъ. Тебѣ, должно-быть, очень плохо въ этомъ домѣ?

Елена. Ахъ, здѣсь все идетъ такъ ужасно. Живутъ, какъ скоты,—я бы погибла здѣсь безъ тебя... Меня ужасъ беретъ...

Лотъ. Мнѣ кажется, ты успокоилась бы, дорогая, если бы все откровенно разсказала мнѣ.

Елена. Да, конечно, но... я не могу рѣшиться на это. Не теперь... еще не теперь. Я, право, боюсь.

Лотъ. Ты была въ пансіонѣ?

Елена. Моя мать захотѣла — еще на смертномъ одрѣ.

Лотъ. И твоя сестра тоже?..

Елена. Нѣтъ. Она всегда жила дома... И когда я пять лѣтъ тому назадъ вернулась домой, я нашла отца, который... мачеху, которая... сестру... отгадай, что я хочу сказать!

Лотъ. Твоя мачеха сварливая. Нѣтъ?.. Можетъ-быть, ревнивая?.. Злая?

Елена. Отецъ?..

Лотъ. Ну, онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пляшетъ подъ ея дудку. Можетъ-быть, она его тиранитъ?

Елена. Если бы больше ничего не было... Нѣтъ! Это слишкомъ ужасно! Ты не можешь и представить себѣ, что... что мой отецъ... что это былъ мой отецъ, котораго ты..

Лотъ. Только не плачь, Леночка... Видишь ли, теперь я почти серьезно готовъ заставить тебя, чтобы ты мнѣ...

Елена. Нѣтъ, этого не нужно. У меня еще нѣтъ силы... это тебѣ...

Лотъ. Ты такъ мучишь себя.

Елена. Мнѣ безконечно стыдно! Ты... ты оттолкнешь, прогонишь меня... этого и вообразить себѣ нельзя... Это отвратительно!

Лотъ. Леночка, ты не знаешь меня, иначе ты не подумала бы этого обо мнѣ. Оттолкнуть, прогнать! Развѣ я кажусь тебѣ такимъ грубымъ?

Елена. Зять Гофманъ сказалъ, что ты разсудительный... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты вѣдь не сдѣлаешь этого. Правда? Ты вѣдь не пройдешь по мнѣ? Не дѣлай этого. Я не знаю, что тогда будетъ со мной.

Лотъ. Да вѣдь это же безуміе! У меня нѣтъ никакихъ причинъ...

Елена. Такъ, значитъ, ты все-таки считаешь это возможнымъ?

Лотъ. Нѣтъ... Конечно, нѣтъ!

Елена. Но разъ ты можешь себѣ представить такія причины...

Лотъ. Есть, конечно, причины, но онѣ сюда не относятся.

Елена. И эти причины?

Лотъ. Ну, если бы кто-нибудь хотѣлъ меня заставить измѣнить самому себѣ, съ тѣмъ бы я разстался.

Елена. Этого я, конечно, не хочу... Но, навѣрно, я не освобожусь отъ одного чувства.

Лотъ. Какого чувства?

Елена. Можетъ-быть, это оттого, что я такая глупая. У меня въ головѣ ничего нѣтъ. Я не знаю, что такое убѣжденія... Правда? Вѣдь это ужасно. Я люблю тебя просто, но ты такъ добръ, такъ великъ, у тебя въ головѣ такъ много... Я такъ боюсь, что ты можешь замѣтить... я говорю что-нибудь глупое или дѣлаю, а это не годится... что я слишкомъ проста для тебя... Я, право, страсть какая дурная и глупая.

Лотъ. Что я могу отвѣтить на это? Ты для меня все во всемъ. Все во всемъ ты для меня. Больше я ничего не знаю.

Елена. И здоровье мое тоже...

Лотъ. Послушай, твои родители здоровые?

Елена. Да, конечно, то-есть мать умерла отъ родовой

горячки. Отецъ тоже еще здоровъ. У него, должно-быть очень крѣпкое здоровье. Но...

Лотъ. Ну вотъ видишь, значитъ...

Елена. А если бы родители не были здоровые?

Лотъ (цѣлуетъ Елену). Да вѣдь они же здоровые, Леночка.

Елена. А если бы нѣтъ?..

(Г-жа Краузе открываетъ окно въ домѣ и кричитъ во дворъ).

Г-жа Краузе. Эй, дѣвки! Эй, дѣ-ѣвки!

Лиза (изъ коровника). Г-жа Краузе?

Г-жа Краузе. Бѣги за Мюллеръ! Началось!

Лиза. Къ акушеркѣ Мюллеръ?

Г-жа Краузе. А то къ кому же еще? (Захлопываетъ окно).

(Лиза бѣжитъ въ конюшню и затѣмъ съ платкомъ на головѣ выбѣгаетъ на дворъ. Г-жа Шпиллеръ появляется въ дверяхъ дома).

Г-жа Шпиллеръ (зоветъ). Фрейлейнъ Елена!.. Фрейлейнъ Елена!

Елена. Что такое могло случится?

Г-жа Шпиллеръ (идетъ къ бесѣдкѣ). Фрейлейнъ Елена!

Елена. Ахъ, вотъ что,—сестра! Иди, тамъ кругомъ! (Лотъ быстро уходитъ налѣво спереди. Елена выходитъ изъ бесѣдки).

Г-жа Шпиллеръ. Фрейлейнъ!.. Ахъ, вотъ вы гдѣ!

Елена. Что случилось?

Г-жа Шпиллеръ. А-ахъ... у вашей сестры... (Шепчетъ ей что-то на ухо).

Елена. Зять велѣлъ сейчасъ же послать за докторомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но, фрейлейнъ, она вѣдь не хочетъ... она не хочетъ никакого доктора... Доктора... а-ахъ, доктора! Съ Божьей помощью...

(Миля выходитъ изъ дому).

Елена. Миля, идите сейчасъ же за докторомъ Шиммельпфеннигомъ.

Г-жа Шпиллеръ. Но...

Г-жа Краузе (изъ окна повелительно). Миля! Ступай наверхъ!

Елена (такъ же). Миля, вы пойдете къ доктору! (Миля бросается назадъ въ домъ). Ну, въ такомъ случаѣ я сама... (Уходитъ въ домъ и сейчасъ же возвращается съ соломенной шляпой въ рукахъ).

Г-жа Шпиллеръ. Тогда... м... дѣло будетъ плохо! Если вы приведете доктора, барышня, тогда дѣло будетъ, конечно, плохо.

(Елена проходитъ мимо нея. Г-жа Шпиллеръ возвращается, качая головой, въ домъ. Когда Елена поворачиваетъ къ выходу со двора, Кааль появляется за заборомъ).

Кааль (кричитъ Еленѣ). Что такое началось у васъ?

(Елена не останавливается и не удостоиваетъ Кааля ни взглядомъ ни словомъ).

Кааль (смѣется). У васъ, должно-быть, свиней бьютъ? А?

(Занавѣсъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната, что и въ первомъ дѣйствіи. Около двухъ часовъ ночи. Въ комнатѣ темно. Черезъ открытую среднюю дверь проходитъ свѣтъ изъ освѣщенныхъ сѣней. Ярко освѣщена также деревянная лѣстница въ первомъ этажѣ. Все это дѣйствіе, за немногими исключеніями, ведется въ пониженномъ тонѣ.

(Эдуардъ со свѣчой входитъ въ среднюю дверь. Зажигаетъ висячую лампу надъ угловымъ столомъ. Газовое освѣщеніе. Пока онъ этимъ занятъ, входитъ Лотъ также въ среднюю дверь).

Эдуардъ. Нельзя же такъ ни на минуту глазъ не сомкнуть!

Лотъ. Мнѣ не хотѣлось спать. Я писалъ.

Эдуардъ. Ахъ, такъ! (Зажигаетъ). Такъ... Конечно. А тяжело это, должно-быть... Можетъ-быть, г-нъ докторъ желаетъ чернила и перо?

Лотъ. Если вы будете такъ любезны.

Эдуардъ (ставя на столъ чернила и перья). Я всегда такъ думаю: кто честный человѣкъ, тому приходится собственной кровью каждый грошъ зарабатывать. Ему даже и ночью нѣтъ покоя. (Все довѣрчивѣе) А они тутъ всѣ ровно ничего не дѣлаютъ, гнилые, безполезные люди... Вотъ и вамъ, г-нъ докторъ, какъ и всѣмъ честнымъ людямъ, приходится, конечно, много работать, чтобы прожить какъ-нибудь.

Лотъ. Да, я бы не прочь, чтобы не приходилось такъ работать.

Эдуардъ. А я, вы думаете, прочь?

Лотъ. Барышня, должно-быть, у сестры?

Эдуардъ. Конечно. Она хорошая дѣвушка. Не оставляйте ее.

Лотъ (смотритъ на часы). Роды начались въ одиннадцать часовъ утра. Значитъ, они продолжаются... они уже продолжаются пятнадцать часовъ. Пятнадцать долгихъ часовъ!

Эдуардъ. Ай-ай-ай! А ихъ еще называютъ слабымъ поломъ.

Лотъ. Гофманъ тоже наверху?

Эдуардъ. Я вамъ говорю: женщины здоровый народъ.

Лотъ. Да, и все-таки, если даже это и такъ, это не пустяки.

Эдуардъ. Ну да! И я это говорю! Сейчасъ докторъ Шиммельпфеннигъ пріѣхалъ. Вотъ это человѣкъ, скажу я вамъ: твердъ, какъ камень, а вмѣстѣ съ тѣмъ просто сахаръ, а не человѣкъ. Скажите, и вы тоже изъ Берлина? (Гофманъ и докторъ сходятъ внизъ по лѣстницѣ). Ахъ, ты, Господи!

(Гофманъ и д-ръ Шиммельпфеннигъ входятъ).

Гофманъ. Ну, теперь-то вы, конечно, ужъ останетесь у насъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Теперь я могу.

Гофманъ. Если бы вы знали, насколько спокойнѣе при васъ. Можно вамъ предложить стаканъ вина, г-нъ докторъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Если вы такъ хотите, то велите ужъ лучше сварить мнѣ чашку кофе.

Гофманъ. Съ удовольствіемъ. Эдуардъ! Кофе для г-на доктора! (Эдуардъ уходитъ). Вы?.. Вы довольны теченіемъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пока у вашей жены есть еще силы, прямой опасности нѣтъ. Почему же вы все-таки не пригласили молодую акушерку? Вѣдь я, насколько помню, рекомендовалъ вамъ одну.

Гофманъ. Теща... что же тутъ подѣлаешь? Да, по правдѣ сказать, и жена не особенно довѣряла молодой.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А такимъ ископаемымъ ваши дамы довѣряютъ? На здоровье! Вамъ очень хочется опять наверхъ?

Гофманъ. Откровенно говоря, я здѣсь внизу не очень спокоенъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вамъ бы лучше всего уйти куда-нибудь изъ дому.

Гофманъ. Это при всемъ желаніи... Ахъ, Лотъ! Ты еще здѣсь. (Лотъ поднимается съ дивана на темномъ переднемъ планѣ и подходитъ къ обоимъ).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (въ высшей степени изумленъ). Что такое?

Лотъ. Я уже слышалъ, что ты здѣсь. Завтра я непремѣнно отыскалъ бы тебя. (Крѣпко жмутъ другъ другу руки. Гофманъ, пользуясь минутой, быстро наливаетъ у буфета рюмку коньяку и затѣмъ пробирается наверхъ по деревянной лѣстницѣ. Вначалѣ разговоръ двухъ друзей ясно носитъ на себѣ легкій отпечатокъ сдержанности).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ ты, значитъ... ха-ха-ха... забылъ старую глупую исторію? (Кладетъ въ сторону шляпу и палку).

Лотъ. Давно забылъ, Шиммель!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, и я тоже! (Пожимаютъ еще разъ руки). У меня въ этой дырѣ было такъ мало радостныхъ минутъ, что эта исторія мнѣ представляется просто смѣшной. Странно! И мы встрѣчаемся какъ разъ здѣсь. Странно!

Лотъ. Ты пропалъ безъ вѣсти, Шиммель. А то тебя бы давно извели.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Нырнулъ подъ воду, какъ тюлень, и дѣлалъ изслѣдованія на глубинѣ. Года черезъ полтора надѣюсь опять вынырнуть. Видите ли... видишь ли, если хочешь сдѣлать что-нибудь порядочное, прежде всего надо быть матеріально независимымъ.

Лотъ. Такъ, значитъ, ты здѣсь и капиталы собираешь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разумѣется, и какъ можно больше. Что же другое здѣсь можно дѣлать?

Лотъ. А все-таки ты могъ бы дать о себѣ вѣсточку.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Позвольте... позволь, если бы я о себѣ сообщилъ, мнѣ бы въ свою очередь пришлось услышать и о васъ, а я рѣшительно ничего не хотѣлъ слышать... Ничего, ровно ничего, это могло бы мнѣ помѣшать въ моей золотопромышленной дѣятельности. (Оба медленно ходятъ взадъ и впередъ по комнатѣ).

Лотъ. Такъ... Въ такомъ случаѣ тебѣ нечего удивляться, что они... да, они всѣ безъ разбора отказались отъ тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Этого можно было ожидать отъ нихъ. Шайка! Ну, я еще заставлю ихъ заговорить обо мнѣ.

Лотъ. Шиммель, прозванный Грубіяномъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пожилъ бы ты шесть лѣтъ среди этихъ крестьянъ. Такія собаки всѣ...

Лотъ. Это я могу себѣ представить. Но какъ ты попалъ именно въ Виндорфъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Какъ это всегда бываетъ. Я долженъ былъ тогда удрать изъ Іены.

Лотъ. Это было еще до моей исторіи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конечно. Вскорѣ послѣ того, какъ мы бросили нашу совмѣстную жизнь. Въ Цюрихѣ я началъ тогда заниматься медициной, главнымъ образомъ, чтобы имѣть что-нибудь въ случаѣ нужды. Затѣмъ дѣло

начало меня интересовать, и теперь я тѣломъ и душой медикъ.

Лотъ. А сюда?.. Какъ ты попалъ сюда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Очень просто. Когда я кончилъ, то сказалъ себѣ: теперь прежде всего необходима достаточная сумма денегъ. Думалъ я и объ Америкѣ, Южной и Сѣверной Америкѣ, объ Африкѣ, Австраліи, южныхъ островахъ... Въ концѣ концовъ мнѣ пришло въ голову, что моей мальчишеской глупости наступила между тѣмъ давность, и рѣшилъ влѣзть назадъ въ мышеловку.

Лотъ. Но вѣдь ты экзамены свои сдавалъ въ Швейцаріи?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пришлось претерпѣть все это еще разъ здѣсь.

Лотъ. Такъ ты, значитъ, держалъ два раза государственный экзаменъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да! Въ концѣ концовъ я счастливымъ образомъ напалъ на здѣшній тучный лугъ.

Лотъ. Упорству твоему можно позавидовать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Только не все сразу такъ сыпалось. Ну, въ концѣ концовъ это тоже не несчастье.

Лотъ. У тебя большая практика?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да. Иногда я только въ пять часовъ утра ложусь въ постель. А въ семь часовъ ужъ опять начинается мой пріемный часъ.

(Входитъ Эдуардъ и приноситъ кофе).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (садясь къ столу, Эдуарду). Благодарю, Эдуардъ! (Къ Лоту) Вотъ кофе зато я пью... въ неприличныхъ размѣрахъ.

Лотъ. Ну, этого не слѣдовало бы.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Что же дѣлать? (Пьетъ маленькими глотками). Какъ уже сказалъ—еще годикъ, и тогда конецъ... по крайней мѣрѣ надѣюсь.

Лотъ. И тогда совсѣмъ прекратишь практику?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Думаю—нѣтъ. Нѣтъ... больше не буду. (Отодвигаетъ подносъ съ кофейнымъ приборомъ, вытираетъ себѣ ротъ). Впрочемъ, покажи-ка твою руку. (Лотъ протягиваетъ ему обѣ руки). Нѣтъ? Не женился? Не нашелъ подходящей? А?.. Ты, значитъ, все еще въ жены себѣ ищешь женщину ради здоровой крови. Ты, впрочемъ, правъ... Или ты въ этомъ отношеніи не требуешь уже такъ много?

Лотъ. Ну, это смотря какъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, если бы и у здѣшнихъ крестьянъ были такіе же взгляды. Вырожденіе, говорю

тебѣ, полнѣйшее и на каждомъ шагу... (Наполовину вынулъ портсигаръ изъ бокового кармана, опускаетъ его опять назадъ и встаетъ, когда доносится какой-то крикъ черезъ едва притворенную сѣнную дверь). Постой-ка. (Идетъ на цыпочкахъ къ сѣнной двери и слушаетъ. Одну дверь открываютъ за сценой: нѣсколько секундъ ясно слышны вопли родильницы. Докторъ, обращаясь къ Лоту, тихо говоритъ). Прости! (Уходитъ).

(Лотъ нѣсколько секундъ ходитъ по комнатѣ, въ это время за сценой хлопаютъ двери, люди бѣгаютъ внизъ и вверхъ по лѣстницѣ. Затѣмъ онъ садится на кресло направо спереди. Елена прошмыгиваетъ въ комнату и обнимаетъ сзади Лота, который не замѣтилъ ея прихода).

Лотъ (оборачивается, также обнимаетъ ее). Леночка! (Притягиваетъ ее, несмотря на слабое сопротивленіе, къ себѣ на колѣни. Елена плачетъ, онъ ее цѣлуетъ). Ахъ, не плачь же, Леночка! Ну, отчего ты такъ плачешь?

Елена. Отчего? Развѣ я знаю?.. Я все думала, что тебя больше не встрѣчу. Я только-что такъ испугалась...

Лотъ. Почему же?

Елена. Потому что я слышала, какъ ты вышелъ изъ своей комнаты. А!.. И сестра... бѣдныя мы, бѣдныя женщины! Она страшно мучится.

Лотъ. Боль скоро забывается, а умирать отъ этого не умираютъ.

Елена. Ахъ, ты! Она сама хочетъ умереть... она все время стонетъ: дайте мнѣ умереть... Докторъ! (Она вскакиваетъ и проскальзываетъ въ зимній садъ).

Д-ръ Шиммельпфенингъ (при входѣ). Да, ужъ лучше бы барынька тамъ наверху немного поторопилась! (Садится около стола, снова вынимаетъ сигару и кладетъ ее около себя). Ты поѣдешь со мной ко мнѣ, а? У меня тамъ есть парный экипажъ. Вмѣстѣ въ немъ и доѣдемъ. (Ударяя сигарой о край стола). Сладкое супружество — неизбѣжное зло, да, да! (Зажигаетъ спичку). Итакъ, еще свѣжъ, свободенъ, невиненъ, веселъ?

Лотъ. Это меня черезъ нѣсколько дней спроси.

Д-ръ Шиммельпфенингъ (уже съ зажженной сигарой). Какъ? Ахъ, ахъ, да! (Смѣясь). По моимъ слѣдамъ пошелъ?

Лотъ. А ты все еще такъ же пессимистически относишься къ женщинамъ?

Д-ръ Шиммельпфенингъ. Ужа-сно! (Сидя за дымомъ сигары). Раньше я былъ пессимистъ, такъ сказать, по предчувствію.

Лотъ. А теперь развѣ убѣдился на опытѣ?

Д-ръ Шиммельпфенингъ. Разумѣется. На моей вывѣскѣ изображено: «спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ».

Медицинская практика дѣлаетъ страшно умнымъ... до ужаса здоровымъ... она специфическое средство противъ... всякихъ заразъ.

Лотъ (смѣется). Ну, мы можемъ сейчасъ опять начать въ прежнемъ тонѣ. Я вовсе не пошелъ по твоимъ слѣдамъ. Теперь еще меньше, чѣмъ прежде... Такимъ образомъ ты, вѣроятно, также перемѣнилъ своего конька?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Конька?

Лотъ. Вѣдь женскій вопросъ въ прежнія времена былъ нѣкоторымъ образомъ твоимъ конькомъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ахъ, да! Почему я долженъ былъ его перемѣнить?

Лотъ. Потому что ты о женщинахъ думаешь еще хуже, чѣмъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (немного раздраженный, встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ, при этомъ говоритъ). О женщинахъ!.. Нисколько!.. Я только дурно думаю о женитьбѣ... о бракѣ... о бракѣ, и при этомъ еще гораздо хуже я думаю о мужчинахъ... Женскій вопросъ, ты думаешь, меня больше не интересуетъ? Да? А зачѣмъ бы я работалъ здѣсь шесть долгихъ лѣтъ, какъ вьючная лошадь? Только для этого вопроса. Развѣ ты этого не зналъ съ самаго начала?

Лотъ. Гдѣ же я могъ здѣсь это узнать?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, какъ сказано... я уже собралъ довольно значительный матеріалъ, который мнѣ можетъ оказать большія услуги... Т-с!.. Я уже такъ привыкъ къ крику. (Замолкаетъ, слушаетъ, идетъ къ двери и возвращается). А что собственно привело тебя сюда, къ золотопромышленникамъ?

Лотъ. Я хотѣлъ бы изучить здѣшній бытъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (понизеннымъ тономъ). Идея! (Еще тише) Ты можешь получить у меня и этотъ матеріалъ.

Лотъ. Ты, конечно, хорошо освѣдомленъ о здѣшнемъ положеніи. Каковы здѣсь семейныя условія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ужасныя!.. Всюду... уф!.. пьянство, кровосмѣшеніе, вслѣдствіе этого вырожденіе по всей линіи.

Лотъ. Есть же исключенія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Едва ли.

Лотъ (безпокойно). Ты никогда не впадалъ въ искушеніе... жениться на дочери какого-нибудь вицдорфскаго богача?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Фу, чортъ возьми! Да за

кого же ты меня считаешь? Съ тѣмъ же правомъ ты могъ бы меня спросить...

Лотъ (очень блѣдный). Какъ?.. почему?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Потому что... Да что съ тобой? (Пристально смотритъ на него нѣсколько секундъ).

Лотъ. Что со мной можетъ быть? Ровно ничего.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (внезапно задумывается, идетъ и вдругъ останавливается съ легкимъ свистомъ, снова взглядываетъ бѣгло на Лота и говоритъ потомъ вполголоса самъ себѣ). Плохо!

Лотъ. Ужъ очень ты быстръ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тише! (Прислушивается и затѣмъ быстро уходитъ въ среднюю дверь).

Елена (входитъ черезъ нѣсколько секундъ въ среднюю дверь, она зоветъ). Альфредъ!.. Альфредъ!.. Ахъ, ты здѣсь, слава Богу!

Лотъ. А ты думала, я уже сбѣжалъ? (Обнимаетъ).

Елена (откидывается съ несомнѣннымъ испугомъ въ выраженіи). Альфредъ!

Лотъ. Что такое?

Елена. Ничего, ничего!

Лотъ. Но у тебя что-то есть?

Елена. Ты говорилъ со мной такъ... такъ холодно.. Ахъ, у меня ужъ такія глупыя мысли.

Лотъ. Какъ дѣла наверху?

Елена. Докторъ ссорится съ акушеркой.

Лотъ. Не скоро еще кончится?

Елена. Развѣ я знаю?.. Но когда это... когда это кончится, тогда...

Лотъ. Что тогда?.. Говори же, прошу тебя! Что ты хотѣла сказать?

Елена. Уйдемъ тогда поскорѣй отсюда. Сейчасъ же! Сію же минуту!

Лотъ. Если ты дѣйствительно считаешь это самымъ лучшимъ, Леночка...

Елена. Да, да. Намъ нечего ждать. Это самое лучшее для тебя и меня. Если ты теперь же не возьмешь меня и оставишь здѣсь... тогда... тогда... тогда я погибну.

Лотъ. Какъ же ты недовѣрчива, Леночка!

Елена. Не говори этого, милый. Тебѣ всѣ вѣрятъ, тебѣ нельзя не вѣрить... Какъ только я буду твоя, тогда... тогда ты ужъ навѣрно меня не оставишь. (Какъ бы внѣ себя) Я заклинаю тебя, не уходи! Только не оставляй меня! Не уходи, Альфредъ! Все кончится, все, если выйдешь отсюда безъ меня!

Лотъ. Ну, какая ты странная!.. И ты еще говоришь, что вѣришь... Или они мучатъ тебя, пытаютъ тебя здѣсь еще ужаснѣе, чѣмъ я себѣ... Во всякомъ случаѣ мы уйдемъ еще сегодня же ночью. Я готовъ. Мы уйдемъ сейчасъ же, какъ ты захочешь.

Елена (сейчасъ же падаетъ ему на шею съ восторженной благодарностью). Любимый мой! (Цѣлуетъ его, какъ безумная, и быстро уходитъ. Д-ръ Шиммельпфеннигъ входитъ въ среднюю дверь; онъ еще замѣчаетъ, какъ Елена исчезаетъ въ двери зимняго сада).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Кто это былъ?.. Ахъ, да! (Про себя) Бѣдняжечка! (Садится, вздыхая, къ столу, находитъ старую сигару, отбрасываетъ ее въ сторону, береть изъ портсигара новую и начинаетъ бить ею о край стола, при чемъ онъ задумчиво пристально смотритъ на нее).

Лотъ (смотритъ на него). Точно такъ же и восемь лѣтъ тому назадъ тебѣ необходимо было постучать каждой сигарой, прежде чѣмъ закурить ее.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Возможно!.. (Закуривъ) Послушай-ка ты!

Лотъ. Что такое?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты вѣдь, какъ только кончится наверху исторія, поѣдешь со мной ко мнѣ?

Лотъ. Къ сожалѣнію, это невозможно.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Хочется снова основательно откровенно высказаться.

Лотъ. Мнѣ точно такъ же, какъ и тебѣ. Но сегодня совершенно не въ моей власти съ тобой...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А если я тебѣ прямо и въ нѣкоторой степени торжественно объявляю: есть опредѣленное, въ высшей степени важное дѣло, о которомъ я хотѣлъ бы сегодня же ночью поговорить съ тобой... даже долженъ говорить, Лотъ.

Лотъ. Странно! Я не могу этого принять въ серьезъ. Столько лѣтъ ты ждалъ съ этимъ, а теперь нельзя подождать одного дня? Ты же вѣришь, что я не думаю отвиливать.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Итакъ, это, значитъ, правда! (Встаетъ и идетъ кругомъ).

Лотъ. Правда?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (стоитъ молча передъ Лотомъ, прямо смотря ему въ глаза). Такъ это правда, что между тобой и Еленой Краузе что-то происходитъ?

Лотъ. Между мной?.. Кто же тебѣ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А какимъ же образомъ ты въ этомъ семействѣ?..

Лотъ. Откуда ты знаешь все это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Догадаться было не трудно.

Лотъ. Ну такъ молчи, ради Бога, чтобы не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Такъ вы дѣйствительно помолвлены?

Лотъ. Какъ тебѣ сказать? Во всякомъ случаѣ, мы оба согласны.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!.. Но какъ ты попалъ сюда, именно въ это семейство?

Лотъ. Да вѣдь Гофманъ мой школьный товарищъ. Онъ тоже былъ членомъ—конечно, по имени—моего колоніальнаго союза.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я слышалъ о немъ въ Цюрихѣ. Такъ онъ съ тобой знакомъ! Слава о немъ идетъ печальная.

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну, да не въ этомъ дѣло. И ты это дѣйствительно серьезно?.. Исторія съ Краузе?

Лотъ. Само собой разумѣется... Ты сомнѣвался въ этомъ? Вѣдь ты же меня за подлеца не...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ну хорошо! Только не горячись. Вѣдь могъ же ты измѣниться за эти долгіе годы. Почему нѣтъ? Немного юмора не могло бы тебѣ повредить. Я не понимаю, почему все надо принимать съ такой проклятой серьезностью.

Лотъ. Для меня это теперь серьезнѣе, чѣмъ прежде. (Встаетъ и подходитъ, заходя нѣсколько сзади, къ Шиммельпфеннигу). Ты вѣдь не можешь знать, а я не могу тебѣ сказать, какъ важенъ для меня этотъ вопросъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Ты не имѣешь понятія, что это за состояніе. Пока этого только ждешь, — его не знаешь. Но если его узнаешь, тогда,—тогда прямо съ ума сойдешь отъ страстнаго ожиданія.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Пусть чортъ пойметъ, какъ вы доходите до этого безумнаго ожиданія.

Лотъ. Ты тоже еще не застрахованъ отъ него.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Желалъ бы я это поглядѣть!

Лотъ. Ты говоришь, какъ слѣпой о краскахъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Простое увлеченіе! Смѣшно! И на этомъ строить бракъ на всю жизнь... Все равно, что на кучѣ песку.

Лотъ. Увлеченіе... увлеченіе!.. Кто говоритъ объ увлеченіи, тотъ ничего не понимаетъ. Увлеченіе мимолетно. Такія увлеченія у меня уже были, сознаюсь въ этомъ. Но это—нѣчто совсѣмъ другое.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гм!

Лотъ. Я разсуждаю совершенно хладнокровно. Ты думаешь, что я смотрю на нее... ну, какъ тебѣ сказать?.. ну, какъ сказать?.. Съ пристрастіемъ? Совсѣмъ нѣтъ! У нея есть недостатки, она не особенно красива, по меньшей мѣрѣ, но она и не уродъ. Я обсудилъ совершенно объективно, и—конечно, это дѣло вкуса—я никогда еще не встрѣчалъ такой прекрасной дѣвушки. Итакъ, увлеченіе—пустяки. Я такъ разсудителенъ, какъ только возможно. Но, видишь ли, вотъ что̀ странно: я совсѣмъ не могу думать безъ нея... это мнѣ представляется, какъ сплавъ, знаешь, когда два металла такъ тѣсно сплавлены, что уже нельзя сказать: это такой-то, а это такой. Все это вполнѣ понятно, однимъ словомъ, это, можетъ-быть... безуміе,—то-есть въ твоихъ глазахъ, можетъ-быть, это и безуміе, но для меня ясно одно: кто этого не знаетъ, тотъ достойная сожалѣнія лягушка. Такой лягушкой я былъ до сихъ поръ, а ты и теперь еще такая же жалкая лягушка.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да вѣдь тутъ весь комплектъ симптомовъ налицо. И зачѣмъ вамъ надо лѣзть по уши въ вещи, которыя теоретически вы ужъ давно отвергли, какъ, напримѣръ, ты — бракъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, ты страдаешь этой несчастной брачной маніей.

Лотъ. Это мое стремленіе, прямо стремленіе. Боже мой, если бы я могъ перемѣниться такъ, какъ я хочу!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Но вѣдь въ концѣ концовъ можно и преодолѣть стремленіе.

Лотъ. Да, если есть цѣль, то почему же и нѣтъ?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. А женитьба имѣетъ цѣль?

Лотъ. Я это и подразумѣваю. Она имѣетъ цѣль. Для меня она имѣетъ цѣль. Ты не знаешь, какъ я тратилъ свои силы до сихъ поръ. Я не сентименталенъ. Я, можетъ-быть, не такъ ясно чувствовалъ это, можетъ, я не сознавалъ такъ рѣзко, какъ теперь, что въ моемъ стремленіи у меня было что-то ужасно пустынное, почти механическое. Ни духа, ни темперамента, ни жизни. Да кто знаетъ, была ли еще во мнѣ вѣра? Все это съ... съ сегодняшняго дня снова вырастаетъ во мнѣ. Я такъ удивительно полонъ,

такъ самобытенъ, такъ радостенъ... Безуміе... ты этого не понимаешь.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Все, что для васъ необходимо, чтобы оставаться жизнерадостными: вѣра, любовь, надежда,—для меня это хламъ. Для меня это совершенно ясно: человѣчество лежитъ въ агоніи, и каждый изъ насъ старается наркотическими средствами сдѣлать эту агонію насколько можно менѣе мучительною.

Лотъ. Твоя новѣйшая основная точка зрѣнія?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Все одна и та же уже пять-шесть лѣтъ.

Лотъ. Поздравляю!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Благодарю! (Долгая пауза).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ (послѣ нѣсколькихъ безпокойныхъ приступовъ). Дѣло, къ сожалѣнію, обстоитъ такъ, что я считаю себя обязаннымъ... Я долженъ тебѣ сказать это во что бы то ни стало... Я думаю, что ты не можешь жениться на Еленѣ Краузе.

Лотъ (холодно). Да, ты думаешь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Да, я такого мнѣнія. Существуютъ препятствія, которыя для тебя какъ разъ...

Лотъ. Послушай, ради Бога, объ этомъ не безпокойся. Вопросъ вовсе не такъ сложенъ, въ концѣ концовъ онъ даже ужасно простъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Или, вѣрнѣе сказать: просто ужасенъ.

Лотъ. Я говорю о томъ, что касается препятствій.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я тоже отчасти. Но также и вообще. Не думаю, чтобы ты вполнѣ ознакомился съ этимъ вопросомъ.

Лотъ. Я его достаточно изучилъ.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тогда ты долженъ бы неизбѣжно перемѣнить свой взглядъ.

Лотъ. Пожалуйста, Шиммель, говори яснѣе.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Тогда тебѣ придется отказаться отъ твоихъ главныхъ требованій относительно брака, хотя ты только-что далъ понять, что для тебя важнѣе всего произвести на свѣтъ родъ, здоровый душою и тѣломъ.

Лотъ. Отказаться?.. отказаться? Почему же я долженъ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Вѣдь ничего же больше не остается... Значитъ, ты ничего не знаешь, ты, можетъ-быть, не знаешь и того, что у Гофмана былъ сынъ, который трехъ лѣтъ уже умеръ отъ алкоголизма.

Лотъ. Что... что ты говоришь?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Мнѣ очень тяжело, Лотъ, но я долженъ тебѣ это сказать. Вѣдь ты тогда можешь дѣлать, что хочешь. Дѣло было не шуточное. Они такъ же, какъ и теперь, гостили здѣсь. Они прислали за мной, опоздали на полчаса. Мальчикъ уже давно истекъ кровью.

(Лотъ съ выраженіемъ глубокаго, ужаснаго потрясенія, внимательно слушаетъ доктора).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Глупый мальчишка тянулся къ уксусной бутылкѣ, думая, что въ ней его любимая водка. Бутылка упала, и мальчикъ упалъ на осколки. Здѣсь внизу, видишь ли, vena saphena, онъ ее и перерѣзалъ.

Лотъ. Ч...ч...ей ребенокъ, говоришь ты?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана и той же самой барыни, которая тамъ наверху опять... И она тоже пьетъ, пьетъ до потери сознанія, пьетъ, сколько можетъ выпить.

Лотъ. Такъ это не отъ Гофмана... не отъ Гофмана?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Сохрани Господи, это-то и трагично для человѣка. Онъ страдаетъ отъ этого, насколько онъ вообще можетъ страдать. Впрочемъ, онъ зналъ, что вступаетъ въ семью пьяницъ. Отецъ уже и не выходитъ больше изъ трактира.

Лотъ. Теперь я многое понимаю... Нѣтъ... я все понимаю, все! (Послѣ тяжелаго молчанія) Такъ ея жизнь здѣсь... Жизнь Елены, ну, какъ сказать? Я не могу найти подходящаго слова...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Прямо ужасна. Это я могу засвидѣтельствовать. Что ты привязался къ ней, мнѣ съ самаго начала стало очень понятно. Но, какъ я уже сказалъ...

Лотъ. Ну хорошо!.. Понимаю... Можетъ-быть, можно было бы... можно было бы побудить Гофмана что-нибудь... что-нибудь сдѣлать? Ты не могъ бы повліять на него? Его слѣдовало бы вырвать изъ этого болота.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Гофмана?

Лотъ. Да.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Плохо ты его знаешь... Не думаю, чтобы онъ ее уже развратилъ. Но имя ея онъ уже безусловно опорочилъ.

Лотъ (вспыливъ). Если это такъ, я убью его... Ты дѣйствительно думаешь?.. Ты дѣйствительно считаешь Гофмана способнымъ...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я считаю его способнымъ

на все, на все, если это доставляетъ ему, конечно, удовольствіе.

Лотъ. Тогда она—самое чистое созданіе, какое только есть... (Лотъ медленно беретъ шляпу и палку и надѣваетъ на себя сумочку).

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Что ты думаешь дѣлать, Лотъ?

Лотъ. Не встрѣчаться.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты, значитъ, рѣшился?

Лотъ. На что рѣшился?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Разорвать ваши отношенія?

Лотъ. Какъ же я могу не рѣшиться на это?

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я, какъ врачъ, могу тебѣ еще сказать, что извѣстны случаи, когда наслѣдственныя болѣзни удается подавить, а вѣдь ты, конечно, далъ бы своимъ дѣтямъ раціональное воспитаніе.

Лотъ. Ну и пусть такіе случаи извѣстны.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. И вѣроятность можетъ быть не такъ ужъ ничтожна, чтобы...

Лотъ. Это не можетъ намъ помочь, Шиммель. Дѣло стоитъ такъ: есть три выхода. Или я женюсь на ней, и тогда... нѣтъ, этотъ исходъ невозможенъ. Или пуля въ лобъ. Ну, тогда по крайней мѣрѣ будетъ хоть покой. Но нѣтъ! Такъ далеко мы еще не зашли, это еще всегда успѣется. Итакъ: жить! бороться!.. Дальше, все дальше! (Взглядъ его падаетъ на столъ, онъ замѣчаетъ поставленный Эдуардомъ на мѣсто письменный приборъ, садится, схватываетъ перо, колеблется и говоритъ). Или наконецъ?..

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Я обѣщаю тебѣ представить ей положеніе какъ можно понятнѣе.

Лотъ. Да, да... Только... Я не могу иначе! (Онъ пишетъ, адресуетъ и запечатываетъ конвертъ. Встаетъ и протягиваетъ Шиммельпфеннигу руку). Въ остальномъ я полагаюсь на тебя.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты ѣдешь ко мнѣ? да? Мой кучеръ отвезетъ тебя.

Лотъ. Послушай, нельзя ли по крайней мѣрѣ попытаться вырвать ее изъ рукъ этого... этого человѣка? Вѣдь иначе она неизбѣжно сдѣлается его добычей.

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Ты добръ, но достоинъ сожалѣнія. Знаешь, что я тебѣ посовѣтую? Не отнимай у нея того немногаго, что ты ей еще оставляешь.

Лотъ (съ глубокимъ вздохомъ). Мученіе... можетъ-быть, ты правъ... да, конечно, даже навѣрное. (Слышно, какъ кто-то поспѣшно идетъ съ лѣстницы. Вслѣдъ затѣмъ врывается Гофманъ).

Гофманъ. Докторъ, прошу васъ, ради Бога!.. Она безъ силъ... роды кончаются... Можетъ-быть, вы...

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Иду. (Къ Лоту, значительно) До свиданья. (Къ Гофману, который хочетъ идти за нимъ) Г-нъ Гофманъ, я долженъ васъ просить... Присутствіе посторонникъ можетъ помѣшать, можетъ оказаться роковымъ... мнѣ было бы пріятнѣе всего, если бы вы остались внизу.

Гофманъ. Вы требуете многаго, но... нна!

Д-ръ Шиммельпфеннигъ. Не болѣе того, что слѣдуетъ. (Уходитъ. Гофманъ остается).

Гофманъ (замѣчая Лота). Я дрожу, волненіе охватываетъ всѣ мои члены. Собираешься уѣзжать?

Лотъ. Да.

Гофманъ. Теперь, ночью?

Лотъ. Только къ Шиммельпфеннигу.

Гофманъ. Ахъ, такъ! Теперь... когда такъ сложились обстоятельства, въ концѣ концовъ, быть у насъ нѣтъ никакого удовольствія... Ну, будь здоровъ...

Лотъ. Благодарю за гостепріимство.

Гофманъ. Ну, а какъ же дѣло съ твоимъ планомъ?

Лотъ. Планомъ?

Гофманъ. Я говорю о твоей работѣ, о твоей народно-хозяйственной работѣ о нашемъ округѣ. Я долженъ тебѣ сказать... я хотѣлъ тебя даже, какъ друга, убѣдительно и душевно попросить...

Лотъ. Не безпокойся. Завтра я буду далеко за горами.

Гофманъ. Вотъ это... (Обрываетъ).

Лотъ. Прекрасно съ твоей стороны, вѣроятно, хотѣлъ ты сказать?

Гофманъ. То-есть... да... съ извѣстной точки зрѣнія: впрочемъ, ты извинишь меня, я такъ ужасно возбужденъ. Разсчитывай на меня. Старые друзья всегда самые лучшіе. Прощай, прощай! (Уходитъ въ среднюю дверь).

Лотъ (пока выходитъ въ дверь, оборачивается еще разъ назадъ и запечатлѣваетъ въ своей памяти еще разъ всю комнату. Потомъ самому себѣ). Теперь я могу уйти. (Взглядываетъ въ послѣдній разъ и уходитъ).

(Комната нѣсколько секундъ остается пустой. Слышны заглушенные голоса и шумъ шаговъ, затѣмъ появляется Гофманъ. Затворивъ дверь, вынимаетъ, несоотвѣтственно спокойно, свою записную книжку и что-то высчитываетъ, при этомъ прерываетъ себя и прислушивается, ста-

новится безпокойнымъ, подходитъ къ двери и прислушивается снова. Вдругъ кто-то бѣжитъ съ лѣстницы. Врывается Елена).

Елена (еще за сценой). Зять! (Въ дверяхъ) Зять!

Гофманъ. Что?.. кончилось?

Елена. Соберись съ силами: родился мертвый.

Гофманъ. Боже мой! (Бросается вонъ).

Елена (одна). Она осматривается и тихо зоветъ: Альфредъ! Альфредъ! Не получая отвѣта, быстро повторяетъ: Альфредъ! Альфредъ! Затѣмъ спѣшитъ къ двери зимняго сада, въ которую пытливо смотритъ, и уходитъ въ зимній садъ. Черезъ нѣкоторое время появляется снова: Альфредъ! Становясь все безпокойнѣе, смотритъ черезъ окно: Альфредъ! Открываетъ окно и становится на стоящій передъ нимъ стулъ. Въ эту минуту со двора ясно доносится крикъ пьянаго крестьянина, ея отца, возвращающагося изъ трактира: Развѣ я не красавецъ? Развѣ у меня не красивая жена? Развѣ у меня обѣ дочери не красавицы? Елена издаетъ короткій крикъ и бѣжитъ, какъ подгоняемая, къ средней двери. Оттуда она видитъ письмо, которое Лотъ оставилъ на столѣ. Она бросается къ нему, разрываетъ конвертъ и пробѣгаетъ его, громко произнося отдѣльныя слова: Неопреодолимыя!.. Никогда больше!.. Роняетъ письмо, шатается: Конецъ! Оправляется, хватается за голову обѣими руками, коротко и рѣзко вскрикиваетъ: Конецъ! Бросается черезъ среднюю дверь. Крестьянинъ за сценой, уже на незначительномъ разстояніи: Развѣ садъ не мой? Развѣ у меня не красивая жена? А я развѣ не красавецъ? Елена, полуобезумѣвшая, выходитъ изъ зимняго сада, встрѣчаетъ Эдуарда, который идетъ за чѣмъ-то въ комнату Гофмана. Она заговариваетъ съ нимъ: Эдуардъ! Онъ отвѣчаетъ: Барышня? Потомъ она: Я хотѣла бы... хотѣла бы видѣть г-на доктора Лота... Эдуардъ отвѣчаетъ: Г-нъ Лотъ уѣхалъ въ экипажѣ г-на доктора Шиммельпфеннига. Затѣмъ онъ исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана. Правда!—вскрикиваетъ Елена и съ трудомъ остается на ногахъ. Затѣмъ она проявляетъ отчаянную энергію. Она бросается на передній планъ, схватываетъ охотничій ножъ съ перевязью, который прикрѣпленъ надъ диваномъ къ оленьему рогу. Она прячетъ его и стоитъ тихо на переднемъ планѣ, пока Эдуардъ, выйдя изъ комнаты Гофмана, не уходитъ въ среднюю дверь. Голосъ крестьянина все яснѣе: Чѣмъ я не красавецъ? По этому крику, какъ по сигналу, Елена вздрагиваетъ и тоже исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана. Сцена пуста, слышенъ все время голосъ крестьянина: Развѣ у меня не красивые зубы, э? Развѣ у меня не хорошій садъ? Миля входитъ въ среднюю дверь. Осматривается и зоветъ: Фрейлейнъ Елена!—и снова: Фрейлейнъ Елена! Въ промежуткѣ слышенъ голосъ крестьянина: Деньги мои! Теперь Миля безъ дальнѣйшихъ колебаній исчезаетъ въ комнатѣ Гофмана, дверь въ которую остается открытой. Въ слѣдующее мгновенье она выбѣгаетъ назадъ съ признаками безумнаго страха, крича, оборачивается она два-три раза кругомъ самой себя, крича, бѣжитъ въ

среднюю дверь. Ея непрерывный крикъ по мѣрѣ отдаленія дѣлается все слабѣе, но слышится еще нѣсколько секундъ. Теперь слышно, какъ отворяется входная дверь и съ трескомъ захлопывается на замокъ. Шумъ шаговъ крестьянина. Онъ идетъ, шатаясь, по сѣнямъ. Наконецъ грубый, носовой, запинающійся пьяный голосъ раздается совсѣмъ близко: А развѣ у меня обѣ дочери не красавицы?

(Занавѣсъ).

ТКАЧИ,

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ З. А. Венгеровой.

Моему отцу,

Роберту Гауптману,

посвящаю я эту драму.

Посвятить тебѣ эту драму, дорогой отецъ, меня заставляютъ чувства, которыя тебѣ извѣстны и о которыхъ нѣтъ надобности здѣсь подробно говорить.

Твой разсказъ о дѣдѣ, бѣдномъ ткачѣ, сидѣвшемъ въ молодости за станкомъ, подобно изображеннымъ мною лицамъ, былъ тѣмъ росткомъ, изъ котораго возникла моя драма. Жизнеспособна ли она или должна зачахнуть, но она — лучшее, что могъ дать «бѣдный человѣкъ, какъ Гамлетъ».

Твой Герхартъ.

Прадѣдъ Гауптмана былъ ткачомъ. Дѣдъ его юные годы также провелъ за ткацкимъ станкомъ. Съ дѣтства юный Гауптманъ наслышался отъ своего отца жуткихъ разсказовъ о судьбѣ силезскаго рабочаго, въ свою очередь услышанныхъ имъ отъ дѣда, который видѣлъ всѣ ужасы этой жизни лицомъ къ лицу.

Надо знать это, чтобы понять, откуда у талантливаго драматурга взялись такія великолѣпныя краски для изображенія быта и характеровъ «Ткачей» и чѣмъ было воспитано въ его сердцѣ трогательное чувство жалости и нѣжности къ униженному и раздавленному «меньшому брату».

Насколько дорогою и завѣтною для самого драматурга была идея, одухотворяющая «Ткачей», мы видимъ изъ того, что Гауптманъ посвятилъ драму своему отцу. Насколько колоссально было впечатлѣніе, произведенное драмой,—объ этомъ говоритъ то, что до появленія «Потонувшаго колокола» Гауптмана не называли иначе, какъ «авторомъ Ткачей».

«Ткачи» (Die Weber)—пьеса, четвертая по времени написанія, дала нѣмецкому драматургу уже міровую извѣстность.

Какъ человѣкъ и какъ поэтъ, Гауптманъ былъ всегда крѣпкими узами связанъ съ родиной. Всегда, во время дальнихъ путешествій, его не оставляло красивое чувство тяготѣнія къ уголку роднаго неба. Неудивительно, что на одну изъ лучшихъ и наиболѣе прославившихъ его пѣсенъ вдохновило его это родное небо и родные типы.

«Зерномъ» произведенія, по собственному признанію Гауптмана, послужили разсказы его отца, Роберта. Загорѣвшись этимъ замысломъ, драматургъ, конечно, не пренебрегъ и всѣми возможными книжными матеріалами, рисующими жизнь ткачей. Въ особенности большую услугу оказала ему научно-историческая книга нѣкоего Циммермана, цѣликомъ посвященная изображенію жизни ткачей въ Силезіи.

Здѣсь передъ чуткой душой поэта развертывалась огромная, растянувшаяся на два съ половиною вѣка, трагедія замытареннаго нѣмецкаго рабочаго, наслѣдственно передававшаго изъ рода въ родъ сыновьямъ, внукамъ и правнукамъ голодную нищету и рабье терпѣніе.

Только разъ, когда мѣра терпѣнія рабовъ преисполнилась, мстительно и озлобленно поднялась рука голодныхъ. Это былъ «рабочій бунтъ» въ Эйленгебирге, въ 1844 году. Этотъ именно моментъ взялъ Гауптманъ для своей драмы, поставивъ его въ обстановку современной ему рабочей жизни. Анахронизма не получилось: за пятьдесятъ лѣтъ преступнаго пренебреженія къ горькой участи ткача—и психологія его голоданія и внѣшнее положеніе его измѣнились совсѣмъ мало.

Если они мѣнялись, то скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Когда фабриканты стали въ широкой мѣрѣ пользовать машины, цѣнность рабочихъ рукъ естественно понизилась. Конкуренція выгнала множество людей на улицы. Безработицы умножились. Въ мѣстахъ съ наиболѣе сгущеннымъ населеніемъ ткачей угрожающе сгустилась злоба и ненависть рабочихъ къ фабрикантамъ. Англійская система обязательства рабочихъ брать товары первой необходимости въ магазинахъ фабрикантовъ усиливала озлобленіе, подготовляя революціонныя вспышки.

Время, когда Гауптманъ сталъ собирать матеріалы для драмы, какъ разъ было ознаменовано подъемомъ общественнаго интереса къ жалкой судьбѣ рабочихъ силезскаго промышленнаго округа. Въ газетахъ рабочій вопросъ являлся самымъ злободневнымъ. Недоброжелательная Гауптману критика не забыла учесть это обстоятельство, чтобы обвинить Гауптмана въ извѣстномъ расчетѣ на эффектъ, на «уловленіе момента» въ этой драмѣ. На самомъ дѣлѣ это могло быть благороднымъ и совершенно безкорыстнымъ порывомъ чуткаго писателя. Не вовсе чуждъ и личнаго опыта онъ былъ въ этой области: рабочаго онъ могъ наблюдать и самъ во время поѣздокъ въ горные округа Силезіи.

Вспышка 1844 г. отражена Гауптманомъ во всей неприкосновенности. Если перечитать, напримѣръ, корреспонденцію «Vossische Zeitung» за 1844 г., гдѣ одинъ изъ очевидцевъ передастъ подробности тогдашняго бунта, то можно подумать, что это пересказъ содержанія послѣдней половины гауптмановскихъ «Ткачей». Съ такою точностью драматургъ слѣдовалъ факту. Здѣсь вы найдете всѣ тѣ же подробности,—прохожденіе рабочихъ съ вызывающею пѣсней о «кровавомъ судѣ» передъ домомъ фабриканта Цванцигера (съ него Гауптманъ и зарисовывалъ своего Дрейсигера), захватъ одного изъ рабочихъ, заступничество за него ткачей, вызовы войска, выстрѣлы съ одной стороны и градъ камней съ другой, разгромъ фабрики съ поломкою машинъ и дома фабриканта съ разрушеніемъ мебели, и т. д.

Критика иногда упрекала Гауптмана за чрезмѣрное сгущеніе красокъ въ «Ткачахъ». Справедливость требуетъ сказать, что поэтъ не только не преувеличилъ дѣйствительности, но даже смягчилъ ее. Въ книгѣ Циммермана—человѣка, состоявшаго на государственной службѣ—фабрикантъ и мѣстныя власти обрисованы еще болѣе рѣзкими и отталкивающими чертами.

Драма Гауптмана появилась въ январѣ 1892 года въ двухъ изданіяхъ,—одно было написано цѣликомъ «на діалектѣ», другое, такъ сказать, литературно. Уже въ февралѣ того же года директоръ берлинскаго театра Адольфъ Ларронгъ принялъ драму къ постановкѣ. Но 3 марта на нее былъ наложенъ полицейскій запретъ.

На сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ «Ткачи» появились только 25 сентября 1894 года. За три года въ одномъ этомъ театрѣ они выдержали болѣе 200 представленій. Кромѣ того, драма шла на сценѣ «Свободнаго театра» и въ «Новомъ народномъ театрѣ». Ранѣе, еще въ 1893 г., драма прошла на сценѣ парижскаго «Théâtre Libre». Впечатлѣніе постановки было грандіозно, несмотря на то, что всѣ красоты великолѣпно схваченнаго народнаго языка, конечно, исчезли при переводѣ. Переводчикъ вообще распоряжался пьесою такъ свободно, что, по словамъ извѣстнаго критика Брандеса, вмѣсто пѣсни ткачей Гауптмана пѣлись нѣсколько строфъ изъ Гейне!

Постановка драмы въ Парижѣ и колоссальный успѣхъ ея тамъ былъ предѣломъ желаній для драматурга. Въ Германіи ожесточенные споры изъ-за пьесы, малодушныя полицейскія запрещенія ставить ее

то тамъ, то здѣсь по провинціальнымъ городамъ, выступленіе министра полиціи фонъ-Келлера въ прусскомъ ландтагѣ съ рѣчью противъ основныхъ тенденцій Гауптмана—все это создало міровую рекламу произведенію. Въ Берлинѣ не было человѣка, который бы не видѣлъ драмы. Пьеса расходилась во множествѣ изданій.

Появленіе «Ткачей» было первымъ дерзновеннымъ заявленіемъ нѣмецкой литературы о великой несправедливости постановки въ Германіи рабочаго вопроса. Для партійныхъ людей эта политически-соціальная сторона драмы даже заслонила ея художественное значеніе. Но въ произведеніи молодого и блистательнаго таланта на этотъ разъ очень скоро разобрались и тѣ, кто прельщался благородною тенденціей вещи, и тѣ, кто цѣнилъ ея чистую художественность и ту новизну формъ, какая здѣсь чувствовалась.

Главнымъ образомъ «новое», что несла пьеса, выражалось въ томъ, что это была драма «безъ героя». «Герой этой драмы—нужда»,—написалъ о пьесѣ Шпильгагенъ. Въ такой же мѣрѣ героемъ можетъ быть названъ вообще «рабочій». Гауптманъ первый сдѣлалъ шагъ къ изображенію «массовой психологіи» на сценѣ, къ такъ-называемой индивидуализаціи толпы. Весь порывъ голоднаго тѣла къ счастью, къ свободѣ, къ сытости—онъ образно показалъ на толпѣ задавленныхъ людей, имѣющихъ такое же, какъ всѣ, право на счастье и жизнь.

Такой драмой не индивидуальной, а массовой психологіи былъ, напримѣръ, шекспировскій «Юлій Цезарь». И тамъ и здѣсь трагизмъ произведенія—въ столкновеніи стихійныхъ стремленій, въ борьбѣ принциповъ, а не въ борьбѣ лицъ.

Даже такой приземный хулитель Гауптмана, какъ Ландсбергъ, авторъ книги: «Долой Гауптмана!»—признаётъ революціонное значеніе «Ткачей», «дѣлающихъ эпоху въ развитіи драмы» и интересующихся уже не однимъ героемъ, а соціальными отношеніями людей.

Торжество натурализма въ «Ткачахъ» было полнымъ. Съ блестящимъ реалистомъ Гауптманомъ уже нельзя было бороться старой школѣ. Иностранныхъ вліяній на Гауптмана нельзя отрицать и здѣсь, но въ грубый натурализмъ онъ внесъ что-то свое, интимное, какой-то общій отсвѣтъ идеализма, который вѣетъ надъ его страшнымъ сказаніемъ о «Ткачахъ».

Правдивость гауптмановскаго письма здѣсь изумительна. Ткачи живутъ. Несмотря на то, что на протяженіи пяти актовъ передъ вами, въ сущности, все одна и та же пѣсня нужды и горя,—пьеса и читается и смотрится съ захватывающимъ интересомъ. Такъ умѣетъ Гауптманъ брать читателя и зрителя въ плѣнъ детальною выпиской фона и фигуръ. Со щемящимъ сердцемъ вы слѣдите агонію изнуренныхъ рабочихъ, страдающихъ за голодныхъ дѣтей, слѣпнущихъ въ работѣ, видящихъ исходъ изъ нужды, какъ старая Баумертъ, только въ томъ, чтобы «Богъ, прозрѣвъ ихъ дѣла, прибралъ ихъ къ себѣ». А рядомъ желѣзная, организованная жестокость Дрейшперовъ, жалующихся на то, что они «вмѣсто того, чтобы наживать, постоянно свое прикладываютъ»...

И съ волненіемъ вы дочитываете послѣднюю страницу драмы, гдѣ, сраженный шальной солдатской пулей, падаетъ тотъ единственный рабочій, который не пошелъ за бунтомъ, котораго не подхватила потрясающая буря рабочаго протеста. Этимъ безсмысленъ развязки Гауптманъ истинно-художественно подчеркнулъ фатальное безсмысліе жизненныхъ условій, создавшихъ невозможное и абсурдное положеніе капиталиста и рабочаго.

Это—«самая патетическая драма во всей новонѣмецкой литературѣ,—говоритъ о «Ткачахъ» Г. Брандесъ.—«Ткачи»—трагедія, находящаяся въ духовномъ отношеніи въ родствѣ съ «Жерминалемъ» Зола. Каждое выраженіе, каждое слово здѣсь проникнуто строгою правдою, свободно отъ сентиментальности и преувеличеній, такъ что главный эффектъ получается отъ простоты и непосредственности автора въ описаніи. Нѣтъ ни одной самой ничтожной черты, которая была бы опущена!» «Единственный за весь девятнадцатый вѣкъ,—пишетъ о Гауптманѣ Бальмонтъ:—онъ сумѣлъ создать въ «Ткачахъ» трагическую поэму рабочаго сословія».

Ад. Бартельсъ ставитъ «Ткачей» во главѣ современной соціально-протестантской литературы и приравниваетъ ихъ по прочности впечатлѣнія къ такимъ произведеніямъ міровой литературы, какъ мольеровскій «Тартюфъ», «Женитьба Фигаро» Бомарше, шиллеровское «Коварство и любовь» и гоголевскій «Ревизоръ».

Упреки Гауптману, что онъ освѣтилъ здѣсь исключительно темныя стороны жизни ткачей, изгнавъ отсюда всякій проблескъ свѣтлаго, что онъ, съ другой стороны, какъ бы сложилъ всю остроту вопроса на личную алчность и безсердечіе капиталистовъ, оставивъ въ сторонѣ соціальныя условія, создающія ужасъ рабочей жизни,—единственно сильные упреки драматургу.

Идейная сторона драмы, въ самомъ дѣлѣ, выражена несравнимо блѣднѣе, чѣмъ сторона бытовая. Гауптманъ здѣсь только изобразитель-реалистъ, а не философъ жизни, не разрѣшитель соціологической задачи. Рабочій вопросъ остается послѣ «Ткачей» такимъ же «проклятымъ» вопросомъ, какимъ былъ до Гауптмана.

Но если справедливы оба упрека, то кто поставитъ въ вину его сердцу, что, возмущенное, оно всецѣло отдалось своему возмущенію и не позаботилось о тѣхъ оговоркахъ, какія могла бы сказать въ свою защиту угнетающая сторона? И какъ бы много ни протекло лѣтъ, какъ бы ни мѣнялись понятія о художественности, драма Гауптмана—этотъ вдохновенный взрывъ человѣческаго благородства, этотъ вопль къ небу и людямъ прекрасной мятежной души—будетъ жить въ людской памяти изъ рода въ родъ и оцѣниваться по своему, хотя бы просто историческому значенію. «Я призванъ былъ воспѣть твои страданья, терпѣньемъ изумляющій народъ!»—могъ бы сказать Гауптманъ съ нашимъ Некрасовымъ.

ТКАЧИ.

ДРАМА ИЗЪ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дрейсигеръ, фабрикантъ.
Пфейферъ, пріемщикъ } служащіе Дрейсигера.
Нейманъ, кассиръ }
Конторскій мальчикъ }

Ткачи:

Бекеръ.
Старикъ Баумертъ.
Рейманъ.
Гейберъ.
Первый ткачъ.
Первая ткачиха.
Старый ткачъ.
Мальчикъ.
Нѣсколько ткачей и ткачихъ.

Большая, сѣрая оштукатуренная комната въ домѣ Дрейсигера въ Петерсвальдау. Сюда ткачи приносятъ готовую работу. Съ лѣвой стороны—окна безъ занавѣсей, въ задней стѣнѣ стеклянная дверь: направо такая же дверь, куда безпрестанно входятъ и выходятъ ткачи, ткачихи и дѣти. Вдоль правой стѣны, которая, какъ и остальныя, почти сплошь занята деревянными станками для бумазеи, стоитъ скамья; на нее входящіе ткачи кладутъ свой товаръ. Они выходятъ поочередно впередъ и передаютъ свой товаръ для осмотра. Пріемщикъ Пфейферъ стоитъ за большимъ столомъ, на который кладутъ подлежащій осмотру товаръ. Онъ производитъ осмотръ при помощи циркуля и лупы. Когда товаръ осмотренъ, ткачъ кладетъ его на вѣсы, и конторскій мальчикъ провѣряетъ вѣсъ. Свѣшенный товаръ мальчикъ кладетъ въ шкапъ. Сдѣлавъ расчетъ, Пфейферъ каждый разъ выкрикиваетъ сумму сидящему за маленькимъ столикомъ кассиру Нейману.

Душный день въ концѣ мая. Часы показываютъ полдень. Большинство ожидающихъ очереди ткачей похожи на подсудимыхъ, которые съ мучительнымъ напряженіемъ ждутъ на судѣ приговора. На всѣхъ лицахъ выраженіе подавленности, отпечатокъ нищеты, привычки просить милостыню, постояннаго униженія. Они точно сознаютъ себя только терпимыми и стараются быть какъ можно болѣе незамѣтными. Кромѣ того, на всѣхъ лицахъ застывшее выраженіе безплодныхъ, назойливыхъ думъ. Мужчины почти всѣ на одно лицо; они похожи на гномовъ; у большинства впалая грудь, нищенскій видъ, мутно-блѣдный цвѣтъ лица; покашливаютъ. Отъ сидѣнья за ткацкимъ станкомъ у нихъ кривыя колѣни. Женщины на первый взглядъ менѣе типичны. Всѣ онѣ опустившіяся, придавленныя, изможденныя, между тѣмъ какъ мужчины еще стараются сохранить кой-какую внушительность. Среди молодыхъ дѣвушекъ нѣкоторыя миловидны: у нихъ блѣдныя, точно восковыя лица, нѣжное сложеніе, большіе, грустные глаза.

Кассиръ Нейманъ (отсчитывая деньги). Остается шестнадцать зильбергрошей и два пфеннига.

Первая ткачиха (тридцати лѣтъ, очень истощенная, беретъ деньги дрожащими пальцами). Благодарю.

Нейманъ (видя, что женщина не уходитъ). Ну? Опять, что ли, счетъ невѣренъ?

Первая ткачиха (взволнованно, умоляющимъ голосомъ). Дайте хоть нѣсколько пфениговъ впередъ,—мнѣ до зарѣзу нужно.

Нейманъ. Мало ли что̀ кому нужно? Мнѣ вотъ нужно нѣсколько сотъ талеровъ. (Отсчитывая деньги слѣдующему, отрывисто). Ссуды не выдаются безъ распоряженія господина Дрейсигера.

Первая ткачиха. Такъ нельзя ли мнѣ поговорить съ самимъ господиномъ Дрейсигеромъ?

Пріемщикъ Пфейферъ (бывшій ткачъ, сохранившій типичныя черты своего прежняго ремесла; теперь упитанъ, выхоленъ, хорошо одѣтъ, гладко выбритъ, нюхаетъ табакъ. Грубо кричитъ съ своего мѣста). Гдѣ тамъ господину Дрейсигеру входить самому во всякую мелочь! Это наше дѣло. (Мѣритъ циркулемъ пряжу и разглядываетъ ее въ лупу). Ай-ай-ай, какъ дуетъ! (Обматываетъ вокругъ шеи толстый шарфъ). Эй, вы, закрывайте дверь, когда входите.

Мальчикъ (громко Пфейферу). Имъ что̀ говори, что̀ нѣтъ—все одно. Чурбаны!

Пфейферъ. Ну, вотъ кончено,—теперь на вѣсы. (Ткачъ кладетъ пряжу на вѣсы). Когда вы научитесь лучше работать? Опять все въ узлахъ... Смотрѣть тошно! Хорошій ткачъ долженъ сейчасъ же наматывать пряжу, а не тянуть Богъ вѣсть сколько.

Бекеръ (входитъ. Онъ молодъ, чрезвычайно сильнаго сложенія,

держится непринужденно, почти дерзко. При его появленіи Пфейферъ, Нейманъ и мальчикъ обмѣниваются взглядами). Ахъ, чортъ возьми, опять придется париться, какъ въ банѣ!

Первый ткачъ (вполголоса). Кажись, гроза собирается.

Старикъ Баумертъ (пробирается въ стеклянную дверь направо. За дверью видна толпа ткачей, тѣснящихся плечо къ плечу въ ожиданіи очереди. Старикъ проходитъ, прихрамывая, впередъ и кладетъ свой свертокъ на скамейку возлѣ Бекера, затѣмъ садится рядомъ съ нимъ и вытираетъ потъ съ лица). Измаялся, — отдохнуть бы!

Бекеръ. Отдыхъ дороже денегъ.

Старикъ Баумертъ. Ну, деньги-то, знаешь, тоже дѣло хорошее. Здравствуй, Бекеръ.

Бекеръ. Здравствуй, отецъ Баумертъ. Опять придется ждать безъ конца.

Первый ткачъ. Ну и что-жъ? Ткачъ—персона неважная. Подождетъ часъ, подождетъ день—его не убудетъ.

Пфейферъ. Эй, вы тамъ, тише! Собственныхъ словъ изъ-за васъ не слышно.

Бекеръ (тихо). Онъ опять сегодня не въ духѣ.

Пфейферъ (ткачу, который стоитъ передъ нимъ съ работой). Сколько разъ я говорилъ, что нужно чище работать! Ну что это за пачкотня? Комки въ палецъ толщиной, и солома, и всякая дрянь.

Ткачъ Рейманъ. На васъ не угодишь...

Мальчикъ (взвѣсивъ пряжу). И въ вѣсѣ недохватка.

Пфейферъ. Ну и ткачи! Жаль каждой основы, которая имъ выдается. Въ мое время не то было. Мнѣ бы за такую работу досталось отъ мастера. Тогда съ нашего брата строго взыскивали,—ткацкое дѣло велось серьезно. Требовали, чтобы ткачи знали свое дѣло. Теперь этого не нужно.—Рейману десять зильбергрошей.

Ткачъ Рейманъ. Вѣдь всегда засчитываютъ фунтъ на убыль при работѣ.

Пфейферъ. Мнѣ некогда разговаривать. Дальше—вы что принесли?

Ткачъ Гейберъ (раскладываетъ пряжу и въ то время, какъ Пфейферъ разсматриваетъ ее, подходитъ къ нему и говоритъ вполголоса очень настойчиво). Простите, господинъ Пфейферъ, я бы васъ покорнѣйше попросилъ,—нельзя ли оказать мнѣ милость и не высчитывать теперь забраннаго впередъ.

Пфейферъ (разнимая циркуль, разглядывая пряжу, насмѣшливо). Хороша работа, нечего сказать. Опять половина утка пропала.

Ткачъ Гейберъ (продолжая свое). Я на слѣдующей недѣлѣ выплачу. А на прошлой недѣлѣ мнѣ пришлось два дня отбывать барщину. И жена лежитъ больная...

Пфейферъ (передавая пряжу для взвѣшиванія). Опять чортъ знаетъ что за пачкотня! (Разглядывая работу другого ткача). Неровная кромка—то широкая, то узкая. Тутъ утокъ стянутъ, тутъ разъѣхался. На дюймъ основы едва семьдесятъ нитокъ утка,—гдѣ же остальныя нитки? Это добросовѣстная работа, по-вашему?

Ткачъ Гейберъ (стоитъ, едва сдерживая слезы, съ приниженнымъ, безпомощнымъ видомъ).

Бекеръ (вполголоса Баумерту). Подлецъ,—онъ хотѣлъ бы, чтобы мы еще прикупали нитки.

Первая ткачиха (которая все время стояла неподалеку отъ кассы и отъ времени до времени оглядывалась остановившимися глазами, собирается съ духомъ и снова обращается съ мольбой къ кассиру). Я вѣдь скоро... Если вы не дадите мнѣ ничего впередъ, я не знаю... О, Господи Іисусе!

Пфейферъ (кричитъ съ своего мѣста). Пошла канючить! Оставьте вы въ покоѣ Господа Іисуса. Не больно много вы думаете о Господѣ Іисусѣ. Лучше бы приглядѣла за мужемъ, чтобы не шлялся вѣчно въ кабакъ. Мы не можемъ давать впередъ. Деньги не наши,—съ насъ требуютъ отчета. Намъ же потомъ и придется расплачиваться. Кто прилеженъ, знаетъ свое дѣло и живетъ въ страхѣ Божіемъ, тому не нужно просить денегъ впередъ. Такъ и знайте.

Нейманъ. Въ Билау ткачамъ платятъ вчетверо больше,—а какой толкъ? Они вчетверо больше прокучиваютъ да еще долги дѣлаютъ.

Первая ткачиха (громко, какъ бы взывая къ общему чувству справедливости). Я не лѣнтяйка. Но нѣтъ моей мочи. Я два раза съ надрыва больна была. А мужъ мой тоже хворый. Онъ ходилъ къ пастуху въ Церлау, да и тотъ не помогъ. Какъ намъ теперь быть? Сколько силъ хватаетъ, работаемъ... А какъ свалишься съ ногъ... Я ужъ вотъ сколько недѣль глазъ по ночамъ не смыкала. Конечно, все обойдется — вотъ бы только перемочься, пока силы вернутся. Помогите только пока. (Настойчиво, заискивающимъ, молящимъ голосомъ) Сжальтесь, дайте нѣсколько грошей впередъ!

Пфейферъ (не обращая на нее вниманія). Фидлеру одиннадцать зильбергрошей.

Первая ткачиха. Только нѣсколько грошей, чтобы хлѣба купить. Лавочникъ ужъ не даетъ въ долгъ. Дѣтей у насъ куча.

Нейманъ (вполголоса, съ комической серьезностью мальчику). У ткачей—малышей полонъ домъ, шуры-муры, шуры-муры, бай-бай-бай!

Мальчикъ (въ томъ же тонѣ). Лягушатъ—полонъ садъ за прудомъ. Шуры-муры, шуры-муры, бай-бай-бай!

Ткачъ Рейманъ (не дотрагиваясь до денегъ, которыя ему отсчитываетъ кассиръ). Вѣдь мы всегда получали по тринадцати съ половиной за кусокъ.

Пфейферъ (кричитъ съ своего мѣста). Если вы недовольны, Рейманъ, скажите,—ткачей и безъ васъ довольно, особенно такихъ, какъ вы. За полный вѣсъ вы получили бы и полную плату.

Ткачъ Рейманъ. Ужъ будто тутъ не хватаетъ вѣса!

Пфейферъ. Принесите хорошо сработанный кусокъ бумазеи,—и вамъ уплатятъ все сполна.

Ткачъ Рейманъ. Вовсе ужъ тутъ не такъ много узловъ.

Пфейферъ (продолжая осмотръ). Кто безъ узловъ ткетъ, тотъ безъ горя живетъ.

Ткачъ Гейберъ (не отходя отъ Пфейфера, выжидаетъ удобную минуту. Онъ одобрительно улыбается словамъ Пфейфера, потомъ опять подходитъ къ нему и заговариваетъ). Будьте милосердны, господинъ Пфейферъ, не высчитайте мнѣ теперь забранныхъ пяти зильбергрошей. Жена ужъ съ самой масленой больна—въ постели лежитъ. Она не можетъ больше работать. Приходится нанимать дѣвочку для наматыванія катушекъ. Такъ ужъ будьте милостивы...

Пфейферъ (нюхая табакъ). Мнѣ некогда съ вами разговаривать, Гейберъ. Вы тутъ не одинъ. Другіе тоже ждутъ очереди.

Ткачъ Рейманъ. Какую основу я получилъ, такую и выткалъ—такую и снялъ. Не могу я принести лучшія нитки, чѣмъ получилъ.

Пфейферъ. Если вы недовольны, можете не приходить за основой: и безъ васъ достаточно людей, которые рады подошвы оттоптать, лишь бы получить работу.

Нейманъ. Ну что же, Рейманъ, получайте деньги.

Ткачъ Рейманъ. Не могу я согласиться на этотъ расчетъ.

Нейманъ (не обращая больше вниманія на Реймана). Гейберу десять зильбергрошей. Пять забрано впередъ,—остается получить пять.

Ткачъ Гейберъ (подходитъ, смотритъ на деньги и качаетъ голо-

вой, точно чему-то не можетъ повѣрить, потомъ медленно и осторожно кладетъ деньги въ карманъ). Ахъ, Господи! (Вздыхаетъ). Эхъ, эхъ, эхъ!

Старикъ Баумертъ (глядя Гейберу въ лицо). Да, да, Францъ, тутъ и потужишь и поохаешь.

Ткачъ Гейберъ (говоря съ трудомъ). А у меня дома дѣвочка-то лежитъ больная. Лѣкарства бы ей купить.

Старикъ Баумертъ. А что съ ней?

Ткачъ Гейберъ. Она, какъ родилась, все хвораетъ. Самъ не знаю... Ну, да тебѣ я могу сказать. Въ крови ужъ у нея болѣзнь... родилась съ нечистой кровью,—оно и выходитъ наружу.

Старикъ Баумертъ. Всюду горе. Ужъ гдѣ бѣдность, тамъ всегда бѣда за бѣдой. И никакого спасенія.

Ткачъ Гейберъ. Что у тебя завернуто въ платочкѣ?

Старикъ Баумертъ. У насъ дома совсѣмъ пусто стало,—пришлось зарѣзать собачку. Немного на ней мяса-то—съ голоду бродила еле живая. А такая махонькая, славная собачонка была. Самъ я не могъ ее зарѣзать,—духу не хватило.

Пфейферъ (осмотрѣвъ работу Бекера, выкрикиваетъ). Бекеру тринадцать съ половиной зильбергрошей.

Бекеръ. Я за платой пришелъ, а не за милостыней.

Пфейферъ. Кто получилъ расчетъ, выходите! Повернуться негдѣ.

Бекеръ (окружающимъ, не понижая голоса). Это жалкая подачка и больше ничего. Стоитъ гнуть спину за станкомъ съ ранняго утра до вечера. Восемнадцать дней работаешь, каждый вечеръ встаешь изъ-за станка въ поту, ошалѣвши отъ пыли и жары,—а за все дадутъ тебѣ тринадцать съ половиной зильбергрошей. Мыслимое ли это дѣло?

Пфейферъ. Здѣсь запрещено ругаться.

Бекеръ. Не вамъ мнѣ глотку затыкать!

Пфейферъ (вскакиваетъ съ мѣста съ крикомъ). Это мы еще увидимъ! (Подходитъ къ стеклянной двери и кричитъ въ контору). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ, будьте любезны пожаловать сюда.

Дрейсигеръ (толстый человѣкъ лѣтъ сорока, съ одышкой; строгій видъ). Что тутъ у васъ случилось, Пфейферъ?

Пфейферъ (злобно). Бекеръ грубіянитъ.

Дрейсигеръ (принимаетъ внушительный видъ, откидываетъ голову назадъ и пристально глядитъ на Бекера, съ дрожащими отъ гнѣва

поздрями). Ахъ, вотъ какъ—тутъ Бекеръ. (Пфейферу) Это тотъ, который?.. (Служащіе утвердительно кивають головой).

Бекеръ (дерзко). Да, да, господинъ Дрейсигеръ. (Указывая на себя) Это тотъ, который... (указывая на Дрейсигера) а это тотъ, который...

Дрейсигеръ (возмущенно). Что этотъ человѣкъ себѣ позволяетъ?

Пфейферъ. Слишкомъ ему хорошо живется. Ну, да и онъ допляшется. Поживемъ—увидимъ.

Бекеръ (грубо). Не дери горла, скареда! Мать твоя, вѣрно, заглядѣлась на сатану, когда на помелѣ вылетала изъ трубы въ полнолуніе,—оттого ты и уродился такимъ чортомъ.

Дрейсигеръ (вспыливъ, ревetъ). Молчать, не то!.. (Онъ дрожитъ и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ).

Бекеръ (поджидая его съ рѣшимостью). Я не оглохъ. Я еще хорошо слышу.

Дрейсигеръ (сдерживаясь, спрашиваетъ съ напускнымъ спокойствіемъ, дѣловито). Онъ одинъ изъ участниковъ?

Пфейферъ. Онъ изъ Билау. А тамошніе ткачи всегда участвуютъ во всѣхъ скандалахъ.

Дрейсигеръ (дрожа). Такъ слушайте же: если это еще разъ повторится, если еще разъ мимо моего дома пройдетъ шайка полупьяныхъ негодяевъ, какъ вчера вечеромъ, и если они будутъ пѣть эту гнусную пѣсню...

Бекеръ. Вы о «Кровавой расправѣ» говорите?

Дрейсигеръ. Нечего называть—и такъ понятно, о какой пѣснѣ рѣчь идетъ. Я повторяю: если я еще разъ услышу эту пѣсню, я одного изъ васъ велю схватить и—клянусь честью, что не шучу—передамъ судебной власти. А когда я узнаю, кто сочинилъ эту дрянную пѣсню...

Бекеръ. Пѣсня чудесная!

Дрейсигеръ. Еще одно слово—и я пошлю за полиціей сейчасъ же. Я долго не раздумываю. Скручу я васъ, молодчиковъ. Не съ такими справлялся.

Бекеръ. Еще бы! Порядочный фабрикантъ можетъ справиться съ двумя-тремя стами ткачей такъ быстро, что не успѣешь оглянуться. У порядочнаго фабриканта четыре желудка, какъ у коровы, и зубы, какъ у волка. Онъ всѣхъ слопаетъ.

Дрейсигеръ (служащимъ). Онъ у насъ больше не получитъ работы.

Бекеръ. Да мнѣ все равно — за станкомъ ли умирать съ голоду, или въ канавѣ на улицѣ.

Дрейсигеръ. Вонъ! Сію минуту вонъ!

Бекеръ (твердо). Прежде я долженъ получить расчетъ.

Дрейсигеръ. Сколько ему слѣдуетъ, Нейманъ?

Нейманъ. Двѣнадцать зильбергрошей и пять пфенниговъ.

Дрейсигеръ (поспѣшно беретъ у кассира деньги и сердито бросаетъ ихъ на столъ; нѣсколько монетъ падаетъ на полъ). Вотъ... вотъ... и проваливайте! Вонъ съ глазъ монхъ!

Бекеръ. Сначала мнѣ должны заплатить.

Дрейсигеръ. Вотъ деньги, — и если вы не уберетесь сейчасъ же... Теперь двѣнадцать часовъ. Красильщики сейчасъ придутъ обѣдать и...

Бекеръ. Деньги я долженъ получить въ руку — сюда (касается пальцами одной руки ладони другой).

Дрейсигеръ (мальчику). Поднимите, Тильгнеръ.

Мальчикъ (поднимаетъ деньги и кладетъ въ лѣвую руку Бекера).

Бекеръ. Вотъ такъ, — чтобы все было въ аккуратѣ (не спѣша прячетъ деньги въ старый кошелекъ).

Дрейсигеръ (видя, что Бекеръ все еще медлитъ, говоритъ нетерпѣливо). Ужъ не помочь ли мнѣ?

(Въ толпѣ ткачей происходитъ движеніе. Слышится глубокій, долгій вздохъ, затѣмъ стукъ падающаго тѣла. Общій интересъ сосредоточивается на этомъ новомъ происшествіи).

Дрейсигеръ. Что случилось?

Голоса. Кого-то повалили на полъ. — Это совсѣмъ маленькій мальчикъ. — Что съ нимъ? — Болѣзнь приключилась, или что другое?

Дрейсигеръ. Кого повалили? (Подходитъ ближе).

Старый ткачъ. Вотъ онъ лежитъ. (Толпа разступается. На полу лежитъ восьмилѣтній мальчикъ въ глубокомъ обморокѣ).

Дрейсигеръ. Кто-нибудь знаетъ этого мальчика?

Старый ткачъ. Онъ не изъ нашей деревни.

Старикъ Баумертъ. Да вѣдь это какъ будто Генриховъ мальчикъ. (Внимательно разглядываетъ его). Ну, конечно, — это Густавъ, сынъ Генриха.

Дрейсигеръ. Гдѣ живутъ его родители?

Старикъ Баумертъ. У насъ въ Кашбахѣ, господинъ Дрейсигеръ. Отецъ по вечерамъ ходитъ играть, — онъ музыкантъ; а весь день онъ у станка. У нихъ девять человѣкъ дѣтей и скоро будетъ десятый.

Голоса мужчинъ и женщинъ. Имъ плохо живется, у нихъ крыша протекаетъ. — У матери нѣтъ и двухъ сорочекъ для девяти мальчиковъ.

Старикъ Баумертъ (трогая мальчика). Ну, что съ тобой, малышъ? Проснись!

Дрейсигеръ. Давайте, поднимемъ его вмѣстѣ. Какое безразсудство посылать такого слабаго ребенка такъ далеко. Принесите воды, Пфейферъ.

Ткачиха (помогая поднять мальчика). Лучше-бъ ужъ тебѣ здѣсь умереть, родимый!

Дрейсигеръ. Принесите лучше коньяку, Пфейферъ.

Бекеръ (о которомъ всѣ забыли, стоялъ все время, слѣдя за происходящимъ. Теперь, ужъ взявшись за ручку дверей, чтобы уходить, онъ кричитъ громко и насмѣшливо). Дайте ему лучше жрать — онъ быстро очнется! (Уходитъ).

Дрейсигеръ. Этотъ человѣкъ плохо кончитъ... Возьмите мальчика подъ руку, Нейманъ. Осторожно... осторожно... Вотъ такъ. Мы его поведемъ въ мою комнату. Ну, что же?

Нейманъ. Онъ что-то хочетъ сказать, господинъ Дрейсигеръ. Онъ шевелитъ губами.

Дрейсигеръ. Что тебѣ, мальчикъ?

Мальчикъ (едва слышно). Я го...лоденъ.

Дрейсигеръ (блѣднѣя). Ничего не понимаю.

Женщина. Кажется, онъ сказалъ...

Дрейсигеръ. Мы это потомъ узнаемъ. Ведите его, не останавливаясь. Положите его у меня на диванѣ. Докторъ скажетъ намъ, въ чемъ дѣло.

(Дрейсигеръ, Нейманъ и ткачиха отводятъ мальчика въ контору. Среди ткачей оживленіе, какъ въ школѣ послѣ ухода изъ класса учителя. Всѣ вытягиваются, расправляютъ члены, переминаются съ ноги на ногу,—и черезъ минуту начинается общій громкій разговоръ).

Старикъ Баумертъ. А вѣдь Бекеръ-то былъ правъ.

Нѣсколько голосовъ. Мальчикъ самъ сказалъ. — Развѣ въ первый разъ это здѣсь, что съ голоду валятся? И что-то еще будетъ зимой, когда вотъ такъ все будутъ высчитывать да урѣзывать плату. — Картофель въ нынѣшнемъ году не уродился, — одно горе! — Такъ все и будетъ хуже да хуже изо дня въ день, пока всѣ мы не повалимся съ голодухи.

Старикъ Баумертъ. Лучше всего сдѣлать такъ, какъ ткачъ изъ Нентвиха — набросить петлю на шею и повѣситься на станкѣ... На тебѣ вотъ табачку, понюхай. Я былъ въ Нейродѣ, тамъ мой шуринъ работаетъ на табачной фабрикѣ. Онъ мнѣ и далъ щепотку нюхательнаго табачку. А что у тебя тутъ въ платочкѣ?

Старый ткачъ. Немножко перловой крупы. Передо

мной ѣхалъ возъ съ мельницы Ульбриха. Одинъ мѣшокъ немножко распоролся, — я этимъ и попользовался.

Старикъ Баумертъ. Въ Петерсвальдау двадцать двѣ мельницы, а на нашу долю никогда ничего не выпадаетъ.

Старый ткачъ. Нужно только не унывать. Всегда откуда-нибудь придетъ помощь, — а тамъ, глядь, и еще немножко протянешь.

Ткачъ Гейберъ. Когда голодъ одолѣетъ, нужно помолиться четырнадцати заступникамъ, а если и это не поможетъ, то взять камень въ ротъ и сосать его. Такъ, что ли, Баумертъ?

(Возвращаются Дрейсигеръ, Пфейферъ и кассиръ).

Дрейсигеръ. Ничего серьезнаго не оказалось. Мальчикъ ужъ оправился. (Возбужденно ходитъ по комнатѣ и отдувается). А все-таки это безсовѣстно. Ребенокъ такой слабый, отъ вѣтра шатается. Просто непонятно, какъ люди... какъ родители могутъ быть такъ безразсудны. Навьючиваютъ на него тюкъ бумазеи и посылаютъ съ такой тяжестью за полторы мили — прямо вѣрить не хочется! Придется мнѣ дать распоряженіе, чтобы отъ дѣтей больше не принимали товаръ. (Ходитъ нѣсколько времени молча по комнатѣ). Во всякомъ случаѣ, я покорнѣйше прошу, чтобы это больше не повторялось. Кого въ такихъ случаяхъ винятъ? Конечно, насъ, фабрикантовъ. Мы во всемъ виноваты. Если такой несчастный ребенокъ застрянетъ зимой въ снѣгу и заснетъ, то непремѣнно явится какой-нибудь писака, и черезъ два дня во всѣхъ газетахъ начнутъ трубить про ужасный случай. Отецъ, родители, посылающіе маленькаго ребенка Богъ вѣсть какъ далеко,—противъ нихъ никто ничего не имѣетъ. Они неповинны, — за все отвѣчаетъ фабрикантъ. Онъ козелъ отпущенія. Всѣ жалѣютъ ткачей и всѣ обрушиваются на фабриканта: онъ бездушный человѣкъ, онъ опасный человѣкъ, — на него не грѣхъ собакъ натравить. Онъ живетъ въ избыткѣ и весельѣ, а ткачи голодаютъ. А о томъ никто не думаетъ, что у фабриканта много заботъ, что онъ ночей не спитъ. Рабочіе и понятія не имѣютъ, какому риску постоянно подвергаешься въ дѣлѣ. Отъ выкладокъ и счетовъ у фабриканта иногда голова кругомъ идетъ. Сто разъ приходится обдумать все и передумать: безпрестанно идетъ борьба, конкуренція, дня не проходитъ безъ убытка и непріятностей. Но до этого никому дѣла нѣтъ. А сколько людей зависятъ отъ фабриканта, живутъ на его счетъ. Вотъ попробовали бы побывать въ моей шкурѣ, — скоро бы

спасибо сказали. (Помолчавъ.спокойнѣе) Ну, развѣ не нахалъ этотъ Бекеръ? Теперь онъ пойдетъ всюду трубить, что я безжалостенъ, что я за всякую мелочь выгоняю ткачей. Развѣ это правда? Развѣ я такъ безсердеченъ?

Много голосовъ. Нѣтъ, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Я и самъ думаю, что нѣтъ. А вотъ эти негодяи ходятъ и поютъ гнусныя пѣсни про фабрикантовъ, говорятъ, что голодаютъ, а у самихъ столько лишнихъ денегъ, что дуютъ водку бутылками. Лучше бы совали свой носъ въ другое мѣсто, посмотрѣли бы, какъ живется хотя бы полотнянщикамъ. У тѣхъ дѣйствительно черная нужда, а вы, бумазейщики, должны еще Бога благодарить. Я спрашиваю старыхъ, прилежныхъ и умѣлыхъ ткачей: можетъ рабочій, если онъ человѣкъ скромный и аккуратный, прожить на то, что у меня получаетъ?

Очень много голосовъ. Можетъ, можетъ, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Ну вотъ видите. Конечно, такой, какъ Бекеръ, всегда будетъ недоволенъ. Но, совѣтую вамъ, не давайте воли такимъ молодцамъ. Если меня выведутъ изъ терпѣнія, я остановлю дѣло — и тогда вы будете на улицѣ. Гдѣ вы получите работу? Ужъ не у Бекера.—могу васъ увѣрить.

Первая ткачиха (пробравшись къ Дрейсигеру, подобострастно счищаетъ ему пыль съ сюртука). У васъ рукавъ въ пыли, господинъ Дрейсигеръ.

Дрейсигеръ. Дѣла изъ рукъ вонъ плохи, вы это сами знаете. Я еще докладываю самъ вмѣсто того, чтобы получать доходы. Если же я все-таки стараюсь дать работу моимъ ткачамъ, то вы должны быть благодарны. У меня лежатъ тысячи кусковъ товару, и я вовсе не увѣренъ, что продамъ ихъ когда-нибудь. Но я слышалъ, что здѣсь много ткачей безъ работы, и потому... Пфейферъ вамъ это растолкуетъ подробно. Дѣло вотъ въ чемъ: чтобы показать вамъ, что я о васъ забочусь... милостыню раздавать я, конечно, не могу, я недостаточно для этого богатъ, — я могу до нѣкоторой степени дать тѣмъ, кто теперь безъ дѣла, возможность заработать кое-что. Я несу при этомъ огромный рискъ, но это мое дѣло. Я вотъ какъ думаю: если человѣкъ можетъ заработать хоть на хлѣбъ, то и это лучше, чѣмъ ничего. Правду я говорю?

Много голосовъ. Конечно, конечно.

Дрейсигеръ. Я поэтому согласенъ дать работу еще двумстамъ ткачамъ. Объ условіяхъ справьтесь у Пфейфера.

Первая ткачиха (заступая ему дорогу, говоритъ торопливо, молящимъ тономъ и настойчиво). Я къ вамъ... къ вашей милости, господинъ Дрейсигеръ, окажите снисхожденіе... я два раза была больна.

Дрейсигеръ (торопясь). Поговорите съ Пфейферомъ, милая, мнѣ очень некогда. (Отходитъ отъ нея).

Ткачъ Рейманъ (тоже заступая ему дорогу, говоритъ обиженнымъ, укоризненнымъ тономъ). Я долженъ пожаловаться вамъ, господинъ Дрейсигеръ. Господинъ Пфейферъ... я вѣдь всегда получалъ за кусокъ двѣнадцать съ половиной...

Дрейсигеръ (прерывая его). Вотъ тамъ сидитъ пріемщикъ Пфейферъ. Обратитесь къ нему. Онъ этимъ завѣдуетъ. (Отходитъ отъ него).

Ткачъ Гейберъ (задерживаетъ Дрейсигера). Господинъ Дрейсигеръ, пожалуйста. (Запинаясь и торопясь) Я хотѣлъ просить вашей милости — нельзя ли... не можетъ ли господинъ Пфейферъ... не можетъ ли...

Дрейсигеръ. Чего вы хотите?

Ткачъ Гейберъ. Вотъ деньги, что я заработалъ впередъ... мнѣ тогда очень трудно было...

Дрейсигеръ. Ничего не понимаю.

Ткачъ Гейберъ. Я тогда очень нуждался, потому что...

Дрейсигеръ. Все это дѣло Пфейфера. Я ничего не могу вамъ сказать... Столкуйтесь съ Пфейферомъ. (Убѣгаетъ въ контору).

(Просители безпомощно смотрятъ другъ на друга, потомъ, вздыхая, отходятъ одинъ за другимъ).

Пфейферъ (опять принимаясь за осмотръ товара). Ну, а у тебя что въ тюкѣ?

Старикъ Баумертъ. Сколько же будутъ платить за кусокъ, господинъ Пфейферъ?

Пфейферъ. По десяти зильбергрошей.

Старикъ Баумертъ. Ну, это еще куда ни шло.

(Движеніе между ткачами, ропотъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Старикъ Баумертъ.
Старуха Баумертъ.
Августъ, ихъ сынъ.
Эмма } ихъ дочери.
Берта }
Фрицъ, незаконный ребенокъ Эммы.
Старикъ Анзорге, домохозяинъ и ткачъ.
Фрау Генрихъ, ткачиха.
Моритцъ Егеръ, отбывшій срокъ солдатъ, бывшій ткацкій подмастерье.

Домикъ Вильгельма Анзорге въ Кашбахѣ, въ Эйленгебирге. Узкая комнатка, менѣе шести футовъ высоты, съ проваливпимся мѣстами поломъ и черпымъ закоптѣлымъ бревенчатымъ потолкомъ. Двѣ молодыя дѣвушки, Эмма и Берта Баумертъ, сидятъ за ткацкими станками. Старуха Баумертъ, разбитая параличомъ, сидитъ на скамеечкѣ у кровати; передъ нею моталка. Ея сынъ Августъ, двадцати лѣтъ, идіотъ съ маленькимъ туловищемъ и маленькой головой, съ длинными, какъ у паука, конечностями, тоже сидитъ на скамеечкѣ для ногъ и наматываетъ нитки на катушку. Черезъ два маленькихъ, мѣстами заклеенныхъ бумагой и забитыхъ соломой оконныхъ отверстія проникаетъ блѣдно-розовый вечерній свѣтъ. Онъ падаетъ на свѣтлые распущенные волосы дѣвушекъ, на ихъ открытыя тощія плечи, на худые, точно восковые затылки, на складки толстой рубахи, составляющей вмѣстѣ съ короткой юбочкой изъ грубаго холста ихъ единственную одежду. Теплый свѣтъ падаетъ прямо на лицо старухи: онъ ярко озаряетъ ея худое, какъ у скелета, лицо съ безкровной, морщинистой кожей, съ провалившимися глазами, покраснѣвшими и слезящимися отъ шерстяной пыли и работы при свѣтѣ, большой зобъ съ вздутыми жилами и складками, впалую грудь, закутанную въ тряпки. Въ вечернемъ свѣтѣ видна также часть правой стѣны съ печью и лежанкой, кровать и нѣсколько ярко расписанныхъ изображеній святыхъ. У печки развѣшаны тряпки для просушки, за печкой куча стараго хлама. На лежанкѣ стоятъ нѣсколько старыхъ горшковъ и кухонная утварь; картофельная шелуха положена на бумагу для просушки и т. д. Съ балки на потолкѣ свѣшиваются пряди нитокъ и мотовила. Корзинки съ катушками стоятъ подлѣ станковъ. Въ задней стѣнѣ низкая дверь безъ замка. Къ стѣнѣ подлѣ двери прислоненъ пукъ новыхъ прутьевъ. Тутъ же стоятъ нѣсколько прорванныхъ корзинокъ. Комната гудитъ отъ шума ткацкихъ станковъ, громыханья набилокъ, потрясающаго полъ и стѣны, и жужжанья челнока. Къ этому примѣшивается неумолчный шумъ мотальныхъ колесъ, похожій на жужжанье большихъ шмелей.

Старуха Баумертъ (жалобнымъ, изможденнымъ голосомъ, видя, что дѣвушки прервали работу и наклонились надъ пряжей). Опять порвалась?

Эмма (старшая изъ двухъ дѣвушекъ; ей двадцать два года). Ну и нитки, прости Господи!

Берта (пятнадцати лѣтъ). И основа тоже ни къ чорту не годится.

Эмма. Гдѣ онъ застрялъ? Съ девяти часовъ ушелъ, и все его нѣтъ.

Старуха Баумертъ. Ахъ, Господи! Гдѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ?

Берта. Не тревожься, мама, онъ скоро придетъ.

Старуха Баумертъ. Ну какъ не тревожиться, когда его все нѣтъ!

Эмма (продолжаетъ работать).

Берта. Постой, Эмма.

Эмма. А что?

Берта. Точно кто-то идетъ.

Эмма. Вѣрно, Анзорге домой пришелъ.

Фрицъ (маленькій босоногій мальчикъ четырехъ лѣтъ, одѣтый въ лохмотья, прибѣгаетъ, плача). Мама, ѣсть хочу!

Эмма. Подожди, Фрицль, дѣдушка сейчасъ вернется. Принесетъ хлѣба и кофе.

Фрицъ. Страсть какъ ѣсть хочу, мама!

Эмма. Да говорятъ тебѣ, сейчасъ дѣдъ придетъ,—ну и жди. Принесетъ хлѣбъ — вкусный-превкусный, и кофе. А какъ вечеръ придетъ, мама возьметъ картофельную шелуху, снесетъ ее въ лавку, а лавочникъ ей дастъ кувшинчикъ сыворотки для мальчика.

Фрицъ. А дѣдъ куда пошелъ?

Эмма. Къ фабриканту. Пряжу понесъ, Фрицль.

Фрицъ. Къ фабриканту?

Эмма. Да, Фрицль — къ Дрейсигеру въ Петерсвальдау.

Фрицъ. Тамъ ему хлѣба дадутъ?

Эмма. Да. Ему дадутъ деньги, а на деньги можно купить хлѣбъ.

Фрицъ. А много денегъ дадутъ дѣду?

Эмма (сердито). Ну перестань, надоѣлъ. (Продолжаетъ ткать, Берта тоже. Черезъ минуту обѣ останавливаются).

Берта. Поди, Августъ, попроси Анзорге зажечь свѣтъ.

Августъ (выходитъ, взявъ Фрица съ собой).

Старуха Баумертъ (съ возрастающимъ дѣтскимъ страхомъ, хнычa). Ахъ, Боже мой, дѣвочки,—куда запропастился старикъ?

Берта. Вѣрно, зашелъ къ Гауфу.

Старуха Баумертъ (плача). Только бы въ кабакъ не пошелъ.

Эмма. Что ты, что ты, мама! Нашъ отецъ не таковъ.

Старуха Баумертъ (внѣ себя отъ одолѣвающаго ее страха). Ну, ну, скажите, что съ вами станется? Если онъ... если онъ придетъ домой безъ... если онъ все пропьетъ и ничего не принесетъ? Въ домѣ ни щепотки соли, ни куска хлѣба... топить нечѣмъ.

Берта. Ничего,—теперь ночи свѣтлыя, лунныя. Мы пойдемъ въ лѣсъ съ Августомъ и принесемъ охапку хвороста.

Старуха Баумертъ. А вдругъ васъ лѣсничій накроетъ?

Анзорге (старый ткачъ, богатырскаго сложенія: онъ долженъ сильно нагнуться, чтобы войти въ комнату. Онъ всовываетъ голову въ дверь. Волосы и борода у него всклокоченные). На что я вамъ понадобился?

Берта. Зажгите, пожалуйста, свѣтъ.

Анзорге (говоря тихо, какъ въ присутствіи больного). Еще свѣтло.

Старуха Баумертъ. Что это, ты насъ впотьмахъ держать хочешь?

Анзорге. Мнѣ нужно еще у себя раньше прибрать. (Скрывается).

Берта. Скаредь!

Эмма. Теперь сиди впотьмахъ и жди его Богъ вѣсть какъ долго.

Фрау Генрихъ (входитъ. Это тридцатилѣтняя женщина, беременная. На ея изможденномъ лицѣ слѣды мучительныхъ заботъ и постоянной тревоги). Съ добрымъ вечеромъ!

Старуха Баумертъ. Что у тебя слыхать?

Фрау Генрихъ (хромая). Я на осколокъ наступила.

Берта. Подойди сюда, сядь. Я выну.

(Фрау Генрихъ садится. Берта становится на колѣни передъ нею и возится съ ея ногой).

Старуха Баумертъ. Что, какъ у тебя дома?

Фрау Генрихъ (съ прорывающимся отчаяніемъ). Совсѣмъ плохо, невозможно жить! (Не можетъ сдержать потока слезъ и беззвучно плачетъ).

Старуха Баумертъ. Хоть бы Господь смилостивился надо всѣми нами и прибралъ поскорѣй.

Фрау Генрихъ (потерявъ самообладаніе, кричитъ сквозь громкій плачъ). Мои бѣдныя дѣтки умираютъ съ голоду. (Рыдаетъ и стонетъ). Не знаю, что и придумать. Что ни

начнешь—все ни къ чему, нѣтъ моего терпѣнія. Я едва на ногахъ держусь отъ работы, а все толку нѣтъ. Девять голодныхъ ртовъ,—чѣмъ ихъ заткнешь? Чѣмъ, прости Господи? Вчера къ вечеру у меня былъ одинъ только кусокъ хлѣба,—его едва на двухъ самыхъ маленькихъ хватило. Кому было дать его? Всѣ кричатъ: мнѣ, мама, мнѣ... Господи, Господи! И вотъ такая нужда теперь, когда я еще на ногахъ. А что будетъ, когда свалюсь? Былъ хоть картофель прежде, и его унесла вода. Теперь въ домѣ совсѣмъ пусто.

Берта (вынула осколокъ и промыла рану). Нужно перевязать ногу. (Эммѣ) Поищи тряпочку.

Старуха Баумертъ. И намъ не легче твоего, милая.

Фрау Генрихъ. У тебя дочки есть, и мужъ работать можетъ,—а мой на прошлой недѣлѣ опять свалился. Такъ его бросало и дергало, что я со страху не знала, куда кинуться. А когда съ нимъ припадокъ дѣлается, онъ опять недѣлю съ постели встать не можетъ.

Старуха Баумертъ. Да и мой ужъ къ работѣ непригоденъ. Какъ возьмется за работу, такъ сейчасъ и бросаетъ. Въ груди у него неладно, и поясница болитъ. Деньги у насъ всѣ ушли до послѣдняго пфеннига. Если онъ сегодня не принесетъ ничего, мы совсѣмъ пропадемъ.

Эмма. Да, плохо намъ. Знаешь, до чего дошло: отецъ сегодня взялъ съ собой Аминку. Пришлось дать зарѣзать,—изголодались мы.

Фрау Генрихъ. Нѣтъ ли у васъ хоть лишней горстки муки?

Старуха Баумертъ. Гдѣ тамъ! у насъ ни щепотки соли не осталось.

Фрау Генрихъ. Что-жъ со мной будетъ? (Встаетъ и стоитъ задумавшись). Что со мной будетъ? Нѣтъ мнѣ спасенія. (Кричитъ, охваченная бѣшенствомъ и ужасомъ) Я бы рада была хоть свиному корму,—но съ пустыми руками я домой не вернусь, ни за что не вернусь. Прости меня Богъ,—ничего другого мнѣ не остается... (Быстро уходитъ, хромая и ступая лѣвой ногой только на пятку).

Старуха Баумертъ (кричитъ ей вслѣдъ). Послушай, послушай, не надѣлай глупостей!

Берта. За нее бояться нечего. Она на себя рукъ не наложитъ.

Эмма. Она всегда только грозитъ. (Опять садится къ станку и работаетъ нѣсколько секундъ).

Августъ (съ зажженной сальной свѣчой въ рукахъ свѣтитъ отцу, старику Баумерту, который идетъ съ тюкомъ пряжи).

Старуха Баумертъ. Ахъ, Господи Іисусе, гдѣ ты пропадалъ столько времени?

Старикъ Баумертъ. Не накидывайся, старуха, дай отдышаться. Посмотри-ка лучше, кто со мной пришелъ.

Морицъ Егеръ (входитъ, нагнувшись, въ дверь. Онъ средняго роста, стройный, краснощекій зажиточный солдатъ. Гусарская шапка сидитъ набекрень, одежда и сапоги цѣлы, чистая рубаха безъ воротника. Войдя въ комнату, отдаетъ честь по-военному). Съ добрымъ вечеромъ, матушка Баумертъ.

Старуха Баумертъ. Вотъ кто объявился! Такъ ты, значитъ, домой вернулся? Спасибо, что насъ не забылъ. Ну, садись, садись.

Эмма (вытираетъ деревянный стулъ юбкой и придвигаетъ его Егеру). Здравствуй, Морицъ. Захотѣлось опять поглядѣть, какъ бѣднымъ людямъ живется?

Егеръ. Скажи, Эмма, неужели правда, что у тебя сынишка, который скоро ужъ въ солдаты годится? Я вѣрить не хотѣлъ, когда мнѣ сказали. Откуда это онъ у тебя взялся?

Берта (береть отъ отца принесенные имъ припасы: кладетъ мясо на сковородку и ставитъ въ печь, въ то время, какъ Августъ разводитъ огонь). Ты зналъ ткача Фингера?

Старуха Баумертъ. Онъ жилъ тутъ съ нами. Онъ хотѣлъ жениться на ней, но расхворался—грудью плохъ былъ. Я ей говорила напередъ, что такъ будетъ, да она слушать не хотѣла. Теперь онъ давно въ землѣ лежитъ, и всѣ забыли о немъ,—а она вотъ должна мальчишку ростить. Ну, а тебѣ, Морицъ, какъ жилось?

Старикъ Баумертъ. О немъ не тужи, старуха, онъ жилъ припѣваючи, былъ досыта. Ему теперь наплевать на насъ всѣхъ. Платье у него, какъ у графа какого, да еще серебряные часы, да денегъ десять талеровъ.

Егеръ (стоитъ, растопыривъ ноги, съ самодовольнымъ и хвастливымъ видомъ и улыбается). Да, жаловаться грѣхъ. Мнѣ въ солдатахъ недурно жилось.

Старикъ Баумертъ. Онъ былъ денщикомъ у ротмистра. Слышишь, вѣдь онъ и говорить сталъ, какъ важные господа.

Егеръ. Да, я ужъ очень привыкъ къ тонкому разговору—и по-простому ужъ позабылъ говорить.

Старуха Баумертъ. Нѣтъ, посмотрите-ка на него!

Такимъ пустельгой былъ, а теперь—на-ко-сь, поди, уйму денегъ нагребъ. Ни къ чему путному ты не годился,—нельзя было удержать на мѣстѣ, чтобы намотать нитокъ мотокъ,—все тебѣ не сидѣлось. То крысоловки ставилъ, то силки разставлялъ для красношеекъ. Помнишь?

Егеръ. Помню, тетушка Баумертъ. Я не только красношеекъ ловилъ, а и ласточекъ.

Эмма. Мы тебѣ говорили, что ласточки ядовиты,—а ты и не слушалъ.

Егеръ. Мнѣ это было все равно. А вамъ какъ жилось, тетушка Баумертъ?

Старуха Баумертъ. Да плохо, совсѣмъ плохо,—ужъ четыре года, какъ у меня ломота. Посмотри, какъ пальцы скрючило. А ногъ такъ совсѣмъ не чувствую,—не знаю, есть онѣ у меня или нѣтъ. Ни рукой ни ногой двинуть не могу. Выразить невозможно, какія муки терплю.

Старикъ Баумертъ. Она совсѣмъ плоха стала. Недолго протянетъ.

Берта. Съ утра ее нужно одѣть, на ночь раздѣть. Мы ее кормимъ, какъ малое дитя.

Старуха Баумертъ (все время жалобнымъ, плаксивымъ голосомъ). Пошевельнуться не могу,—все мнѣ подай да прибери. Всѣмъ я въ тягость стала,—это хуже, чѣмъ болѣзнь. Ужъ сколько я Господа Бога молила, чтобы прибралъ меня. Господи Іисусе, Господи Іисусе! плохо мнѣ. Не знаю ужъ... люди могутъ подумать, что это я отъ лѣни... А я вѣдь съ дѣтства къ работѣ привыкла, всегда со своимъ дѣломъ справлялась, а теперь вдругъ... (пробуетъ подняться) нѣтъ, не могу. У меня добрый мужъ и хорошія дѣти, но какъ погляжу я на нихъ... Ну, взгляни на дѣвчонокъ. Ни кровинки въ лицѣ—бѣлыя, какъ полотно. Все за станкомъ, все за станкомъ,—весь годъ не сходятъ съ табуретки,—такъ вся ихъ жизнь проходитъ. И хоть бы наработали столько, чтобы одежу какую справить,—а то вѣдь не въ чемъ людямъ показаться или въ церковь пойти. Никогда и не повеселятся. Молоденькія дѣвчонки — одной пятнадцать, другой двадцать лѣтъ, а съ лица такія, точно ихъ съ петли сняли.

Берта (у печки). Опять дымитъ.

Старикъ Баумертъ. Ахъ, ты горе, горе,—опять дымъ! Эхъ, жизнь наша горькая! Печка разваливается,—кто ее поправитъ? Глотай дымъ да и только. Всѣ мы кашлять стали, одинъ хуже другого. Кашляешь-кашляешь, душитъ

тебя этотъ кашель—и никому нѣтъ дѣла. хоть все нутро выкашляй.

Егеръ. А почему же Анзорге не починитъ? Объ этомъ ему слѣдовало бы позаботиться.

Берта. Какъ бы не такъ. Онъ и то ворчитъ.

Старуха Баумертъ. Онъ бы радъ былъ насъ выжить.

Старикъ Баумертъ. Заикнись мы только. что недовольны, онъ насъ сейчасъ и выгонитъ. Ему вѣдь ужъ за полгода не заплачено.

Старуха Баумертъ. Могъ бы еще подождать,—что ему станетъ?

Старикъ Баумертъ. Да и у него ничего нѣтъ, старуха. Ему живется не лучше, чѣмъ намъ,—только вотъ, что онъ не жалуется.

Старуха Баумертъ. У него вѣдь домъ есть.

Старикъ Баумертъ. Что ты болтаешь зря, старуха. Въ домѣ ему ни одной щепки не принадлежитъ. сама знаешь.

Егеръ (сѣлъ и вынулъ изъ одного кармана короткую трубку съ красивыми кисточками. изъ другого бутылку водки). Такъ не можетъ продолжаться. Я смотрю, какъ вы тутъ горе мыкаете. и только диву даюсь. Въ городѣ собакамъ лучше живется.

Старикъ Баумертъ (возбужденно). Вотъ и ты говоришь, что такъ нельзя. А меня не слушаютъ,—отвѣчаютъ, что только теперь плохія времена.

Анзорге (входитъ, держа въ одной рукѣ глиняный горшочекъ съ супомъ. въ другой недоконченную плетеную корзинку). Здравствуй, Морицъ! Ты опять здѣсь?

Егеръ. Здравствуй, дядя Анзорге.

Анзорге (вставляя свой горшочекъ съ супомъ въ печь). Дайка взглянуть на тебя. Да ты совсѣмъ графомъ сталъ!

Старикъ Баумертъ. Покажи твои часы. А еще онъ привезъ совсѣмъ новую одежду и десять талеровъ деньгами.

Анзорге (качая головой). Подумать только!

Эмма (наполняя мѣшочекъ картофельной шелухой). Пойду, снесу картофельную шелуху. Можетъ. и хватитъ на горшочекъ снятого молока. (Уходитъ).

Егеръ (котораго всѣ слушаютъ съ напряженнымъ вниманіемъ). Вспомните, какъ вы всѣ меня стращали: вотъ, молъ, попадешь, Морицъ. въ солдаты, тогда плохо придется. А мнѣ какъ разъ отлично жилось въ солдатахъ. Все дѣло въ

томъ, чтобы не лѣниться. Я вахмистру сапоги чистилъ, лошадь скребъ, за пивомъ ходилъ—всюду поспѣвалъ. И на службѣ у меня было все въ аккуратѣ. Сбруя такъ вычищена была, что блестѣла. Я былъ первый въ конюшнѣ, первый при сборѣ, первый въ сѣдлѣ. А когда шли въ атаку—маршъ маршемъ, разрази меня громъ небесный! И ужъ я не дремалъ,—нюхъ у меня, какъ у охотничьей собаки. Я сказалъ себѣ: тутъ, братъ, никто тебѣ не поможетъ, — самъ долженъ за себя постоять. Ну, и бралъ себя въ руки—и справлялся, слава Богу. До того дошло, что ротмистръ сказалъ про меня передъ всѣмъ эскадрономъ: вотъ это гусаръ такъ гусаръ! (Пауза. Онъ закуриваетъ трубку).

Анзорге (качая головой). Такъ тебѣ повезло, значитъ. Подумаешь вѣдь, право. (Садится на полъ, придвигаетъ къ себѣ пукъ прутьевъ и начинаетъ чинить корзину, держа ее между колѣнами).

Старикъ Баумертъ. Ну, давай Богъ, чтобы ты и намъ счастье принесъ... Что-жъ, выпить и намъ изъ твоей бутылки?

Егеръ. Конечно, дядюшка Баумертъ. А когда всю бутылку выпьемъ до дна, пошлемъ за другой. (Ударяетъ монетой по столу).

Анзорге (съ глупымъ, изумленнымъ смѣхомъ). Ну и раздолье же здѣсь, Господи помилуй! На сковородѣ шипитъ жаркое, на столѣ бутылка водки. (Отпиваетъ изъ бутылки). За твое здоровье, Морицъ! (Бутылка водки переходитъ изъ рукъ въ руки).

Старикъ Баумертъ. Хоть бы по праздникамъ у насъ бывало жаркое,—а то вѣдь и годъ и два не видишь убоины. Жди, пока выпадетъ счастье,—прибѣжитъ собачонка, какъ къ намъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Не часто это случается.

Анзорге. Неужели ты далъ зарѣзать Амишку?

Старикъ Баумертъ. Она бы все равно околѣла съ голоду.

Анзорге. Ну да, такъ-то такъ...

Старуха Баумертъ. Такая славная, ласковая была собачонка.

Егеръ. Неужели вы еще попрежнему ѣдите собачье мясо?

Старикъ Баумертъ. Почаще бы только его намъ имѣть!

Старуха Баумертъ. Да, да, хорошо иногда мяса поѣсть!

Старикъ Баумертъ (Егеру). А у тебя развѣ пропалъ вкусъ къ собачьему жаркому? Поживи-ка у насъ, опять захочется!

Анзорге (вдыхая запахъ жаренаго). Да, да, вкусное это жаркое!

Старикъ Баумертъ (наслаждаясь запахомъ жаренаго). Хорошо пахнетъ, точно корица!

Анзорге. Ну, скажи, Моритъ,—ты человѣкъ бывалый,—будетъ намъ, ткачамъ, когда-нибудь легче жить?

Егеръ. Пора бы, кажется.

Анзорге. Мы здѣсь не живемъ и не умираемъ,—плохо намъ, совсѣмъ плохо! Бьешься-бьешься, пока силъ хватаетъ, а потомъ и сдаешься. Нужда съѣдаетъ крышу надъ головой и полъ подъ ногами. Прежде, пока я могъ работать, было еще туда-сюда... А теперь ужъ больше полугода не могу дорваться до работы. Однимъ плетеніемъ корзинъ не проживешь. Я плету до ночи, а когда сваливаюсь въ постель, у меня наработано на одинъ зильбергрошъ и шесть пфенниговъ. Вотъ ты человѣкъ образованный,—скажи, можно на это прожить при теперешней дороговизнѣ? Три талера я долженъ заплатить налога за домъ, талеръ уходитъ на поземельный налогъ, три талера за аренду дома. А зарабатываю я талеровъ четырнадцать въ годъ. Значитъ, у меня остается семь талеровъ на весь годъ. На это нужно кормиться, топить комнату, одѣваться, обуваться, чинить и штопать платье,—а еще квартира и все другое. Мудрено ли, что нечѣмъ платить за аренду?

Старикъ Баумертъ. Нужно бы, чтобы кто-нибудь отправился въ Берлинъ и разсказалъ королю про наши дѣла.

Егеръ. Ничего это не поможетъ, дядюшка Баумертъ. Въ газетахъ и такъ довольно писали объ этомъ. Но богачи такъ умѣютъ повернуть дѣло... что хоть кого проведутъ. Настоящіе черти!

Старикъ Баумертъ (качая головой). Неужто и въ Берлинѣ ничего не могутъ подѣлать?

Анзорге. Скажи на милость, Моритъ, возможное ли это дѣло? Неужто на это нѣтъ законовъ? Вотъ я работаю, натираю мозоли на рукахъ, и все-таки не хватаетъ у меня на то, чтобы уплатить аренду.—такъ неужели же меня могутъ выгнать изъ моего домика? Мужику, конечно, нужны его деньги,—но что со мною будетъ? Если мнѣ придется уйти отсюда... (Съ трудомъ говоря, сквозь слезы) Здѣсь я родился, здѣсь мой отецъ сидѣлъ за станкомъ больше сорока лѣтъ. Сколько разъ онъ говорилъ матери: слушай, старуха, когда я помру, не выпускай домикъ изъ рукъ. Домикъ

этотъ я своемъ трудомъ нажилъ. Здѣсь каждый гвоздь—безсонная ночь, каждая балка—годъ сухихъ корокъ. Нужно вѣдь это понять...

Егеръ. Они послѣднее заберутъ,—ихъ на это хватитъ.

Анзорге. Ну да,—ну, конечно! Но ужъ если до этого дѣло дойдетъ, то пусть меня лучше вынесутъ ногами впередъ, чѣмъ мнѣ самому на старости лѣтъ уйти отсюда. Смерть мнѣ не страшна. Отецъ тоже радъ былъ умереть. Совсѣмъ подъ конецъ ему стало немножко страшно, но я легъ къ нему на постель, и онъ успокоился—совсѣмъ затихъ. Я былъ тогда—какъ теперь помню—мальчикомъ тринадцати лѣтъ. Я очень усталъ и заснулъ сейчасъ же подлѣ больного отца; не понималъ я, къ чему дѣло шло. А когда проснулся, онъ ужъ былъ совсѣмъ холодный.

Старуха Баумертъ (послѣ паузы). Вынь супъ изъ печки, Берта, и дай Анзорге.

Берта. Вотъ тебѣ супъ, отецъ Анзорге, ѣшь.

Анзорге (ѣстъ сквозь слезы). Ну да,—ну, конечно!

(Старикъ Баумертъ ѣстъ мясо прямо со сковороды).

Старуха Баумертъ. Да ну, погоди ты ѣсть, старикъ. Дай Бертѣ все приготовить и подать.

Старикъ Баумертъ (продолжая жевать). Два года тому назадъ я въ послѣдній разъ ходилъ къ причастію и сейчасъ послѣ того продалъ сюртукъ, въ которомъ причащался. На эти деньги мы купили тогда свинины. Съ тѣхъ поръ я не ѣлъ мяса до сегодняшняго вечера.

Егеръ. Зачѣмъ намъ мясо,—за насъ его ѣдятъ фабриканты! Они зато лопаются отъ жиру. Кто не вѣритъ, пусть сходитъ въ Билау и въ Петерсвальдау. Тамъ есть на что поглазѣть: все замки да замки, дворцы да дворцы,—а хозяева все фабриканты. Зеркальныя окна, башни съ желѣзными шпицами. Тамъ о плохихъ временахъ не слыхать. Тамъ ѣдятъ до отвалу и пьютъ, сколько влѣзетъ. Денегъ хватаетъ и на экипажи, и на гувернантокъ, и на чортъ знаетъ что. Имъ всего мало. Не знаютъ, что и придумать отъ баловства и спеси.

Анзорге. Въ прежнее время было совсѣмъ по-другому. Фабриканты дѣлились съ ткачами. А теперь они все сами для себя берегутъ. И все оттого, что богатые люди не вѣрятъ ни въ Бога ни въ чорта. Нѣтъ для нихъ ни заповѣдей ни наказаній. Вотъ они и отнимаютъ у насъ послѣдній кусокъ хлѣба и, гдѣ только могутъ, тѣснятъ насъ.

Все горе въ злыхъ людяхъ. Будь наши фабриканты подобрѣе, — не наступили бы для насъ плохія времена.

Егеръ. Послушайте-ка вы всѣ, — я вамъ кое-что прочту. (Вынимаетъ изъ кармана нѣсколько исписанныхъ листковъ). А ты, Августъ, сбѣгай за бутылкой водки. Да что ты все смѣешься?

Старуха Баумертъ. Не знаю, что съ мальчикомъ,— всегда ему весело. Онъ смѣется, что бы ни случилось. Ну, живо, живо! (Августъ уходитъ съ пустой бутылкой). Ну что, старикъ, вкусно?

Старикъ Баумертъ (жуетъ, возбужденный ѣдой и питьемъ). Морицъ, будь нашимъ спасителемъ. Ты умѣешь читать и писать, ты знаешь, какъ живется ткачамъ, и жалѣешь насъ, такъ выручи насъ изъ бѣды!

Егеръ. Что-жъ, я готовъ. Задать перцу фабрикантамъ съ превеликимъ удовольствіемъ согласенъ. Мнѣ это, можно сказать, ничего не стоитъ. Я человѣкъ смирный, но когда взыграетъ во мнѣ нравъ, такъ я схвачу Дрейсигера въ одну руку да Дитриха въ другую, и начну ихъ такъ стукать головой объ голову, что искры изъ глазъ посыплются. Если бы намъ всѣмъ да сговориться и дѣйствовать согласно, такъ мы бы такую баню задали фабрикантамъ, что имъ бы конецъ пришелъ. Не нужно намъ для этого ни короля ни начальства. Просто можемъ заявить: мы хотимъ, чтобы было вотъ такъ-то и такъ-то, а не иначе. Тогда они совсѣмъ другое запоютъ. Когда они увидятъ, что здѣсь малые—не промахъ, они сейчасъ запросятъ пардону. Знаю я этихъ трусовъ!

Старуха Баумертъ. Правду ты говоришь, сущую правду. Я не злая,—я всегда первая говорила, что должны быть на свѣтѣ богатые люди. Но и мнѣ невмоготу стало...

Егеръ. А по-моему—пусть бы ихъ всѣхъ чортъ побралъ. я бы жалѣть не сталъ.

Берта. Гдѣ отецъ? (Старикъ Баумертъ незамѣтно вышелъ изъ комнаты).

Старуха Баумертъ. Не знаю, куда онъ дѣвался!

Берта. Неужто ему отъ мясного съ непривычки дурно стало?

Старуха Баумертъ (внѣ себя, плача). Ну вотъ, ну вотъ! вся ѣда пропала. Такое вкусное жаркое, — и все обратно отдать приходится!

Старикъ Баумертъ (возвращается, чуть не плача отъ бѣшенства). Кончено, никуда я не гожусь. Доконали меня. Въ кон

вѣки дорвался до вкуснаго куска, такъ и онъ обратно лѣзетъ! (Садится плача на лежанку).

Егеръ (охваченный внезапнымъ порывомъ негодованія, возбужденно). А тутъ же почти рядомъ живутъ толстобрюхіе лежебоки, которые день-денской пальцемъ не шевельнутъ, а смѣютъ говорить, что ткачамъ отлично бы жилось, если бы они не лѣнились.

Анзорге. Не люди они, а изверги.

Егеръ. Ну ужъ зато Дрейсигеръ свое получилъ. Мы съ рыжимъ Бекеромъ отчитали его и на прощанье пропѣли ему «Кровавую расправу».

Анзорге. Это, что-ль, и есть та пѣсня, про которую толкуютъ?

Егеръ. Да. Я ее принесъ.

Анзорге. Ее, кажется, называютъ дрейсигеровской пѣсней?

Егеръ. Я ее прочту вамъ.

Старуха Баумертъ. Кто ее сочинилъ?

Егеръ. Этого никто не знаетъ. Ну, слушайте же.

(Читаетъ неумѣло, по слогамъ, съ невѣрными удареніями, но съ глубокимъ чувствомъ. Въ его чтеніи слышится отголосокъ накипѣвшихъ горькихъ чувствъ—отчаянія, боли, бѣшенства, ненависти, жажды мести).

Мы, ткачи, обречены
Жить для муки и позора.
Насъ и судятъ безъ вины
И казнятъ безъ приговора.

Не избыть намъ этотъ судъ,
Безполезны всѣ попытки.
Хуже каторги нашъ трудъ,
Нашъ станокъ—орудье пытки.

Старикъ Баумертъ (потрясенный словами пѣсни, нѣсколько разъ съ трудомъ удерживается отъ желанія прервать Егера. Наконецъ, теряя самообладаніе, говоритъ, запинаясь, плача и смѣясь, женѣ). Хуже каторги нашъ трудъ! Кто это написалъ, старуха, тотъ правду сказалъ. Ты можешь засвидѣтельствовать... Какъ тамъ? Нашъ станокъ...

Егеръ. Орудье пытки.

Старикъ Баумертъ. Вѣрно, вѣрно. Вся наша работа—каторга и пытка.

Егеръ (въ то время, какъ Анзорге, оставивъ работу, сидитъ глубоко потрясенный, а старуха Баумертъ и Берта утираютъ слезы, продолжаетъ читать).

Злобный Дрейсигеръ палачъ,
Съ нимъ тюремщиковъ орава.

Ихъ не трогаетъ нашъ плачъ,
Наши стоны имъ—забава.

Глухо сердце ихъ къ добру,
Имъ рабочіе—что мухи:
«Вамъ нашъ хлѣбъ непонутру.—
Помирайте съ голодухи».

Ткачъ для нихъ не человѣкъ.
Шкуру съ насъ деруть, убійцы!

Старикъ Баумертъ (сжимая кулакъ и грозя). Шкуру съ насъ деруть, убійцы!

Егеръ (читаетъ).

Будьте-жъ прокляты вовѣкъ,
Фабриканты-кровопійцы.

Анзорге. Да, будьте прокляты, кровопійцы!

Старикъ Баумертъ. Ткачъ для нихъ — не человѣкъ! Каждое слово правда—какъ въ библіи.

Егеръ (читаетъ).

Не видать вамъ сѣмьи.
Вашихъ женъ сразитъ безплодье.
Смерть вамъ, Ирода сыны,
Сатанинское отродье!

Старикъ Баумертъ (вскакиваетъ, возбужденный до ярости). Смерть вамъ, Ирода сыны—сатанинское отродье! До чего вы насъ довели? Вотъ я стою здѣсь. Робертъ Баумертъ, ткачъ изъ Кашбаха. Кто можетъ обвинить меня въ дурныхъ дѣлахъ?.. Я былъ честнымъ человѣкомъ всю жизнь, а теперь взгляните на меня. Что мнѣ дала моя честность? На что я похожъ? Что они изъ меня сдѣлали?.. Хуже каторги нашъ трудъ! (Вытягиваетъ руки впередъ). Вотъ взгляните—кожа да кости... Ирода сыны—сатанинское отродье! (Падаетъ на стулъ въ изнеможеніи, плача отъ бѣшенства и отчаянія).

Анзорге (бросаетъ корзину въ уголъ, весь дрожа отъ бѣшенства, и говоритъ, задыхаясь). Все это должно измѣниться теперь же. Больше мы не въ силахъ терпѣть. Больше не будемъ терпѣть,—къ чему бы это ни привело!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бекеръ.
Моритцъ Егеръ.
Старикъ Баумертъ.
Старикъ Анзорге.
Вельцель, трактирщикъ.
Фрау Вельцель, его жена.
Анна Вельцель, его дочь.
Вояжеръ.
Вигандъ, столяръ.
Горнигъ, тряпичникъ.
Крестьянинъ.
Лѣсничій.
Виттигъ, кузнецъ.
Кутче, жандармъ.
Молодые и старые ткачи.

Корчма въ Петерсвальдау; большая комната съ потолкомъ изъ брусьевъ, опирающимся на деревянную колонну посреднѣ; вокругъ колонны—столъ. Вправо отъ колонны, прикрывающей только ея косякъ, входная дверь въ заднюю стѣнѣ. Изъ дверей видны просторныя сѣни, заставленныя бочками и пивоварной утварью. Въ комнатѣ, справа отъ угольной двери, деревянная перегородка въ человѣческій ростъ, съ полками для питейной посуды; за ней—стѣнной шкапъ, въ которомъ стоятъ ряды водочныхъ бутылокъ; между перегородкой и шкапомъ для ликеровъ—маленькое мѣсто для хозяина. Передъ перегородкой столъ, накрытый пестрой скатертью. Надъ столомъ виситъ красивая лампа; вокругъ стоятъ нѣсколько плетеныхъ стульевъ. По близости, въ правой стѣнѣ дверь, съ надписью: «Распивочная», ведетъ въ комнату для почетныхъ посѣтителей. Далѣе, вправо, на переднемъ планѣ тикаютъ старинные стѣнные часы. Слѣва отъ входной двери, у задней стѣны стоитъ столъ съ бутылками и стаканами, дальше, въ углу—большая изразцовая печка. Въ лѣвой боковой стѣнѣ три маленькихъ окна, подъ ними скамья и передъ нею большой деревянный столъ, обращенный къ стѣнѣ узкимъ концомъ. Съ широкихъ сторонъ стола стоятъ скамейки со спинками, у внутреннихъ узкихъ сторонъ по одному деревянному стулу. Большая комната оштукатурена въ синій цвѣтъ, завѣшана афишами, пестрыми лубочными картинами и олеографіями, среди которыхъ есть олеографическій портретъ Фридриха-Вильгельма IV.

Трактирщикъ Вельцель — добродушный гигантъ; ему за 50 лѣтъ. Стоя у перегородки, нацѣживаетъ пиво въ стаканъ изъ бочонка. Фрау Вельцель гладитъ у печки. Она—благообразная, опрятно одѣтая женщина, лѣтъ около 35. Анна Вельцель, хорошенькая семнадцатилѣтняя дѣвушка съ пышными рыжеватыми волосами, въ аккуратномъ чистенькомъ платьицѣ, сидитъ у накрытаго стола и вышиваетъ. На минуту она поднимаетъ глаза отъ работы и прислушивается: издали

доносится звуки похоронного хорала, который поетъ хоръ школьниковъ. Виганд, столяръ, сидитъ у того же стола, въ рабочей блузѣ, за стакаиомъ баварскаго пива. У него смышленое лицо человѣка, умѣющаго пробить себѣ дорогу въ жизни хитростью, расторопностью и беззастѣнчивостью. Комми-вояжеръ, сидя у стола вокругъ колонны, усердно жуетъ бифштексъ. Онъ средняго роста, хорошо упитанъ, весель, оживленъ, развязенъ до наглости. Одѣтъ по модѣ. Его дорожныя вещи, чемоданъ, ящикъ съ образцами, зонтикъ, пальто и плюшевое одѣяло лежатъ подлѣ него на стулѣ.

Вельцель (подавая стаканъ пива вояжеру, говоритъ въ сторону Виганду). Въ Петерсвальдау нынче кипитъ, какъ въ аду.

Виганд (рѣзкимъ, громкимъ, какъ труба, голосомъ). Сегодня доставка товара у Грейсигера.

Фрау Вельцель. Все-таки такого шума и гама прежде не бывало.

Виганд. Можетъ, это оттого, что онъ рѣшилъ принять еще двѣсти ткачей.

Фрау Вельцель (продолжая гладить). Вотъ-вотъ, въ этомъ все дѣло. Нужно двѣсти — такъ придутъ навѣрное шестьсотъ. Ихъ вѣдь у насъ тьма-тьмущая.

Виганд. Да, немало ихъ развелось, прости Господи. И какъ имъ плохо ни живется, не вымираютъ вѣдь! Все-таки у нихъ дѣтей больше рождается, чѣмъ прокормить можно. (Хоралъ на минуту слышится громче). А тутъ еще и похороны. Ткачъ изъ Нентвиха такъ-таки и померъ.

Вельцель. Давно ему пора ноги протянуть. Онъ и живой похожъ былъ на покойника.

Виганд. Такой гробикъ, какъ ему—крошечный-крошечный—я еще никогда не мастерилъ. Не видывалъ я никогда такого покойника,—вѣсу въ немъ было фунтовъ девяносто, не больше.

Вояжеръ (продолжая ѣсть). Не понимаю, право... Въ какую газету ни загляпешь, непремѣнно наткнешься на страшные разсказы о нуждѣ ткачей. Можно подумать, что они съ голоду умираютъ. А тутъ вдругъ такія похороны — удивительно! Я какъ разъ въѣзжалъ въ деревню въ это время: духовая музыка, учитель, вся школа, пасторъ и цѣлый хвостъ людей. Такая торжественность — точно китайскаго императора хоронятъ. Если на это хватаетъ денегъ... (Пьетъ пиво и, поставивъ стаканъ, переходитъ въ игривый тонъ) Не правда ли, барышня? Вѣрно я говорю?

Анна (смущенно улыбается и продолжаетъ усердно вышивать).

Вояжеръ. Навѣрное, туфли для вашего батюшки изволите вышивать?

Вельцель. На кой чортъ мнѣ такая ерунда?

Вояжеръ. Господи! А я бы отдалъ половину моего состоянія за то, чтобы эти туфли вышивались для меня.

Фрау Вельцель. Мой старикъ такихъ деликатностей не понимаетъ.

Вигандъ (кашлянувъ нѣсколько разъ, ерзаетъ на стулѣ и, собравшись съ духомъ, заговариваетъ наконецъ). Вы, почтенный господинъ, изволили удивляться этимъ похоронамъ. А это еще самыя, можно сказать, скромныя—не правда ли, хозяюшка?

Вояжеръ. Ничего не понимаю... Вѣдь это чертовски дорого должно стоить. Откуда они берутъ деньги?

Вигандъ. Вотъ, изволите ли видѣть, таково безразсудство здѣшняго бѣднаго населенія. Позвольте вамъ сказать, что у нихъ преувеличенное пониманіе о почтеніи и долгѣ относительно почившихъ родственниковъ. А ужъ если скончались родители, такое суевѣріе начинается, что послѣднее собираютъ на похороны, а чего не хватаетъ, то взаймы берутъ у родственниковъ—такихъ же богачей, какъ и они. Влѣзаютъ по уши въ долги, не доплачиваютъ его преподобію пастору, причетнику и всѣмъ прочимъ. А тутъ еще ѣда и выпивка,—все это денегъ стоитъ. Почтить родителей—за это я всегда стоялъ, но ужъ не такъ, чтобъ навязать себѣ долгъ на всю жизнь.

Вояжеръ. Пасторъ долженъ былъ бы ихъ отговаривать отъ всякаго безразсудства. Почему онъ этого не дѣлаетъ?

Вигандъ. Простите меня великодушно, почтенный господинъ, но я долженъ вамъ доложить, что всякая маленькая община имѣетъ свою церковь и своего духовнаго пастыря, котораго должна содержать. А похоронныя торжества приносятъ хорошій доходъ служителямъ церкви; и чѣмъ многолюднѣе преданіе землѣ, тѣмъ выгоднѣе для духовенства. Кто знакомъ съ положеніемъ дѣлъ здѣсь, тотъ знаетъ и можетъ съ твердостью сказать, что господа пасторы очень не одобряютъ скромныхъ похоронъ.

Горнигъ (входитъ. Это маленькій старичокъ съ лямкой черезъ плечо. Онъ тряпичникъ). Здравствуйте, здравствуйте! Рюмочку очищенной позвольте. Не найдется ли у васъ, тряпокъ, молодая хозяюшка? А у васъ, мамзель Анна? У меня въ телѣжкѣ много товару: красивыя ленты въ косу, ленточки для сорочекъ, шпильки, булавки, крючки и петельки,—все обмѣняю на пару тряпокъ. (Другимъ тономъ) А изъ тряпокъ сдѣлаютъ бѣлую бумагу, а на ней другъ сердечный письмецо напишетъ.

Анна. Благодарствуйте, не нужно мнѣ друга сердечнаго.

Фрау Вельцель (вкладывая плитку въ утюгъ). Вотъ какая она у меня. О замужествѣ и слышать не хочетъ.

Вояжеръ (вскакивая съ мѣста, видимо обрадованный, подходитъ къ накрытому столу и протягиваетъ руку Аннѣ). Какъ это хорошо, барышня! Дайте мнѣ руку. Мы оба останемся свободны.

Анна (покраснѣвъ, даетъ ему руку). Но вѣдь вы женаты?

Вояжеръ. Ничуть не бывало. Вы такъ думаете потому, что я ношу кольцо? Я только для того и надѣлъ его, чтобы охранить себя отъ посягательства на мою очаровательную особу. Васъ я не боюсь. (Прячетъ кольцо въ карманъ). Скажите мнѣ серьезно, барышня, неужели вы не хотите выйти хоть немножко замужъ?

Анна (качая головой). Нѣтъ, нѣтъ.

Фрау Вельцель. Она не выйдетъ замужъ. Развѣ какой-нибудь совсѣмъ особенный случай представится.

Вояжеръ. Что-жъ — и это возможно. Одинъ богатый силезскій магнатъ женился на камеръ-юнгферѣ своей матери, и богатый фабрикантъ Дрейсигеръ тоже вѣдь женатъ на дочери трактирщика. Она и наполовину не такъ красива, какъ вы, барышня, а теперь ѣздитъ въ экипажѣ и имѣетъ ливрейнаго лакея. Почему же и вамъ не стать богатой барыней? (Ходитъ по комнатѣ, вытягиваясь и разминая ноги). Я попрошу чашку кофе.

Анзорге и старикъ Баумертъ (входятъ съ тюкомъ пряжи и садятся скромно подлѣ Горнига, у самаго передняго стола влѣво).

Вельцель. Здравствуйте. Давно тебя было не видать, отецъ Анзорге.

Горнигъ. Выползъ-таки изъ своей дымной норы?

Анзорге (видимо смущаясь). Я опять пошелъ взять основу.

Старикъ Баумертъ. Онъ согласился работать по десяти зильбергрошей.

Анзорге. Я бы не согласился,—но на плетеніи корзинъ я ужъ ничего не зарабатываю.

Вигандъ. Лучше малый заработокъ, чѣмъ ничего. Онъ вѣдь и затѣялъ все это, чтобы дать вамъ работу. Я Дрейсигера хорошо знаю. Недѣлю тому назадъ я выставлялъ у него въ домѣ двойныя рамы. Мы тогда и говорили. Онъ только изъ жалости и пошелъ на это.

Анзорге. Ну да,—ну, конечно!

Вельцель (ставя передъ ткачами по рюмкѣ водки). Вотъ вамъ. А скажи-ка, Анзорге, какъ долго ты не брился? Вотъ тотъ господинъ хотѣлъ бы знать.

Вояжеръ (кричитъ со своего мѣста). Что вы, хозяинъ, я этого не говорилъ. Меня только поразилъ почтенный ткачъ своимъ видомъ. Не часто встрѣчаешь такихъ богатырей.

Анзорге (смущенно почесываетъ голову). Ну да,—ну, конечно!

Вояжеръ. Такіе мощные богатыри очень рѣдки въ наши дни. Мы такъ всѣ прилизаны культурой... Но я люблю первобытную силу. Косматыя брови, дикая борода...

Горнигъ. Да это весьма просто, почтенный господинъ. У нашихъ ткачей не хватаетъ денегъ, чтобы платить цырюльнику, а ужъ на то, чтобы купить бритву—и подавно. Такъ вотъ они и отпускаютъ волосы и бороду. Не до красоты, когда ѣсть нечего.

Вояжеръ. Да что вы, неужели же я... (Тихо хозяину) Можно предложить стаканъ пива этому лохматому богатырю?

Вельцель. Никоимъ образомъ,—онъ ни за что не приметъ. Онъ чудакъ.

Вояжеръ. Нѣтъ такъ нѣтъ. Вы позволите, барышня? (Садится у накрытаго стола). Увѣряю васъ, что съ той минуты, какъ я вошелъ, ваши волосы меня заворожили. (Въ восхищеніи цѣлуетъ кончики пальцевъ). Какой блескъ, какая мягкость! И цвѣтъ—точно спѣлая пшеница. Если бы вы съ вашими волосами появились въ Берлинѣ, вы бы произвели фуроръ. Съ такими волосами можно ко двору явиться... (Откидываясь на стулѣ, разглядываетъ волосы Анны). Восторгъ! истинный восторгъ!

Виганд. За волосы-то ей и дали прозвище.

Вояжеръ. Какъ же ее прозвали?

Анна (все время тихо смѣясь про себя). Не слушайте его.

Горнигъ. Это вѣдь ее лисичкой прозвали?

Вельцель. Перестаньте. И такъ ей голову вскружили. Сегодня ей графа подавай, а завтра князя.

Фрау Вельцель. Не взводи напраслины на дѣвочку! Всякій человѣкъ лучшаго хочетъ. Не всѣ на тебя похожи, слава Богу! Будь все по-твоему, никто съ мѣста бы не двигался, каждый на своемъ мѣстѣ и застревалъ бы. Если бы дѣдъ Дрейсигера такъ думалъ, онъ бы остался бѣднымъ ткачомъ. А теперь они богачи. Старикъ Тромтра тоже остался бы бѣднымъ ткачомъ, а теперь у него двѣнадцать помѣстій и дворянскій титулъ.

Виганд. Что правда, то правда, Вельцель. Твоя жена вѣрно разсудила,—я съ ней согласенъ. Будь я похожъ на тебя, развѣ у меня было бы семь подмастерьевъ?

Горнигъ. Ты-то умѣешь свои дѣла устраивать,—этого у тебя отнять нельзя. Иной ткачъ еще живехонекъ, а ты ужъ ему готовишь гробъ.

Вигандъ. Нужно поспѣвать,—потому и торопишься. Какъ же иначе?

Горнигъ. Да, ты не зѣваешь, это вѣрно. Ты лучше всякаго доктора знаешь, когда смерть придетъ за нашимъ братомъ.

Вигандъ (вдругъ вспыливъ). А ты лучше, чѣмъ полиція, знаешь, кто изъ ткачей выпиваетъ и кто каждую недѣлю откладываетъ катушки. Приходишь за тряпками и уносишь, небось, и прядильныя нитки, если придется.

Горнигъ. А твоя пшеница растетъ на кладбищѣ. Чѣмъ больше народу мретъ, тѣмъ для тебя выгоднѣе. Когда ты глядишь на дѣтскіе гробики, ты похлопываешь себя по животу и говоришь: «Хорошій нынче былъ годъ: малыши валились, какъ майскіе жуки съ деревьевъ. Я смогу лишнюю бутылочку въ недѣлю пропивать».

Вигандъ. А все-таки я не прячу краденаго.

Горнигъ. Развѣ только поставишь двойной счетъ богатому фабриканту или стащишь нѣсколько лишнихъ досокъ съ постройки у Грейсигера, когда ночь случится темная.

Вигандъ (поворачиваясь къ нему спиной). Болтай на вѣтеръ—я тебя не слушаю. (Вспыливъ) Брехунъ проклятый!

Горнигъ. Покойницкій столяръ!

Вигандъ (обращаясь къ присутствующимъ). Онъ можетъ околдовать скотъ.

Горнигъ. Берегись самъ. Я и тебя околдую. (Вигандъ блѣднѣетъ).

Фрау Вельцель (уходившая изъ комнаты, возвращается и ставитъ передъ вояжеромъ чашку кофе). Не подать ли вамъ кофе въ вашу комнату?

Вояжеръ. Что вы, что вы? (Томно глядя не Анну) Я буду здѣсь сидѣть, пока не умру.

Молодой лѣсничій и крестьянинъ (послѣдній съ кнутомъ въ рукахъ). Здравствуйте, господа! (Подходитъ къ стойкѣ).

Крестьянинъ. Намъ двѣ рюмки инбирной.

Вельцель. Извольте. (Наливаетъ двѣ рюмки: они чокаются, пьютъ и ставятъ рюмки на стойку).

Вояжеръ. Много ходили, господинъ лѣсничій?

Лѣсничій. Порядочно. Я изъ Штейнзейферсдорфа.

(Первый и второй старые ткачи входятъ и садятся рядомъ съ Анзорге, Баумертомъ и Горнигомъ).

Вояжеръ. Позвольте узнать, вы лѣсничій графа Гохгейма?

Лѣсничій. Графа Кейльша.

Вояжеръ. Ну да, Кейльша. Я такъ и хотѣлъ сказать. Здѣсь такъ много графовъ и бароновъ, что всѣхъ не упомнишь. А для чего у васъ топоръ?

Лѣсничій. Я его отобралъ у порубщика.

Старикъ Баумертъ. Наши господа строго взыскиваютъ за каждую охапку хвороста.

Вояжеръ. Но, помилуйте, нельзя вѣдь, чтобъ всякій...

Старикъ Баумертъ. Старая исторія! У насъ, какъ вездѣ, есть мелкіе воры и есть крупные. Крупнымъ все сходитъ съ рукъ. Иные тутъ торгуютъ лѣсомъ и богатѣютъ, продавая краденое. Но если бѣдный ткачъ...

Первый старый ткачъ (прерывая Баумерта). Намъ не дозволяется ни сучка взять, а насъ господа обдираютъ какъ липку: охранный налогъ подай, ткацкій налогъ, а потомъ повинности натурой. Бѣгай, куда пошлютъ, и отбывай барщину во дворѣ. Хочешь не хочешь, а съ тебя взыскиваютъ.

Анзорге. Дѣло такъ обстоитъ: что фабрикантъ не доберетъ съ насъ, то вытащитъ изъ кармана графъ или баронъ.

Второй старый ткачъ (сѣвъ у сосѣдняго стола). Я это сказалъ его милости.—Простите меня, господинъ графъ, сказалъ я, въ этомъ году я не могу нести столько дней барщины. Я не отказываюсь—только теперь не могу.—А почему?—Простите меня, мнѣ вода бѣды надѣлала. Немножко землицы, что у меня было, снесено водой. Теперь приходится день и ночь трудиться, чтобы съ голоду не умереть. Непогода была такая, что страсть... Я стоялъ и ломалъ руки. Такая чудесная землица — и вся скатилась съ горы прямо къ дому; и весь дорогой посѣвъ... Ахъ, Господи Іисусе! Долго я стономъ стоналъ, цѣлую недѣлю не переставалъ ревѣть, такъ что глаза распухли, и на свѣтъ глядѣть не могъ... А потомъ пришлось опять возить землю на гору,—восемьдесятъ возовъ свезъ.

Крестьянинъ (грубо). Больно ужъ вы тутъ ахаете и охаете! Когда Господь Богъ посылаетъ испытаніе, нужно терпѣть и смиряться. А если вамъ плохо живется, то кто виноватъ, какъ не вы сами? Когда дѣла были хороши, вы что дѣлали? Все проѣдали, проигрывали и пропивали. Почему не откладывали? Была бы копейка на черный день, и не пришлось бы воровать дрова и нитки.

Первый молодой ткачъ (говоритъ въ дверь изъ сѣней). Мужикъ остается мужикомъ, хотя бы и спалъ до девяти часовъ.

Первый старый ткачъ. Теперь дѣло такъ обстоитъ, что мужики и бароны заодно противъ нашего брата. Когда ткачу нужно жилье, мужикъ говоритъ: я дамъ тебѣ маленькую дырку,—ты тамъ живи. Ты мнѣ за это хорошо заплатишь, поможешь убрать сѣно и хлѣбъ; а несогласенъ, такъ убирайся на всѣ четыре стороны. А придешь къ барону, онъ тебѣ то же самое скажетъ.

Старикъ Баумертъ (злобно). Всѣ изъ насъ жилы тянутъ!

Крестьянинъ (вспыливъ). Да на что вы годитесь, голодныя твари? Умѣете вы вспахать поле плугомъ? Прямую борозду провести? Или штукъ пятнадцать сноповъ овса на возъ поднять? Куда тамъ! Только и знаете, что лѣнтяйничать да отъ бабъ не отходить. Тоже народъ! (Расплатившись, уходитъ. Лѣсничій идетъ за нимъ со смѣхомъ. Вельцель и его жена громко хохочутъ, столяръ также; вояжеръ смѣется про себя. Когда смѣхъ прекращается, наступаетъ молчаніе).

Горнигъ. Мужичье... реветъ, какъ быкъ! Ужъ я-то знаю, какъ здѣсь народъ голодаетъ. Насмотрѣлся я нищеты въ горныхъ деревняхъ. По четверо и пятеро лежатъ нагишомъ на одномъ мѣшкѣ съ соломой.

Вояжеръ (съ учтивымъ упрекомъ). Позвольте, милѣйшій. О нуждѣ въ горныхъ деревняхъ мнѣнія расходятся. Если вы умѣете читать...

Горнигъ. Я все съ листа читаю—не хуже вашего. А ужъ мнѣ ли не знать, что дѣлается? Когда у тебя за плечами четыре десятка годовъ, то начинаешь кой-что и смекать. Знаете ли вы, до чего доходило: дѣти копались въ мусорѣ, вмѣстѣ съ сосѣдскими гусями, ища объѣдковъ какихъ-нибудь. Люди умирали прямо на полу, нагишомъ. Другіе ѣли вонючій клейстеръ съ отчаянія. Сотнями ихъ голодъ валилъ.

Вояжеръ. Если вы умѣете читать, то должны знать, что правительство поручило навести точныя справки и...

Горнигъ. Знаемъ, знаемъ, какъ это дѣлается. Явится такой господинъ, посланный правительствомъ, и думаетъ, что ужъ все отлично знаетъ прежде, чѣмъ что-нибудь видѣлъ. Пройдется немножко по деревнѣ у разлива ручья, гдѣ лучшіе дома стоятъ. Дальше онъ не идетъ, чтобы не запачкать ярко вычищенныхъ сапогъ. Онъ рѣшаетъ, что всюду такъ же хорошо; садится въ коляску и ѣдетъ обратно, до-

мой. Въ Берлинъ онъ потомъ пишетъ, что никакой нужды нѣтъ. Но если бы у него хватило терпѣнія, если бы онъ поднялся вверхъ, въ горныя деревни, къ истоку ручья и черезъ ручей пошелъ бы по сторонамъ, гдѣ стоятъ маленькія избенки на горныхъ скатахъ, старыя соломенныя гнѣзда, такія черныя и ветхія, что жаль спички, чтобы поджечь ихъ,—тогда бы онъ не то написалъ въ Берлинъ. Пришли бы они ко мнѣ, эти берлинскіе господа, если не вѣрятъ, что здѣсь нужда. Я бы показалъ имъ, гдѣ здѣсь съ голоду умираютъ.

(За сценой поютъ пѣсню ткачей).

Вельцель. Опять они поютъ эту дьявольскую пѣсню.

Вигандъ. Вся деревня опалѣла.

Фрау Вельцель. Въ воздухѣ точно зараза какая-то носится.

(Егеръ и Бекеръ, взявшись подъ руку, шумно входятъ, во главѣ группы молодыхъ ткачей, въ сѣни и изъ сѣней въ корчму).

Егеръ. Эскадронъ, стой! (Пришедшіе садятся за разные столы, у которыхъ уже сидятъ ткачи, и заводятъ съ ними разговоры).

Горнигъ (Бекеру). Да что у васъ тутъ дѣлается, что вы вваливаетесь цѣлой гурьбой?

Бекеръ (многозначительно). Какъ знать, можетъ-быть, и сдѣлается что-нибудь. Ты какъ полагаешь, Моритцъ?

Горнигъ. Ну васъ. Не болтайте пустое!

Бекеръ. Кровь уже пролилась. Хочешь посмотрѣть? (Засучиваетъ рукавъ и показываетъ ему кровавые знаки прививки оспы на оголенной верхней части руки. То же продѣлываютъ многіе изъ молодыхъ ткачей за столами).

Бекеръ. Мы ходили къ кузнецу прививать оспу.

Горнигъ. Теперь все понятно. Нечего удивляться, что на улицѣ такъ галдятъ. Если такіе молодчики начинаютъ мутить деревню...

Егеръ (очень громко, хвастливымъ тономъ). Давай сразу двѣ бутылки, Вельцель. Я плачу. Думаешь, у меня нѣтъ денегъ? Хватитъ, братецъ. Стонтъ намъ захотѣть, и мы могли бы дуть водку и пить кофе до самаго утра, не хуже разныхъ проѣзжихъ господъ. (Смѣхъ среди молодыхъ ткачей).

Вояжеръ (притворяясь изумленнымъ). Это вы—въ мой огородъ? (Хозяинъ, хозяйка и ихъ дочь, а также столяръ Вигандъ и вояжеръ смѣются).

Егеръ. Кто спрашиваетъ, про того и сказано.

Вояжеръ. Простите, молодой человѣкъ, и ваши дѣла, кажется, обстоятъ недурно.

Егеръ. Не могу пожаловаться. Я вояжеръ отъ фирмы

готоваго платья. Я работаю пополамъ съ фабрикантами. Чѣмъ больше ткачи голодаютъ, тѣмъ жирнѣе я ѣмъ. Чѣмъ чернѣе ихъ нужда, тѣмъ вкуснѣе моя ѣда.

Бекеръ. Ловко отбрилъ. За твое здоровье, Мориць!

Вельцель (принесъ водку; направляясь обратно къ стойкѣ, останавливается и обращается съ обычнымъ хладнокровіемъ къ ткачамъ, говоря спокойно, но очень внушительно). Оставьте этого господина въ покоѣ. Онъ вамъ никакого зла не сдѣлалъ.

Голоса молодыхъ ткачей. Да мы его не трогаемъ. (Жена хозяина говоритъ нѣсколько словъ вояжеру, потомъ беретъ чашку съ остаткомъ кофе и уноситъ ее въ сосѣднюю комнату. Вояжеръ слѣдуетъ за нею при смѣхѣ ткачей).

Голоса молодыхъ ткачей (поютъ).

Злобный Дрейсигеръ палачъ,
Съ нимъ тюремщиковъ орава.

Вельцель. Перестаньте! Пойте эту пѣсню гдѣ угодно, только не у меня въ домѣ,—этого я не потерплю.

Первый старый ткачъ. Онъ правъ. Бросьте пѣть!

Бекеръ (кричитъ). Но къ Дрейсигеру мы еще разъ сходимъ. Мы его заставимъ снова прослушать пѣсню.

Виганъ. Не выводите его изъ себя—не то дѣло плохо кончится. (Смѣхъ и возгласы: хо-хо!).

Старикъ Виттигъ (сѣдой кузнецъ, безъ шапки, въ кожаномъ передникѣ и деревянныхъ башмакахъ, весь въ сажѣ; вышелъ прямо изъ кузницы; входитъ и стоитъ у стойки, дожидаясь рюмки водки). Пусть глотку дерутъ. Брехливыя собаки не кусаются.

Голоса старыхъ ткачей. Виттигъ! Виттигъ! Иди сюда, Виттигъ, садись къ намъ сюда, Виттигъ.

Виттигъ. Такъ я и сѣлъ къ такимъ забіякамъ. Отъ нихъ лучше подальше.

Егеръ. Присаживайся, выпей съ нами.

Виттигъ. Не нужна мнѣ твоя водка. Когда захочу выпить, я самъ заплачу. (Садится со своей рюмкой подлѣ Баумерта и Анзорге. Хлопая послѣдняго по животу, говоритъ) Въ животѣ у ткача пусто. Вся ѣда его—капуста.

Старикъ Баумертъ. А что если намъ невтерпёжъ станетъ? Если мы этого не потерпимъ дольше?

Виттигъ (съ притворнымъ изумленіемъ глупо смотритъ на старика). Да ты ли это, старикъ? (Расхохотавшись) Умора, чистая умора! Старикъ Баумертъ вздумалъ бунтовать! Вотъ штука-то: скоро портные начнутъ бунтовать, потомъ овцы, потомъ крысы и мыши. Ахъ, ты, Господи, вотъ будетъ потѣха! (Хохочетъ).

Старикъ Баумертъ. Нѣтъ, Виттигъ, я такой же, какъ прежде. Я и теперь говорю: если можно добромъ все уладить—было бы куда лучше!

Виттигъ. Кой чортъ добромъ! Никогда добромъ ничего не дѣлалось. Развѣ во Франціи все по-хорошему дѣлалось? Робеспьеръ развѣ богатыхъ по головкѣ гладилъ? Тогда только и знали: всѣхъ долой, всѣхъ на гильотину! Аллонъ занфанъ! Жареные гуси въ ротъ не летятъ.

Старикъ Баумертъ. Если бы я хоть какъ-нибудь могъ перебиться...

Первый старый ткачъ. У насъ вода все залила, Виттигъ.

Второй старый ткачъ. Хоть совсѣмъ домой не ходи. Что работать, не разгибая спины, что спать по цѣлымъ днямъ—все равно отъ голодухи не спастись.

Первый старый ткачъ. А дома еще хуже—совсѣмъ изъ ума выжить можно.

Анзорге. Мнѣ ужъ все равно—будь что будетъ!

Голоса старыхъ ткачей (съ возрастающимъ волненіемъ). Нигдѣ нѣтъ покоя. На работу руки не поднимаются... У насъ въ Штенкунцендорфѣ одинъ ужъ сидитъ по цѣлымъ днямъ у ручья нагишомъ и все моется—рехнулся!

Третій старый ткачъ (поднимается, сильно возбужденный, и говоритъ пророческимъ тономъ, съ угрозой поднимая палецъ). Есть судъ на небѣ! Не ходите къ богатымъ и знатнымъ: есть судъ на небѣ! Господь Саваоѳъ... (Смѣхъ. Его насильно сажаютъ на стулъ).

Вельцель. Онъ отъ одной рюмки хмелѣетъ.

Третій старый ткачъ (снова вскакивая). Не вѣрятъ они ни въ Бога, ни въ рай, ни въ адъ! Вѣра для нихъ—одинъ смѣхъ...

Первый старый ткачъ. Да замолчи, замолчи!

Векеръ. Дай ему свое сказать. Онъ вѣрно говоритъ.

Много голосовъ (возбужденно). Дайте ему говорить! Дайте ему говорить!

Третій старый ткачъ (повысивъ голосъ). Поэтому да раскроется пасть адова, чтобы поглотить всѣхъ, кто угнетаетъ бѣдняковъ и творитъ насиліе — сказалъ Господь. (Шумъ).

Третій старый ткачъ (декламируя ученическимъ голосомъ).

Полотнянщиковъ работу
Очень стыдно презирать,
Очень странно унижать!

Бекеръ. Мы не полотняницики, а бумазейщики. (Смѣхъ).

Горнигъ. Полотняницикамъ еще хуже живется. Они точно тѣни въ горахъ снуютъ. Васъ вотъ еще на то хватаетъ, чтобы бунтовать, а они...

Виттигъ. А ты думаешь, что у насъ до того не дойдетъ? Теперь мы еще хорохоримся, но фабриканты насъ скоро скрутятъ.

Бекеръ. Онъ вѣдь сказалъ, что ткачи скоро будутъ работать за сухую корку хлѣба. (Шумъ).

Голоса старыхъ и молодыхъ ткачей. Кто это сказалъ?

Бекеръ. Это сказалъ Дрейсигеръ ткачамъ.

Молодой ткачъ. Вздернуть Дрейсигера!

Егеръ. Послушай-ка, Виттигъ. Ты вотъ намъ много говорилъ о французской революціи. На словахъ ты очень храбрый. Ну, а теперь можетъ такой случай выйти, что видно будетъ: болтаетъ ли только человѣкъ, или же на него положиться можно.

Виттигъ (вспыливъ). Смѣй ты это еще разъ повторить! Слыхалъ ты, какъ свистятъ пули? Стоялъ на передовомъ посту въ непріятельской странѣ?

Егеръ. Ну, не сердись. Мы вѣдь съ тобой товарищи. Я обидѣть тебя не хотѣлъ.

Виттигъ. Къ чорту такое товарищество!

(Входитъ жандармъ Кутче).

Нѣсколько голосовъ. Тсс... тсс... полиція! (Долго шикаютъ, пока не наступаетъ полная тишина).

Кутче (среди полнаго молчанія занимаетъ мѣсто у стола вокругъ средней колонны). Попрошу рюмочку очищенной. (Опять полная тишина).

Виттигъ. Ты что это, Кутче, пришелъ подглядывать и подслушивать?

Кутче (не слушая Виттига). Какъ поживаете, мейстеръ Вигандъ?

Вигандъ (все еще стоя въ углу передъ стойкой). Спасибо, Кутче.

Кутче. Какъ дѣла?

Вигандъ. Спасибо, ничего.

Бекеръ. Управляющій боится, чтобы мы желудки себѣ не испортили—очень ужъ большое жалованье получаемъ. (Смѣхъ).

Егеръ. Да, мы всѣ наѣлись свинины съ жирнымъ соусомъ, клецками и кислой капустой,—а теперь выпьемъ еще чимпанскаго. (Смѣхъ).

Вельцель. Да, послѣ дождика въ четвергъ...

Кутче. Будь у васъ чимпанское и жаркое, вамъ бы и этого было мало. И я чимпанскаго не пью, а ничего—не жалуюсь.

Бекеръ (косясь на носъ Кутче). Онъ свой красный огурецъ поливаетъ водкой и пивомъ. Отъ этого онъ и зрѣетъ! (Смѣхъ).

Виттигъ. Трудно живется такому жандарму. То ему нужно голоднаго мальчика въ тюрьму упрятать, то хорошенькую дѣвчонку изъ ткацкой семьи соблазнить, то напиться до чортиковъ и жену такъ отколотить, что она бѣжитъ отъ страха къ сосѣдямъ, а то еще на лошади гарцовать да въ постели валяться до девяти часовъ. Не легкое это дѣло!

Кутче. Болтай, болтай, попадетъ еще тебѣ—погоди! Давно извѣстно, что ты за молодчикъ. Всѣ знаютъ, даже самъ ландратъ, про твои бунтовскія рѣчи. Ты доведешь жену и дѣтей до ночлежнаго дома своимъ пьянствомъ, а самъ въ тюрьму угодишь, если будешь мутить народъ. Такъ это для васъ всѣхъ кончится, что сами не рады будете.

Виттигъ (съ горькимъ смѣхомъ). Какъ знать, чѣмъ кончится, — можетъ, ты правъ окажешься. (Вскипѣвъ) Но если такъ и выйдетъ, то ужъ я буду знать, кого благодарить, кто на меня насплетничалъ и фабриканту и господамъ, кто меня такъ опорочилъ, что мнѣ больше работы не даютъ, кто деревню и мельника противъ меня возстановилъ, такъ что мнѣ цѣлую недѣлю не приводятъ ни одной лошади подковать, ни на одно колесо обода не заказываютъ. Я знаю, чьи это штуки! Я эту каналью разъ съ лошади стащилъ за то, что онъ какого-то малыша отколотилъ ремнемъ, когда тотъ стащилъ нѣсколько неспѣлыхъ грушъ. Ты вѣдь меня знаешь—такъ запомни, что я теперь тебѣ скажу: если я изъ-за тебя въ тюрьму угожу, то поторопись написать завѣщаніе. Чуть что начнется, я схвачу все, что подъ руку попадется, подкову или молотокъ, колесную ось или ведро, и найду тебя—хотя бы тебя пришлось изъ постели твоей жены вытащить; клянусь, что пробью тебѣ башку! (Вскочивъ, хочетъ броситься на Кутче).

Старый и молодой ткачи (удерживая его). Виттигъ, Виттигъ, образумься!

Кутче (невольно поднялся, очень поблѣднѣвшій. Въ теченіе всего послѣдующаго онъ отступаетъ къ двери и, чѣмъ ближе къ ней подходитъ, тѣмъ становится храбрѣе. Послѣднія слова онъ говоритъ уже на порогѣ и затѣмъ исчезаетъ). Что тебѣ нужно отъ меня?

Я не къ тебѣ пришелъ. У меня дѣло къ здѣшнимъ ткачамъ. Тебѣ я ничего не сдѣлалъ. До тебя мнѣ и дѣла нѣтъ. Но вамъ, ткачамъ, мнѣ вельно сказать: полицейскій инспекторъ запрещаетъ вамъ пѣть вашу пѣсню—пѣсню о Дрейсигерѣ, или какъ тамъ она называется. А если пѣніе на улицѣ не прекратится, то онъ позаботится о томъ, чтобы вамъ предоставить больше времени и досуга въ казенномъ зданіи. Тамъ, на водѣ и на хлѣбѣ, можете пѣть, сколько вамъ угодно. (Уходитъ).

Виттигъ (кричитъ ему вслѣдъ). Ничего онъ намъ запретить не можетъ, хотя бы мы такъ ревѣли, что слышно было бы въ Рейхенбахѣ, и окна звенѣли бы, и отъ нашего пѣнія потолки обрушились бы надъ головами фабрикантовъ, и у всѣхъ полицейскихъ каски заплясали бы на головахъ. Это никого не касается.

Бекеръ (поднявшись, подаетъ знакъ, и всѣ начинаютъ пѣть вмѣстѣ).

Мы, ткачи, обречены
Жить для муки и позора.
Насъ и судятъ безъ вины
И казнятъ безъ приговора.

(Хозяинъ пытается остановить пѣніе, но его не слушаются. Вигандъ затыкаетъ уши и убѣгаетъ. Ткачи поднимаются и идутъ подъ пѣніе дальнѣйшихъ куплетовъ за Виттигомъ и Бекеромъ, давшимъ знакъ всѣмъ подняться съ мѣстъ).

Не избыть намъ этотъ судъ,
Безполезны всѣ попытки.
Хуже каторги нашъ трудъ,
Нашъ станокъ—орудье пытки.

(Большинство поетъ слѣдующій куплетъ уже на улицѣ; только нѣсколько молодыхъ ткачей остаются еще расплатиться. Къ концу слѣдующаго куплета комната пустѣетъ. Остается только Вельцель, его жена, его дочь, Горнигъ и старикъ Баумертъ).

Не видать вамъ сѣдины.
Вашихъ женъ сразитъ безплодье.
Смерть вамъ, Ирода сыны,
Сатанинское отродье!

Вельцель (хладнокровно собирая стаканы). Да они совсѣмъ ошалѣли сегодня. (Старикъ Баумертъ собирается уйти).

Горнигъ. Скажи-ка на милость, Баумертъ, что это они затѣяли?

Старикъ Баумертъ. Хотятъ пойти къ Дрейсигеру просить добавочной платы.

Вельцель. Неужто и ты пристанешь къ такому сумасшедшему дѣлу?

Старикъ Баумертъ. Да я-то, Вельцель, противъ воли.

Молодые дѣлаютъ, что хотятъ, а старикамъ приходится не отставать. (Уходитъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ).

Горнигъ (поднимаясь). Боюсь, что быть бѣдѣ.

Вельцель. Слыханное ли дѣло, чтобы старики голову теряли?

Горнигъ. Во всякомъ человѣкѣ надежда живетъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бекеръ.
Морицъ Егеръ.
Старикъ Баумертъ.
Старикъ Анзорге.
Дрейсигеръ.
Пфейферъ.
Виттигъ.
Кутче.
Фрау Дрейсигеръ.
Киттельгаузъ, пасторъ.
Фрау Киттельгаузъ, пасторша.
Вейнгольдъ, кандидатъ богословія, домашній учитель у Дрейсигера.
Гейде, полицейскій инспекторъ.
Кучеръ Іоганнъ.
Молодые и старые ткачи и ткачихи.

Петерсвальдау. Кабинетъ фабриканта Дрейсигера. Роскошное убранство въ холодномъ стилѣ первой половины XIX вѣка. Потолокъ, печь, двери бѣлые, обои въ прямолинейныхъ мелкихъ цвѣточкахъ холоднаго, свинцово-сѣраго тона. Мебель изъ краснаго дерева съ красной обивкой; много рѣзьбы и украшеній. Шкапы и стулья изъ того же матеріала и распредѣлены слѣдующимъ образомъ: вправо, между двумя окнами съ штофными красными гардинами, стоитъ конторка-шкапикъ съ откидной передней стѣнкой; противъ конторки диванъ, недалеко отъ него желѣзная касса; передъ диваномъ столъ, кресла и стулья; въ задней стѣнѣ шкапикъ съ оружіемъ. На всѣхъ стѣнахъ висятъ плохія картины въ золотыхъ рамахъ. Надъ диваномъ зеркало въ позолоченной рамѣ. Простая дверь слѣва ведетъ въ сѣни, открытая дверь въ задней стѣнѣ—въ неуютно-роскошную гостиную. Въ гостиной двѣ дамы, Фрау Дрейсигеръ и пасторша Киттельгаузъ, разсматриваютъ картины: пасторъ Киттельгаузъ разговариваетъ съ домашнимъ учителемъ Вейнгольдомъ.

Пасторъ (маленькій, привѣтливый человѣкъ, куря папиросу и добродушно разговаривая съ учителемъ, входитъ въ кабинетъ, оглядывается и, никого не видя тамъ, качаетъ головой). Меня ваши слова

не удивляютъ. господинъ кандидатъ: вы молоды. Въ ваши годы и мы, старики, имѣли, если и не совсѣмъ такіе, то похожіе взгляды. Похожіе-то навѣрное. Да, молодость хороша—хороша именно своими идеалами. Но, къ сожалѣнію, они мимолетны, какъ апрѣльское солнце. Доживите до моего возраста—тогда другое запоете. Когда въ теченіе тридцати лѣтъ пятьдесятъ два раза въ годъ, не считая праздниковъ, говоришь свое слово людямъ съ церковной каѳедры, то ужъ, конечно, становишься болѣе спокойнымъ. Вспомните обо мнѣ, когда и съ вами произойдетъ то же самое, господинъ кандидатъ.

Вейнгольдъ (девятнадцати лѣтъ, блѣдный, худой, высокій, съ гладкими, свѣтлыми волосами. У него безпокойныя движенія). При всемъ моемъ почтеніи... я все-таки не знаю... Разныя вѣдь натуры бываютъ у людей—очень разныя.

Пасторъ. Милый мой, у васъ, конечно, мятежный духъ, (съ укоризной) очень мятежный,—и вы выступаете противъ существующихъ условій страшно горячо. Но все это угомонится. Я не отрицаю, что есть у насъ собратья, которые и въ почтенномъ возрастѣ способны на юношескія выходки. Одинъ ополчается противъ пьянства и основываетъ союзы трезвости, другой сочиняетъ воззванія, несомнѣнно, очень трогательныя. Но чего они достигаютъ? Нужда у ткачей тамъ, гдѣ она есть, не уменьшается. А вотъ общественное спокойствіе такъ дѣйствительно страдаетъ. Нѣтъ, нѣтъ, милый мой, вѣрно говоритъ пословица: всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Пастырь душъ не долженъ заботиться о голодныхъ желудкахъ. Проповѣдуй слово Божіе, а въ остальномъ положись на Того, Кто кормитъ птичекъ и не даетъ погибнуть лиліи въ полѣ. Но хотѣлъ бы я однако знать, куда вдругъ исчезъ нашъ любезный хозяинъ?

Фрау Дрейсигеръ (выходитъ на авансцену въ сопровожденіи пасторши. Она красивая женщина лѣтъ тридцати, коренастаго сложенія. Чувствуется нѣкоторое несоотвѣтствіе между ея манерой держаться и говорить и ея изысканно-пышнымъ туалетомъ). Это у него такая скверная привычка, господинъ пасторъ. Придетъ ему что-нибудь въ голову,—онъ сейчасъ же убѣгаетъ, ничего мнѣ не сказавъ, а я жди его. Сколько я его за это ни бранила,—ничего не помогаетъ.

Пасторъ. Что-жъ дѣлать,—на то онъ дѣловой человѣкъ.

Вейнгольдъ. Если я не ошибаюсь, на фабрикѣ что-то случилось?

Дрейсигеръ (входитъ возбужденный). Роза, кофе подашь?

Фрау Дрейсигеръ (дуясь). Какъ это мило, что ты постоянно уходишь!

Дрейсигеръ. Ахъ, ну, тебя!

Пасторъ. У васъ, кажется, были непріятности?

Дрейсигеръ. У меня каждый день непріятности, господинъ пасторъ. Я къ этому привыкъ. Ну что же, Роза, ты распорядишься о кофе?

Фрау Дрейсигеръ (съ недовольнымъ видомъ отходитъ отъ него и нѣсколько разъ нетерпѣливо дергаетъ за широкую вышитую сонетку).

Дрейсигеръ. Вотъ только что... (немного запинаясь) жаль, господинъ кандидатъ, что васъ тамъ не было. Увидали бы нѣчто любопытное. Ну, да что тамъ... Пойдемте, сядемъ за вистъ.

Пасторъ. Да, да, сядемъ за карты. Сбросьте бремя съ плечъ—теперь вы нашъ.

Дрейсигеръ (подойдя къ окну, отодвигаетъ занавѣску и глядитъ на улицу; вспыливъ, обращается къ женѣ). Подойди сюда, Роза! (Она подходитъ). Вотъ видишь тамъ рыжаго длиннаго человѣка?

Пасторъ. Это вѣдь рыжій Бекеръ?

Дрейсигеръ. Скажи, это не онъ нагрубилъ тебѣ два дня тому назадъ? Помнишь, ты разсказывала мнѣ, что, когда Іоганнъ подсаживалъ тебя въ коляску...

Фрау Дрейсигеръ (дуясь). Не помню...

Дрейсигеръ. Брось теперь обиды,—мнѣ важно знать. Нужно положить конецъ ихъ наглости. Если это онъ, то я привлеку его къ отвѣтственности. (Раздается пѣсня). Нѣтъ, послушайте, послушайте!

Пасторъ (сильно возмущенный). Неужели это безобразіе никогда не кончится? Теперь и я скажу: пора полиціи принять мѣры. Дайте мнѣ взглянуть! (Подходитъ къ окну). Посмотрите, господинъ Вейнгольдъ. Тутъ собралась не только молодежь, а и старые, почтенные ткачи. Люди, которыхъ я многіе годы считалъ честными и богобоязненными, принимаютъ участіе въ такомъ неслыханномъ безчинствѣ... попираютъ ногами заповѣди Господни! Неужели же вы и этихъ людей готовы защищать?

Вейнгольдъ. Конечно, нѣтъ, господинъ пасторъ. Или, вѣрнѣе, господинъ пасторъ... cum grano salis. Все это вѣдь голодные люди. Они выражаютъ свое недовольство, какъ умѣютъ. Нельзя же отъ нихъ требовать, чтобы...

Пасторша (маленькая, худая женщина, увядшая и похожая на старую дѣву). Ахъ, господинъ Вейнгольдъ, что вы говорите!

Дрейсигеръ. Я долженъ вамъ сказать, господинъ кандидатъ... что я пригласилъ васъ къ себѣ въ домъ не для того, чтобы вы намъ читали лекціи о гуманности. Я бы попросилъ васъ ограничиться воспитаніемъ моихъ сыновей, а всѣ прочія мои дѣла предоставить моему собственному усмотрѣнію. Вы меня поняли?

Вейнгольдъ (стоитъ съ минуту блѣдный, какъ смерть, затѣмъ холодно улыбается и говоритъ тихо). Я васъ отлично понялъ. Я этого ждалъ—и желалъ. (Уходитъ).

Дрейсигеръ (грубо). Такъ, пожалуйста, поскорѣе! Намъ нужна ваша комната.

Фрау Дрейсигеръ. Вильгельмъ, Вильгельмъ!

Дрейсигеръ. Да ты съ ума сошла? Заступаешься за человѣка, который защищаетъ такія низости, какъ эту гнусную пѣсню.

Фрау Дрейсигеръ. Ахъ, милый, да вѣдь онъ вовсе...

Дрейсигеръ. Скажите, пасторъ, защищалъ онъ ихъ, или нѣтъ?

Пасторъ. Вѣдь онъ такъ молодъ, господинъ Дрейсигеръ.

Пасторша. Не понимаю, откуда это у него берется,— онъ изъ такой хорошей, почтенной семьи. Отецъ его сорокъ лѣтъ состоялъ на службѣ и за все время безукоризненно велъ себя. Мать его была такъ счастлива, что онъ хорошо пристроился. И вдругъ... Какая неблагодарность!

Пфейферъ (съ шумомъ открывая двери въ переднюю, кричитъ). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ! Его схватили! Идите сюда, пожалуйста.

Дрейсигеръ (торопливо). Побѣжалъ кто-нибудь въ полицію?

Пфейферъ. Полицейскій инспекторъ уже идетъ сюда.

Дрейсигеръ (въ дверь). Здравствуйте, господинъ инспекторъ. Какъ хорошо, что вы пришли.

Пасторъ (показываетъ знаками дамамъ, что имъ лучше всего удалиться. Онѣ, его жена и хозяйка дома уходятъ въ гостиную).

Дрейсигеръ (въ высшей степени возбужденный, говоритъ вошедшему тѣмъ временемъ полицейскому инспектору). Господинъ инспекторъ, главный зачинщикъ пѣнія наконецъ взятъ. Я велѣлъ моимъ красильщикамъ схватить его. Не могъ я этого дольше терпѣть. Ихъ наглость превосходитъ всякіе предѣлы. Подумайте—у меня гости, а эти подлецы осмѣливаются... Они оскорбляютъ мою жену, когда она выходитъ изъ дому; жизнь моихъ сыновей въ опасности. Я рискую тѣмъ, что они угостятъ тумаками моихъ гостей! Если все

это можетъ пройти безнаказанно, если въ благоустроенномъ государствѣ ни въ чемъ неповинныхъ людей, каковы я и моя семья, могутъ публично оскорблять, то... то я считаю это въ высшей степени несправедливымъ и безнравственнымъ.

Полицейскій инспекторъ (ему около пятидесяти лѣтъ; онъ средняго роста, толстый, полнокровный. На немъ кавалерійская форма, сабля и шпоры). Вы совершенно правы... Совершенно правы, господинъ Дрейсигеръ. Располагайте мною. Пожалуйста, успокойтесь,—я вполнѣ въ вашемъ распоряженіи. Вы дѣйствовали совершенно законно... Я даже очень доволенъ, что схваченъ одинъ изъ главныхъ крикуновъ. Пора, дѣйствительно, положить этому конецъ. Тутъ есть нѣсколько бунтарей, которыхъ я уже давно выслѣживаю.

Дрейсигеръ. Да, да—нѣсколько молокососовъ, лѣнтяевъ, которые постоянно кутятъ и не выходятъ изъ кабака, пока не пропьютъ все до послѣдняго гроша. Но я рѣшилъ положить конецъ этому безобразію, скрутить этихъ наглецовъ. Это необходимо для общаго блага—не только для моей личной безопасности.

Полицейскій инспекторъ. Конечно, конечно. Вы совершенно правы. И насколько въ моихъ силахъ помочь вамъ...

Дрейсигеръ. Нужно дѣйствовать противъ этого сброда плетками.

Полицейскій инспекторъ. Совершенно вѣрно. Нужно дать острастку.

Кутче (входитъ и отдаетъ честь. Черезъ открытую дверь въ переднюю слышится шумъ тяжелыхъ шаговъ, поднимающихся по лѣстницѣ). Честь имѣю доложить, господинъ полицейскій инспекторъ: мы захватили его.

Дрейсигеръ. Хотите вы его видѣть, господинъ полицейскій инспекторъ?

Полицейскій инспекторъ. Конечно, конечно. Прежде всего нужно мнѣ поглядѣть на него. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, господинъ Дрейсигеръ, не волнуйтесь, даю вамъ слово, что вы получите удовлетвореніе.

Дрейсигеръ. Я не удовлетворюсь извиненіями. Я настаиваю на преданіи его суду.

Егеръ (его вводятъ пять рабочихъ, красильщиковъ; они всѣ перепачканы краской, потому что только-что пришли съ работы. У Егера шапка сползла насторону; онъ нагло хохочетъ и возбужденъ отъ водки). Ахъ, вы, негодяи! И это рабочіе? это това-

рицы? Да я бы далъ себѣ скорѣе отрубить руку, чѣмъ поднять ее на товарища! (По знаку полицейскаго инспектора жандармъ велитъ красильщикамъ отпустить ихъ плѣнника. Егеръ стоитъ свободно и дерзко; всѣ двери запяты стражей).

Полицейскій инспекторъ (кричитъ Егеру). Шапку долой, невѣжа! (Егеръ медленно снимаетъ шапку, продолжая иронически улыбаться). Какъ тебя звать?

Егеръ. А мы съ тобой вмѣстѣ свиней пасли, что ли? (Эти слова вызываютъ волненіе среди присутствующихъ).

Дрейсигеръ. Какая наглость!

Полицейскій инспекторъ (мѣняется въ лицѣ, хочетъ вспылить, но сдерживается). Объ этомъ мы еще поговоримъ... Какъ тебя звать, спрашиваю я? (Не получая отвѣта, приходитъ въ бѣшенство). Говори, или я велю тебѣ всыпать двадцать пять!

Егеръ (весело и непринужденно, не смотрнувъ глазомъ въ отвѣтъ на слова полицейскаго инспектора, обращается черезъ головы присутствующихъ къ хорошенькой горничной; она пришла подавать кофе и, пораженная происходящимъ, остановилась съ открытымъ ртомъ). Какъ, ты здѣсь, Эмилія? Убралась бы лучше по добру по здорову. Тутъ можетъ подняться вѣтеръ и въ одну ночь все смести. (Дѣвушка смотритъ въ оцѣпенѣніи на Егера, потомъ, понявъ, что его слова обращены къ ней, вспыхиваетъ отъ стыда, закрываетъ лицо руками и убѣгаетъ, оставивъ подносъ съ чашками кофе. Опять волненіе среди присутствующихъ).

Полицейскій инспекторъ (совершенно растерявшись, Дрейсигеру). Никогда въ жизни я такой наглости...

Егеръ (плюетъ).

Дрейсигеръ. Ты не въ хлѣвѣ, а въ комнатѣ—понялъ?

Полицейскій инспекторъ. Мое терпѣніе лопнуло. Въ послѣдній разъ я спрашиваю: какъ тебя зовутъ?

Пасторъ (который во время послѣдней сцены выглядывалъ изъ пріоткрытой двери въ гостиную, входитъ теперь, весь дрожа отъ волненія). Его зовутъ Егеромъ, господинъ полицейскій инспекторъ. Морицъ... не правда ли? Морицъ Егеръ. (Егеру) Скажи, Егеръ, неужели ты меня не узнаешь?

Егеръ (серьезно). Вы пасторъ Китгельгаузъ.

Пасторъ. Да, твой духовный пастырь, Егеръ. Тотъ самый, который принялъ тебя въ лоно церкви грудянымъ младенцемъ. Тотъ самый, изъ чьихъ рукъ ты въ первый разъ получилъ причастіе. Помнишь ты это? Какъ я тогда старался влить въ твою душу слова Господни. И вотъ какъ ты отблагодарилъ!

Егеръ (мрачно, какъ присмирѣвшій школьникъ). Я вѣдь свой талеръ заплатилъ.

Пасторъ. Да развѣ въ деньгахъ дѣло... Въ презрѣнныхъ деньгахъ? Не нужны мнѣ твои деньги... Будь только добрымъ христіаниномъ. Вспомни, какой ты обѣтъ давалъ. Соблюдай велѣнія Господни, будь кротокъ и благочестивъ. А деньги...

Егеръ. Я — квакеръ, господинъ пасторъ, ни во что больше не вѣрю.

Пасторъ. Что за глупости! Постарайся исправиться и не произноси словъ, которыхъ не понимаешь. Квакеры люди набожные, а не такіе язычники, какъ ты.

Полицейскій инспекторъ. Будьте любезны пропустить меня, господинъ пасторъ. (Становится между нимъ и Егеромъ). Кутче, скрутить ему руки! (За кулисами дикіе крики: «Егеръ! Выпустите Егера!»).

Дрейсигеръ (слегка испугавшись, какъ и другіе присутствующіе, инстинктивно бросается къ окну). Это еще что такое?

Полицейскій инспекторъ. Я понимаю. Они требуютъ выдачи этого нахала. Только ужъ этого удовольствія мы имъ не сдѣлаемъ. Отвести его въ тюрьму, Кутче!

Кутче (съ веревкой въ рукахъ, нерѣшительно). Осмѣлюсь доложить, господинъ полицейскій инспекторъ, не справиться намъ съ нимъ, пожалуй. Тамъ чортъ знаетъ сколько народа поналѣзло... и все настоящіе разбойники. Тамъ Бекеръ, тамъ кузнецъ...

Пасторъ. Позвольте мнѣ сказать пару словъ. Чтобы не сѣять еще больше вражды, не лучше ли, господинъ полицейскій инспекторъ, попытаться уладить все миромъ. Можетъ-быть, Егеръ согласится добровольно пойти, или же...

Полицейскій инспекторъ. Что вы? что вы? Вѣдь я за него отвѣчаю. Я на это никакъ не могу согласиться. Ну, Кутче, живѣе!

Егеръ (самъ складываетъ руки и со смѣхомъ протягиваетъ ихъ). Крѣпче, крѣпче завязывай—изо всѣхъ силъ старайся—все равно ненадолго. (Кутче и товарищи связываютъ ему руки).

Полицейскій инспекторъ. Впередъ, маршъ! (Дрейсигеру) Если вы не полагаетесь на меня одного, такъ пошлите съ нами человѣкъ шесть вашихъ красильщиковъ. Онъ будетъ посрединѣ, а они его окружатъ кольцомъ. Я поѣду верхомъ впереди, Кутче пойдетъ позади. Всякаго, кто намъ дорогу загородитъ, мы зарубимъ. (Крики снизу: Кукуреку-у! Вау-вау-вау!).

Полицейскій инспекторъ (грозясь въ окно). Канальи! Я вамъ покажу, какъ лаять и пѣть по-пѣтушиному. Маршъ,

впередъ! (Выходитъ съ поднятой саблей; за нимъ выводятъ Егера).

Егеръ (кричитъ, уходя). А фабрикантша-то, хоть и ходитъ павой, такая же, какъ и мы. Она сто разъ моему отцу на три пфеннига водки отпускала. Эскадронъ, поворачивай влѣво! Маршъ, ма-аршъ! (Уходитъ со смѣхомъ).

Дрейсигеръ (послѣ короткой паузы, съ напускнымъ спокойствіемъ). Ну что же, пасторъ, давайте сядемъ наконецъ за вистъ. Теперь, кажется, намъ ничего не помѣшаетъ. (Онъ закуриваетъ сигару, нѣсколько разъ отрывисто смѣясь: наконецъ, когда сигара закурена, говоритъ громко) Теперь мнѣ все это кажется просто смѣшнымъ. Ну и молодчикъ! (Съ нервнымъ смѣхомъ) Удивительно смѣшно. Сначала стычка съ кандидатомъ. Черезъ пять минутъ онъ уже откланялся и былъ таковъ. А теперь еще эта исторія. Сядемъ же наконецъ за вистъ.

Пасторъ. Да, но... (Снизу доносится ревъ толпы). Знаете ли... очень ужъ они шумятъ.

Дрейсигеръ. Такъ пойдемте въ другую комнату. Тамъ намъ будетъ совсѣмъ спокойно.

Пасторъ (качая головой). Что это на нихъ нашло? Я долженъ согласиться съ кандидатомъ—по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я былъ такого мнѣнія, что ткачи—смирные, кроткіе, уступчивые люди. А вы развѣ не считали ихъ такими, господинъ Дрейсигеръ?

Дрейсигеръ. Конечно. Они были и терпѣливы и уступчивы, были порядочными, честными людьми. Все это было, пока ихъ не стали мутить разные проповѣдники гуманности. Имъ долго объясняли, что они живутъ въ страшной нуждѣ. Подумайте, сколько тутъ всякихъ обществъ и комитетовъ устраивалось для облегченія нужды ткачей. Они наконецъ повѣрили, и теперь ужъ не перестаютъ жаловаться и бунтовать. То одно, то другое имъ не нравится, того захотѣлось — другого понадобилось. (За сценой вдругъ раздаются многоголосые крики: Ура!).

Пасторъ. Такъ что вся эта проповѣдь гуманности только къ тому и привела, что овцы сразу превратились въ волковъ.

Дрейсигеръ. Если хладнокровно подумать, то, пожалуй, все это къ лучшему. Можетъ-быть, то, что у насъ дѣлается, обратитъ на себя наконецъ вниманіе правящихъ классовъ, и тамъ убѣдятся, что дольше длиться это не можетъ, что нужно придти на помощь отечественной промышленности, которой грозитъ полное разореніе.

Пасторъ. Въ чемъ собственно заключается застой промышленности?

Дрейсигеръ. Заграница оградилась отъ насъ ввозными пошлинами—тамъ у насъ отняты лучшіе рынки, а дома мы тоже должны выдерживать страшную конкуренцію, работая въ невозможныхъ условіяхъ.

Пфейферъ (вбѣгаетъ блѣдный, запыхавшійся). Господинъ Дрейсигеръ, господинъ Дрейсигеръ!

Дрейсигеръ (уже стоя на порогѣ гостиной, оборачивается съ неудовольствіемъ). Что вамъ опять нужно отъ меня, Пфейферъ?

Пфейферъ. Нѣтъ... нѣтъ... оставьте меня, говорю я вамъ!

Дрейсигеръ. Что случилось?

Пасторъ. Да говорите же, не пугайте насъ.

Пфейферъ (все еще не приходя въ себя). Оставьте меня! Нѣтъ, подумать только... Начальство... Достанется же имъ!

Дрейсигеръ. Что съ вами приключилось, чортъ возьми? Сломалъ себѣ кто-нибудь шею, что ли?

Пфейферъ (чуть не плача отъ страха). Они освободили Егера, отколотили и прогнали полицейскаго инспектора, отколотили и прогнали жандарма. Онъ убѣжалъ безъ каски... съ сломанной саблей... Что-то будетъ? Что-то будетъ?

Дрейсигеръ. Вы бредите, Пфейферъ?

Пасторъ. Это похоже на революцію.

Пфейферъ (сидя на стулѣ, дрожитъ всѣмъ тѣломъ; плаксиво). Бѣда пришла, господинъ Дрейсигеръ! Не сдобровать намъ!

Дрейсигеръ. На кой чортъ полиція, если она не можетъ справиться съ бунтарями?

Пфейферъ. Не сдобровать намъ, господинъ Дрейсигеръ!

Дрейсигеръ. Замолчите наконецъ, Пфейферъ. Надоѣли вы мнѣ.

Фрау Дрейсигеръ (входя съ пасторшей изъ гостиной). Подумай, Вильгельмъ, пасторша хочетъ уже идти домой. Весь вечеръ у насъ испорченъ!

Пасторъ. Я полагаю, дорогая фрау Дрейсигеръ, что, дѣйствительно, лучше всего ѣхать домой.

Фрау Дрейсигеръ. И вы тоже? Вильгельмъ, уговори ты ихъ.

Дрейсигеръ (становится передъ пасторомъ и, глядя на него въ упоръ, говоритъ). Скажите, это правда, что я тиранъ? Что я сдираю шкуру съ людей?

Кучеръ Іоганнъ (входя). Я запрягъ лошадей. Дѣтей госпо-

динъ учитель уже посадилъ въ коляску. Если плохо придется, мы сейчасъ и укатимъ.

Фрау Дрейсигеръ. Что можетъ случиться?

Іоганнъ. Не знаю —это я такъ, къ примѣру, говорю. Народу все прибываетъ. Полицейскаго инспектора и жандарма прогнали.

Пфейферъ. Быть бѣдѣ, господинъ Дрейсигеръ, быть бѣдѣ!

Фрау Дрейсигеръ (съ возрастающимъ страхомъ). Господи, что же будетъ, что будетъ? Чего они хотятъ? Вѣдь не ворвутся же они сюда, Іоганнъ?

Іоганнъ. Какъ знать? Среди нихъ есть отчаянные молодцы.

Пфейферъ. Быть бѣдѣ, говорю я.

Дрейсигеръ. Молчи, оселъ! Двери на запорѣ?

Пасторъ. Послушайте, сдѣлайте мнѣ одолженіе... Я принялъ рѣшеніе... дайте мнѣ выполнить его... Пожалуйста. (Іоганну) Чего они собственно требуютъ?

Іоганнъ (въ замѣшательствѣ). Чтобы имъ больше платили за работу... Дурачье!

Пасторъ. Хорошо, хорошо. Я пойду и выполню долгъ. Я съ ними серьезно поговорю.

Іоганнъ. Нѣтъ, господинъ пасторъ, не дѣлайте этого. Все равно ничего не выйдетъ.

Пасторъ. Еще вотъ что, господинъ Дрейсигеръ: прошу васъ, поставьте людей за дверью, и когда я выйду, пусть сейчасъ запрутъ за мной дверь на ключъ.

Пасторша. Неужели ты дѣйствительно хочешь къ нимъ выйти?

Пасторъ. Непремѣнно. Я знаю, что дѣлаю. Не безпокойся,—Господь защититъ меня.

Пасторша (жметъ ему руку, утирая слезы).

Пасторъ (въ то время, какъ снизу непрерывно доносится гулъ взволнованной толпы). Я сдѣлаю видъ... я сдѣлаю видъ, что собираюсь спокойно идти домой. Неужели же мой духовный санъ... Неужели они не устыдятся... посмотримъ! (Беретъ шляпу и палку). Ну, да поможетъ мнѣ Богъ! (Уходитъ въ сопровожденіи Дрейсигера, Пфейфера и Іоганна).

Пасторша. Дорогая фрау Дрейсигеръ! (Обнимаетъ ее, рыдая). Только бы съ нимъ не случилось несчастія.

Фрау Дрейсигеръ (растерянно). Сама не знаю... я голову потеряла. Мыслимое ли это дѣло? Вѣдь если такъ... то выходитъ, что богатство — преступленіе. Знай я это, я

бы, кажется, лучше осталась при моей прежней бѣдной жизни.

Пасторша. Во всякомъ положеніи бываетъ достаточно горя и непріятностей.

Фрау Дрейсигеръ. Я тоже такъ полагаю. А если даже мы немножко богаче другихъ, то вѣдь деньги у насъ не краденыя. Каждый грошъ честно заработанъ. Нельзя же за это нападать на людей! Чѣмъ виноватъ мой мужъ, что дѣла плохи, и онъ не можетъ много платить рабочимъ? (Снизу доносится ревъ толпы. Женщины, испуганныя и блѣдныя, глядятъ другъ на дружку: въ эту минуту вбѣгаетъ Дрейсигеръ).

Дрейсигеръ. Роза, накинь что-нибудь и садись скорѣе въ коляску; я иду за тобой! (Бросается къ несгораемому шкапу, открываетъ его и вынимаетъ оттуда разныя цѣнности).

Іоганнъ (входя). Все готово. Скорѣй, пока никого нѣтъ у заднихъ воротъ.

Фрау Дрейсигеръ (въ паническомъ ужасѣ, обнимая Іоганна). Іоганнъ, Іоганнъ, дорогой Іоганнъ, спаси насъ, дорогой, спаси моихъ мальчиковъ!.. Боже мой! Боже мой!

Дрейсигеръ. Успокойся, оставь Іоганна.

Іоганнъ. Будьте спокойны, барыня. Наши рысаки за себя постоятъ. Ихъ никто не обгонитъ. Кто имъ поперекъ дороги станетъ—переѣдемъ. (Уходитъ).

Пасторша (въ безпомощномъ ужасѣ). Но гдѣ мой мужъ... гдѣ мой мужъ? Фрау Дрейсигеръ, гдѣ мой мужъ?

Дрейсигеръ. Успокойтесь, онъ здоровъ... Не тревожьтесь, говорю вамъ, онъ здоровъ.

Пасторша. Съ нимъ случилась бѣда. Вы только не говорите. Скажите—молю васъ.

Дрейсигеръ. Даю вамъ слово, что они будутъ жалѣть. Я вѣдь знаю, чьи это штуки. Такой неслыханной наглости свѣтъ не видывалъ. Такъ обращаться со своимъ духовнымъ пастыремъ! Они бѣшеныя собаки — и съ ними поступятъ, какъ съ бѣшеными собаками. (Къ женѣ, которая стоитъ, какъ въ столбнякѣ) Иди же, поторопись. (Слышны удары въ входную дверь). Развѣ ты не слышишь? канальи ошалѣли. (Слышенъ трескъ разбитыхъ оконъ въ нижнемъ этажѣ). Они взбѣсились! Нечего дѣлать—нужно скорѣе спасаться.

(Слышны отдѣльные крики: «Пфейфера сюда!» «Пусть выйдетъ Пфейферъ!»)

Фрау Дрейсигеръ. Они требуютъ Пфейфера.

Пфейферъ (вбѣгая). Господинъ Дрейсигеръ, у заднихъ воротъ тоже ужъ толпа людей. Ворота подадутся черезъ

нѣсколько минутъ. Кузнецъ Виттигъ колотитъ въ нихъ ведромъ, какъ бѣшеный.

(Снизу все явственнѣе доносится: «Пусть выйдетъ пріемщикъ Пфейферъ!—Пфейфера сюда!»).

Фрау Дрейсигеръ (убѣгаетъ, за ней пасторша).

Пфейферъ (прислушивается, мѣняется въ лицѣ, понимаетъ, что зовутъ его, и въ безумномъ ужасѣ плачетъ, стонетъ, приставая къ Дрейсигеру съ дѣтскими мольбами, гладитъ его по щекамъ, цѣлуетъ руки, хватается за него, какъ утопающій, не выпуская его изъ своихъ объятій). Милый, дорогой, безцѣнный господинъ Дрейсигеръ, не оставляйте меня здѣсь! Я вамъ всегда вѣрно служилъ, я всегда хорошо относился къ рабочимъ. Больше платить имъ я вѣдь не могъ. Если вы меня тутъ оставите, они меня убьютъ. Ахъ, Господи помилуй! Моя жена, мои дѣти...

Дрейсигеръ (уходитъ, тщетно пытаясь отдѣлаться отъ Пфейфера). Да оставьте вы меня. Все это уладится—какъ-нибудь уладится. (Уходитъ съ Пфейферомъ).

Нѣсколько секундъ комната остается пустой. Въ гостиной дребезжатъ стекла. Слышится страшный трескъ, затѣмъ громовое «ура», затѣмъ все стихаетъ. Проходитъ нѣсколько секундъ, потомъ слышны осторожные шаги, поднимающіеся въ первый этажъ; при этомъ раздаются робкія восклицанія: «влѣво», «наверхъ», «осторожнѣй, осторожнѣй», «да не толкайся», «ага, вотъ-те и на!» «долой цѣпи», «пдемъ плясать», «да иди же, ты», «ну, иди же».

Появляются въ сѣняхъ молодые ткачи и дѣвушки; они не рѣшаются войти и толкаютъ другъ дружку. Черезъ нѣсколько секундъ робость проходитъ, и худыя, болѣзненныя, одѣтыя въ лохмотья фигуры наполняютъ кабинетъ Дрейсигера и гостиную, сначала озираясь съ любопытствомъ и ощупывая предметы. Дѣвушки садятся на диваны; образуются группы, разглядывающія себя въ зеркало. Нѣкоторыя становятся на стулья, чтобы разглядѣть картины и снять ихъ; тѣмъ временемъ входятъ еще жалкіе съ виду рабочіе и работницы.

Первый старый ткачъ (входя). Оставьте вы меня. Внизу ужъ начали громить. Сумасшедшіе! Къ чему это приведетъ? Намъ же хуже будетъ. Лучше подальше отъ всего этого, пока голова кругомъ не пошла. Я въ такомъ безчинствѣ участвовать не буду.

Егеръ, Бекеръ и Виттигъ (съ деревяннымъ ведромъ).

Старикъ Баумертъ и нѣсколько молодыхъ и старыхъ ткачей вбѣгаютъ, какъ на охотѣ, другъ за другомъ и кричатъ наперерывъ охрипшими голосами.

Егеръ. Гдѣ онъ?

Бекеръ. Гдѣ живодеръ?

Старикъ Баумертъ. Насъ посылаешь траву ѣсть, такъ тебѣ теперь земли въ ротъ напихаютъ.

Виттигъ. Какъ поймаемъ его, такъ сейчасъ и вздернемъ.

Первый старый ткачъ. Возьмемъ за ногу и выбросимъ въ окно, на камни—чтобъ онъ ужъ не поднялся.

Второй молодой ткачъ (входя). Удралъ.

Всѣ. Кто?

Второй молодой ткачъ. Дрейсигеръ.

Бекеръ. А Пфейферъ гдѣ?

Голоса. Ищите Пфейфера, ищите Пфейфера.

Старикъ Баумертъ. Ищите Пфейфера—пусть придетъ морить голодомъ ткачей! (Смѣхъ).

Егеръ. Ну что-жъ—самъ онъ удралъ, такъ мы его по міру пустимъ.

Старикъ Баумертъ. Онъ бѣднѣе церковной крысы будетъ. (Всѣ бросаются въ комнаты съ намѣреніемъ разносить мебель).

Бекеръ (побѣжавшій впередъ, поворачивается и останавливаетъ другихъ). Стойте, послушайте меня. Сначала здѣсь покончимъ, а потомъ дальше. Двинемъ въ Билау, къ Дитриху. Онъ завелъ механическіе станки. Все наше горе отъ проклятыхъ фабрикъ.

Старикъ Анзорге (входитъ изъ сѣней; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ останавливается, съ недовѣріемъ оглядывается, качаетъ головой, ударяетъ себя по лбу и говоритъ). Кто я такой? Ткачъ Антонъ Анзорге. Что это, ты съ ума сошелъ, Анзорге? Батюшки, какъ голова кружится! Какъ ты сюда попалъ? Веселиться задумалъ съ другими? (Опять ударяетъ себя по лбу). Я съ ума спятилъ. Я теперь ни за что не ручаюсь. Уходите скорѣе, уходите, бунтари. Долой руки, долой ноги, долой голову! Ты у меня мой домикъ забралъ, такъ и я заберу. Впередъ! (Съ воемъ бросается въ гостиную. Остальные слѣдуютъ за нимъ съ крикомъ и смѣхомъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Бекеръ.
Морицъ Егеръ.
Старикъ Баумертъ.
Виттигъ.
Горнигъ.
Старикъ Гильзе, ткачъ.
Его жена.
Готлибъ, ихъ сынъ.
Луиза, его жена.
Мильхенъ, ихъ дочь.
Шмидтъ, хирургъ.
Молодые и старые ткачи и ткачихи.

Лангенбилау. Ткацкая старика Гильзе. Слѣва маленькое окно, передъ нимъ ткацкій станокъ, справа кровать; къ ней придвинутъ столъ, въ углу налѣво печка съ лежанкой. Сидя у стола, на краю кровати, и на деревянномъ табуретѣ, старикъ Гильзе, его старая, слѣпая и почти глухая жена, его сынъ Готлибъ и жена послѣдняго, Луиза, читаютъ утреннюю молитву. Мотальное колесо съ клубкомъ нитокъ стоитъ между столомъ и станкомъ. На закоптѣлыхъ балкахъ потолка старыя ткацкія принадлежности. Длинныя пряди нитокъ свѣшиваются внизъ. Въ комнатѣ валяется разный хламъ. Узкая, низкая комната выходитъ дверью въ сѣни. Противъ этихъ дверей открывается въ сѣняхъ другая дверь, во вторую такую же ткацкую. Сѣни вымощены камнями, и оттуда ведетъ полуразрушенная деревянная лѣстница въ мансарду. Изъ сѣней видна кадка, стоящая на табуреткѣ; нищенское бѣлье, домашняя утварь бѣдныхъ людей. Свѣтъ падаетъ слѣва.

Старикъ Гильзе (бородатый, коренастый человѣкъ, подавшійся, согбенный отъ старости, работы, болѣзни и заботъ. Однорукій инвалидъ. У него землистый цвѣтъ лица, острый носъ: онъ весь дрожитъ, худъ, какъ скелетъ, съ глубоко лежащими, характерными для ткачей, болѣзненными съ виду глазами. Поднявшись вмѣстѣ съ сыномъ и невѣсткой, читаетъ молитву). Благодаримъ Тебя, Создатель, за то, что и въ эту ночь Ты, въ Твоей великой благости... смиловствился надъ нами, за то, что и въ эту ночь никакого худа съ нами не приключилось. Велика милость Твоя, и мы, бѣдные, грѣшные люди, недостойны, чтобы нога Твоя придавила насъ—такіе мы грѣшные и злые. Но Ты, Отецъ Небесный, взгляни на насъ милостиво и защити насъ ради Своего дорогого Сына, нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа. Кровь Спасителя и справедливость—мой нарядъ и убранство. А если мы иногда и ропщемъ, когда Ты насъ караешь,—когда огонь очищенія слишкомъ жжетъ насъ,—то прости наше прегрѣшеніе. Даруй намъ терпѣніе, Отецъ

Небесный, чтобы мы послѣ страданій на землѣ пріобщились вѣчнаго блаженства въ лонѣ Твоемъ! Аминь.

Старуха Гильзе (которая, вытянувъ впередъ голову, слушала съ напряженіемъ, говоритъ плача). Ахъ, старикъ, очень ужъ ты складно молишься!

Луиза (идетъ къ кадкѣ, Готлибъ въ ткацкую, напротивъ).

Старикъ Гильзе. Гдѣ же дѣвчонка?

Луиза. Пошла въ Петерсвальдау—къ Дрейсигеру. Она вчера вечеромъ намотала опять нѣсколько клубковъ.

Старикъ Гильзе (очень громко). Я тебѣ пододвину теперь колесо, старуха.

Старуха Гильзе. Ну, хорошо, хорошо.

Старикъ Гильзе (ставитъ передъ ней колесо). Я бы радъ за тебя поработать...

Старуха Гильзе. Нѣтъ... нѣтъ... Да и куда мнѣ дѣвать время?

Старикъ Гильзе. Подожди, я вытру тебѣ пальцы, чтобы питки не лоснились отъ жира, слышишь? (Вытираетъ ей руки тряпкой).

Луиза (у кадки). Да развѣ мы ѣли жирное? Откуда бы у насъ былъ жиръ?

Старикъ Гильзе. Нѣтъ жира, такъ будемъ ѣсть сухой хлѣбъ,—нѣтъ хлѣба, будемъ ѣсть картофель, а не будетъ картофеля, сухой мякиной пробьемся.

Луиза (дерзко). А ржаной муки не будетъ, такъ мы, какъ вотъ Венглеры внизу, посмотримъ, куда живодеръ дохлую лошадь закопалъ, откопаемъ ее и проживемъ нѣсколько недѣль падалью,—такъ, что ли?

Готлибъ (изъ своей ткацкой). Что ты тамъ болтаешь?

Старикъ Гильзе. Берегись, не говори безбожныхъ рѣчей. (Подходя къ станку, кричитъ) Помоги мнѣ, пожалуйста, Готлибъ,—нужно здѣсь продѣть нѣсколько нитокъ.

Луиза (стоя у кадки). Готлибъ, иди помочь отцу! (Готлибъ приходитъ).

(Старикъ и сынъ начинаютъ трудную работу устанавливанія берда. Нити основы протягиваются черезъ отверстіе берда и укрѣпляются на станкѣ. Когда они только-что берутся за работу, въ сѣняхъ появляется Горнигъ).

Горнигъ (у порога). Богъ въ помощь!

Старикъ Гильзе и его сынъ. Спасибо, Горнигъ.

Старикъ Гильзе. Скажи на милость, когда ты, собственно, спишь? Днемъ ходишь торговать, по ночамъ караулишь.

Горнигъ. Да я ужъ всякій сонъ потерялъ.

Луиза. Здравствуй, Горнигъ.

Старикъ Гильзе. Что слышно хорошаго?

Горнигъ. Дѣла на свѣтѣ дѣются, скажу я вамъ: нетервальдцы набрались духу и прогнали фабриканта Дрейсигера изъ его берлоги вмѣстѣ со всей семьей.

Луиза (слегка волнуясь). Опять врешь, Горнигъ!

Горнигъ. Нѣтъ, молодуха, теперь не вру... У меня въ телѣжкѣ переднички дѣтскіе есть, красивые. Вѣрьте мнѣ — чистую правду говорю. Прогнали его. Вчера вечеромъ онъ въ Рейхенбахъ пріѣхалъ,—такъ его тамъ не хотѣли оставить, — ткачей боялись. Пришлось ему сейчасъ же дальше, въ Швейденицъ поѣхать.

Старикъ Гильзе (осторожно беретъ нити основы и приближаетъ ихъ къ гребню, а съ другой стороны отверстія схватываетъ ихъ крючкомъ и укрѣпляетъ такимъ образомъ нити). Полно вздоръ молоть, Горнигъ.

Горнигъ. Да провались я на мѣстѣ, если лгу. Теперь объ этомъ ужъ всякій ребенокъ разскажетъ.

Старикъ Гильзе. Скажи, ради Бога, кто изъ насъ рехнулся, я или ты?

Горнигъ. Я тебѣ разсказалъ чистую правду. Я бы вѣдь не говорилъ, если бы самъ при этомъ не стоялъ и своими глазами не видалъ всего. Собственными глазами, говорю тебѣ, вотъ какъ тебя. Готлибъ, вижу теперь. Весь домъ фабриканта разгромили, отъ погреба до самой крыши. И на чердакѣ изъ оконъ фарфоровую посуду бросали. Сколько кусковъ бумазеи въ ручей брошено! Совсѣмъ запрудили воду—изъ береговъ теперь выступаетъ. Я самъ видѣлъ, что вода совсѣмъ посинѣла отъ кубовой краски, которую они изъ оконъ бросали. Пыль синими клубами поднималась. Страхъ, какъ они тамъ разбойничали! И не только въ домѣ, а и въ красильнѣ, въ кладовыхъ... Разбили перила, полы снимали, зеркала били. Диванъ, кресла—все разломано, разбито. Хуже, чѣмъ на войнѣ.

Старикъ Гильзе. И ты говоришь, что все это сдѣлали здѣшніе ткачи? (Медленно и недовѣрчиво качаетъ головой. У дверей собралась кучка любопытствующихъ жильцовъ).

Горнигъ. Конечно, они—а то кто же? Я всѣхъ по имени могъ бы назвать. Когда пріѣхалъ ландратъ, я его водилъ по всему дому. Они говорили мирно, какъ всегда, и спокойно дѣлали свое дѣло. Ландратъ со многими говорилъ. Они вѣжливо отвѣчали, но уговорить ихъ онъ не могъ. Всю дорогую мебель раскололи—перерубили, какъ за плату.

Старикъ Гильзе. Такъ ты ландрата по дому водилъ?

Горнигъ. А что-жъ ты думалъ, я испугаюсь? Меня вѣдь здѣсь всѣ знаютъ, и со всѣми я лажу, ни съ кѣмъ не ссорюсь. Я и повелъ ландрата,—вѣрно вамъ говорю. Тяжело было глядѣть—и ландрату, я самъ видѣлъ, было не по себѣ. Вѣдь они всѣ молча работали—ни слова не было слышно. Даже страшно становилось смотрѣть, какъ голодные задумали мстить.

Луиза (дрожа отъ волненія и вытирая глаза платкомъ). Наконецъ-то! Давно пора.

Голоса жильцовъ. Тутъ тоже живодеровъ немало. Вотъ тамъ, напротивъ, какъ разъ живетъ одинъ. У него четыре лошади и шесть каретъ въ конюшнѣ, а ткачи голодаютъ.

Старикъ Гильзе (все еще недовѣрчиво). Что же изо всего этого выйдетъ?

Горнигъ. Какъ знать? Какъ знать? Одни такъ говорятъ, другіе этакъ.

Старикъ Гильзе. Что же говорятъ?

Горнигъ. Говорятъ, что Дрейсигеръ будто бы сказалъ: пусть ткачи траву ѣдятъ, если голодны. Больше я ничего не знаю.

(Движеніе между жильцами, которые съ возмущеніемъ передаютъ другъ другу слова Горнига).

Старикъ Гильзе. Послушай, Горнигъ, ты можешь мнѣ сказать: Гильзе, ты завтра умрешь. Я скажу тебѣ: это возможно, — вѣдь могъ же бы я умереть? Ты можешь мнѣ сказать: Гильзе, къ тебѣ завтра придетъ прусскій король... Но чтобы ткачи—такіе, какъ я и мой сынъ—бунтовать задумали! Нѣтъ, этому я не повѣрю.

Мильхенъ (семилѣтняя хорошенькая дѣвочка съ длинными распущенными волосами, съ корзинкой въ рукѣ, вбѣгаетъ въ комнату и даетъ матери серебряную ложку). Глянь-ка, мама, что у меня! Купи мнѣ за это платьице.

Луиза. Откуда ты? (Съ возрастающимъ волненіемъ) Что это ты притащила? Да ты совсѣмъ запыхалась. И нитки еще въ корзинкѣ, ты не отнесла ихъ? Что это значитъ?

Старикъ Гильзе. Откуда у тебя ложка?

Луиза. Можетъ, она ее нашла.

Горнигъ. Ложкѣ цѣна добрыхъ два-три талера.

Старикъ Гильзе (внѣ себя). Вонъ, дѣвчонка, вонъ! Сейчасъ убирайся. Уходи—не то я палку возьму. Сейчасъ же отнеси ложку, откуда взяла. Мы изъ-за тебя еще всѣ ворами прослывемъ?! Я тебя проучу! (Ищетъ чего-нибудь, чѣмъ побить ее).

Мильхенъ (прижимаясь къ матери, плачетъ). Дѣдушка, не бей меня.—вѣдь я нашла. Другія дѣти—тоже нашли.

Луиза (едва говоря отъ страха и волненія). Ну вотъ видишь,—она нашла. Гдѣ ты нашла ложку?

Мильхенъ (рыдая). Въ Петерсвальдау мы... на-ашли... передъ домомъ... Дрейсигера.

Старикъ Гильзе. Этого недоставало! Скорѣй иди, говорю тебѣ. Неси обратно!

Старуха Гильзе. Что тутъ такое?

Горнигъ. Знаешь, что я тебѣ скажу. Пусть лучше Готлибъ надѣнетъ сюртукъ, возьметъ ложку и снесетъ въ полицію.

Старикъ Гильзе. Готлибъ, надѣвай сюртукъ.

Готлибъ (надѣвая сюртукъ, возбужденно). Я пойду въ канцелярію и скажу: не вините меня,—ребенокъ вѣдь ничего не понимаетъ. И отдамъ ложку. Перестань же плакать. Мильхенъ.

(Мать уводитъ плачущаго ребенка въ заднюю комнату, закрываетъ за нею дверь и возвращается).

Горнигъ. Талера три ложка стоитъ.

Готлибъ. Дай мнѣ платочекъ, Луиза, завернуть. Ахъ, ахъ, какая дорогая штучка! (Заворачиваетъ ложку со слезами на глазахъ).

Луиза. Если бы ложка была наша, мы бы много недѣль на нее прожить могли.

Старикъ Гильзе. Ну, ну, шевелись. Отправляйся скорѣе. Этого еще мнѣ недоставало. Поскорѣе бы сбыть чертовскую ложку! (Готлибъ уходитъ съ ложкой).

Горнигъ. И я ужъ соберусь. (Выходитъ изъ ткацкой, въ сѣняхъ еще говоритъ кое-съ-кѣмъ, потомъ уходитъ).

Хирургъ Шмидтъ (живой кругленькій человѣчекъ, съ багровымъ лукавымъ лицомъ, входя въ сѣни). Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ утромъ! Ну и дѣла, скажу я вамъ. Подождите, подождите! (Грозя пальцемъ) У васъ тутъ тоже рыльце въ пушку. (Кричитъ въ дверь, не входя) Съ добрымъ утромъ, старикъ Гильзе! (Одной женщинѣ въ сѣняхъ) Ну-ка, мать моя, что ломота, лучше? Вотъ видишь, я такъ и зналъ. Отецъ Гильзе, дай-ка загляну, что у васъ слышно. Что съ твоей старухой?

Луиза. У нея, господинъ докторъ, глазныя жилы засохли,—она ничего и не видитъ.

Хирургъ Шмидтъ. Это отъ пыли и оттого, что много ткала при свѣтѣ. Скажите, какъ вамъ это все кажется? Весь Петерсвальдау сюда идетъ. Я сегодня утромъ сажусь въ коляску — ничего дурного у меня и въ мысляхъ не было.

Вдругъ слышу про такіе ужасы! Что это, чортъ возьми, со всѣми ими приключилось? Взбѣсились, какъ стая волковъ. Бунтуютъ, громятъ, грабятъ... Мильхенъ, гдѣ Мильхенъ? (Мильхенъ входитъ въ комнату, ведетъ за руку мать; у нея еще красные отъ слезъ глаза). Сунь-ка руку мнѣ въ карманъ, Мильхенъ. (Мильхенъ это дѣлаетъ). Пряники для тебя. Ну, ну, не всѣ заразъ! Ишь ты, какая шустрая! Раньше еще спой: «Лисичка курочку стащила!..» А знаешь, что ты надѣлала: ты обругала воробьевъ, сидѣвшихъ на пасторскомъ заборѣ, а они пожаловались органисту. Нѣтъ, вы подумайте! На большой дорогѣ толпа тысячи въ полторы. (Издали звонъ колоколовъ). Слышите? Въ Рейхенбахѣ въ набатъ бьютъ. Полторы тысячи. Свѣтопреставленіе, да и только!

Старикъ Гильзе. Неужели они сюда, въ Билау, идутъ?

Хирургъ Шмидтъ. Ну да, я вѣдь ихъ видѣлъ. Я посреди толпы проѣхалъ въ коляскѣ. Такой у нихъ видъ былъ, что мнѣ хотѣлось выйти изъ коляски и дать каждому по порошку. Плетутся несчастные другъ за дружкой и такъ поютъ, что душа переворачивается и въ горлѣ душить начинаетъ. Мой Фридрихъ, сидя на козлахъ, какъ баба ревѣлъ. Намъ пришлось послѣ того по рюмочкѣ горькой пропустить, чтобъ придти въ себя. Не хотѣлъ бы я быть фабрикантомъ—хотя бы и могъ тогда ѣздить на резиновыхъ шинахъ. (Издали пѣніе). Слышите—точно костяжками бьютъ по старому, треснувшему чугунному котлу. Не пройдетъ и пяти минутъ, какъ они будутъ здѣсь. Прощайте, голубчики! Не дѣлайте глупостей. Слѣдомъ за ними сейчасъ солдаты придутъ. Держитесь—не поддавайтесь уговорамъ. Ткачи изъ Петерсвальдау совсѣмъ ошалѣли. (Звонъ колоколовъ по близости). Господи помилуй, и наши колокола звонятъ—вѣрно, ужъ люди совсѣмъ съ ума сошли. (Уходитъ въ верхній этажъ).

Готлибъ (возвращается; говоритъ въ сѣняхъ, задыхаясь). Я ихъ видѣлъ, я ихъ видѣлъ! (Одной женщинѣ въ сѣняхъ) Они пришли, они пришли! (Въ дверяхъ) Они здѣсь, отецъ. У нихъ колья и кирки. Они уже у верхняго Дитриха и тамъ скандалятъ. Имъ, кажется, даютъ тамъ деньги. Господи Іисусе, что-то здѣсь будетъ? Я боюсь смотрѣть въ ихъ сторону. Людей тамъ тьма-тьмущая. Когда они всѣ кинутся, фабрикантамъ не сдобровать.

Старикъ Гильзе. Чего ты такъ бѣжалъ? Теперь опять такъ запыхался, что старая твоя болѣзнь можетъ вернуться: будешь лежать на спинѣ и биться руками и ногами.

Готлибъ (возбужденно). Я долженъ былъ бѣжать, а то бы они меня задержали... Они ужъ ревѣли—требовали, чтобъ и я къ нимъ присталъ. Крестный Баумертъ тоже съ ними. Онъ сказалъ: вѣдь и тебѣ лишній грошъ кстати. Голодаете, небось. Скажи отцу, сказалъ онъ, чтобъ вы тоже вышли и помогли расквитаться съ фабрикантомъ за его живодерство. (Возбужденно) Теперь другія времена пришли, сказалъ онъ, теперь ткачи по-иному заживутъ,—только нужно, чтобы мы всѣ пришли и помогли добиться своего. Теперь у всѣхъ насъ будетъ по полуфунту мяса по воскресеньямъ, а въ праздники колбаса съ капустой. Все теперь пойдетъ по-иному, говорилъ онъ.

Старикъ Гильзе (едва сдерживая возмущеніе). И это крестный отецъ говорилъ? Онъ тебя звалъ на такое нечестивое дѣло? Не приставай къ нимъ, Готлибъ, ихъ всѣхъ чортъ попуталъ. Дьявольское дѣло они затѣваютъ.

Луиза (охваченная волненіемъ, рѣзко). Да, да, Готлибъ, залѣзай лучше на печь, возьми ложку въ руки, поставь миску сыворотки на колѣни, надѣнь сюртукъ и читай молитвы—вотъ тогда отецъ тобой доволенъ будетъ! Хорошъ мужчина! (Смѣхъ сосѣдей въ сѣняхъ).

Старикъ Гильзе (дрожа отъ бѣшенства). А ты славная жена, скажу я тебѣ. Сама мать, а языкомъ мелешь такъ, что прости Господи. Чему ты свою дѣвочку научишь, когда мужа подбиваешь на преступныя и гнусныя дѣла?

Луиза (потерявъ самообладаніе). Вашими смиренными рѣчами... дѣтей не накормишь. Вы молились. — а дѣти, всѣ четверо, въ грязи и лохмотьяхъ лежали. Ни одна пеленка не высохла отъ вашихъ причитаній. Да, я мать—знаю это. И поэтому-то я и готова послать фабрикантовъ въ преисподнюю, чуму на нихъ накликать! Я мать,—а каково мнѣ было дѣтей выняньчить? Я больше плакала, чѣмъ дышала, съ той самой минуты, когда червячокъ такой на свѣтъ рождался и пока Господь не прибиралъ его по Своей милости. Вамъ-то до этого дѣла не было. Вы молились да пѣли, а я себѣ до крови ноги исходила, чтобъ раздобыть хоть горшочекъ сыворотки. По сту ночей я не спала и все придумывала, какъ бы хоть одного ребеночка на кладбище не снести! Чѣмъ такое дитя согрѣшило, что ему сейчасъ умирать приходится? А у Дитриха—тамъ дѣтей въ винѣ купаютъ и молокомъ моютъ. Нѣтъ ужъ, говорю тебѣ, если здѣсь что начнется,—десятью лошадьми меня не удержите. И если они къ Дитриху ломиться будутъ, я пойду вме-

ради всѣхъ. Не сдобровать тому, кто меня будетъ удерживать.

Старикъ Гильзе. Ты совсѣмъ погибла,—тебя ужъ не спасти!

Луиза (въ бѣшенствѣ). Васъ не спасти, а не меня! Тряпки вы, а не мужчины. Трусы, дѣтскихъ трещотокъ боитесь! Васъ отколотить, такъ вы еще спасибо скажете. У васъ всю кровь изъ жилъ повыпустили,—вы и покраснѣть-то въ лицѣ не можете. Взять бы нагайку да избить ваши гнилыя кости. (Быстро уходитъ).

(Неловкое молчаніе).

Старуха Гильзе. Что это съ Луизой, старикъ?

Старикъ Гильзе. Ничего.

Старуха Гильзе. Скажи, старикъ, мнѣ это только кажется, или правда, что колокола звонятъ?

Старикъ Гильзе. Вѣрно, кого-нибудь хоронятъ.

Старуха Гильзе. А мнѣ все конецъ не приходитъ. Когда ужъ я умру? (Пауза).

Старикъ Гильзе (оставляя работу, поднимается съ торжественнымъ видомъ). Послушай, Готлибъ, твоя жена намъ Богъ вѣсть чего наговорила. Вотъ посмотри сюда. (Обнажаетъ грудь) Здѣсь торчала штучка величиной въ наперстокъ. А гдѣ я руку оставилъ, объ этомъ знаетъ король. Не мыши мнѣ ее отъѣли! (Ходитъ по комнатѣ). Твоя жена — ея еще на свѣтѣ не было, какъ я уже кровь свою проливалъ за отечество. Поэтому пусть болтаетъ, что хочетъ, мнѣ все равно. Бояться? Да чего мнѣ бояться? Солдатъ, что ли, которые придутъ вслѣдъ за бунтовщиками? Нѣтъ, я ихъ не боюсь. У меня хоть спина и болитъ, но кости еще крѣпкія. Съ солдатами-то я справлюсь. А если бы даже что и случилось—я радъ запабашить. Умирать такъ умирать—лучше сегодня, чѣмъ завтра. Чего нашему брату жалѣть? Не плакать же о пыткѣ, въ которой живешь. Горсточку тревоги и горя, что жизнью зовется, если и потерять, то не бѣда. Но если проворонить то, что будетъ потомъ,—ужъ тогда всему конецъ.

Готлибъ. Какъ знать, что будетъ послѣ смерти? Вѣдь этого никто не видѣлъ.

Старикъ Гильзе. Говорю тебѣ, Готлибъ, не сомнѣвайся въ томъ одномъ, что остается человѣку. Зачѣмъ же я сидѣлъ за станкомъ болѣе сорока лѣтъ? Почему спокойно смотрѣлъ, какъ вотъ тамъ фабрикантъ живетъ въ сытости и радости и золото куетъ изъ нашего голода и горя? Что мнѣ

силу давало? Надежда. У меня была поддержка въ горѣ. (Глядя въ окно). Ты свое взялъ на землѣ,—а мнѣ будетъ воздано на томъ свѣтѣ. Вотъ какъ я думалъ. И за эту вѣру я четвертовать себя дамъ—до того я увѣренъ. Такъ намъ заповѣдано. Будетъ судъ, но не мы судьи. Азъ воздамъ, сказалъ Господь.

Голосъ (въ окно). Ткачи, выходите!

Старикъ Гильзе. Но мнѣ, дѣлайте, что хотите. (Садится за станокъ). А я буду работать.

Готлибъ (послѣ короткой борьбы). Я пойду и буду работать. Будь, что будетъ. (Уходитъ; доносится пѣсня ткачей, которую поютъ много голосовъ совсѣмъ близко; она звучитъ, какъ глухой однообразный стонъ).

Голоса жильцовъ (въ сѣняхъ). О, Господи Іисусе, они какъ муравьи со всѣхъ сторонъ ползутъ... Откуда это взялось столько ткачей?.. Не толкайся, я тоже хочу видѣть... Ахъ! Ахъ! они цѣлой тучей идутъ.

Горнигъ (появляется среди другихъ въ сѣняхъ). Ну и представленіе, скажу я вамъ, не каждый день это увидишь. Сходите-ка къ верхнему Дитриху. Тамъ опять такого надѣлали, что просто любо-дорого. Ни дома, ни фабрики, ни погреба, ничего не осталось. Вино все повылакали прямо изъ бутылокъ... Даже не раскупоривали; прямо отобьютъ горлышко да и льютъ въ горло, не гляди на то, что порѣзаться могутъ. Сколько ихъ ходитъ, обливаясь кровью, какъ свиньи. Теперь они къ здѣшнему Дитриху идутъ. (Массовое пѣніе замолкло).

Голоса жильцовъ. А они совсѣмъ не злые на видъ.

Горнигъ. Подождите, что еще будетъ. Они теперь со всѣхъ сторонъ замокъ облѣпили. Вотъ видите маленькаго толстаго человѣчка съ ведромъ въ рукахъ? Это кузнецъ изъ Петерсвальдау... страхъ, какой силачъ! Онъ съ самыми горячими лошадьми умѣетъ справляться. Когда онъ схватитъ кого-нибудь изъ фабрикантовъ—не сдобровать.

Голоса жильцовъ. Ишь ты, какъ свистнуло!.. Вотъ камень въ окно влетѣлъ... Вотъ-то, вѣрно, перепугался старикъ Дитрихъ... У него что-то вывѣшиваютъ... доску... что на ней написано?.. Ты читать умѣешь?.. На что бы я былъ годенъ, если бы читать не умѣлъ... Ну такъ прочти... Вы всѣ... будете... удовлетворены.

Горнигъ. Напрасно онъ это сдѣлалъ. Все равно не поможетъ. Они теперь рѣшили разнести фабрику. Хотятъ истребить механическіе станки. Вѣдь они ручной ткацкій промыселъ погубили: это и слѣпой пойметъ. Сегодня ткачей

не усмирить,—разошлись больно. Ни ландратъ ни полиція не образумитъ ихъ,—а тѣмъ болѣе доска съ надписью. Кто видѣлъ, какъ они хозяйничали, знаетъ, что это не шутки.

Голоса жильцовъ. Глядите, глядите, сколько народу!.. Что имъ нужно? (Торопливо) Они черезъ мостъ перешли. (Со страхомъ) Вѣрно, съ другой стороны обойти хотятъ. (Съ удивленіемъ и страхомъ) Они къ намъ идутъ, къ намъ идутъ... Они пришли звать ткачей.

(Всѣ убѣгаютъ, сѣни остаются пустыми. Толпа бунтовщиковъ, грязныхъ, запыленныхъ, съ раскраснѣвшимися отъ водки и напряженія лицами, одичалыхъ, оборванныхъ, врывается въ сѣни съ крикомъ: «Ткачи, выходите!» и разсыпается по отдѣльнымъ ткацкимъ. Въ комнату старика Гильзе входятъ Бекеръ и нѣсколько молодыхъ ткачей, вооруженныхъ кольями и кнутами. Узнавъ старика Гильзе, они останавливаются, нѣсколько одумавшись).

Бекеръ. Отецъ Гильзе, бросьте работу. Пусть работаетъ кому охота,—вамъ уже пора отдохнуть. Объ васъ мы позаботимся.

Первый молодой ткачъ. Вы никогда не пойдете спать безъ ужина.

Второй молодой ткачъ. У ткачей опять будетъ крыша надъ головой и рубаха на тѣлѣ.

Старикъ Гильзе. Откуда васъ чортъ принесъ съ кольями и топорами?

Бекеръ. Ихъ мы обломаемъ о Дитрихову спину.

Второй молодой ткачъ. Мы ихъ запихаемъ фабрикантамъ въ горло, чтобъ и они знали, какъ отъ голода жжетъ.

Третій молодой ткачъ. Идемте съ нами, отецъ Гильзе. Мы имъ спуску не дадимъ.

Второй молодой ткачъ. Насъ они тоже не жалѣли. Ни Богъ ни люди надъ нами не сжалились. Теперь мы сами постоимъ за себя.

Старикъ Баумертъ (входитъ, уже нетвердо стоя на ногахъ; онъ держитъ подъ мышкой зарѣзанную курицу. Протягиваетъ руки впередъ). Бра-тецъ! Мы всѣ братья! Дай обниму тебя, братъ! (Смѣхъ).

Старикъ Гильзе. На кого ты похожъ, Вильгельмъ?

Старикъ Баумертъ. Это ты, Густавъ? Бѣдный голодный Густавъ, дай прижать тебя къ сердцу! (Растрогавшись).

Старикъ Гильзе (ворчитъ). Оставь меня въ покоѣ.

Старикъ Баумертъ. Такъ-то, Густавъ, нужно уродиться счастливымъ. Погляди на меня, Густавъ. Развѣ я не похожъ на графа? (Похлопывая себя по животу) Угадай-ка, что у меня

въ животѣ? Настоящая графская ѣда. Кто счастливымъ уродился, тому и шампанское, и жаркое, и зайца досталось. Вотъ что я вамъ скажу—мы сдѣлали ошибку: нужно прежде всего наѣсться.

Всѣ (наперерывъ). Наѣсться. Ура!

Старикъ Баумертъ. Какъ проглотишь вкусный кусокъ, совсѣмъ мѣняешься. Чортъ возьми, я теперь силенъ, какъ быкъ. Прётъ изъ меня сила такъ, что не знаешь, куда идти!

Егеръ (въ дверяхъ, вооруженный старой кавалерійской саблей). Мы сдѣлали нѣсколько знатныхъ атакъ!

Бекеръ. Теперь мы уже знаемъ, какъ дѣйствовать. Разъ, два, три — и вошли въ домъ. А тамъ сразу закипаетъ работа—все трещитъ и дрожитъ. Искры летятъ, какъ въ кузницѣ.

Первый молодой ткачъ. А не пустить ли намъ краснаго пѣтуха?

Второй молодой ткачъ. Отсюда мы двинемся въ Рейхенбахъ и зажжемъ дома богачей.

Егеръ. Это ни къ чему. Они тогда страховку получатъ и будутъ богаче прежняго. (Смѣхъ).

Бекеръ. Отсюда мы отправимся въ Фрейбергъ, къ Тромтра.

Егеръ. Нужно бы приняться за чиновниковъ: говорятъ, вся бѣда отъ нихъ.

Второй молодой ткачъ. Скоро мы двинемъ въ Бреславль. Насъ все больше и больше становится.

Старикъ Баумертъ (обращаясь къ Гильзе). Ну, выпей, Густавъ.

Старикъ Гильзе. Я водки не пью.

Старикъ Баумертъ. Это было въ старое время, — а теперь настало новое.

Первый молодой ткачъ. Не каждый день масленица бываетъ. (Смѣхъ).

Старикъ Гильзе (нетерпѣливо). Что вамъ здѣсь нужно отъ меня, черти?

Старикъ Баумертъ (немного смущенный). Я, видишь ли, хотѣлъ тебѣ курицу принести. Свари изъ нея супъ старухѣ.

Старикъ Гильзе (пораженный и смягченный). Поди, скажи ей самъ.

Старуха Гильзе (приставивъ руку къ уху, съ усиліемъ слушаетъ и отмахивается руками). Оставьте меня въ покоѣ. Не хочу я куринаго супа.

Старикъ Гильзе. Права ты, старуха. Я тоже не хочу.

А ужъ такого супа навѣрное не хочу. А тебѣ, Баумертъ, тебѣ я вотъ что̀ скажу: когда старики начинаютъ вздоръ болтать, какъ малыя дѣти, тогда чортъ отъ радости начинаетъ скакать. Знайте вы всѣ: я съ вами ничего общаго не имѣю. Не по моей волѣ вы здѣсь.

Голосъ. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ!

Егеръ (съ угрожающимъ жестомъ). Смотри, не влопайся. Мы не воры, старикъ.

Голосъ. Мы только голодны—больше ничего!

Первый молодой ткачъ. Мы жить хотимъ и больше ничего. Поэтому мы и перерѣзали веревку, на которой висѣли.

Егеръ. Наше дѣло правое. (Угрожая старику кулакомъ) Скажи еще слово, такъ я тебя кулакомъ какъ тресну!

Бекеръ. Оставьте въ покоѣ старика. Послушай, отецъ Гильзе, вотъ что̀ мы полагаемъ: лучше умереть, чѣмъ вернуться къ прежней жизни.

Старикъ Гильзе. Я такую жизнь велъ вотъ уже больше шестидесяти лѣтъ.

Бекеръ. Это все было. А теперь все должно перемѣниться.

Старикъ Гильзе. Ничего не перемѣнится.

Бекеръ. Что̀ намъ добровольно не дадутъ, то мы насильно возьмемъ.

Старикъ Гильзе. Насильно? (Смѣется). Ну, такъ скоро вамъ конецъ придетъ. Они вамъ покажутъ, гдѣ сила живетъ. Погоди-ка, братецъ.

Егеръ. Это ты насчетъ солдатъ? Я тоже былъ солдатомъ. Съ двумя ротами мы справимся.

Старикъ Гильзе. На словахъ справитесь. И то вѣдь: двоихъ выгоните, ихъ десятеро замѣнятъ.

Голоса (въ окно). Войска идутъ, берегитесь!

(Всѣ сразу замолкаютъ. Слышатся слабые звуки барабана и дудокъ. Среди тишины раздается робкій невольный возгласъ:) «Ай, батюшки, я удеру!» (Общій смѣхъ).

Бекеръ. Кто выдумалъ удирать? Кто это сказалъ?

Егеръ. Кто тутъ испугался горсти солдатъ? Я буду вами командовать. Я былъ въ строю и всѣ штуки знаю.

Старикъ Гильзе. А изъ чего вы стрѣлять станете? Изъ палокъ, что ли?

Первый молодой ткачъ. Брось старика — у него въ головѣ неладно.

Второй молодой ткачъ. Кажись, онъ вправду рехнулся.

Готлибъ (незамѣтно вошелъ среди бунтовщиковъ и хватаетъ сказавшаго эти слова). Какъ ты смѣешь обижать старика?

Первый молодой ткачъ. Оставь меня, я ничего обиднаго не сказалъ.

Старикъ Гильзе (успокаивая ихъ). Пусть болтаетъ, оставь его. Не поднимай на него руку, Готлибъ. Онъ скоро самъ пойметъ, кто изъ насъ сегодня разсудокъ потерялъ: онъ, или я.

Бекеръ. Ты съ нами, Готлибъ?

Старикъ Гильзе. Нѣтъ, ужъ съ вами онъ не пойдетъ.

Луиза (входя въ сѣни, кричитъ въ комнату). Не теряйте времени на этихъ ханжей, идите. Идемъ на площадь! Крестный Баумертъ, идите и вы скорѣе. Майоръ разговариваетъ съ нашими, сидя на лошади. Говоритъ, чтобъ разошлись. Если вы не поторопитесь, все будетъ потеряно.

Егеръ (уходя). Храбрый у тебя муженекъ!

Луиза. Какой тамъ мужъ? Нѣтъ у меня мужа!

Старикъ Виттигъ (съ ведромъ въ рукахъ, сходитъ съ верхняго этажа и останавливается на минуту въ сѣняхъ, прежде чѣмъ уйти). Впередъ, въ комъ есть капля совѣсти! (Убѣгаетъ впередъ, за нимъ идутъ съ криками «ура!» нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ Луиза и Егеръ).

Бекеръ. Будьте здоровы, отецъ Гильзе, мы въ другой разъ поговоримъ. (Собирается уйти).

Старикъ Гильзе. Ну, ужъ едва ли намъ приведется говорить. Пяти лѣтъ я не проживу, а раньше ты не выйдешь.

Бекеръ (останавливаясь въ изумленіи). Откуда, отецъ Гильзе?

Старикъ Гильзе. Изъ тюрьмы. А ты думалъ, откуда?

Бекеръ (расхохотавшись). Что-жъ, и то хорошо. Тамъ по крайней мѣрѣ хлѣба вдоволь, отецъ Гильзе. (Уходитъ).

Старый Баумертъ (сидитъ на табуреткѣ, тупо озираясь вокругъ; потомъ встаетъ). Ты правъ, Густавъ, я выпилъ лишнее. Но въ головѣ у меня ясно. Ты по-своему думаешь, а я—по-моему. Я говорю: Бекеръ вѣрно сказалъ,—пусть кончится дѣло хоть веревками и цѣпями,—и въ тюрьмѣ лучше, чѣмъ дома. Тамъ все есть, и не приходится голодать. Я хотѣлъ не приставать,—но нужно человѣку хоть разъ въ жизни свободно вздохнуть. (Медленно направляется къ двери). Прощай, Густавъ. Если что случится, помяни меня въ молитвѣ. Слышишь? (Уходитъ).

(Никого изъ бунтовщиковъ нѣтъ на сценѣ. Сѣни опять наполняются постепенно любопытными жильцами. Старикъ Гильзе продолжаетъ ткать. Готлибъ взялъ топоръ, стоявшій за печкой, и безсознательно

пробуетъ остріе. Оба, старикъ и Готлибъ, взволнованы. Изъ-за кулисъ шумъ большой толпы).

Старуха Гильзе. Скажи мнѣ, старикъ,—что такое случилось? Весь полъ дрожитъ. Что тутъ дѣлается?

Старикъ Гильзе. Готлибъ!

Готлибъ. Что тебѣ?

Старикъ Гильзе. Брось топоръ.

Готлибъ. Кто же расщепитъ дрова? (Ставитъ топоръ за печку). (Пауза).

Старуха Гильзе. Слушайся отца, Готлибъ.

Голосъ (у окна). Сиди дома, муженекъ, мой тарелки да миски!

Готлибъ (вскакиваетъ и бѣжитъ къ окну, поднявъ кулакъ). Не выводи меня изъ терпѣнія, негодная!

(Слышенъ залпъ).

Старуха Гильзе (испугавшись). Господи Іисусе, опять громъ!

Старикъ Гильзе (невольно сложивъ руки). Милостивый Боже, защити бѣдныхъ ткачей, защити моихъ бѣдныхъ братьевъ! (Наступаетъ глубокая тишина).

Старикъ Гильзе (потрясенный, про себя). Теперь течетъ кровь...

Готлибъ (когда раздается залпъ, онъ вскакиваетъ и схватываетъ топоръ, весь поблѣднѣвъ и внѣ себя отъ волненія). Что-жъ, и теперь, что ли, молчать?

Молодая дѣвушка (кричитъ изъ сѣней въ комнату). Отецъ Гильзе, отецъ Гильзе, отойди отъ окна! У насъ наверху пуля въ окно влетѣла. (Скрывается).

Мильхенъ (смѣясь, глядитъ въ окно). Дѣдушка, дѣдушка, солдаты изъ ружей выстрѣлили. Люди попадали. Одинъ все кружится, кружится, а другой бьется, какъ воробей, у котораго оторвали голову. Сколько крови, сколько крови! (Исчезаетъ).

Первая ткачиха. Нѣсколькихъ ткачей убили.

Старый ткачъ (въ сѣняхъ). Смотрите, они на солдатъ идутъ.

Второй ткачъ (внѣ себя). Взгляните-ка на женщинъ, взгляните на женщинъ! Онѣ плюютъ солдатамъ въ лицо.

Первая ткачиха (кричитъ въ комнату). Готлибъ, посмотри-ка на твою жену. Она похрабрѣе тебя. Прыгаетъ подъ выстрѣлами, точно подъ музыку пляшетъ.

(Четверо человѣкъ вносятъ въ сѣни раненаго. Слышится отчетливый голосъ: «Это ткачъ изъ Ульбриха»).

Голосъ (раздается снова черезъ нѣсколько секундъ). Зашабашилъ онъ,—пуля въ ухо попала. (Слышатся шаги людей вверхъ по деревянной лѣстницѣ. Громкіе возгласы: «ура, ура!»).

Голоса (въ сѣняхъ). Откуда у нихъ камни?.. Шоссе разобрали. Ну вотъ вамъ, солдаты!.. Дождь камней.

(За кулисами крикъ и ревъ приближается къ дверямъ дома. Слышится испуганный крикъ. Дверь захлопывается).

Голоса (въ сѣняхъ). Они опять заряжаютъ, опять залпъ.— Отецъ Гильзе, отойди отъ окна.

Готлибъ (схватываетъ топоръ). Что? Развѣ мы бѣшеныя собаки? Ужъ не ѣсть ли намъ вмѣсто хлѣба пули? (Остановившись на минуту съ топоромъ внизу, говоритъ) Чтобы я ждалъ, пока у меня застрѣлятъ жену? Не бывать этому! (Бросаясь впередъ) Я покажу имъ! (Убѣгаетъ).

Старикъ Гильзе. Готлибъ, Готлибъ!

Старуха Гильзе. Гдѣ же Готлибъ?

Старикъ Гильзе. Къ чорту въ зубы пошелъ.

Голоса (изъ сѣней). Отойдите отъ окна, отецъ Гильзе.

Старикъ Гильзе. Я не отойду, хоть бы вы всѣ здѣсь съ ума сошли. (Обращаясь къ женѣ, съ возрастающимъ экстазомъ) Куда меня посадилъ мой Небесный Отецъ—вѣдь правда, старуха?—тамъ я останусь. Я буду исполнять долгъ свой, хотя бы все прахомъ пошло!

(Онъ начинаетъ ткать. Раздается залпъ. Пораженный на смерть, старикъ Гильзе поднимается и падаетъ на станокъ. Въ то же время раздаются усиленные крики «ура!». Люди, стоявшіе въ сѣняхъ, съ криками «ура» тоже выбѣгаютъ изъ дому. Старуха нѣсколько разъ спрашиваетъ: «Что съ тобой, старикъ? Что съ тобой? Непрерывное «ура» удаляется все дальше и дальше. Въ комнату вдругъ вбѣгаетъ Мильхенъ).

Мильхенъ. Дѣдушка, дѣдушка, они выгоняютъ солдатъ изъ деревни, они бросились къ Дитриху и тамъ громили, какъ у Дрейсигера. Дѣдушка! (Дѣвочка пугается, кладетъ палецъ въ ротъ и осторожно подступаетъ къ мертвому). Дѣдушка!

Старуха Гильзе. Ну, старикъ, скажи слово. Мнѣ страшно...

(ЗАНАВѢСЪ ПАДАЕТЪ).

БОБРОВАЯ ШУБА.

Комедія воровъ въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Переводъ **Ю. Балтрушайтиса.**

Шестая по времени написанія пьеса Гауптмана «Бобровая шуба» (Der Biberpelz) увидѣла свѣтъ рампы на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 21 сентября 1893 г. и одновременно появилась въ печати.

Публика шла на пьесу съ совершенно опредѣленными предъявленіями къ автору «Ткачей». Вмѣсто ожидаемаго она увидѣла нѣчто совсѣмъ въ иномъ родѣ. Отличительная черта Гауптмана — почти каждый разъ онъ является передъ зрителемъ новымъ Гауптманомъ. Вышло такъ, что «Бобровая шуба» обманула ожиданія и не имѣла полнаго успѣха. Въ короткое время она исчезла съ репертуара.

Только черезъ пять лѣтъ пьесу возобновили въ новой постановкѣ. Гауптманъ былъ теперь уже авторомъ прогремѣвшаго повсюду «Потонувшаго колокола». Можетъ-быть, это,—можетъ-быть, новый артистическій составъ сыграли свою роль, и пьеса имѣла выдающійся успѣхъ. И до сихъ поръ она не сходитъ съ репертуара нѣмецкихъ театровъ.

Любопытна судьба «Бобровой шубы» въ Вѣнѣ. Здѣсь она сразу имѣла колоссальный успѣхъ, поставившій Гауптмана въ ряды крупнѣйшихъ нѣмецкихъ драматурговъ. Это разногласіе оцѣнки Вѣны и Берлина, не разъ испытанное Гауптманомъ, невольно вызываетъ мысль о систематически наблюдаемой у насъ разности пріема сценическихъ произведеній Петербургомъ и Москвою.

«Бобровая шуба» стоитъ въ непосредственной логической связи съ позднѣйшею (1901 г.) пьесою Гауптмана: «Красный пѣтухъ». Художникъ иногда такъ свыкается съ своими образами, что его невольно влечетъ къ нимъ много позднѣе. Міровая литература знаетъ этому десятки примѣровъ. Такъ случилось съ Гауптманомъ. Живой типъ бездарнаго, но надутаго начальника волости Вергана и удивительно очерченный образъ главной героини комедіи, воровки шубы, Вольфихи, который имѣлъ въ памяти писателя реальный первообразъ въ одной изъ силезскихъ сосѣдокъ Гауптмана, — стали настолько близки воображенію драматурга, что онъ вернулся къ нимъ черезъ восемь лѣтъ снова.

Въ «Ткачахъ» Гауптманъ схватилъ трагическую сторону простонародной жизни. Въ «Бобровой шубѣ»—онъ подошелъ съ юмористической стороны къ той же жизни — къ простодушному плутовству простонародья и къ нелѣпостямъ полицейскихъ опекуновъ нѣмецкой деревни, плутующихъ съ уложеніемъ о наказаніяхъ въ рукахъ и въ чиновничьемъ мундирѣ на плечахъ. Какъ нельзя болѣе остроумной, полной язвительнаго сарказма, была основная мысль Гауптмана скрестить то и

другое на фонѣ бытового анекдота, гдѣ достовѣрный свидѣтель поставленъ въ положеніе вора, а воръ—въ положеніе свидѣтеля.

Но какъ въ области чисто-драматическаго чувства Гауптманъ болѣе лирикъ, чѣмъ трагикъ, такъ здѣсь онъ оказался гораздо болѣе юмористомъ, чѣмъ сатирикомъ. Исторію кражи плутоватой Вольфихи, розысковъ вора, полицейскихъ безтактностей ограниченнаго судьи Вергана, ушедшаго съ головой въ дѣло поимки мнимаго политическаго преступника и только путающаго дѣло о кражѣ шубы, — Гауптманъ передаетъ мягкими, тонкими штрихами, съ невозмутимымъ благодушіемъ. У него нѣтъ гнѣва или ненависти ни противъ Вольфихи, которая воруетъ такъ же просто и, можно бы сказать, органически, какъ ѣстъ и пьетъ, ни противъ чиновнаго тупицы, каждымъ своимъ шагомъ дѣлающаго слѣдовательскій промахъ и убѣжденнаго въ своей непогрѣшимости съ апломбомъ захолустнаго исправника.

Когда нѣмцы увидѣли на своей сценѣ нашего «Ревизора», многіе изъ критиковъ въ одинъ голосъ сравнили безсмертную комедію Гоголя съ «Бобровой шубой». Между двумя пьесами, безъ сомнѣнія, есть нѣчто родственное. Та же самоувѣренная тупость провинціальныхъ административныхъ столповъ, то же ихъ мелкое, щучье пиратство, тотъ же шкурный взглядъ на все кругомъ, та же провинціальная безпомощная нескладица — высмѣивается обѣими комедіями. Разница между ними именно въ томъ, что въ рѣзкой и мѣстами грубоватой сатирѣ Гоголя слышится голосъ гнѣвнаго и возмущеннаго сердца. Въ Гауптманѣ чувствуется совершенно спокойный, умный и мѣткій наблюдатель, съ усмѣшкой ведущій васъ посмотрѣть на забавный базаръ житейской суеты.

Нѣмецкая критика справедливо указывала на то, что сюжетъ «Бобровой шубы» навѣянъ Гауптману старинной, малоизвѣстной въ Россіи, комедіей выдающагося нѣмецкаго поэта-романтика, современника Гёте, Генриха Клейста: «Разбитая кружка» (1806) *).

Сходство этихъ пьесъ неотрицаемо. Сюжетъ обѣихъ—совершающееся ночью въ деревнѣ маленькое приключеніе. Въ одномъ случаѣ идетъ розыскъ, кто разбилъ кружку въ комнатѣ героини Клейста, Евы; въ другомъ—кто укралъ шубу. Оба истца, обращающіеся къ мѣстной юстиціи, встрѣчаютъ въ судьяхъ подозрительныя, канцелярственныя души, которыя только путаютъ дѣло, — у Гауптмана потому, что въ неумной головѣ Вергана сидитъ другая, предвзятая идея, у Клейста потому, что самъ судья Адамъ заинтересованъ въ сокрытіи виновнаго,—разбилъ кружку онъ самъ. Комедія Клейста полна свѣжаго и грубоватаго юмора и напоминаетъ картины тѣхъ нидерландскихъ мастеровъ, какіе умѣли вводить въ область искусства, не оскорбляя его, даже низменно-комическія и пошлыя сцены. Этотъ стиль до извѣстной степени родственъ и «Бобровой шубѣ».

Одна изъ главныхъ внутреннихъ причинъ, обусловившихъ сдержанный пріемъ пьесы Гауптмана, кроется въ томъ, что изъ всѣхъ пьесъ нѣмецкаго драматурга эта наиболѣе натуралистическая комедія въ то же время болѣе, чѣмъ всѣ, пренебрегаетъ тѣмъ, что принято называть сценичностью. Отрѣшившійся отъ ибсеновской школы построенія драмъ, Гауптманъ здѣсь всего менѣе заботился о фабулѣ, о «движеніи», о нарастаніи внѣшняго интереса. Онъ выхватываетъ цѣликомъ кусокъ жизни, какъ она есть, и ставитъ ихъ передъ зрителемъ

*) См. Schlenther, стр. 163—4, и проф. Фогтъ и Кохъ: „Исторія нѣмецкой литературы". Спб. 1901.

во всей ихъ комической полнотѣ. Такое впечатлѣніе вызвало у насъ первое ознакомленіе въ чтеніи съ чеховскимъ «Дядей Ваней». Читатель, еще незнакомый съ «пьесами настроенія», былъ удивленъ этой пьесой безъ завязки въ общепринятомъ смыслѣ, безъ стройнаго сюжета, безъ привычныхъ эффектовъ «подъ занавѣсъ», безъ искусно распланированныхъ приходовъ и уходовъ персонажей. Точно намѣренно и Гауптманъ пренебрегъ внѣшнимъ сюжетомъ въ своей пьесѣ и не позаботился придать ей законченность. Въ самомъ концѣ онъ оставилъ зрителя въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Порокъ не наказанъ. Воръ шубы не обнаруженъ. Зритель привыкъ требовать, чтобы въ пьесѣ были «сведены концы съ концами».

И нельзя не признать, что это требованіе—т.-е., разумѣется, не наказанія порока, а округленности, законченности фабулы — есть не только дѣло привычки и обычая. Оно имѣетъ свои разумныя основанія. Въ этой эпизодичности пьесы ея слабая сторона. Ея цѣнность—въ изумительной вѣрности быту и непринужденности комическихъ характеровъ.

Съ этой стороны признаніе полной побѣды Гауптмана, какъ бытописателя и психолога, неотрицаемо никѣмъ. Образъ Вольфихи сдѣланъ удивительно. Это не только комическая фигура,—это живой типъ, выписанный съ такимъ мастерствомъ, что онъ, по замѣчанію нѣкоторыхъ, даже нѣсколько заслоняетъ Вергана и ту памфлетическую сторону комедіи, которая побудила Гауптмана отнести ее къ разряду соціальныхъ пьесъ. Строгость и рѣдкая выдержанность этого образа вызываетъ Шлентера на сравненіе типа Гауптмана съ шекспировскимъ образомъ Шейлока.

Знаменитый Брандесъ считаетъ «Бобровую шубу» «единственною пьесою, которую Гауптманъ написалъ съ юморомъ и увлекательною веселостью. Она вполнѣ заслуживаетъ названіе произведенія молодого мастера. Но веселость ея не вредитъ обрисовкѣ типовъ и характеровъ. Каждый персонажъ стоитъ передъ нами, какъ живой... Поэтъ обнаружилъ большую тонкость наблюденія, когда изобразилъ Вольфиху не злою, при всей ея жадности и нечуткости, и заставилъ ее даже проявлять любящее сердце...»

Стоя нѣсколько особнякомъ отъ другихъ критиковъ, Брандесъ видитъ высшую удачу драматурга въ обрисовкѣ Вергана. «Перломъ среди другихъ фигуръ пьесы,—продолжаетъ онъ:—является баронъ, типичный нѣмецкій офицеръ запаса, играющій роли чиновника и судьи. Именно то обстоятельство, что весь свѣтъ сосредоточивается на этомъ лицѣ, возвышаетъ пьесу надъ фарсомъ, придаетъ ей характеръ болѣе высокой комедіи, проникнутой сатирическимъ духомъ...»

«Въ «Бобровой шубѣ»,—пишетъ Штейгеръ, авторъ хорошей книги о новой драмѣ *): — передъ нами старательно разработанная во всѣхъ своихъ частяхъ комедія, — правда, комедія новаго стиля, въ которой все дѣйствіе искусно сжато въ пяти моментальныхъ снимкахъ.—снимкахъ, полныхъ жизни и движенія. Въ нихъ играютъ всѣ лучи комизма, юмора и сатиры. Но все комическое и весь юморъ лежатъ не въ словахъ, произносимыхъ персонажами, а именно въ томъ, *какъ* они ихъ говорятъ, и потому-то эта воровская комедія кажется намъ такой типично-нѣмецкой... Много умниковъ разглагольствовали о томъ, зачѣмъ воровство остается нераскрытымъ... Но тутъ-то и лежитъ весь

*) Edgar Steiger, Das Werden des neuen Dramas, B. II, von Hauptmann bis Maeterlinck. Berlin, 1903, S. 123, 131.

оригинальный комизмъ пьесы. Кто подходитъ къ комическому творчеству съ моральной мѣркой дѣтской прописи, для тѣхъ не существуетъ ни Аристофана ни Плавта».

«Бобровая шуба,—замѣчаетъ О. Э. Гартлебенъ: — самое тонкое и наиболѣе послѣдовательное изъ произведеній Гауптмана, котораго мы полюбили и оцѣнили на много лѣтъ раньше публики... Чему я больше всего поражаюсь въ этой комедіи,—это ея этической основѣ, геніальной нравственной непринужденности, съ точки зрѣнія которой разсматриваются и изображаются люди и вещи,—этой какъ бы потусторонности добра и зла, преступленія и наказанія. Вольфиха — это не обычная воровка, ставшая такой по нуждѣ и немощи: она крадетъ, исходя изъ цѣлаго міросозерцанія, которое дѣлаетъ для нея воровство дозволеннымъ оружіемъ въ борьбѣ за существованіе».

Дѣлающій большія оговорки въ художественной оцѣнкѣ «Бобровой шубы» (между прочимъ, отмѣчающій «карикатурность» Вергана), критикъ Гауптмана Бартельсъ воздаетъ должное мастерству драматурга въ уловленіи атмосферы изображаемаго уголка. «Отъ пьесы, — пишетъ онъ:—вѣетъ чистымъ воздухомъ берлинскаго предмѣстья. Эти деревушки въ окрестностяхъ Берлина, то побольше, то поменьше, съ ихъ по большей части разбогатѣвшими отъ мелочной торговли рантье и дачевладѣльцами, съ уединившимися «частными учеными», ищущими свѣжаго воздуха и тишины, съ сомнительными личностями въ родѣ «писателя» Мотеса, наконецъ съ ихъ туземнымъ населеніемъ лодочниковъ и рыбаковъ, къ которымъ еще присоединяются охотники и крестьяне, — все это создаётъ превосходную атмосферу для комедіи, и Гауптманъ уловилъ ее превосходно».

Развѣнчивающій Гауптмана Ландсбергъ не можетъ не признать «Бобровой шубы» «въ художественномъ отношеніи самымъ зрѣлымъ произведеніемъ Гауптмана». «Здоровымъ лѣснымъ ароматомъ дышитъ это произведеніе. Здѣсь натурализмъ не производитъ боязливаго и мучительнаго впечатлѣнія, а восхищаетъ своею задушевностью. Драматургъ достигъ здѣсь нравственной высоты юмориста, чувствующаго себя по ту сторону добра и зла и смотрящаго на людей и явленія этого міра, проходящія гдѣ-то далеко, внизу, — съ тонкой спокойной усмѣшкой» *).

Оцѣнка комедіи Гауптмана была бы неполной, если не сказать объ языкѣ, которымъ она написана. Превосходный знатокъ народнаго нарѣчія, Гауптманъ здѣсь доходитъ въ этомъ языкѣ почти до щегольства. Разныхъ дѣйствующихъ лицъ онъ заставляетъ говорить каждаго своимъ нарѣчіемъ. Вольфиха говоритъ по-силезски, Крюгеръ саксонскимъ говоромъ, Верганъ берлинскимъ съ окраскою верхненѣмецкаго; остальные, хотя и говорятъ берлинскимъ нарѣчіемъ, но съ сильными отзвуками нижне-нѣмецкаго (plattdeutsch). Одновременно драматургъ выдерживаетъ этимъ и натуралистическій принципъ, и достигаетъ иногда комическаго эффекта. Чтобы это чувствовать, надо быть нѣмцемъ. Бартельсъ, самъ нѣмецъ, воздерживается однако отъ сужденія о мастерствѣ Гауптмана въ этой области.

Все вмѣстѣ взятое, вплоть до этой подробности, даетъ исключительную прелесть этому произведенію для нѣмцевъ, неуловимую для читающаго комедію въ переводѣ. Справедливо изреченіе: «кто хочетъ совершенно понять поэта, долженъ отправиться въ его отечество». Здѣсь еще разъ — и въ новомъ пунктѣ — можетъ быть подчеркнуто

*) См. выше упоминавшееся „Долой Гауптмана!".

сходство комедіи Гауптмана съ гоголевскимъ «Ревизоромъ», вмѣстѣ реалистическая красота котораго также испаряется въ переводѣ.

Время дѣйствія «Бобровой шубы» Гауптманъ опредѣляетъ словами—«борьба изъ-за септенната». Септеннатъ—семилѣтіе, на которое были разложены расходы по содержанію мирнаго состава германской арміи. Въ частности, борьба эта можетъ быть точно пріурочена къ 1887-му году.

БОБРОВАЯ ШУБА.

КОМЕДІЯ ВОРОВЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Фонъ-Верганъ, начальникъ волости.
Крюгеръ, рантье.
Докторъ Флейшеръ.
Филиппъ, его сынъ.
Мотесъ.
Фрау Мотесъ.
Фрау Вольфъ, прачка.
Юлій Вольфъ, ея мужъ.
Леонтина } ихъ дочери.
Адельгейда }
Вульковъ, лодочникъ.
Глазенапъ, волостной писарь.
Миттельдорфъ, волостной служитель.

Мѣсто дѣйствія: гдѣ-нибудь подъ Берлиномъ.
Время: борьба изъ-за септенната.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Маленькая, окрашенная въ синюю краску, кухня съ низкимъ потолкомъ; налѣво—окно; грубо сколоченная дверь наружу, направо: по серединѣ задней стѣны—дверь со снятой створкой. Въ углу налѣво плита, на стѣнѣ надъ ней полка съ кухонной посудой, въ углу направо весла и лодочныя принадлежности; подъ окномъ куча наколотыхъ дровъ, такъ-называемыхъ пней. Старая кухонная скамейка, нѣсколько табуретокъ и т. д. и т. д. Въ пустое дверное отверстіе задней стѣны видна вторая комната. Тамъ стоитъ высокая кровать съ чистымъ покрываломъ, надъ которой висятъ дешевыя фотографіи въ еще болѣе дешевыхъ рамкахъ, раскрашенныя головки въ форматѣ визитныхъ карточекъ и т. д. Спинкой къ кровати, стоитъ стулъ изъ мягкаго дерева.— Зима, свѣтитъ мѣсяцъ. На плитѣ, въ жестяномъ подсвѣчникѣ, горитъ сальная свѣчка. На скамейкѣ у плиты, положивъ на нее голову и руки, спитъ Леонтина Вольфъ. Это—семнадцатилѣтняя, красивая, бѣлокурая дѣвушка въ рабочемъ платьѣ служанки. Поверхъ синей ситцевой курточки у нея повязанъ толстый шерстяной платокъ. Нѣсколько мгновеній тихо, потомъ слышно, какъ кто-то старается открыть снаружи дверь, хотя ключъ торчитъ въ ней съ внутренней стороны. Теперь слышенъ стукъ.

Фрау Вольфъ (невидимая снаружи). Адельгейда! Адельгейда! (Тишина; потомъ раздается стукъ въ окно съ противоположной стороны). Да отопри же!

Леонтина (сквозь сонъ). Нѣтъ, нѣтъ, довольно мучить меня!

Фрау Вольфъ. Отопри же, дѣвчонка, а то я въ окно полѣзу. (Она громко барабанитъ въ окно).

Леонтина (просыпаясь). Ахъ, это ты, мама! Сейчасъ! (Отпираетъ).

Фрау Вольфъ (не снимая мѣшка, который она принесла на спинѣ). Ты-то зачѣмъ здѣсь?

Леонтина (заспанная). Здравствуй, мама!

Фрау Вольфъ. Какъ ты сюда вошла, а?

Леонтина. Ключъ же лежалъ надъ козьимъ хлѣвомъ. (Короткое молчаніе).

Фрау Вольфъ. Зачѣмъ же ты пожаловала, дѣвка?

Леонтина (нелѣпо надувъ губы). Нешто мнѣ и заглянуть къ вамъ нельзя?

Фрау Вольфъ. Полно, сдѣлай одолженіе. Очень рада. (Она сваливаетъ мѣшокъ со спины). А ты не знаешь, какъ уже поздно? Отправляйся-ка къ хозяевамъ.

Леонтина. Могу же я и запоздать немножечко разокъ!

Фрау Вольфъ. Ты у меня смотри,—поняла? Маршъ, говорю, не то худо будетъ!

Леонтина (плаксиво, упрямо). Я къ нимъ больше не пойду, мама!

Фрау Вольфъ (изумленно). Не пойдешь... (Иронически) Вотъ оно что! Это для меня новость.

Леонтина. Значитъ, меня такъ ужь и будутъ мучить безъ конца?

Фрау Вольфъ (начала - было вытаскивать козулю изъ мѣшка). Это у Крюгеровъ-то мучатъ тебя? Бѣдняжечка!.. Есть съ чего дуться! Дѣвка, что твой гвардеецъ!.. Да ну же, подержи мѣшокъ снизу! Гдѣ же ты лучше устроишься? У меня вѣдь тоже не рай! Лѣнтяйничать у меня тоже не научишься! (Обѣ вѣшаютъ козулю на дверной косякъ). И я тебѣ въ послѣдній разъ говорю...

Леонтина. Я къ нимъ больше не пойду. Скорѣе въ воду брошусь, мама!

Фрау Вольфъ. Смотри, какъ бы тебѣ насморка не схватить.

Леонтина. Прямо въ воду брошусь!

Фрау Вольфъ. Тогда меня покличь, слышишь! Я дамъ тебѣ такого тумака, что ты, вѣрно, и съ мѣста не сдвинешься.

Леонтина (съ громкимъ крикомъ). Значитъ, я должна такъ-таки безропотно таскать вечеромъ цѣлую сажень дровъ?

Фрау Вольфъ (дѣлаетъ изумленный видъ). Нѣтъ, это же невозможно! Чтобъ ты таскала дрова! Ну, ужъ и люди!

Леонтина. ...и двадцать талеровъ за цѣлый годъ? А тутъ еще изволь себѣ руки морозить? Да ѣсть картофель да селедку, и то не досыта?

Фрау Вольфъ. Тогда нечего столько болтать, глупая. На ключъ, поди, отрѣжь себѣ хлѣба. Поѣшь и—маршъ, поняла? Варенье изъ сливъ на верхней полкѣ.

Леонтина (достаетъ изъ ящика большой хлѣбъ и отрѣзаетъ ломоть). Юста Шульцъ зарабатываетъ сорокъ талеровъ и...

Фрау Вольфъ. Ты только не горячись!.. Тебѣ не вѣкъ въ людяхъ-то жить. Не на вѣчныя времена тебя наняли... Дотяни до перваго апрѣля... Пока же оставайся на мѣстѣ!.. Подарокъ къ Рождеству въ карманѣ, ну, значитъ—бѣжать? Такъ-то не годится!.. Я къ нимъ хожу. Мнѣ же придется расплачиваться въ концѣ концовъ!

Леонтина. И все-то изъ-за пары тряпокъ, что на мнѣ?

Фрау Вольфъ. А про деньги забыла?

Леонтина. Вотъ еще! Всего марокъ шесть!

Фрау Вольфъ. И,—деньги—всегда деньги! Ужъ это ты оставь!

Леонтина. А если я могу больше заработать?

Фрау Вольфъ. Языкомъ!

Леонтина. Нѣтъ, швейной машиной. Поѣду въ Берлинъ и буду шить накидки. Эмилія Штеховыхъ тоже ѣдетъ послѣ Новаго года!

Фрау Вольфъ. А ты связывайся съ этой шлюхой! Она мнѣ еще попадется въ руки! Я ее проучу! А веселое было бы житье для тебя, а? Таскаться-то съ парнями по ночамъ. Нѣтъ, дѣвушка, при одной мысли объ этомъ... да я тебя такъ отколочу, что ты у меня и съ мѣста не поднимешься... Никакъ отецъ идетъ, теперь смотри!

Леонтина. Ежели отецъ станетъ драться, я сбѣгу; тогда я буду знать, какъ мнѣ быть.

Фрау Вольфъ. Теперь помалкивай! Ступай, покорми козъ. Ихъ еще и не доили сегодня вечеромъ. Да кроликамъ принеси горсточку сѣна.

Леонтина (хочетъ быстро уйти, но сталкивается въ дверяхъ съ отцомъ, вполголоса говоритъ: «Здравствуй» и проскальзываетъ мимо него наружу).

Юлій Вольфъ (отецъ, корабельный плотникъ, долговязый, близорукій, съ вялыми движеніями, около сорока трехъ лѣтъ. Онъ ставитъ въ уголъ пару длинныхъ веселъ, которыя принесъ на плечѣ, и молча бросаетъ свои плотничьи инструменты).

Фрау Вольфъ. Лодочника Эмиля встрѣтилъ?

Юлій (бормочетъ).

Фрау Вольфъ. Никакъ языкъ отнялся? Да или нѣтъ? Онъ зайдетъ, а?

Юлій (сердито). Дальше! Ори еще громче!

Фрау Вольфъ. Тебѣ бы только куражиться. И дверь забылъ закрыть.

Юлій (закрываетъ дверь). Что это опять съ Леонтиной?

Фрау Вольфъ. И,—ровно ничего!.. Много ли нагрузилъ Эмиль?

Юлій. Опять про свое. Сколько же онъ долженъ былъ нагрузить?.. Что это опять съ дѣвкой?

Фрау Вольфъ. Полъ-шлюбки или всю?

Юлій (разражаясь внезапнымъ гнѣвомъ). Что это опять случилось съ дѣвкой-то?

Фрау Вольфъ (перебивая его). Сколько нагрузилъ Эмиль, хочу я знать. Половину лодки или всю?

Юлій. И,—опять свое,—всю.

Фрау Вольфъ. Пст, Юліанъ! (Она испугалась и запираетъ ставню).

Юлій (въ испугѣ смотритъ на нее большими глазами и умолкаетъ. Спустя нѣсколько мгновеній тихо говоритъ). Въ Риксдорфѣ теперь совсѣмъ молоденькій лѣсничій.

Фрау Вольфъ. Полѣзай подъ кровать, Юліанъ. (Послѣ нѣкотораго молчанія) Не будь ты такъ ужасно глупъ. Сейчасъ вотъ ты совсѣмъ разворчался. Въ этихъ дѣлахъ ты ничего не смыслишь. Предоставь мнѣ самой позаботиться о дочкахъ. Это же и не твоего ума дѣло. Это—мое дѣло. Будь тутъ мальчики, тогда другой вопросъ. Тогда бы я тебѣ ни слова не сказала. У всякаго своя забота!

Юлій. Такъ пусть она мнѣ и не попадается.

Фрау Вольфъ. Никакъ ты хочешь совсѣмъ искалѣчить ее, Юліанъ?! Боже тебя упаси отъ подобныхъ мыслей! Не думай, что я допущу! Я скорѣе сама прибью ее до смерти. Отъ дѣвчонки можетъ зависѣть наше счастье. Ежели бы только ты могъ взять это въ толкъ.

Юлій. Такъ пусть она смотритъ, какъ ей быть.

Фрау Вольфъ. Объ этомъ нечего тужить, Юліанъ. Очень можетъ быть, что ты еще доживешь до чего-нибудь. Поди, она еще будетъ жить въ бельэтажѣ, и мы будемъ рады, если она просто узнаетъ насъ. Что мнѣ давеча сказывалъ генералъ? «Ваша дочка—такая красивая дѣвушка, что она можетъ производить фуроръ въ театрѣ».

Юлій. Такъ пускай она туда и поступаетъ.

Фрау Вольфъ. У тебя нѣтъ никакого образованія, Юліанъ. Образованія у тебя ни капельки. И не будь меня, Юліанъ, что вышло бы тогда изъ дѣвочекъ? А я вотъ дала имъ образованіе, понялъ? По нынѣшнимъ временамъ вся суть—въ образованіи. Это дается не такъ-то сразу. А все шагъ за шагомъ, помаленечку. Пусть она сперва побудетъ въ горничныхъ. А тамъ пусть ужъ и въ Берлинъ ѣдетъ. Сейчасъ же она еще слишкомъ молода для театра. (Во время этихъ словъ нѣсколько разъ былъ слышенъ стукъ въ дверь, теперь звонятъ).

Доносится голосъ Адельгейды: Мама! А мама! Да отопри же! (Фрау Вольфъ открываетъ дверь. Входитъ Адельгейда. Это—быстро вытянувшаяся школьница четырнадцати лѣтъ. съ красивымъ дѣтскимъ лицомъ. Но выраженіе ея глазъ выдастъ раннюю распущенность). Что же ты не открывала мнѣ двери, мама? У меня руки и ноги озябли.

Фрау Вольфъ. А ты языка-то не распускай. Затопи печь, вотъ и будетъ тепло. Гдѣ ты такъ долго пропадала?

Адельгейда. Я же ходила за отцовскими сапогами.

Фрау Вольфъ. И опять ты цѣлыхъ два часа пропадала.

Адельгейда. Да я же пошла только въ семь?

Фрау Вольфъ. Пошла въ семь, такъ. Теперь же—половина одиннадцатаго. Ты, конечно, этого не знала? Ты проваландалась только три съ половиною часа, это же—немного? Запомни, что я тебѣ скажу. Если ты еще разъ будешь такъ долго пропадать, да у этого самаго паршиваго сапожника Филица.—тогда ты увидишь, что съ тобой произойдетъ.

Адельгейда. Значитъ, мнѣ такъ ужъ и киснуть дома?

Фрау Вольфъ. А теперь молчи и ни звука.

Адельгейда. Ежели я и забѣгу къ Филицу на минутку...

Фрау Вольфъ. Да замолчишь ли ты наконецъ, хотѣла бы я знать! Ты мнѣ про Филица толкуешь! Да? Болвану нечего хвастать. Ремесло у него не одно сапожное. Кто дважды сиживалъ въ тюрьмѣ...

Адельгейда. Вотъ и неправда... Все это—вранье. Онъ мнѣ самъ сказывалъ, мама!

Фрау Вольфъ. Про то всей деревнѣ извѣстно, дурочка. Это же—настоящій сводникъ.

Адельгейда. Онъ даже къ начальнику волости вхожъ.

Фрау Вольфъ. Ну, конечно. Чтобы шпіонить. И вдобавокъ онъ доносчикъ.

Адельгейда. А что такое доносчикъ?

Юлій (изъ сосѣдней комнаты, куда онъ ушелъ). Я подожду, пока ты скажешь еще пару словъ. (Адельгейда поблѣднѣла и молча тотчасъ же идетъ топить печь).

Леонтина (входитъ).

Фрау Вольфъ (взрѣзала козулю, вынула сердце, печень и т. д. и передаетъ ихъ Леонтинѣ). Ну, живо, вымой. Только молчи, а то достанется. (Леонтина, видимо испуганная, принимается за работу. Обѣ дѣвушки шепчутся между собою).

Фрау Вольфъ. Слышь, Юліанъ? Что ты тамъ дѣлаешь? Ты уже снова позабылъ? Я же тебѣ сегодня утромъ говорила. Насчетъ доски, которую оторвало.

Юлій. Насчетъ какой доски?

Фрау Вольфъ. Вотъ-те разъ, не знаешь? Сзади козьяго хлѣва. Вѣтромъ сорвало въ прошлую ночь—поди, приколоти.—понялъ?

Юлій. Э, завтра утромъ приладимъ.

Фрау Вольфъ. Ну нѣтъ. И не думай! Нечего толковать зря. (Юлій, ворча, вернулся въ комнату). Вонъ тамъ молотокъ! А вотъ гвозди! Ну, иди же.

Юлій. Безтолковая ты баба.

Фрау Вольфъ (окликая его). Если Вульковъ придетъ, сколько съ него спросить?

Юлій. Ну, марокъ двѣнадцать, конечно. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ (презрительно). Ишь ты, марокъ двѣнадцать. (Молчаніе). Ну, готовьте отцу-то ужинъ. (Короткое молчаніе).

Адельгейда (взглядывая на козулю). Что это, мама?

Фрау Вольфъ. Анстъ! (Обѣ дѣвушки смѣются).

Адельгейда. Анстъ? Онъ тоже съ рогами? Я знаю, это—козуля.

Фрау Вольфъ. А знаешь, зачѣмъ тогда спрашивать?

Леонтина. Ее папа застрѣлилъ, мать?

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, бѣгите и орите на все село: папа, молъ, застрѣлилъ козулю, да?

Адельгейда. Я-то кричать не стану. Глядь, явится вахмистръ.

Леонтина. Жандарма Шульца я не боюсь, онъ какъ-то трогалъ меня за подбородокъ.

Фрау Вольфъ. А пусть его приходитъ. Мы ничего дурного не дѣлаемъ. Разъ козулю подстрѣлили, и она околѣетъ и никто не найдетъ ея, то она достанется воронамъ. Мы ли съѣдимъ ее, вороны ли, ее все равно съѣдятъ. (Короткое молчаніе). Скажи: тебѣ пришлось таскать дрова?

Леонтина. Ну да, на морозѣ! Сажень кругляку! Даромъ что человѣкъ, какъ собака, умаялся! Въ половину десятаго вечеромъ!

Фрау Вольфъ. И дрова все еще лежатъ на улицѣ?

Леонтина. У воротъ. Больше я ничего не знаю.

Фрау Вольфъ. А что если дрова возьмутъ да украдутъ? Что скажутъ завтра утромъ?

Леонтина. Я больше туда не пойду.

Фрау Вольфъ. Сырыя дрова или сухія?

Леонтина. Прекрасный сухой круглякъ... (То и дѣло зѣваетъ). Ахъ, мама, я такъ ужасно устала. Такъ ужасно умаялась. (Она садится со всѣми признаками пересутомленія).

Фрау Вольфъ (послѣ короткаго молчанія). Пожалуй, оставайся эту ночь у насъ. Я нѣсколько иначе разсудила. А завтра утромъ будетъ виднѣе.

Леонтина. Я выбилась изъ силъ, мама. Во всемъ-то мнѣ одной отдуваться.

Фрау Вольфъ. Ну, и ступай спать, въ комнату наверху,

а то какъ бы отецъ опять не нашумѣлъ. Онъ слишкомъ мало смыслитъ въ подобныхъ вещахъ.

Адельгейда. Папа всегда говоритъ, какъ неучъ.

Фрау Вольфъ. Вѣдь его ничему-то и не учили. Не иначе было бы и съ вами, не дай я вамъ образованія. (Держа кастрюлю на плитѣ. Леонтинѣ) Клади-ка сюда. (Леонтина кладетъ въ кастрюлю вымытые куски мяса). Такъ. Теперь ступай спать.

Леонтина (направляется въ заднюю комнату; еще не скрывшись изъ виду, говоритъ). А Мотесъ-то съѣхалъ отъ Крюгеровъ.

Фрау Вольфъ. Небось, за квартиру-то не заплатилъ?

Леонтина. Насилу выжалъ плату, сказываетъ Крюгеръ. Онъ все же выкурилъ его. Изолгавшійся, дескать, ненадежный человѣкъ. И всегда такой высокомѣрный съ г-номъ Крюгеромъ.

Фрау Вольфъ. Будь я на мѣстѣ г-на Крюгера, не стала бы такъ долго держать его.

Леонтина. Г. Крюгеръ былъ столяромъ, вотъ Мотесъ и презираетъ его. Съ г-номъ докторомъ Флейшеромъ онъ тоже не въ ладахъ.

Фрау Вольфъ. Кто же съ нимъ-то не ладитъ!.. Хотѣла бы я знать. Эти люди мухи не обидятъ.

Леонтина. Онъ больше не смѣетъ являться къ Флейшерамъ.

Фрау Вольфъ. Вотъ тебѣ бы попасть къ нимъ!

Леонтина. Тамъ прислуга, какъ дѣти въ домѣ.

Фрау Вольфъ. И братъ въ Берлинѣ, кассиромъ при театрѣ.

Вульковъ (не разъ стучался въ дверь со двора и теперь кричитъ хриплымъ голосомъ). Будьте добры впустить меня?..

Фрау Вольфъ. Ну, конечно, почему бы нѣтъ? Милости просимъ!

Вульковъ (входитъ въ комнату; лодочникъ со Шпре, безъ мала шестидесяти лѣтъ, съ желта-сѣдою бородой, отъ одного уха до другого проходящею подъ подбородкомъ и оставляющей обвѣтренное лицо открытымъ). Мое вамъ нижайшее почтеніе.

Фрау Вольфъ. Вы опять собрались чуточку потормошить Вольфиху.

Вульковъ. И,—я этимъ дѣломъ больше не занимаюсь!

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, а вѣдь безъ этого намъ не обойтись.

Вульковъ. А не обойдемся, такъ сойдемся!

Фрау Вольфъ. Ужъ вы скажете! Ну, что же?.. Вотъ она виситъ. Ну? Хороша штучка, что?

Вульковъ. А Юлію-то слѣдовало бы поостеречься. Теперь всѣ они тамъ злы.

Фрау Вольфъ. Сколько дадите, и все тутъ. Что проку долго болтать-то!

Вульковъ. Что я вамъ скажу. Я былъ въ Грюнау. Я тамъ очень точно слышалъ. Они тамъ Фрица Вебера подстрѣлили. Весь задъ набили дробью.

Фрау Вольфъ. Сколько же дадите, вотъ въ чемъ все дѣло.

Вульковъ (ощупывая козулю). У меня уже цѣлыхъ четыре козла.

Фрау Вольфъ. Отъ этого ваша лодка ко дну не пойдетъ.

Вульковъ. Конечно, нѣтъ. Мнѣ былъ бы праздникъ. А что если мнѣ придется застрять на мѣстѣ? Мнѣ же нужно съ товаромъ тащиться въ Берлинъ. Нынче и безъ того трудненько работать на Шпре, а если ночью будетъ и дальше точно такъ же стягивать, то завтра уже и не двинешься. Тогда мнѣ придется засѣсть съ лодкой во льду со всѣмъ товаромъ на шеѣ.

Фрау Вольфъ (дѣлая видъ, что мѣняетъ свое рѣшеніе). Ну, дѣвушка, сбѣгай-ка къ Шульцихѣ. Кляняйся и скажи, чтобъ зашла, у матери, дескать, товаръ имѣется.

Вульковъ. Нешто я говорилъ, что не хочу покупать?

Фрау Вольфъ. Мнѣ все равно, кто купитъ.

Вульковъ. Я же и хочу купить.

Фрау Вольфъ. А и не купите, не пропадетъ.

Вульковъ. Куплю! Сколько въ ней вѣсу-то?

Фрау Вольфъ (схватила козулю). Въ этой-то козулѣ, въ ней всѣ тридцать фунтовъ. Даже съ лишкомъ, доложу я вамъ. Слышь, Адельгейда! Ты же была при этомъ! Мы насилу могли поднять ее на крюкъ.

Адельгейда (которой какъ разъ при этомъ не было). Я, право, что-то себѣ вывихнула.

Вульковъ. Марокъ тринадцать дамъ. И то и десяти пфенниговъ не наживешь.

Фрау Вольфъ (дѣлаетъ ужасно изумленный видъ; въ ближайшее мгновеніе она предпринимаетъ нѣчто другое. Какъ бы забывъ о присутствіи Вулькова, она говоритъ, повидимому, только теперь снова замѣчая его). Счастливаго пути!

Вульковъ. Ну, больше тринадцати я дать не могу.

Фрау Вольфъ. Ну,—бросьте!

Вульковъ. Больше дать не могу. Что я вамъ скажу. И то знакомства ради. Накажи меня Богъ! Вѣрно, какъ то, что я здѣсь. На этомъ не такъ ужъ много наживешь. И если-бъ я хотѣлъ сказать: четырнадцать, тогда бы я своихъ приплатилъ, тогда бы я потерялъ цѣлую марку. Но это мнѣ все равно. Лишь бы уважить васъ. За четырнадцать марокъ...

Фрау Вольфъ. И.—Богъ съ вами! Козулю-то мы сбудемъ съ рукъ, даже до завтра не придется ждать.

Вульковъ. Но какъ бы кто не увидалъ ея. Дѣло не деньгами кончится.

Фрау Вольфъ. Эту козулю мы нашли околѣвшей.

Вульковъ. Да, въ силкахъ, вѣрю вамъ.

Фрау Вольфъ. Вы на это не сворачивайте! Это вамъ не поможетъ! Вы хотите послѣднее взять? Надрываешься, пока духу не хватитъ. По цѣлымъ часамъ сидишь въ снѣгу, въ такой темнотѣ, что хоть глазъ выколи, не говоря уже о рискѣ. Не шутка.

Вульковъ. У меня уже цѣлыхъ четыре штуки. Иначе я далъ бы пятнадцать марокъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, Вульковъ, сегодня мы дѣла не сдѣлаемъ. Идите съ Богомъ дальше, мы тутъ намыкались на озерѣ... еще минутка, и мы бы застряли во льду. Нельзя было ни впередъ ни назадъ. Не даромъ же отдавать въ концѣ концовъ.

Вульковъ. Ну, а много ли мнѣ-то отъ этого прибыли? Лодочный промыселъ — дѣло подневольное. Контрабанда тоже изъ рукъ вонъ. Вы прогадали, такъ я давнымъ-давно пролетѣлъ. Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, какъ мыкаюсь. А что у меня сегодня? Ревматизмъ. Встаешь рано утромъ и собачонкой воешь. Уже много лѣтъ я собираюсь обзавестись шубой, это мнѣ всѣ доктора совѣтовали, потому что здоровье мое чувствительно. И все не могъ купить, Вольфиха. До сихъ поръ не могъ, какъ Богъ святъ.

Адельгейда (матери). Слышала, что сказывала Леонтина?

Вульковъ. Ну, вотъ что я вамъ скажу: шестнадцать марокъ!

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, не пойдетъ! Восемнадцать! (Адельгейдѣ) Ты про что говоришь?

Адельгейда. Фрау Крюгеръ шубу-то купила, въ пятьсотъ марокъ обошлась. Бобровая.

Вульковъ. Бобровая?

Фрау Вольфъ. Кто купилъ?

Адельгейда. Да фрау Крюгеръ, — г-ну Крюгеру къ Рождеству.

Вульковъ. Кажись, дѣвочка у Крюгера служитъ?

Адельгейда. Не я. Моя сестра. Я вообще не служу въ людяхъ.

Вульковъ. Вотъ мнѣ бы обзавестись такою. Объ этомъ я уже давненько хлопочу. За это я далъ бы цѣлыхъ шестьдесятъ талеровъ. Деньги на докторовъ и аптекарей, да я бы ихъ лучше на шубенку истратилъ. По крайней мѣрѣ удовольствіе получилъ бы.

Фрау Вольфъ. А вы только понавѣдайтесь къ Крюгерамъ, Вульковъ. Авось подарятъ.

Вульковъ. Нѣтъ, добромъ не возьмешь. Но, какъ сказано: меня это очень интересуетъ.

Фрау Вольфъ. Еще бы! Такую-то шубу я сама не прочь надѣть.

Вульковъ. Такъ какъ же? Шестнадцать?

Фрау Вольфъ. Меньше восемнадцати нельзя. Не меньше восемнадцати, наказывалъ Юліанъ. Съ шестнадцатью марками ему и на глаза не показывайся. Разъ ужъ онъ забьетъ себѣ въ голову... (Входитъ Юлій). Слышь, Юлій, ты же сказалъ: восемнадцать марокъ?

Юлій. Что я сказалъ?

Фрау Вольфъ. Ты опять плохо слышишь! Ты же сказалъ, не меньше восемнадцати. За меньшее мнѣ нельзя отдать козла-то.

Юлій. Я сказалъ?.. Ахъ, да, про дичину. Да! Такъ! Гм! Это же не такъ ужъ много.

Вульковъ (вынимая деньги и отсчитывая). Чтобы кончить. Семнадцать марокъ. Ну, согласны?

Фрау Вольфъ. И продувной же вы малый. Я уже сказала, едва онъ вошелъ въ дверь: стоитъ ему переступить порогъ, какъ товаръ у него уже въ мѣшкѣ.

Вульковъ (развернулъ спрятанный сложенный мѣшокъ). Помогите мнѣ сейчасъ же убрать ее сюда. И если вамъ приведется услышать о чемъ-нибудь... я разумѣю примѣрно... о чемъ-нибудь... примѣрно о шубѣ, напримѣръ. То талеровъ этакъ шестьдесятъ-семьдесятъ я могъ бы предложить.

Фрау Вольфъ. Вы не въ своемъ умѣ!.. Откуда намъ такую-то шубу взять?

Мужской голосъ (зоветъ со двора). Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ! Вы еще не спите?

Фрау Вольфъ (перепуганная, какъ и остальные, быстро, энер-

тично). Спрячьтесь! Спрячьтесь въ ту комнату! (Она выпихиваетъ всѣхъ въ заднюю комнату и запираетъ дверь).

Мужской голосъ. Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ! Вы уже спите?

Фрау Вольфъ (гаситъ свѣтъ).

Мужской голосъ. Фрау Вольфъ! А фрау Вольфъ, вы все еще не спите? (Голосъ удаляется, напѣвая:) «Ахъ, заря, заря моя, — слишкомъ рано умеръ я».

Леонтина. Это же просто «Заря», мама.

Фрау Вольфъ (немного прислушивается, затѣмъ тихо открываетъ дверь и снова прислушивается. Потомъ, успокоившись, закрываетъ ее и зажигаетъ свѣтъ. Потомъ снова впускаетъ въ комнату остальныхъ). Это—волостной служитель Миттельдорфъ.

Вульковъ. Чортъ возьми, какія у васъ знакомства!

Фрау Вольфъ. Смотрите, дайте ему отойти, Вульковъ.

Адельгейда. Мама, Мино залаялъ.

Фрау Вольфъ. Живо, живо, Вульковъ. Съ Богомъ! Пройдите огородомъ. Юліанъ отопретъ. Ступай, Юліанъ, отопри.

Вульковъ. Такъ я сказалъ, если что-нибудь въ родѣ бобровой шубы...

Фрау Вольфъ. Ну ладно, съ Богомъ!

Вульковъ. Если Шпре все еще не станетъ, то дня черезъ три, черезъ четыре я буду назадъ изъ Берлина. Тогда я буду стоять съ лодкой тамъ же, внизу.

Адельгейда. У большого моста?

Вульковъ. Какъ всегда. Ну, Юлій, ковыляй впередъ. (Уходятъ).

Адельгейда. Мама, Мино опять лаетъ.

Фрау Вольфъ (у огня). И пусть его лаетъ. (Протяжный зовъ издали: «Лодочни-и-нкъ!»).

Адельгейда. Кто-то хочетъ переправиться черезъ Шпре, мама.

Фрау Вольфъ. Сбѣгай-ка, отецъ же тамъ на рѣкѣ. («Лодочникъ!»). Отнеси отцу весла. Пусть онъ только дастъ сперва отойти Вулькову.

(Адельгейда съ веслами уходитъ. Фрау Вольфъ нѣкоторое время усердно работаетъ одна. Возвращается Адельгейда).

Адельгейда. У отца нашлись весла въ лодкѣ.

Фрау Вольфъ. Кому бы это понадобилось переправляться такъ поздно?

Адельгейда. Мнѣ кажется, мама, это — безмозглый Мотесъ.

Фрау Вольфъ. Что? Кто это, дѣвушка?

Адельгейда. Кажется, это былъ голосъ Мотеса.

Фрау Вольфъ (быстро). Поди туда, бѣги! Пускай отецъ вернется: проклятый Мотесъ можетъ оставаться на томъ берегу. Ему нечего обнюхивать всѣ углы у меня въ домѣ.

(Адельгейда уходитъ. Фрау Вольфъ прячетъ и убираетъ все, что могло бы сколько-нибудь напомнить о козулѣ. Закрываетъ кастрюлю фартукомъ. Адельгейда возвращается).

Адельгейда. Мама, я пришла слишкомъ поздно. Я слышу, какъ они уже разговариваютъ.

Фрау Вольфъ. Кто это?

Адельгейда. Я же говорила: Мотесъ.

(Г-жа и г-нъ Мотесъ появляются въ дверяхъ одинъ за другимъ. Она—вертлявая молодая женщина лѣтъ тридцати, скромно и прилично одѣтая. Онъ—въ зеленомъ охотничьемъ плащѣ, со здоровымъ, литеннымъ выраженія лицомъ; на лѣвомъ глазу у него черная повязка).

Фрау Мотесъ (громко). Носъ посинѣлъ отъ холода, тетушка Вольфъ!

Фрау Вольфъ. Что же вы гуляете по ночамъ? Вѣдь у васъ и днемъ достаточно времени.

Мотесъ. Тепленько здѣсь у васъ... У кого это много времени днемъ?

Фрау Вольфъ. Да у васъ же!

Мотесъ. А развѣ я рентой живу?

Фрау Вольфъ. Я не знаю, чѣмъ вы живете.

Фрау Мотесъ. И,—вы только не серчайте, тетушка Вольфъ. Мы же хотимъ спросить нашъ счетъ.

Фрау Вольфъ. Объ этомъ вы меня уже не разъ спрашивали.

Фрау Мотесъ. Ну, и еще разъ спрашиваемъ, что же изъ этого? Мы же должны расплатиться въ концѣ концовъ.

Фрау Вольфъ (изумленно). Вы хотите расплатиться?

Фрау Мотесъ. Конечно. Разумѣется!

Мотесъ. Тетушка Вольфъ совсѣмъ изумлена. Вы думали, мы сбѣжимъ отъ васъ?

Фрау Вольфъ. И,—ничего такого я не думала. И разъ вы такъ добры! Покончимте съ этимъ сейчасъ же. За вами одиннадцать марокъ и тридцать пфенниговъ.

Фрау Мотесъ. Да, да, тетушка Вольфъ, у насъ будутъ денежки. Люди здѣсь только глаза вытаращатъ!

Мотесъ. Здѣсь пахнетъ жаренымъ зайцемъ.

Фрау Вольфъ. Что прыгаетъ по крышамъ, можетъ-быть. Это болѣе похоже!

Мотесъ. А мы посмотримъ! (Онъ хочетъ снять крышку съ кастрюли).

Фрау Вольфъ (не позволяетъ ему). Нечего носъ въ горшки совать!

Фрау Мотесъ (подозрительно наблюдая за ней). Тетушка Вольфъ, мы кое-что нашли.

Фрау Вольфъ. Я ничего не теряла.

Фрау Мотесъ. Не угодно ли взглянуть! (Показываетъ ей пару проволочныхъ силковъ).

Фрау Вольфъ (не теряя самообладанія). Это же—силки?

Фрау Мотесъ. Мы ихъ нашли совсѣмъ близко. Шаговъ за двадцать отъ вашего огорода.

Фрау Вольфъ. Господи, сколько здѣсь браконьеровъ!

Фрау Мотесъ. Стоитъ вамъ только послѣдить, тетушка Вольфъ, вы, навѣрное, поймаете браконьера.

Фрау Вольфъ. И,—это меня не касается!

Мотесъ. Попадись мнѣ такой негодяй, такъ я сперва отколочу его, а потомъ безъ всякой жалости донесу на него.

Фрау Мотесъ. Тетушка Вольфъ, у васъ не найдется пары свѣжихъ яичекъ?

Фрау Вольфъ. Теперь-то, зимой? Большая рѣдкость.

Мотесъ (входящему Юлію). Лѣсничій Зейдель опять поймалъ браконьера. Завтра поведутъ въ острогъ. Везетъ парню, словъ нѣтъ. Не случись со мной бѣды, я бы сегодня могъ быть старшимъ лѣсничимъ. Я бы еще не такъ расправился съ собаками!

Фрау Вольфъ. За это кой-кому уже досталось.

Мотесъ. Да, кому страшно за себя. Мнѣ-то не страшно! Я уже донесъ на двоихъ. (Пристально смотритъ то на фрау Вольфъ, то на ея мужа). А съ двумя другими я пока жду: они не уйдутъ у меня изъ рукъ. Кто ставитъ силки, пусть не думаетъ, что я ихъ не знаю. Я ихъ отлично знаю!

Фрау Мотесъ. Вы, поди, пекли хлѣбъ, тетушка Вольфъ? Намъ такъ опротивѣлъ хлѣбъ изъ булочной.

Фрау Вольфъ. Вы, помнится, хотѣли погасить счетъ.

Фрау Мотесъ. Я же вамъ говорю, въ субботу, тетушка Вольфъ. Мой мужъ сталъ редакторомъ «Вѣстника Охоты и Лѣсоводства».

Фрау Вольфъ. Ну да, я же знаю, что это значитъ.

Фрау Мотесъ. Ахъ, да, фрау Вольфъ. Мы уже съѣхали отъ Крюгера.

Фрау Вольфъ. Да, вамъ нельзя было не съѣхать.

Фрау Мотесъ. Нельзя? Ты только послушай, муженекъ!

(Принужденно смѣется). Фрау Вольфъ говоритъ, что намъ нельзя было не съѣхать отъ Крюгера!

Мотесъ (красный отъ гнѣва). Почему я съѣхалъ оттуда, вы скоро узнаете. Это—ростовщикъ и головорѣзъ.

Фрау Вольфъ. Не знаю. На это я ничего не скажу.

Мотесъ. Я только жду доказательствъ. Пусть онъ будетъ поосторожнѣе со мной. Онъ и его другъ-пріятель докторъ Флейшеръ. Въ особенности онъ. Стóитъ мнѣ только захотѣть: одного словечка достаточно, и онъ сидѣлъ бы у меня подъ замкóмъ. (Уже въ началѣ своей рѣчи онъ отошелъ назадъ, съ послѣдними словами удаляется въ дверь. Уходитъ).

Фрау Вольфъ. Они опять поругались?

Фрау Мотесъ (принимая довѣрчивый видъ). Съ моимъ-то мужемъ шутки коротки. Если онъ за что возьмется, такъ ужъ не дастъ спуску. Онъ на очень хорошей ногѣ съ г-номъ начальникомъ... Такъ какъ же насчетъ яицъ и хлѣба?

Фрау Вольфъ (противъ воли). Ну, пяточекъ-то у меня еще найдется. И кусокъ хлѣба. (Фрау Мотесъ укладываетъ яйца и полхлѣба въ ручную корзину). Вы теперь довольны?

Фрау Мотесъ. Конечно. Разумѣется. Яйца-то хорошія?

Фрау Вольфъ. Какія ужъ мои курочки снесли.

Фрау Мотесъ (второпяхъ, чтобы догнать своего мужа). Ну, прощайте! Деньги—въ ближайшую субботу! (Уходитъ).

Фрау Вольфъ. Ну да, ну да, ладно! (Закрываетъ дверь, вполголоса) Только проваливайте. У всѣхъ-то въ однихъ долгахъ. (У кастрюли) Какое имъ дѣло, что мы ѣдимъ? Пусть въ свои горшки суютъ носъ-то. Ступай спать, дѣвка.

Адельгейда. Спокойной ночи, мама. (Цѣлуетъ ее).

Фрау Вольфъ. Ну, а папу-то почему не поцѣлуешь?

Адельгейда. Спокойной ночи, папа. (Цѣлуетъ его, тотъ ворчитъ. Адельгейда уходитъ).

Фрау Вольфъ. Вѣчно приходится напоминать. (Молчаніе).

Юлій. Зачѣмъ тебѣ было отдавать всѣ яйца?

Фрау Вольфъ. Не врага же мнѣ наживать? А ты наживай себѣ въ немъ врага, Юліанъ. Говорю тебѣ, это—опасный человѣкъ. Одно то и дѣло у него, что выслѣживать людей. Поди, садись! Ешь! Вотъ вилка. Ты въ этомъ мало смыслишь. Лучше за собой присматривай! Поставилъ силки подлѣ самаго сада! Это же твои?

Юлій (сердито). Ну, дальше, дальше.

Фрау Вольфъ. Чтобы проклятый Мотесъ сейчасъ же наткнулся на нихъ. Здѣсь, близъ дома, понялъ, никогда

больше не ставь силковъ. А то вѣдь скажутъ, дескать, мы ихъ поставили.

Юлій. Да брось же эту болтовню. (Оба ѣдятъ).

Фрау Вольфъ. Слушай, дрова-то ужъ вышли всѣ, Юліанъ.

Юлій. Что же, мнѣ еще отправляться на задворки?

Фрау Вольфъ. Лучше всего намъ покончить съ этимъ сейчасъ же.

Юлій. Я больше ни рукъ ни ногъ не чувствую. Пускай идетъ, кто хочетъ, мнѣ все равно!

Фрау Вольфъ. У васъ, у мужчинъ, только глотка большая, а дойдетъ до дѣла, глядишь, на понятную. Я работаю за троихъ такихъ, какъ вы. Ежели ты нынче не хочешь совсѣмъ выходить, ничего не подѣлаешь, Юліанъ, завтра придется. Багры не притупились?

Юлій. Я одолжилъ ихъ Карлу Махнову.

Фрау Вольфъ (помолчавъ). Не будь ты такой трусъ!.. Сажень-то дровъ была бы у насъ подъ крышей!.. Намъ не пришлось бы такъ-то вотъ мыкаться... Намъ не пришлось бы далеко-то ходить.

Юлій. Дай же мнѣ проглотить кусокъ!

Фрау Вольфъ (даетъ ему подзатыльникъ). Будетъ тебѣ щетиниться. Я хочу быть доброй, ты только смотри! (Доставая бутылку водки и показывая ее) Вотъ! Видишь, я это тебѣ принесла. Ты сразу повеселѣлъ! (Наливаетъ мужу полный стаканъ).

Юлій (пьетъ: потомъ). Это... при холодѣ—это же совсѣмъ хорошо!

Фрау Вольфъ. Ну, вотъ видишь! Нешто я не забочусь о тебѣ?

Юлій. Хорошо. Очень хорошо! (Наливаетъ себѣ снова и пьетъ).

Фрау Вольфъ (помолчавъ, колетъ дрова, отъ поры до времени перехватывая кусокъ). А Вульковъ — настоящій мошенникъ. Всегда-то прикидывается, будто дѣла у него плохи.

Юлій. Ему же нельзя не держать языка за зубами—при этой... его... торговлѣ...

Фрау Вольфъ. Ты же слыхалъ про бобровую шубу.

Юлій. Я... ничего не слыхалъ.

Фрау Вольфъ (съ дѣланной легкостью). Дочь разсказывала про г-жу Крюгеръ, она подарила шубу Крюгеру.

Юлій. Имъ это можно...

Фрау Вольфъ. Ну да, вотъ Вульковъ и имѣлъ въ виду... Да ты же слыхалъ! Ежели бы кто досталъ такую шубу, онъ бы тотчасъ же уплатилъ шестьдесятъ талеровъ.

Юлій. Такъ пусть онъ... пусть онъ самъ обожжется.

Фрау Вольфъ (помолчавъ, наливая мужу водки). Выпей еще одну!

Юлій. А то онъ всегда... всегда... что-нибудь...

Фрау Вольфъ (приноситъ тетрадку и перелистываетъ ее).

Юлій. Сколько мы истратили съ іюля-то?

Фрау Вольфъ. Почти тридцать талеровъ уплачено.

Юлій. Тогда еще... еще остается?..

Фрау Вольфъ. Всего-то семьдесятъ. Такъ-то долго не протянешь. А вотъ сразу положить бы талеровъ этакъ шестьдесятъ-семьдесятъ. И земля была бы оплачена. Тогда можно было бы раздобыть отъ ста до двухсотъ и, пожалуй, пару комнатъ пристроить. Вѣдь такъ-то къ намъ ни одинъ дачникъ не поѣдетъ: а главный доходъ—отъ дачниковъ.

Юлій. Ну, и что же... дальше?

Фрау Вольфъ. Ты слишкомъ нерѣшительный человѣкъ, Юліанъ. Сталъ бы ты покупать землю? Ну? А если-бъ мы теперь вздумали продавать ее, мы уже получили бы вдвое. У меня совсѣмъ другая температура. Будь у тебя моя температура...

Юлій. Я же работаю, а къ чему все это!

Фрау Вольфъ. Работай понемножку, далеко уйдешь.

Юлій. Не красть же мнѣ. Все дѣло испортишь.

Фрау Вольфъ. Ты глупъ, такъ дуракомъ и останешься. Здѣсь никто не говорилъ про кражу. Вѣкъ зѣвать, добра не видать. А разбогатѣешь, Юліанъ, въ экипажѣ станешь кататься, и ни одна-то душа не спроситъ, откуда это у тебя. Да, ежели-бъ я у бѣдныхъ брала! И ежели мы, въ самомъ дѣлѣ, пойдемъ къ Крюгерамъ и наложимъ сажень дровъ на санки, и поставимъ къ себѣ въ сарай,—вѣдь отъ этого они еще не станутъ бѣднѣе.

Юлій. Дрова? Что это опять за дрова?

Фрау Вольфъ. Ты ровно ни о чемъ не заботишься. Твою дочь хоть до смерти замучь. Ей пришлось дрова таскать, въ десять-то часовъ вечера, вотъ она и убѣжала. Тебѣ это безразлично. Чего добраго, поколотишь ребенка да еще отошлешь назадъ къ этимъ людямъ.

Юлій. Разумѣется!.. Такъ и будетъ!.. Такъ и сдѣлаю...

Фрау Вольфъ. Такія-то вещи даромъ не проходятъ. Меня ударили, говорю, я тоже не смолчу...

Юлій. Да развѣ они ударили дѣвчонку?

Фрау Вольфъ. Разъ она убѣжала, Юліанъ?! Нѣтъ, нѣтъ, съ тобой каши не сваришь. Дрова теперь лежатъ на улицѣ.

Вѣдь ежели я скажу: пойдемъ, ты, молъ, мучишь моего ребенка, такъ я беру твои дрова, — хорошую рожу ты скорчишь.

Юлій. Я вовсе не стану... Я не продамъ себя. Я могу ѣсть не одинъ только хлѣбъ. И я не стерплю, чтобы такія вещи... драться больше нельзя.

Фрау Вольфъ. Такъ вотъ, брось болтать и собирайся. Лучше покажи людямъ, кто ты таковъ. Въ одинъ часъ все обдѣлаемъ. Потомъ ляжемъ спать, и все тутъ. А завтра тебѣ не нужно будетъ ходить въ лѣсъ, и дровъ у насъ будетъ больше, чѣмъ нужно.

Юлій. Ну, коль на то пошло, мнѣ все равно.

Фрау Вольфъ. Почему бы не такъ! Только не будь дѣвушекъ.

Миттельдорфъ (снаружи). Фрау Вольфъ, а фрау Вольфъ, вы еще не спите?

Миттельдорфъ (входитъ, въ поношенномъ мундирѣ и пальто. Въ его лицѣ что-то мефистофельское. Его носъ обнаруживаетъ алкоголическую красноту. Въ своемъ поведеніи онъ мягокъ, почти застѣнчивъ. Говоритъ медленно и протяжно, безъ всякаго движенія на лицѣ). Добрый вечеръ, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Ночь, хотите вы сказать?

Миттельдорфъ. Я проходилъ здѣсь уже давеча. Сперва мнѣ вотъ что показалось: вижу свѣтъ, а потомъ вдругъ стало темно. Вдобавокъ мнѣ никто и не отвѣтилъ. На сей разъ я совершенно ясно видѣлъ свѣтъ, вотъ и зашелъ еще разокъ.

Фрау Вольфъ. Съ чѣмъ же вы пожаловали ко мнѣ, Миттельдорфъ?

Миттельдорфъ (садится, думаетъ немного и потомъ говоритъ). За этимъ я, значитъ, и пришелъ. Есть порученьице отъ г-жи супруги начальника.

Фрау Вольфъ. Я должна придти стирать, да?

Миттельдорфъ (въ раздумьѣ морщитъ брови, потомъ говоритъ). Совершенно вѣрно!

Фрау Вольфъ. Когда же?

Миттельдорфъ. Завтра!.. Завтра утречкомъ!..

Фрау Вольфъ. И вы мнѣ это говорите ночью, въ двѣнадцать?

Миттельдорфъ. Завтра стирка у г-жи начальницы.

Фрау Вольфъ. Это должно быть извѣстно за два дня.

Миттельдорфъ. И то сказать. Только не поднимайте исторіи. Я вотъ опять запамятовалъ. У меня столько всего въ головѣ, что иной разъ не хитро позабыть.

Фрау Вольфъ. Ладно, Миттельдорфъ, какъ-нибудь устрою. Мы же — друзья. У васъ и безъ того достаточно хлопотъ съ вашими одиннадцатью ребятами въ домѣ, не такъ ли? Что же вамъ еще получать нагоняй!

Миттельдорфъ. Ежели вы завтра не придете, тетушка Вольфъ, то мнѣ ужъ не сдобровать завтра утромъ.

Фрау Вольфъ. Ладно, приду, не безпокойтесь. На-те, выпейте! Не повредитъ. (Даетъ ему грогу). У меня тутъ какъ разъ осталось немножечко горячей воды. Мы вотъ нынче отправляемся въ путь. За откормленными гусями въ Трептовъ. Днемъ—некогда. У насъ вѣдь все по-старому. Бѣднякъ бьется день и ночь. Зато богачъ валяется въ постели.

Миттельдорфъ. Мнѣ отказали отъ мѣста, знаете? Начальникъ отказалъ. Я, моль, недостаточно строгъ съ людьми.

Фрау Вольфъ. Значитъ, нужно цѣпной собакой быть?

Миттельдорфъ. Я лучше не пойду домой; придешь, грызня. Я не знаю, какъ мнѣ быть съ упреками.

Фрау Вольфъ. И,—заткните уши!

Миттельдорфъ. Ну, вотъ и заглядываешь въ трактиръ, чтобы горе не совсѣмъ одолѣло: даже этого нельзя. Ничего нельзя! Вотъ нынче опять посидѣлъ, тамъ пріятель выставилъ боченочекъ...

Фрау Вольфъ. Вамъ не слѣдуетъ бояться бабы. Ежели она васъ ругаетъ—и вы ругайтесь, она васъ бьетъ—и вы бейте. Ну-ка, подите сюда, вы же выше меня. Достаньте вонъ тѣ веревки. Слышь, Юліанъ, приготовь санки. (Юліанъ уходитъ). Сколько разъ я должна тебѣ говорить. (Миттельдорфъ снимаетъ съ высокой полки веревки). Большія сани приготовь. Вонъ тѣ веревки—давайте тоже сюда.

Юлій (снаружи). Ничего не видать.

Фрау Вольфъ. Чего?..

Юлій (появляется въ дверяхъ). Мнѣ одному саней-то не вытащить. На нихъ что-то навалено. И безъ огня не управишься.

Фрау Вольфъ. Ты ровно ничего не сообразишь. (Быстро надѣваетъ головной и грудной платки). Подожди, я сама тебѣ пособлю. Вонъ тамъ фонарь, Миттельдорфъ! (Миттельдорфъ съ трудомъ снимаетъ фонарь и передаетъ его фрау Вольфъ). Такъ, спасибо! (Вставляетъ въ фонарь свѣчу). Свѣча готова, можемъ идти. Теперь я помогу тебѣ вытащить санки. (Идетъ съ фонаремъ впередъ. За ней Миттельдорфъ. Въ дверяхъ она оборачи-

вается и передастъ фонарь Миттельдорфу). Вы можете намъ чуточку посвѣтить!

Миттельдорфъ (свѣтя и напѣвая про себя, уходитъ). Эхъ, заря, мо-я заря...

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Канцелярія начальника волости фонъ-Вергана: большая бѣлая комната съ голыми стѣнами и тремя окнами въ глубинѣ. Въ лѣвой стѣнѣ—входная дверь. У стѣны направо—служебный столъ, заваленный книгами, дѣлами и т. д., позади него кресло начальника. У средняго окна—столъ и стулъ писаря. Впереди направо, подъ рукою начальника, когда онъ сидитъ въ креслѣ, — шкапъ изъ изъ мягкаго дерева съ книгами. Лѣвая стѣна закрыта полками съ дѣлами. На самомъ переднемъ планѣ, начиная отъ лѣвой стѣны, стоятъ шесть стульевъ въ одинъ рядъ. Сидящіе на нихъ видны сзади. — Ясное зимнее утро. Писарь Глазенапъ скрипитъ перомъ на своемъ мѣстѣ. Это—невзрачная фигура въ очкахъ. Быстрымъ шагомъ входитъ начальникъ волости фонъ-Верганъ, со связкой дѣлъ подъ мышкой. Вергану около сорока лѣтъ: носитъ монокль. Онъ производитъ впечатлѣніе помѣщика. Его форменная одежда состоитъ изъ чернаго, застегнутаго сюртука и высокихъ, натянутыхъ на брюки ботфортовъ. Онъ говоритъ почти фистулой и старается выражаться съ военною краткостью.

Верганъ (мимоходомъ, какъ заваленный дѣлами человѣкъ). Здравствуйте!

Глазенапъ (встаетъ). Здравія желаю, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Что новаго, Глазенапъ?

Глазенапъ (стоя и перелистывая бумаги). Имѣю честь доложить, г. начальникъ... Во-первыхъ, тутъ былъ... гм! трактирщикъ Фибигъ. Онъ проситъ разрѣшить ему, г. начальникъ, танцовальный вечеръ въ ближайшее воскресеніе.

Верганъ. Это... скажите, не Фибигъ?—отдавалъ недавно залу?..

Глазенапъ. Свободомыслящимъ. Такъ точно, г-нъ баронъ!

Верганъ. Этотъ самый Фибигъ?

Глазенапъ. Точно такъ, г-нъ баронъ!

Верганъ. Мы его приструнимъ чуточку! (Входитъ служитель Миттельдорфъ).

Миттельдорфъ. Здравія желаю, г-нъ баронъ.

Верганъ. Послушайте: разъ навсегда — на службѣ я — начальникъ.

Миттельдорфъ. Такъ точно. Слушаюсь, г-нъ ба... г-нъ начальникъ, хотѣлъ я сказать.

Верганъ. Замѣтьте же наконецъ: что я—баронъ,—дѣло второстепенное. По крайней мѣрѣ здѣсь не въ счетъ. (Глазенапу) Пожалуйста, дальше. Писатель Мотесъ не былъ?

Глазенапъ. Такъ точно, г-нъ начальникъ!

Верганъ. Такъ. Значитъ, былъ? Крайне любопытно. Онъ же хотѣлъ вторично зайти?

Глазенапъ. Этакъ къ двѣнадцати онъ будетъ снова здѣсь.

Верганъ. Онъ что-нибудь говорилъ, Глазенапъ?

Глазенапъ. Онъ приходилъ по дѣлу доктора Флейшера.

Верганъ. Скажите, Глазенапъ, доктора Флейшера вы знаете?

Глазенапъ. Я знаю одно: живетъ на дачѣ у Крюгера.

Верганъ. Давно ли онъ здѣсь?

Глазенапъ. Я-то служу съ Михайлова дня.

Верганъ. Ну да, мы прибыли вмѣстѣ, я здѣсь вотъ уже около четырехъ мѣсяцевъ.

Глазенапъ (взглядывая на Миттельдорфа). Полагаю, онъ, поди, уже два года здѣсь.

Верганъ (Миттельдорфу). Вамъ, конечно, ничего неизвѣстно.

Миттельдорфъ. Позвольте доложить — съ Михайлова дня прошлаго года...

Верганъ. Какъ? Значитъ, онъ тогда появился здѣсь?

Миттельдорфъ. Такъ точно—изъ Берлина, г-нъ... г-нъ начальникъ.

Верганъ. Можетъ-быть, вы его ближе знаете?

Миттельдорфъ. Я знаю только, что его братъ — кассиръ въ театрѣ.

Верганъ. Я спрашивалъ не про брата. Чѣмъ онъ занимается? Что онъ дѣлаетъ? Кто онъ такой?

Миттельдорфъ. Не могу знать. Сказываютъ, онъ боленъ. Страдаетъ сахарной болѣзнью.

Верганъ. Чѣмъ онъ страдаетъ, мнѣ все равно. Можетъ хоть сипомъ потѣть, если ему нравится... Кто же онъ такой?

Глазенапъ (пожимаетъ плечами). Онъ называетъ себя проватъ-доцентомъ.

Верганъ. При! При! Не про, а приватъ-доцентъ.

Глазенапъ. Переплетчикъ Гукъ беретъ у него книги. Онъ каждую недѣлю отдаетъ что-нибудь въ переплетъ.

Верганъ. Хотѣлось бы посмотрѣть, что онъ читаетъ.

Глазенапъ. Почтальонъ думаетъ, у него двадцать газетъ. Въ томъ числѣ и демократическія.

Верганъ. Вы бы привели сюда Гука.

Глазенапъ. Сейчасъ?

Верганъ. При случаѣ. Завтра, послѣзавтра. Пусть и пару книгъ захватитъ. (Миттельдорфу) Вы, очевидно, спите цѣлый день — или, можетъ-быть, у него хорошія сигары водятся?

Миттельдорфъ. Г-нъ начальникъ!..

Верганъ. Ну, оставьте. Я слѣжу за своими людьми. Это завелось при моемъ предшественникѣ. Но оно мало-помалу перемѣнится... Для служащихъ въ полиціи позорно получать подарки. Для васъ это, разумѣется, турецкая грамота. (Глазенапу) Мотесъ не высказывалъ ничего опредѣленнаго?

Глазенапъ. Опредѣленнаго онъ мнѣ ничего не говорилъ. Онъ полагалъ, что г-ну начальнику уже извѣстно...

Верганъ. Какъ сказать: мнѣ извѣстно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Молодчикъ у меня уже давно на примѣтѣ. Я разумѣю, конечно, доктора Флейшера. Г-нъ Мотесъ мнѣ только подтвердилъ, что я совершенно правильно раскусилъ этого господина... А что говорятъ про Мотеса? (Глазенапъ и Миттельдорфъ смотрятъ другъ на друга. Глазенапъ пожимаетъ плечами). Въ долгу, какъ въ шелку, да?

Глазенапъ. Онъ же увѣряетъ, у него, молъ, пенсія.

Верганъ. Пенсія?

Глазенапъ. Ему глазъ прострѣлили.

Верганъ. Стало-быть, нѣчто въ родѣ вознагражденія за увѣчье.

Глазенапъ. Простите, г-нъ начальникъ. По-моему, у него одно увѣчье. А денегъ у него никто не видалъ.

Верганъ (развеселясь). Есть еще что-нибудь важное?

Глазенапъ. Одинъ мелочи, г-нъ начальникъ. Заявленіе о кражѣ...

Верганъ. Ладно, ладно. Вамъ, поди, приходилось слышать, что Флейшеръ чуточку несдержанъ на языкъ?

Глазенапъ. Сейчасъ что-то не помню.

Верганъ. Мнѣ какъ разъ такъ и передавали. Онъ, дескать, заводитъ недолжные разговоры насчетъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Впрочемъ, все это выйдетъ наружу. А теперь — къ дѣлу. Ну, Миттельдорфъ, что тамъ у васъ еще?

Миттельдорфъ. Нынче ночью совершена кража.

Верганъ. Кража? У кого?

Миттельдорфъ. На дачѣ Крюгера.

Верганъ. Что же украдено?

Миттельдорфъ. Дрова.

Верганъ. Въ прошлую ночь, или когда?

Миттельдорфъ. Въ прошлую ночь.

Верганъ. Отъ кого вы узнали?

Миттельдорфъ. Я это...

Верганъ. Ну, отъ кого же?

Миттельдорфъ. Я это... отъ господина Флейшера слышалъ.

Верганъ. Вотъ какъ! Вы съ нимъ разговариваете?..

Миттельдорфъ. Да и самъ г-нъ Крюгеръ тоже сказывалъ.

Верганъ. Онъ подлинный сутяга. Онъ мнѣ пишетъ по три письма въ недѣлю. То его ударили, то у него заборъ сломали, то вторглись въ его владѣнія. Одни иски да иски.

Мотесъ (входитъ. Во время разговора почти безпрестанно нервно смѣется). Къ вашимъ услугамъ, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Вотъ и вы. Очень радъ видѣть васъ. Пожалуй, вы можете сказать намъ сейчасъ же: у Крюгера совершена кража?

Мотесъ. Я больше не живу у Крюгера.

Верганъ. И вообще вы ничего не слышали, г-нъ Мотесъ?

Мотесъ. Слыхать-то слыхалъ, только ничего опредѣленнаго. Когда я проходилъ мимо дачи, то они оба искали слѣдовъ на снѣгу.

Верганъ. Вотъ какъ? Докторъ Флейшеръ помогалъ ему,— стало-быть, они достаточно дружны?

Мотесъ. Друзья-пріятели, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Да, что касается Флейшера—это меня больше всего интересуетъ. Присядьте, пожалуйста... Признаться, я ноль-ночи глазъ не смыкалъ. Это дѣло не давало мнѣ покоя. Вы написали мнѣ письмо, которое крайне взволновало меня. Конечно, это вопросъ личнаго взгляда. Мой предшественникъ оставилъ бы это безъ всякаго вниманія. Я же твердо рѣшилъ, какъ говорится, расправиться съ этимъ. Моя задача здѣсь: чистота и порядокъ... Сколько тутъ сору накопилось подъ покровительствомъ моего предшественника! Темныя личности, неблагонадежные, вредные королю и отечеству элементы. Они у меня завоютъ... Такъ вотъ, г-нъ Мотесъ, вы—писатель?

Мотесъ. По вопросамъ охоты и лѣсоводства, да.

Верганъ. Значитъ, вы пишете въ «Вѣстникѣ Охоты и Лѣсоводства»? A propos: и можете существовать этимъ?

Мотесъ. При моихъ-то познаніяхъ, г-нъ баронъ. Слава Богу, живется недурно.

Верганъ. Значитъ, вы—ученый лѣсничій, да?

Мотесъ. Я былъ въ академіи, г-нъ начальникъ. Учился въ Эберсвальде. Передъ самыми экзаменами со мной случилось несчастіе...

Верганъ. Ахъ, да, вы же носите повязку.

Мотесъ. Я потерялъ глазъ на охотѣ, г-нъ баронъ. Получилъ дробинку въ правый глазъ, отъ кого, къ сожалѣнію, нельзя было установить. Вотъ мнѣ и пришлось бросить карьеру.

Верганъ. Значитъ, вы получаете пенсію?

Мотесъ. Нѣтъ. Я самъ мало-мальски пробился. Мое имя теперь уже достаточно извѣстно.

Верганъ. Гм... Можетъ-быть, вы моего зятя знаете?

Мотесъ. Г-на старшаго лѣсничаго фонъ-Вахсмана, конечно. Я съ нимъ частенько переписываюсь, и вдобавокъ мы—члены одного общества. Общества для разведенія легавыхъ собакъ.

Верганъ (нѣсколько вздохнувъ). Такъ! Вы, значитъ, знакомы съ нимъ?! Пріятно слышать. Это существенно упрощаетъ дѣло и создаётъ почву для взаимнаго довѣрія. У насъ теперь больше нѣтъ препятствій, г-нъ Мотесъ. Итакъ, въ вашемъ письмѣ вы пишете, что имѣли возможность наблюдать за докторомъ Флейшеромъ. Разскажите, что вамъ извѣстно.

Мотесъ (откашливается). Когда я... когда я приблизительно годъ тому назадъ поселился на дачѣ у Крюгера, г-нъ баронъ, то я даже и не подозрѣвалъ, съ кѣмъ мнѣ придется сталкиваться.

Верганъ. Вы не были знакомы ни съ Крюгеромъ ни съ Флейшеромъ?

Мотесъ. Нѣтъ, какъ это бываетъ — живя въ одномъ домѣ. Мнѣ никакъ нельзя было уклониться.

Верганъ. Что же за народъ ходилъ въ домъ?

Мотесъ (съ многозначительнымъ движеніемъ руки). Ахъ!

Верганъ. Понимаю.

Мотесъ. Всякій сбродъ. Демократы.

Верганъ. Происходили регулярныя собранія?

Мотесъ. Каждый четвергъ, насколько мнѣ извѣстно.

Верганъ. Въ такомъ случаѣ мы обратимъ на это вниманіе. А теперь-то вы съ ними больше не встрѣчаетесь?

Мотесъ. Въ концѣ концовъ я уже не могъ больше, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Вамъ стало противно, да?

Мотесъ. Совсѣмъ тошно стало.

Верганъ. Всѣ эти беззаконія, наглыя насмѣшки надъ высокопоставленными лицами... въ концѣ концовъ вы не могли больше выслушивать все это?

Мотесъ. Я все-таки оставался, полагая, что это можетъ пригодиться.

Верганъ. Но въ концѣ-то концовъ вы же отказались отъ квартиры?

Мотесъ. Такъ точно, съѣхалъ, г-нъ баронъ.

Верганъ. И наконецъ рѣшили...

Мотесъ. Я счелъ своимъ долгомъ.

Верганъ. ...довести это до свѣдѣнія властей... Я нахожу, что это очень почтенно съ вашей стороны... Значитъ, онъ сказалъ словечко—мы послѣ составимъ протоколъ—по адресу одной высокой особы, внушающей намъ всѣмъ глубочайшее благоговѣніе?

Мотесъ. Такъ точно, г-нъ баронъ, сказалъ.

Верганъ. И въ случаѣ надобности вы подтвердите это присягой?

Мотесъ. Я подтвержу это присягой, въ случаѣ надобности.

Верганъ. Вамъ и придется присягнуть.

Мотесъ. Хорошо, г-нъ баронъ.

Верганъ. Конечно, намъ лучше всего было бы найти еще одного свидѣтеля.

Мотесъ. Постараюсь разыскать, г-нъ баронъ. Только молодчикъ такъ швыряется деньгами кругомъ, что...

Верганъ. Ахъ, погодите, вонъ ужъ идетъ Крюгеръ. Я хочу раньше съ нимъ покончить. Во всякомъ случаѣ я вамъ очень благодаренъ за вашу энергичную поддержку. Безъ этого положительно не обойтись, если хочешь добиться чего-нибудь въ наши дни.

Крюгеръ (быстро и возбужденно входитъ). Господи! Боже мой! Здравствуйте, г-нъ начальникъ.

Верганъ (Мотесу). Простите, на минуточку! (Высокомѣрно допрашивая Крюгера) Что вамъ угодно?

(Крюгеръ—маленькій, нѣсколько глуховатый, почти семидесятилѣтній старикъ. Онъ ходитъ нѣсколько согнувшись, немного скосивъ лѣвое плечо, но въ остальномъ еще очень крѣпокъ и сопровождаетъ свои слова энергичнымъ жестомъ. Онъ въ мѣховой шапкѣ, которую въ канцеляріи онъ держитъ въ рукѣ; на немъ темное зимнее пальто и толстый шерстяной шарфъ на шеѣ).

Крюгеръ (въ крайнемъ гнѣвѣ, разражаясь). Меня обокрали, г-нъ начальникъ. (Переводя духъ, вытираетъ платкомъ потъ со лба и, какъ всѣ глуховатые, пристально смотритъ въ ротъ начальнику).

Верганъ. Обокрали? Гм!

Крюгеръ (раздраженно). Да-съ, обокрали. Меня обокрали. У меня сажень дровъ стащили.

Верганъ (оглядываясь на присутствующихъ съ полуулыбкой, вскользь). Но вѣдь въ послѣднее время о подобныхъ вещахъ здѣсь и помину не было.

Крюгеръ (приложивъ руку къ уху). Что? И помину? Боже милосердый! Значитъ, я здѣсь шутки шучу, что ли?

Верганъ. Поэтому вамъ совершенно нечего горячиться. Между прочимъ, какъ васъ зовутъ?

Крюгеръ (остолбенѣвъ). Какъ меня зовутъ?

Верганъ. Да, какъ васъ зовутъ?

Крюгеръ. Мое имя вамъ еще незнакомо? Полагаю, мы уже имѣли удовольствіе...

Верганъ. Къ сожалѣнію. Что-то не припомню. Наконецъ, здѣсь это было бы безразлично.

Крюгеръ (покорно). Меня зовутъ Крюгеромъ.

Верганъ. Ужъ не рантье ли?

Крюгеръ (съ ударѐнемъ, иронически, выходя изъ себя). Да-съ. Рантье и домовладѣлецъ.

Верганъ. Пожалуйста, удостовѣрьте вашу личность.

Крюгеръ. Удо...стовѣрить? Меня зовутъ Крюгеромъ. И мы оставимъ эти придирки. Я здѣсь тридцать лѣтъ живу. Меня каждый мальчишка на улицѣ знаетъ.

Верганъ. Сколько лѣтъ вы живете здѣсь, меня не касается. Я просто хочу удостовѣрить вашу личность. Вы этого господина знаете, г-нъ Мотесъ?

(Мотесъ полуприподнимается съ сердитымъ лицомъ).

Верганъ. Ахъ, да, понимаю. Садитесь, пожалуйста. Тогда вы. Глазенапъ?

Глазенапъ. Такъ точно! Къ вашимъ услугамъ. Это— здѣшній рантье Крюгеръ...

Верганъ. Хорошо-съ. Итакъ, у васъ украли дрова?

Крюгеръ. Да. Дрова. Сажень сосновыхъ дровъ.

Верганъ. Дрова у васъ были сложены въ сараѣ?

Крюгеръ (снова вспыливъ). Это—само собой. Это совсѣмъ особое дѣло.

Верганъ (иронически и мелкомъ улыбаясь остальнымъ, вскользь). Опять особое дѣло?

Крюгеръ. Что̀ вы хотите сказать?

Верганъ. Ничего. Говорите, пожалуйста, дальше. Значитъ, дрова были не въ сараѣ?

Крюгеръ. Дрова были въ саду. То-есть передъ садомъ.

Верганъ. Другими словами: лежали на улицѣ?

Крюгеръ. Они лежали передъ садомъ на моей землѣ.

Верганъ. Такъ что всякій могъ легко добраться до нихъ?

Крюгеръ. А это уже вина служанки. Она должна была убрать ихъ вечеромъ.

Верганъ. Значитъ, она забыла убрать ихъ?

Крюгеръ. Отказалась. И когда я продолжалъ настаивать, она въ концѣ концовъ сбѣжала. Я предъявлю искъ къ родителямъ. Я потребую полнаго возмѣщенія убытковъ.

Верганъ. Дѣлайте, какъ хотите. Но это мало поможетъ. Вы кого-нибудь заподозрѣли?

Крюгеръ. Нѣтъ. Здѣсь, что ни человѣкъ, то воръ.

Верганъ. Нельзя ли безъ обобщеній?.. Вы должны дать мнѣ въ руки какую-нибудь нить.

Крюгеръ. Не обвинять же мнѣ человѣка наудачу.

Верганъ. Кто живетъ кромѣ васъ въ вашемъ домѣ?

Крюгеръ. Г-нъ докторъ Флейшеръ.

Верганъ (какъ бы припоминая). Докторъ Флейшеръ? Докторъ Флейшеръ?.. Онъ же... Кто онъ такой?

Крюгеръ. Очень ученый. Очень ученый человѣкъ, да.

Верганъ. Вы очень близки другъ съ другомъ?

Крюгеръ. Съ кѣмъ я близокъ, это ужъ мое дѣло. Это же отнюдь не относится къ дѣлу, думается мнѣ.

Верганъ. Какъ же тутъ искать въ концѣ концовъ? Вы должны дать мнѣ то или иное указаніе.

Крюгеръ. Я долженъ? Боже милосердый! Я долженъ? У меня украли сажень дровъ. Я просто прихожу сдѣлать заявленіе о кражѣ...

Верганъ. У васъ должно быть подозрѣніе на кого-нибудь. Вѣдь кто-нибудь да укралъ дрова!

Крюгеръ. Что? Да не я же! Ужъ навѣрное—не я.

Верганъ. Но, любезнѣйшій...

Крюгеръ. Что?.. Меня зовутъ—г-нъ Крюгеръ.

Верганъ (возвращаясь къ дѣлу, повидимому, наскучивъ). Эхъ!.. Ну, Глазенапъ, составляйте протоколъ... Что же съ дѣвушкой, г-нъ Крюгеръ? Дѣвушка сбѣжала отъ васъ?

Крюгеръ. Да, совершенно вѣрно—назадъ къ родителямъ!

Верганъ. Родители здѣсь живутъ?

Крюгеръ. Какъ вы сказали?

Верганъ. Родители дѣвушки живутъ здѣсь?

Глазенапъ. Это—дочь прачки Вольфъ.

Верганъ. Вольфъ, которая сегодня стираетъ у насъ, Глазенапъ?

Глазенапъ. Такъ точно, г-нъ начальникъ.

Верганъ (качая головой). Крайне удивительно!.. Эта работящая, честная женщина! (Крюгеру) Вѣрно? Дочь Вольфъ?

Крюгеръ. Дочь прачки Вольфъ.

Верганъ. И дѣвушка вернулась?

Крюгеръ. До сихъ поръ еще не возвращалась.

Верганъ. Тогда мы позовемъ Вольфиху. Эй, Миттельдорфъ! Вы очень устали? Пройдите-ка черезъ дворъ. Пусть Вольфиха сейчасъ же придетъ ко мнѣ. Прошу садиться, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ (садясь, вздыхаетъ). Ахъ, Боже мой, Боже мой! Ну и жизнь!

Верганъ (вполголоса Мотесу и Глазенапу). Мнѣ очень любопытно, что изъ этого выйдетъ. Тутъ что-нибудь да не такъ. Я какъ разъ очень цѣню Вольфиху. Баба работаетъ за четверыхъ мужчинъ. Моя жена говоритъ, что, когда нѣтъ Вольфихи, приходится звать двухъ прачекъ вмѣсто нея... И взгляды у нея совсѣмъ не безтолковые.

Мотесъ. Ея дочки пойдутъ въ оперу...

Верганъ. Ну, тогда одного винтика не хватаетъ. Но это же не есть недостатокъ характера. Что это у васъ виситъ, г-нъ Мотесъ?

Мотесъ. Проволочные силки. Я ихъ несу лѣсничему Зейделю.

Верганъ. Ахъ, покажите-ка мнѣ эту штучку. (Беретъ проволоку и разсматриваетъ ее). Животное должно очень медленно задыхаться въ нихъ.

(Входитъ фрау Вольфъ, за ней Миттельдорфъ. Она еще вытираетъ мокрыя отъ стирки руки).

Фрау Вольфъ (простодушно, весело, съ бѣглымъ взглядомъ на силки). Вотъ и я. Въ чемъ дѣло? Что нужно отъ Вольфихи?

Верганъ. Фрау Вольфъ, вы знаете этого господина?

Фрау Вольфъ. Какого господина? (Указывая пальцемъ на Крюгера) Вотъ этого? Это—господинъ Крюгеръ. Я его чуточку знаю, не правда ли? Здравствуйте, г-нъ Крюгеръ.

Верганъ. Ваша дочь служитъ у г-на Крюгера?

Фрау Вольфъ. Кто? Моя дочь-то? Такъ точно! Леонтиной звать. (Крюгеру) Вѣрнѣе сказать: она отъ васъ убѣжала.

Крюгеръ (разсвирѣпѣвъ). Ну да, разумѣется!

Верганъ (перебивая). Ахъ, постойте же.

Фрау Вольфъ. Что тамъ между вами, собственно, вышло?

Верганъ. Фрау Вольфъ, послушайтесь моего совѣта. Ваша дочь должна сейчасъ же вернуться на службу.

Фрау Вольфъ. И,—нѣтъ, теперь мы оставимъ ее дома.

Верганъ. Это не такъ просто, какъ вамъ кажется. Въ случаѣ надобности г-нъ Крюгеръ имѣетъ право прибѣгнуть къ помощи полиціи. И намъ пришлось бы водворить вашу дочь назадъ.

Фрау Вольфъ. Мой мужъ вбилъ себѣ это въ голову. Онъ вовсе не хочетъ отпускать ее больше. А разъ мой мужъ вбилъ себѣ въ голову что-нибудь... Вы, мужчины, ужасно вспыльчивы.

Верганъ. Ну, бросьте это, фрау Вольфъ. Давно ли ваша дочь дома?

Фрау Вольфъ. Со вчерашняго вечера.

Верганъ. Хорошо-съ. Со вчерашняго. Она должна была убрать дрова въ сарай и отказалась наотрѣзъ.

Фрау Вольфъ. Вотъ еще! Отказалась! Дѣвочка ни отъ какой работы не отказывается. Да я бы ей задала!

Верганъ. Вы слышали, что сказала фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Дѣвочка всегда была услужлива. Посмѣй она хоть разъ отказаться отъ чего-нибудь...

Крюгеръ. Она отказалась убрать дрова.

Фрау Вольфъ. Да, таскать дрова, въ одиннадцать вечера, ежели требовать этого отъ ребенка...

Верганъ. Все дѣло въ томъ, фрау Вольфъ: дрова остались на улицѣ. Вотъ въ эту ночь ихъ и украли. Онъ теперь хочетъ...

Крюгеръ (больше не сдерживаетъ себя). Вы мнѣ заплатите за дрова, фрау Вольфъ.

Верганъ. Подождите, объ этомъ въ свой чередъ.

Крюгеръ. Вы мнѣ заплатите все, до послѣдней копейки.

Фрау Вольфъ. Какъ бы не такъ! Новости какія! Нешто я украла ваши дрова?

Верганъ. Ну, дайте ему сперва успокоиться.

Фрау Вольфъ. И,—ежели г-нъ Крюгеръ явится ко мнѣ получать за дрова и прочее такое, то съ меня взятки гладки. Я лажу со всѣми людьми. Тутъ ужъ на меня никто не пожалуется. А коли придется, почему бы и нѣтъ? Тутъ ужъ я все выложу. Я дѣлаю свое дѣло, и все тутъ.

Въ этомъ во всемъ селѣ меня никто не можетъ упрекнуть. А въ обиду я, шалишь, себя не дамъ!

Верганъ. Да вы только не горячитесь, фрау Вольфъ. На это у васъ нѣтъ ровно никакого основанія. Вы только будьте спокойны, совершенно спокойны. Мы васъ немного знаемъ. Что вы трудолюбивы и честны, этого же никто не станетъ оспаривать. Что̀ вы имѣете возразить?

Крюгеръ. Ей рѣшительно нечего возразить!

Фрау Вольфъ. Ну, послушайте, это же ни на что не похоже. Развѣ дѣвчонка мнѣ не дочь? На это я ничего не должна говорить, да? Тогда поищите себѣ дуру, тогда вы плохо знаете тетушку Вольфъ. Я ни передъ кѣмъ не струшу, будь то хоть самъ г-нъ начальникъ. А тѣмъ паче передъ вами, ужъ повѣрьте мнѣ.

Верганъ. Я понимаю ваше возбужденіе, фрау Вольфъ. Но если вы хотите помочь дѣлу, то я вамъ совѣтую быть спокойнѣе.

Фрау Вольфъ. Я поработала-таки на этихъ господъ. Десять лѣтъ бѣлье стирала. Мы все время ладили. И теперь вдругъ вы вотъ съ чѣмъ пожаловали. Я къ вамъ больше не приду, ужъ повѣрьте мнѣ.

Крюгеръ. Да васъ никто и не проситъ. Найдутся и другія женщины, умѣющія стирать.

Фрау Вольфъ. И зелень и овощи изъ вашего огорода можетъ тоже другая продавать.

Крюгеръ. Устроимся, не безпокойтесь... Вы бы только взяли палку и пригнали вашу дочь назадъ ко мнѣ.

Фрау Вольфъ. Я не позволю мучить мою дочь.

Крюгеръ. Кто же мучилъ вашу дочь, спрашивается?

Фрау Вольфъ (Вергану). Дѣвчонка-то почти въ скелетъ превратилась.

Крюгеръ. Такъ она бы не плясала ночи напролетъ.

Фрау Вольфъ. Цѣлый день спитъ, какъ убитая.

Верганъ (черезъ голову фрау Вольфъ, Крюгеру). А гдѣ же вы покупали дрова?

Фрау Вольфъ. Значитъ, дѣлу-то еще не скоро конецъ?

Верганъ. Да вамъ-то что̀, фрау Вольфъ?

Фрау Вольфъ. Да я насчетъ стирки. Ежели я тутъ буду тратить время, то мнѣ не кончить сегодня.

Верганъ. Съ этимъ здѣсь нельзя считаться, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. А ваша супруга? Что̀ она-то скажетъ? Тогда ужъ вы толкуйте съ нею, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Еще одну минуточку. Скажите-ка намъ, фрау Вольфъ, — васъ тутъ всѣ въ деревнѣ знаютъ, — кого вы считаете способнымъ на подобную кражу? Кто бы могъ украсть дрова?

Фрау Вольфъ. На это я вамъ не берусь отвѣтить, г-нъ начальникъ.

Верганъ. И вы не замѣтили ничего подозрительнаго?

Фрау Вольфъ. Во-первыхъ, въ эту ночь меня-то и дома не было. Мнѣ нужно было въ Трептовъ, купить гусей.

Верганъ. Въ которомъ же часу это было?

Фрау Вольфъ. Сейчасъ послѣ десяти. Мы уѣхали при Миттельдорфѣ.

Верганъ. Такъ вамъ не попадался возъ съ дровами?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, не видала.

Верганъ. А вы, Миттельдорфъ, ничего не замѣтили?

Миттельдорфъ (нѣсколько подумавъ). Мнѣ не попадалось ничего подозрительнаго.

Верганъ. Ну, разумѣется, я такъ и зналъ. (Крюгеру) Гдѣ же вы все-таки покупали дрова?

Крюгеръ. На что вамъ знать все это, спрашивается?

Верганъ. Ужъ вы предоставьте мнѣ судить объ этомъ.

Крюгеръ. Разумѣется, въ лѣсничествѣ.

Верганъ. Это же вовсе не разумѣется. Имѣются, напримѣръ, лѣсные склады. Я, напримѣръ, покупаю дрова у Зандберга. Почему бы и вамъ не брать ихъ у торговцевъ? Къ тому же это почти дешевле.

Крюгеръ (съ нетерпѣніемъ). Мнѣ больше некогда, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Что̀ значитъ—некогда? У васъ нѣтъ времени? Вы ко мнѣ приходите, или я къ вамъ? Я у васъ отнимаю время, или вы у меня?

Крюгеръ. Это ваша обязанность, на то вы и здѣсь.

Верганъ. Развѣ я вашъ слуга, что̀?

Крюгеръ. А развѣ я укралъ серебряныя ложки? Я не допускаю этого унтеръ-офицерскаго тона со мной!

Верганъ. Вы только послушайте... Не кричать!

Крюгеръ. Это вы кричите, сударь!

Верганъ. Вы — полуглухой, вотъ мнѣ и приходится кричать.

Крюгеръ. Вы всегда кричите, вы на всѣхъ кричите, кто приходитъ сюда.

Верганъ. Я ни на кого не кричу, молчать!

Крюгеръ. Вы пѣтушитесь здѣсь, какъ не знаю кто. Ко всему селу придираетесь.

Верганъ. Еще не то будетъ, вы только подождите. Вамъ еще круче придется отъ меня.

Крюгеръ. На меня это ничуть не дѣйствуетъ. Вы—горошинка, и больше ничего. Хотите напустить на себя, больше ничего. Точно вы—самъ король...

Верганъ. Да, я здѣсь король!

Крюгеръ (хохочетъ во все горло). Ха-ха-ха-ха! Это какъ вашей милости угодно, на мой же взглядъ вы—ничто. Самый обыкновенный начальникъ волости. Да и тутъ вамъ еще нужно поучиться.

Верганъ. Милостивый государь, если вы сейчасъ же не замолчите...

Крюгеръ. То вы прикажете арестовать меня? Я бы вамъ не совѣтовалъ. Вамъ это могло бы дорогонько обойтись.

Верганъ. Дорогонько? Изъ-за васъ-то? (Мотесу) Вы слышали? (Крюгеру) Сколько бы вы ни мутили и ни интриговали со всей вашей любезной шайкой, съ мѣста вамъ меня не удалить.

Крюгеръ. Боже мой! Мнѣ мутить противъ васъ? Ваша особа слишкомъ безразлична для меня. И если вы не перемѣнитесь, то, повѣрьте мнѣ, вы натворите столько бѣдъ, что станете рѣшительно нестерпимы.

Верганъ (Мотесу). Г-нъ Мотесъ, нужно принять во вниманіе возрастъ.

Крюгеръ. Я прошу составить протоколъ.

Верганъ (роется въ своихъ бумагахъ). Подайте, пожалуйста, письменное заявленіе,—сейчасъ мнѣ некогда.

Крюгеръ (изумленно смотритъ на него, энергично поворачивается и уходитъ, не простясь).

Верганъ (послѣ нѣкотораго молчаливаго замѣшательства). И ходятъ же люди съ подобнымъ вздоромъ!.. Эхъ!.. (Къ фрау Вольфъ) Отправляйтесь-ка стирать. Я вамъ скажу, любезный Мотесъ, туго на такомъ-то посту приходится. И если-бъ человѣкъ не зналъ, зачѣмъ онъ здѣсь поставленъ, то иной разъ онъ все бы къ чорту послалъ. Но, какъ говорится: терпи, казакъ... Вѣдь во имя чего же борешься въ концѣ концовъ? Во имя высшихъ благъ отечества!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Около восьми часовъ утра, въ домѣ фрау Вольфъ. На плитѣ кипитъ кофейникъ съ водою. Фрау Вольфъ сидитъ на низенькой скамеечкѣ и считаетъ деньги на сидѣньи стула. Входитъ Юлій съ убитымъ кролпкомъ.

Юлій. Да спрячь ты деньги.

Фрау Вольфъ (углубленная въ счетъ, грубо). Не мѣшай! (Молчаніе).

(Юлій бросаетъ кролпка на одну изъ скамеекъ, потомъ довольно нерѣшительно берется то за одно, то за другое, и наконецъ начинаетъ смазывать сапогъ. Слышенъ отдаленный охотничій рожокъ).

Юлій (прислушивается, потомъ съ возбужденнымъ безпокойствомъ). Да спрячь же деньги-то!

Фрау Вольфъ. Оставь меня въ покоѣ, Юліанъ. Пускай себѣ трубитъ проклятый Мотесъ. Онъ въ лѣсу и ни о чемъ не думаетъ.

Юлій. Ты насъ еще до тюрьмы доведешь!

Фрау Вольфъ. Полно вздоръ-то молоть. Дочь идетъ!

Адельгейда (входитъ, только-что съ постели). Здравствуй, мама!

Фрау Вольфъ. Хорошо спала?

Адельгейда. Вѣдь ночью васъ дома не было?

Фрау Вольфъ. Это тебѣ приснилось... Да ну же! Принеси дровъ. Живѣй.

Адельгейда (бросаетъ апельсиномъ, какъ мячикомъ, въ дверь).

Фрау Вольфъ. Кто тебѣ далъ его?

Адельгейда. Лавочникъ Шебель. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ. А ты не смѣй брать отъ него подарки!.. Подь-ка сюда, Юліанъ! Слушай! Тутъ у меня пятьдесятъ девять талеровъ. Съ Вульковымъ всегда такъ. На одинъ талеръ всегда надуетъ, вѣдь онъ же хотѣлъ дать шестьдесятъ... Вотъ я кладу ихъ въ кошелекъ, понялъ? Возьми лопату, ступай и вырой ямку въ козьемъ хлѣву, только подъ яслями, гдѣ сухо; потомъ спрячь туда кошелекъ, слышишь? И сверху закрой плоскимъ камнемъ. Да недолго возись съ этимъ.

Юлій. Я думалъ, ты хочешь Фишерамъ заплатить что-нибудь.

Фрау Вольфъ. Дѣлай, что говорятъ. И брось вздоръ-то молоть, понялъ?

Юлій. Не серди ты меня, а то влетитъ тебѣ. Я не допущу, чтобы деньги дома лежали.

Фрау Вольфъ. Куда же ихъ дѣвать?

Юлій. Возьми да отнеси Фишерамъ. Ты же сама говорила, что хочешь заплатить имъ что-нибудь.

Фрау Вольфъ. Ты глупъ, какъ пень. Безъ меня ты бы совсѣмъ пропалъ.

Юлій. Ори еще больше!

Фрау Вольфъ. Поневолѣ закричишь, разъ ты такъ глупъ. Не говори глупостей, и мнѣ не придется кричать. Ежели мы теперь понесемъ деньги къ Фишерамъ, то смотри, что съ нами будетъ.

Юлій. Я-жъ тебѣ говорилъ! Со всей этой исторіей! Что мнѣ въ ней толку, коли придется сидѣть.

Фрау Вольфъ. Тебѣ уже пора и замолчать объ этомъ!

Юлій. А ты бы еще больше кричала?

Фрау Вольфъ. Глотка-то у меня одна. Ты поднимаешь крикъ... ужъ и не знаю, какой, — изъ-за этой пустячной исторіи. Лучше за собой смотри, а не за мной. Ты уже бросилъ ключъ въ рѣку?

Юлій. А развѣ я ходилъ на рѣку?

Фрау Вольфъ. Ты бы поторопился, пока не поздно. Ты хочешь, чтобы они нашли ключъ у тебя? (Юлій хочетъ уходить). И,—постой, Юліанъ! Дай-ка сюда ключъ!

Юлій. Что же ты будешь дѣлать съ нимъ?

Фрау Вольфъ (беретъ ключъ къ себѣ). Это тебя не касается, это—мое дѣло. (Прячетъ у себя ключъ, насыпаетъ въ кофейную мельницу кофе и начинаетъ молоть). Сходи-ка теперь въ хлѣвъ, потомъ вернешься и попьешь.

Юлій. Мнѣ слѣдовало это раньше знать. (Юлій уходитъ. Входитъ Адельгейда, съ большимъ передникомъ, полнымъ дровъ).

Фрау Вольфъ. Откуда брала дрова-то?

Адельгейда. Изъ кучи новаго кругляку.

Фрау Вольфъ. А ты не трогай новыхъ дровъ.

Адельгейда (бросаетъ дрова на землю у плиты). Не бѣда, мама, если они и выйдутъ.

Фрау Вольфъ. Что ты знаешь! Что тебѣ въ голову пришло? У тебя еще молоко на губахъ не обсохло!

Адельгейда. Я знаю, откуда оно...

Фрау Вольфъ. Ты про что, дѣвушка?

Адельгейда. Да про дрова.

Фрау Вольфъ. И,—вранье. Я ихъ на аукціонѣ купила.

Адельгейда (играетъ апельсиномъ). Да, да, будь то правда. Ихъ стащили.

Фрау Вольфъ. Что такое?

Адельгейда. Стащили. Это же Крюгеровы дрова, мама. Мнѣ Леонтина сказывала.

Фрау Вольфъ (даетъ ей подзатыльникъ). Вотъ тебѣ отвѣтъ. Мы не крадемъ. Ступай, готовь уроки. Да хорошенько, говорю тебѣ. Я послѣ приду посмотрѣть.

Адельгейда (уходитъ въ сосѣднюю комнату). Я думаю пойти покататься на конькахъ.

Фрау Вольфъ. А экзаменъ передъ конфирмаціей,—про него ты совсѣмъ позабыла?

Адельгейда. Это же только во вторникъ.

Фрау Вольфъ. Завтра. Выучи мѣста изъ библіи. Я послѣ приду и спрошу тебя.

Адельгейда (слышно, какъ въ сосѣдней комнатѣ громко зѣвають и послѣ говорятъ). Іисусъ сказалъ своимъ ученикамъ: у кого нѣтъ ложки, пусть ѣстъ пальцами.

(Возвращается Юлій).

Фрау Вольфъ. Ну, ты все толкомъ устроилъ, Юліанъ?

Юлій. Ежели тебѣ не нравится, устраивай сама.

Фрау Вольфъ. Господи! Оно и лучше самой все дѣлать. (Наливаетъ ему и себѣ по полной чашкѣ кофе и ставитъ ихъ на деревянный стулъ, потомъ хлѣбъ и масло). На, пей кофе!

Юлій (садясь и отрѣзая хлѣба). Лишь бы Вульковъ убрался-то.

Фрау Вольфъ. Ну, въ оттепель.

Юлій. Пусть и въ оттепель!

Фрау Вольфъ. А хотя бы и морозило немного, онъ не останется. Онъ теперь уже давнымъ-давно въ каналѣ.

Юлій. Если еще не торчитъ у моста.

Фрау Вольфъ. По мнѣ, пускай торчитъ, гдѣ хочетъ.

Юлій. А что Вульковъ всенепремѣннѣйше влопается, уже это вѣрно,—поняла?

Фрау Вольфъ. Это его дѣло, не наше!

Юлій. И тогда-то намъ всѣмъ не сдобровать! Пускай только найдутъ шубу у Вулькова.

Фрау Вольфъ. Какую шубу?

Юлій. Да шубу-то Крюгера.

Фрау Вольфъ. Полно тебѣ вздоръ-то молоть,—понялъ? Нечего тебѣ о чужихъ-то дѣлахъ хлопотать.

Юлій. Но это и меня касается.

Фрау Вольфъ. Наплевать, вотъ что тебя касается! Ты тутъ не при чемъ. Это мое дѣло, не твое. Ты даже не мужчина, ты — старая баба... Вотъ деньги, убирайся. Ступай къ Фибигу, выпей шкаликъ; погуляй себѣ на славу. (Стучатъ). Войдите! Войдите же, пожалуйста.

(Входитъ докторъ Флейшеръ со своимъ пятилѣтнимъ мальчикомъ. Флейшеру двадцать семь лѣтъ, носитъ егеровскій костюмъ, у него черные, какъ смоль, волосы, такіе же усы и бакенбарды; глубоко сидящіе глаза; голосъ у него обыкновенно мягкій. Онъ ежеминутно хлопочетъ надъ сыномъ съ трогательной заботливостью).

Фрау Вольфъ (ликуя). Ахъ, и Филиппъ къ намъ въ гости! Мило, это мы запишемъ. (Беретъ мальчика и снимаетъ съ него пальто). Поди сюда, сними пальто. Здѣсь тепло, здѣсь не озябнешь.

Флейшеръ (испуганно). Фрау Вольфъ, дуетъ. Мнѣ кажется, дуетъ.

Фрау Вольфъ. Ну вотъ, нѣжности какія! Маленькій сквознячокъ не повредитъ парнишкѣ.

Флейшеръ. Нѣтъ, нѣтъ, что вы! Что вамъ вздумалось! Съ ребенкомъ сейчасъ же сдѣлается что-нибудь. Двигайся, Филиппъ. Все время двигайся.

Филиппъ (отталкивается плечами и притомъ пищитъ).

Флейшеръ. Да, дѣтка, смотри, а то захвораешь. Ходи себѣ шагомъ взадъ и впередъ.

Филиппъ (капризничая). Не хочу.

Фрау Вольфъ. И,—пускай его.

Флейшеръ. Здравствуйте, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Здравствуйте, г-нъ докторъ, вы опять къ намъ?

Флейшеръ. Здравствуйте, г-нъ Вольфъ.

Юлій. Здравствуйте, г-нъ Флейшеръ.

Фрау Вольфъ. Добро пожаловать. Присядьте.

Флейшеръ. Да мы ненадолго.

Фрау Вольфъ. Разъ у насъ такой пріятный гость рано утромъ, то и денекъ у насъ будетъ нынче счастливый. (Становясь на колѣни подлѣ мальчика) Не правда ли, паренекъ, ты приносишь намъ счастье?

Филиппъ (возбужденно). Я былъ въ зоологическомъ саду, я тамъ аистовъ видѣлъ, они золотыми клювами кусались.

Фрау Вольфъ. Да не можетъ быть, ты шутишь! (Обнимая и цѣлуя мальчика) Чуръ, паренекъ, я съѣмъ тебя, я съѣмъ тебя живьемъ. Г-нъ Флейшеръ, я мальчика оставляю себѣ. Это мой мальчикъ. Хорошо, ты—мой мальчикъ? Что твоя мама подѣлываетъ, а?

Филиппъ. Она здорова, кланяется и проситъ завтра утромъ стирать.

Фрау Вольфъ. Ишь ты какой! Ай да молодецъ. Онъ вотъ ужъ на что способенъ! (Флейшеру) Что же, такъ и не присядете?

Флейшеръ. Сынишка все пристаетъ ко мнѣ, хочетъ на лодкѣ покататься. Можно?

Фрау Вольфъ. Ну, конечно. Рѣка очистилась. Дочка-то можетъ проѣхаться съ вами.

Флейшеръ. Мальчикъ прямо не даетъ мнѣ покоя. Онъ это вбилъ себѣ въ голову.

Адельгейда (показываясь въ дверяхъ сосѣдней комнаты, киваетъ Филиппу). Поди сюда, Филиппъ, что я тебѣ покажу!

Филиппъ (упрямо взвизгиваетъ).

Флейшеръ. Филиппъ, слышишь, будь умникъ.

Адельгейда. Смотри-ка, апельсинъ!

Филиппъ (смѣется во все лицо, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Адельгейдѣ).

Флейшеръ. Ну, ступай туда, только не клянчить!

Адельгейда. Иди же, иди, мы теперь будемъ вмѣстѣ ѣсть. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ мальчику, беретъ его за руку, свободной рукою держитъ передъ нимъ апельсинъ, и они оба дружно уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Фрау Вольфъ (смотритъ мальчику вслѣдъ). Ахъ, паренекъ, вѣкъ бы на тебя смотрѣла. Не знаю, когда я вижу вотъ такого мальчика... (береть край передника и сморкается)— то, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ завою.

Флейшеръ. А развѣ у васъ не было мальчика?

Фрау Вольфъ. Какъ не быть. А что толку! Все равно не воскресить... Да, видите ли, такова жизнь. (Молчаніе).

Флейшеръ. Нужно быть очень осторожнымъ съ дѣтьми.

Фрау Вольфъ. Будь хоть еще осторожнѣе... Чему быть, тому не миновать. (Молчаніе. Качая головою) Что это у васъ съ г-номъ Мотесомъ вышло?

Флейшеръ. У меня? Ничего. Что у меня можетъ выйти съ нимъ?

Фрау Вольфъ. Мнѣ только такъ казалось

Флейшеръ. Сколько теперь лѣтъ вашей дочкѣ?

Фрау Вольфъ. Къ Пасхѣ школу кончаетъ. Что же вы, хотите взять ее, г-нъ Флейшеръ? Къ вамъ на службу я охотно отдамъ ее.

Флейшеръ. Почему же нѣтъ? Это было бы недурно.

Фрау Вольфъ. Славная она дѣвка у меня. Хотя она еще молода, но, доложу я вамъ, въ работѣ со всякимъ поспоритъ. И знаете что: подчасъ она плутовата, нехорошо ведетъ себя подчасъ. Но не глупа. У нея—геній.

Флейшеръ. Вполнѣ возможно.

Фрау Вольфъ. Заставьте ее прочитать что-нибудь разокъ—

стихи или что-нибудь такое. Ужъ могу сказать, г-нъ докторъ, у васъ мурашки по спинѣ забѣгаютъ. Вы можете позвать ее, когда у васъ снова будутъ гости изъ Берлина. У васъ вѣдь всякіе поэты бываютъ. Она у меня смѣлая, сейчасъ же все выложитъ. Декламируетъ восхитительно! (Мѣняя тонъ) Я вамъ хочу дать добрый совѣтъ: ужъ вы не извольте серчать на меня.

Флейшеръ. За добрый совѣтъ я никогда не сержусь.

Фрау Вольфъ. Во-первыхъ, не раздавайте столько денегъ. За это васъ никто не благодаритъ. Одна неблагодарность.

Флейшеръ. Я не такъ ужъ много раздаю, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Ну, я же знаю. А потомъ не вступайте въ разговоры, это просто озадачиваетъ людей. Такъ сейчасъ и говорятъ,—дескать, демократъ. А въ разговорѣ будьте всегда осторожны.

Флейшеръ. Какъ прикажете понимать васъ, фрау Вольфъ?

Фрау Вольфъ. Думать можно, что угодно. А выражаться нужно очень осторожно. А то, глядишь, попалъ въ бѣду, самъ не зная какъ.

Флейшеръ (побѣдивъ). Бросьте шутки шутить, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, нѣтъ, я совершенно серьезно говорю... И будьте поосторожнѣе съ этимъ господиномъ.

Флейшеръ. Съ какимъ господиномъ?

Фрау Вольфъ. Да о комъ мы давеча толковали.

Флейшеръ. Ужъ не съ Мотесомъ ли?

Фрау Вольфъ. Я именъ не называю. Должно-быть, у васъ съ нимъ что-нибудь да вышло?

Флейшеръ. Я же съ нимъ больше совсѣмъ не встрѣчаюсь.

Фрау Вольфъ. Ну, вотъ видите, я такъ и думала.

Флейшеръ. За это меня никто не станетъ осуждать, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Я васъ не осуждаю.

Флейшеръ. Премилое положеніе—знаться съ мошенникомъ... съ этимъ завѣдомымъ мошенникомъ.

Фрау Вольфъ. Насчетъ мошенника вы совершенно правы.

Флейшеръ. Теперь онъ перебрался къ кондиторшѣ Дрейеръ. Бѣдная женщина увидитъ, чѣмъ она кончитъ. Что у нея есть, прахомъ пойдетъ. Съ такимъ-то молодцомъ... настоящимъ каторжникомъ...

Фрау Вольфъ. Онъ распускаетъ столько всякихъ слуховъ...

Флейшеръ. Вотъ какъ! Про меня? Очень любопытно.

Фрау Вольфъ. Вы, молъ, кажется, сказали что-то дурное—про какое-то высокопоставленное лицо, что ли.

Флейшеръ. Гм! Точнѣе вы ничего не знаете?

Фрау Вольфъ. Онъ слишкомъ часто шушукается съ Верганомъ. Но знаете что? Я вамъ кой-что скажу. Ступайте къ тетушкѣ Дрейеръ. Старая вѣдьма уже чуетъ бѣду. Сначала они ее ублажали, а теперь совсѣмъ по міру пустятъ.

Флейшеръ. Полноте, все это—глупости.

Фрау Вольфъ. И,—сходите къ Дрейеръ, это же не повредитъ. Она мнѣ такую исторію разсказала... Онъ хотѣлъ заставить ее дать ложную клятву. Стало-быть, молодчикъ-то въ вашихъ рукахъ.

Флейшеръ. Сходить-то я, пожалуй, могу. Но въ концѣ-то концовъ мнѣ это все равно. И чертовская же исторія, разъ такая тварь... Но онъ еще попадется. Слышишь, Филиппъ, а Филиппъ! Гдѣ ты? Намъ теперь пора.

Голосъ Адельгейды. Мы разсматриваемъ такія славныя картинки.

Флейшеръ. А что вы, между прочимъ, скажете про всю эту исторію?

Фрау Вольфъ. Какую?

Флейшеръ. Да развѣ вы ничего не слыхали?

Фрау Вольфъ (безпокойно). Нѣтъ, что я вамъ скажу. (Нетерпѣливо) Да ну же, Юліанъ, ступай, чтобы во-время вернуться къ обѣду. (Флейшеру) Мы нынче кролика убили. Ты еще не готовъ, Юліанъ?

Юлій. Дай только разыскать шапку.

Фрау Вольфъ. Я видѣть не могу, когда такъ-то вотъ отлыниваютъ: нынче не пойдешь, завтра пойдешь. У меня все должно быть въ порядкѣ.

Флейшеръ. Нынче ночью у Крюгера у...

Фрау Вольфъ. Молчите! Оставьте меня въ покоѣ съ этимъ человѣкомъ! Я такъ зла на него! Онъ слишкомъ глубоко оскорбилъ меня. Мы такъ ладили съ нимъ, и вотъ онъ срамитъ меня передъ всѣми. (Юлію) Ну, пойдешь ты или нѣтъ?

Юлій. Ужъ иду, ты только не бѣсись. Счастливо оставаться, г-нъ Флейшеръ!

Флейшеръ. Прощайте, г-нъ Вольфъ. (Юлій уходитъ).

Фрау Вольфъ. Ну, такъ вотъ...

Флейшеръ. Ахъ, да, когда у него украли дрова, онъ же поругался съ вами? Съ тѣхъ поръ онъ давно раскаялся.

Фрау Вольфъ. И,—онъ да каяться!

Флейшеръ. Увѣряю васъ, тетушка Вольфъ. И вообще послѣ давешней исторіи вы на лучшемъ счету у него. Вамъ бы лучше всего снова помириться.

Фрау Вольфъ. Мы могли бы толкомъ переговорить. А тутъ сейчасъ же въ полицію—ну, нѣтъ!

Флейшеръ. Старичкамъ дѣйствительно не везетъ: восемь дней тому назадъ дрова, нынче шубу...

Фрау Вольфъ. Разскажите же эту новость.

Флейшеръ. Опять чуть ли не кража со взломомъ.

Фрау Вольфъ. Украли? Будетъ вамъ шутить.

Флейшеръ. Новую шубу, съ иголочки.

Фрау Вольфъ. Ну, знаете, надо поскорѣе уѣзжать отсюда. Да тутъ какая-то шайка! Прямо за жизнь страшно! Ц! ц! Вѣдь этакій народъ! Диву дашься!

Флейшеръ. Можете себѣ представить, что за переполохъ.

Фрау Вольфъ. За это ихъ нельзя осуждать.

Флейшеръ. И право же, очень дорогая вещь,—кажется норка.

Фрау Вольфъ. Это что-то въ родѣ бобра. г-нъ Флейшеръ?

Флейшеръ. Ахъ, возможно, что это былъ даже боберъ. Бѣдняжки очень гордились этимъ. Признаться, втихомолку я даже смѣялся. При такихъ открытіяхъ всегда становится смѣшно.

Фрау Вольфъ. Но вы, право же, безсердечны. Нать такими вещами я не могу смѣяться, г-нъ Флейшеръ!

Флейшеръ. Ужъ не думаете ли вы, что мнѣ не жаль его?

Фрау Вольфъ. И что это только за люди! Положительно ума не приложишь! Такъ-то вотъ обкрадывать народъ,—нѣтъ, лучше работать, пока съ ногъ не свалишься.

Флейшеръ. А вы не могли бы чуточку поразнюхать? Мнѣ кажется, шуба осталась здѣсь.

Фрау Вольфъ. А вы-то сами никого не заподозрѣли?

Флейшеръ. Какая-то прачка стирала у Крюгера...

Фрау Вольфъ. Мюллерша?

Флейшеръ. У нея же такая большая семья?..

Фрау Вольфъ. Семья-то у нея большая, но красть... нѣтъ. Стянуть какой-нибудь пустякъ, да!

Флейшеръ. Разумѣется. Крюгеръ прогналъ ее.

Фрау Вольфъ. Это должно обнаружиться, чортъ возьми. Бѣсовская штука. Ну, будь я начальникомъ волости...

Нашъ-то глупъ... нѣтъ, непроходимо глупъ. Своими мозолями я вижу больше, чѣмъ онъ въ свои очки, ужъ повѣрьте мнѣ.

Флейшеръ. Я готовъ повѣрить.

Фрау Вольфъ. Я вамъ могу сказать, коль на то пошло: я стулъ изъ-подъ его зада украду.

Флейшеръ (всталъ, смѣясь, кричитъ въ сосѣднюю комнату). Иди сюда, Филиппъ, иди, намъ уже пора уходить. Прощайте, тетушка Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Одѣвайся, Адельгейда. Ты покатаешь г-на Флейшера немного.

Адельгейда (входитъ, застегивая послѣднюю пуговицу на шеѣ, ведетъ за руку Филиппа). Я уже готова. (Филиппу) Поди сюда, слышишь, я возьму тебя на руки.

Флейшеръ (озабоченно, помогая одѣться). Хорошенько застегнуть. Онъ слишкомъ чувствителенъ. А на рѣкѣ будетъ вѣтрено.

Адельгейда. Я хочу пойти впередъ, приготовить лодку.

Фрау Вольфъ. А какъ теперь ваше здоровье?

Флейшеръ. Гораздо лучше съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь на воздухѣ.

Адельгейда (въ дверяхъ, кричитъ назадъ). Мама, г-нъ Крюгеръ.

Фрау Вольфъ. Кто?

Адельгейда. Г-нъ Крюгеръ.

Фрау Вольфъ. Это невозможно!

Флейшеръ. Утромъ онъ хотѣлъ пойти къ вамъ. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ (бросаетъ быстрый взглядъ на кучу дровъ и начинаетъ рѣшительно убирать ихъ). Подь-ка, дѣвушка, помоги, мы должны убрать дрова.

Адельгейда. Почему же, мама? Ахъ, изъ-за г-на Крюгера.

Фрау Вольфъ. Изъ-за кого-жъ иначе, дура! Развѣ прилично, какъ тутъ у насъ въ комнатѣ? Нешто такъ должно быть утромъ въ воскресенье? Что о насъ подумаетъ г-нъ Крюгеръ? (Входитъ Крюгеръ, разгоряченный. Вольфиха кричитъ ему навстрѣчу). Г-нъ Крюгеръ, не смотрите. У насъ тутъ еще такой ужасный безпорядокъ.

Крюгеръ (торопливо). Здравствуйте! Здравствуйте! Оставьте это. Вы цѣлую недѣлю на работѣ, и въ воскресенье всего не вычистишь. Вы — порядочная женщина. Вы — честная женщина, фрау Вольфъ. И то, что между нами произошло, я полагаю, мы можемъ совершенно забыть.

Фрау Вольфъ (растроганная, отъ поры до времени вытирая кончикомъ передника глаза). Я никогда ничего не имѣла противъ

васъ. Я всегда охотно работала у васъ. Но вы вдругъ стали такъ вспыльчивы... что нельзя было не разозлиться, до того ужъ больно стало.

Крюгеръ. Приходите снова стирать у насъ. А гдѣ ваша дочь Леонтина?

Фрау Вольфъ. Понесла капусту къ почтмейстеру.

Крюгеръ. Вы дѣвушку отдайте снова къ намъ. Вмѣсто двадцати она получитъ тридцать талеровъ. Вообще мы были всегда довольны ею. Мы простили и забыли все. (Подаетъ ей руку. Вольфиха пожимаетъ ее).

Фрау Вольфъ. Всего этого могло и не быть. Дѣвчонка-то еще глупая. А мы, старики, вѣдь всегда-то ладили.

Крюгеръ. Стало-быть, все въ порядкѣ. (Переводя духъ) Настолько-то я по крайней мѣрѣ спокоенъ. Ну, скажите на милость. Насчетъ исторіи со мной. Что вы на это скажете?

Фрау Вольфъ. Ахъ, знаете ли, нѣтъ... ужъ я ничего не скажу.

Крюгеръ. Теперь-то этотъ г-нъ Верганъ въ нашихъ рукахъ. Опорочивать честныхъ гражданъ, выдумывать придирки и непріятности. Куда только онъ ни суетъ своего носа!

Фрау Вольфъ. Только не туда, куда слѣдуетъ.

Крюгеръ. Я теперь пойду и подамъ заявленіе. Я такъ не оставлю, дѣло должно быть выведено на чистую воду.

Фрау Вольфъ. И не оставляйте этого такъ, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ. Хотя бы мнѣ пришлось перевернуть все вверхъ дномъ. Я получу назадъ мою шубу, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Здѣсь нужно произвести настоящую чистку, чтобъ былъ покой въ нашемъ гнѣздѣ. А то они еще крышу надъ головой украдутъ.

Крюгеръ. Да вы только подумайте! Въ теченіе двухъ недѣль двѣ такихъ кражи! Сажень дровъ, вотъ такихъ, какъ у васъ. (Беретъ одно полѣно въ руку). Такихъ прекрасныхъ, торогихъ дровъ, фрау Вольфъ.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, тутъ столько непріятностей, что хоть въ гробъ ложись. И что тутъ за шайка завелась... Тьфу ты, чортъ! Этакія дѣла! Эхъ! Оставьте меня въ покоѣ!

Крюгеръ (бѣшено машетъ полѣномъ кругомъ). Хотя бы мнѣ тысячу талеровъ стоило, а я ужъ нападу вору-то на слѣдъ. Этимъ людямъ не миновать каторги!

Фрау Вольфъ. Вотъ благодать была бы! Какъ истинный Богъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Въ канцеляріи. Глазенапъ сидитъ на своемъ мѣстѣ. Фрау Вольфъ и Адельгейда, на колѣняхъ у которой завернутый въ полотно пакетъ, дожидаются начальника волости.

Фрау Вольфъ. Онъ нынче опять долгонько не приходитъ.

Глазенапъ (не переставая писать). Терпѣніе! Терпѣніе!

Фрау Вольфъ. Ежели онъ нынче опять придетъ такъ поздно, то у него опять не останется времени для насъ.

Глазенапъ. Господи! Съ вашими-то пустяками! У насъ тутъ болѣе важныя дѣла.

Фрау Вольфъ. Вы тутъ прекрасныя дѣлишки обдѣлываете.

Глазенапъ. Оставьте этотъ тонъ. Онъ неумѣстенъ!

Фрау Вольфъ. И,—вамъ бы только важничать. Дѣвушку сюда Крюгеръ прислалъ.

Глазенапъ. Никакъ снова исторія съ шубой, что?

Фрау Вольфъ. Все то же!

Глазенапъ. Значитъ, опять выкопалъ что-нибудь старикъ. Такъ пусть же онъ представитъ вещественныя доказательства, старый кривоногій сутяга.

Фрау Вольфъ. Вамъ только болтать; вы лучше смотрите, какъ бы провѣдать что-нибудь.

Миттельдорфъ (въ дверяхъ). Вамъ нужно отправиться туда, Глазенапъ. Г-нъ начальникъ хотятъ васъ спросить про что-то.

Глазенапъ. Вотъ и снова приходится работу прерывать. (Бросаетъ перо и уходитъ).

Фрау Вольфъ. Здравствуйте, Миттельдорфъ.

Миттельдорфъ. Здравствуйте!

Фрау Вольфъ. Гдѣ же это начальникъ такъ долго пропадаетъ?

Миттельдорфъ. Всю-то недѣлю пишетъ, тетушка Вольфъ. Важныя дѣла, доложу я вамъ. (Конфиденціально) И знаете: чѣмъ-то пахнетъ въ воздухѣ... Чѣмъ, пока не знаю. Но что чѣмъ-то пахнетъ — я это твердо знаю. Ежели только обратите вниманіе, вы это сами почувствуете. Потрескиваетъ, а разъ потрескиваетъ, тетушка Вольфъ, то и—треснетъ. Нѣтъ, какъ докладывалъ, я ничего не понимаю. Все это—новости. Новости—и все тутъ. А въ новостяхъ-то я ничего не смыслю. Что-нибудь да разразится.

Дальше такъ нельзя. Все село подлежитъ чисткѣ. Теперь я больше ничего не разберу. А что до прежняго начальника, до покойнаго-то, въ сравненіи съ нынѣшнимъ онъ былъ просто—мямля. Я бы вамъ еще многое разсказалъ. Но мнѣ некогда. Баронъ меня спохватится. (Уходитъ, въ дверяхъ еще разъ оборачивается и говоритъ) А потрескиваетъ, тетушка Вольфъ, смѣю васъ увѣрить. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ. Ну, какъ бы чего не сорвалось у него. (Молчаніе).

Адельгейда. Что же я должна сказать? Я позабыла.

Фрау Вольфъ. А что ты сказывала г-ну Крюгеру?

Адельгейда. Ну, что я здѣсь нашла свертокъ.

Фрау Вольфъ. Такъ ты и здѣсь больше ничего не сказывай. Только не трусь и не сбивайся. Вѣдь въ иныхъ-то случаяхъ ты за словомъ въ карманъ не полѣзешь.

Вульковъ (входитъ). Мое почтеніе.

Фрау Вольфъ (не отвѣчая, уставилась на Вулькова, потомъ говоритъ). Нѣтъ, въ своемъ ли вы умѣ, Вульковъ?! Что вамъ здѣсь нужно?

Вульковъ. У моей жены маленькое событіе...

Фрау Вольфъ. Что же у нея?

Вульковъ. Маленькая дѣвочка. Вотъ мнѣ и пришлось явиться по начальству.

Фрау Вольфъ. А я-то думала, что вы уже давно въ каналѣ?

Вульковъ. Я бы ничего не имѣлъ и противъ этого, фрау Вольфъ. Кабы отъ меня зависѣло, такъ бы оно и было. Я вѣдь тотчасъ же тронулся въ путь. Добрался я это до шлюзовъ, анъ дальше-то и нельзя. Сталъ дожидаться, когда Шпре очистится. Цѣлыхъ двое сутокъ простоялъ, а тутъ еще у жены дѣло-то подошло къ концу. Ничего не подѣлаешь, пришлось тащиться назадъ.

Фрау Вольфъ. Значитъ, ваша лодка опять у моста?

Вульковъ. Разумѣется. Гдѣ-жъ мнѣ ее держать?

Фрау Вольфъ. Ну, оставьте меня съ этимъ.

Вульковъ. И—лишь бы они-то не пронюхали.

Фрау Вольфъ. Ступай, купи въ лавкѣ нитокъ за десять пфенниговъ.

Адельгейда. Я ихъ возьму по дорогѣ домой.

Фрау Вольфъ. Ступай и не разговаривай.

Адельгейда. Я больше не маленькая дѣвочка. (Уходитъ).

Фрау Вольфъ (быстро). Значитъ, вы стояли тамъ у шлюзовъ?

Вульковъ. Цѣлыхъ два дня. Что я вамъ скажу.

Фрау Вольфъ. Чтобъ вамъ пусто было. Да вы совсѣмъ... вы надѣваете шубу средь бѣла дня.

Вульковъ. Я? Надѣвалъ?

Фрау Вольфъ. Да-съ. надѣвали. средь бѣла дня. Чтобы всему селу сейчасъ же стало извѣстно, какая у васъ славная шуба.

Вульковъ. Это было уже въ рощѣ.

Фрау Вольфъ. За пятнадцать минутъ отъ нашего дома. Моя дочь видѣла. какъ вы сидѣли. Ей пришлось катать доктора Флейшера, и у него сейчасъ же явилось подозрѣніе.

Вульковъ. Про то я ничего не знаю. это меня не касается. (Слышны чьи-то шаги).

Фрау Вольфъ. Тсс,—теперь смотрите въ оба, Вульковъ.

Глазенапъ (быстро входитъ, отчасти копируя начальника. Спрашиваетъ Вулькова свысока) Что вамъ угодно?

Верганъ (еще за сценой). Что тебѣ нужно, дѣвочка? Ты ко мнѣ? Входи, входи. (Верганъ пропускаетъ Адельгейду впередъ и входитъ вслѣдъ за нею). Времени у меня нынче немного. Ахъ, да, ты же маленькая Вольфъ? Ну, садись. Что же тебѣ нужно?

Адельгейда. У меня тутъ свертокъ...

Верганъ. Ну, подожди... (Вулькову) Что вамъ угодно?

Вульковъ. Мнѣ хотѣлось бы заявить о рожденіи.

Верганъ. Значитъ, занести въ списки. Книги, Глазенапъ. Но сперва я отпущу остальныхъ. (Къ фрау Вольфъ) Что же съ вашей дочерью? Крюгеръ опять надавалъ ей пощечинъ?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, до этого дѣло еще не дошло.

Верганъ. Что же случилось тогда?

Фрау Вольфъ. Тутъ вотъ свертокъ...

Верганъ (Глазенапу). А Мотеса все еще не было?

Глазенапъ. Пока еще не было.

Верганъ. Непостижимо. Ну. дѣвочка, что-жъ тебѣ нужно?

Глазенапъ. Касательно украденной шубы, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Вотъ какъ! Нынче не могу. Всего-то сразу не передѣлаешь! (Къ фрау Вольфъ) Она можетъ придти ко мнѣ завтра.

Фрау Вольфъ. Она уже дважды хотѣла говорить съ вами.

Верганъ. Такъ пусть попробуетъ завтра въ третій разъ.

Фрау Вольфъ. Ей г-нъ Крюгеръ покоя не даетъ.

Верганъ. При чемъ же тутъ г-нъ Крюгеръ?

Фрау Вольфъ. Дѣвушка ходила къ нему со сверткомъ.

Верганъ. Что тамъ за тряпки? Покажите.

Фрау Вольфъ. Это относится къ исторіи съ шубой. Т.-е. г-нъ Крюгеръ такъ думаетъ.

Верганъ. Что же тутъ за тряпки, а?

Фрау Вольфъ. Тутъ зеленый жилетъ г-на Крюгера.

Верганъ. Это ты нашла?

Адельгейда. Это я нашла. г-нъ начальникъ!

Верганъ. Гдѣ же ты нашла?

Адельгейда. Когда я съ мамой шла на станцію. Иду это я и вдругъ...

Верганъ. Ну. ладно. (Къ фрау Вольфъ) Объ этомъ вы доложите въ ближайшій разъ. Мы вернемся къ этому завтра.

Фрау Вольфъ. Мнѣ это уже порядкомъ-таки...

Верганъ. А кому же это не надоѣло?

Фрау Вольфъ. Да вотъ г-нъ Крюгеръ никакъ не уймется.

Верганъ. Г-нъ Крюгеръ, г-нъ Крюгеръ,—а мнѣ-то наплевать. Онъ мнѣ положительно надоѣлъ. Такія вещи не дѣлаются однимъ махомъ. Онъ же назначилъ вознагражденіе,—объ этомъ въ «Правительственныхъ Извѣстіяхъ» объявлено.

Глазенапъ. Ему все еще мало.

Верганъ. Какъ прикажете понимать: мало? Мы установили составъ преступленія. Онъ заподозрѣлъ свою прачку. мы сдѣлали обыскъ. Чего-жъ ему больше? Ему слѣдуетъ успокоиться. Ну, какъ сказано. завтра я въ вашемъ распоряженіи.

Фрау Вольфъ. Намъ-то все равно, мы можемъ придти въ другой разъ.

Верганъ. Ну да, завтра утромъ.

Фрау Вольфъ. До свиданія!

Адельгейда (присѣдая). До свиданія!

(Фрау Вольфъ и Адельгейда уходятъ).

Верганъ (роясь въ дѣлахъ. Глазенапу). Мнѣ очень любопытно. чѣмъ это кончится. Г-нъ Мотесъ хочетъ выставить свидѣтелей. Онъ говоритъ. что эта кондиторская вѣдьма Дрейеръ какъ разъ была при томъ. какъ Флейшеръ вы-

разился непочтительно. Скажите-ка, сколько лѣтъ этой Дрейеръ?

Глазенапъ. Такъ—около семидесяти, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Чуточку выжила изъ ума, нѣтъ?

Глазенапъ. Ну, какъ взглянуть. Мозги у нея еще довольно въ порядкѣ.

Верганъ. Могу вамъ сказать, Глазенапъ, я былъ бы положительно удовлетворенъ, если-бъ удалось водворить здѣсь строгіе порядки. Чтобъ люди знали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Кто отсутствовалъ въ тезоименитство императора? Разумѣется, Флейшеръ. Я считаю его способнымъ на все. Сколько бы онъ ни прикидывался глупенькой овечкой. Мы ихъ знаемъ, этихъ волковъ въ овечьей шкурѣ. Мухи не тронутъ, а какъ дойдетъ до дѣла, то, собаки, цѣлую деревню на воздухъ взорвутъ. Но мы-то ихъ выкуримъ отсюда!

Мотесъ (входитъ). Мое нижайшее!

Верганъ. Ну, какъ дѣла?

Мотесъ. Фрау Дрейеръ къ одиннадцати хочетъ быть здѣсь.

Верганъ. Дѣло произведетъ извѣстный шумъ. Отчаянный крикъ поднимутъ. Верганъ, дескать, во все суется. Но, слава Богу, это меня не остановитъ. Я здѣсь не для собственнаго удовольствія. Не шутки шутить поставленъ я здѣсь. Люди-то думаютъ, что какой-нибудь начальникъ волости — не больше, какъ полицейскій крючокъ высшаго чина. Такъ пусть посадятъ здѣсь кого-нибудь другого. Люди, опредѣлившіе меня, конечно, твердо знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Они знаютъ серьезность моего образа мыслей. На службу я смотрю, какъ на священное призваніе. (Молчаніе). Докладъ прокуратурѣ я уже составилъ. И если я отошлю его сегодня въ полдень, то послѣзавтра можно ждать приказа объ арестѣ.

Мотесъ. Но вѣдь тогда на меня накинутся.

Верганъ. Вы же знаете, мой дядя—камергеръ. Я постараюсь замолвить за васъ словечко. Чортъ возьми! Самъ Флейшеръ! Что ему нужно? Никакъ онъ уже почуялъ бѣду? (Стучатъ. Верганъ кричитъ) Войдите!

Флейшеръ (входитъ, блѣдный и возбужденный). Здравствуйте! (Ему не отвѣчаютъ). Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать одно заявленіе, относящееся къ недавней кражѣ.

Верганъ (съ пронизывающимъ полицейскимъ взглядомъ). Вы—докторъ Іосифъ Флейшеръ?

Флейшеръ. Совершенно вѣрно. Моя фамилія — Іосифъ Флейшеръ.

Верганъ. Вы хотите сдѣлать мнѣ заявленіе?

Флейшеръ. Если позволите, мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это. Я тутъ какъ разъ замѣтилъ нѣчто, могущее навести на слѣдъ похитителя шубы.

Верганъ (барабанитъ по столу и съ видомъ дѣланнаго удивленія обводитъ глазами присутствующихъ, вызывая у нихъ улыбку. Безучастно). Какое же важное обстоятельство вы изволили замѣтить?

Флейшеръ. Вотъ что, если вы заранѣе не придаете моему сообщенію никакого значенія, то я предпочелъ бы...

Верганъ (быстро, высокомѣрно). Что же вы предпочли бы?

Флейшеръ. Я предпочелъ бы умолчать объ этомъ.

Верганъ (молча и какъ бы недоумѣвающе обращается къ Мотесу, потомъ, мѣняя тонъ, вскользь говоритъ). Вы отнимаете у меня время. Я просилъ бы васъ изложить дѣло покороче.

Флейшеръ. У меня время тоже разсчитано. Тѣмъ не менѣе я счелъ своимъ долгомъ...

Верганъ (перебивая). Вы сочли своимъ долгомъ. Хорошо. Тогда говорите, что вы знаете.

Флейшеръ (пересиливая себя). Такъ вотъ, вчера я катался на лодкѣ. Я взялъ лодку у Вольфихи. И ея дочь гребла.

Верганъ. Это безусловно относится къ дѣлу?

Флейшеръ. Да, конечно, на мой взглядъ.

Верганъ (нетерпѣливо барабанитъ по столу). Хорошо, хорошо, послушаемъ дальше.

Флейшеръ. Мы доѣхали до самыхъ шлюзовъ. И тамъ оказалась лодка. Насколько мы видѣли, ледъ запрудилъ тамъ рѣку. Очевидно, она застряла тамъ.

Верганъ. Гм. Такъ. Это насъ мало интересуетъ. Но въ чемъ же дѣло?

Флейшеръ (съ трудомъ сдерживая себя). Я долженъ заявить, что подобнаго рода... я пришелъ сюда совершенно добровольно,—добровольно оказать услугу властямъ...

Глазенапъ (нагло). Г-ну начальнику некогда. Вы только не тратьте словъ. Говорите коротко и связно.

Верганъ (рѣзко). Къ дѣлу. Къ дѣлу же. Что вамъ нужно?

Флейшеръ (пересиливая себя). Мнѣ важно, чтобы кража была раскрыта. И, въ интересахъ стараго г-на Крюгера, я намѣренъ...

Верганъ (зѣвая, безучастно). Больно глазамъ, опустите занавѣски.

Флейшеръ. Въ лодкѣ сидѣлъ старый лодочникъ — вѣроятно, владѣлецъ судна.

Верганъ (какъ выше, зѣвая). Да. Весьма вѣроятно.

Флейшеръ. Этотъ человѣкъ сидѣлъ на палубѣ въ шубѣ, которую я принялъ издали за бобра.

Верганъ (какъ выше). А я бы, пожалуй, принялъ ее за куницу.

Флейшеръ. Я подъѣхалъ какъ можно ближе и могъ достаточно разсмотрѣть. Это былъ бѣдный, грязный лодочникъ, и шуба, повидимому, была сшита совсѣмъ не по нему. Притомъ была совершенно новенькая...

Верганъ (повидимому, приходя въ себя). Я слушаю, слушаю—ну? И что же? Что дальше?

Флейшеръ. Что дальше? Ничего!

Верганъ (повидимому, оживая). Вы же хотѣли сдѣлать мнѣ заявленіе. Вы же о чемъ-то важномъ говорили.

Флейшеръ. Я сказалъ все, что хотѣлъ сказать.

Верганъ. Вы намъ тутъ разсказали исторію про лодочника, носящаго шубу. Положимъ, лодочники носятъ шубы иногда. Это не такая ужъ новость.

Флейшеръ. Думайте объ этомъ такъ или иначе. При такихъ обстоятельствахъ я кончилъ. (Уходитъ).

Верганъ. Вамъ приходило въ голову что-нибудь подобное? Кромѣ того онъ непроходимо глупъ. На лодочникѣ была шуба. Да что онъ,—вдругъ рехнулся, что ли? У меня у самого бобровая шуба. Это же отнюдь не значитъ, что я—воръ... Чортъ возьми! Что же это опять? Нынче, видно, совсѣмъ не дадутъ покоя. (Миттельдорфу, стоящему въ дверяхъ) Не пускать больше никого. Господинъ Мотесъ, сдѣлайте одолженіе, подите, пожалуйста, на мою половину. Мы можемъ тамъ спокойнѣе потолковать. Который уже разъ этотъ Крюгеръ. Точно его тарантулъ укусилъ. Если старый оселъ будетъ впредь изводить меня, такъ онъ у меня еще въ двери вылетитъ.

(Въ открытыхъ дверяхъ показывается Крюгеръ въ сопровожденіи Флейшера и фрау Вольфъ).

Миттельдорфъ (Крюгеру). Г-на начальника видѣть нельзя, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ. Вотъ еще! Нельзя видѣть! Мнѣ это безразлично. (Остальнымъ) Проходите, проходите. Мы еще посмотримъ.

(Всѣ, съ Крюгеромъ впереди, входятъ).

Верганъ. Я просилъ бы чуточку потише. Какъ видите, мнѣ тутъ нужно еще переговорить.

Крюгеръ. Говорите, говорите, мы можемъ подождать. А потомъ вы же и съ нами переговорите.

Верганъ (Мотесу). Такъ я васъ прошу туда, на мою половину... И если вы увидите случайно фрау Дрейеръ, то я предпочелъ бы допросить ее тамъ же. Сами видите: здѣсь немыслимо.

Крюгеръ (указывая на Флейшера). Вотъ, господинъ тоже знаетъ кой-что про фрау Дрейеръ. Можетъ вамъ изложить даже на бумагѣ.

Мотесъ. Вашъ покорный слуга. имѣю честь кланяться! (Уходитъ).

Крюгеръ. Ему и пора откланяться.

Верганъ. Я васъ прошу воздержаться отъ вашихъ замѣчаній.

Крюгеръ. Еще разъ говорю: это—мошенникъ!

Верганъ (точно онъ ничего не слышалъ, Вулькову). Итакъ. въ чемъ дѣло? Сперва я съ вами покончу. Книги, Глазенапъ!.. Оставьте. Сперва я съ этимъ раздѣлаюсь. (Крюгеру) Я сперва васъ отпущу.

Крюгеръ. Да, я васъ очень прошу.

Верганъ. Ваше *очень* здѣсь совсѣмъ не въ счетъ. О чемъ же вы изволите просить?

Крюгеръ. Я не прошу. Я не проситель. Я пришелъ заявить мое законное право.

Верганъ. Какое же это законное право?

Крюгеръ. Мое законное право, г-нъ начальникъ. Право, по которому мнѣ, какъ обокраденному, мѣстныя власти должны помочь получить назадъ мое украденное имущество.

Верганъ. Да развѣ вамъ отказано въ помощи?

Крюгеръ. Нѣтъ, ничуть. Да это и немыслимо. Но я все же замѣчаю, что ничего не подвигается! Все дѣло лежитъ совсѣмъ безъ движенія.

Верганъ. По-вашему, это въ одинъ мигъ дѣлается?

Крюгеръ. Я этого не думаю, г-нъ начальникъ. Тогда бы я и не являлся сюда. У меня есть очень вѣскія доказательства. Вы по моему дѣлу пальца о палецъ не ударили.

Верганъ. Я уже теперь могъ бы остановить васъ. Выслушивать подобное дальше совсѣмъ не входитъ въ мои служебныя обязанности. Но покуда что, продолжайте.

Крюгеръ. Вы не могли бы остановить меня. Какъ прусскій гражданинъ, я пользуюсь извѣстными правами. И если-бъ вы меня остановили, то я бы зналъ, куда мнѣ обратиться. Въ моемъ дѣлѣ вы пальца о палецъ не ударили.

Верганъ (повидимому, хладнокровный). Пожалуйста, представьте основаніе.

Крюгеръ (указывая на фрау Вольфъ и ея дочь). Вотъ эта женщина приходила къ вамъ. Ея дочь сдѣлала находку. Дорога не испугала ея, хотя она — бѣдная женщина. Одинъ разъ вы отослали ее, а нынче она снова пришла...

Фрау Вольфъ. Да ему же было некогда, господину-то начальнику.

Верганъ. Ахъ, пожалуйста, дальше!..

Крюгеръ. Я еще не скоро кончу. Вы что сказали этой женщинѣ? Вы ей просто-напросто сказали: вамъ, дескать, некогда заниматься этимъ дѣломъ. Вы даже дочери не допросили. Вы не знаете никакихъ подробностей: обо всемъ происшествіи вы ровно ничего не знаете.

Верганъ. Теперь я просилъ бы васъ знать мѣру.

Крюгеръ. Я знаю мѣру, твердо знаю мѣру. Я слишкомъ знаю мѣру, г-нъ начальникъ. Я еще слишкомъ умѣренный человѣкъ. Иначе я бы еще не то сказалъ!.. Что это за слѣдствіе? Вотъ этотъ господинъ, г-нъ Флейшеръ, приходилъ къ вамъ съ показаніемъ, которое онъ вамъ изложилъ. У одного лодочника оказалась бобровая шуба...

Верганъ (поднимая руку). Пст,—постойте-ка! Вы, кажется, лодочникъ?

Вульковъ. Вотъ уже тридцать лѣтъ занимаюсь перевозомъ.

Верганъ. Вы пугливы? Васъ тутъ передернуло.

Вульковъ. Дѣйствительно, я чуточку испугался.

Верганъ. Лодочники на Шпре часто носятъ шубы?

Вульковъ. Бываетъ, что и носятъ.

Верганъ. Вонъ тотъ господинъ видѣлъ лодочника, стоявшаго въ шубѣ на палубѣ.

Вульковъ. Въ этомъ нѣтъ ничего подозрительнаго, г-нъ начальникъ. У многихъ имѣются прекрасныя шубы. У меня у самого шубенка имѣется.

Верганъ. Ну, вотъ видите, у него тоже шуба есть.

Флейшеръ. Но не бобровая же шуба въ концѣ-то концовъ.

Верганъ. Вы же не совсѣмъ ясно видѣли.

Крюгеръ. Что? У него бобровая шуба?

Вульковъ. У многихъ, доложу я вамъ, имѣются прекрасныя бобровыя шубы. А почему бы и нѣтъ? Кому денегъ не жаль...

Верганъ (въ преизбыткѣ торжества, съ дѣланнымъ безразли-

чіемъ). Такъ. (Вскользь) Продолжайте, пожалуйста, г-нъ Крюгеръ. Это было просто маленькое отступленіе. Я только хотѣлъ обратить ваше вниманіе на то, какъ много значитъ подобное «наблюденіе»... Видите, у него у самого шуба. (Съ новой рѣзкостью) А мы вѣдь даже во снѣ не рѣшились бы по одному этому сказать: онъ укралъ шубу. Это же былъ бы абсурдъ.

Крюгеръ. Что? Я ни слова не понимаю.

Вергань. Тогда мнѣ нужно говорить еще громче. И разъ ужъ я заговорилъ, то мнѣ одно хотѣлось бы сказать вамъ. Не въ качествѣ представителя власти, а какъ такой же простой человѣкъ, какъ вы, г-нъ Крюгеръ... Порядочному гражданину слѣдовало бы быть менѣе довѣрчивымъ,— не ссылаться на свидѣтельство постороннихъ...

Крюгеръ. Моихъ знакомыхъ, моихъ знакомыхъ?..

Вергань. Да-съ, вашихъ знакомыхъ.

Крюгеръ. Тогда вы сами-то будьте осторожнѣе. Такого человѣка, какъ Мотесъ, съ которымъ вы дружите,—я изъ дому вышвырнулъ.

Флейшеръ. Человѣку, сидящему у васъ на квартирѣ, я указалъ на дверь.

Крюгеръ. Онъ меня съ квартирной платой надулъ.

Фрау Вольфъ. Здѣсь немного найдется такихъ, кого бы онъ такъ или иначе не надулъ,—на мелочь, на марку, на талеръ, на золотой.

Крюгеръ. Онъ положительно подати взимаетъ.

Флейшеръ (вынимаетъ изъ кармана бумагу). Ему уже пора къ прокурору. (Кладетъ бумагу на столъ). Будьте любезны прочесть.

Крюгеръ. Эту бумагу фрау Дрейеръ сама подписала. Онъ хотѣлъ склонить ее дать ложную присягу.

Флейшеръ. Она должна была показывать противъ меня.

Крюгеръ (дотрагиваясь до Флейшера). Это же—безупречный человѣкъ, и его-то этотъ мерзавецъ хочетъ погубить. И вы подаете руку такому человѣку.

Говорятъ одновременно.

Вергань. Теперь я потерялъ всякое терпѣніе. Что тамъ у васъ за дѣла съ этимъ человѣкомъ,—меня не касается, на это мнѣ наплевать. (Флейшеру) Уберите эту дрянь.

Крюгеръ (то къ фрау Вольфъ, то къ Глазенапу). И это— другъ г-на начальника волости! Повѣренный. Отличный повѣренный! Душегубъ, хотѣлъ я сказать.

Флейшеръ (Миттельдорфу). Я никому не обязанъ от-

Говорятъ одновременно.

четомъ. Что я дѣлаю и какъ я поступаю, это—мое дѣло. Съ кѣмъ я близокъ, мое дѣло. Что я думаю, что пишу, мое дѣло.

Глазенапъ. Да тутъ своихъ собственныхъ словъ не слышно. Г-нъ начальникъ, прикажете послать за жандармомъ? Я живо сбѣгаю. Миттельдорфъ!..

Верганъ. Прошу потише. (Водворяется тишина. Флейшеру) Уберите эту дрянь, пожалуйста.

Флейшеръ (дѣлаетъ это). Тогда эта дрянь пойдетъ къ прокурору.

Верганъ. Какъ вамъ будетъ угодно. (Встаетъ и вынимаетъ изъ шкапа свертокъ фрау Вольфъ). Чтобы покончить съ этимъ. (Къ фрау Вольфъ) Гдѣ вы нашли эту вещь?

Фрау Вольфъ. Это не я нашла, г-нъ начальникъ.

Верганъ. А кто же тогда?

Фрау Вольфъ. Моя младшая дочь.

Верганъ. Почему же вы не взяли ее съ собой?..

Фрау Вольфъ. Она же была здѣсь, г-нъ начальникъ. Я могу живо привести ее снова.

Верганъ. Но это значительно замедляетъ дѣло. Да вамъ-то дѣвочка ничего не разсказывала?

Крюгеръ. Она говорила—по дорогѣ на вокзалъ.

Верганъ. Воръ, значитъ, уѣхалъ въ Берлинъ. Послѣ этого мы немного разыщемъ.

Крюгеръ. Я этому совсѣмъ не повѣрю, г-нъ начальникъ. У г-на Флейшера совершенно правильный взглядъ. Вся эта исторія со свертокъ подстроена, чтобы направить насъ на ложный путь.

Фрау Вольфъ. И то сказать! Вполнѣ возможно.

Верганъ. Ну, Вольфиха, вы не такъ ужъ глупы. Все краденое здѣсь отправляется въ Берлинъ. Шуба-то давнымъ-давно продана въ Берлинѣ,—еще раньше, чѣмъ мы здѣсь узнали, что она украдена.

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, г-нъ начальникъ, я не могу иначе. Я не вполнѣ съ вами согласна. Разъ воръ въ Берлинѣ, то хотѣла бы я знать: зачѣмъ ему терять свертокъ.

Верганъ. Не всегда же теряютъ умышленно.

Фрау Вольфъ. И,—да вы только осмотрите свертокъ, все такъ тщательно уложено,—жилетъ, ключъ, кусочекъ бумаги...

Крюгеръ. Я увѣренъ, что воръ-то здѣсь.

Фрау Вольфъ (поддерживая Крюгера). Вотъ видите, г-нъ Крюгеръ.

Крюгеръ (чувствуя поддержку). Я въ этомъ твердо увѣренъ.

Верганъ. Къ сожалѣнію, я не могу присоединиться къ этому взгляду. У меня слишкомъ большой опытъ...

Крюгеръ. Что? Большой опытъ? Гм!

Верганъ. Конечно. И на основаніи этого многолѣтняго опыта я знаю, что такая возможность врядъ ли можетъ быть принята въ соображеніе.

Фрау Вольфъ. Положимъ, не слѣдуетъ зарекаться, г-нъ начальникъ.

Крюгеръ (ссылаясь на Флейшера). Но онъ же видѣлъ лодочника...

Верганъ. Ахъ, не упоминайте объ этой исторіи. Тогда мнѣ пришлось бы ежедневно производить обыски съ двадцатью жандармами и полицейскими. Тогда мнѣ пришлось бы обыскивать всѣхъ и каждаго.

Фрау Вольфъ. Тогда ужъ начинайте съ меня, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Ну, развѣ же это не смѣшно? Нѣтъ, нѣтъ, господа, такъ нельзя. Такъ-то мы никогда ни къ чему не придемъ. Вы должны предоставить мнѣ полную свободу дѣйствія. У меня уже возникло подозрѣніе, и покуда что я хочу только понаблюдать. Здѣсь имѣется нѣсколько темныхъ личностей, которыя у меня уже давно на примѣтѣ. Чуть свѣтъ онѣ ѣдутъ въ Берлинъ, съ тяжелыми мѣшками на спинѣ, а вечеромъ возвращаются порожнемъ.

Крюгеръ. Торговки зеленью носятъ свою зелень на спинѣ.

Верганъ. Ахъ, оставьте торговокъ, г-нъ Крюгеръ. Ваша шуба, вѣроятно, такимъ-то путемъ и уѣхала.

Фрау Вольфъ. Очень возможно. На свѣтѣ нѣтъ ничего невозможнаго.

Верганъ. Итакъ. Ну? Вы хотите сдѣлать заявленіе.

Вульковъ. Дочка родилась, г-нъ начальникъ.

Верганъ. Я, значитъ, сдѣлаю все возможное.

Крюгеръ. Я не успокоюсь, г-нъ начальникъ, пока не получу шубы.

Верганъ. Что можно сдѣлать, все будетъ сдѣлано. Фрау Вольфъ можетъ чуточку поразнюхать.

Фрау Вольфъ. На это я совсѣмъ не гожусь. Но ежели все это не обнаружится, то... нѣтъ, нѣтъ, гдѣ же тогда надежное житье?

Крюгеръ. Вы совершенно правы, фрау Вольфъ, совершенно правы. (Верганъ) Я прошу хорошенько осмотрѣть свертокъ. На ярлыкѣ тамъ надпись, могущая привести къ

какому-нибудь открытію. А послѣзавтра утромъ, г-нь начальникъ, я снова найду свободную минуту понавѣдаться. До свиданія! (Уходитъ).

Флейшеръ. До свиданія. (Уходитъ).

Верганъ (Вулькову). Сколько вамъ лѣтъ? До свиданія, до свиданія!.. У нихъ обоихъ что-то неладно на чердакѣ. (Вулькову) Какъ васъ зовутъ?

Вульковъ. Августъ-Филиппъ Вульковъ.

Верганъ (Миттельдорфу). Сходите-ка ко мнѣ на квартиру. Тамъ сидитъ и дожидается писатель Мотесъ. Скажите ему, я, молъ, сожалѣю, что нынче утромъ я занятъ другимъ.

Миттельдорфъ. Значитъ, чтобъ не ждалъ?

Верганъ (сердито). Чтобъ не ждалъ! Нѣтъ!

(Миттельдорфъ уходитъ).

Верганъ (къ фрау Вольфъ). Вы знаете писателя Мотеса?

Фрау Вольфъ. Въ такихъ-то случаяхъ, доложу я вамъ, мнѣ лучше помолчать. Хорошаго тутъ немного поразскажешь.

Верганъ (иронически). Зато много про Флейшера.

Фрау Вольфъ. Право же, это не дурной человѣкъ.

Верганъ. Вы это—изъ предосторожности?

Фрау Вольфъ. Нѣтъ, знаете, это не по мнѣ. Я всегда—нараспашку, г-нь начальникъ. Не будь я такъ болтлива всегда, я бы уже далеко ушла.

Верганъ. У меня же вамъ это еще не повредило.

Фрау Вольфъ. У васъ-то нѣтъ, г-нь начальникъ. Вы жете выслушать даже откровенное слово. Отъ васъ-то не нужно прятаться.

Верганъ. Короче: Флейшеръ—порядочный человѣкъ.

Фрау Вольфъ. Такъ оно и есть, такъ оно и есть.

Верганъ. Ну, пономните ваше сегодняшнее слово.

Фрау Вольфъ. И вы—мое!

Верганъ. Хорошо, посмотримъ. (Потягивается, встаетъ и разминаетъ ноги. Вулькову) Это—наша трудолюбивая прачка. Она думаетъ, что всѣ-то, какъ она. (Къ фрау Вольфъ) Но, къ сожалѣнію, свѣтъ не такъ устроенъ. У васъ поверхностный взглядъ на людей. А нашъ братъ заглядываетъ уже чуточку поглубже. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, останавливается передъ нею и кладетъ ей руку на плечо). И какъ я правъ, говоря: Фрау Вольфъ—честная женщина, такъ съ тою же увѣренностью я вамъ скажу: Вашъ докторъ Флейшеръ, о которомъ мы здѣсь толковали,—опаснѣйшій человѣкъ!

Фрау Вольфъ (покорно качая головой). Тутъ ужъ я не знаю...

(Занавѣсъ падаетъ).

КРАСНЫЙ ПѢТУХЪ.

Трагикомедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

Переводъ Ю. К. Балтрушайтиса и В. М. Саблина.

«Ганнеле» и «Потопувшій колоколъ» уже значились въ каталогахъ подъ именемъ Гауптмана, когда, вслѣдъ за написаніемъ «Крамера», отъ символическаго и сказочно-философскаго поэтическаго творчества онъ вернулся снова къ трезвому натурализму и досказалъ судьбу одного изъ самыхъ реальныхъ своихъ созданій — знаменитой Вольфихи изъ «Бобровой шубы». И глубокій реализмъ вдругъ ожилъ въ немъ снова, и въ смыслѣ мѣткости бытовыхъ подмѣчаній «Красный пѣтухъ» (Der rote Hahn) стоитъ на одной высотѣ съ «Бобровой шубой».

Въ финалѣ пьесы фрау Вольфъ, вышедшая теперь за другого мужа, сапожника Филица, умираетъ. Эта траурная подробность объясняетъ названіе пьесы «трагикомедіей». Если бы, впрочемъ, здѣсь и не было такого явно драматическаго конца, пьеса, при изобиліи ярко юмористическихъ мѣстъ, заслуживала бы именно названія трагикомедіи. Въ своей идеѣ она является исполненнымъ трагизма осмѣяніемъ жалкой человѣческой суетности, мелочного эгоизма, тщеты мечтаній и всей вообще нескладицы жизни.

«Красный пѣтухъ» былъ поставленъ на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 27 ноября 1901 года. Восемь лѣтъ отдѣляютъ пьесу отъ «Бобровой шубы». Соблюдая логическую связь двухъ своихъ произведеній, Гауптманъ въ собраніи своихъ сочиненій, которому мы слѣдуемъ, естественно ставитъ ихъ рядомъ, нарушая хронологію.

Время дѣйствія «Краснаго пѣтуха» драматургъ опредѣляетъ словами: борьба противъ закона Гейнце». Проектъ этого закона, не имѣющаго по существу никакого касательства къ содержанію трагикомедіи*), былъ внесенъ германскимъ правительствомъ въ 1900 г. Если мы отнесли дѣйствіе «Бобровой шубы» къ 1887 году,—значитъ, «Красный пѣтухъ» разыгрывается не ранѣе, какъ черезъ 12 лѣтъ.

Изъ лицъ, знакомыхъ намъ по «Бобровой шубѣ», мы встрѣчаемъ здѣсь четверыхъ: Вольфиху во второмъ бракѣ, такую же плутоватую и хищную пріобрѣтательницей, Вертана, такимъ же тупымъ, бездарнымъ и фанфаронски-надутымъ администраторомъ, старшую дочь фрау Вольфъ — Леонтину и волостного писаря Глазенапа.

Всѣ эти типы выдержаны Гауптманомъ съ истиннымъ мастерствомъ. Вы не найдете здѣсь ни одного диссонанса, который бы нарушалъ цѣлость образовъ, врѣзавшихся въ вашу память при чтеніи «Бобровой шубы». Точно за новую пьесу онъ сѣлъ непосредственно по окончаніи первой. Въ такихъ частностяхъ всего ярче чувствуется настоящій художникъ. Эта выдержка даже не есть дѣло труда, утомительной вни-

*) Онъ защищалъ общественную нравственность путемъ преслѣдованія сводничества и пользованія развратомъ въ видахъ наживы.

мательности или тонкаго разсчета. Художникъ «видитъ» свои образы, и ошибка для него просто невозможна.

То, что можно было бы сказать о характеристикѣ Вольфихи и Вергана, было бы повтореніемъ мнѣній, приведенныхъ нами въ предисловіи къ «Бобровой шубѣ». Эти двѣ фигуры останутся одними изъ совершеннѣйшихъ у Гауптмана. Забыть ихъ трудно—при желаніи забыть.

Что касается архитектоники пьесы, ея строенія и того, что принято называть «знаніемъ сцены», сценичностью,—то этимъ «Красный пѣтухъ» можетъ похвалиться еще менѣе, чѣмъ «Бобровая шуба». И эту пьесу Гауптманъ писалъ какъ бы съ намѣренною отрѣшенностью отъ тѣхъ требованій округленности дѣйствія, законченности фабулы, какія большинство драматурговъ, да и самъ онъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, считаютъ для себя обязательными.

Это опять «куски жизни», схваченные съ такою натуральностью, что положительно нельзя сдѣлать автору никакого упрека въ поддѣлкѣ, приспособленіи или фальши. Это сама правда жизни. Но, какъ и въ подлинной жизни, эти сцены и разговоры иногда случайны, эпизодичны, не прямо связаны съ основной мыслью писателя, даже заслоняютъ основную мысль. Гдѣ читатель съ интересомъ приготовился слѣдить исторію Вольфихи-Филицъ или Вергана, передъ нимъ, напримѣръ, вдругъ вырисовывается, заслоняя все остальное, фигура доктора Боксера.

Естественно, что частности — отдѣльные типы, отдѣльныя сцены—здѣсь могутъ нравиться больше цѣлаго. И такъ оно и есть. Развѣ, напримѣръ, не полна жизни и глубочайшей психологической правды сцена, гдѣ Вольфиха, при чтеніи эпитафіи покойному мужу, не выходившему при жизни изъ дураковъ, изливается совершенно искренно въ панегирикѣ его добродѣтелямъ? Превосходны по живости сцена пожара, сцена допроса у Вергана съ притворствомъ лукавой бабы, или рѣчь Вергана, прерываемая символическимъ ослинымъ крикомъ.

Но для тѣхъ, кто привыкъ требовать отъ пьесы стройнаго психологическаго нарастанія дѣйствія и развязки ея въ общепринятомъ смыслѣ, кто, слѣдя за прямымъ сюжетомъ, ждетъ прежде всего разоблаченій поджога Вольфихи,—ея внезапная смерть неожиданно рубитъ драму, не развязываетъ, а рветъ узелъ и оставляетъ зрителя, какъ и въ «Бобровой шубѣ», почти въ недоумѣніи.

Этимъ можетъ объясниться, что при первой постановкѣ пьеса не имѣла полнаго успѣха.

Но кто подходитъ къ трагикомедіи Гауптмана, отрѣшаясь отъ обычныхъ требованій округленности сюжета, тотъ, думается, можетъ видѣть эту идею достаточно ясно. Ключъ къ этому пониманію въ послѣдней фразѣ Вольфихи-Филицъ: «тянешься... тянешься... все вотъ тянешься... къ чему-то»,—вторую половину которой за нее договариваетъ смерть. Прояснѣнія этой фразы — въ предшествующемъ монологѣ Вольфъ, произносимомъ передъ Раухгауптомъ.

Именно трагикомедію человѣческой жизни, безцѣльность человѣческихъ волненій на базарѣ житейской суеты, жалкое ничтожество нашего эгоизма, хищничества, даже преступности, предъ лицомъ смерти и вѣчности—хотѣлъ философски схватить Гауптманъ. Филицъ добился своихъ желанныхъ «часовъ съ регуляторомъ»—своей мелкой мечты мѣщанскаго счастья. Жестяной пѣтухъ—символъ предѣла мѣщанскихъ желаній Вольфихи тоже на крышѣ ея дома. Но пришла смерть—и

чему послужило то, что она всю жизнь стяжала, работала, лгала, поджигала, трепетала, чтобы не быть пойманной?

Трудъ и страданіе мелкаго хищника поглотилъ хищникъ покрупнѣе Шмаровскій.

Перомъ Гауптмана водилъ тотъ же великій духъ, который внушалъ Гоголю гнѣвное презрѣніе къ «пріобрѣтательству» Чичикова и диктовалъ Чехову грустныя страницы о людяхъ, сводящихъ весь смыслъ бытія къ мечтѣ о собственномъ «Крыжовникѣ». «Суета сует!» — повторяетъ Гауптманъ старыя слова, покрытыя пылью вѣковъ, и если его «Бобровая шуба» безоблачно-весела, — то въ «Красномъ пѣтухѣ» звучитъ серьезная и грустная дума о человѣчествѣ.

Мыслитель, глубоко и трагически задумавшійся надъ бытіемъ въ «Михаилѣ Крамерѣ», даетъ себя почувствовать въ послѣднихъ страницахъ «Краснаго пѣтуха». Тамъ—дума о величіи и красотѣ смерти. Здѣсь—о суетности, ничтожествѣ и безобразіи жизни съ мѣщанскими идеалами.

КРАСНЫЙ ПѢТУХЪ.

ТРАГИКОМЕДІЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Филицъ, сапожникъ и полицейскій шпіонъ, подъ шестьдесятъ.
Фрау Филицъ, по первому браку Вольфъ, его жена. Тоже подъ шестьдесятъ.
Леонтина, ея старшая дочь отъ перваго брака, незамужняя — подъ тридцать.
Шмаровскій, строитель.
Ланггейнрихъ, кузнецъ, 30 лѣтъ.
Раухгауптъ, прусскій жандармъ въ отставкѣ.
Густавъ, его старшій сынъ, идіотъ.

Мина	Лизхенъ	его дочери.
Лотта	Марихенъ	
Труда	Гинхенъ	
Лейхенъ	Ганнхенъ	

Докторъ Боксеръ, крѣпкаго тѣлосложенія, 36 лѣтъ, врачъ, еврей.
Фонъ-Верганъ, начальникъ волости.
Эде, кузнецъ—подмастерье у Лангтейнриха.
Глазенапъ, писарь.
Шульце, жандармъ.
Фрау Шульце, его тетка.
Чахе, жандармъ.
Пожарный.
Мальчикъ.
Служитель.
Крестьяне.

Мѣсто дѣйствія: гдѣ-нибудь подъ Берлиномъ

Время дѣйствія: борьба противъ закона Гейнце.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская сапожника Филица. Низкая комната, выкрашенная голубой краской. Направо окно. Въ средней и лѣвой стѣнѣ по двери. Направо подъ окномъ возвышеніе: на немъ нѣсколько скамеечекъ и маленькій рабочій столикъ. На окнѣ подставка съ тремя стеклянными, наполненными водой, шарами, между которыми стоитъ еще не зажженная керосиновая лампочка. Налѣво, въ углу, коричневая изразцовая печь съ плитой, скамейкой и всевозможной кухонной посудой.

Сапожникъ Филицъ сидитъ еще, скорчившись, за работой. На возвышеніи и около него лежатъ, нагроможденные другъ на друга, старые сапоги и башмаки разныхъ размѣровъ. Онъ ловко отбиваетъ кусокъ кожи.

Фрау Филицъ, по первому браку вдова Вольфъ, сосредоточенно возится съ деревяннымъ ящичкомъ средняго размѣра и стеариновой свѣчкой. Время къ вечеру. Конецъ сентября.

Филицъ. Ну-ка, уходи изъ мастерской! Проваливай!

Фрау Филицъ (отрывисто). Кто тамъ еще придетъ? Ужъ седьмой часъ!

Филицъ. Уходи изъ мастерской съ этой дрянью!

Фрау Филицъ. Да не будь же дуракомъ! Что плохого въ этомъ ящичкѣ?.. Ничего въ деревянномъ ящичкѣ плохого нѣтъ!

Филицъ (озлобленно продолжаетъ работать). А то еще хорошее? А?

Фрау Филицъ (попрежнему, сосредоточенно, полу-шутливо). До сихъ поръ стружки... А здѣсь вотъ посередкѣ свѣчка...

Филицъ. Ну, мать, ты больно умна! Если и дальше съ твоимъ умомъ такъ пойдетъ, то мнѣ придется еще въ острогъ понавѣдаться.

Фрау Филицъ (грубо). Ну, еще бы! И на минуту не можешь быть внимательнымъ! Можешь, я думаю, выслушать, когда съ тобой говорятъ... Интересно же это!

Филицъ. Я интересуюсь своей обувью, и ничѣмъ больше не интересуюсь.

Фрау Филицъ. Ну, еще бы! Господи! Этимъ не разживешься. Такъ бы и совсѣмъ съ голоду умерли... Съ одной-то починкой! Свѣчку приладимъ внутрь! Понялъ?.. Ящикъ этотъ слишкомъ малъ. Вонъ тотъ ящикъ годится... Выкину изъ него дѣтскую обувь. (Опрокидываетъ ящикъ съ дѣтской обувью).

Филицъ (испуганно). Оставь ты эти глупости! Понимаешь?

Фрау Филицъ. А теперь зажечь свѣчку -поставить ее посреди ящика, конечно, такъ, чтобы крышка не загорѣлась. А тогда ставь спокойно на полъ—самъ Грабовъ по-

другому не дѣлать!—среди всего этого стараго хлама... и преспокойно кати въ Берлинъ... А пріѣдешь назадъ...

Филицъ. Тсс... кто-то идетъ. Тише!

Фрау Филицъ. А тамъ ужъ самъ чортъ не доберется. (Продолжительное молчаніе).

Филицъ. Когда бы все такъ просто было! Ты думаешь, все это такъ просто? Во-первыхъ, тутъ надо сдѣлать дырочки для воздуха. Понятно, шиломъ... Надо просверлить... Чтобы горѣло,—надо, чтобы тяга была. Коли тяги не будетъ, погаснетъ! Огню нужна тяга, а то онъ и горѣть не будетъ. Это можетъ только понимающій сдѣлать.

Фрау Филицъ. Ну, такъ тебѣ, старикъ, легко это устроить!

Филицъ (забываясь, съ возрастающимъ увлеченіемъ). Вотъ здѣсь тяга — и здѣсь должна быть тяга! Да хорошенечко приладить—и стружки и тряпки... Да все хорошенько керосиномъ облить... Мнѣ это, мать, не впервой! Я шесть лѣтъ по разнымъ людямъ жилъ!

Фрау Филицъ. Вотъ, вотъ! и я тоже говорю!

Филицъ. Можно и губку, а то и тесемку, только хорошенько вымочить въ селитрѣ. Можно и съ зажигательнымъ стекломъ... Шаговъ на двадцать дѣйствуетъ!.. Всего, мать, бывало! Меня ничѣмъ не удивишь! Я-то ужъ знаю!

Фрау Филицъ. Грабовъ опять отстроился. А если бы у него духу не хватило, давно бы на улицѣ валялся.

Филицъ. Да, кому вода подойдетъ до сихъ поръ, т.-е. по самую шею, тому ничего больше не остается.

Фрау Филицъ. А другіе вотъ все дожидаются, пока совсѣмъ не потонутъ. (Слышенъ звонокъ).

Филицъ. Отставь ящикъ! Поди отвори! (Входитъ начальникъ фонъ-Верганъ въ толстомъ клѣтчатомъ пальто, высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ).

Верганъ. Добрый вечеръ, Филицъ! Ну, какъ насчетъ сапоговъ?

Филицъ. Готовы, г. начальникъ.

Фрау Филицъ. Ты бы хоть огонь зажегъ, чтобы г. фонъ-Вергану повиднѣе было.

Верганъ. А, тетушка Вольфъ! Какъ живете-можете?

Фрау Филицъ. Я больше не тетушка Вольфъ!

Верганъ. Ого, да вы загордились! Что, Филицъ? Носъ-то она высоко задираетъ! Бросилось въ голову?

Фрау Филицъ. Изъ-за чего же задирать-то? Изъ-за какой-то свадьбы? Вдовой-то лучше жилось!

Филицъ (вынувъ колодки изъ сапоговъ Вергана). И оставалась бы себѣ вдовой!

Фрау Филицъ. Знай я раньше, что ты за птица, ужъ конечно бы не торопилась. Такого стараго, кривоногаго хрыча, какъ ты, я бы всегда нашла!

Верганъ. Ну, потише, потише!

Филицъ. Полноте! (Почти съ подобострастной услужливостью) Если бы вы были такъ любезны и соблаговолили разуть правую ногу! Позвольте, я сниму. Такъ! А теперь ужъ будьте такъ добры, поставьте ногу сюда, на ящикъ.

Фрау Филицъ (съ зажженной лампой). Какъ здоровье супруги вашей, г. баронъ?

Верганъ. Благодарю, хорошо! Вотъ только все безъ тетушки Вольфъ горюетъ...

Фрау Филицъ. Нѣтъ, куда ужъ тутъ! Я на васъ тридцать лѣтъ стирала. Сыта по горло! Вы бы на мои ноги взглянули: жилы прямо съ кулакъ раздуло... Оттого, что всю жизнь за лоханкой простояла! По всему тѣлу шишки, во всѣхъ суставахъ ревматизмъ! Лѣчишься - лѣчишься, и конца нѣтъ. Вѣчно приходится въ платки кутаться, и то цѣлый день мерзнешь!

Верганъ. Ну да, понятно, фрау Вольфъ!

Фрау Филицъ. Прежде бы я съ кѣмъ угодно поспорила! Раньше у меня была такая комплекція, что рѣдко кто могъ за мной угнаться! А теперь... эхъ, теперь все перемѣнилось!

Филицъ. Ну, кричи, кричи еще громче, коли можешь.

Верганъ. ...Что же, вамъ это извинительно, фрау Филицъ. Кто столько поработалъ, какъ вы, тотъ имѣетъ право пожить на покоѣ.

Фрау Филицъ. Ну, какъ сказать! Вторникъ. Концы съ концами сводимъ. Помаленьку. (Даетъ Филицу дружескій подзатыльникъ). Онъ свое дѣло дѣлаетъ. У насъ, могу сказать, никто не лѣнится. Если бы къ этому и здоровье!.. Въ субботу мнѣ опять къ доктору тащиться. Онъ меня лѣчитъ электрической машиной. Не смѣю сказать, а, кажется, помогаетъ. Но эти постоянныя поѣздки въ Берлинъ — и каждый разъ за электричество пять марокъ. Просто не знаешь, откуда и доставать!

Филицъ. А докторамъ только и знай, что подавай денежки.

Верганъ (ступаетъ ногой въ новомъ сапогѣ). Всѣ мы не молодѣемъ, фрау Филицъ! Я это ужъ порядкомъ чувствую. Законъ природы! Назадъ противъ теченія не поплывешь!

Просто-напросто: къ отвѣту!.. Вамъ, впрочемъ, грѣхъ жаловаться. Я только-что слышалъ... вашему зятю повезло. Чего же вамъ? Все, значитъ, по-вашему.

Фрау Филицъ. Да, конечно, это радуетъ! Ему теперь въ строителяхъ легче будетъ пробиться. Къ тому же... онъ стоитъ этого. Чего онъ только въ дѣтствѣ ни вытерпѣлъ! Да, мнѣ жилось не сладко, но такой отецъ и такая женщина...

Верганъ. Шмаровскій—человѣкъ основательный! За Шмаровскаго я никогда не боялся. Это ему ваша Адельгейда счастье принесла! Помните, я вамъ еще тогда говорилъ. Вы прибѣжали ко мнѣ, когда ужъ все дѣло пошло на разладъ, а я указалъ вамъ на пастора Фридерици. Вотъ тутъ поймешь, что такое пастырь! Молодой человѣкъ—всегда молодой человѣкъ, и если онъ живетъ хорошо, по-христіански, то иногда ему позволительно забыться. А тутъ ужъ дѣло пастыря.

Фрау Филицъ. Да, да, вы совершенно правы! Я этого никогда не забуду ни вамъ ни господину пастору. Если-бъ Шмаровскій тогда дѣвчонку бросилъ, она, какъ Богъ святъ, на себя бы руки наложила!

Верганъ. И много такихъ примѣровъ, фрау Филицъ, разъ подъ рукой пасторъ и церковь. И храмъ Божій, который мы общими силами выстроили, ужъ многимъ благословеніе принесъ. Ну, добрый вечеръ! Будьте здоровы!.. Да, что я еще хотѣлъ сказать?! Филицъ! Собраніе насчетъ флота будетъ въ понедѣльникъ, утромъ. Вы, конечно, будете?

Фрау Филицъ. Конечно, будетъ!

Филицъ. Всенепремѣннѣйше.

Верганъ. Вы мнѣ необходимы, Филицъ. Зайдите ко мнѣ въ воскресенье. Очень важно, чтобы мы заранѣе столковались. Я вамъ представлю нѣкоторыя соображенія, нѣкоторыя... замѣчательныя соображенія, Филицъ! И мы должны на нихъ твердо стоять. Добрый вечеръ! Помните—намъ нуженъ сильный флотъ!

Филицъ. Безъ флота никакъ невозможно! (Верганъ уходитъ).

Филицъ. Убери ты свѣчку, пожалуйста!

Фрау Филицъ. Какой ты трусъ, Антонъ! Вотъ ужъ настоящій трусъ! (Беретъ свѣчку изъ ящика. Почти одновременно Раухгауптъ отворяетъ дверь и заглядываетъ въ комнату).

Раухгауптъ. Добрый вечеръ, хозяинъ. Не помѣшаю?

Филицъ. — — — — — *)

*) Такъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ. Очевидно, указаніе актеру на мимическую игру.

Фрау Филицъ. Ахъ, это вы!.. Милости просимъ!

Раухгаупть. А кузнеца Ланггейприха еще нѣтъ?

Фрау Филицъ. Развѣ онъ хотѣлъ придти? Нѣтъ, еще нѣту.

Раухгаупть. Мы сговорились съ нимъ... Я крестъ на могилу принесъ. Эй, Густавъ! Тащи-ка сюда крестъ! (Густавъ приноситъ кованый чугунный могильный крестъ съ надписью). Поставь его сюда, на ящикъ!

Филицъ (быстро). Нѣтъ, Эдуардъ! Сюда нельзя, сломаетъ!

Раухгаупть. Ну, такъ поставь его къ стѣнѣ!

Фрау Филицъ. Наконецъ-то покончили! (Кричитъ въ дверь) Леонтина, сойди-ка сюда!

Раухгаупть. У меня много и другихъ дѣлъ! Я еще новый парникъ устраиваю.

Фрау Филицъ. Опять новый? Не унимаетесь. Настоящій вы кротъ, Раухгаупть. И какъ это человѣкъ можетъ такъ рыться въ землѣ?!

Раухгаупть. Самое подходящее для человѣка занятіе, хозяйка. Яко земля еси и въ землю отыдеши. Отчего же мнѣ и не рыться въ землицѣ-то? (Нюхаетъ изъ табакерки, которую ему протягиваетъ Филицъ). И это землицей пахнетъ, Филицъ! Такъ же хорошо, какъ свѣжая земля.

(Входитъ Леонтина, на таліи у нея висятъ ножницы, на пальцѣ наперстокъ).

Леонтина. Ну, вотъ я, мама. Чего тебѣ?

Фрау Филицъ. Вотъ онъ эпитафію папѣ принесъ.

(Леонтина и фрау Филицъ задумчиво разсматриваютъ крестъ).

Фрау Филицъ. Зажги-ка свѣчку! (Передаетъ ей свѣчку, съ которой она передъ этимъ производила опыты). Прочтемъ-ка надпись.

Раухгаупть. Да, ужъ здорово пришлось поломать голову! Такой-то надписью, надѣюсь, останетесь довольны! Все кладбище обшарьте, а лучше не найдете! Ужъ я самъ удостовѣрился! (Садится на возвышеніе и опять набиваетъ носъ табакомъ).

Фрау Филицъ (свѣтитъ и читаетъ по складамъ). Здѣсь почіетъ...

Леонтина (читаетъ дальше). ...въ Бозѣ...

Раухгаупть. Да, здѣсь стоитъ «въ Бозѣ». Я хотѣлъ раньше написать: «въ Господинѣ нашемъ и Богѣ»... Но знаете... господиномъ-то теперь каждый можетъ быть!

Фрау Филицъ (читаетъ дальше дрожащимъ голосомъ). Здѣсь почіетъ въ Бозѣ незабвенный плотникъ... (Причитаетъ) Ахъ.

это... ахъ, это такъ ужасно! Онъ былъ самый лучшій человѣкъ во всемъ мірѣ! Ужъ мнѣ-то вы можете повѣрить,— такихъ, какъ онъ, теперь и нѣтъ совсѣмъ!

Леонтина (читаетъ дальше). ...незабвенный плотникъ Юліанъ Вольфъ... (Всхлипываютъ).

Филицъ. Бросьте вы! Отъ хныканья покойники все равно не оживаютъ. (Протягиваетъ Раухгаупту бутылку съ водкой). На-ка, Эдуардъ, подкрѣпись! Все это ни къ чему! (Встаетъ и отряхиваетъ синій фартукъ, какъ человѣкъ, покончившій съ работой).

Раухгауптъ (показываетъ бутылкой). А стихи эти я самъ сочинилъ! Давайте я прочту! Слушайте:

«Мы всѣ грѣховны въ мѣрѣ равной...»
Другой бы на этомъ и сѣлъ!..
«Какъ нищій, такъ и принцъ державный.
«Но этотъ человѣкъ всегда
«Невиненъ, чистъ былъ, какъ вода».

(Женщины плачутъ сильнѣе. Онъ продолжаетъ) Все это я написалъ бѣлой краской, а здѣсь слова «въ Вовѣ» — синей.

(Пьетъ. Входитъ кузнецъ Ланггейнрихъ. Все время смотритъ, не отрываясь, на Леонтину).

Ланггейнрихъ. Ну, скажи, пожалуйста, Раухгауптъ! Я тебя битыхъ полчаса ищу! Вѣдь я-жъ за тобой долженъ былъ зайти, глупая голова!.. Или у васъ неблагополучно?

Фрау Филицъ. Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ! Потеряешь такого человѣка, потомъ, поди, уживайся съ такими св... индюками, какъ вы!

Филицъ. Иди, Ладовигъ, подвигай себѣ скамейку! Дай ей въ себя придти.

Ланггейнрихъ (весело и лукаво). Недаромъ я всегда говорилъ, что смерть—чортова выдумка!

Фрау Филицъ. Мы больше двадцати лѣтъ прожили вмѣстѣ. И ни одного злого слова. А ужъ какой честный былъ! Ни чужого пфеннига... Трезвехонькій! Даже и не зналъ, что такое водка. А дѣтокъ какъ воспиталъ... А вы только и знаете, что карты да попойки!

Леонтина. Густавъ мнѣ языкъ показываетъ.

Раухгауптъ (хватаетъ сапожную колодку и въ бѣшенствѣ бросается на Густава, который дѣлаетъ Леонтинѣ гримасы и высовываетъ языкъ). Каналья! Я тебѣ голову расшибу! Съ мерзавцемъ еще на каторгу угодишь. Того гляди, убійцей станешь.

Ланггейнрихъ. Да вѣдь несчастная скотина ничего не понимаетъ.

Раухгауптъ. Хоть бы околѣла эта сволочь... проклятый!

Ужъ доведетъ онъ меня какъ-нибудь до бѣшенства... Еще убьешь собственнаго сына!

Филицъ. Помѣстилъ бы его въ сумасшедшій домъ — и всѣмъ непріятностямъ конецъ. Написать тебѣ, что ли, прошеніе? А?

Раухгаунтъ. Самъ я не понимаю, что ли, въ твоихъ прошеніяхъ? Въ томъ-то и бѣда, что онъ не опасенъ для общества! А! Да и весь свѣтъ-то—сумасшедшій домъ!.. А что онъ кирпичами въ меня швыряетъ да замки взламываетъ, ключи крадетъ, это они не считаютъ опаснымъ. И что луковицы у меня отъ тюльпановъ жретъ, это они все ни за что считаютъ! Вотъ тутъ и ворочайся, какъ знаешь!

Фрау Филицъ. Какъ это у Грабова-то тогда случилось? Какимъ образомъ сгорѣлъ «Прусскій Орелъ»?

Ланггейнрихъ. Ну, Грабову самому такъ нужно было. У него никакой Густавъ не поджигалъ! Онъ безъ всякаго Густава обошелся!

Фрау Филицъ. Онъ, говорятъ, вѣчно пошаливаетъ со спичками.

Раухгаунтъ. Густавъ? Пошаливаетъ? Не перестаетъ! Попади ему въ руки спичка, — бѣдѣ не миновать!.. Мнѣ приходится прикрывать свои парники. Я и выстроилъ себѣ сарай для соломы. И знаете, что я вамъ скажу, хозяйка. Вѣдь спалилъ мнѣ, свинья! Средь бѣла дня. Никто и не замѣтилъ. А у меня тамъ доски были заготовлены на весь участокъ. Такъ все и затрещало, чисто выстрѣлило... Ну, а Грабовъ ужъ одинъ обдѣлалъ.

Фрау Филицъ. А я бы заявила, Раухгаунтъ! Насчетъ соломы-то!

Раухгаунтъ. Я не въ хорошихъ отношеніяхъ съ жандармомъ Шульце. Вѣчная исторія съ товарищами! Я выхлопоталъ себѣ пенсію. А ему это не нравится... Еще бы ему нравилось!.. Да, понятно, такъ и должно быть! И собственный участокъ у меня есть, и старуха у меня умерла! Ну, понятно, чего мнѣ скрывать? А? Кой-что перепало! И что садоводство мнѣ немного дастъ, — никакъ онъ мнѣ этого простить не можетъ. Какъ же это? У Раухгаунта есть какія-то средства, онъ не знаетъ нужды! Берегись у меня!.. Ну, вотъ и все.

Фрау Филицъ. А Фрицъ Грабовъ-то какъ поправился!

Ланггейнрихъ (оживленно). Этимъ онъ всецѣло мнѣ обязанъ. Я вѣдь сейчасъ же бросился туда какъ брандмейстеръ. Я говорю своимъ молодцамъ... Не помню...

Пьянъ, должно-быть, былъ! Ужъ очень здорово я выпилъ! Да и вся команда пьяна была! Я имъ и говорю: ребята, чтобъ камня на камнѣ не осталось! А то пойдутъ у Грабова вычеты за вычетами, и вся эта музыка, значитъ, ни къ чему. Только крикнулъ ужъ я это слишкомъ громко... Отошелъ шага на два... Батюшки мои, а передо мной жандармъ Шульце! Стоитъ и глазъ не сводитъ. Будьте здоровы, говорю, за ваше здоровье, г. оберъ-вахмистръ! Грабовъ тамъ пива выставилъ. Ну, онъ сразу сталъ любезенъ и выпилъ со мной.

Фрау Филицъ. Не понимаю, какъ это все наружу не вышло! Ничуть не прорвалось. Какъ это онъ такъ ловко устроилъ?

Ланггейнрихъ. Фрица Грабова всѣ любятъ!

Фрау Филицъ. Да вѣдь онъ и до трехъ-то толкомъ сосчитать не умѣетъ. А потомъ вѣдь и присягнуть пришлось.

Раухгауптъ. Присягу-то принять? Эка штука! Я такъ думаю, хозяйка, на всякій случай это и вамъ знать надо. Кто его знаетъ? Каждый можетъ попасть въ такое положеніе. Присягу принести все равно, что пуговицу отъ штановъ оторвать! Попробуйте сами, какъ по маслу сойдетъ! (Смѣются).

Фрау Филицъ. Онъ опять за свои шутки! Никакихъ пуговицъ отъ штановъ отрывать мнѣ нечего. До этого я не дойду!.. Теперь чей чередъ, мастеръ? Долженъ же скоро кто-нибудь горѣть!

Ланггейнрихъ. Со всякимъ бываетъ! Вотъ у Штромбергеровъ все разсыпается. Дождь прямо въ избу хлещетъ... Ну, пора ужъ! Все это шутки!

Фрау Филицъ. А кто же горячаго грога выпьетъ?

Филицъ. Оставайся.

Ланггейнрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора! (Обнимаетъ Леонтину: она, не спѣша, съ презрительнымъ выраженіемъ лица, освобождается изъ его объятій). А то старуха не слышитъ, какъ я внизу громыхаю,—придешь домой, глядь, ручьи слезъ текутъ.

Леонтина. Это все изъ ревности, мама!

Фрау Филицъ. Грѣшки за нимъ водятся. Она въ этомъ права. Ну, принимайся-ка за свою работу!.. Какъ здоровьето хозяйки?

Ланггейнрихъ. Плохо! Какъ же еще?

Леонтина. Не перестанешь меня травить, пока въ чахотку не вгонишь.

Фрау Филицъ. Можетъ, отъ чего другого, а не отъ шитья. Таскаться любишь?

Ланггейнрихъ (обнимая фрау Филицъ). Ну, молодуха, не будьте такой брюзгой! Молодость!.. Надо же избытокъ ея использовать. Хоть съ жандармомъ Шульце! (Уходитъ).

Фрау Филицъ. Это еще что значитъ?

Раухгаунтъ. Мастеръ! А мастеръ! И я съ тобой! (Встаетъ, кивая Густаву, который беретъ кресть).

Фрау Филицъ. Чего это вы вдругъ собрались?

Раухгаунтъ. Мнѣ тоже надо пойти работу кончать. (Уходитъ съ Густавомъ).

Фрау Филицъ. Чего это ты съ Лангтейнрихомъ ломаешься? Дуру какую-то разыгрываешь!

Леонтина. И не думаю. Пусть онъ меня въ покоѣ оставитъ!

Фрау Филицъ. Ну, это онъ съ удовольствіемъ! Если ты будешь только шляться кругомъ, то можешь больше не хлопотать. Въ такой онъ, повѣрь, не нуждается.

Леонтина. Да вѣдь онъ женатъ.

Фрау Филицъ. Ну, ладно! Оставь! Никакого въ тебѣ понятія нѣтъ!.. Слишкомъ ты глупа. И ребенокъ у тебя есть, а мужа нѣтъ! А у Адельгейды и ребятъ нѣтъ, и мужъ есть!

(Леонтина медленно уходитъ).

Фрау Филицъ. Хоть бы она въ самомъ дѣлѣ въ толкъ взяла... Лангтейнрихъ вѣдь скоро овдовѣетъ!..

Филицъ. Да и меня тоже не очень радуетъ, что Шульце волочится за дѣвкой.

Фрау Филицъ (отрывисто). Стѣны головой все равно не прошибешь. (Садится и вынимаетъ изъ выдвижного ящика стола книжечку, проглядываетъ ее). Ты слѣдишь, ну и ладно! Отчего не слѣдить? Мѣнять тутъ нечего. Такъ, значитъ такъ! Надо обезопасить себя со всѣхъ сторонъ. Оставь только вахмистра Шульце въ покоѣ... Ты письмо Шмаровскаго читалъ?

Филицъ. Еще бы! Воинъ онъ гдѣ у меня сидитъ! Хоть бы половину мнѣ такихъ денегъ, какія онъ ухлопалъ. Да куда тамъ! Обо мнѣ никто не хлопоталъ! Въ строительную школу меня никто не опредѣлялъ!

Фрау Филицъ. Хотѣла бы я знать, чего тебѣ далея Шмаровскій?

Филицъ. Вотъ еще! Нѣтъ, мнѣ и дѣла до него нѣтъ. А вотъ тебѣ только стоитъ ротъ открыть, какъ не утерпишь, объ закладъ на десять подошвъ побьюсь, сейчасъ же на Шмаровскаго сверпешь!

Фрау Филицъ. Сдѣлалъ онъ тебѣ что-нибудь? А?

Филицъ. Нѣтъ, я и не говорю. Не знаю. Да я-бъ ему и не совѣтовалъ, мать! При одномъ его видѣ меня въ дрожь бросаетъ! Выходила бы ужъ лучше за него замужъ!

Фрау Филицъ. Будь я лѣтъ на тридцать моложе. Съ удовольствіемъ бы!

Филицъ. Переѣзжай къ дочери! Ну-ну... попробуй! Къ Адельгейдѣ-то! Они-бъ тебя прибрали къ рукамъ! Живо бы обобрали!

Фрау Филицъ. Онъ самъ человѣкъ работящій! Что ему на меня зариться? Съ вами каши не сваришь. Вмѣсто того, чтобы помогать другъ другу... Куда тамъ? Такъ и бросаются одинъ на другого. Шмаровскій ловкій человѣкъ. Это деньги не брошенныя! За него нечего бояться... Если бы ты не былъ глупъ, то понялъ бы, что тебѣ дѣлать!

Филицъ. Я? Какимъ же это способомъ? Гдѣ же? Гдѣ?

Фрау Филицъ. А что мнѣ каменщикъ сказалъ? Еще онъ пьянъ былъ... Они тогда церковь строили. Онъ тогда и сказалъ:—Ну и собака же Шмаровскій! Зналъ, почему говоритъ... Онъ ихъ всѣхъ за поясъ заткнетъ своими чертежами.

Филицъ. Ну и пусть чертитъ.

Фрау Филицъ. Ну еще бы! И будетъ сидѣть и чертить. А каменщики черезъ него сыты будутъ.

Филицъ. Не я устраивалъ міръ.

Фрау Филицъ. Да, и не перевернешь!

Филицъ. Я и не собираюсь.

Фрау Филицъ. Да и не перевернешь, Филицъ, ни свѣтъ ни меня. Вотъ тебѣ и весь сказъ! (Сказавъ это слегка насмѣшливымъ, полусмущеннымъ веселымъ тономъ, она взволнованно отталкиваетъ свою книжечку).

Филицъ. Я, мать, въ толкъ не возьму. У тебя просто, должно-быть, не все въ порядкѣ.

Фрау Филицъ. Ну да. И у Грабова, по-твоему, тоже не въ порядкѣ? Только поэтому онъ и живетъ теперь въ новомъ домѣ. Я бы очень хотѣла, чтобы у тебя было такъ не въ порядкѣ. А то съ твоимъ порядкомъ, если тебя не раскачать, такъ и прилипнешь на всю жизнь къ скамейкѣ.

Филицъ (рѣшительно). Выбрось, мать, это изъ головы! Тебѣ же добра желая, говорю... Нѣтъ моего благословенія на это. И знаешь, почему?.. Я знаю, чѣмъ это пахнетъ. Впутываться мнѣ въ такое дѣло... Нѣтъ ужъ, старъ я для этого.

Фрау Филицъ. Вотъ именно потому, что ты старый хрычъ, и надо подумать. Сколько ты времени еще проработаешь? Да и сейчасъ ужъ толку мало. Ну, сколько времени ты прокоптѣлъ за сапогами Вергана? Больше двухъ недѣль...

Филицъ. Ну, мать, не больно завирайся...

Фрау Филицъ. Твое сапожное дѣло — конкѣ подъ хвостъ. Я никуда не годна, и ты никуда негоденъ. Ну, и конецъ!.. Я и себя не исключаю. И если самъ о себѣ не позаботишься, придется въ концѣ концовъ побираться. Вотъ тогда и разводи церемоніи — сколько хочешь и какъ хочешь.

Филицъ. Чудное, право, съ тобой дѣло, мать! Чисто чортъ въ тебя вселился! Мелькнетъ сначала Богъ знаетъ откуда. Мелькнуло и пропало. А потомъ вдругъ опять влѣзетъ тебѣ въ голову, и ужъ коломъ не вышибешь. И у меня иногда искушенія бывали, но тутъ, мать, я тебѣ скажу—и меня порой въ дрожь бросаетъ.

Фрау Филицъ (опять вынула книгу и углубилась въ нее). Ну, а самъ ты раньше что думалъ? Застраховано-то у насъ въ семь тысячъ.

Филицъ. Думалъ? Ни о чемъ я не думалъ!

Фрау Филицъ. А что у насъ въ домѣ? Одна земля и больше ничего.

Филицъ (встаетъ, одѣвается). Оставь меня въ покоѣ, понимаешь?

Фрау Филицъ. Да отчего же нельзя? Выслушай толкомъ. Я объ этомъ серьезно думала и раньше, еще задолго до свадьбы. И Шмаровскій мнѣ десять разъ говорилъ: мѣста здѣсь хватитъ и для большого дома. И у кого разумъ есть — тотъ пойметъ, что иначе и поступить нельзя. Ну, посмотри: напротивъ аптека. Чуточку полѣвѣе почта. Тамъ булочная: хорошую себѣ онъ лавку устроилъ. Еще четыре новыхъ виллы выстроили... И если только проведутъ электрическую конку,—мы какъ разъ въ самомъ центрѣ будемъ.

Филицъ (уходя). Прощай!

Фрау Филицъ. Ты собираешься сегодня еще куда-нибудь?

Филицъ. Да. Все это мнѣ больше невтерпёжъ... Если бы я зналъ, какой ты человѣкъ... Мало я зналъ тебя... не то я бы еще подумалъ. Еще пять разъ подумалъ бы!..

Фрау Филицъ. Ты? Что такое? О чемъ бы ты думалъ?

Филицъ. Впутываться ли мнѣ...

Фрау Филицъ. Что? О чемъ бы ты подумалъ? Ты и во всю-то свою жизнь ни разу не думалъ. Такая простофиля, какъ ты... и туда же думать! Могу себѣ представить, что бы ты надумалъ!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

Фрау Филицъ. Внутываться? А кто тебя внутываетъ? Старая развалина сгоритъ... Такъ или иначе, все равно сгоритъ. А то еще раньше задавитъ насъ. Застряла между новыми домами. И взглянуть-то совѣстно!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

Фрау Филицъ. Выйди только за дверь! Я свои вещи живо уложу. А ты хоть къ начальнику сходи! Я, дескать, тебя внутала.

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю... Смотри, не подпали себѣ морды. Потому что, если я...

Фрау Филицъ (съ такимъ видомъ, какъ будто собирается его вытолкать). Убирайся! Маринъ! Подальше отъ грѣха. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что тебѣ еще надо?

Филицъ (внѣ себя). Мать, я тебѣ покажу! Меня выгонять? Что? Изъ мастерской? Это твоя мастерская? А? Я тебя такъ проучу... Смотри ты у меня!

Фрау Филицъ. Я жду, попробуй. Ну что-жъ! Иди, иди! Ишь ты! Похоже это на тебя! Наберись-ка храбрости. При тебѣ, знай, кашель сдерживай, не то подъ самый Берлинъ, какъ пухъ, улетишь!

Филицъ (съ безсильнымъ бѣшенствомъ швыряетъ сапогъ въ стѣну). Я всю мастерскую разнесу. Ну и чортъ съ ней. Пусть все къ чорту идетъ. Совсѣмъ я, что ли, съ ума сошелъ? Связался съ чортовой вѣдьмой! Ужившись тутъ съ ней! Первую въ могилу вогнала, а теперь я, дуракъ, свою шею подставилъ. Ну, погоди! Это еще не такъ легко. Прежде чѣмъ я позволю тебѣ сѣсть себѣ на шею и запугать меня въ эту исторію, ты у меня сама къ чорту полетишь. Нѣтъ! Я не таковъ! Замѣть себѣ это.

Фрау Филицъ. Да ужъ ты лучше и не старайся, Филицъ....

Филицъ. Нѣтъ! Я не таковъ! Я не таковъ! И не надѣйся. Меня не сломишь. Такъ и заруби себѣ. (Въ изнеможеніи садится).

Фрау Филицъ. Ну, хочешь еще сапогъ? А? Что же, старыхъ сапоговъ здѣсь много... Ты, конечно, на мнѣ по любви женился?

Филицъ. Ну, ужъ это одинъ Богъ знаетъ, зачѣмъ меня дернуло.

Фрау Филицъ. Припомни-ка! Можетъ, и вспомнишь. Можетъ, изъ жалости? А? Или неправда? Или просто потому, что долженъ былъ? Къ этому и сведется все. Но мнѣ хоть сто лѣтъ живи. Старая исторія: вы никогда не знаете, кто вамъ добра желаетъ. И съ Юліаномъ было не лучше! А если-бъ я слушалась его, то сегодня ужъ, навѣрно, у меня не было бы ни гроша. Не стоите вы такихъ заботъ!

Филицъ. Значитъ, по-твоему, я долженъ взять спичку и поджигать свой домъ?

Фрау Филицъ. Что надо строиться, ты это зналъ. Я тебѣ только-что сказала: на постройку нужны деньги... Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Нашихъ грошей на это не хватитъ. А вотъ если бы мы выстроили здѣсь настоящій домъ... Шмаровскій намъ бы раздѣлалъ! Еще бы! Гдѣ бы другимъ за нами угнаться! У тебя была бы приличная лавка. Затратить еще нѣсколько сотенъ талеровъ да и продать всю башмачную! А захотѣлось бы тебѣ починку принимать, взялъ бы подмастерье. Если бы и самому пришло въ голову заплату посадить,—сдѣлай одолженье, времени бы хватило.

Филицъ. Не знаю! Ничего не пойму. Я такъ разсуждаю,—немного денегъ и сейчасъ у меня есть. Думалъ, и еще какъ-нибудь получу! Пристроить лавчонку—пустое дѣло. Я ужъ себѣ все такъ ясно представлялъ. И полки... и все прочее. И часы бы съ маятникомъ повѣсили... А ты сидишь на своемъ мѣшкѣ съ деньгами, какъ Церберъ!

Фрау Филицъ. Швыряться деньгами тоже не годится! Мнѣ онѣ тоже солоно достались.

Филицъ. За мной и старые грѣхи есть! Въ тюрьму, что ли, опять садиться?!

Фрау Филицъ. Ну, Филицъ, утро вечера мудренѣй. Да ты не очень принимай въ серьезъ-то!.. Я это больше такъ для шутки говорила... Ну, иди къ Грабову. Выпей стаканчикъ пива... Надо быть всѣмъ довольнымъ... Не откроешь лавки, еще покорпишь. Не купишь часовъ съ маятникомъ,- зато совѣсть чиста будетъ...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кузница мастера Лангейнриха. Маленькій домишко бокомъ выдается на деревенскую улицу. Верхняя часть, на деревянныхъ подпоркахъ, представляетъ собою клѣтчатую постройку. Нижняя часть безъ стѣнъ и есть собственно кузница. Здѣсь находятся прислоненныя колеса, плугъ, обручи, куски чугуна и т. д. Тутъ же стоитъ наковальня и различные кузнечные инструменты. Изъ-за дома выступаетъ нѣсколько вкось деревянный остовъ телѣжки. Лѣвое переднее колесо снято, и ось подперта воротомъ. Черезъ дверь въ мастерскую виднѣются горнъ и мѣхи.

Противъ кузницы, на лѣвой сторонѣ улицы, теряющейся дальше въ поворотѣ, — дощатый заборъ. Маленькая запертая калитка выходитъ на улицу.

Облачный день. Вѣтеръ.

Докторъ Боксеръ, въ широкополой шляпѣ и лѣтнемъ пальто, ударяетъ молотомъ. Эде держитъ въ лѣвой рукѣ подкову, въ правой небольшой молотокъ, и смотритъ.

Эде (считаетъ)... Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре и одинъ—двадцать пять, и одинъ—двадцать шесть... Господи, Боже мой! Ужъ на одну дырочку дальше, чѣмъ я! И двадцать семь... и двадцать восемь... двадцать девять... тридцать. Поздравляю, докторъ! Неужели это отъ морского воздуха?

Д-ръ Боксеръ. Можетъ-быть. Какъ видите, Эдуардъ, я еще не совсѣмъ разучился.

Эде. А, чортъ возьми! Это мою гордость задѣло. Попробуемъ-ка съ вѣсами. Я вытягиваю, докторъ, полтора центнера. А вы вытянете полтора центнера?

Д-ръ Боксеръ. Не знаю. Попробуемъ.

Эде. Что? Вы собираетесь вытянуть полтора центнера? Ну, тогда вы, значитъ, Геркулесъ. На корабляхъ въ этомъ не упражняются? Вамъ тамъ, чай, лѣчить приходилось, а не цѣпи рвать... Взгляните-ка вонъ на человѣчка, который входитъ въ домъ къ Филицу. Это зять тетушки Филицъ!

Д-ръ Боксеръ (улыбаясь). Видъ у него—совсѣмъ какъ у консисторскаго совѣтника.

Эде. Это правда! Шмаровскій и то консисторскій совѣтникъ. Прогадалъ! Старуха уѣхала съ своимъ елейнымъ сапожникомъ. Насчетъ денежекъ-то, значитъ, ему и не поддуетъ. Онъ, знаете, только за деньгами и пріѣзжаетъ. По другимъ дѣламъ и не ѣздитъ.

Д-ръ Боксеръ. Филицы поѣхали сегодня въ Берлинъ. Я ихъ встрѣтилъ на вокзалѣ. А сапожникъ, кажется, немножко того... не въ себѣ?

Эдк. Что вы! Полиціи это неизвѣстно! Малый доношенный! Насчетъ того, чтобы онъ сумасшедшимъ былъ, — не слыхалъ.

Д-ръ Боксеръ. Болталъ какіе-то пустяки и все старался въ глаза не глядѣть. Весь онъ... ну, точь-въ-точь ходячая нечистая совѣсть. Впрочемъ, совѣсти у него совсѣмъ нѣтъ.

Эдк. Ну, еще бы! Вѣдь когда вы попались, при обыскѣ у васъ въ домѣ и сапожникъ былъ. Онъ-то всю кашу и заварилъ!

(Фрау Шульце смотритъ изъ окна верхней пристройки).

Фрау Шульце. Эде!

Эдк. Что тамъ?

Фрау Шульце. Мастера Ланггейнриха еще нѣтъ?

Эдк. Понятно, нѣтъ. (Фрау Шульце отходитъ отъ окна. Эде подходитъ подъ навѣсъ). Ну, живо! Берите-ка, докторъ, молотокъ да помогите мнѣ немного. Если въ васъ осталось еще столько силы, вы, поди, не разучились.

Д-ръ Боксеръ. Я, чортъ возьми, слесарствомъ занимался, когда на кораблѣ нечего было дѣлать. А случай былъ превосходный.

Эдк. Докторъ, слесарь и еще, поди, что-нибудь? Ну, колбасникомъ-то ужъ, навѣрно, не были?

Д-ръ Боксеръ. Пришлось разъ и колбасы дѣлать.

Эдк. Только, навѣрно, ихъ нельзя было ѣсть?

Д-ръ Боксеръ. Да я, Эдуардъ, и врагу бы не посовѣтовалъ, потому что въ нихъ главнымъ образомъ мышьякъ былъ. Спасенія не было отъ крысъ!

Эдк (собираясь ковать). Брррр... Упаси Боже отъ вашей салями! Ну, докторъ! За работу! Пусть хозяйка думаетъ, что двое работаютъ. А то разспросамъ конца не будетъ.

Д-ръ Боксеръ. Куда же хозяинъ такъ рано ушелъ?

Эдк. А это большой секретъ. Про то одни воробьи на крышахъ чирикаютъ. Ну-ка, докторъ, давайте сюда колесо. А вамъ, кстати, не мѣшаетъ выслужиться передъ прусскимъ правительствомъ. Телѣжка-то областного лѣсничаго... Это вѣдь вамъ не можетъ повредить?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, и вообще мнѣ необходимо стать паинькой. (Катитъ медленно колесо, оно откатывается назадъ).

Эдк. Ну, это вамъ будетъ не очень-то легко. Они, чортъ возьми, не очень-то забывчивы. (Подхватываетъ колесо). Нѣтъ, шалишь, назадъ не пойдешь: весь міръ, докторъ, впередъ долженъ идти! Поэтому я и соблюдаю всегда оппозицію.

Д-ръ Боксеръ. Только пальцы беречь надо! (Надѣваетъ кожаный фартукъ). И долго хозяинъ еще не придетъ?

Эде (свиститъ). Ну, это—смотря по обстоятельствамъ.

Д-ръ Боксеръ. Чего вы такъ многозначительно свистите?

Эде. Одиннадцать монхъ братьевъ и сестеръ, всѣ, извольте ли видѣть, музыкальны, только я одинъ кузнецъ вышелъ. (Нѣкоторое время оба работаютъ, стоя по сторонамъ колеса. Затѣмъ Эде продолжаетъ) А, право, недурная комедія бы вышла! Вотъ бы написали! Деньги бы заработали! Ну ужъ и люди! Васъ долго здѣсь не было, поэтому вы и не знаете всего. Я бы вамъ поразсказалъ, докторъ, что тутъ средь бѣла дня творится... Знаете вы гулящую Леонтину?

Д-ръ Боксеръ. Къ величайшему сожалѣнію, нѣтъ.

Эде. Что? Вы считаете себя здѣшнимъ и не знаете гулящей дѣвки? Да вы, просто, съ ума сошли!

Д-ръ Боксеръ. Ахъ, Леонтина! Это дочь Вольфихи? За нее меня разъ здорово побили!

Эде. Вотъ если бы вы были здѣсь часа два тому назадъ! Дѣвчонка какъ разъ тутъ мимо проскользнула. Сначала уѣхали отецъ съ матерью... часовъ въ семь, только разсвѣтать начало. А потомъ, часовъ въ восемь, Леонтина... оглядѣлась, заперла домъ, и ну нырять взадъ и впередъ. Все поджидала, высматривала, и наконецъ мимо насъ прошла. А хозяинъ тутъ какъ тутъ: куда, молъ, ангелъ, собралась?.. А черезъ минуту жандармъ Шульце пожаловалъ и зашагалъ за гулящей... Тогда опять хозяину чередъ пришелъ... фартукъ долой и гайда за ними! Да какъ ланъ пустился! Вотъ какъ было дѣло. И все это вы могли бы наблюдать, а остального глазами не видно. А, вонъ хозяинъ! Съ грузомъ. (Сейчасъ же начинаетъ съ жаромъ работать, дѣлая видъ, какъ будто онъ только теперь замѣтилъ весело и поспѣшно идущаго мастера Лангтейнриха). Наконецъ-то! Хорошо сдѣлали, хозяинъ, что пришли!.. А то разспросамъ не было конца. Ну, что же, хозяинъ, встрѣтили?

Лангтейнрихъ (коротко отклоняя разговоръ). Кого?

Эде. Я разумѣю, омнибусъ.

Лангтейнрихъ. Ну, ты, пустомеля! Я по дѣламъ ходилъ... На галеръ бьюсь, если это не докторъ Боксеръ! Какъ живете-можете? Что подѣлываете? Опять въ тихую пристань? Однако вы долго пропадали. Года три съ лишкомъ? Да... вонъ какъ время-то летитъ!

Д-ръ Боксеръ. Да, вотъ здѣсь поселяюсь, Лангтейн-

рихъ, т.-е. имѣю намѣреніе, если удастся. Хочу попробовать счастья дома.

Ланггейнрихъ. Да, дома-то лучше всего! Понятно! Правда, г. докторъ, у насъ есть тутъ докторъ, да только никуда не годится. Должно-быть, ему когда-нибудь пощечинъ надавали или что-нибудь въ этомъ родѣ: ужъ больно онъ мраченъ. Только пацiентамъ отъ этого толку мало. Отъ этого еще ни одинъ больной не выздоравливалъ. Если что случится, докторъ, я ужъ за вами пошлю.

Д-ръ Боксеръ. Первые двѣнадцать зубовъ вырву даромъ! Благодарите Бога, коли не будетъ во мнѣ надобности.

Ланггейнрихъ. Собственно... То-то и есть... Жена у меня больна.

(Изъ дому торопливо выходитъ фрау Шульце).

Фрау Шульце. Хорошо, что вы пришли, хозяинъ. Слышите? Такой стонъ стоитъ!

Ланггейнрихъ. Позвольте васъ спросить, докторъ, не знаете ли вы какого-нибудь средства отъ ревности? Тутъ, видите ли, ребенокъ у меня родился. Я радъ даже... Чего мнѣ лгать? Съ какой стати? Я поступилъ честно... Жена у меня больна. Она теперь и встать не можетъ, и я не смѣй отъ постели ни на шагъ отходить! Кричитъ, бранится, упрекаетъ... Ей Богу, иногда просто не знаю, куда дѣться.

Фрау Шульце. Ахъ, хозяинъ, да поди вы скорѣе къ ней!

Эде. Дайте же хозяину хоть духъ перевести.

Ланггейнрихъ. Что тамъ? Ну вотъ еще! Я живо все устрою. (Снявъ шляпу и пиджакъ и надѣвъ на ноги деревянныя туфли, быстро уходитъ въ домъ).

Эде. Ну, что вы скажете?

Д-ръ Боксеръ. Развеселый человѣкъ — мастеръ! Даже куда веселѣе сталъ, чѣмъ прежде. Пріятно увидать снова человѣка такимъ.

Эде. А какъ только я спросилъ о Леонтинѣ, такъ его, какъ говорится, чисто обухомъ ударило.

Фрау Шульце (обращаясь къ Эде, желая поймать). Гдѣ это хозяинъ такъ рано былъ?

Эде. Въ Лихтенбергѣ, тетушка Шульце, чорта съ ягушкой вѣнчалъ.

Фрау Шульце. Хозяйку совсѣмъ не такъ лѣчатъ, г-нъ докторъ! Я, конечно, не сую... Ужъ я скажу вамъ, се

такъ лѣчатъ... ну, совсѣмъ неправильное лѣченіе! Я это и Маюнку сказала, что хозяйка помираетъ.

Д-ръ Боксеръ. Докторъ Маюнке свѣдущій человѣкъ. Я знаю его за отличнаго врача.

Фрау Шульце (спохватываясь). Ну, еще бы! Конечно, онъ свѣдущій человѣкъ! Конечно! Это правда, что онъ свѣдущій. Только онъ не хочетъ ничего прописывать...

Д-ръ Боксеръ. Ну и что же? Деньги цѣлѣе будутъ!

Фрау Шульце. А если этого не хотятъ? Должна же быть медицина! На то и докторъ, чтобы помогать!

Д-ръ Боксеръ. Хозяйка съ давнихъ поръ нездорова. Еще съ тѣхъ поръ, какъ она шила у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Фрау Шульце. Да, да, немножко скрючило! Правда... Вотъ оно! Вотъ она женская доля, г-нъ докторъ. Какой портнихой была! И деньжонокъ себѣ немного сколотила! А много ли проку? Красивый мужъ, да болѣзнь, да заботы! Ни днемъ ни ночью покоя нѣтъ.

Ланггейнрихъ (возвращается. Сильно хлопаетъ по плечу фрау Шульце). Пожалуйте, тетушка Шульце! Идите наверхъ! Все въ порядкѣ! Кончено! Завтра я ее въ клинику везу!

Фрау Шульце. Ну, это не такъ-то легко!

Ланггейнрихъ (прикладываетъ ко рту большую кружку). Я тутъ перемѣнить ничего не могу! Ничего не подѣлаешь! (Дѣлаетъ невѣроятно большой глотокъ изъ кружки. Ставя на землю кружку) Оттони-ка, Эде, утокъ.

Эде (спугиваетъ утокъ, хлопаетъ фартукомъ и стучитъ туфлями). Кш!.. кш!.. кш!.. Пшли! (Фрау Шульце, покачивая головой, уходитъ въ домъ).

Ланггейнрихъ. И какъ ловко жрутъ огонь! Стоитъ только раскаленному кусочку упасть... разъ, два, три—и проглотила! И, пожалуйте! Непрошенное жаркое изъ утокъ! А старуха за это не похвалитъ. (Раухгаупть смотритъ изъ-за забора слѣва). За Ландсбергомъ опять былъ большой пожаръ. Все мѣстечко до тла выгорѣло.

Раухгаупть. Не видалъ Густава?

Ланггейнрихъ. А, здравствуй, старый хрѣнъ! Нѣтъ, не видалъ. А развѣ онъ опять сбѣжалъ?

Раухгаупть. Я велѣлъ ему къ Филицамъ пойти!

Ланггейнрихъ. Да Филицы въ Берлинъ уѣхали!

Раухгаупть. Не пойму я что-то... вездѣ гарью пахнетъ! Ай! (На лицѣ его изображается гримаса отъ боли, и онъ хватается за колѣнку). А Леонтины развѣ нѣтъ?

Ланггейнрихъ. Сегодня она въ волостномъ правленіи. Вѣчно задерживаютъ эти пособія! Эта проклятая собака не платитъ!

Раухгаунтъ (зоветъ). Густавъ! (Прислушивается и потомъ идетъ невѣрными шагами опять къ калиткѣ, вѣтеръ толкаетъ его и треплетъ одежду). Густавъ!

Ланггейнрихъ. Да, вѣтеръ здоровый! (Раухгаунтъ исчезаетъ). Эде!

Эде. Здѣсь, хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Ну, живо за работу! (Плюетъ себѣ въ руки и начинаетъ оживленно работать). Гдѣ, докторъ, кататься изволили? Были и у китайцевъ? Ужъ вы разскажите какъ-нибудь поподробнѣе... на досугѣ.

Д-ръ Боксеръ. Да, вездѣ побывалъ!

Ланггейнрихъ. Ну, а чудовище морское видѣли?

Д-ръ Боксеръ. Какъ же, Ланггейнрихъ, въ Тихомъ океанѣ видѣлъ.

Ланггейнрихъ. А правда, что оно соленые огурцы жретъ?

Д-ръ Боксеръ. Да какъ еще! Каждый день по нѣсколько сотенъ тысячъ!

Ланггейнрихъ (захохотавъ). Здорово! Если вы его увидите еще разъ, докторъ, отъ меня пониже поклонитесь.

Д-ръ Боксеръ. Едва ли мнѣ придется еще разъ побывать тамъ!

Ланггейнрихъ. Али ужъ досыта поѣздили? Ну, теперь, значитъ, мы съ вами, докторъ, оба здѣсь. Только я и съ мѣста не трогался!.. Мать-то старуха, я думаю, рада. Ей хорошо живется, и дѣла идутъ хорошо. А я все-таки все время тосковалъ, все вправо нѣтъ-нѣтъ и погляжу.

Д-ръ Боксеръ. Очень любезно съ вашей стороны, Ланггейнрихъ.

Ланггейнрихъ. Что вы! Я не къ тому говорю. Да, чтобы не забыть, докторъ! Я еще въ долгу у вашей матери; еще когда жена шитьемъ занималась: тафта тамъ, шелкъ, иголки, нитки, матерія. Я скоро разсчитаюсь.

Д-ръ Боксеръ (махнувъ рукой). Ну ладно, устроится какъ-нибудь!

Ланггейнрихъ. Эде!

Эде. Здѣсь, хозяинъ.

Ланггейнрихъ. Торопись, торопись! (Беретъ одинъ изъ тяжелыхъ молотовъ). Изъ кожи вонъ вылѣзу, а ужъ сегодня заработаю. (Эде приноситъ щипцами раскаленный кусокъ желѣза и

кладетъ его на наковальню). Ну, докторъ, начинайте! Ну-ка! Посильнѣй да поумнѣй! (Онъ и д-ръ Боксеръ куютъ въ тактъ желѣзо). Только, смотрите, съ одинаковой силой, докторъ! (Они перестаютъ. Эде уноситъ желѣзо въ кузницу и кладетъ въ огонь. Ланггейнрихъ опять прикладывается къ кружкѣ). Ничего не вышло! (Пьетъ).

Эде. Да, отъ этого пить хочется!

Ланггейнрихъ (ставитъ кружку). А хорошо было, смѣю васъ увѣрить, докторъ!

Д-ръ Боксеръ. Что же собственно хорошаго, Ланггейнрихъ?

Ланггейнрихъ. Ахъ, Господи! Почемъ я знаю! Я самъ не знаю, а только, какъ встрѣтилъ я вахмистра Шульце, я чортъ знаетъ какъ обрадовался!

Эде. Теперь бы стаканчикъ пива отъ Грабова! Какъ разъ бы кстати!

Ланггейнрихъ. Бѣги! Притащи-ка три кружки! Докторъ Боксеръ заплатитъ. (Эде вытираетъ руки о фартукъ и уходитъ). Такъ, значитъ, вы здѣсь поселяетесь! Что-жъ, мысль недурная! Только вѣдь здѣсь на части разорвутъ! И послушайтесь моего совѣта, докторъ, не ходите вы безплатно по больнымъ.

Д-ръ Боксеръ. А оставятъ меня въ покоѣ?

Ланггейнрихъ. А, старая исторія!.. Это давность потеряло! Да теперь вамъ такъ близко сходиться съ народомъ, какъ тогда, и не придется.

Д-ръ Боксеръ. Во всякомъ случаѣ, я попробую... Къ политикѣ я охладѣлъ. И если меня все-таки будутъ прижимать... Ну, тогда я просто опять уѣду. Отправлюсь опять въ море, а то вызовусь...

Ланггейнрихъ. На водѣ-то просторнѣе!

Д-ръ Боксеръ (продолжая)... вызовусь ѣхать въ Бразилію вмѣстѣ съ русскими евреями.

Ланггейнрихъ. Ну, а это что дастъ?

Д-ръ Боксеръ. Можетъ-быть, желтую лихорадку.

Ланггейнрихъ. Ну, что вы еще, докторъ! Я бы этого не сдѣлалъ.

Д-ръ Боксеръ. Вѣрю.

Ланггейнрихъ. За другихъ своей шкурой изнатиться! Вотъ еще! Избави Богъ! Этого Ланггейнрихъ не сдѣлаетъ! Съ какой стати! Мнѣ же никто ничего не даетъ. Я самъ убѣдился, что люди, пожалуй, братья, да только въ ссорѣ.

Д-ръ Боксеръ. Язычникъ вы, а не христіанинъ.

Лангтейнрихъ. Этимъ путемъ и вы у насъ не Богъ вѣсть какъ далеко уйдете. Я такой же христіанинъ, какъ и всѣ. А посѣтители новой церкви... они теперь тутъ церковь выстроили... Избави Богъ отъ такихъ христіанъ!

Д-ръ Боксеръ (улыбаясь). Ну, ну, Лангтейнрихъ, вы это такъ только говорите. Не слѣдуетъ быть фарисеемъ. А гдѣ же христіанское милосердіе, другъ мой?

Лангтейнрихъ. Нѣтъ, съ этимъ я согласиться не могу! Я тоже грѣшенъ. Конечно! Но что за человѣкъ, напримѣръ, здѣсь Дальговъ! Передъ нимъ самъ чортъ милосердъ! Что онъ съ собственнымъ сыномъ сдѣлалъ! Выгналъ зимой, ночью. А потомъ связалъ и исколотилъ всего. А потомъ мальчишку къ мяснику опредѣлилъ, а тамъ еще барановъ пасти заставилъ. Стерва! Старый хрычъ! И до тѣхъ поръ стоялъ на своемъ, до тѣхъ поръ мучилъ несчастнаго мальчишку, пока тотъ въ озеро не бросился. Только тряхнулъ головой и пошелъ ко дну... и готово...

Д-ръ Боксеръ. Что вы имѣете противъ Дальгова, Лангтейнрихъ? Онъ свое дѣло отлично знаетъ.

Лангтейнрихъ. Да, соблазнять дѣвушекъ и тому подобное. А потомъ по мордѣ колотить—и «убирайся, подлая»! Всѣ вдругъ подлыми стали! До чего собака дошелъ!— Съ Верганомъ другъ и пріятель, хрюкаетъ, какъ свинья, на собраніяхъ: нравственности, дескать, нынче не стало... вмѣсто нея законы пошли... тутъ такъ... тамъ этакъ. А въ церковь заглянете — сидитъ эта сволочь да глаза къ небу закатываетъ... (Издали слышенъ колокольный звонъ). Слышите? Орденскія-то ленточки поютъ!.. Я всегда это называю орденскими ленточками. Такъ и говорю: поютъ, молъ, орденскія ленточки. Это когда колокола-то звонятъ... Ну, развѣ я не правъ, говоря, что поютъ орденскія ленточки? Съ тѣхъ поръ, какъ Вергань получилъ орденокъ въ петличку, съ тѣхъ самыхъ поръ и зазвонили колокола. А если бы колокола не зазвонили, онъ бы и ордена никакого не получилъ.

Эде (входитъ съ тремя кружками пива, зубоскаля). Хозяинъ! А хозяинъ! Орденская ленточка поетъ!

Лангтейнрихъ. Ну вотъ видите, ужъ и онъ по-другому не называетъ. (Каждый беретъ по кружкѣ, они чокаются). Ваше здоровье! Съ пріѣздомъ! (Пьютъ и ставятъ на полъ). Сегодняшнее утро совсѣмъ какъ вечеръ! Недурно бы днемъ ночь увидать!

Д-ръ Боксеръ. Ну, а теперь я непрочь немного и позлословить! Противъ постройки церквей я ничего не имѣю!

Ланггейнрихъ. И я тоже! По крайней мѣрѣ, людямъ работу даютъ! Хотя на этотъ разъ я собственно остался не при чемъ. А мишура вся эта — пасторъ Фридерици, колокольный звонъ, расписныя стекла, алтарные покровы... Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь! Нельзя же совсѣмъ безъ хлама!

Д-ръ Боксеръ. Люди тоже хотятъ свое удовольствіе получить. А потомъ я объясняю себѣ такъ, Ланггейнрихъ: надо стоять всегда за высшій принципъ.

Ланггейнрихъ. Да это и пользу приноситъ, можете мнѣ повѣрить. Съ тѣхъ поръ у насъ земли подорожали.

Эде. Жилъ тутъ разъ, хозяинъ, одинъ безпріютный... Ну, да что съ этого начинать!.. Былъ я какъ-то въ глуши, въ лѣсу. И представьте себѣ, докторъ, что я тамъ услыхалъ? Вдругъ слышу страшный шумъ, подхожу ближе. Вороны! Да! А наверху на соснѣ виситъ человѣкъ. Портной подмастерье изъ Беркенбрюка. Съ голоду повѣсился!.. Правда! Надо всегда мѣтить повыше.

(Въ то время, какъ они пьютъ, раздается въ отдаленіи протяжный крикъ боли. Вѣтеръ усилился).

Д-ръ Боксеръ (испуганно). Что такое?

Эде. Раухгауптъ! Только и всего!

Ланггейнрихъ. Да, да, докторъ, страшно онъ кричитъ. Хорошаго тоже мало! А когда у него начинаются эти боли въ ногахъ и онъ ночью оретъ за заборомъ, такъ поневолѣ убѣжишь. Ну нѣтъ, если-бъ мнѣ пришлось такія страданія терпѣть, я предпочелъ бы себѣ пулю въ лобъ пустить.

Эде. Вотъ, Господи, вѣтеръ! Смотрите, докторъ, чтобъ ваша покрышка не улетѣла! (Черезъ улицу пролетаетъ сорванная вѣтромъ шляпа, за ней бѣжитъ Шмаровскій безъ шляпы со свертком бумагъ въ рукахъ). Ха-ха-ха! Скорѣй! Ну-ка, Августъ, покажи, какъ надо бѣгать.

Д-ръ Боксеръ. Кто не въ шляпѣ, тотъ безъ шляпы!

Шмаровскій (поймавъ шляпу, озлобленно обращается къ д-ру Боксеру). Что это вы только-что такъ мѣтко замѣтили?

Д-ръ Боксеръ. Что вы превосходно бѣгаете.

Шмаровскій. Шмаровскій.

Боксеръ. Боксеръ.

Шмаровскій. Очень пріятно! Позвольте задать вамъ одинъ вопросъ. Знаете вы, что такое кобель?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ.

Шмаровскій. Нѣтъ? Я тоже не знаю! Но что такое непристойность, вы, конечно, знаете?

Ланггейнрихъ. Да что тутъ у васъ за шумъ? Что такое? Э, господа, развеселитесь! Здравствуйте, г. Шмаровскій! Какъ поживаете? Тещу навѣстить пріѣхали?

Шмаровскій. Нѣтъ, у меня тутъ дѣла!.. Но, чтобы не забыть, прошу васъ быть поосторожнѣй.

Д-ръ Боксеръ. Что это за любопытный господинъ, Ланггейнрихъ?

Эде. Это зять тетушки Вольфъ.

Шмаровскій. Съ вами я и разговаривать не намѣренъ!

Эде. Тѣмъ пріятнѣй!

Шмаровскій. Съ вами—не намѣренъ! (Опять обращаясь къ д-ру Боксеру) Но если вы не знаете, кто я, то я могу сослаться на отзывы обо мнѣ барона фонъ-Вергана, его преподобія генералъ-суперъ-интенданта, княгини Бильшевской и графини Штрахъ!

Д-ръ Боксеръ. Что же, мнѣ такъ всѣхъ этихъ господъ и опрашивать?

Шмаровскій. Опросите! Совѣтую! Обойдите! По крайней мѣрѣ, впередъ будете осторожнѣй!.. Поглядите на свою компанію!

Ланггейнрихъ. Печень у васъ, что ли, разыгралась? Съ чего это вы сегодня такъ сердиты?

Шмаровскій (д-ру Боксеру, который смотрѣлъ съ простой веселой улыбкой то на Ланггейнриха, то на Эде). Прошу васъ не забываться! Я вамъ не товарищъ! Мы не позволимъ съ собой шутить! А ваша національность...

Ланггейнрихъ. Довольно, г. Шмаровскій! Довольно! Довольно, г. Шмаровскій! Проходите дальше!

Шмаровскій. А вы знаете, куда я прямо отсюда пойду?

Ланггейнрихъ. А хоть къ самому Богу! Идите, куда угодно, Шмаровскій! Только не отрывайте меня отъ работы. Намъ некогда время терять. Эде, бери-ка дышло! (Шмаровскій въ бѣшенствѣ уходитъ).

Эде. До свиданія!

Д-ръ Боксеръ. Это и былъ г. Шмаровскій? Свѣтильникъ церкви? Маленькая, ядовитая жаба!

Ланггейнрихъ. Да, правда, онъ ядовитъ. А вы его не знали, д-ръ Боксеръ? Поздравляю васъ, наконецъ-то увидали! Маленькая, продувная, вѣчно брешущая собачонка! Посмотрѣли бы вы, докторъ, его среди благочестиваго общества. Смиренникъ! Мать родная, и та бы не узнала: «Проживу еще самое большее двѣ недѣли, а потомъ прямо къ Спасителю моему въ царство небесное». Ханжа! Онъ со-

всѣмъ въ другое мѣсто угодить! Ему это и во снѣ не снилось. Ходитъ да вынюхиваетъ, не лежитъ ли что плохо, нельзя ли гдѣ-нибудь урвать.

Эдѣ. Ну-ка, хозяинъ, взгляните-ка! Вся работа съ новымъ шкворнемъ пропала.

Ланггейнрихъ. Да уже знаю! Тутъ ужъ мнѣ не стерпѣть, на это я никогда не молчалъ!

Д-ръ Боксеръ. И много у васъ теперь такихъ молодцовъ?

Ланггейнрихъ. Достаточно. До зимы-то хватитъ.

Раухгауптъ (вышелъ изъ калитки, борется съ вѣтромъ, держитъ руку передъ глазами). О, Господи! Опять сегодня припадокъ во всю! Когда же это Филицы вернутся?

Ланггейнрихъ. Вѣроятно, еще нескоро! Они хотѣли часы покупать. Чего это ты сегодня такъ встревоженъ?

Раухгауптъ. Что? Филицы часы покупаютъ? Онъ до этого и дожить не думалъ. (Зоветъ) Густавъ!

Ланггейнрихъ. Все еще не вернулся? Навѣрно, звономъ наслаждается. Онъ вѣчно сидитъ и слушаетъ эти колокола.

Раухгауптъ. Все сегодня какъ-то перепуталось! Тетка Филицъ просила его къ нимъ придти. Не понимаю... то... то вдругъ уѣзжаютъ въ городъ... (Качаетъ головой и уходитъ).

Эдѣ. Они тутъ съ четырехъ часовъ все сновали вокругъ. То взадъ, то впередъ, съ потайнымъ фонаремъ. Сегодня и не спали совсѣмъ.

Ланггейнрихъ. Филицъ часы покупаетъ! Поэтому не ѣстъ, не спитъ и не пьетъ.

Раухгауптъ (за заборомъ). Густавъ!

Д-ръ Боксеръ. Да вонъ этотъ дуракъ бѣжитъ!

Ланггейнрихъ. Да и то правда! Раухгауптъ! Густавъ здѣсь! (Густавъ входитъ возбужденный, танцуя, и показываетъ, съ жаромъ жестикулируя, въ ту сторону, откуда онъ пришелъ).

Эдѣ. Должно-быть, это военный танецъ. Вотъ ужъ видъ настоящаго людоѣда! А я увѣренъ, мерзавецъ не отказался бы отъ человѣческаго мяса!

Ланггейнрихъ. Пшолъ къ отцу!

Эдѣ. Понимаешь?

Ланггейнрихъ. Пшолъ отсюда!

(Густавъ, жестикулируя, подноситъ сложенную руку ко рту и трубитъ какъ въ трубу. Смѣхъ).

Эдѣ. Гдѣ еще пожаръ, дурова голова?

Ланггейнрихъ. Поймай-ка его, Эдѣ!

Эде. Сейчасъ! (Подкрадывается къ Густаву, но тотъ замѣчаетъ, трубя, отступаетъ назадъ и убѣгаетъ, продолжая трубить, при чемъ роняетъ спичечную коробку). Эге!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Эде. Пригодится!

Ланггейнрихъ. Да что?

Эде. Спички... Цѣлая коробка!

Фрау Шульце (стремительно сбѣгаетъ съ лѣстницы). Хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Фрау Шульце. Хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Да вотъ же я!

Фрау Шульце. Тамъ... тамъ... у... у... у...

Ланггейнрихъ. У жены?!

Фрау Шульце. Нѣтъ, у Филицевъ...

Ланггейнрихъ. Гдѣ?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Что такое? Не у жены? Ахъ, Господи! Тетка Шульце! (Трясетъ ее). Да переведи ты духъ! Ну, коли случилось, такъ случилось! Я ко всему приготовился!

Фрау Шульце. Пожарную трубу...

Ланггейнрихъ. Что это еще? Въ головѣ у тебя, что ли, помутилось?

Фрау Шульце. Да нѣтъ, пожаръ!

Ланггейнрихъ. Трубу услыхала тетка Шульце!.. Гдѣ же горитъ-то?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Чортъ возьми! (Роняетъ подшилокъ и гвозди, которые держалъ въ рукѣ).

Эде. Гдѣ горитъ?

Фрау Шульце. У Филицевъ... на чердакѣ...

Д-ръ Боксеръ (вышелъ впередъ). Ну и дымъ, чортъ возьми. Подойдите-ка сюда, мастеръ, отсюда все видно.

Эде (тоже смотрѣлъ по направленію пожара: многозначительно свиститъ). Ну, тутъ ничего не подѣлаешь! И стараться нечего!

Ланггейнрихъ. Эде! Бѣги къ Шейблерамъ! Живо! Приведи лошадей! Для трубы! Огонь ужъ черезъ крышу пошелъ!

(Онъ вбѣгаетъ въ кузницу, сбрасываетъ фартукъ, надѣваетъ пожарную каску).

Фрау Шульце. И дома-то никого нѣтъ! Господи Боже мой!

Д-ръ Боксеръ. Ну, это только къ лучшему! (Издали слышны тревожные звуки трубы).

Фрау Шульце. Слышите, г. докторъ, трубятъ!

Лангейнрихъ (выходитъ, одѣтый брандмейстеромъ). Ну, Шульце, уходите-ка отсюда... Отправляйтесь-ка лучше наверхъ. Здѣсь съ этой клистирной трубкой дѣлать нечего. Идите-ка наверхъ, къ женѣ. Батюшки! А ключъ отъ пожарнаго сарая! Чортъ его возьми совсѣмъ! (Фрау Шульце уходитъ въ домъ, Раухгауптъ высовываетъ голову надъ заборомъ).

Раухгауптъ. Какъ въ воздухѣ гарью-то пахнетъ, мастеръ!

Лангейнрихъ. Здорово пахнетъ! У Филицевъ пожаръ!

Раухгауптъ. Чортъ возьми! А я-то и не знаю!

Лангейнрихъ. На то, милый, ты и полицейскій!

(Убѣгаетъ. Стремительно вбѣгаетъ четырнадцатилѣтній мальчикъ).

Мальчикъ (обращаясь къ д-ру Боксеру). Мастеръ! Ключъ отъ пожарнаго сарая! Пожарной трубы вывезти нельзя.

Д-ръ Боксеръ. Да успокойся ты! Я не мастеръ!

Мальчикъ. Бѣгите скорѣе къ трубѣ!

Д-ръ Боксеръ. Да я-жъ тебѣ уже сказалъ, мальчикъ.

Мальчикъ. Да пожаръ вѣдь.

Д-ръ Боксеръ. Знаю! Мастеръ уже ушелъ. Уже онъ теперь давно, поди, съ трубой возится.

Мальчикъ. Пожаръ! Идите же къ трубѣ! (Убѣгаетъ).

Раухгауптъ (вышелъ въ ворота съ двумя маленькими дѣвочками, онѣ держатся за его платье). Я къ этимъ исторіямъ привыкъ! Меня это не пугаетъ! Мина, Летта! Пойдемъ смотрѣть!.. Много сотенъ пожаровъ я видалъ!

Д-ръ Боксеръ (снимаетъ фартукъ). Для людей-то вѣдь это горе.

Раухгауптъ. На свѣтѣ всюду горе. Только какъ глядѣть на это! А глядь, то же самое можетъ и радостью быть. Я, напримѣръ, ананасы выращиваю, и оранжерея моя, видите ли, граничитъ съ задней стѣной дома Филицевъ: значитъ, мнѣ дня три топить не надо. (Изъ воротъ выходитъ дѣвочка постарше и вертится около остальныхъ. Изъ окна высовывается фрау Шульце).

Фрау Шульце (говоритъ въ комнату). Успокойтесь, хозяйка! Вѣтеръ совсѣмъ съ другой стороны. (Скрывается).

Раухгауптъ. Видѣли пожарную вѣдьму? Всегда знаетъ, куда вѣтеръ дуетъ! Я въ отставку вышелъ... правда! Да и вѣчно быть нищейкой... мнѣ не хотѣлось. Теперь я ужъ не вмѣшиваюсь въ дѣла. (Приходитъ жандармъ, взволнованно трубитъ). Не бѣсись, Августъ! Да не старайся такъ! А то, смотри, штаны лопнутъ!

Жандармъ (въ бѣшенствѣ). Смотри ты, морда! Убирайся въ свою кротовую нору! (Трубитъ и идетъ дальше. Къ старику подходитъ четвертая дѣвочка, девяти лѣтъ, и пятая—десяти).

Д-ръ Боксеръ (смѣясь). А малый зубоскалъ!

Раухгауптъ. Юста, Лена, давайте-ка руки! О! Все суета. Никто не знаетъ, что важно въ жизни. Трубятъ! Чисто іерихонская труба! Или гласъ трубный на страшномъ судѣ. (Три дѣвочки, одиннадцати, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ, выходятъ тоже изъ калитки и присоединяются къ группѣ).

Д-ръ Боксеръ. Я не понимаю, что вы хотите сказать, г. Раухгауптъ?

Раухгауптъ. А можетъ, это тетка Вольфъ сама таракановъ подпалила. Ну что-жъ! А можетъ, и не такъ! Только ужъ если тетушка Вольфъ за что возьмется, ни передъ чѣмъ не остановится!

Д-ръ Боксеръ. Что вы хотите этимъ сказать?

Раухгауптъ. Только это и хочу сказать!

(Уходитъ вмѣстѣ съ дѣтьми).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Канцелярія начальника Верганъ. Большая выбѣленная комната въ нижнемъ этажѣ. Въ лѣвой стѣнѣ входная дверь. У стѣны направо служебный столъ, заваленный книгами, дѣлами и т. п., за нимъ кресло начальника. У средняго окна столикъ и стулъ для писаря. Ближе къ авансценѣ, направо, шкапъ изъ простого дерева. Вдоль лѣвой стѣны нѣсколько полокъ для дѣлъ. Въ задней стѣнѣ небольшая дверца. Нѣсколько стульевъ.

Глазенапъ сидитъ за своимъ столикомъ. Кресло начальника не занято. Передъ служебнымъ столомъ, ведя довольно возбужденный разговоръ, ожидаютъ докторъ Боксеръ, Ланггейнрихъ, въ формѣ брандмейстера, Эде и трое пожарныхъ. Всѣ они красные, грязные, мокрые и въ сажѣ.

Фрау Шульцъ, нѣсколько блѣдная, присѣла на одинъ изъ стульевъ и тоже ждетъ. Она въ глубокомъ раздумьѣ, неоднократно снимаетъ головной платокъ и, приладивъ сѣдые волосы, снова повязывается имъ. Время—тотъ же самый день, что и во второмъ дѣйствіи, приблизительно часовъ пять спустя.

Разговоръ внезапно замолкаетъ.

Начальникъ фонъ-Верганъ входитъ съ крайне дѣловымъ видомъ. Онъ держитъ пальцы лѣвой руки у лѣваго глаза, какъ если-бъ у него тамъ болѣло, садится за столъ, отнимаетъ руку, болѣзненно моргаетъ глазомъ и говоритъ.

Верганъ. Ну, какъ тамъ съ этимъ свинствомъ?

Ланггейнрихъ (замѣтно возбужденный работой, водкой и пивомъ). Осмѣлюсь доложить, г. баронъ, сгорѣло все до тла.

Верганъ (бросая какую-то принесенную съ собою вещь на столъ передъ собою. Это — кабинетная фотографія въ рамкѣ изъ козульихъ ногъ). А потому, что всѣ вы рохли! Ужасныя рохли, всѣ до одного. Не будь до Берлина цѣлыхъ три мили, дѣло могло бы принять совсѣмъ иной оборотъ.

Эде (доктору Боксеру, вполголоса). А тутъ все вышло наоборотъ.

Ланггейнрихъ. Г. баронъ...

Верганъ. Ладно. Я знаю, въ чемъ дѣло-то. (Вынимаетъ носовой платокъ, вытираетъ потъ со лба и дотрогивается до своего глаза).

Ланггейнрихъ. Г. баронъ, осмѣлюсь почтительнѣйше перебить... свое мы сдѣлали честь честью. Съ трубой-то мы были на мѣстѣ...

Верганъ. Обзаведитесь трубой получше.

Ланггейнрихъ. А если, г. баронъ, воды не оказывается?

Верганъ. Но пиво оказалось же!

Ланггейнрихъ. — — — — ?

Эде. При тушеніи развивается жажда.

Верганъ. На дѣлѣ-то, повидимому, такъ и было... Глазенапъ, посмотрите, пожалуйста, я тутъ чѣмъ-то глазъ засорилъ. (Глазенапъ вскакиваетъ и осматриваетъ). Только я началъ допрашивать фрау Шульце, какъ сѣверная стѣна рухнула. Должно-быть, искра, что ли... Кстати, Шульце не была здѣсь?

Фрау Шульце. Я здѣсь.

Глазенапъ. Такъ точно, г. баронъ. (Верганъ кивастъ. Глазенапъ отступаетъ назадъ и направляется къ своему столу).

Верганъ. Ну-те-съ, дальше! До моего слуха дошло... мнѣ сообщила фрау Шульце, что передъ вашей мастерской, Ланггейнрихъ, имѣло мѣсто нѣкое происшествіе... Вы, значитъ, видѣли этого олуха какъ разъ передъ тѣмъ, какъ пламя выбилось наружу, и у него оказалась коробочка спичекъ. Такъ какъ же эта исторія со спичками? Потрудитесь-ка изложить.

Ланггейнрихъ. Коробочка спичекъ у него, значитъ, была. Это точно.

Верганъ. И онъ уронилъ ее.

Эде. А я поднялъ. Вѣрно.

Верганъ. Вы?

Эде. Такъ точно. Какъ будто я. Да вотъ она. Только спички-то тутъ не всѣ налицо, я нѣсколько разъ закуривалъ. (Кладетъ коробочку со спичками на столъ).

Верганъ (непріятно задѣтый манерой Эде, беретъ коробочку и пристально смотритъ на него). Вы, конечно, старательно помогали, да?

Эде. Здорово! Тутъ ужъ шутки въ сторону.

Верганъ. Я разумѣю, особливо при вышивкѣ?

Эде. Я такъ и понялъ. Было дѣло.

Верганъ. А вы очень шутливо настроены?

Эде. Я всегда веселъ и доволенъ, г. начальникъ!

Верганъ. Это меня чрезвычайно радуетъ... Скажите, вы докторъ Боксеръ?

Д-ръ Боксеръ. Совершенно вѣрно. Докторъ Боксеръ.

Верганъ. Такъ это вы? Такъ, такъ! А я васъ почти не узналъ. У вашей матери тутъ еще мелочная лавчонка... Вѣдь вашъ батюшка былъ по торговой части?..

Д-ръ Боксеръ (умышленно не понимая). Да, мой отецъ числился въ ополченіи и въ 70-мъ году получилъ желѣзный крестъ.

Верганъ. Ахъ, вотъ какъ! Очень просто! Понимаю... Ваша мать недавно прибѣгала ко мнѣ и приносила нѣсколько каменьевъ. Окно въ кухнѣ выбили, что ли. Шальное мужичье пошло! Я, разумѣется, нарядилъ слѣдствіе. По слухамъ, вы намѣрены поселиться здѣсь? Но тутъ уже имѣется превосходный врачъ! Бывшій штабной! Въ высшей степени дѣльный.

Д-ръ Боксеръ. Я въ этомъ ничуть не сомнѣваюсь.

Верганъ. Да, — откровенно говоря, въ наше время... удастся ли вамъ здѣсь устроиться?

Д-ръ Боксеръ. Да я могу преспокойно подождать.

Верганъ. Разумѣется, и мы тоже. Ну-те-съ, продолжайте... Что вы изволили замѣтить по настоящему дѣлу, докторъ Боксеръ?

Д-ръ Боксеръ. Ахъ, да, это, конечно, насчетъ исторіи со спичками.

Верганъ. Насчетъ того, какъ трубили, и насчетъ коробочки спичекъ?..

Д-ръ Боксеръ. Ну, конечно.

Верганъ. Гдѣ вы изволили быть, когда это произошло.

Д-ръ Боксеръ. Я стоялъ у кузницы Ланггейнриха.

Верганъ. У васъ тамъ было какое-нибудь особенное дѣло?.. Да вы только не выходите изъ терпѣнія. Во-первыхъ, это меня нисколько не касается. Про вашу симпатію къ ремесленникамъ намъ уже давно извѣстно. А парня теперь, значитъ, засадятъ. Думаю, что вахмистръ Чахе его поймаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ напалъ на слѣдъ. Его

и въ Рансдорфѣ видѣли. Призовите-ка Садову! (Глазенапъ уходитъ въ дверь въ задней стѣнѣ).

Д-ръ Боксеръ. Г. начальникъ, я свободенъ?

Верганъ. Мнѣ очень жаль. Подождите. Шульце! Куда же сегодня вашъ племянникъ пропалъ? Я его что-то цѣлый день не видалъ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце!

Эде (вполголоса). Послать бы приказъ о задержаніи.

Верганъ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце?.. Еще никто не справлялся о фрау Филицъ? Или она еще не пріѣзжала изъ Берлина?.. Пусть кто-нибудь сходитъ къ коммерціи совѣтнику Рейнбергу. (Глазенапу, который снова появляется) Тамъ сейчасъ г. Шмаровскій, зять: онъ тамъ сегодня представляетъ свои строительные чертежи. Разскажите ему какъ-нибудь поосторожнѣе, въ чемъ дѣло.

Эде (вполголоса Боксеру и Лангтейнриху). Да, да, чтобы ему не умереть отъ неожиданности. (Лангтейнрихъ и д-ръ Боксеръ съ трудомъ удерживаются отъ смѣха).

Верганъ (замѣтивъ это). Вы, можетъ-быть, находите это смѣшнымъ?.. Ужъ не знаю, съ чего бы вамъ еще смѣяться, Лангтейнрихъ. Если люди честно трудятся и работаютъ, и на нихъ сваливается такая вотъ бѣда, такое вотъ испытаніе Божье, такъ тутъ ужъ прямо скажешь: избави насъ Богъ; тутъ мнѣ не до смѣху!.. Такъ вамъ не бросилось въ глаза... вамъ не представлялось, что съ мальчишкой?.. Я разумѣю насчетъ пожара! Что съ мальчишкой какъ будто не совсѣмъ ладно?

Эде (вполголоса д-ру Боксеру и Лангтейнриху). Настоящаго ладу отъ него и не дождешься.

Верганъ. Онъ показался вамъ подозрительнымъ? Да? Или нѣтъ? Неужели вамъ и въ голову не приходило, что это онъ, можетъ-быть, и поджегъ?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ! Потому что я слишкомъ отсталъ отъ здѣшнихъ интересовъ. Разобраться въ здѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ не подъ силу.

Верганъ. Какъ такъ?

Д-ръ Боксеръ (съ виду очень серьезно). Я являюсь сюда изъ незатѣйливыхъ условій жизни. На водѣ привыкаешь къ тѣснотѣ. Однимъ словомъ! Покуда что я здѣсь не судья и убѣдительно прошу снисхожденія...

Верганъ. Да тутъ дѣло вовсе не въ какихъ бы то ни было условіяхъ жизни. Здѣсь рѣчь о конкретномъ случаѣ. Напримѣръ, мальчикъ трубилъ. Какое это имѣетъ отношеніе къ тѣснотѣ и къ простору?

Д-ръ Боксеръ. Совершенно справедливо. У меня не хватаетъ широты взгляда. Я не могу такъ вдругъ снова войти въ колею. Естественно, я чувствую всю важность, всю вѣскость мѣстнаго положенія вещей, а это, г. баронъ, прежде всего сбиваетъ меня съ толку.

Верганъ. Все-таки онъ трубилъ, вотъ этакъ, въ кулакъ? Лангтейнрихъ, вы тоже вѣдь слышали, какъ трубили?

Лангтейнрихъ. Такъ точно! Трубить-то онъ трубилъ здорово.

Эде. Если кто взялся этакъ трубить, тутъ ужъ онъ затрубитъ, тутъ ужъ услышишь трубу.

Верганъ (Лангтейнриху). Ну, а въ чемъ-нибудь другомъ вы не замѣтили ничего подозрительнаго? Я разумѣю: при самомъ тушеніи пожара? Я хочу сказать: моменты, которые указывали бы на что-нибудь другое, или, во всякомъ случаѣ, могли бы указать? (Лангтейнрихъ задумывается, затѣмъ отрицательно качаетъ головой). Въ самый-то домъ вы не входили?

Лангтейнрихъ. Я только заглянулъ въ избу, но тутъ ужъ потолокъ рухнулъ. Еще вершокъ—и меня задавило бы.

Верганъ. Огонь былъ подложенъ снаружи. Это совершенно основательно утверждаетъ и вахмистръ Чахе. По всей вѣроятности, оттуда, отъ козьяго хлѣва. Это согласно и съ вашимъ показаніемъ, фрау Шульце! Вы же видѣли, какъ онъ подкрадывался къ дому! Надъ козьимъ хлѣвомъ было окошко, оттуда еще всегда торчала солома. На это я самъ какъ-то обратилъ вниманіе. Туда, на садъ Раухгаупта. Вотъ это окошко и соблазнило мальчишку. Соблазнило, потому что онъ же его видѣлъ ежедневно, значитъ, онъ очень просто пробрался на крышу, а оттуда и къ упомянутому отверстію. Въ высшей степени пріятное сосѣдство!.. Кто тамъ такъ реветъ на улицѣ?

Глазенапъ (выглядываетъ въ окошко). Сапожникъ Филицъ съ женой.

Верганъ. Что? Это фрау Филицъ такъ реветъ? Камни и тѣ растрогаются, право!

Фрау Филицъ (громкое, порывистое рыданіе которой было слышно еще со двора, входитъ, опираясь на волостного сторожа; съ нею мужъ: послѣдній бережно несетъ подъ мышкой большіе новые часы съ маятникомъ. Филицъ и его жена одѣты по-праздничному).

Верганъ. Ахъ, ты, Господи, фрау Филицъ: — уповайте на Бога! Уповать на Бога первое дѣло во всемъ. Не умирать же изъ-за этого... Никкель, принесите сюда коньяку. Никкель! Сходите къ моей женѣ. Сперва надо привести

се въ чувство... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, перестаньте слезы-то лить. Я же вамъ вѣрю. Это же не шуточный ударъ судьбы. Цѣнныя вещи у васъ сгорѣли? (Фрау Филицъ всхлипываетъ громче). Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Да слушайте же меня! Пожалуйста, слушайте, разъ я съ вами говорю! Не сходите съ ума. Поняли? Не теряйте головы, фрау Филицъ! Вы же разсудительная женщина... Ну, нѣтъ такъ нѣтъ. (Никкель, который ушелъ-было, возвращается съ графиномъ рома и рюмкой). Сюда водку... Я лучше буду съ вами говорить, Филицъ, васъ это, повидимому, не такъ ошеломило. Нужно, видите ли, быть мужчиной! Нужно примириться со всякимъ положеніемъ. Такъ вотъ, Филицъ, растолкуйте вы мнѣ! Во-первыхъ, я повторю свой вопросъ: цѣнныя вещи сгорѣли у васъ?

Филицъ (пока онъ говоритъ, ему только отчасти удается сдержать судорожный припадокъ плача). Такъ точно. Шесть синенькихъ бумажекъ.

Верганъ. Чортъ возьми! Правда? И нумера, конечно, неизвѣстны. Дѣти мои, вы непростительно легкомысленны. Объ этомъ нужно было раньше подумать. Теперь это ни къ чему. Слышите, Филицъ? Раньше подумать!.. Теперь я самъ готовъ разревѣться... Понимаете? Наличныя деньги кладутъ въ банкъ. Да и вообще вся эта исторія... Нельзя такъ оставлять свое добро. Свое имущество нельзя такъ бросать, въ особенности, гдѣ такая сволочь завелась.

Филицъ. Я же... ахъ... кто бы могъ подумать, г. начальникъ.

Верганъ. Положите же ваши часы.

Филицъ. Я человѣкъ смирный, г. начальникъ. Я же... я... я... Ахъ, ты, Боже мой! Я не пойму, какъ это случилось... Съ людьми я живу въ ладахъ, не ссорюсь... Промахи-то я дѣлалъ въ жизни. Въ дурномъ обществѣ безъ этого не проживешь. Но что они со мною такую штуку сыграли, такъ я этого, видитъ Богъ, не заслужилъ.

Фрау Филицъ (сквозь слезы). Филицъ, я тебѣ что всегда говорила! Чья теперь правда, а? Кто теперь правъ? Лично изъ-за насъ враговъ ты себѣ не нажилъ. Тутъ совсѣмъ другая исторія. Г. фонъ-Верганъ узнаетъ, почему.

Филицъ. И, мать, молчи, это же была моя обязанность.

(Еде полушутя, полусерьезно грозитъ Филицу кулакомъ, сзади, надъ его головой. Верганъ замѣчаетъ это).

Верганъ. Эй, вы тамъ! Что вы тутъ сдѣлали? Вы же стояли за Филицемъ и держали надъ его головой кулакъ.

Эде. Я просто грудь расправилъ.

Вергапъ. Послушайте, я вамъ вотъ что скажу: сумасшедшимъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ. А если вы еще позволите себѣ дерзости, такъ вы еще угодите въ яму!.. Я васъ не совсѣмъ понялъ, фрау Филицъ. Вы на что-то намекали. Есть у васъ на кого-нибудь подозрѣніе? Въ подробности вдаваться я не стану. Вы, можетъ-быть, подозрѣваете, какъ бы это выразиться, какой-нибудь актъ политической мести? Тогда вамъ безусловно нельзя останавливаться. Тогда-то ужъ мы выяснимъ всю подноготную.

Фрау Филицъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Нѣтъ, у меня ни малѣйшаго подозрѣнія. Я лучше пойду побираться на большую дорогу. Винить же человѣка я не берусь. Не знаю. Я тутъ ничего не понимаю. Свидѣтель Богъ! Я ровно ничего не знаю. Все было заперто на ключъ. Мы уѣхали. Огонь на кухнѣ потушили, плита была холодная. И какъ только это могло случиться? Не могу понять. Я ровно ничего не знаю. Но, видите ли, разъ ужъ тутъ нашелся такой молодчикъ и начинаетъ какіе-то намеки дѣлать! Это кого хочешь задѣнетъ.

Вергапъ. Объ этомъ вы ни капельки не тревожьтесь. Къ чему бы насъ это привело? Кто въ наше время ходитъ въ церковь, на того весь свѣтъ возстаетъ. Вы только положитесь на меня. (Роется въ бумагахъ). Кстати, я тамъ кое-что спасъ. Портретъ вашего покойнаго мужа. По крайней мѣрѣ, я думаю, что это онъ. Въ оправѣ изъ козульихъ ножекъ. (Находитъ портретъ и передаетъ его фрау Филицъ). Вотъ!

Фрау Филицъ (беретъ портретъ, быстрымъ движеніемъ схватываетъ руку Вергана и со слезами цѣлуетъ ее).

Эде (довольно громко). Нѣтъ ли у кого ненарокомъ кусочка губки? А то какъ бы чулки не замочить!

Вергапъ. Запишите его, Глазенапъ! Вонъ! Сейчасъ же! Проваливайте.

(Эде уходитъ со смѣшными движеніями рукъ и ногъ. Сдержанный смѣхъ).

Вергапъ. Я удивляюсь на васъ, Лангтейнрихъ. Рожа— ну прямо на висѣлицу. Этакій головорѣзъ! Этакій вольнодумецъ! Ужъ не разъ отсиживался за уличные безпорядки. А вы его дѣржите и кормите.

Лангтейнрихъ. Это меня не касается, г. начальникъ. Я не вмѣшиваюсь въ политику.

Вергапъ. Да? Неужели? Ну, это мы еще посмотримъ.

Лангтейнрихъ. Разъ кто мастеръ своего дѣла...

Верганъ. Болтовня! Вздоръ! Скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ. (Слышенъ ропотъ и говоръ множества людей. Входитъ вахмистръ Шульце, въ полномъ парадѣ).

Верганъ. Гдѣ же вы нынче изволили пропадать, Шульце?

Жандармъ Шульце (въ первое мгновеніе растерялся, потомъ говоритъ). Позвольте доложить! Парня-то мы поймали.

Верганъ. Такъ. Кто же?

Жандармъ Шульце. Я и Чахе.

Верганъ. Гдѣ?

Жандармъ Шульце. Да тутъ рядышкомъ, у церкви.

Верганъ. Что-о? Здѣсь, возлѣ новаго храма Божьяго?

Глазенапъ. Онъ тамъ всегда сидитъ, прислушивается къ колоколу.

Верганъ. Почему же вы объ этомъ не доложили раньше? Онъ хотѣлъ убѣжать? Бѣжалъ?

Жандармъ Шульце. Онъ сидѣлъ во рву и не замѣтилъ насъ. Чахе подъѣхалъ къ нему прямо въ упоръ. Ну, а тамъ мы его сейчасъ же за шиворотъ. (Уходитъ назадъ и беретъ Густава, котораго привелъ Чахе. За ними врывается нѣсколько человѣкъ).

Верганъ. Гм!.. Во всякомъ случаѣ онъ въ нашихъ рукахъ. Мнѣ это нѣкоторымъ образомъ жаль! Сынъ блаженной памяти прусскаго жандарма... Никто не извѣщалъ старика Раухгаупта? Пусть кто-нибудь сходитъ за нимъ.

Фрау Шульце. Я тутъ хожу за больною, г. начальникъ. Нельзя ли мнѣ... мнѣ бы вотъ уйти...

Верганъ. Пишите протоколъ, Глазенапъ. Нѣтъ, фрау Шульце, покуда что вы должны быть здѣсь. Да мы скоро кончимъ. Ну-те-съ, приступимъ къ протоколу... (Откидывается назадъ въ кресло и смотритъ въ потолокъ, какъ бы стараясь собраться съ мыслями для диктовки).

Ланггейнрихъ (тихо, доктору Боксеру). Взгляните-ка на фрау Филицъ, докторъ! Ну, что? Она вѣдь совсѣмъ пожелтѣла? Тутъ, доложу я вамъ, кой-что не ладно. (Зажавъ что-то въ рукѣ, показываетъ доктору Боксеру, который отстраняетъ). Хотите посмотрѣть? Да? Это же фитиль.

Д-ръ Боксеръ (тихо). Какъ онъ сюда попалъ?

Ланггейнрихъ. А этого ужъ я не знаю! Откуда угодно могъ попасть. И изъ погреба Филицевъ. Ну да! Развѣ вамъ не кажется? И пожелай я только насолить, докторъ...

Верганъ. Частнымъ разговорамъ здѣсь не мѣсто.

Фрау Филицъ (дергаетъ Ланггейнриха и спрашиваетъ потихоньку). Вы встрѣчали сегодня Леонтину? А гдѣ?

Ланггейнрихъ (съ торжествующимъ взглядомъ въ сторону Шульце). По сю сторону Вольтерсдорфскаго лѣса.

Верганъ. Такъ вотъ, Глазенапъ... Ужасныя исторіи. Въ нынѣшнюю осень это уже седьмой пожаръ. Это теперь называется цивилизованнымъ обществомъ! Эта шайка поджигателей смѣетъ считать себя христіанами! Стоитъ только вечеромъ выйти на балконъ, всегда гдѣ-нибудь зарево. Иногда въ ясныя ночи я насчитывалъ на небѣ до пяти подъ-рядъ... Издѣвательство надъ судомъ и закономъ! У мерзавцевъ такъ это вошло въ моду, какъ будто это праздничное развлеченіе. Но погодите! Потерпите, господа. Мы напали на слѣдъ! Держимъ слѣдъ! Кого поймаемъ, тому придется самымъ ужаснымъ образомъ опомниться, когда возмездіе нагрянетъ врасплохъ... Кто сколько-нибудь смыслитъ въ криминалистикѣ, тотъ знаетъ, что она медленно, но вѣрно подвигается впередъ и въ концѣ концовъ ловитъ преступника навѣрняка... А ландратъ Штекель совершенно основательно замѣтилъ: полное паденіе нравственности, одичаніе по всей линіи—слѣдствіе недостатка религіи! А образованные люди осмѣливаются посягать на божескія основы, на которыхъ зиждется зданіе спасенія. Но, слава Богу, мы-то на посту! Мы, такъ сказать: toujours en vedette!.. А тебѣ, паренекъ, тебѣ я тоже скажу: Богъ-то есть! Понялъ, есть Богъ въ небесахъ, отъ котораго не укроется ни единое мерзостное дѣяніе. Любовь къ ближнему! Христіанскій духъ! Брюки натянуть да по заду отшлепать! Я у тебя отобью охоту баловаться огнемъ! Подлый олухъ! Негодяй!.. Такъ вотъ, докторъ Боксеръ. Вы меня понимаете! Вы можете преспокойно пожимать плечами, право же, это меня ничуть не тревожитъ. Можете даже и за перо схватиться и на всѣхъ перекресткахъ караулъ кричать! Палка! Пощечины! Христіанское воспитаніе! Безъ чувствительныхъ словъ, поняли? Передъ Буддой мы не струсимъ!

Густавъ (въ свою очередь все болѣе и болѣе возбуждается возрастающимъ раздраженіемъ оратора, такъ что къ концу рѣчи онъ уже не можетъ больше совладать съ собой и разражается громкимъ, до полной иллюзіи схваченнымъ ослинымъ крикомъ). И! а! а! а! И! а! а! а! (Замѣшательство).

Верганъ (также въ замѣшательствѣ). Что это значитъ?

Глазенапъ. Право, не знаю.

Ланггейнрихъ. Это его конекъ, г. начальникъ. Густавъ славится умѣньемъ подражать звѣринымъ крикамъ!

Верганъ. Вотъ какъ! И чей же это былъ крикъ?

Ланггейнрихъ. Повидимому, льва. (Громкій хохотъ).

Верганъ (пожимаетъ плечами, насмѣшливо улыбается и направляется къ своему мѣсту. Тишина. Потомъ новый взрывъ хохота). Прошу потише! Нечего тутъ смѣяться! Тутъ намъ не до праздныхъ остротъ. Шутить тутъ не мѣсто. Мы здѣсь разбираемъ очень серьезное дѣло. Это не потѣха въ циркѣ! (Входитъ Раухгауптъ. Онъ останавливается и безпомощно и тупо озирается кругомъ).

Фрау Филицъ (дергаетъ за сюртукъ жандарма Шульце, который стоитъ тутъ же возлѣ нея, повернувшись къ ней спиной; онъ оборачивается, и она съ озабоченнымъ видомъ спрашиваетъ его). Вы сегодня видѣли дѣвчонку?

Жандармъ Шульце (киваетъ головой и отворачивается).

Фрау Филицъ (какъ выше). Вы сегодня утромъ видѣли Леонтину?

Жандармъ Шульце (снова киваетъ головой и отворачивается).

Фрау Филицъ (какъ выше). А гдѣ вы ее встрѣтили, г. вахмистръ?

Жандармъ Шульце (почти не шевеля губами). Пройдя Вольтерсдорфскій лѣсъ.

Раухгауптъ (Ланггейнриху). Что тутъ случилось? Что тутъ такое?

Верганъ (замѣтивъ Раухгаупта). Вы прусскій вахмистръ съ пенсіей?

Раухгауптъ (не разслышавъ вопроса). Шульце, товарищъ, что тутъ такое?

Жандармъ Шульце. Г. баронъ о чемъ-то спрашиваютъ тебя. Я не могу сообщить тебѣ никакихъ свѣдѣній, это противорѣчитъ моимъ инструкціямъ. Ты бы построже смотрѣлъ за парнемъ. Я тебя сколько разъ училъ.

Раухгауптъ. Не знаю, чему ты меня училъ!.. Этакій старый болванъ! Училъ!

Жандармъ Шульце. Прошу занести въ протоколъ, Раухгауптъ оскорбилъ меня при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Раухгауптъ. Что-о? Это тѣмъ, что ты старый безтолковый дуралей? Значитъ, я этимъ оскорбилъ тебя при исполненіи служебныхъ обязанностей...

Верганъ. Милѣйшій! А вы знаете, гдѣ вы? Вы изъ дальней Индіи, что ли, являетесь? Да чортъ бы васъ побралъ! Смирно! Слушаться приказаній!

Раухгауптъ. Слушаюсь! Позвольте почтительнѣйше доложить, г. начальникъ...

Верганъ. Что вы, упрямый бунтовщикъ! Накличете вы, добрѣйшій, бѣду на себя! Давно ли вы въ отставкѣ?

Раухгауптъ. Одиннадцать лѣтъ.

Верганъ. Вдобавокъ у васъ, повидимому, еще и память не въ порядкѣ. Да и вообще этакая вотъ наружность! Чортъ возьми! Этакая внѣшность у стараго вахмистра... Я такихъ и не видывалъ.

Раухгауптъ. Я же... Почтительнѣйше прошу извинить...

Верганъ. Никакихъ извиненій! Поняли? Отъ васъ прямо воняетъ. Вы заражаете воздухъ.

Раухгауптъ. Да это же просто запахъ землицы...

Верганъ. Конскаго навоза.

Раухгауптъ. Должно-быть, отъ ананасовъ... (Смѣхъ).

Верганъ. Вотъ что: пожалуйста, поскорѣе убирайтесь, а то, я ужъ сказалъ... Ну, маршъ! маршъ! маршъ! Вы, вѣроятно, видѣли, что тутъ происходитъ, а больше вамъ тутъ дѣлать нечего. Кончено! Вотъ тутъ бумаги, вахмистръ! И прямо въ судъ.

(Передаетъ Шульце бумаги, жандармы побрякиваютъ саблями, берутъ Густава и собираются уводить его. Въ это время Раухгауптъ, вытаращивъ глаза съ возрастающею боязнью, безпомощно озирается кругомъ. Тишина).

Боксеръ. На мой взглядъ, г. начальникъ, мальчикъ больной. Простите, что я еще разъ вмѣшиваюсь...

Ланггейнрихъ. Мальчишка съ придурью, онъ совсѣмъ сумасшедшій.

Фрау Шульце. Нѣтъ, нѣтъ, г. докторъ! Да нѣтъ же, Ланггейнрихъ, юнецъ знаетъ, что дѣлаетъ. Мнѣ тутъ повезло, одиннадцать цыпляточекъ у меня вывелось, такъ онъ цѣлыхъ семь штукъ перебилъ.

Жандармъ Шульце. И,—тетка, а та давешняя исторія, какъ онъ у васъ сумочку-то стянулъ.

Фрау Шульце. Ахъ, да, и сумочку—со всѣмъ, что въ ней было. Да еще какъ изловчился-то... ловчѣе и здоровый не устроитъ!

Жандармъ Шульце. И потомъ еще большой платокъ...

Фрау Шульце. Да, да, а съ карманнымъ-то пистолетомъ. Мальчикъ въ здравомъ разсудкѣ, вполнѣ. На то я старая опытная женщина.

Раухгауптъ. Кто ты такая? Кто ты? Старая вѣдьма, да еще съ длиннымъ дряннымъ языкомъ! Ты сперва на себя погляди, чѣмъ другихъ-то оговаривать. Вотъ если-бъ кто-нибудь въ твои дѣла заглянулъ, насчетъ воспитанія

дѣтей и прочаго, чтобы, значитъ, ангелочки въ небесахъ не переводились!—тутъ такія штуки вышли бы наружу,—да, да!—что тебѣ лучше бы не видѣть и не слышать... Въ чемъ тутъ дѣло? Что тутъ такое съ Густавомъ? Я долженъ наконецъ знать, что тутъ такое.

Верганъ. Молчать!!! (Жандармамъ) Направо кругомъ—маршъ!

Раухгауптъ. Стой, говорю! Куда же это, этакъ-то не годится. Про это нигдѣ не писано. Я тутъ отецъ этому ребенку. Что онъ такое сдѣлалъ? Что онъ могъ сдѣлать такое? Густавъ! Въ чемъ они тебя наконецъ обвиняютъ? Я въ шлезвигъ-гольштейнскомъ походѣ участвовалъ. Въ шестьдесятъ шестомъ году былъ въ бою, а въ семидесятомъ раненъ. Вотъ моя нога, а вотъ рубцы. Я прусскому королю служилъ...

Верганъ. Вы намъ надоѣли съ вашими старыми исторіями.

Раухгауптъ. Съ Богомъ за короля и отечество! Но вотъ этого, этого я не позволю. Я хочу знать, что тутъ такое съ Густавомъ!

Верганъ. Эй, вы! Послушайте! Теперь вамъ пора и за умъ-то взяться! Я вамъ уже сказалъ. Только принимая во вниманіе ваши заслуги, я на многое сквозь пальцы смотрѣлъ. Вотъ вамъ послѣдняя льгота, смотрите. Этотъ фруктъ, вашъ сынокъ, тутъ домъ поджегъ,—по меньшей мѣрѣ сильно въ этомъ заподозрѣнъ. А теперь убирайтесь-ка прочь съ дороги и не мѣшайте больше служащимъ. Ну, Шульце, пошли!

Раухгауптъ. Домъ поджегъ??? Здѣсь? Вотъ этотъ? У... тамъ? Тамъ? У Филицевъ? Густавъ? Мой сынокъ? Вотъ этотъ мальчикъ? Боже правый! Не смѣшно ли! Хотя тутъ никто не смѣется! Да ну, Шульце, не дѣлай глупостей! Я вѣдь тоже свѣтлыя пуговицы носилъ... Здравствуйте, фрау Филицъ! Ну, Филицъ, какъ дѣла? Куда же ты думаешь вѣшать свои часы?

Фрау Филицъ. Вотъ видите, онъ еще издѣвается.

Раухгауптъ. Да нѣтъ же! Чѣмъ же я надъ тобой издѣваюсь? Это же такое несчастіе! Господи, Боже мой, вотъ еще. Все-то прахомъ пошло. При такихъ-то обстоятельствахъ,—нѣтъ, нѣтъ, я надъ тобой не издѣваюсь. Вообще-то я спуску не дамъ, я такихъ молодцовъ осаживалъ, что изъ моихъ товарищей никто бы не посмѣлъ. Кое-что попадало.

Согласенъ! Но, прежде чѣмъ связаться съ такой, какъ ты, я лучше тутъ же на мѣстѣ повѣшусь.

Фрау Филицъ (почти посѣрѣвъ въ лицѣ, дрожащими губами, но все-таки въ сильномъ воодушевленіи и съ достаточной энергіей). Чего онъ тутъ ко мнѣ привязался? Что собственно я ему сдѣлала? Что я съ этимъ подѣлаю, разъ такъ вышло? Я ничего не видѣла. Меня при этомъ не было. Я никого не подозрѣваю. А что они задержали мальчишку, такъ я объ этомъ знала не больше вашего.

Раухгауптъ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Посмотри-ка на меня.

Фрау Филицъ. Глупости! Оставь меня въ покоѣ. Оставь меня въ покоѣ и не заводи тутъ исторій, я и безъ того намыкалась вдоволь. И доктора говорятъ, не слѣдуетъ, молъ, волноваться, а то одинъ мигъ—и нѣтъ человѣка! А тутъ вотъ онъ какой... не знаешь, куда и голову приклонить... мы не знаемъ, гдѣ и ночевать-то будемъ. Прямо на улицѣ очутились—ни живъ ни мертвъ человѣкъ. и шабашъ, и...

Раухгауптъ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Ну-ка, погляди на меня?..

Фрау Филицъ. Оставь меня въ покоѣ и проваливай. Я не позволю тебѣ такъ со мной обращаться! Ну, я могу смотрѣть на тебя. Отчего же нѣтъ? Я могу смотрѣть на тебя три дня и три ночи, и одно только и увижу, что ты оселъ. Если теперь все это сваливаютъ на мальчика, такъ кто же въ этомъ больше всего виноватъ? Ты что говорилъ про мальчика? Ты говорилъ:—крадетъ, съ огнемъ пошаливаетъ, стогъ соломы спалилъ у тебя, а теперь вотъ дива дался, что такъ вышло! Ты бѣднаго мальчика всего исполосовалъ... Мальчишка прибѣжалъ ко мнѣ, у него было столько синяковъ, что на всемъ тѣлѣ живого мѣста не осталось. А теперь вотъ оказывается, онъ, молъ, сумасшедшій.

Вергаиъ (подаетъ жандармамъ знакъ, они берутъ Густава и ведутъ его къ двери. Раухгаупть замѣчаетъ это, съ быстротою молніи подскакиваетъ къ Густаву, схватываетъ его обѣими руками за плечи и не даетъ уводить).

Раухгаупть. Нѣтъ! Я этого не допущу, г. начальникъ! Мой Густавъ вовсе не преступникъ! Жилъ я тутъ себѣ тихо, скромно, а теперь вотъ въ передрягу попалъ. Прежде всего должны быть улики. (Ланггейнрихъ) Возможное ли это дѣло, мейстеръ? (Ланггейнрихъ пожимаетъ плечами). Да тутъ весь народъ—мошенники, это же... Не плачь, Густавъ. Видитъ Богъ, они не могутъ повредить тебѣ...

Верганъ. Руки прочь! Или я... Руки прочь!

Раухгауптъ. Я могу присягнуть, г. начальникъ, что тутъ... что мальчикъ тутъ невиновенъ.

Верганъ. Tempi passati! Накличете вы на себя бѣду. Въ послѣдній разъ: руки прочь!

Раухгауптъ. Да я его на мѣстѣ убью, г. начальникъ.

Верганъ (становится между ними, отталкиваетъ Раухгаупта отъ его сына). Да прочь же! Вы не тронете мальчика! Посмѣйте,— вахмистръ, шашку наголо!

Раухгауптъ (блѣдный какъ мѣлъ, въ безумномъ возбужденіи, вырывается и становится передъ выходомъ). Не губите меня, г. начальникъ, ради Царя Небеснаго. Тутъ дѣло чести! Тутъ дѣло чести, г. начальникъ. Только не это, г. начальникъ, не дѣлайте этого. Я вамъ вотъ что предложу. Я залогъ положу. Сбѣгаю и принесу залогъ. Я сейчасъ же вернусь, г. начальникъ. Ну? Идетъ? Или нельзя?

Верганъ. Вздоръ, прочь съ дороги!

Раухгауптъ. Я знаю, кто это сдѣлалъ. (Верганъ отталкиваетъ Раухгаупта въ сторону, жандармы уводятъ Густава. Въ это же время д-ръ Боксеръ и Лангейнрихъ подхватываютъ и крѣпко держатъ Раухгаупта. Онъ тупо поникъ головой. Тишина. Верганъ молча отходитъ къ своему столу, сморкается, взглядываетъ на Раухгаупта и фрау Вольфъ и садится).

Верганъ. Зажгите лампу, Глазенапъ.

Глазенапъ (зажигаетъ лампу на столѣ).

Фрау Филицъ. Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ такъ! Вѣдь этакій человѣкъ! Готовъ всю деревню заподозрѣть.

Верганъ. Эй, вы! Фрау Шульце! Проваливайте. (Фрау Шульце быстро уходитъ).

Фрау Филицъ. Я хотѣла бы спросить, г. начальникъ... Мы еще совсѣмъ не знаемъ, гдѣ и ночевать-то будемъ.

Верганъ. Да вы никакъ спите, Филицъ?

Филицъ (громко изъ-за своихъ часовъ). Никакъ нѣтъ, г. баронъ.

Верганъ. А мнѣ показалось, ужъ очень у васъ голова повисла.

Филицъ (съ дѣтской наивностью). Я только слѣдилъ за стрѣлкой.

Верганъ (фрау Филицъ). Вы хотите уйти?

Фрау Филицъ. Если-бъ уже можно было... А то я насилу на ногахъ держусь.

Верганъ. Я думаю. Прошлую ночь вы когда поднялись?

Фрау Филицъ.— — — — —?

Филицъ. Встали-то около восьми.

Верганъ. Вы всегда такъ поздно выползаете изъ постели?

Фрау Филицъ. Ахъ, нѣтъ, мой мужъ сегодня совсѣмъ очумѣлъ. Мы ужъ около пяти были на ногахъ. Къ пяти мы всегда на ногахъ!

Верганъ. Ну, фрау Филицъ, теперь ступайте домой... Нѣкоторымъ образомъ мнѣ это непріятно... Правосудіе пойдетъ теперь своимъ чередомъ. Солнце все выведетъ на свѣтъ. Преступники очень плохо кончаютъ... Вѣчный Судія не оставляетъ ихъ... И вы тоже! Идите домой. Отправляйтесь домой и ждите. Сегодня я закрываю глаза, ваше отцовское чувство ослѣпило васъ.

Раухгаупть (выходитъ впередъ). Осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, г. начальникъ...

Верганъ. Уходите! Уходите! Чего вамъ еще надо? Бросьте, голубчикъ, вашъ вздоръ.

Раухгаупть (подступивъ къ фрау Филицъ). Какъ Богъ святъ! Накрою-жъ я тебя!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната при кузницѣ Ланггейнриха. Налѣво два маленькихъ окна съ занавѣсками. У одного изъ нихъ кресло, въ которомъ сидитъ фрау Филицъ. Она замѣтно исхудала и постарѣла.—У второго окна швейная машина и передъ нею стулъ. На немъ виситъ сюртукъ, надъ которымъ работали. На самой машинѣ лежитъ блуза. Дверь въ задней стѣнѣ ведетъ въ комнату на чердакѣ. Налѣво отъ нея—коричневая изразцовая печь, направо—желтый полированный гардеробъ. Такая же дверь и въ правой стѣнѣ, ведущая въ сѣни. У той же стѣны стоитъ приготовленная кровать и дальше, къ авансценѣ, желтый комодъ. Надъ комодомъ висятъ часы. Сапожникъ Филицъ, стоя на комодѣ въ однихъ чулкахъ, заводитъ часы. Онъ безъ сюртука, опрятно одѣтъ, въ праздничныхъ брюкахъ и въ праздничномъ жилетѣ. По серединѣ комнаты раздвижной столъ. Надъ нимъ висячая лампа. Вокругъ стола четыре желтыхъ стула, пятый стоитъ у кровати. Кузнецъ Ланггейнрихъ и Эде, въ рабочемъ платьѣ, заняты у стола. Ланггейнрихъ держитъ желѣзный флюгеръ, въ видѣ пѣтуха, который Эде раскрашиваетъ въ красную краску. Эде и Ланггейнрихъ разражаются хохотомъ.

Филицъ (который за время ихъ смѣха успѣлъ завести часы). Опять кто-то испортилъ.

Ланггейнрихъ. Ну, конечно! Иначе и не будетъ. Ты бы за этимъ построже наблюдалъ.

(Снова смѣхъ).

Филицъ. Я прямо говорю, ужъ если я кого поймаю! Ни на что не посмотрю.

Ланггейнрихъ. Хорошенько! Слѣдуетъ! Кто бы то ни былъ! По-моему, это Леонтина.

Фрау Филицъ. Дѣвка-то къ часамъ вовсе и не подходитъ.

Ланггейнрихъ. Ну, положимъ!

Филицъ. Никому не поздоровится, поняли! Съ этимъ у меня шутки коротки.

Эде. А въ лавку тоже надо бы часы...

Ланггейнрихъ. Непремѣнно! Я же это всегда говорилъ! Лавка на углу скоро будетъ готова, а часовъ-то туда у него и нѣтъ. Вотъ ему и нельзя будетъ открыть торговлю.

Филицъ. Поджигатели! Пройдохи! Сволочь! Смѣйтесь! Только вамъ до меня-то не дорасти.

Ланггейнрихъ. Да гдѣ ужъ намъ! Тутъ ужъ мы—пасъ. Сколько условій уже заключилъ? Я разумѣю, по части поставокъ. Должно же что-нибудь быть на складѣ!

Фрау Филицъ. Да оставьте вы его въ покоѣ, мейстеръ.

Филицъ. А ты поди ко мнѣ въ каморку, тамъ у меня письма и условія лежатъ, увидишь. Связки и цѣлые пакеты биткомъ набиты!

Эде (заглядывая въ каморку). Что-то не видать.

Ланггейнрихъ. А ты подними половицы: тамъ-то письма и спрятаны. Нужно же хранить торговую тайну!

Филицъ. Еще бы не хранить! Ишь, молокососы! Сперва грамотѣ выучитесь,—поняли?—чѣмъ соваться въ мои дѣла.

Фрау Филицъ. Да ну, Филицъ, брось ихъ! Будетъ сердиться-то. Мейстеръ же не можетъ безъ шутокъ. Безъ нихъ у него все изъ рукъ валится.

Ланггейнрихъ. Правда, хозяйка, на душѣ у меня сегодня весело. Работишку кончилъ. И если я не свалюсь съ верхушки башни, ужъ и налижусь сегодня самымъ жестокимъ образомъ.

Фрау Филицъ. Вы эту штуку хотите сами туда посадить?

Ланггейнрихъ. Ну, разумѣется! А то какъ же? Шмаровскій сдѣлалъ чертежъ, мать, а я выковалъ, я и понесу его туда.

(Входитъ Леонтина).

Леонтина. А пусть Шмаровскій самъ это сдѣлаетъ.

Эде. Сорваться-то Шмаровскій не боится.

Ланггейнрихъ. Нѣтъ, не боится! По чести говоря,

это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго. Онъ ни Бога ни чорта не боится. Этотъ малышъ, доложу я вамъ... да противъ него Блюхеръ — ничто.

Филицъ. Я вотъ что хочу знать, мейстеръ: кто новый-то домъ выстроилъ?

Ланггейнрихъ. Ну, ну, кто же?

Филицъ. Я! Не Шмаровскій же.

Эде. Ну, разумѣется! Ясное дѣло, Филицъ.

Филицъ. Отъ перваго камня до послѣдняго! Я, и только я. Моя земля, и песокъ мой, и камень мой, и денежки мои! Всю страховую премію ухлопалъ. Спросите мать, такъ ли это.

(Смѣхъ).

Фрау Филицъ. Ахъ, Боже мой, Филицъ, брось ты эту старую ерунду. Въ подобныхъ исторіяхъ ровно никакого толку.

Филицъ. Хорошо! Я тебѣ, мать, докажу. Я хочу выяснить, кто я такой. Вы посмотрите, какую я рѣчь буду говорить.

Фрау Филицъ. Шмаровскій говоритъ — рѣчей-то и не будетъ.

Филицъ. Я не дамъ заткнуть себѣ ротъ ни тебѣ ни Шмаровскому. (Филицъ уходитъ въ каморку).

Ланггейнрихъ. Смотрите хорошенько, мать, чтобы опять за обѣдомъ чего не случилось. Я разумѣю, какъ бы скандалъ не вышелъ! Лучше быть чуточку поосторожнѣе.

Фрау Филицъ. А вамъ надо смотрѣть въ оба. Съ самаго начала приналечь на хмельное. Мужа-то сегодня ничѣмъ не удержишь. Хочетъ быть на обѣдѣ для каменщиковъ и только.

Ланггейнрихъ. А Шмаровскому вчера попало.

Эде. Вчера вечеромъ, какъ же, на собраніи.

Фрау Филицъ. Въ своей рѣчи онъ немного погорячился.

Ланггейнрихъ. А вамъ, поди, это на руку! Такъ оно и будетъ! Шельма вотъ какъ говорилъ, хозяйка: все собраніе заревѣло «браво». Прямо съ плеча рубилъ.

Фрау Филицъ. А по-моему, ему вовсе не слѣдовало такъ ужъ горячиться.

Ланггейнрихъ. Хлестко! Наотрѣзъ! А почему бы нѣтъ? Что на душѣ, то и на языкѣ! Спуску не давать! Все общество не стоитъ большаго. Ни Верганъ ни Фридерици. Да и вообще, хозяйка, это хорошо. Моментъ-то былъ на рѣд-

кость! Со своей братіей онъ теперь совсѣмъ разорвалъ. Теперь всякій знаетъ. Тутъ ужъ безповоротно. Теперь онъ совсѣмъ нашъ человѣкъ, хозяйка. Этого я отъ него вовсе не ожидалъ.

Фрау Филицъ. Вы имъ, мейстеръ, можете быть довольны, въ мастерской у васъ теперь сплошной гулъ стоитъ. Четверо помощниковъ...

Ланггейнрихъ. Что и говорить! Объ этомъ я не спорю. Людямъ отъ него перепало. При помощи пастора Фридерици, его церковной кружки, мнѣ не удалось встать на ноги. То не пошло! А теперь вотъ сразу пошло. Конечно... А теперь, мать, поглядывайте въ окошко, когда я буду на самомъ верху. Я кивну, крикну и затѣмъ — прыгну внизъ!

(Ланггейнрихъ и Эде уходятъ съ башеннымъ пѣтухомъ. Короткое молчаніе).

Фрау Филицъ. Какъ бы Раухгауптъ сегодня опять не пришелъ?

Леонтина. Ну, мать, я не пойму, чего ты все боишься? Такого стараго дурака, какъ Раухгауптъ. Пусть приходитъ, сколько душѣ угодно,— пусть болтаетъ! А хоть бы и болталъ. Дѣтской болтовни никто не слушаетъ!

Фрау Филицъ. Поди, опять всюду съ три короба нагородилъ.

Леонтина. Пускай. Я и письма получала. Вотъ опять одно, мать. (Бросаетъ письмо въ конвертѣ). Я ничуть не тревожусь. Да и всего-то отъ этого желѣзнодорожнаго чиновника.

Фрау Филицъ. Это могъ быть и вахмистръ Шульце.

Леонтина. А то и помощникъ учителя Ленерта, коль на то ужъ пошло!

Фрау Филицъ. Да ну, брось ихъ! Парни ревнуютъ — да и новому дому Шмаровскаго имъ завидно. Они рады бросать въ насъ грязью. Только нѣтъ! Не такъ-то это просто теперь.

Леонтина (сшила пару стежковъ). Посмотри, мама, что я нашла!

Фрау Филицъ. Да шей же, шей, шей! Нечего зѣвать. Платье должно быть готово къ двумъ. Адельгейда уже опять присылала!.. Развѣ вотъ сбѣгай въ лавку и принеси двѣ бутылки вина, чтобы у насъ было чѣмъ чокнуться, когда они придутъ. Они, видно, скоро кончатъ.

Леонтина. Тутъ выпрямляющій корсетъ жены мейстера.

Фрау Филицъ. Несчастная была женщина: и шнуровали-то, и перевязывали, и затягивали, а отъ горба все-таки не избавилась.

Леонтина. Зачѣмъ же ей тогда было рядиться?

Фрау Филицъ. Ахъ, оставь ее въ покоѣ! Она его заслужила.

Леонтина. А она вотъ является привидѣньемъ на чердакъ, къ постели Ланггейнриха.

Фрау Филицъ. Да брось же ее! Брось! Не говори больше. Онъ порядкомъ-таки измучилъ ее, хотя она много ему принесла. Ей все время приходилось только шить да зарабатывать... Ничего удивительнаго, что она и въ гробу не находитъ покоя.

Леонтина. А кто же ей велѣлъ выходить за Ланггейнриха?

Фрау Филицъ. И. — брось эти старыя исторіи! Про старое я и знать не хочу. У меня и безъ того вся голова кругомъ. Я вообще не знаю, что со мной такое. Ужъ и безъ того чертовщина иногда торчитъ передъ глазами.

Леонтина. А если онъ и меня такъ-то вотъ захочетъ обмануть...

Фрау Филицъ. Мейстеръ-то? Ну, и пусть его. Въ этихъ дѣлахъ всѣ они никуда не годятся. Если-бъ среди нихъ хоть одинъ сыскался, на кого на дѣлѣ-то можно было бы понадѣяться... да, это была бы для меня совершенная новинка... Главное, вотъ что: всегда быть на чеку. Человѣкъ онъ не дурной. Разсуждаетъ совершенно здраво. Не мотай. Сама знаешь, какъ онъ разсчетливъ! Тряпки его береги. За дѣвчонкой его поухаживай. Вѣдь онъ же ничего не имѣетъ противъ твоего мальчика. (Филицъ, въ праздничномъ платьѣ, снова появляется изъ каморки). Въ такомъ видѣ тебѣ нельзя ходить на обѣдъ! Поди сюда, я тебѣ пуговицу покрѣпче пришью.

Филицъ. Да нельзя же такъ! Совсѣмъ свихнулась.

Фрау Филицъ (лѣвой рукой держитъ его за край брюкъ и, сидя на стулѣ, начинаетъ шить). Что-жъ тутъ подѣлаешь, если человѣку стало трудно двигаться?! О тебѣ и безъ того достаточно заботятся.

Филицъ. Было да прошло! Не лги! Я — какъ старый сапогъ! Вы меня совсѣмъ въ уголъ забросили... Это ты перевела мои часы?

Леонтина. Ну, конечно! А то стучатъ. (Уходитъ).

Филицъ. Погоди ты у меня!

Фрау Филицъ. Да вѣдь мейстеръ просто пошутилъ, Филицъ!

Филицъ. Я вамъ всѣмъ покажу, мать, разъ ужъ я въ люди вышелъ. Я еще сегодня со всякимъ помѣряюсь.

Фрау Филицъ. Ну, еще бы, само собой разумѣется.

Филицъ. Ты вотъ погоди годика два, кто больше денегъ положитъ въ карманъ: Шмаровскій, Ланггейнрихъ, или я!

Фрау Филицъ. Да что у тебя всегда съ Ланггейнрихомъ? Онъ пріютилъ насъ у себя въ домѣ...

Филицъ. Конечно,—потому что онъ скряга, потому что онъ хочетъ подороже содрать съ жильца.

Фрау Филицъ. А ты радуйся, что мейстеръ—такой человѣкъ.

Филицъ. А къ чему эта исторія съ фитилемъ?.. А ты, мать, знай, ползай передъ нимъ.

Фрау Филицъ. Что же это была за исторія?

Филицъ. Исторія! А то что-жъ иное! Объ этомъ даже докторъ Боксеръ говорилъ.

Фрау Филицъ. Про твои исторіи я и вѣдать не вѣдаю.

Филицъ. Ну, мать, совѣсть-то у меня чиста!

Фрау Филицъ. Такъ поди и поставь себя подъ колпакъ.

Филицъ. На этотъ разъ, мать, я больше ничего не скажу...

Фрау Филицъ. Глупости!

Филицъ. Ладно!..

Фрау Филицъ. Тутъ Шмаровскій заходилъ. Какъ же теперь съ перезалогомъ?

Филицъ. Онъ меня въ четвертый разрядъ хочетъ отнести?

Фрау Филицъ. Извѣстное дѣло: такая постройка денегъ стоитъ.

Филицъ. Шмаровскій прогоритъ съ этими постройками.

Фрау Филицъ. Глупости!

Филицъ. Нѣтъ, не глупости! Потому что это въ немъ засѣло, какъ болѣзнь.

Фрау Филицъ. Такъ ты теперь согласенъ? Это—главное.

Филицъ. Упаси Богъ, ни по чемъ! На то я раньше былъ комиссаромъ и самыя щекотливыя дѣла вѣдалъ. Да, самъ Верганъ хвалилъ меня, да-съ, и нарадоваться не могъ, какъ я хитеръ былъ... Нѣтъ, мать! Меня-то не проведешь... Считать-то я умѣю! И перомъ владѣю! Я наполовину адвокатъ, мать. Такому-то дѣльцу меня не провести.

(Шмаровскій входитъ, очень озабоченный. Одѣтъ въ другое платье: свѣтлое лѣтнее пальто, изящная шляпа и трость. Въ рукѣ у него свертокъ строительныхъ чертежей).

Шмаровскій. Съ добрымъ утромъ, фрау Филицъ. Ну, какъ ваше здоровье? Простуду-то легко пересилили?

Фрау Филицъ. Благодарствуйте. Налаживается! Садитесь.

Шмаровскій. Да. Посижу. Заслужилъ. Съ четырехъ часовъ утра на ногахъ! Одинъ Богъ знаетъ, какъ я только ползаю.

Филицъ. Съ добрымъ утромъ. Я пока тоже здѣсь.

Шмаровскій. А, здравствуйте, васъ-то я совсѣмъ и не замѣтилъ. Въ эти дни, право, голова у меня кругомъ...

Филицъ. И у меня.

Шмаровскій. Очень просто. Не смѣю сомнѣваться! Можетъ-быть, вамъ нужно переговорить со мной? Милости просимъ.

Филицъ. Сейчасъ некогда! Сейчасъ я занятъ другимъ. Мнѣ нужно повидать одного господина на вокзалѣ. Насчетъ русскихъ резиновыхъ калошъ. Позднѣе! Непремѣнно! А сейчасъ некогда. (Уходитъ въ горделивомъ возбужденіи).

Шмаровскій. А сапожникъ положительно выставляетъ насъ на смѣхъ. Во всѣхъ кабакахъ что-нибудь да затѣваетъ. И недавно вотъ вышла исторія, ну, тамъ, въ залѣ второго класса. Онъ пролѣзъ прямо туда и произнесъ глупѣйшую рѣчь, недалеко отъ почетнаго стола. О фабрикахъ и еще о какихъ-то затѣяхъ.

Фрау Филицъ. Да онъ чисто совсѣмъ рехнулся.

Шмаровскій. Такъ здоровье у васъ ничего?

Фрау Филицъ. Такъ себѣ, да. Только вотъ стуку совсѣмъ не переношу. Какъ бы поскорѣе отсюда убраться!

Шмаровскій. Потерпите! Ради Бога, только потерпите. До сихъ поръ все шло довольно сносно, только теперь еще нельзя торопиться. Все-таки потерпите. Мнѣ самому выгодно покончить съ этимъ. Но, къ сожалѣнію, чудеса творить я не мастеръ. Я радъ, что строшила уже на мѣстѣ. Я знаю, сколько денегъ мнѣ это стоило—а тутъ еще эти исторіи за исторіями. (Показываетъ ей множество вскрытыхъ писемъ). Конечно, всѣ безъ подписи! Подлѣйшія ругательства: по адресу Филица, вашему и, разумѣется, моему.

Фрау Филицъ. Я рѣшительно не пойму, чего люди хотятъ. Свались только съ ногъ, а за тычками дѣло не станетъ. Это во-первыхъ! Иначе не бываетъ. Они же насъ на всѣ лады допрашивали. Мнѣ трижды пришлось въ судъ бѣгать. И если бы дѣйствительно что-нибудь было, то ужъ они бы дознались!

Шмаровскій. Ну, объ этомъ я не стану распространяться! Это дѣло ваше, и меня это нисколько не касается. Что касается лично меня, я людямъ указалъ. А если кто меня тронетъ, такъ онъ самъ будетъ не радъ. Пусть пасторъ Фридерици замѣтитъ себѣ это, въ его карты я часто заглядывалъ... А чтобы ужъ всю правду говорить, то я же, какъ видите, готовъ. Дѣло устроится: только—деньги! Деньги! И деньги!

Фрау Филицъ. Филицъ не желаетъ.

Шмаровскій. Г. Филицъ долженъ!

Фрау Филицъ. Да онъ все еще о лавкѣ мечтаетъ. Нельзя ли оставить какой-нибудь уголокъ?

Шмаровскій. Да вѣдь плательщикъ! Плательщикъ! Не могу. До чего же я дойду, если я съ этого начну? Да на это у васъ своего ума хватитъ. Нѣтъ. Про это нигдѣ не писано. Тутъ и рѣчи быть не можетъ... Между прочимъ, на обѣдѣ будетъ банкиръ, а ему-то, фрау Филицъ, я долженъ изложить все дѣло. Такъ вотъ, чтобы все ужъ было въ порядкѣ. А то... мнѣ придется сѣсть на мель...

Фрау Филицъ. Ну, ну, я ужъ устрою! Будьте спокойны!

Шмаровскій. Ладно. А теперь еще одно обстоятельство. Вы слышали снова про Раухгаупта?

Фрау Филицъ. Слыхала. Про то, что онъ все еще не хочетъ заткнуть себѣ глотку и всюду трезвонитъ о насъ. Та же исторія, что и съ Верганомъ. Я Раухгауптамъ кромѣ добра ничего не дѣлала. А онъ-то ходитъ и ходитъ день изо дня и этими старыми исторіями прямо изведетъ человѣка,—а все это чистѣйшая выдумка! Впрочемъ... ну да!.. кто его знаетъ!.. такой человѣкъ... онъ можетъ до тѣхъ поръ допытываться, пока, пока... наконецъ... чего-нибудь не выйдетъ!

Шмаровскій. Не бойтесь, фрау Филицъ! Дальше они не пойдутъ. Отъ этой исторіи и слѣда не осталось... Кстати ужъ и плотники собираются: мнѣ нужно къ нимъ, пару словъ проронить. Такъ вотъ что: если только Раухгауптъ еще разъ явится, то вы можете у него кое-что вывѣдать. Теперь-то собственно новая полоса пошла. Соціальный вопросъ! Гигантское дѣло! Разумѣется, я и въ этомъ принимаю участіе, какъ и всюду я теперь принимаю участіе. Намъ бы вотъ землю у Раухгаупта... Онъ еще тогда купилъ ее совсѣмъ за безцѣнокъ, и если бы намъ заполучить ее въ одни руки, то тутъ цѣлый милліонъ выскочитъ, а то и больше,

Фрау Филицъ. Вотъ тутъ у меня еще двѣ книжки сберегательной кассы.

Шмаровскій. Премного благодаренъ! Это мнѣ очень кстати. Иногда можно и не поскупиться...

Фрау Филицъ. Дѣвчонка идетъ! Скорѣе! Спрячьте въ карманъ. (Шмаровскій быстро прячетъ книжки, киваетъ фрау Филицъ и поспѣшно уходитъ. Фрау Филицъ полуприподнимается со стула и съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ въ окно). Какъ бы они еще и сегодня не слишкомъ нашумѣли! Ужъ очень тамъ много народу собралось. (Входитъ Леонтина съ тремя бутылками вина и стаканами).

Леонтина. Мама! А мама! Онъ опять здѣсь. Безтолковый Раухгауптъ опять здѣсь.

Фрау Филицъ (вскрикивая). Кто?

Леонтина. Да Раухгауптъ! Идетъ слѣдомъ за мной. (Ставитъ бутылки и стаканы на столъ).

Фрау Филицъ (рѣшительно). Пускай! По мнѣ, пускай приходитъ. Я наконецъ скажу ему всю правду. (Раухгауптъ заглядываетъ въ дверь).

Раухгауптъ. Не помѣшаю, хозяйка?

Фрау Филицъ. Мнѣ-то не помѣшаете.

Раухгауптъ. А развѣ я кому-нибудь мѣшаю?..

Фрау Филицъ. Не могу знать. Смотря кому.

Раухгауптъ (входитъ въ комнату; онъ кажется менѣе опустившимся, чѣмъ прежде). Здравствуйте! Поздравляю, хозяйка. Опять вотъ хочу взглянуть, все ли въ порядкѣ.

Фрау Филицъ (съ вынужденной веселостью). Да вы же, Раухгауптъ, всюду носъ суете.

Раухгауптъ (выпучивъ на нее глаза, съ удареніемъ). Всюду-съ! Есть грѣхъ! Совершенно справедливо... Я тутъ доктора Боксера встрѣтилъ. Онъ скоро къ вамъ собирается. Я у него кое-о-чемъ спросилъ.

Фрау Филицъ. О чемъ же именно?

Раухгауптъ. Про давешнее. Не то онъ Ланггейнриху про что-то говорилъ, не то Ланггейнрихъ ему.

Фрау Филицъ. До вашихъ исторій мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ. Леонтина! Сходи, принеси немного колбасы, чтобы было чѣмъ закусить, если они потомъ еще и сюда пожалуютъ.

Раухгауптъ. А свѣтъ все дальше идетъ.

Фрау Филицъ. А то какъ же! Такъ ужъ устроено!

Леонтина. А не лучше ли мнѣ теперь здѣсь остаться, мать?

Раухгауптъ. Ступай, купи себѣ шелковые чулки.

Фрау Филицъ. Что же это значитъ?

Раухгауптъ. И,—только всего и значитъ. Я думаю, что она тоже графиня. Она же была въ лавкѣ у госпожи Боксеръ... ну, Адельгейда, что за Шмаровскимъ!—приторговывала у старухи шелковую юбку. Она же знатная графиня, фрау Филицъ, на ней вѣдь и красные шелковые чулки были.

Леонтина. У нашей сестры и на бумажные не хватаетъ. (Уходитъ).

Фрау Филицъ. А что вы еще наклевещете на Адельгейду?

Раухгауптъ. Клеветы тутъ нѣтъ никакой,—говорю, что есть! Недавно возчикъ выгрузилъ все пиво, простое пиво, у тетушки Кервидеръ... у Кервидеръ, что тутъ бѣлье стираетъ. Туда-то графиня и пожаловала. Это съ нею бываетъ! А носъ-то задираетъ,—не приведи Богъ! Гордости-то въ этомъ можетъ и не быть,—а потомъ она спрашивала у тетушки Кервидеръ—пьетъ ли бѣдный народъ пиво.

Фрау Филицъ. Да ну васъ,—съ вашими толками да пересудами вы мнѣ надоѣли.

Раухгауптъ. Да, что я васъ хотѣлъ спросить, хозяйка: я тутъ вотъ на новый слѣдъ напалъ.

Фрау Филицъ. Какой же это слѣдъ, Раухгауптъ?

Раухгауптъ. Silentium, какъ говорится! Остерегаться. Не могу сказать. Больше ничего не знаю. Все это я прослѣдилъ по всѣмъ правиламъ искусства. И для разоблаченія приняты мѣры. Въ довершеніе всего я опять къ Вергану ходилъ, онъ меня крѣпко уговаривалъ.

Фрау Филицъ (плутовато). Боже мой, Верганъ. Пользы отъ него много будетъ. Но вѣдь это всѣхъ вашихъ денегъ будетъ стоить.

Раухгауптъ. Вотъ что, хозяйка, разъ ужъ мы теперь разузнали, то я вамъ все на ладонь выложу. Малѣйшая тайна будетъ обнаружена. И прокуроръ снова уши навострилъ! (Палкой и ногой, онъ медленно и угрожающе обводитъ вокругъ фрау Филицъ все болѣе и болѣе узкіе круги). Во-первыхъ, вотъ что: кругъ-то большущій обвели, но, хозяйка, онъ все ужѐ и ужѐ стягивался, и вотъ всѣ они сидятъ въ западнѣ... Я разумѣю: мошенники, которые, значитъ, подожгли. Конечно, хозяйка, васъ я не имѣю въ виду.

Фрау Филицъ. А я бы, конечно, все это дѣло скоро оставила въ покоѣ. Всю-то жизнь наружу все равно не выведешь!

Раухгауптъ. Пари, хозяйка,—сколько? По рукамъ!

Фрау Филицъ. Во-первыхъ, никогда ничего наружу и не выходило...

Раухгауптъ. Пари, хозяйка,—сколько? По рукамъ. Тутъ только терпѣніе нужно. Вы же, хозяйка, велѣли Густаву быть здѣсь въ одиннадцатомъ часу, съ сѣменами-то. Затѣмъ Шульце проходила мимо вашей двери, фрау Филицъ! Отъ слѣдовъ я носа не отвожу.

Фрау Филицъ. А я вамъ вотъ что скажу, Раухгауптъ: до вашего носа мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ! А если, доложу я вамъ, вы съ этимъ не перестанете, если вы по цѣлымъ днямъ все будете насъ обнюхивать, то... ей-Богу, у меня всякое терпѣніе лопнетъ.

Раухгауптъ. Значитъ, вы на меня, хозяйка, жалуетесь.

Фрау Филицъ. По мнѣ, хоть прямо въ глаза говорите. Тогда ужъ будемъ знать, чѣмъ вамъ отвѣтить! А Шульце тутъ клеузничать нечего! Я эту плюху швыркомъ отсюда вышвырнула. А то она пляется сюда да подговариваетъ. Все старается Леонтину къ себѣ переманить. Вахмистру Шульце это очень пришлось бы по вкусу. Но дѣвка у меня не такая! И пошла старая вѣдьма трезвонить! А раньше о васъ трезвонила!.. И не пойму: вы тутъ все жужжите да жужжите! А что дурного случилось съ вашимъ мальчишкой, а? Его устроили. Пріютили! И уходъ за нимъ есть, и ѣда хорошая!

Раухгауптъ. Ну нѣтъ, этимъ-то я себя не утѣшаю. Это, хозяйка, не будетъ тяготѣть надо мной! Ни надо мной ни надъ Густавомъ. Ни по чемъ. Это меня грызетъ! Я такъ не оставлю. Мнѣ это десять лѣтъ жизни стоило. Я ужъ знаю! Знаю, что я выстрадалъ, я изъ-за этого въ петлю полѣзъ. Никогда, ни за что на свѣтѣ. Я-то ужъ разыщу, чье это дѣло. Смѣю васъ увѣрить, я ужъ принялся за это.

Фрау Филицъ. Ахъ, ты, Боже мой, да почему бы и нѣтъ! Сдѣлайте одолженіе! Ворчите! Мнѣ то что до этого? Стану я тутъ вамъ постоянно тревожиться, мнѣ это докторъ запретилъ. Да я...

Раухгауптъ. А вѣдь никто-то, хозяйка, и не знаетъ, въ чемъ тутъ суть. А я знаю. Прибѣжалъ я тогда домой и ни зги не видѣлъ. Я ничего, видитъ истинный Богъ, ничего-то не зналъ, у меня все нутро перевернуло: я только и дѣлалъ, что пыхтѣлъ да пыхтѣлъ. А потомъ я—да!—трупомъ въ постели лежалъ: и сукномъ-то растирали! И щет-

камп! И камфорой вспрыскивали и прочее! И тутъ-то я ужъ ожилъ!

Фрау Филицъ. Да, вы. Раухгауптъ, это уже тысячи разъ разсказывали! Одно думаю, вы совсѣмъ съ ума сиятили. Ну такъ что же? Я тоже пострадала! Мнѣ эта исторія денегъ стоила. Кому же изъ насъ отъ этого хуже стало? Вамъ или мнѣ? Хотѣла бы я знать. Вы здоровы, и какъ еще выглядите сегодня! А я? Что я такое? Каково я нынче выгляжу? Такъ чего же, собственно, вы еще хотите? Я даже свои похороны во снѣ видѣла!.. Такъ вотъ видите, въ чемъ же дѣло? Мѣсто я скоро опростаю. Вамъ уже недолго травить меня. Вотъ что!.. Вы совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ, Раухгауптъ. До того свихнулись... и не повѣришь. Раньше вы все хотѣли избавиться отъ мальчика.

Раухгауптъ. Да вы, хозяйка, Густава-то совсѣмъ и не знаете! Что такое мальчикъ, какъ я его держалъ у себя... и съ дѣтьми онъ ладилъ и все такое! А поетъ-то! И соображеніе есть! И когда онъ недавно убѣжалъ,—изъ смирительной тюрьмы къ Тегелю,—тутъ онъ, хозяйка, усѣлся у церкви, гдѣ онъ всегда ждетъ колокольнаго звона, и попрежнему смирнехонько слушалъ колокола. Вы бы тогда посмотрѣли, какъ это отражается на его лицѣ. Это что-нибудь да значитъ! Онъ только всего-то не можетъ выразить такъ, какъ нашъ братъ выражаетъ.

Фрау Филицъ. Да я тоже потеряла сына, Раухгауптъ! Да! Самаго лучшаго. Вотъ видите! Коситесь послѣ этого на меня. На своемъ вѣку я тоже не шутки шутила... Коситесь на меня! Почемъ знать, можетъ-быть, у васъ всякая охота пропадетъ, если она у васъ еще раньше не пропала.

Раухгауптъ. Я человѣкъ сговорчивый, хозяйка, но тутъ ужъ... Я, хозяйка, сговорчивый человѣкъ. Я не по доброй волѣ полицейскимъ былъ, но вѣдь...

Фрау Филицъ. Ну да! Разумѣется! Кто же этого не знаетъ! Въ томъ-то и дѣло! Теперь вы хуже всѣхъ!.. И все-то сзади, какъ злая собака. А сердце-то у васъ вѣдь доброе, Раухгауптъ! Такимъ васъ всякій ребенокъ зналъ. Господи, ну, послушайте, что же это такое!?.. Откупорьте вонъ ту бутылку! Отчего бы намъ и не выпить по капелькѣ, вмѣстѣ! (Раухгауптъ вытираетъ глаза и идетъ откупорить бутылку). А потомъ можемъ опять грызться! Иначе въ жизни и не бываетъ!.. Этого не измѣнишь: это ужъ отъ глупости. А когда захочешь людямъ открыть глаза: ни за что! Глупость міромъ правитъ. А что мы такое: вы, я и всѣ мы, вмѣстѣ взятые?

Всю-то жизнь мы должны были надрываться и бѣдствовать, каждый по-своему. Вѣдь такъ! Ну вотъ! Мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Кто не поступаетъ, какъ другіе, тотъ лѣнтяй, а кто поступаетъ, того осуждаютъ... А все-то берется изъ навозу. Нашему брату приходится во всякомъ навозѣ копаться! Это называется: быть всегда хорошимъ. А какъ же иначе и быть? Нѣтъ, гдѣ ужъ тутъ намъ помириться! Жаждала я, это правда. И вполнѣ понятно! Хочется выбраться изъ этой тины, въ которой всѣ мы грыземся безъ разбору... Вонъ! Подальше! Куда-нибудь повыше... Правда, что вы хотите уѣхать отсюда, Раухгауптъ?

Раухгауптъ. Я объ этомъ подумывалъ, фрау Филицъ. А почему, это знаетъ только докторъ Боксеръ да я. (Онъ издаетъ глубокій стонъ). Я хочу быть ближе къ Густаву, не только изъ-за этой исторіи, нѣтъ! Мнѣ тутъ больше не житье, теперь здѣсь на меня всѣ такъ косо смотрятъ. (Откупоривъ бутылку и наливаетъ два стакана).

Фрау Филицъ. Ну вотъ еще! Какое намъ дѣло до людей?

Раухгауптъ. Нѣтъ, нѣтъ! Разъ кто такъ-то вотъ поступилъ... тутъ ужъ! Разъ кто до того дошелъ, что—какъ служащій! — взялъ себѣ веревку и... Не пойму, хозяйка! Не пойму, зачѣмъ я это долженъ былъ сдѣлать... Только они вотъ вынули меня изъ петли. (Пьетъ).

Фрау Филицъ. Значитъ, все это правда, о чемъ тамъ толкуютъ?

Раухгауптъ. Видите ли, это разошлось среди людей. И то, что я... какъ служащій! — когда я начинаю думать, нѣтъ, этого ужъ не смоешь ни по чемъ. (Пьетъ).

Фрау Филицъ. А я вотъ что скажу, чокнемтесь! До людей мнѣ никакого дѣла нѣтъ — а если вы хотите продать—по чемъ знать!.. Я переговорю со Шмаровскимъ, въ концѣ концовъ вы, можетъ-быть, сойдетесь. (Входятъ докторъ Боксеръ, Эде и Леонтина).

Д-ръ Боксеръ. Да у васъ тутъ совсѣмъ весело, фрау Филицъ!

Фрау Филицъ. Сегодня! Въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія! Право!

Эде. Молодуха! Хотите посмотрѣть, молодка? Ланггейнрихъ на самой верхушкѣ пляшетъ.

Фрау Филицъ (съ большимъ трудомъ поднимается и смотритъ наружу).

Леонтина. На такія вещи я совсѣмъ не могу смотрѣть, мама!

Эде. Пускай упадетъ! Онъ падаетъ на ноги. Мейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ кошачьей породы.

Д-ръ Боксеръ (шутливо грозя, вполголоса Раухгаупту). Моихъ пацієнтовъ у меня не безпокоить! А то все лѣченіе къ чорту!

Фрау Филицъ. И,—оставьте его въ покоѣ! Его затравили, а все люди. Хотя онъ самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ.

Д-ръ Боксеръ. Послѣ этого-то! А раньше? А какъ наши дѣла, хозяйка?

Фрау Филицъ. Слава Богу! Только вотъ (указывая на грудь) — вотъ тутъ что-то надорвалось. Ну и пусть! Въ концѣ концовъ всѣмъ придется ноги протянуть. Я чуточку пожила.

Д-ръ Боксеръ. Не говорите такъ много! Подольше языкъ за зубами. (Раухгаупту) Кстати, у меня къ вамъ порученіе. Г. Шмаровскій видѣлъ, какъ вы входили сюда, вотъ онъ и остановилъ меня: не пожалуете ли вы на обѣдъ!

Фрау Филицъ. Ну, конечно, Раухгауптъ! Почему бы и не сходить?

Раухгауптъ. Да я и не собирался отказываться, хозяйка.

Фрау Филицъ. А вы, г. докторъ?

Д-ръ Боксеръ (быстро). Упаси Богъ! Не могу!

Фрау Филицъ. Почему же? Развѣ вы сердитесь?

Д-ръ Боксеръ. Развѣ только на то, что онъ обезобразилъ все мѣсто этими жалкими пятиэтажными казармами. Вообще же—сердиться? Сердиться я не могу. Но видите ли: я погибшій человѣкъ. Не отрицаю, дѣло забавное. Но принимать участіе — нѣтъ! Этимъ я не занимаюсь. По всей вѣроятности, я опять уѣду.

Фрау Филицъ. И бросите такую прекрасную практику?

Д-ръ Боксеръ. Морское путешествіе! Это оздоравливаетъ человѣка. Это—лучшая практика, фрау Филицъ, если кто въ другомъ не особенно практиченъ.

Фрау Филицъ. Да, вы совершенно непрактичны!

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, куда ужъ мнѣ... Ну, ну, — вы только послушайте, какъ ихъ тамъ опять разбираетъ! (Крики многихъ голосовъ). Опять колоссальное воодушевленіе. Они скоро Шмаровскаго на щитѣ поднимутъ. Дѣло было ужъ близко къ этому! (Снаружи громкіе, воодушевленные возгласы чествующихъ голосовъ). Ну, видите? Это же возвышаетъ сердце!

Леонтина. Мать, посмотри, кого они тамъ качаютъ! Рабочіе качаютъ кого-то!

Фрау Филицъ. Да кого же?

Леонтина. Развѣ не видишь, кого?

Раухгауптъ. Шмаровскаго.

Эде. То-то и есть. А я и духу его не выносилъ. Но вотъ... нѣтъ... разъ онъ сталъ благоразуменъ и стоитъ за здоровыя идеи: чтобы, значитъ, никакого произвола и насилія, то... то... тутъ ужъ пускай его даже величаютъ!

Д-ръ Боксеръ. Конечно, Эде! Ясное дѣло! Разумѣется. (Входитъ Филицъ въ крайнемъ возбужденіи).

Филицъ. Я... я... я... я... это я сдѣлалъ!.. Кричите, кричите! Они его качаютъ. Ну нѣтъ, такихъ-то рѣчей я не произношу. Характеръ! Совѣсть! Вотъ что главное. Да! Платилъ и строилъ я. А если и Верганъ отступился отъ меня, то отъ порядочныхъ убѣжденій я не отступлюсь! Порядокъ долженъ быть! Нравственность должна быть! Я остаюсь монархистомъ до мозга костей! Въ такомъ-то торжествѣ я тебѣ не завидую!

Д-ръ Боксеръ. Пст! Филицъ! Подите-ка сюда къ свѣту. Я посмотрю ваши глаза... Такъ зрачокъ у васъ не движется?!.

Фрау Филицъ (порывисто и судорожно вздыхаетъ, выбрасываетъ, какъ бы отъ радости, руки вверхъ и полублаженно, полуиспуганно, испуская вздохъ, кричитъ) Юліанъ!!!

Леонтина. Мама! А мама!

Эде. Она уснула.

Леонтина (ища помощи у доктора). Мать все вотъ такъ хватаетъ руками...

Д-ръ Боксеръ. Кто? Гдѣ же? Фрау Филицъ!

Леонтина. Вы только посмотрите!

Эде (смѣясь). Ужъ не воробья ли въ воздухѣ хочетъ поймать?

Д-ръ Боксеръ (отошелъ отъ Филица и направился къ фрау Филицъ). Фрау Филицъ! (Филицъ въ возбужденіи, не обращая вниманія на происходящее, отходитъ въ глубину и исчезаетъ. Раухгауптъ напряженно слѣдитъ у окна за происходящимъ наружу).

Леонтина. Не понимаю, мать совсѣмъ не хочетъ отвѣчать!

Раухгауптъ. Мнѣ думается, они хотятъ направиться сюда!

Д-ръ Боксеръ. Да что такое, фрау Филицъ? Что съ вами? Что вы все водите руками?

Фрау Филицъ (особеннымъ образомъ, обѣими руками, ловитъ что-то надъ собой). Тянешься... Тянешься... Все вотъ тянешься.

Д-ръ Боксеръ. Да къ чему же?

Фрау Филицъ (какъ выше). Тянешься... тянешься къ чему-то... (Руки у нея безсильно падаютъ, она умолкаетъ).

Леонтина (доктору Боксеру). Спитъ?

Д-ръ Боксеръ. Да, уснула. Только не пускайте теперь сюда народъ.

Раухгауптъ. Всей толпой съ шумомъ идутъ сюда.

Д-ръ Боксеръ (рѣшительно). Остановить! Эде! Какъ можно скорѣе остановить! (Эде уходитъ).

Леонтина. Г. докторъ, что же такое съ матерью?

Д-ръ Боксеръ. Ваша мать...

Леонтина. Ну, что же?

Д-ръ Боксеръ (съ удареніемъ). Уснула.

Леонтина (съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, готова вскрикнуть; докторъ энергично схватываетъ ее, держитъ руку у рта, она овладѣваетъ собой). Г. докторъ, да она же только-что говорила?..

Д-ръ Боксеръ (лѣвою рукой бережно тянетъ ее за локоть ближе и кладетъ ея правую руку на чело умершей Филицъ). Говорила! А теперь она уже умолкла.

(Въ глубинѣ стоитъ Филицъ, безъ всякаго интереса къ происходящему, внимательно и сосредоточенно разсматривая въ ручное зеркальце свои глаза).

(Занавѣсъ падаетъ).

ВОЗЧИКЪ ГЕНШЕЛЬ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ А. М. Ѳедорова.

Въ своихъ творческихъ настроеніяхъ Гауптманъ — какой-то двуликій Янусъ, таинственно совмѣщающій два прямо противоположныхъ рода писательства — символически-сказочный и рѣзко-натуралистическій. И наблюдается, что эти два рода чередуются въ его творчествѣ какъ бы съ намѣренною пестротою.

Гауптманъ точно отдыхаетъ отъ одного вида на другомъ. Въ одномъ и томъ же 1893-мъ году, вслѣдъ за реальнѣйшей «Бобровой шубой», появляется «Ганнеле», а слѣдующее произведеніе—реально-историческій «Флоріанъ Гейеръ». Послѣ символическаго «Потонувшаго колокола» онъ садится за «Возчика Геншеля».

Эта пьеса появилась на сценѣ «Нѣмецкаго театра» въ Берлинѣ 5-го ноября 1898 года и имѣла здѣсь огромный успѣхъ. Въ томъ же году, съ такимъ же полнымъ успѣхомъ, она прошла въ вѣнскомъ Бургъ-театрѣ съ Зонненталемъ въ роли Геншеля. За пьесу автору была присуждена премія Грильпарцера, выдаваемая разъ въ три года и являющаяся предметомъ мечтаній всякаго драматурга.

По своему ярко реальному содержанію, по манерѣ письма, эта драма Гауптмана о человѣкѣ изъ простонародья, взявшемъ, вопреки данному умирающей женѣ обѣту, вторую жену и кончившемъ самоубійствомъ послѣ убѣжденія въ ея измѣнѣ и, можетъ-быть, причастности къ убійству ребенка отъ первой его жены,—непосредственно примыкаетъ къ циклу тѣхъ натуралистическихъ пьесъ, какими онъ началъ,—въ частности къ драмѣ «Предъ восходомъ солнца».

Только здѣсь драматургъ зрѣлѣе, а потому и самобытнѣе въ пріемахъ и свободнѣе отъ вліяній. Тѣхъ грубостей натурализма, какія въ первой пьесѣ критика приписывала вліянію толстовской «Власти тьмы», здѣсь нѣтъ, несмотря даже на то, что характеръ второй жены возчика—Ганны—могъ бы давать для этого значительные поводы. Въ своей пьесѣ Гауптманъ видитъ не только семейную исторію. Очевидно, обобщая ее, онъ относитъ свою пьесу къ категоріи своихъ «соціальныхъ» драмъ.

Если искать среди другихъ произведеній Гауптмана наиболѣе родственное «Геншелю» по содержанію и по идеѣ, то такими, безъ сомнѣнія, явятся въ первомъ смыслѣ—«Стрѣлочникъ Тиль», во-второмъ—драма «Одинокіе».

«Стрѣлочникъ Тиль» былъ самымъ раннимъ произведеніемъ Гауптмана (1887), отъ котораго онъ не отрекся, ставъ зрѣлымъ писателемъ. Какъ и въ драмѣ, въ разсказѣ дѣйствуетъ второженецъ-простолюдинъ, мягкій, любящій, сердечный. Такъ же онъ женится во второй разъ на женщинѣ «грубой, сварливой и животно-страстной». Такъ же тѣнь первой жены смущаетъ и укоряетъ его. Такъ же, какъ Геншель, Тиль

питаетъ трогательную привязанность къ дѣтямъ. Такъ же вещь кончается катастрофой. Только въ «Геншелѣ» возчикъ вѣшается, психически потрясенный; Тиль въ подобномъ же порывѣ аффекта убиваетъ свою жену, допустившую смерть его мальчика подъ поѣздомъ. И тотъ и другой случай, въ довершеніе всего, разыгрываются въ родной Гауптману силезской обстановкѣ.

Что касается психологической темы «Геншеля», то не безъ основанія критика указывала на приближеніе ея къ темѣ «Одинокихъ». На совершенно иной средѣ (не интеллигентной, а простонародной), на совершенно другомъ характерѣ (не на сверхъ-человѣкѣ, а на самомъ обыкновенномъ, малокультурномъ смертномъ) Гауптманъ хотѣлъ какъ бы провѣрить общность того психологическаго закона, что человѣкъ и значительной умственной силы, и мало интеллигентный цѣлы и живы только до тѣхъ поръ, пока ихъ душа не почувствовала разлада своего міровоззрѣнія съ дѣйствительностью. Разъ этотъ разладъ явился и сознанъ—и ученый и неученый равно стоятъ передъ катастрофой.

«Пройдя длинный творческій путь, увидавъ «глубины человѣческихъ силъ», Гауптманъ вернулся къ прежнему пессимизму. Геншель—тотъ же одинокій человѣкъ и такъ же кончаетъ самоубійствомъ, не будучи въ состояніи согласовать свою собственную жизнь съ робкими желаніями своей души. Голосъ совѣсти, требованія жизни и роковое теченіе событій—вотъ тѣ основныя силы, которыя своимъ противорѣчіемъ составляютъ трагизмъ человѣческой жизни. Гауптманъ рисуетъ самую простую форму ихъ столкновенія, и отъ этого оно становится еще болѣе трагическимъ. Въ разладѣ есть духовная красота, но нѣтъ нравственной правды, и это безсиліе покаралъ Гауптманъ и въ героѣ своей юношеской драмы, и въ новомъ одинокомъ «человѣкѣ изъ народа—Геншелѣ» *).

Можетъ-быть, близость содержанія «Геншеля» къ содержанію ранняго разсказа Гауптмана повлекла за собою одну особенность драмы, которую не приходится вмѣнить ей въ достоинство. «Возчикъ Геншель»—болѣе повѣсть, чѣмъ драма.

«Прирожденный драматургъ», какимъ Гауптмана принято считать и какимъ онъ восторженно провозглашенъ проф. Э. Шмитомъ, Штейгеромъ и другими,—въ этой пьесѣ чувствуется менѣе всего. Это образцовая повѣсть, живо рисующая силезскій курортъ шестидесятыхъ годовъ, съ чрезвычайно правдивыми типами обывателей, съ мѣткимъ и мастерскимъ возстановленіемъ быта, съ великолѣпно, какъ всегда у Гауптмана, уловленнымъ простонароднымъ языкомъ. Здѣсь сложено много дѣтскихъ впечатлѣній Гауптмана, и нѣкоторыми небезосновательно высказывалось предположеніе, что въ фигурѣ Зибенгаара онъ воплотилъ нѣкоторыя черты своего отца.

Но вся манера письма въ «Геншелѣ», весь колоритъ пьесы,—мягкій, тонкій, ласковый,—есть гораздо болѣе колоритъ повѣсти, чѣмъ драмы. Здѣсь не только нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ мазковъ, какіе любитъ сцена, не только нѣтъ эффектовъ,—за ними вообще не гоняется Гауптманъ,—но мало и содержательнаго разнообразія и движенія. Взвинчиваетъ зрителя развѣ одна бурная сцена въ четвертомъ актѣ, гдѣ Геншель въ пивной узнаётъ изъ чужихъ устъ, что жена ему измѣняетъ. И глубоко драматиченъ послѣдній актъ, съ первыхъ мгновеній котораго на сценѣ вѣетъ трагедіей. Какая-то медлительность отличаетъ въ особенности первые два акта.

*) З. Венгерова. «В. Европы», 1899 г.

Но въ этой теккереевской или гончаровской выпискѣ мелочей есть своеобразная прелесть. Сокращенія здѣсь повредили бы дѣлу. Геншеля нужно видѣть во всѣхъ подробностяхъ его жизни—у постели умирающей жены, въ нерѣшительныхъ мечтахъ о Ганнѣ, рядомъ съ ея ребенкомъ, въ пивной за разговоромъ, въ задумчивости передъ служившимъ многіе годы кнутомъ и т. д., чтобы почувствовать привлекательность этой простой честной натуры. Правда, не такимъ пріемомъ захватываетъ зрителя драматургъ. Это—чеканка беллетриста, пишущаго миніатюры. «Самъ Геншель,—пишетъ Бартельсъ:—не трагическая фигура, и въ его судьбѣ нѣтъ той драматической необходимости, которая всѣ частности заставляетъ казаться неизбѣжнымъ выводомъ изъ нея. Все носитъ здѣсь характеръ частнаго случая. Неясно, почему бы «Возчикъ Геншель» не былъ бы такъ же хорошъ въ формѣ разсказа, какъ «Стрѣлочникъ Тиль».

Это не мѣшаетъ, разумѣется, критику признать за «Геншелемъ» большія достоинства. «Геншель»,—говоритъ онъ:—въ своемъ родѣ весьма цѣнное, прекрасное и захватывающее произведеніе. Его картины и сцены полны чистаго настроенія. Это не простая сводка авторскихъ наблюденій, а цѣльное и прочувствованное поэтическое созданіе, стоящее гораздо выше работъ иныхъ драматурговъ въ родѣ Зудермана и Фульда... Какъ цѣлое, какъ жизненная картина, нынѣ онъ вновь произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Каждый актъ даетъ полноту и закругленность, свободенъ отъ натуралистическихъ крайностей, и всѣ сцены вытекаютъ одна изъ другой съ самой счастливой непринужденностью, съ тѣмъ натуральнымъ подъемомъ, какого требуетъ драма...»

Г. Брандесъ, считая «Геншеля» скромнымъ произведеніемъ Гауптмана сравнительно съ его шедеврами, отмѣчаетъ однако, что онъ долженъ быть «съ полнымъ правомъ названъ безукоризненнымъ, какъ художественное произведеніе по формѣ и по содержанію».

«Между «Потонувшимъ колоколомъ» и «Шлукомъ и Яу», — пишетъ критикъ Heinrich Bulthaupt, авторъ фундаментальнаго изслѣдованія по драматургіи *):—Гауптманъ создалъ, вновь опустившись на самую родную ему почву дѣйствительности,—драму, имѣвшую исключительный успѣхъ,—успѣхъ, тайна котораго крылась не въ содержаніи пьесы, а единственно въ драматическихъ и сценическихъ, то есть художественныхъ ея достоинствахъ,—«Возчика Геншеля»... И если по временамъ меня брало сомнѣніе, можно ли такое произведеніе, какъ «Возчикъ Геншель», по непогрѣшимости его жизненнаго рисунка и по драматической композиціи поставить въ принципѣ на одинъ уровень съ великими драматическими созданіями всѣхъ народовъ, то непосредственный опытъ на театральныхъ представленіяхъ пьесы быстро разсѣивалъ его».

Самымъ лестнымъ образомъ принятъ «Геншель» французскою критикой: «Возчикъ Геншель»,—пишетъ извѣстный Эмиль Фагэ:—есть какъ бы народная трагедія достаточной силы и съ той правдивостью нравовъ и характеровъ, какая захватываетъ и плѣняетъ. Это пьеса сильная и сплошь интересная, не рождающая и минутной скуки. Здѣсь переплелись двѣ исторіи, и эти двѣ исторіи нѣсколько вредятъ одна другой. Но несмотря на это пьеса остается интересной, благодаря той безукоризненной честности реализма, какая составляетъ ея основной характеръ».

*) Heinr. Bulthaupt, Dramaturgie des Schauspiels, IV Band. Ibsen Hauptmann Oldenburg und Leipzig, 1895.

«Эта пьеса—драма, даже мелодрама,—пишетъ другой извѣстный театральный критикъ, Густавъ Ларрумэ:—высшаго порядка. Если нѣмецкій авторъ пользуетъ необходимые элементы этого рода, то онъ воздерживается отъ пріемовъ и пружинъ, которыми обыкновенно драматурги такъ широко пользуются. Онъ отдаетъ всю дань правдѣ жизни и ничего не оставляетъ условности. Самыми простыми средствами онъ производитъ самое сильное впечатлѣніе. Съ искусствомъ, въ которомъ много трезвости и силы, онъ сталкиваетъ два характера—хорошаго мужчину и дурную женщину, и заставляетъ ихъ развиваться по ихъ собственной логикѣ и сообразно самому положенію. Это положеніе и характеры онъ вставляетъ въ живописную рамку нравовъ. Онъ беретъ для всего разсказа стиль простой и ясный, безъ пышныхъ тирадъ, безъ фальшиваго лиризма, безъ романтическихъ прикрасъ. Въ цѣломъ, даже оставляя въ сторонѣ глубоко-гуманное волненіе, рождаемое пьесой, мы должны признать, что она даетъ здоровое впечатлѣніе искренней правды и чуждаго фальши искусства».

«Возчикъ Геншель»,—пишетъ французъ Henry Bauer:—это этюдъ народныхъ нравовъ, дающій впечатлѣніе живописной правды. Пьеса не хочетъ создать ни типовъ ни характеровъ. Она показываетъ просто живыхъ людей и сочно возстановляетъ мелочи жизни. Даже и при своемъ эпизодическомъ значеніи пьеса интересна».

Уже ни своею формою ни содержаніемъ «Возчикъ Геншель» не представлялъ ничего новаго въ творчествѣ Гауптмана.

Нечего говорить о томъ, что сторонники символизма, разсчитывавшіе и на этотъ разъ увидѣть въ Гауптманѣ автора «Потонувшаго колокола», были въ значительной мѣрѣ разочарованы.

Что касается сравненій «Геншеля» съ другими произведеніями нѣмецкой литературы, то наиболѣе основательнымъ является сближеніе на этотъ разъ Гауптмана съ извѣстнымъ писателемъ Анценгрубером (умеръ 1889), превосходнымъ знатокомъ нѣмецкаго крестьянскаго быта. Анценгруберъ писалъ не только повѣсти, но и крестьянскія драмы, такъ что и въ этомъ отношеніи Гауптманъ не былъ здѣсь новаторомъ.

Ссылка нѣкоторыхъ критиковъ на сходство Геншеля съ романомъ А. Додэ: «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій» и на возможность вліяній на него этого романа (1876)—рѣшительно неосновательна. Въ романѣ Додэ кончаетъ съ собою черезъ повѣшеніе герой произведенія, Рислеръ, не находящій въ себѣ силъ перенести черную измѣну жены. Но въ этой случайной чертѣ и все сходство. Все остальное—среда, психологія самоубійцы, его жены, самый финалъ романа, осложненный совсѣмъ иными частностями—не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ драмою.

ВОЗЧИКЪ ГЕНШЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Возчикъ Геншель.
Фрау Геншель.
Ганна Шель (впослѣдствіи фрау Геншель).
Берта.
Вальтеръ — барышникъ.
Зибенгааръ.
Карлуша.
Вермельскирхъ.
Фрау Вермельскирхъ.
Франциска Вермельскирхъ.
Гауфе.
Францъ.
Георгъ.
Фабихъ.
Мастеръ Гильдебрантъ.
Грунгертъ — ветеринаръ.
Пожарные.

Время — шестидесятые годы.

Мѣсто — гостиница «Сѣрый Лебедь». Курортъ въ Силезіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Крестьянская горница въ подвальномъ этажѣ гостиницы «Сѣрый Лебедь». Въ два окна, высоко расположенныхъ съ лѣвой стороны, проникаетъ сумеречный свѣтъ поздняго зимняго вечера. Подъ окнами—кровать изъ мягкаго желто-полированнаго дерева; на ней лежитъ больная Фрау Геншель, особа лѣтъ тридцати шести. Подлѣ кровати люлька, въ ней ея шестилѣтняя дочка. Вторая кровать у задней стѣны, окрашенной, какъ и всѣ остальныя, въ голубой цвѣтъ съ темными карнизами у потолка. Справа впереди большая коричневая кафельная печь съ лежанкой. На широкомъ шесткѣ сложены щепки. Въ правой стѣнѣ дверца въ каморку. Ганна Шель, молодая, здоровая работница, въ большихъ хлопотахъ. Она отставила въ сторону деревянные башмаки и расхаживаетъ въ толстыхъ синихъ чулкахъ. Она вынимаетъ изъ печки чугунъ, въ которомъ варится что-то, и снова ставитъ его обратно. На скамьѣ—уполовникъ, мутовка, рѣшето, а также большой пузатый глиняный кувшинъ съ узкимъ, заткнутымъ пробкой горлышкомъ; подъ скамьей—ведро для воды. Юбки Ганны подоткнуты, лифъ почернѣвшій отъ грязи, мускулистыя руки выступаютъ голыя изъ короткихъ рукавовъ. Вокругъ печки четырехугольная перекладина; на ней для просушки развѣшаны такъ-называемые охотничьи чулки, пеленки, лосины съ завязками и пара болотныхъ сапогъ. Направо полка и ларь, старыя пестрыя силезскія вещи. Черезъ открытую дверь въ задней стѣнѣ виднѣется темный, широкій проходъ въ подвалъ; противъ него — дверь съ разноцвѣтными стеклами, а позади нея—деревянная лѣстница наверхъ. На этой лѣстницѣ всегда горитъ газъ, отсвѣчивая на стеклахъ. Середина февраля. На дворѣ — непогодь. Францъ, молодой верзила въ простой извозчичьей ливреѣ, готовый къ выѣзду, заглядываетъ въ горницу.

Францъ. Ганна!

Ганна. Ну?

Францъ. Геншельша спитъ?

Ганна. А что же! Не шуми.

Францъ. Довольно дверей хлопаетъ въ домѣ. Не просыпается же она отъ этого! Я ѣду съ каретой въ Вальденбургъ.

Ганна. Кого везешь?

Францъ. Барыню. За покупками ко дню рожденія.

Ганна. Чьего еще рожденія?

Францъ. Карлуши.

Ганна. Ну и порядки у людей! Гонять лошадей изъ-за глупаго мальчишки! Въ такую-то погоду тащиться въ Вальденбургъ!

Францъ. Положимъ, я въ шубѣ.

Ганна. Прямо-таки не знаютъ, куда имъ швырять деньги! А мы отдувайся.

(Ветеринаръ Груннертъ входитъ, медленно нащупывая дорогу: онъ — низенькій, въ черной овчинной шубѣ, въ башлыкѣ поверхъ шапки и въ высокихъ сапогахъ. Онъ стучитъ въ дверь кнутовищемъ, чтобы обратить на себя вниманіе).

Груннертъ. Геншель Вильгельмъ еще не вернулся?

Ганна. А что надо?

Груннертъ. Я пришелъ касательно мерина.

Ганна. Ужъ вы не докторъ ли изъ Фрейбурга? А Геншеля-то нѣтъ дома. Уѣхалъ съ возомъ въ Фрейбургъ. Вы бы должны были повстрѣчаться.

Груннертъ. Въ какой конюшнѣ стоитъ меринъ?

Ганна. Это большой-то, гнѣдой, съ подпалиной? Сдается мнѣ, они отвели его въ конюшню къ постояльцевымъ лошадямъ. (Францу) Иди-ка съ нимъ да покажи.

Францъ. Черезъ дворъ все напрямикъ, мимо залы, подлѣ кучерской. Крикните тамъ Фридриха, — онъ вамъ покажетъ. (Груннертъ уходитъ).

Ганна. Ступай и ты съ нимъ.

Францъ. Не найдется ли у тебя мелочишки, нѣсколько пфенниговъ для меня?

Ганна. Не заложить ли мнѣ для тебя свою шкуру?

Францъ (щекочетъ ее). Я бы ее сейчасъ выкупилъ.

Ганна. Францъ! Оставь! Ну хозяйка проснется! (Нашаривъ деньги) Пока не вытянешь гроши, самъ не свой. Какъ пожаромъ метешь. На... (Суетъ ему что-то въ руку). Убирайся теперь. (Слышенъ звонокъ).

Францъ (испуганно). Баринъ! Прощай! (Проворно уходитъ).

Фрау Геншель (просыпается и зоветъ слабымъ голосомъ). Дѣвушка? А дѣвушка? Не слышишь, что ли, дѣвушка?

Ганна (грубо). Что еще?

Фрау Геншель. Надо отвѣчать сразу, когда тебя зовутъ.

Ганна. Услышала и отвѣчаю. Какъ тутъ услышишь, коли вы тамъ бормочете про себя,—у меня, чай, всего два уха.

Фрау Геншель. Опять ты, дѣвушка, грубишь!

Ганна (кратко). А, надоѣло!

Фрау Геншель. Ну вотъ, видали это! Больной женщинѣ на каждое слово—дерзость.

Ганна. А кто задираетъ? Какъ глаза продерете, такъ за придирки. Виновата ли я, нѣтъ ли, все не такъ да не этакъ...

Фрау Геншель. Потому что ты ничего не слушаешь.

Ганна. Такъ и дѣлайте все сами. Мечешься день-ден-

ской, до полночи!.. Нѣтъ, ужъ если вы за свое, я лучше за порогъ да на волю. (Спускаетъ подоткнутую юбку и уходитъ вонъ).

Фрау Геншель. Дѣвушка! Дѣвушка! Да что ты, въ самомъ дѣлѣ! Ну что я тебѣ худого сказала? Вотъ еще напасть-то! Что будетъ, какъ мужчины вернутся? Вѣдь они потребуютъ ѣсть! Эй, дѣвушка! дѣвушка! (Въ изнеможеніи опускается, стонетъ безсильно и въ то же время медленно раскачиваетъ люльку за привязанную веревку. Въ стеклянную дверь на заднемъ планѣ протискивается съ трудомъ Карлуша. Онъ несетъ горшокъ съ супомъ, робко и осторожно приближается съ нимъ къ постели фрау Геншель и ставитъ его на деревянную табуретку).

Фрау Геншель. Это ты, Карлуша? А? Ну, что ты тамъ принесъ мнѣ?

Карлуша. Супъ. Мама вамъ кланяется и желаетъ скорѣе выздоровѣть. Она сказала, чтобы вы кушали на здоровье, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ахъ, мальчуганъ! Право, ты лучше всѣхъ! Куриный супъ! Это прямо невозможно. Ну, скажи твоей матери, что я безконечно благодарна ей. Слышишь. Не забудь часомъ. А теперь я тебѣ вотъ что скажу, Карлуша. Ты можешь мнѣ оказать услугу! Возьми-ка вонъ тотъ ухватъ, взлѣзь на скамейку... Такъ... и выставь немного впередъ чугунъ. Дѣвушка ушла, а она его слишкомъ далеко задвинула въ печь.

Карлуша (охотно поднимается, отыскиваетъ ухватъ, послѣ чего влѣзаетъ на лавку у печки. Заглядывая въ печь, спрашиваетъ). Черный или синій, фрау Геншель?

Фрау Геншель. А что въ синемъ?

Карлуша. Кислая капуста.

Фрау Геншель (взволнованно). Вытащи его, а то она въ конецъ разварится. Нѣтъ, какова дѣвчонка! Ахъ, дѣвчонка!

Карлуша (выдвигая горшокъ къ краю). Хорошо ли такъ?

Фрау Геншель. Да, такъ и оставь его. Иди-ка сюда, я подарю тебѣ для кнутика веревочку. (Достаетъ съ окна и даетъ ему). Какъ поживаетъ твоя мама?

Карлуша. Хорошо. Она отправилась въ Вальденбургъ за подаркомъ ко дню моего рожденія.

Фрау Геншель. А мнѣ все неможется, мальчуганъ. Я, вѣрно, скоро умру.

Карлуша. О, нѣтъ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Да, да, вѣрь мнѣ, я умираю, мальчуганъ. Можешь объ этомъ хоть и матери передать.

Карлуша. А я получу шапку съ башлыкомъ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Да, да, можешь вѣрить. Поди-ка сюда. Только тише. Прислушайся... Слышишь, какъ тикаетъ. Слышишь, какъ тикаетъ въ трухлявомъ деревѣ?

Карлуша (котораго она лихорадочно, крѣпко держитъ за кисть руки). Я боюсь, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ой, горе мое! Всѣ умремъ. Слышишь, какъ тикаетъ. А? Вотъ какъ. Что это? Это червь смерти тикаетъ. (Она падаетъ навзничь). Разъ-два, разъ-два... Эхъ, дѣвоньки, дѣвоньки!

(Карлуша, котораго она отпустила, боязливо пятится къ двери. Когда ручка стеклянной двери у него въ рукѣ, страхъ окончательно овладѣваетъ имъ. Онъ дергаетъ дверь и захлопываетъ ее за собой такъ сильно, что стекло дребезжитъ. Тотчасъ послѣ этого на дворѣ раздается сильное щелканье бича. Отъ этого шума она, вздрогнувъ, быстро приподнимается).

Фрау Геншель. Отецъ! Явился!

Геншель (его еще не видно въ сѣняхъ). Докторъ, что же сдѣлаемъ мы съ этой скотиной? (Показывается съ ветеринаромъ Груннертомъ на порогѣ).

Груннертъ. Онъ не подпускаетъ къ себѣ. Придется его спутать.

Геншель (атлетически сложенный мужчина, лѣтъ сорока пяти, въ мѣховой шапкѣ, въ овчинномъ тулупѣ; подъ тулупомъ синяя извозчичья блуза. На ногахъ высокіе болотные сапоги. Зеленые охотничьи чулки. Кнутъ въ рукахъ и зажженный фонарь). Ужъ и не знаю, что приключилось съ этой скотиной? Прихожу я вчера домой... каменный уголь нагружалъ... тамъ... въ Лисьей ямѣ... Распрягаю, ставлю лошадь въ конюшню,—она тутъ же грохнулась на-земь и ну биться! (Ставитъ кнутъ въ уголъ и вѣшаетъ шапку).

(Ганна опять приходитъ и принимается за ту же самую работу. Она явно раздражена).

Геншель. Дѣвушка, засвѣти-ка огонь.

Ганна. Не то, такъ другое.

Геншель (потушивъ фонарь, вѣшаетъ его). Богъ вѣсть, что творится! То жена заболѣла, то лошадь пала! Вся напасть какъ будто на меня одного! Около Рождества купилъ я мерина у Вальтера Готфрида,—черезъ двѣ недѣли захромалъ. Ужъ я ему задамъ за это. Вѣдь тысячу талеровъ заплатилъ!

Фрау Геншель. Вѣрно, дождь на дворѣ?

Геншель (вскользь). Да, да, матушка, дождь. Родной зять и такъ меня обдѣлалъ! (Садится на приступокъ у печки).

(Ганна зажигаетъ сальную свѣчку и ставитъ ее въ жестяномъ подсвѣчникѣ на столъ).

Фрау Геншель. Отецъ, ты всегда добрякъ такой. Ты не допускаешь худого въ людяхъ.

Груннертъ (садится за столъ и пишетъ рецептъ). Я вамъ что-нибудь выпишу изъ аптеки.

Фрау Геншель. Охъ, если еще и гнѣдой околѣетъ! Нѣтъ, Богъ этого не допуститъ.

Геншель (протягивая Ганнѣ ногу). Иди-ка, стащи съ меня сапоги! Ну ужъ и дуло съ Фрейбурга! Люди говорятъ, будто полъ церковной крыши оторвало внизу, въ Нидердорфѣ. (Ганнѣ) Вотъ мямля. Скоро, что ли?

Фрау Геншель (Ганнѣ). Я не понимаю, какъ до сихъ поръ этого и то не умѣешь.

(Ганнѣ удается стащить одинъ сапогъ. Она ставитъ его въ сторону и берется за другой).

Геншель. Успокойся, мать. Ты лучше не сдѣлаешь.

(Ганнѣ удается снять и второй сапогъ; она ставитъ его въ сторонѣ и тутъ же непривѣтливо обращается къ Геншелю).

Ганна. Привезли ли вы мнѣ фартукъ изъ Крамстана?

Геншель. Этимъ еще набивать голову! Довольно съ меня за своимъ-то тряпьемъ усмотрѣть да по пути на вокзалъ боченковъ съ водой не разбить! Что мнѣ за дѣло до бабьихъ фартуковъ!

Груннертъ. Да, вы по этой части не ходокъ. Это извѣстно.

Фрау Геншель. Еще этого недоставало!

Геншель (въ деревянныхъ башмакахъ — поднимается, Ганнѣ). Ну, живо, живо! Ѣсть давай. Сегодня намъ еще въ кузницу надо!

Груннертъ (всталъ, оставилъ рецептъ на столѣ, засунулъ въ карманъ записную книжку и карандашъ и говоритъ, намѣреваясь уйти). Скорѣе въ аптеку съ этимъ! А завтра, раненько утромъ, я провѣрю.

(Геншель садится къ столу).

Гауфе (медленно входитъ. Онъ въ деревянныхъ туфляхъ и кожаныхъ штанахъ и также держитъ въ рукахъ зажженный фонарь). Опять подлая погода!

Геншель. А какъ дѣла на конюшнѣ? А?

Гауфе. Того и гляди, все стойло разнесетъ. (Тушитъ фонарь и вѣшаетъ рядомъ съ Геншелевымъ).

Груннертъ. Покойной ночи всей компаніи. Приходится обождать. Мы, доктора, вѣдь тоже только люди.

Геншель. Разумѣется. Это само собой извѣстно. По-

койной ночи. Смотрите, не кувыркнитесь. (Грунерть уходить). Ну, скажи однако, матушка, какъ ты?

Фрау Геншель. Опять должна была злиться.

Геншель. Кто же тебя злитъ?

(Гауфе садится за столъ).

Фрау Геншель. Ну, кто тамъ! Самой на себя приходится пенять, коли ни за что не въ силахъ взяться.

(Ганна ставитъ на столъ одну чашку съ клецками, другую съ капустой, достаетъ изъ стола вилки и раскладываетъ ихъ).

Геншель. На то у насъ и дѣвушка есть.

Фрау Геншель. Ну, у ней вѣтеръ въ головѣ.

Геншель. Ну, у насъ есть что̀ ѣсть. Дѣла идутъ на ладъ. Если бы ты слишкомъ рано не поднялась, сегодня хоть въ пляску могла бы пуститься.

Фрау Геншель. О, Господи! Плясать!.. Гдѣ ужъ тутъ!

(Ганна подаетъ три тарелки съ кускомъ свинины на каждой. Придвигаетъ для себя табуретъ и садится за столъ).

Гауфе. Овесъ на исходѣ.

Геншель. Я купилъ тридцать мѣшковъ вчера. Въ субботу еще привезутъ возъ сѣна. Кормъ все дорожаетъ.

Гауфе. Коли скотина работаетъ, она должна ѣсть.

Геншель. А тѣ думаютъ, что скотина живетъ воздухомъ, и опять хотятъ сбавить цѣну за извозъ.

Гауфе. Онъ въ родѣ этого что-то и мнѣ говорилъ.

Фрау Геншель. Завѣдующій вòдами?

Геншель. А кто же еще! Только на этотъ разъ меня не обойдешь.

Фрау Геншель. Нѣтъ, это ужъ черезчуръ, братцы! Куда же намъ дѣться въ такія скверныя времена.

Ганна. Смотритель шоссе приходилъ сюда. Кажись, вамъ придется завтра послать лошадей къ большому катку. Теперь онъ у Гингергарта.

(По лѣстницѣ за стеклянной дверью сходитъ господинъ Зибенгааръ. Около сорока лѣтъ; очень тщательно одѣтъ въ черный сюртукъ, бѣлый жилетъ, свѣтлыя англійскія брюки. Элегантность — конца шестидесятыхъ годовъ. Уже посѣдѣвшіе волосы представляютъ собой хорошо расчесанный вѣнокъ вокругъ лысины. Зато усы, напротивъ, пышны и темно-русы. Зибенгааръ носитъ золотые очки, но если хочетъ что-нибудь разсмотрѣть внимательнѣе, онъ прибѣгаетъ также къ золотому пенсне, надѣвая его за очками. Представляетъ собой типъ интеллигента).

Зибенгааръ (входитъ, держа въ правой рукѣ жестяной подсвѣчникъ съ незажженной свѣчкой и связку ключей. Онъ идетъ къ полуоткрытой комнатной двери и заглядываетъ туда, а лѣвую руку держитъ надъ чувствительными глазами). Геншель уже дома?

Геншель. Такъ точно, господинъ Зибенгааръ.

Зибенгааръ. Но вы какъ разъ кушаете. А мнѣ нужно кое-что сдѣлать въ погребѣ. Мы можемъ поговорить послѣ объ этомъ.

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ, изъ-за меня... передо мною... Я уже готовъ.

Зибенгааръ. Такъ лучше пойдемте наверхъ. (Онъ входитъ, зажигаетъ свою свѣчу отъ свѣчи, стоящей на столѣ). Я хочу только свою свѣчу зажечь. Въ моей конторѣ намъ не помѣшаютъ. Какъ чувствуете себя, фрау Геншель? По вкусу ли вамъ пришелся куриный супъ?

Фрау Геншель. Скажите на милость, — а я вѣдь о немъ и забыла!

Зибенгааръ. Не можетъ быть.

Ганна (увидавъ горшокъ съ супомъ). Такъ и есть — вотъ онъ!

Геншель. Вотъ она какова! Хочетъ выздоровѣть, а между тѣмъ забываетъ пить и ѣсть.

(Сильный порывъ вѣтра).

Зибенгааръ. Скажите, пожалуйста, какъ вы полагаете. Моя жена еще на пути въ Вальденбургъ, а непогодь все усиливается, все ухудшается. Это безпокоитъ меня. А какъ вы на этотъ счетъ?

Геншель. Оно не такъ плохо на самомъ дѣлѣ, какъ кажется.

Зибенгааръ. Э, не слѣдуетъ выкидывать такіе фокусы. Вы не слышали, какъ задребезжало? Одно изъ большихъ оконъ на террасѣ... вы знаете, въ столовой... вѣтеръ разбилъ. Страшная буря!

Геншель. Эхъ, люди, люди добрые!

Фрау Геншель. Опять плачутъ денежки!

Зибенгааръ (уходя влѣво, подвальнымъ ходомъ). Одна смерть безплатно.

Геншель. У него тоже хлопотъ полонъ ротъ.

Фрау Геншель. Что ему отъ тебя опять понадобилось, отецъ?

Геншель. Ничего... Какъ знать... Вотъ услышу.

Фрау Геншель. Не потребовалось бы опять денегъ!

Геншель. Что ты! Не мели вздоръ, матушка.

Ганна. Если у людей недостача, зачѣмъ же требуетъ жена шляпу въ четыре талера?

Геншель. Держи языкъ за зубами. Тебя не спрашиваютъ. Суй свой носъ въ квашню, а не въ чужія дѣла.

Такой домъ надо содержать. Восемь недѣль въ году еще есть доходъ, а тамъ добывай, какъ знаешь.

Гауфе. Къ этому еще строиться начали!

Фрау Геншель. Это-то его и подкузьмило. Лучше бы ужъ и не браться!

Геншель. Не бабьяго ума это дѣло. Онъ долженъ былъ строить,—иначе не могъ. Нынче у насъ пріѣзжіе валомъ валятъ. Раньше и половины этого не было. Но тогда у нихъ денежки водились, а теперь они норовятъ все даромъ. Налей-ка рюмочку. Я выпью.

Гауфе (медленно складывая свой карманный ножъ, собирается подняться). Сорокъ комнатъ, три большія залы, и въ нихъ никого, кромѣ крысъ и мышей. Откуда тутъ издержки покроешь! (Поднимается).

Франциска Вермельскирхъ (заглядываетъ. Она живая, славная дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Длинные темные волосы ея распущены. Костюмъ нѣсколько эксцентриченъ: юбочка бѣлая, короткая; блузка съ острымъ вырѣзомъ; шарфъ цвѣтной, длинный. Руки довольно высоко обнажены. На шеѣ цвѣтная ленточка съ золотымъ крестикомъ).

Франциска (оживленно). Господинъ Зибенгааръ вѣдь только-что былъ здѣсь? Желаю вамъ пріятнаго аппетита, господа. Я только хотѣла васъ спросить: не былъ ли здѣсь внизу только-что господинъ Зибенгааръ?

Фрау Геншель (непріязненно). Мы этого не знаемъ. У насъ его не было.

Франциска. Нѣтъ?.. Я думала... (Она кокетливо ставитъ ногу на приступокъ и зашнуровываетъ ботинокъ).

Фрау Геншель. Зибенгааръ справа, Зибенгааръ слѣва. Что вы носитесь съ этимъ человѣкомъ?

Франциска. Я?—Ничуть! Онъ, видите ли, очень любитъ гусиную печенку. У мамы какъ разъ готовится,—вотъ папа и послалъ меня извѣстить его объ этомъ. Между прочимъ, знаете что, г-нъ Геншель, вы тоже могли бы какъ-нибудь опять къ намъ придти.

Фрау Геншель. Нѣтъ, ужъ отца-то оставь въ покоѣ. Этого еще недоставало! Ему теперь не до того, чтобы по трактирамъ бѣгать!

Франциска. А сегодня откупорили свѣжую бочку пива. (Гауфе ухмыляется. Ганна громко смѣется).

Геншель. Ты, матушка, лучше о себѣ заботься. Если я захочу пойти выпить кружку пива, будь увѣрена, не стану ни у кого спрашиваться.

Франциска. Какъ поживаете, фрау Геншель?

Фрау Геншель. Вотъ завтра я обвяжусь шарфомъ и пущусь плясать по канату.

Франциска. И я съ вами. Я это отлично умѣю. Я все на каретныхъ дышлахъ упражняюсь.

Геншель. Такъ вотъ отчего дышла такъ обвисли!

Франциска. Глядите... Вотъ какъ это дѣлается. Такъ вотъ надо балансировать. (Подражаетъ движеніямъ танцовщицы на канатѣ, танцуя, выходитъ за дверь). Правой—лѣвой. Au revoir. (Уходитъ).

Гауфе (снимая фонарь). Ну, эта быстро свихнется, если скоро не выйдетъ замужъ.

Фрау Геншель. Если бы она дѣломъ занялась... Я бы эту дурь скоро вышибла у нея изъ головы.

Ганна. А наверхъ-то она не смѣетъ идти. Этого мадамъ не терпитъ.

Фрау Геншель. Она-таки права. Я тоже не потерпѣла бы!

Ганна. И то она за бариномъ словно собачонка вяжется. Ну и пускай бы, да ужъ очень она черезъ край хватаетъ.

Фрау Геншель. Зибенгаару слѣдовало бы прогнать этихъ людей. Прямо безобразіе съ женщинами, да и парни эти тоже хороши!

Геншель. Эй, мать, что ты разболталась?

Фрау Геншель. Ну да, въ пивной у нихъ...

Геншель. Люди хотятъ жить, какъ и мы. На улицу, что ли, ему ихъ выкинуть? Вермельскирхъ не злой человѣкъ.

Ганна. Зато его жена—старая вѣдьма.

Геншель. Неужели же изъ-за нея... А коли онъ хорошо платитъ аренду... А ужъ изъ-за этой дѣвочки совсѣмъ невозможно такъ поступить. (Всталъ и наклонился надъ люлькой). Вотъ вѣдь и у насъ такая же крошка. Не вылетимъ же мы изъ-за нея отсюда?

Фрау Геншель. Какъ бы не такъ! Она спитъ себѣ, никому не помѣха.

Геншель. Ну, да и утѣхи мало. Однако, мать, ты помереть не вздумай! (Снимая шляпу съ гвоздя) Ну, Ганна, я тебя давеча одурачилъ: фартукъ твой въ телѣгѣ на дворѣ.

Ганна (живо). Гдѣ-жъ это?

Геншель. Въ облучкѣ. Поди и сыщи. (Уходитъ въ среднюю дверь. Ганна также уходитъ въ сосѣднюю коморку).

Фрау Геншель. Все-таки передникъ-то ей привезъ!

(Анна вскорѣ выходитъ изъ каморки, удаляется черезъ среднюю дверь). Такъ-таки привезъ ей передникъ!

Зибенгааръ (осторожно входитъ, какъ прежде, со свѣчой и ключомъ и, кромѣ того, съ двумя бутылками краснаго вина). Вы одна, фрау Геншель?

Фрау Геншель. А все-таки—фартукъ...

Зибенгааръ. Это я, фрау Геншель... Вамъ, вѣрно, представилось...

Фрау Геншель. Нѣтъ, думается,—врядъ ли...

Зибенгааръ. Ужъ не разбудилъ ли я васъ? Я—Зибенгааръ.

Фрау Геншель. Всеконечно... всеконечно...

Зибенгааръ. Я вамъ чуточку винца принесъ. Вы должны пить его; это полезно вамъ. Но вы, кажется, и теперь еще не узнаёте меня?

Фрау Геншель. Ну нѣтъ... Еще что!.. Это, разумѣется, вы... Всеконечно... Вы вѣдь нашъ господинъ Зибенгааръ... До этого еще со мной не дошло... Васъ-то ужъ я узнаю!.. Не знаю, попритчилось мнѣ, или что?..

Зибенгааръ. Это случается. А какъ теперь вы себя чувствуете?

Фрау Геншель. Несомнѣнно, это вы, господинъ Зибенгааръ.

Зибенгааръ. Вы меня приняли за вашего мужа?

Фрау Геншель. Не знаю... Я, конечно, не могу утверждать... Мнѣ какъ-то было...

Зибенгааръ. Вы, кажется, лежите неудобно. Не поправить ли вамъ подушки? Аккуратно ли васъ посѣщаетъ докторъ?

Фрау Геншель (плаксиво, разстроенно). Не знаю совсѣмъ... Они меня все одну покидаютъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы — Зибенгааръ... знаю... А знаете что... Я вамъ вотъ что скажу... вы всегда были добры ко мнѣ... У васъ доброе сердце, хотя иногда вы напускаете на себя суровость... Вамъ я могу открыться... я все боюсь... страхъ какой-то тревожитъ. Все думается, слишкомъ это затягивается...

Зибенгааръ. Что затягивается?

Фрау Геншель (плача). Слишкомъ долго живу... Что станется съ Густель?

Зибенгааръ. Но что вы говорите, милая фрау Геншель?

Фрау Геншель (всхлипывая). Что будетъ съ Густель, когда я умру?

Зибенгааръ. Фрау Геншель, вы всегда были благораз-

умны. Послушайте меня, фрау Геншель: если приходится лежать, такъ вотъ покорно лежать въ кровати... видите ли... недѣлю за недѣлей... какъ, къ сожалѣнію, теперь вы... Понятно, въ голову лѣзутъ всякія несообразности, и даже невѣсть что̀ мерещится. Надо подбодриться... Недоставало, чтобы такъ распуститься... Такая чепуха!.. Вонъ ее изъ головы! Все это вздоръ... Пустяки...

Фрау Геншель. Вы милые люди... Вы не хотите вѣрить... Я знаю, что̀ говорю.

Зибенгааръ. Нѣтъ, вы не знаете... Именно теперь-то вы этого и не знаете, къ сожалѣнію... Если припомнить потомъ, будете смѣяться. Это ужъ навѣрняка.

Фрау Геншель (въ страстномъ порывѣ). Развѣ онъ ее въ каморкѣ не навѣстилъ?

Зибенгааръ (до нельзя изумленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчиво). Что̀ такое? Кто такіе?

Фрау Геншель. Ну, Геншель... и дѣвушка!..

Зибенгааръ. Вашъ мужъ!.. И Ганна! Ну, знаете... Кто вамъ это сказалъ, тотъ подлый лгунъ.

Фрау Геншель. А послѣ моей смерти онъ ее все-таки возьметъ. (Геншель появляется въ дверяхъ).

Зибенгааръ. Это ваша фантазія.

Геншель (въ добродушномъ изумленіи). Что̀ съ тобой, Мальхенъ? Что̀ ты опять хнычешь?

Зибенгааръ. Геншель, вы не должны покидать жену!

Геншель (подходитъ дружески къ самой постели). Кто-жъ тебя обижаетъ?

Фрау Геншель (сердито поворачивается къ Геншелю спиной, лицомъ къ стѣнѣ). О, оставь меня въ покоѣ!

Геншель. Что̀ это еще такое?

Фрау Геншель (сдавленнымъ отъ слезъ голосомъ поетъ). О, уходи!

Геншель (недоумѣвающе-вопросительно смотритъ на Зибенгаара, который покачиваетъ головой, протирая свое пенсне).

Зибенгааръ (тихо). Оставьте пока въ покоѣ вашу жену.

Фрау Геншель (попрежнему). Въ могилу хотите меня свести!

Зибенгааръ (къ Геншелю, который готовъ вспылить). Тс... Сдѣлайте мнѣ одолженіе... Тише!

Фрау Геншель. На то у меня и глаза! Не ослѣпли еще! Мнѣ нечего открывать... Въ насъ больше не нуждаются,— можно убираться.

Геншель (старается сдержаться). Что подразумѣваешь ты, Мальхенъ, подъ этимъ?

Фрау Геншель. Да, да, притворяйся!..

Геншель (теряя голову). Ну, скажи мнѣ только...

Фрау Геншель. Пусть будетъ, что будетъ. Я никогда не дамъ себя провести, хотя бы вы еще ловчѣй прятались... Я вижу сквозь стѣны... и васъ насквозь вижу. Что — нѣтъ!.. Дудки! Вы думаете, женщину такъ легко обмануть... Дудки! Одно знай... Если я умру, умретъ и Густель со мной. Я возьму ее съ собой. Лучше задушить ее, чѣмъ покидать на анаѳемскихъ дѣвокъ.

Геншель. Эхъ, матушка! Что тебѣ мерещится?

Фрау Геншель. Въ могилу меня хотите свести!

Геншель. Ну, перестань наконецъ, а то я осатанѣю!

Зибенгааръ (предостерегая). Тише, Геншель... Вѣдь она больна.

Фрау Геншель (услышавъ это). Больна? А кто меня довелъ до болѣзни? Вы оба: дѣвка и ты.

Геншель. Мнѣ хотѣлось бы только допытаться, кто тебѣ вбилъ въ голову эту ерунду. Дѣвчонка и я! Да пусть сейчасъ громъ разразится... Да что же между нами общаго?

Фрау Геншель. А развѣ ты не привозишь ей фартучки да ленточки?..

Геншель (снова безпомощно). Фартучки да ленточки?..

Фрау Геншель. Да, фартучки да ленточки!..

Геншель. Ну, это ужъ черезчуръ!

Фрау Геншель. Развѣ она тебѣ не угождаетъ? Развѣ она отъ тебя слышитъ рѣзкое слово? Развѣ она не такъ себя держитъ, точно хозяйка?

Геншель. Мать, молчи лучше... Молчи, говорю тебѣ!

Фрау Геншель. Ты долженъ молчать, потому что тебѣ нечего отвѣтить.

Зибенгааръ (около кровати). Фрау Геншель, успокойтесь. Это вѣдь вы все изъ пальца высосали.

Фрау Геншель. И вы не лучше... Вы такъ же поступаете... Бѣдныя женщины! Это-то ихъ и губитъ. (Заливаясь слезами) Пусть гибнутъ.

Зибенгааръ (смѣется коротко, серьезно подходитъ къ столу и раскупориваетъ бутылку краснаго вина).

Геншель (опустился на край кровати и примирительно говоритъ). Матушка, матушка! Повернись-ка ко мнѣ. Я по-доброму тебѣ слово скажу. (Поворачиваетъ ее съ ласковымъ насиліемъ). Ну, вотъ видишь, мать... Тебѣ померещилось...

Просто во снѣ привидѣлось... Нашему Шпицу тоже иногда привидится что-нибудь... Но теперь очнись. Поняла, мать? Ты столько ерунды нагородила, что самый большой бриндюгъ рухнетъ, если его этимъ нагрузить. У меня до сихъ поръ голова кругомъ идетъ отъ этого.

Зибенгааръ (ищетъ стаканъ и, найдя, наливаетъ въ него). И мнѣ попутно досталось.

Геншель. Не обидьтесь, сдѣлайте милость. Такая баба! Маята съ ней! Нѣтъ, выздоравливай-ка лучше! А то дойдетъ до того... какъ ты мнѣ какъ-то сказала, что я чужихъ лошадей увелъ.

Зибенгааръ. Вотъ пейте вино и подкрѣпитесь.

Фрау Геншель. Коли-бъ знать! (Зибенгааръ поддерживаетъ ее, пока она пьетъ).

Геншель. Что такое опять?

Фрау Геншель (выпивъ вино). Можешь ли ты обѣщать?

Геншель. Все, что ты хочешь.

Фрау Геншель. Если бы я умерла, ты бы женился на ней?

Геншель. Не спрашивай такихъ глупостей.

Фрау Геншель. Да или нѣтъ?

Геншель. На Ганнѣ? (Шутливо) Само собой... Понятно.

Фрау Геншель. Скажи серьезно.

Геншель. Ну, послушайте только, г-нъ Зибенгааръ. Что сказать на это? Ты же не умрешь!

Фрау Геншель. А если умру?

Геншель. Такъ я, разумѣется, тоже ее не возьму. Вотъ видишь, и узнала... Кончимъ теперь эту чепуху.

Фрау Геншель. Можешь пообѣщать?

Геншель. Что такое? Что пообѣщать?

Фрау Геншель. Что ты эту дѣвушку не возьмешь?

Геншель. Могу и обѣщать.

Фрау Геншель. Руку?!

Геншель. Да вѣдь сказалъ! (Кладетъ свою руку въ ея). Ну, а теперь довольно... Оставь меня съ этой чепухой въ покоѣ.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Прекрасный майскій полдень. Комната перваго дѣйствія. Кровати, въ которой лежала фрау Геншель, уже нѣтъ. Окно, гдѣ кровать стояла, открыто.

Ганна (работаетъ съ засученными рукавами, у лоханки, съ лицомъ, обращеннымъ къ окну).

Францъ (тоже съ засученными рукавами и завернутыми штанами. Голыя ноги въ деревянныхъ туфляхъ. Возвращается съ бадьей; онъ только-что мылъ экипажи. Игриво-грубо). Ганна, я пришелъ навѣстить тебя. Эхъ, Господи! Нѣтъ ли у тебя маленько теплой воды? А?

Ганна (швырнула постирку сердито съ доски въ лохань и перешла къ печкѣ). Не лѣзь ты такъ часто.

Францъ. Ну, ну... Что тутъ такого?

Ганна (наливая горячую воду въ его ведро). Нечего разспрашивать. Недосугъ мнѣ.

Францъ. Я мою повозку. Тоже не бездѣльничаю.

Ганна (вспыливъ). Оставь ты меня въ покоѣ, сдѣлай одолженіе. Сколько я тебѣ говорила!

Францъ. Что-жъ такое я тебѣ дѣлаю?

Ганна. Не приставай такъ ко мнѣ.

Францъ. Ты, вѣрно, забыла, что между нами?

Ганна. Ровно ничего. Да и что можетъ быть между нами? Я иду своей дорогой, ты своей. Вотъ и всѣ отношенія между нами.

Францъ. Это для меня изъ новостей новость.

Ганна. А для меня это старое.

Францъ. Должно-быть... Ганна... что же произошло?

Ганна. Ничего... Ровно ничего... Только оставь меня въ покоѣ.

Францъ. Развѣ ты можешь пожаловаться на меня? Развѣ я тебѣ измѣнялъ?

Ганна. А мнѣ что за дѣло. Шляйся, съ кѣмъ хочешь... Мнѣ все равно.

Францъ. Съ какихъ это поръ, Ганна?

Ганна. Съ сотворенія міра.

Францъ (взволнованно, плаксиво). Ты врешь, Ганна.

Ганна. Такъ еще попытайся. Меня это меньше всего трогаетъ. Не очень-то этакъ повезетъ тебѣ у меня. Я не позволю тебѣ упрекать меня во лжи. Коротко и ясно. Пора положить этому конецъ! А если ты такой толстокожій и ничего не понимаешь,—такъ прямо тебѣ скажу и вобью въ твою башку: все кончено между нами.

Францъ. Это ты серьезно?

Ганна. Все между нами кончено. Помни это, Францъ.

Францъ. Ладно. Такъ и запишемъ! (Все больше и больше волнуясь и въ концѣ концовъ скорѣе плача, чѣмъ говоря) Ты не думай, что я такъ глупъ. Я это не сегодня замѣтилъ. Я только полагалъ, что ты наконецъ образумишься.

Ганна. Такъ я и сдѣлала.

Францъ. Кто какъ понимаетъ! Я, конечно, бѣднякъ, а у Геншеля полный сундукъ денегъ. Если хорошенько поразмыслить, такъ ты и вправду поумнѣла.

Ганна. Начни еще такъ... Ну, ужъ тутъ и вовсе прогоришь.

Францъ. Развѣ это не правда? Развѣ ты не стараешься во что бы то ни стало стать фрау Геншель? Развѣ я не правду говорю? Это вѣдь вѣрно.

Ганна. Это мое дѣло. Тебя не касается. Пусть каждый о себѣ заботится.

Францъ. Ну, а если я, только заботясь о себѣ, пойду къ Геншелю и скажу, что Ганна обѣщала замужъ за меня, и мы ужъ поладили.

Ганна. Попробуй только.

Францъ (почти плача отъ ярости и обиды). Я и попробую. Ты заботишься о себѣ, а я о себѣ позабочусь тоже. Какова ты, таковъ и я! (Вдругъ мѣняя тонъ) Я тебя вовсе не хочу знать. Ты хоть на шею мнѣ повѣсься, а такая дѣвка слишкомъ плоха для меня.

Ганна. Вотъ видишь, это наконецъ помогло.

(Въ то время, какъ Ганна продолжаетъ работать надъ лоханью, въ проходѣ появляется вдали Вермельскирхъ, мужчина пятидесяти-лѣтъ, несомнѣнно бывшій актеръ. Онъ въ истрепанномъ халатѣ, вышитыхъ туфляхъ, куритъ изъ длинной трубки).

Вермельскирхъ (послѣ того какъ, незамѣченный Ганной, онъ нѣкоторое время смотрѣлъ въ комнату). Дошелъ до васъ кашель?

Ганна. Чей это?

Вермельскирхъ. Да какъ же? Наверху ужъ одинъ гость *) есть.

Ганна. Да ужъ пора! Вѣдь ужъ половина мая!

Вермельскирхъ (медленно переступаетъ порогъ и вполголоса мурлычитъ).

Чахотки кандидатъ я... Ахъ,
Видивидивитъ, бумъ-бумъ...
И скоро жизни моей крахъ...
Видивидивитъ, бумъ-бумъ!

*) Kurgast.

(Ганна смѣется надъ лоханью). Вотъ такую шпуку слышать — одно удовольствіе. Сейчасъ видно, что лѣто наступаетъ.

Ганна. Еще одна ласточка весны не дѣлаетъ.

Вермельскирхъ (устраивается на припечкѣ). Гдѣ же Геншель?

Ганна. На кладбище поѣхалъ.

Вермельскирхъ. Такъ: вѣдь сегодня день рожденія его жены. (Пауза). А старика это здорово подкузьмило. Скажите, когда же онъ вернется?

Ганна. Не знаю, право, зачѣмъ вообще ему нужно было тащиться. Лошади до зарѣза нужны. А онъ къ тому же взялъ съ собою новаго кучера.

Вермельскирхъ. Э, Ганна... Досада портитъ аппетитъ.

Ганна. Да вѣдь правда. Онъ все забросилъ. Омнибусъ долженъ во-время отъѣхать. Одиночка еще стоитъ грязная, а Гауфе — того съ мѣста не сдвинешь... Этотъ старый хрычъ... его, какъ сухую палку, не согнешь.

Вермельскирхъ. Да, да, начинается работа. Дѣла — бугры. Главный поваръ наверху тоже сегодня вступаетъ въ должность. Да и въ передней пивной я тоже уже замѣтилъ.

Ганна (коротко смѣясь). Но васъ еще не видно, что вы очень заняты.

Вермельскирхъ (не обижаясь). Это будетъ со временемъ. Позже, eleven o'clok. Тогда я на всѣхъ парахъ пущусь въ дѣло.

Ганна. На всѣхъ парахъ! Пойдетъ дѣло... Это я могу себѣ представить... Трубка-то ужъ, навѣрное, при этомъ не будетъ остывать.

Вермельскирхъ (ухмыляясь). Вы всегда колки, сударыня. Колка, какъ иголка!.. Сегодня у насъ къ столу... Стойте... первое—контрабасъ... второе—віолончель... третье—двѣ первыхъ скрипки и двѣ вторыхъ скрипки... Третье: двѣ первыхъ... три первыхъ... двѣ вторыхъ... три вторыхъ... двѣ первыхъ... Теперь они у меня всѣ перепутались... въ концѣ концовъ капелла въ десять человѣкъ... Что же вы смѣетесь? Думаете—сочиняю? А какъ вы полагаете, сколько пожираетъ одинъ контрабасъ? Вы будете поражены... Это ли еще не дѣло!

Ганна (нахохотавшись). Конечно... у кухарки будетъ дѣловъ!

Вермельскирхъ (просто). Моя жена, дочь, вся семья...

Мы всѣ должны будемъ добросовѣстно повозиться. А когда лѣто пройдетъ,—оказывается, сыграли въ пустую.

Ганна. Не понимаю, чего вамъ жаловаться. Вы дѣлаете въ домѣ самыя лучшія дѣла. Пивная у васъ не пустуетъ никогда — и зимой и лѣтомъ. Если-бъ я была на мѣстѣ Зибенгаара, я бы васъ подтянула! Вы бы у меня не отдѣлались какими-нибудь паршивыми тремя стами талеровъ! Меньше тысячи не прошло бы. И все-таки у васъ бы довольно осталось.

Вермельскирхъ (поднялся и, посвистывая, расхаживаетъ). Еще не угодно ли вамъ чего? У меня со страху даже трубка потухла.

Георгъ (молодой, живой ловкій кельнеръ быстро идетъ съ завтракомъ на подносѣ по лѣстницѣ за стеклянной дверью. Еще за дверью онъ изумленно останавливается, но все-таки ее открываетъ, смотритъ въ подвальный ходъ направо, потомъ налѣво, внизъ). Чортъ побери, куда я попалъ!..

Ганна (смѣясь у лохани). Вы заплутались. Поворачивайте назадъ.

Георгъ. Это-жъ прямо Богъ знаетъ что̀ такое! Голова идетъ кругомъ. Въ этомъ лабиринтѣ и лошадь пути не сыщетъ.

Ганна. Вы, вѣроятно, только-что поступили?

Георгъ. Ну да, только вчера. Ну, скажите на милость, со мной еще этого никогда не бывало. Я не въ одномъ домѣ побывалъ, но тутъ надо брать проводника.

Вермельскирхъ (преувеличивая саксонскій акцентъ). Скажите, вы не изъ Дрездена?

Георгъ. Мейсенъ — мой родной городъ.

Вермельскирхъ. Да неужто! Ахъ, Господи Іисусе!..

Георгъ. Какъ же отсюда пройти?.. Скажите на милость!

Ганна (подтянувшись въ присутствіи кельнера, по-своему кокетничая). Все назадъ... и лѣстница наверхъ. Намъ внизу такіе ласточкины хвосты не ко двору.

Георгъ. Здѣсь бельэтажъ *), не правда ли?

Ганна. Вы воображаете, что это собачья конура *), что ли? Мы облаемъ, что ли, васъ? Здѣсь, внизу, живутъ благородные люди.

Георгъ (заигрывая). Ну, красотка, красотка... Знаете что̀. Идите и покажите мнѣ дорогу. Съ вами я не буду бояться, хотя бы вы повели меня въ погребъ, на сѣновалъ или куда бы то ни было...

*) Bellen—лаять. Каламбуръ.

Ганна. Проваливайте-ка своей дорогой. Нечего сказать, вы подъ стать мнѣ! Такихъ борзыхъ у насъ довольно!

Георгъ. Не помочь ли мнѣ вамъ постирать, красавица?

Ганна. Ну, если вы на это разсчитываете, то я могу вамъ прибавить усердія вотъ этимъ. (Вынимаетъ половину бѣлья изъ воды). Только ужъ тогда поищите манишку.

Георгъ. Неужто! Не превратите же вы меня въ такую свинью! Немыслимо! Не идетъ! Ну, да мы еще объ этомъ потолкуемъ. Не правда ли, красавица? Ну, конечно, непремѣнно! Мы еще потолкуемъ объ этомъ, когда у меня будетъ время... Потомъ, въ другой разъ... (Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ).

Вермельскирхъ. Ну, ужъ этотъ не заблудится такъ скоро. Дорогу изъ столовой на кухню Зибенгааръ ему укажетъ! Ганна, когда же вернется Геншель?

Ганна. Ну, такъ—къ обѣду. Передать ему что-нибудь?

Вермельскирхъ. Да, скажите ему, только не забудьте!— скажите ему, что я ему кланяюсь.

Ганна. Глупости... Представляю себѣ, что это такое.

Вермельскирхъ (проходитъ мимо нея съ легкимъ поклономъ). На мысли пошлины нѣтъ. До свиданья. (Уходитъ).

Ганна (быстро стираетъ). Эхъ, если бы только Геншель не былъ такъ глупъ!

(Снаружи, передъ окномъ, старьевщикъ Фабихъ смотритъ въ окно).

Фабихъ. Доброе утро, молодка. Какъ поживаете? Какъ дѣла?

Ганна. Кто вы такой будете?

Фабихъ. Я-то? Фабихъ изъ Квальсдорфа. Какъ же это вы меня не узнаёте? Я съ поклономъ отъ вашего отца. Онъ велитъ вамъ сказать... Да я лучше зайду къ вамъ.

Ганна. Хорошо ужъ... Я знаю. Опять онъ денегъ клянчитъ. У меня самой всего ничего.

Фабихъ. Я ему то же говорилъ, а онъ вѣрить не хочетъ. Вы одна, молодка?

Ганна. А вамъ что?

Фабихъ (понижая голосъ). Вотъ видите ли... У меня то и другое на умѣ. Черезъ окно—пожалуй, люди услышатъ.

Ганна. А по мнѣ, хоть войдите. (Фабихъ скрывается отъ окна). И что это его какъ разъ нынче принесло! (Вытираетъ руки).

Фабихъ (входитъ. Старьевщикъ, бѣдно одѣтъ, вертлявъ, лѣтъ тридцати шести, съ скудной бородкой). Доброе утро, молодая хозяйка.

Ганна (съ сердцемъ). И вовсе я не молодая хозяйка, — это во-первыхъ.

Фабихъ (лукаво). Хоть бы и такъ... Все едино, ждать недолго.

Ганна. Это бабьи бредни и только...

Фабихъ. Я тутъ не при чемъ: такъ слышалъ. Что же, люди вездѣ такъ судачатъ; вѣдь Геншельша умерла.

Ганна. Пускай судачатъ, мнѣ ни почемъ. Я дѣлаю свое дѣло. Что мнѣ!

Фабихъ. Это по-моему. Оно такъ лучше всего. Какихъ мнѣ собакъ на шею ни вѣшали! Въ Альтвассерѣ я будто бы голубей свистнулъ... Какая-то собачонка за мной побѣжала,—люди сейчасъ сплели, что я ее укралъ.

Ганна. Если вамъ нужно что-нибудь мнѣ сказать,— короче!

Фабихъ. Вотъ оно что! Видите... Такъ оно и есть. Это по-моему. Люди всегда слишкомъ много болтаютъ. У нихъ какихъ-нибудь двѣ-три тряпки, а нашумятъ такъ, какъ будто они продаютъ цѣлое хозяйство. Въ такомъ случаѣ— два слова. Дѣло въ томъ, молодка... Сдѣлайте одолженіе, не обижайтесь... оговорился... Я хотѣлъ сказать—дѣвица... Это касается вашей дочки.

Ганна (вспыльчиво). Нѣтъ у меня никакой дочки, если хотите знать. Дѣвочка, которая у моего отца, это дочка сестры.

Фабихъ. Ну, коли такъ, другой разговоръ. А мы-то всѣ думаемъ, что дѣвочка ваша. А гдѣ же ваша сестра?

Ганна. Кто ее знаетъ, гдѣ она. Она не такъ проста, чтобы отзываться... Справляйтесь, молъ, какъ угодно.

Фабихъ. Эхъ, народъ, народъ! Опять штуки! А я бы голову далъ на отсѣченіе, что это такъ. Да не только я, но и всѣ мы вмѣстѣ у насъ, въ Квальсдорфѣ, рискнули бы утверждать, что вы—мать этой крошки.

Ганна. Да, да, я ужъ знаю, кто это на меня взваливаетъ. Я бы могла всѣхъ ихъ поименно назвать. Они бы душой рады меня въ шлюхи записать. Ну, попадись они мнѣ—я съ ними расквитаюсь... Попомнятъ!

Фабихъ. Дѣйствительно, это скверная штука. А дѣло-то въ томъ, молодка, старикъ-то отецъ вашъ... вѣдь вамъ извѣстно... онъ все такой же... Онъ трезвымъ не бываетъ, все пьетъ безъ просыпа. Мать-то умерла вѣдь два года тому назадъ... При ней-то она могла эту крошку оставить. Теперь это немыслимо: домъ пустой. Онъ ее и таскаетъ

по всѣмъ трактирамъ, изъ трущобы въ трущобу. Собака и то пожалѣла бы, коли-бъ видѣла.

Ганна (вспыльчиво). А я виновата, что онъ пьетъ?

Фабихъ. Сохрани Богъ... Нисколько! Старика-то ужъ никто не удержитъ. Вопросъ въ дѣвочкѣ. Ее-то и надо пожалѣть. Если ее не взять и не отдать въ опеку хорошимъ людямъ, такъ она и десяти недѣль не проживетъ.

Ганна (жестко). Это меня не касается. Я не могу ее взять. У меня самой хлопотъ полонъ ротъ.

Фабихъ. Приходите когда-нибудь въ Квальсдорфъ и взгляните сами. Это было бы самое лучшее. И что за дѣвчурка такая! Прямо прелесть! Ручонки... ножонки... чистый фарфоръ... Такія аккуратненькія, деликатненькія...

Ганна. Не мой ребенокъ... Мнѣ дѣла нѣтъ до него.

Фабихъ. Нѣтъ, все-таки приходите и распорядитесь, какъ и что... Просто жалость беретъ. Какъ ни зайдешь въ трактиръ... хоть въ полночь... Видите ли, мое дѣло этого требуетъ... И видишь ее съ отцомъ въ дыму, душа въ тѣлѣ переворачивается.

Ганна. Трактирщики не должны бы ему давать пить. Взяли бы кнутъ да проучили бы его,—тогда бы онъ образумился!.. Что это? Повозка заѣхала во дворъ. Вотъ вамъ пять грошей. А теперь проваливайте. Я это обдумаю. Теперь мнѣ некогда съ этимъ возиться. Но, если вы будете здѣсь болтать во всѣхъ пивныхъ, мы съ вами поссоримся.

Фабихъ. Ну его! Какое мнѣ до этого дѣло! Вашъ ли этотъ ребенокъ, вашей ли сестры, — въ церковной книгѣ смотрѣть не буду и носа тоже совать не стану. Но, если вы хотите услышать хорошій совѣтъ, самое лучшее, если вы скажете объ этомъ Геншелю; онъ вамъ головы за это не оторветъ.

Ганна (все больше волнуется, такъ какъ уже слышенъ голосъ Геншеля). Что вздоръ нести! Почернѣть можно отъ этого! (Уходитъ въ каморку).

Геншель (входитъ серьезно и медленно. На немъ черный костюмъ, цилиндръ и бѣлыя вязаныя перчатки. Останавливается, замѣчаетъ Фабиха, старается что-то припомнить).

Геншель (просто и спокойно). Кто вы будете?

Фабихъ (живо). Я покупаю тряпки, старую бумагу, поношенное платье, мебель. Словомъ, все, что попадется.

Геншель (долго смотритъ на него. Добродушно, но твердо). Вонъ отсюда!

(Фабихъ уходитъ, смущенно улыбаясь).

Геншель (снимаетъ цилиндръ, вытираетъ лобъ и затылокъ цвѣтнымъ платкомъ, шляпу ставитъ на столъ и, повернувшись къ двери, говоритъ). Дѣвушка, гдѣ ты?

Ганна. Я у Густли. Здѣсь, въ каморкѣ.

Геншель. Ну ладно, я могу подождать. (Садится, глубоко стонетъ). Да, да... Эхъ, эхъ! Горе мое горькое!

Ганна (входитъ, суетливо). Ѣда сейчасъ будетъ на мѣстѣ.

Геншель. Я ничего не могу ѣсть... не хочется... Я не голоденъ.

Ганна. Ѣсть и пить — на свѣтѣ жить. Я разъ служила у одного гуртовщика. Онъ не разъ говаривалъ намъ: если у кого сердечное горе или что-нибудь такое, онъ долженъ непремѣнно ѣсть, хоть и не хочется.

Геншель. Ну, тогда свари обѣдъ, посмотримъ.

Ганна. Не надо слишкомъ убиваться. Надо примириться съ этимъ.

Геншель. Былъ ли переплетчикъ Горандъ?

Ганна. Все въ порядкѣ. Сорокъ новыхъ билетовъ сдѣлано: тамъ лежатъ, на комодѣ.

Геншель. Опять пошла гонка: утро за утромъ, обѣдъ за обѣдомъ, надо съ этимъ старымъ рыдваномъ ѣздить въ Фрейбургъ и перетаскивать больныхъ черезъ гору.

Ганна. Вы слишкомъ себя утруждаете. Старый Гауфе слишкомъ ужъ неповоротливъ сталъ. Я бы не потерпѣла и отказала ему.

Геншель (встаетъ, подходитъ къ окну). Мнѣ ужъ до-нельзя надоѣло это извозничество. По мнѣ, все бы лопнуло... Не нынче, такъ завтра—это мнѣ все едино. Лошадей къ живодеру, повозки хоть на топливо, а для себя надо поискать веревку покрѣпче. Ну, я пойду наверхъ, къ Зибенгаару.

Ганна. Я хотѣла бы вамъ что-то сказать

Геншель. Ну, что такое?

Ганна. Видите, мнѣ, право, это не такъ-то легко. (Притворно плачетъ). Но мой братъ... Онъ нуждается во мнѣ. (Уже воя) Я должна [illegible]у уйти.

Геншель (въ высшей степени пораженный). Ты, вѣрно, ошалѣла! Не дѣлай глупостей. (Ганна продолжаетъ стоять и плакать крокодиловыми слезами съ передникомъ у глазъ).

Геншель. Ну, скажи мнѣ, дѣвушка. Неужели ты меня теперь подведешь? Это была бы штука! Кому же тогда хозяйничать? Теперь лѣто у воротъ, а ты меня хочешь безъ рукъ оставить.

Ганна (попрежнему). Жаль мнѣ только дѣвочку.

Геншель. Если не позаботишься о ней ты, кто же позаботится?

Ганна (постепенно, какъ будто бы подавляя силой свое горе). Что-жъ подѣлаешь! Иначе нельзя.

Геншель. На свѣтѣ все можно: только пожелать надо. Прежде ты что-жъ объ этомъ ничего не говорила? А теперь вдругъ — какой-то братъ. Иль я къ тебѣ приставалъ? Не нравится тебѣ, что ли, у меня больше?

Ганна. Пора кончить съ этими пересудами!

Геншель. Какіе пересуды?

Ганна. Ужъ я и не знаю. Лучше въ сторону отъ этого.

Геншель. Если-бъ я только зналъ, что ты подъ этимъ подразумѣваешь.

Ганна. Я дѣлаю свое дѣло, получаю за это жалованье... Я не хочу, чтобы на меня плели. Когда хозяйка еще жива была, я цѣлый день возилась. Теперь, послѣ ея смерти, я тѣмъ болѣе не лѣнтяйничаю. Пусть люди болтаютъ, что я такъ стараюсь только для того, чтобы стать хозяйкой. Я ужъ лучше найду себѣ другую службу.

Геншель (облегченно). Успокойся, если все дѣло въ этомъ.

Ганна (беретъ первую попавшуюся работу, чтобы только имѣть поводъ удалиться). Нѣтъ, нѣтъ, я уйду, я не могу остаться. (Уходитъ).

Геншель (вслѣдъ ей). Пусть люди болтаютъ. Пренебреги. Что-жъ этимъ образинамъ дѣлать, коли не сплетничать? (Снимаетъ съ себя черный сюртукъ, вѣшаетъ его, вздыхая). Заботъ не убываетъ.

Зибенгааръ (входитъ медленно, несетъ бутылку съ водой и стаканъ). Здравствуйте, Геншель.

Геншель. Спасибо, господинъ Зибенгааръ.

Зибенгааръ. Я вамъ не помѣшалъ?

Геншель. Что тамъ... Нѣтъ... Вотъ еще! Милости просимъ.

Зибенгааръ (ставитъ на столъ бутылку и стаканъ). Опять я долженъ начать свое лѣченіе. Опять долженъ возиться съ горломъ. Эхъ, Боже мой! Долженъ же отъ чего-нибудь человѣкъ умереть!

Геншель. Попейте только побольше изъ источника, — вылѣчитесь.

Зибенгааръ. Я такъ и дѣлаю.

Геншель. И не Мюльбрунъ, и не Обербрунъ, а нашъ источникъ... Самый лучшій.

Зибенгааръ. Ну, поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. (Въ раздумьѣ взялся рукой за плющъ и играетъ имъ. Опомнился, за-

мѣтилъ это, бросилъ удивленный взглядъ на цилиндръ и на Геншеля и говоритъ неожиданно). Сегодня день рожденія вашей жены?

Геншель. Сегодня ей минуло бы тридцать шесть лѣтъ.

Зибенгааръ. Развѣ?

Геншель. Ахъ... охъ... (Пауза)

Зибенгааръ. Геншель, я васъ лучше оставлю одного. А если вамъ удобно, такъ завтра мы побесѣдуемъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Геншель. Мнѣ было бы удобнѣе сейчасъ.

Зибенгааръ. Дѣло—въ тысячѣ талеровъ.

Геншель. Знаете, г. Зибенгааръ, вмѣсто того, чтобы продолжать разговоръ, оставьте-ка эти деньги у себя до слѣдующей зимы. Видите ли, что имъ лежать здѣсь у меня? Мнѣ онѣ теперь не нужны, признаться. Не въ нихъ дѣло. А что онѣ не пропадутъ,—это я знаю.

Зибенгааръ. Ну, Геншель, я вамъ очень благодаренъ. Вы мнѣ дѣлаете большое одолженіе. Лѣтомъ выручка большая, вы это знаете, а теперь это было бы затруднительно для меня.

Геншель. Ну, вотъ видите, мы и сговорились. (Пауза).

Зибенгааръ (расхаживая). Да, да, я иногда самъ удивляюсь: въ этомъ домѣ вѣдь я выросъ, а если бы удалось хоть наполовину расквитаться, я бы съ спокойнымъ духомъ могъ нынче уѣхать отсюда.

Геншель Ну, а я бы неохотно уѣхалъ отсюда, признаться. Я бы даже не зналъ, куда мнѣ дѣться.

Зибенгааръ. У васъ, Геншель, дѣла все шли въ гору. То, что мнѣ было препятствіемъ, подсобляло вамъ.

Геншель. У одного тамъ прорѣха, у другого здѣсь. Неизвѣстно, кому хуже. Видите ли у меня, какъ пшеницу на полѣ повалило? Встанетъ ли она когда-нибудь? Мнѣ все еще не по себѣ. (Молчаніе).

Зибенгааръ. Всему свое время. Это вы должны побороть. Вамъ надо быть на людяхъ, людей послушать, посмотрѣть, иногда стаканчикъ пива выпить. Даже, по-моему, уйти въ дѣло, а не все думать объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ. Измѣнить нельзя,—такъ впередъ.

Геншель. Это вѣрно. Вы правы.

Зибенгааръ. Конечно, ваша жена была самая лучшая, вѣрнѣйшая женщина. Всѣ на этотъ счетъ въ одинъ голосъ. Но вѣдь вы человѣкъ живой, Геншель. Вы еще мужчина въ соку, вамъ еще много предстоитъ въ жизни. Еще кто знаетъ, что вамъ суждено. Это не значитъ, что вы должны

забыть свою жену. Наоборотъ. Да этого и подумать нельзя о такомъ человѣкѣ, какъ вы. Но вы должны почитать ея память здраво. Тутъ вѣдь все равно ничему не поможешь. Я ужъ давно наблюдаю за вами и давно рѣшилъ про себя усовѣстить васъ. Вы слишкомъ поддаетесь своему горю.

Геншель. Что-жъ тутъ подѣлаешь? Я не спорю, вы правы, но иногда теряешь голову. Хочешь взяться за дѣло,—чего-то не хватаетъ. Четыре глаза лучше видятъ, чѣмъ два; четыре руки тоже гораздо больше могутъ сдѣлать. Лѣтомъ столько экипажей. Кто дома присмотритъ за всѣмъ этимъ! Это вѣдь нелегкая штука!

Зибенгааръ. Я думалъ, что Ганна тутъ молодцомъ.

Геншель. Да! А вотъ видите, она тоже отказалась. А безъ женщины слишкомъ плохо. Ни на кого нельзя положиться. О томъ-то я и говорю.

Зибенгааръ. Женитесь, Геншель.

Геншель. Пожалуй, это было бы самое подходящее. Какъ справиться безъ жены? Нашему брату безъ жены не сладить. Я ужъ и то рѣшилъ-было пойти наверхъ, поговорить съ барыней,—можетъ, она мнѣ что̀ посовѣтуетъ. Все это приключилось такъ внезапно! Такъ вотъ, въ разгарѣ дѣла умерла. Сказать по правдѣ,—извозчичье дѣло упадетъ, какъ только пройдетъ здѣсь желѣзная дорога. Мы, вотъ видите, кое-что скопили и хотѣли себѣ годика этакъ черезъ два гостиницу купить маленькую; а безъ жены этого дѣла не оборудуешь.

Зибенгааръ. Да, безъ жены этого не сдѣлаешь. Но вѣдь нельзя же тянуть все, какъ теперь. Не останетесь же вы всю жизнь вдовцомъ. Ужъ изъ-за одного ребенка нельзя.

Геншель. Это же я и говорю.

Зибенгааръ. Мнѣ, конечно, нечего вмѣшиваться тутъ, но я все-таки считаю, что мы—старые пріятели. Ждать, Геншель, только изъ-за пересудовъ людей,—я считаю это совершенной глупостью. Если вы задумали, серьезно задумали опять жениться, то для васъ и ребенка—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Не съ маху, конечно! Но если вы только мысленно все взвѣсили, тогда — впередъ, Пруссія! Что̀ медлить! (Послѣ небольшой паузы, во время которой Геншель почесываетъ за ушами). Есть у васъ кто-нибудь на примѣтѣ?

Геншель. Есть ли кто? Можетъ-быть, да. Только я ее взять не могу.

Зибенгааръ. Почему?

Геншель. Вы же сами знаете.

Зибенгааръ. А? Откуда же мнѣ знать?

Геншель. Подумайте маленько.

Зибенгааръ (качая головой). Сейчасъ не могу представить.

Геншель. Я вѣдь долженъ былъ пообѣщать своей женѣ.

Зибенгааръ. Вотъ оно что̀. Это вы про работницу? Про Ганну? (Пауза).

Геншель. Я таки-подумывалъ объ этомъ. Что̀ мнѣ за горами искать! Иногда проснусь ночью, такъ часа два заснуть не могу: все объ одномъ думаю. Никакъ не могу этого изъ головы выбросить. Дѣвушка хорошая. Немного молода для меня, стараго хрыча, зато работать можетъ за четверыхъ мужчинъ. Притомъ же и за Густлей смотритъ такъ, что лучше и мать бы не могла. Въ концѣ концовъ у ней голова на плечахъ, голова, которая, пожалуй, лучше моей будетъ. И считаетъ она лучше меня. Счетчика могла бы замѣнить. Каждый грошъ помнитъ въ точности, хоть черезъ полтора мѣсяца спроси. Я думаю, что она двухъ юристовъ въ дуракахъ оставитъ.

Зибенгааръ. Ну, если вы во всемъ этомъ такъ убѣждены...

Геншель. Лучшей жены мнѣ не найти. Я не могу все-таки этого выкинуть изъ головы. (Пауза).

Зибенгааръ. Да, да, теперь я смутно вспоминаю. Это было еще въ послѣднее время. Но я могу вамъ откровенно сказать: я не принялъ этого въ серьезъ. Ваша жена была очень взволнована. Главная причина — болѣзненное состояніе ея. По-моему, этотъ вопросъ не такъ важенъ. Главное, подходитъ ли Ганна на самомъ дѣлѣ къ вамъ. У ней, несомнѣнно, много достоинствъ, но многое мнѣ въ ней не нравится. Да кто безъ недостатковъ! У ней вѣдь, говорятъ, есть ребенокъ.

Геншель. У ней есть ребенокъ. Я это разузналъ. Пусть даже и такъ? Мнѣ все равно. Меня, что ли, ей дожидаться? Она вѣдь тогда и о моемъ существованіи-то не подозрѣвала. Она вѣдь вонъ какая свѣжая и сильная, — это свое берстъ. Если груши зрѣлы, онѣ падаютъ. Надъ этимъ я бы не задумался.

Зибенгааръ. Ну, такъ. А все другое—вещь посторонняя. Хоть, впрочемъ, не особенно посторонняя,—объ этомъ толки пойдутъ, я понимаю. Но, во всякомъ случаѣ, надо отъ этого освободиться. Считаться съ этимъ, помимо серьезныхъ соображеній,—это пустое, Геншель.

Геншель. Это я тоже себѣ ужъ десять разъ твердилъ. Видите ли, она всегда желала мнѣ добра. Я подразумѣваю жену... когда она была здорова. Не станетъ же она мнѣ поперекъ дороги. Гдѣ бы она ни была, она желаетъ мнѣ благополучія.

Зибенгааръ. Несомнѣнно.

Геншель. Сегодня былъ я на ея могилѣ. Барыня тоже велѣла вѣнокъ положить. Я думалъ: пойду-ка я, можетъ-быть, она внушитъ какую-нибудь мысль, можетъ, тогда рѣшишься на что-нибудь. «Мать,—сказалъ я мысленно:—дай мнѣ какой-нибудь знакъ. Да или нѣтъ? Какъ будетъ, такъ и будетъ». Съ полчаса я стоялъ, молился и все ей объяснилъ, конечно, въ душѣ, про себя: и про ребелка, и про гостиницу, и про то, что я никакъ не могу сладить съ дѣлами... Но она все-таки не дала мнѣ никакого знака.

(Ганна входитъ, искоса поглядывая на говорящихъ, убираетъ энергично скамейку и лохань и хозяйничаетъ у печки).

Зибенгааръ (къ Геншелю). Пусть мертвымъ будетъ пухомъ земля. Вы мужчина, вы живете. На что вамъ знаки и чудеса, Геншель? Мы и своимъ умомъ справимся. Идите своимъ путемъ. На вашемъ кораблѣ вы капитанъ. Выбросьте за бортъ всѣ сомнѣнія, колебанія. Чѣмъ больше я думаю о вашемъ дѣлѣ, тѣмъ яснѣе мнѣ все это.

Геншель. Ганна, что ты на это скажешь?

Ганна. Не знаю. Я не могу знать, о чемъ вы говорите.

Геншель. Ну, подожди. Потомъ я тебѣ все скажу.

Зибенгааръ. Прощайте, Геншель. До свиданья. Желаю вамъ счастья.

Геншель. Надо бы надѣяться.

Зибенгааръ. За васъ я ни на минуту не боюсь. У васъ всегда была счастливая рука. (Уходитъ).

Геншель (ему вслѣдъ). Не сглазьте, г. Зибенгааръ.

Ганна. Надо три раза сплюнуть. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Пауза). Не могу сдержаться. Вы ужъ черезчуръ добры.

Геншель. Почему же я?

Ганна. Васъ обираютъ люди, можно сказать.

Геншель. Ты думаешь, онъ хотѣлъ что-нибудь отъ меня?

Ганна. А то какъ же? А то что же другое! Какъ ему не стыдно у бѣдныхъ людей выпрашивать!

Геншель. Ганна, ты не знаешь сама, что говоришь.

Ганна. Ну ужъ нѣтъ, знаю.

Геншель. А вотъ и не знаешь. Ты и не можешь знать. Послѣ, когда-нибудь, ты поймешь. А теперь я пойду прежде

всего въ пивную, возьму себѣ кружку пива въ первый разъ за эти восемь недѣль. Потомъ можемъ вмѣстѣ пообѣдать, а послѣ обѣда, послушай, мы переговоримъ. Тогда видно будетъ, какъ все устроится. Или тебѣ не охота?

Ганна. Вы же говорите сами—видно будетъ.

Геншель. И опять говорю—видно будетъ. (Уходитъ. Пауза).

Ганна (продолжаетъ работать, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда Геншель совсѣмъ исчезаетъ, она вдругъ останавливается, вытираетъ руки и не можетъ сдержать радостнаго волненія: срываетъ передникъ и, торжествуя, говоритъ про себя). Я вамъ покажу... Берегитесь!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же комната, что и въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ.
Вечеръ въ концѣ ноября; въ печкѣ пылаетъ огонь; на столѣ—свѣча.
Средняя дверь закрыта.
Изъ верхняго этажа глухо доносится музыка для танцевъ.

Ганна (теперь фрау Геншель, сидитъ за столомъ и вяжетъ. Она аккуратно и чисто одѣта въ синее ситцевое платье; на плечахъ—красная косынка. Мастеръ Гильдебрантъ, кузнецъ, маленькаго роста, мускулистый,—входитъ).

Гильдебрантъ. Добрый вечеръ, Геншельша! А гдѣ твой мужъ?

Фрау Геншель. Уѣхалъ въ Бреславль. Онъ долженъ привести трехъ новыхъ лошадей.

Гильдебрантъ. Такъ, вѣрно, онъ сегодня не возвратится?

Фрау Геншель. Раньше понедѣльника — нѣтъ.

Гильдебрантъ. Нынче у насъ суббота. Мы тутъ фуру назадъ привезли. Поставили ее во дворѣ, подъ залой. Пришлось четыре новыхъ обруча сдѣлать. А Гауфе нѣтъ?

Фрау Геншель. Онъ уже давно у насъ не живетъ.

Гильдебрантъ. Что же за чепуху я несу, чортъ возьми! Я хотѣлъ вѣдь про новаго конюха спросить. И Шварца нѣтъ?

Фрау Геншель. Онъ тоже въ Бреславль уѣхалъ.

Гильдебрантъ. Такъ, такъ. Про Гауфе какъ мнѣ не знать! Онъ часто спускается къ намъ въ кузницу, болтаетъ и смотритъ, какъ мы подковываемъ лошадей. У него вѣдь до сихъ поръ нѣтъ мѣста.

Фрау Геншель. Люди говорятъ, что онъ пить начинаетъ?

Гильдебрантъ. Да, кажется, такъ. Плохо приходится старику. Никто не хочетъ его взять. Что такое тамъ сегодня наверху?

Фрау Геншель. Танцы. Тамъ—развлеченіе.

Гильдебрантъ. А что, фрау Геншель, если бы мы туда пошли съ вами? Почему мы тоже не можемъ протанцовать вальсъ?

Фрау Геншель. Вотъ бы глаза-то вытаращили! На что вамъ Геншель?

Гильдебрантъ. Да вотъ, у земскаго есть нѣгій жеребецъ, не даетъ себя подковать проклятая тварь. Мы хотѣли Геншеля попросить. Если онъ эту бѣшеную собаку не заставитъ стоять, такъ пусть его самъ чортъ подкуетъ! Добрый вечеръ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Добрый вечеръ. (Гильдебрантъ уходитъ).

Фрау Геншель (прислушивается къ шуршанью, которое идетъ отъ наружнаго хода). Что это тамъ шуршитъ? (Открываетъ дверь). Кто здѣсь такъ шумитъ?

Франциска (входитъ, танцуя). Мѣсто, мѣсто, фрау Геншель! Некогда мнѣ! (Она кружится вокругъ стола въ такъ звучащаго вальса).

Фрау Геншель. Вотъ чертовщина! Что ты творишь? Бѣшеная собака, что ли, укусила тебя? (Франциска кружится, не обращая вниманія, напѣвая вальсъ. Фрау Геншель, все болѣе и болѣе развеселяясь) Ради Бога, тебя ударъ хватитъ! Ну, Франциска, ты наконецъ рехнешься! (Музыка перестаетъ играть. Франциска падаетъ въ изнеможеніи на стулъ).

Франциска. Я бы могла танцовать до смерти, фрау Геншель.

Фрау Геншель (смѣясь). Если такъ будетъ продолжаться. — повѣрю этому. Только смотрѣть на тебя, такъ нахохочешься до слезъ.

Франциска. А вы совсѣмъ не танцуете?

Фрау Геншель. Я? Какъ не танцую! Конечно, танцую! Случалось въ одну ночь пару новыхъ башмаковъ оттанцовать!

Франциска. Пойдемте танцовать со мной.

Фрау Геншель. Иди себѣ наверхъ и танцуй тамъ съ ними.

Франциска. Да, если бы только я могла! А знаете что, я туда проберусь, прошмыгну наверхъ, на галлерею? Вы были когда-нибудь тамъ, наверху? Въ большой залѣ, тамъ, на галлереѣ? Гдѣ стоятъ мѣшки съ сушенымъ чернослі-

вомъ? Я дерзко проберусь туда и буду смотрѣть внизъ. Буду тамъ ѣсть черносливъ и смотрѣть внизъ. Почему мнѣ и не смотрѣть оттуда?

Фрау Геншель. А вдругъ тебя Зибенгааръ оттуда попроситъ?

Франциска. А я все-таки буду дерзко смотрѣть. Мнѣ все равно. А если какая-нибудь изъ дамъ будетъ танцовать съ г. Зибенгаароиъ, я буду бомбардировать ее косточками чернослива.

Фрау Геншель. Ты прямо втюрилась въ Зибенгаара?

Франциска. Онъ самый элегантный изъ всѣхъ. (Слышна музыка). Ну, опять начинается. Теперь польку играютъ. (Танцуя) Съ г. Зибенгаароиъ я бы сейчасъ пошла танцовать. И, прежде чѣмъ онъ бы опомнился, я самымъ простымъ манеромъ поцѣловала бы его. Такъ вотъ,—ни съ того ни съ сего!

Фрау Геншель. А по-моему, Зибенгааръ слишкомъ старъ.

Франциска. А вашъ мужъ вѣдь тоже старъ, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Ты глупышка! Мой мужъ на пять лѣтъ моложе. Понимаешь?

Франциска. На видъ-то онъ гораздо старше. Онъ такой сморщенный. Фу, нѣтъ, его бы я не поцѣловала!

Фрау Геншель. Ну, убирайся, а то возьму метлу. Не смѣй бранить моего мужа. Гдѣ же мнѣ сейчасъ лучшаго-то взять? Погоди, когда доживешь до моихъ лѣтъ, узнаешь, что значитъ мужа себѣ найти.

Франциска. Я совсѣмъ не выйду замужъ. Я подожду, когда пріѣдетъ изящный господинъ... хорошо, если бы русскій... лѣтомъ... пріѣзжій на воды. Пусть онъ меня возьметъ, увезетъ на край свѣта. Я хочу видѣть свѣтъ... Поѣду въ Парижъ... Тогда я вамъ напишу, фрау Геншель.

Фрау Геншель. Это я вѣрю, вѣрю, что ты, дѣвчонка, когда-нибудь сбѣжишь.

Франциска. Ужъ это будьте увѣрены. Г. Зибенгааръ вѣдь тоже былъ въ Парижѣ, при революціи. Онъ чудесно можетъ разсказывать. Я бы тоже хотѣла участвовать въ такой революціи. Тамъ нужно помогать баррикады строить.

Голосъ Вермельскирха. Франциска! Франциска! Гдѣ ты опять застряла?

Франциска. Тс... Молчите!

Голосъ Вермельскирха. Франциска! Франциска!

Франциска. Тс... Тише. Опять придется въ портерной прислуживать. Это мнѣ противно. Я не хочу этого.

Голосъ Вермельскирха. Франциска!

Франциска. Это вѣдь дѣло папы или мамы. Наконецъ, пусть возьмутъ себѣ кельнера. Я не допущу, чтобы изъ меня сдѣлали пивную мамзель.

Фрау Геншель. Это еще не послѣднее дѣло.

Франциска. Да, если бы тамъ бывали избранные господа, а то вѣдь только служителя, кучера да рудокопы. Покорно благодарю. Это мнѣ совсѣмъ не по душѣ.

Фрау Геншель. Если бы я была на твоемъ мѣстѣ, мнѣ было бы не трудно: хорошо бы получала на чай. Да и ты могла бы хорошую копейку собрать, хорошую копейку отложить.

Франциска. Мелочь я не беру совсѣмъ. А если мнѣ г. Зибенгааръ, или архитекторъ, или докторъ Валентинеръ что-нибудь подарятъ, сейчасъ проѣдаю все на лакомства.

Фрау Геншель. Въ томъ-то и дѣло. Яблоко недалеко отъ яблони падаетъ. Отецъ и мать такіе же. За пивной вы не наблюдаете. Если бы вы за этимъ дѣломъ присмотрѣли, какъ слѣдуетъ, вы ужъ могли бы деньги въ ростъ отдавать.

Франциска. Мы не такъ жадны, какъ вы.

Фрау Геншель. Я не жадна, а я только деньги берегу.

Франциска. А люди говорятъ, что вы жадны.

Фрау Геншель. Мнѣ до людей никакого дѣла нѣтъ. И до тебя тоже. Поняла? Убирайся, довольно съ меня твоей болтовни. Можешь не приходить сюда. Я не скучаю о тебѣ. Лучше всего не слышать и не видѣть васъ... весь этотъ сбродъ здѣсь.

Франциска (уже у двери поворачивается и говоритъ зло). А знаете, что̀ еще говорятъ?

Фрау Геншель. И знать ничего не хочу. Убирайся! Берегись, какъ бы тебѣ про себя чего не услышать! Въ какихъ ты отношеніяхъ съ Зибенгааромъ? Вы оба знаете, да и я тоже. Вы бы уже двадцать разъ вылетѣли съ вашимъ польскимъ хозяйствомъ иначе... Надо знать настолько Зибенгаара.

Франциска. Тьфу! Тьфу! Тьфу! (Уходитъ).

Фрау Геншель. Сбродъ! Дрянь! (Средняя дверь остается открытой. Около нея въ коридорѣ встрѣчаются Зибенгааръ, идущій сверху, и кельнеръ Георгъ, изъ коридора. Георгъ одѣтъ по-вѣнски: шляпа, тросточка, длинное пальто, цвѣтной галстукъ).

Зибенгааръ. Что вамъ угодно здѣсь?

Георгъ. Извините, я дѣло имѣю къ возчику Геншелю.

Зибенгааръ. Возчика Геншеля нѣтъ дома. Вы уже слышали три раза: въ моемъ домѣ мѣста для васъ нѣтъ. А если вы не запомните это, то я освѣжу вамъ память черезъ жандарма. Понимаете вы меня?

Георгъ. Позвольте, г. Зибенгааръ, я прихожу не къ вамъ. Люди живутъ въ вашемъ домѣ. Вы меня не можете обвинить ни въ чемъ нечестномъ.

Зибенгааръ. Если я васъ опять встрѣчу, такъ я васъ велю дворникамъ вышвырнуть. Примите это во вниманіе. (Уходитъ).

Георгъ (входитъ въ комнату, ругаясь). Пусть попробуетъ! Посмотримъ.

Фрау Геншель (закрываетъ быстро дверь, едва сдерживая ярость противъ Зибенгаара). Мы тоже еще здѣсь. Пусть попробуетъ. Здѣсь наша комната, а не его! Кто сюда приходитъ, приходитъ къ намъ. Это не его дѣло. Онъ слова не смѣетъ сказать.

Георгъ. Ничего, подождемъ, увидимъ. Ему это дорого можетъ обойтись. Это влетитъ ему въ копеечку, если заявить... Онъ уже разъ съ Альфонсомъ, который былъ здѣсь два года тому назадъ, здорово влетѣлъ. А со мной еще чище влетитъ: тридцать талеровъ за безчестіе, это слишкомъ мало для меня.

Фрау Геншель. У него и этихъ-то денегъ нѣтъ въ карманѣ. Проклятый нищій! Во всей округѣ онъ долженъ клянчить. Гдѣ ни слышишь, всѣмъ долженъ. Недолго ужъ! Скоро всему конецъ. Самого изъ дома вытурятъ, а то другихъ выгонятъ!

Георгъ (снимаетъ пальто, вѣшаетъ шляпу и счищаетъ пылинки съ сюртука и брюкъ). Конечно! Это ужъ не секретъ. Объ этомъ всюду говорятъ... И никто его не жалѣетъ, всѣ даже рады. Мой теперешній хозяинъ совсѣмъ его не переваритъ. При одномъ имени приходитъ въ бѣшенство. (Вынимаетъ изъ кармана зеркальце и гребешокъ, прихорашивается). Говорятъ: Зибенгаарръ, Зибенгаарръ!.. Надоѣлъ хуже горькой рѣдьки!

Фрау Геншель. Еще бы, понятно!

Георгъ. А ну-ка, Ганхенъ, есть у тебя что-нибудь горяченькое?

Фрау Геншель. Почему же ты вчера не пришелъ?

Георгъ. А ты думаешь, что я такъ каждый день могу

уходить? Я и сегодня съ трудомъ вырвался. Вчера сидѣлъ до трехъ часовъ ночи.

Фрау Геншель. Что-жъ такое было?

Георгъ. Засѣданіе пожарныхъ. Они вѣдь новый насосъ купили и хотятъ по этому случаю устроить праздникъ освященія. Оттого и засѣданіе было.

Фрау Геншель. Имъ нуженъ только предлогъ для пьянства. А я-то сидѣла одна и ждала тебя до глубокой ночи. Услыхала шумъ... Не знаю, что ужъ это было? Птица, что ли, ударилась въ окно... А я думала, что это ты подошелъ къ окну, открыла его... Я такъ обозлилась, что не могла заснуть всю ночь. (Слегка ударяя кулакомъ объ столъ) Я и теперь еще на тебя зла.

Георгъ. И... неужели! Къ чему намъ портить расположеніе духа. (Обнимаетъ ее). Это не идетъ... Вотъ что...

Фрау Геншель (ускользая отъ него). Э, нѣтъ... Такъ... Я не знаю, какъ это, но все идетъ наперекоръ. Цѣлыми недѣлями Геншель сидитъ дома. А если онъ, на самомъ дѣлѣ, ненадолго уѣдетъ, такъ еще и это время пропустить надо!

Георгъ. Ну, положимъ... А нынче? Онъ вѣдь, кажется, возвращается только въ понедѣльникъ?

Фрау Геншель. Кто знаетъ!

Георгъ. Почему же не такъ? Хотѣлъ бы я знать!

Фрау Геншель. Все бы ему дома сидѣть! Прежде и вполовину не было такъ скверно. По цѣлымъ недѣлямъ бывалъ въ пути, а теперь онъ Богъ знаетъ какъ сѣтуетъ, если хоть одну ночь ночуетъ внѣ дома. Если говоритъ, что останется три дня, то по большей части на другой день возвращается. Слышишь?.. Никакъ ужъ они? Кто другой могъ бы такъ щелкать бичомъ во дворѣ?

Георгъ (прислушиваясь, вполголоса). Чтобы его чортъ взялъ! Проклятая штука! Едва успѣлъ согрѣться, опять сейчасъ придется убираться! Я совсѣмъ предполагалъ иначе. (Надѣваетъ пальто и беретъ шляпу въ руки).

Фрау Геншель (вырываетъ у него шляпу изъ рукъ). Оставайся здѣсь! Зачѣмъ тебѣ уходить? Кого мнѣ бояться,—Геншеля, что ли? Онъ долженъ пресмыкаться предо мною! Этого еще недоставало! Если бы ты вчера пришелъ... я вѣдь тебѣ говорила... Намъ никто бы не помѣшалъ... Никакой Геншель и никакой Зибенгаазъ. А сегодня, — это чортъ знаетъ что такое!

(Вальтеръ, барышникъ — входитъ. Красивый, сильный мужчина, лѣтъ около сорока. Шапка съ башлыкомъ, куртка мѣховая, охотничьи чулки и длинные сапоги. Рукавицы съ завязками).

Вальтеръ. Геншельша! Твой мужъ тамъ, во дворѣ. Добрый вечеръ. Я только на минутку вошелъ, хотѣлъ тебѣ пожелать добраго вечера и—опять на лошадь. Красивыхъ мы лошадокъ сторговали. Онъ и тебѣ что-то привезъ.

Фрау Геншель. Я думала, вы только въ понедѣльникъ вернетесь домой.

Вальтеръ. Такъ бы оно и было, но мы только до Канта доѣхали. Тамъ пришлось лошадей сдать, а то бы они и шею и ноги поломали при этой гололедицѣ.

Георгъ. Конечно, по желѣзной дорогѣ дѣло скорѣй идетъ.

Вальтеръ. Это что̀ еще здѣсь за особа? Я и не видѣлъ. Да вѣдь это Жоржъ! Такъ и есть. Малый выглядитъ настоящимъ барономъ.

Георгъ. Ясно... въ «Звѣздѣ» больше зарабатываю. Мои дѣла теперь пошли на ладъ. Здѣсь я оборвался совсѣмъ, чуть не голый былъ въ концѣ концовъ. Ну, а теперь могу себѣ позволить справить кое-что.

Вальтеръ. Ну, Геншельша, отгадай, что̀ онъ тебѣ привезъ?

Фрау Геншель. Что̀ еще тамъ?

Вальтеръ. Обрадуешься ли ты только?

Фрау Геншель. Увидимъ... Смотря по тому,—что̀?

Вальтеръ. Ну, будь здорова, а то баба моя меня заѣстъ.

Фрау Геншель. Прощай.

Вальтеръ. Прощай.

Георгъ. Я пойду тоже съ вами. Прощайте, фрау Геншель.

Фрау Геншель. А вѣдь вы хотѣли съ Геншелемъ поговорить?

Георгъ. Это не уйдетъ. Дѣло не къ спѣху.

Вальтеръ. Если вы хотите съ нимъ говорить, то оставьте лучше до завтра, Шоршль. Сегодня у него другое дѣло въ головѣ. А знаешь, что̀ онъ тебѣ привезъ, Геншельша?

Фрау Геншель. Что̀ онъ могъ привезти? Не болтай по-пустому.

Вальтеръ. А вотъ, твою дочку привезъ тебѣ.

Фрау Геншель. Что̀?!. Что̀ привезъ мнѣ,—я не дослышала?!..

Вальтеръ. Мы были въ Квальсдорфѣ и взяли ее оттуда.

Фрау Геншель. Пьяны, что ли, вы оба?

Вальтеръ. Я тебѣ говорю!

Фрау Геншель. Да кого вы взяли?

Вальтеръ. Онъ не предупредилъ меня. и вдругъ мы очутились въ Квальсдорфѣ и сидѣли въ кабачкѣ.

Фрау Геншель. Ну и что же дальше?

Вальтеръ. Сидѣли мы, сидѣли. вдругъ приходитъ отецъ и приводитъ дѣвочку твою.

Фрау Геншель. Не моя дѣвочка!

Вальтеръ. Этого ужъ я не знаю. Знаю только, что она теперь на дворѣ. Онъ подошелъ къ твоему отцу и сказалъ. что дѣвочка хорошенькая. Потомъ взялъ ее на руки и приласкалъ.—«Хочешь, чтобы я тебя взялъ?»—спросилъ онъ, и она сейчасъ согласилась.

Фрау Геншель. Ну, а отецъ что?

Вальтеръ. Отецъ твой вѣдь не зналъ Геншеля.

Фрау Геншель. И больше ничего... это еще лучше!

Вальтеръ (оборачиваясь больше къ Георгу, чѣмъ къ ней). Послѣ. безъ дальнихъ словъ, онъ вынесъ ее на дворъ и сказалъ отцу:—«Я только посажу дѣвочку на лошадь». А дѣвочка все оретъ:—«Ѣхать! Ѣхать!» Тогда онъ сѣлъ на своего большого Брабанта. Я долженъ былъ подать ему дѣвочку. Потомъ онъ крикнулъ: «Гей!»—и помчался.

Фрау Геншель. А отецъ такъ и позволилъ?

Вальтеръ. А что ему оставалось дѣлать! Хоть весь Квальсдорфъ въ погоню! Разъ что у Геншеля въ рукахъ. я ни одному человѣку не посовѣтую отнимать. Во всей округѣ никто не осмѣлится въ ссору съ Геншелемъ вступать. А отецъ твой сразу-то и не понялъ, въ чемъ дѣло. Вдругъ онъ страшно заревѣлъ. и кричалъ и клялъ больше. чѣмъ надо. Люди хохотали. Они вѣдь знали Геншеля! Да Геншель и сказалъ ему спокойно: «Будьте здоровы. отецъ Шель, я ее беру съ собою. Мать давно ее уже ждетъ. Перестань пить,—добавилъ еще:—тогда и для отца найдется мѣсто».

Георгъ. Прощайте. Я ужъ лучше завтра зайду. (Уходитъ).

Фрау Геншель. И онъ думаетъ, что я ее здѣсь оставлю? Никогда этого не будетъ... Это не мой ребенокъ. Какъ мнѣ въ глаза теперь людямъ смотрѣть? Раньше въ Квальсдорфѣ, а теперь—здѣсь! Мало я натерпѣлась! День и ночь съ Густли няньчиться. А теперь опять морока. Этого недоставало... Ну, берегись онъ теперь!

Геншель (входитъ. На немъ также мѣховая куртка, высокіе сапоги, охотничьи чулки, кожаные рейтузы и т. п. Прямо съ лошади

и въ среднюю дверь. Онъ ведетъ шестилѣтнюю дѣвочку, которая очень грязна и оборвана. Геншель, почти весело, на послѣднія слова Ганны). Кто это «берегись»?

Фрау Геншель. Никто!

Геншель. Смотри-ка, Ганна, кто сюда пришелъ. (Къ дѣвочкѣ) Иди, Берта, и скажи: добрый вечеръ! Иди, говорю тебѣ, и скажи: добрый вечеръ, мать. (Берта идетъ, съ трудомъ оставивъ Геншеля, который дружески подталкиваетъ ее впередъ поперекъ комнаты къ Ганнѣ. Та сидитъ на приступкѣ съ надутымъ лицомъ).

Фрау Геншель (когда дитя безпомощно передъ ней остановилось). Чего тебѣ здѣсь надо?

Берта. Я каталась верхомъ на красивой лошадкѣ. (Геншель и Вальтеръ сердечно смѣются).

Геншель. Ну вотъ, мы ее здѣсь и оставимъ. Добрый вечеръ, Ганна. Что ты, сердишься?

Фрау Геншель. Ты сказалъ, что только въ понедѣльникъ вернешься домой. А у меня теперь нѣтъ ничего на ужинъ.

Геншель. Ну, кусокъ хлѣба и сала найдется. (Вѣшаетъ шапку).

Фрау Геншель (грубо теребитъ платье Берты). На что ты похожа!

Геншель. А ты поскорѣе ей купи что-нибудь одѣться. У нея почти ничего вѣдь нѣтъ. Хорошо еще, что со мной были попоны, а то бы она совсѣмъ закостенѣла дорогой. (Снимаетъ куртку, грѣетъ руки и т. д.). Лучше всего сейчасъ ее въ корыто.

Фрау Геншель (невольно). Лучше всего ты бы оставилъ ее тамъ, гдѣ она была.

Геншель. Что ты говоришь?

Фрау Геншель. Ничего.

Геншель. А мнѣ показалось, что ты что-то сказала... Въ корыто ее, въ корыто, а ужъ послѣ — въ кровать. Да голову-то ей тоже вычеши. (Берта реветъ). Мнѣ все кажется, что у нея есть квартиранты. Что съ тобой, дѣвочка? Не дергай ее такъ.

Фрау Геншель. Не реви ты, дѣвчонка! Этого еще недоставало!

Геншель. Ты должна быть съ ней ласковѣй. Дѣвочка благодарна за каждое ласковое слово. Тише, Бертель, тише, не плачь...

Берта. Я хочу къ отцу.

Геншель. Вѣдь ты у матери. Мать добрая. Я очень

радъ, что она у насъ. Давно надо было. А то бы пришлось мнѣ искать ее на кладбищѣ.

Фрау Геншель. Это было бы не хуже того, что ты сдѣлалъ.

Геншель (изумленный, но добродушно). Что это значитъ? (Пауза).

Вальтеръ. Ну, будьте здоровы. Я ухожу.

Геншель. Погоди, выпьемъ по стакану грогу.

Фрау Геншель. Да, если бы только ромъ былъ дома!

Геншель. Ну, ты можешь принести отъ Вермельскирха.

Фрау Геншель. Я не хочу имѣть ничего общаго съ этими людьми.

Вальтеръ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ пора домой. Некогда. Мнѣ еще полчаса тащиться надо. (Ганнѣ) Я тебя не стану утруждать.

Фрау Геншель. Стоитъ ли объ этомъ говорить!

Вальтеръ (раздраженно). Понятно, не стоитъ! Боже меня сохрани! Я не хочу ничего. Съ тобой каши не сваришь. Прощайте, будьте здоровы.

Геншель. Будь здоровъ. Сердечный поклонъ твоей женѣ. Не забудь!

Вальтеръ (уже снаружи). Хорошо. Прощайте. Не забуду. (Уходитъ).

Геншель. Ну что же, развѣ я не угодилъ тебѣ?

Фрау Геншель. Что же мнѣ людямъ-то сказать?

Геншель. Не стыдиться же тебѣ твоей дочери?

Фрау Геншель. Кто-жъ это говоритъ! Мнѣ все равно. Ты этого хочешь. Ты это какъ на зло мнѣ затѣялъ. (Ребенку, зло) На вотъ, пей молоко, а потомъ убирайся спать. (Берта пьетъ).

Геншель. Ты и впредь такъ будешь?

Фрау Геншель. А что я дѣлаю худого?

Геншель. Съ дѣвочкой-то?

Фрау Геншель. Не съѣмъ ее, не бойсь! (Она уводитъ плачущую дѣвочку въ каморку спать).

Геншель (вслѣдъ ей). Не для того я ее привезъ. Лучше-бъ ужъ тамъ ее тогда оставить. (Пауза. Ганна снова входитъ).

Геншель. Не знаешь, какъ вамъ и угодить! Ничего съ вами, бабами, не подѣлаешь. Ты мнѣ всегда такъ казалась...

Фрау Геншель (злобно, плаксиво). Все это ложь, если хочешь знать.

Геншель. Что такое ложь?

Фрау Геншель (плаксиво). Я къ тебѣ съ Бертой никогда не приставала. Едва ли разъ сказала о ней.

Геншель. Я-жъ этого не говорилъ. Ну, что-жъ ты ревешь? Именно потому, что ты ничего не говорила, я и хотѣлъ тебѣ помочь.

Фрау Геншель. А ты не могъ спросить! Прежде, чѣмъ что-нибудь дѣлаютъ, спрашиваютъ.

Геншель. Я вотъ что тебѣ скажу: нынче суббота. Я спѣшилъ, какъ только могъ, домой и думалъ, что ты меня лучше встрѣтишь. Если не такъ, ужъ не моя вина. Только оставь меня въ покоѣ. Слышишь!

Фрау Геншель. Никто тебя не трогаетъ.

Геншель. Ты слышала? Я хочу покоя и больше ничего. Вотъ до чего ты довела! Я не того ждалъ! Густель умерла; она вѣдь не возвратится. Мать взяла ее къ себѣ; постелька ея пуста, мы—одни. Почему бы намъ и не похолить дѣвочку! Я такъ думаю, и я не отецъ ей. А вѣдь ты—мать этому ребенку.

Фрау Геншель. Ну вотъ, такъ и есть: попреки!

Геншель. Если ты не перестанешь, я уйду къ Вермельскирхъ и всю ночь не приду домой. Ты меня хочешь выжить изъ дому, что ли? Я все надѣялся, что будетъ лучше, а дѣлается все хуже. Думалъ, что если будешь имѣть дѣвочку свою, образумишься. А если этому скоро конца не будетъ...

Фрау Геншель. Я только говорю, что если она останется въ домѣ и ты скажешь людямъ, что это моя дѣвочка...

Геншель. Да это и безъ того всѣ знаютъ,—что тутъ еще говорить?

Фрау Геншель. Можешь быть увѣренъ, что я тогда убѣгу отсюда...

Геншель. Бѣги, бѣги, сколько угодно... Стыда на тебя нѣтъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пивная Вермельскирха, низкая комната, бѣло оштукатуренная: налѣво — дверь, ведущая внутрь дома. Задняя стѣна слѣва образуетъ въ серединѣ помѣщенія уголъ и продолжается подъ прямымъ угломъ до задняго плана. Такимъ образомъ создается второе помѣщеніе, въ родѣ прохода, съ далеко отстоящей задней стѣной. Правая боковая стѣна этого помѣщенія, служащая также стѣной и переднего помѣщенія, имѣетъ стеклянную дверь во дворъ, а ближе къ переднему плану—окно.

У задней стѣны спереди, влѣво—стойка, уставленная четырехгранными бутылками водки, пивнымъ краномъ, стаканами и т. д. Свѣтлая полированная мебель вишневаго дерева, столы, стулья. Красный занавѣсъ отдѣляетъ поперечное помѣщеніе отъ продольнаго. Въ послѣднемъ также много столовъ и стульевъ; совсѣмъ позади—бильярдъ.

На стѣнахъ — олеографіи, большею частью представляющія охотничьи сцены.

(Вермельскирхъ, въ халатѣ, съ длинной трубкой, сидитъ и играетъ на піанино, которое стоитъ налѣво у стѣны).

(Трое членовъ вольной пожарной дружины играютъ на бильярдѣ. Спереди, справа, сидитъ за стаканомъ водки, въ глубокомъ раздумьѣ, Гауфе. Онъ замѣтно опустился).

(Фрау Вермельскирхъ, цыганскаго типа старуха, моетъ за стойкой стаканы).

(Франциска сидитъ на подоконникѣ справа и играетъ съ кошечкой).

(Кельнеръ Георгъ у стойки за стаканомъ пива; на немъ нарядный весенній костюмъ, лакированные башмаки, лайковыя перчатки и цилиндръ на головѣ).

Вермельскирхъ (играетъ и поетъ).

Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ роскошной жизни утопалъ...

Георгъ (подъ эту музыку выдѣлываетъ па). Ну, дальше, дальше, слова!

Вермельскирхъ (притворно кашляетъ). Не идетъ. Охрипъ совсѣмъ... Но начнемъ сначала...

Когда я былъ... (кашляетъ)
Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ,
Въ роскошной жизни... Въ роскошной жизни...

Чортъ его возьми!

Георгъ. Дальше слова, пожалуйста. Это было вѣрно, чудесно!

Вермельскирхъ. Дудки! Больше не идетъ... вотъ что!

Георгъ. Вотъ не понимаю! Вѣдь это красивѣйшая камерная музыка!

Вермельскирхъ. Камерно-егерская музыка!

Георгъ. Мнѣ все равно. Разницу я не очень смыслю. А вы, фрейлейнъ Франциска, чему смѣетесь?

Франциска. Да тому, что у васъ красивые лакированные башмаки.

Георгъ. Еще бы! Не могу же я босикомъ ходить! Дайте этому человѣку тоже стаканъ пива. А что, если выпить рюмочку данцигской золотистой, фрейлейнъ Франциска? Да, мои лаковые башмаки красивы, но они мнѣ стоятъ четыре твердыхъ талера. Ну что—можно себѣ позволить эту роскошь! Въ «Мечѣ», по крайней мѣрѣ, зарабатываешь хорошо. Конечно, когда я былъ въ «Звѣздѣ», лаковые башмаки трудновато было пріобрѣсть.

Вермельскирхъ. Такъ что вамъ въ «Мечѣ» лучше нравится?

Георгъ. Еще бы! Такого пріятнаго хозяина, какъ у меня теперь, у меня не было за все время моей службы. Мы съ нимъ все равно, какъ два друга, какъ два брата, можно сказать. Съ нимъ даже можно перейти на «ты».

Вермельскирхъ. Съ Зибенгааромъ, конечно, это бы не вышло. (Франциска хохочетъ).

Георгъ. Ну, вотъ видите... Заносчивый — унизится. Черезъ двѣ-три недѣли будетъ аукціонъ, и я могу купить себѣ его золотые часы.

Вермельскирхъ. Ужъ лучше купите себѣ весь домъ.

Георгъ. Пока еще подождемъ. Съ дѣломъ въ этомъ родѣ надо подождать. Впрочемъ, онъ уже проданъ. Ваше здоровье, господа! (Пьютъ). Ваше здоровье! А если вы уже выпили, можно еще. Кто покупатель? Экснеръ? Что? Онъ купилъ? Онъ, вѣроятно, будетъ только разливать минеральную воду и разсылать, а гостиницу, кажется, онъ хочетъ въ аренду сдать. Если бы у меня были деньги, я бы сейчасъ взялъ въ аренду.

Гауфе. Идите къ Геншелю. Онъ вамъ, навѣрно, дастъ.

Георгъ. А что-жъ? Можетъ случиться.

Гауфе. Да, да, вы вѣдь въ ладахъ съ его женой. (Франциска хохочетъ).

Георгъ. А почему бы и нѣтъ? Его жена вовсе не такъ дурна, знаете. Кто умѣетъ съ ними ладить, у того женщины въ рукахъ.

Гауфе. Ну, если вы до этого довели, что Геншельша въ вашихъ рукахъ, то вы это дѣло, очевидно, понимаете. (Фабихъ входитъ; черезъ плечо у него веревка. Скромно садится въ углу). Вотъ видите... То-то я и говорю. Другой не сравнится со мной. Но только, кто не на высотѣ задачи, тотъ и на палку нарваться можетъ.

Вермельскирхъ. Ну, не говори «гопъ», пока не перескочишь. (Слѣва входитъ Зибенгааръ). Гдѣ Геншель кулакъ приложитъ, тамъ трава не вырастетъ. Мое почтеніе, г. Зибенгааръ.

Зибенгааръ (немного блѣдный). Доброе утро.

Георгъ. Я пойду ненадолго въ бильярдную. (Беретъ свое пиво и исчезаетъ во второе отдѣленіе).

Зибенгааръ (садится къ столу, около піанино). Вы только-что пѣли, г. Вермельскирхъ? Я вамъ не хочу мѣшать. Пожалуйста.

Вермельскирхъ. Какъ? Я — пѣлъ? Этого быть не можетъ. Впрочемъ, я очень тронутъ. Если вы говорите, значитъ, правда. Позвольте мнѣ тоже присѣсть. Принеси мнѣ граускаго, Франциска.

Зибенгааръ. Если вспомнить, что три-четыре года тому назадъ вы были совершенно хрипый,—съ тѣхъ поръ вы очень поправились.

Вермельскирхъ. Какая мнѣ отъ этого польза: Вы правы. Но только чуть я до половины выкарабкался,—кто знаетъ, что опять будетъ.

Франциска (ставитъ грауское передъ Зибенгааромъ. Къ Вермельскирху) Тебѣ я сейчасъ принесу твое. .

Зибенгааръ (выпивъ изъ стакана). Что же можетъ случиться? О чемъ вы говорите?

Вермельскирхъ. Я, право, самъ навѣрно не знаю. Но, видите ли, у меня во всѣхъ костяхъ зудитъ. Какая-нибудь перемѣна да будетъ. Кромѣ шутокъ, у меня есть разныя примѣты: старая комедіантская привычка. Какъ скоро я узналъ, что этотъ источникъ мой узнали, меня ужъ десять лошадей отсюда не могли вытянуть. Не прошло и четырехъ недѣль, какъ я окончательно развязался съ своимъ балаганомъ и устроился здѣсь. Теперь опять придется дальше катить эту проклятую тачку, кто знаетъ—куда!

Зибенгааръ. Кто знаетъ—куда! Такъ и все на свѣтѣ. Что до меня, такъ я этому очень радъ.

Вермельскирхъ. Вы еще въ цвѣтущихъ годахъ. Такой мужчина всегда найдетъ свое мѣсто въ свѣтѣ. А со мной, старой собакой, — совсѣмъ другое дѣло. Если я здѣсь потеряю этотъ кусокъ хлѣба, если мнѣ откажутъ, что мнѣ останется дѣлать, желалъ бы я знать? Хоть шарманку заводи, а Франциску—собирать заставь.

Франциска. Это меня не стѣсняло бы, папа.

Вермельскирхъ. Вѣрно! Особенно если бы золотые сыпались дождемъ.

Франциска. Ну, зачѣмъ ты такъ всегда говоришь, папа? Ты бы могъ опять поступить на сцену.

Вермельскирхъ. Развѣ въ театръ обезьянъ, дѣточка! Да и туда не возьмутъ.

Зибенглааръ. А развѣ вамъ какъ-нибудь намекнулъ г. Экснеръ? Мнѣ онъ сказалъ, что въ основѣ все оставитъ попрежнему

Вермельскирхъ. Ну, къ основѣ я не принадлежу.

Фрау Вермельскирхъ (подходитъ къ столу въ большомъ волненіи). Я должна вамъ сказать, г. Зибенгааръ. Вы можете мнѣ повѣрить, г. Зибенгааръ. Я старая пятидесятилѣтняя женщина... Я ужъ, право, много пережила... Но какъ съ нами здѣсь поступили... Нѣтъ, право, я ужъ и не знаю... Это такая низость! Безъ всякой примѣси! Гнусная злоба! Просто подлость! Можете мнѣ повѣрить.

Вермельскирхъ. Ну, матушка, еще ты мнѣ здѣсь, назадъ... Иди, иди, отступай, пожалуйста, за свою ограду!

Фрау Вермельскирхъ. Но что наша Франциска сдѣлала этой низкой женщинѣ?

Франциска. Ахъ, оставь, мама!

Фрау Вермельскирхъ. Напротивъ! Развѣ намъ все переносить! Развѣ мы не должны защищаться, если у насъ отнимаютъ кусокъ хлѣба! А если она сплетни про нашу дочь распускаетъ! (Къ Зибенгаару) Развѣ наша дѣвочка вамъ когда-нибудь навязывалась?

Вермельскирхъ. Мама! Мама! Теперь пойдемъ, мама... Такъ! Отдохни немного. Эта сцена прошла красиво. Вечеромъ мы будемъ продолжать репетицію. (Онъ отводитъ ее за стойку, гдѣ нѣкоторое время еще слышно ея всхлипываніе).

Вермельскирхъ (опять занявъ мѣсто). Въ сущности, онѣ правы. Я тоже слышалъ: шепчутся, будто Геншель хочетъ арендовать эту пивную. Это, конечно, штуки его жены.

Гауфе. Чьи же другія могутъ быть? Если какая-нибудь мерзость въ деревнѣ, — нечего и спрашивать, откуда она. Въ Геншельшѣ всѣ черти сидятъ.

Фабихъ. А на эту пивную она уже давно зарится.

Зибенгааръ (къ Гауфе). Гауфе, васъ что-то совсѣмъ не видать. Куда это вы пропали?

Гауфе. Куда мнѣ пропасть! Въ несчастьѣ я пропадаю. А кто меня туда толкнулъ, какъ не эта проклятая баба! Не кто другой,—съ Геншелемъ вѣдь у меня никогда не было ссоръ.

Фабихъ. Зато его жена. Всему дѣлу голова!

Гауфе. Я для нея недостаточно проворенъ. Вѣдь я, конечно, не молокососъ. Не буду за ея юбкой бѣгать, а ей только этого и надо: это надо умѣть. Она такъ горяча, можно сказать... Ей все мало. А что до работы—я работать могу. Молодые парни, которыхъ она себѣ нанимаетъ, отъ нихъ несетъ лѣностью. Я въ три раза больше сдѣлаю, чѣмъ они.

Зибенгааръ. Жаль старика Геншеля.

Гауфе. Что мнѣ за дѣло: онъ доволенъ. А если у меня кости затвердѣли, такъ онъ долженъ былъ знать, отъ чего это. Отъ лѣности не корёжитъ людей. Если у него теперь сундукъ полонъ денегъ, такъ немало ихъ я ему наковалъ.

Зибенгааръ. Да, я еще хорошо помню. Вы вѣдь служили у Вильгельма, отца Геншеля?

Гауфе. А то какъ же! Служилъ. У Вильгельма я восемнадцать лѣтъ ходилъ за лошадьми—здѣсь и тамъ. Я и запрягалъ, я и отпрягалъ, ѣздилъ и зиму и лѣто! Въ Фрейбургъ ѣздилъ, въ Бреславль ѣздилъ, до самаго Бромберга доѣзжалъ. Не одну ночь провелъ въ повозкѣ. Уши и руки отморозилъ. На обѣихъ ногахъ шишки по грушѣ. А теперь меня вонъ! Теперь можно убираться!

Фабихъ. Все это ея рукъ дѣло. Геншель-то самъ добрый.

Гауфе. Зачѣмъ же было вѣшать себѣ на шею эту бабу! Пусть теперь справляется... Онъ этого еле дождался. Геншельша едва остыла, а онъ уже устраивалъ новую свадьбу.

Зибенгааръ. Ее тогда не знали такою.

Фабихъ. Я ее насквозь зналъ, эге-гс! Если-бъ онъ меня спросилъ, я-бъ ему сказалъ. Если онъ Густлю хотѣлъ послать вслѣдъ за матерью, лучше не могъ сдѣлать, какъ замѣнить ей мать Ганной.

Гауфе. Эге-ге... Я больше не стану говорить. Всѣ головой покачиваютъ. Это еще когда-нибудь выплыветъ наружу. Тогда люди удивлялись, а теперь кромѣ худа ничего не ждутъ.

Зибенгааръ. Это, несомнѣнно, только сплетни и болтовня.

(Входитъ лошадиный торговецъ Вальтеръ: на немъ высокіе сапоги, охотничья куртка, шапка и кнутъ. Садится у одного изъ столовъ, дѣлаетъ знакъ Францискѣ, и она вскорѣ приноситъ ему пива).

Гауфе. Это вы такъ говорите, но неизвѣстно еще, такъ ли это. Если бы мертвые могли встать да начать говорить, — старая Геншельша могла бы многое разсказать. Она не могла жить, она не хотѣла жить. А главное, она не должна была жить.

Зибенгааръ. Гауфе, берегитесь. Если когда-нибудь на Геншеля подуетъ этимъ...

Гауфе. Нечего мнѣ беречься. Я это каждому въ глаза скажу. Старая Геншельша должна была умереть, а отравили ли ее—этого я не знаю, при этомъ не былъ. Само собой это никогда не могло приключиться. Женщина была здоровая. Она бы еще могла тридцать лѣтъ прожить.

Зибенгааръ (допиваетъ и идетъ).

Вальтеръ. А что она была здоровая женщина, это я могу подтвердить. Родную-то сестру мнѣ ли не знать? Она стояла поперекъ дороги, потому и должна была убраться.

(Зибенгааръ спокойно уходитъ).

Вермельскирхъ. Господа, кому угодно щепотку табаку? (Понижая голосъ, осторожно) Господа, мнѣ кажется, вы захо̀дите слишкомъ далеко. Приглядитесь только къ этому человѣку... Вчера, поздно вечеромъ, онъ еще сидѣлъ здѣсь. Я вамъ говорю, человѣкъ такъ глубоко вздыхалъ... Онъ былъ совсѣмъ одинокъ... Мнѣ отъ всей души стало его жаль.

Гауфе. Совѣсть его злая мучитъ.

Вальтеръ. Оставьте меня съ этимъ Геншелемъ въ покоѣ! Мнѣ ужъ тошно отъ него. У меня съ нимъ давно все кончено.

Вермельскирхъ. Ахъ, нѣтъ, г. Зибенгааръ правъ: нужно пожалѣть этого человѣка.

Вальтеръ. Каждый по-своему. Мнѣ все равно. А что̀ мнѣ думать о Геншелѣ, никто мнѣ не указъ.

(Геншель и кузнецъ Гильдебрантъ входятъ справа. У Геншеля на рукахъ маленькая Берта, которая одѣта чище, чѣмъ раньше. Между присутствующими — небольшое замѣшательство).

Вермельскирхъ. Милости просимъ, г. Геншель.

Геншель. Здравствуйте, господа.

Франциска. Ну, какъ поживаешь, Бертель?

Геншель. Скажи: «Благодарю васъ». Ну, что̀ же ты, не умѣешь говорить? Такъ себѣ. Надо быть довольнымъ. Здравствуй, шуринъ. (Подаетъ небрежно Вальтеру руку. Тотъ такъ же ее принимаетъ). Какъ живешь?

Вальтеръ. Какъ мнѣ жить! Не мѣшало бы лучше. А ты сталъ настоящей нянькой.

Геншель. Да, да, это правда. Такъ оно скоро и будетъ.

Вальтеръ. Безъ дѣвочки тебя ужъ почти не встрѣтишь. Развѣ ты не можешь ее у матери оставить?

Геншель. О, ей все нужно чистить да прибирать, вотъ

дѣвочка ей и помѣха. (Садится на скамью у стѣны, рядомъ съ стойкой, недалеко отъ своего шурина. Ребенка держитъ на колѣняхъ. Противъ него занимаетъ мѣсто Гильдебрантъ). Что, господинъ Гильдебрантъ.—что будемъ пить? Кружку пива, кажется, мы заслужили? Двѣ кружки пива и двѣ рюмки водки.

Гильдебрантъ. Этотъ каналья меня всего измоталъ.

Геншель. Еще жеребенокъ, а какая сила! Всѣми четырьмя подковами бьетъ... Добраго утра, Гауфе...

Гауфе. Здорово.

Геншель. Это немножко ворчливо. Оставимъ его въ покоѣ.

Фабихъ. Купите у меня что-нибудь, г. Геншель. Можетъ-быть, игольникъ для жены, или, можетъ-быть, красивенькій гребешокъ для волосъ. (Присутствующіе хохочутъ). Шорникъ-кельнеръ тоже купилъ одну штуку.

Геншель (добродушно смѣется также). Э, оставь меня въ покоѣ съ этимъ вздоромъ! (Вермельскирху) Дайте ему тоже кружку пива. Курьезный человѣчекъ! Откуда взялся?

Гильдебрантъ. Это вѣдь, кажется, Фабихъ изъ Квальсдорфа. Самая жалкая мразь во всей округѣ.

Геншель. Вотъ у меня тоже маленькое растеніе изъ Квальсдорфа.

Фабихъ (Бертѣ). Мы вѣдь старые знакомые—не правда ли?

Берта (Фабиху). Я пряничковъ хочу!

Фабихъ. Э, она уже знаетъ, кто я такой! Поищу, не найдется ли чего-нибудь.

Берта. На дворѣ, въ повозкѣ.

Фабихъ. Нѣтъ. Здѣсь въ карманѣ. (Даетъ ребенку пряникъ). Ну, видишь, дѣвочка, ты вотъ не выходишь изъ трактировъ. Тогда ты съ дѣдушкой была, а нынче должна съ Геншелемъ Вильгельмомъ таскаться.

Геншель. Скажи:—заботься о своемъ старомъ тряпьѣ, а обо мнѣ есть кому позаботиться... Говорю, скажи ему это.

Георгъ (живо выходя изъ бильярдной, не замѣчая Геншеля). Вотъ не вѣрится прямо! Этотъ человѣкъ жретъ стекло, какъ ни въ чемъ не бывало. Фрейлейнъ Франциска, пожалуйста, еще на 5 человѣкъ пива—запишите...

Франциска (взяла Берту на руки и идетъ съ ребенкомъ за стойку). Бертель не позволяетъ. Я теперь не могу.

Георгъ. Ахъ, Господи! И вы здѣсь, господинъ Геншель?

Геншель (не обращая на него вниманія, — Гильдебранту). Твое здоровье, Гильдебрантъ! (Чокаются и пьютъ).

Фабихъ (Георгу, который, нѣсколько смущенный, около одного

изъ столовъ зажигаетъ сигару). Скажите, г-нъ Шоршъ, вы, вѣрно, умѣете колдовать?

Георгъ. А что? Почему вы думаете?

Фабихъ. Потому что вы исчезли, какъ свѣтъ, давеча...

Георгъ. Къ чему связываться! Я не въ ладахъ съ Зибенгаародомъ.

Фабихъ (дѣлаетъ жесть пощечины). Говорятъ, — сильно влетѣло. (Проходя мимо него, къ Гауфе) Ты, вѣрно, много выигралъ?

Гауфе. Истуканъ проклятый! (Смѣхъ).

Фабихъ. Да, да... Я и есть!

Геншель. Правда, ты теперь внизу у Нентвига?

Гауфе. А тебѣ какое дѣло?

Геншель (добродушно смѣясь). Взгляните, какъ ощетинился! Колетъ, какъ ежъ, коли его тронешь.

Вальтеръ. Ну, теперь ты скоро будешь здѣсь нашимъ хозяиномъ?

Геншель (удивленно взглянувъ на него). Мнѣ объ этомъ ничего не извѣстно.

Вальтеръ. А я такъ думалъ. Не знаю, кто мнѣ сейчасъ объ этомъ сказалъ...

Геншель (глотнувъ изъ кружки, равнодушно). Вѣрно, это приснилось тому, кто тебѣ сказалъ. (Молчаніе).

Гильдебрантъ. Теперь въ этомъ домѣ все перевернется. Кто знаетъ, что будетъ. Но я вамъ одно скажу: вздохнете вы всѣ о Зибенгаарѣ.

Геншель (къ Гауфе). Съѣздилъ бы ты въ Ландсхутъ; тамъ у меня пара новыхъ лошадей для кареты. Ты бы могъ ихъ выѣздить.

Гауфе. Я бы на тебя хотѣлъ на...

Геншель (смѣясь, но спокойно). Ну, коль такъ, сиди, пока не почернѣешь. Больше я о тебѣ ни капли не буду заботиться.

Гауфе. Подметай лучше передъ своей дверью.

Геншель. Хорошо, хорошо, ладно.

Гауфе. У тебя довольно дома мусора.

Геншель. Гауфе... Я тебѣ вотъ что скажу... Мнѣ это не по душѣ... если ты хочешь затѣять здѣсь ссору, я тебя предупреждаю, что выкину тебя отсюда!

Вермельскирхъ. Тс... господа...—миръ!

Гауфе. Ты здѣсь не хозяинъ... Ты меня не смѣешь выкинуть. Ты имѣешь право говорить здѣсь столько же, сколько и я. Я тебѣ не позволю заткнуть мнѣ глотку. Ни

ты ни твоя жена! Что бы вы съ бабой ни вытворяли, это меня не касается.

Геншель (безъ видимаго волненія хватаетъ Гауфе спереди за грудь, встаетъ и подталкиваетъ тщетно сопротивляющагося Гауфе къ двери. Поворачивается самъ быстро, лѣвой рукой открываетъ стеклянную дверь и высаживаетъ Гауфе. При этомъ они говорятъ слѣдующее).

Гауфе. Пусти... Я тебѣ говорю—пусти!

Вермельскирхъ. Г-нъ Геншель... Такъ нельзя. Я не могу допустить.

Геншель. Я предупреждалъ. Теперь ничего не подѣлаешь.

Гауфе. Что? Ты хочешь меня задушить? Отпусти, говорю тебѣ, ты здѣсь не хозяинъ!

Фрау Вермельскирхъ (изъ-за стойки). Что-жъ это такое? Такъ нельзя. Людвигъ! Какъ ты позволяешь это.

Фабихъ (пока Геншель съ Гауфе находится близъ двери въ побочномъ помѣщеніи). Лучше оставьте. Ничего не подѣлаешь... Этотъ человѣкъ — силачъ. Онъ зубами ухватитъ за край стола, подниметъ вверхъ—и ни одна рюмка не дрогнетъ. Если бы ему только вздумалось, мы бы всѣ очутились на дворѣ.

Геншель (вышвырнувъ Гауфе, возвращается назадъ, садится при общемъ безмолвіи). Успокоиться не можетъ старый хрычъ.

Первый пожарный (который вышелъ изъ бильярдной, выпилъ около стойки рюмку водки). Я бы хотѣлъ расплатиться. Лучше уйти, а то въ концѣ концовъ еще и вылетишь отсюда.

Вермельскирхъ. Еще этого не хватало! Стаканчикъ пива! Я еще пока здѣсь.

Вальтеръ. Если ты такъ будешь поступать, Геншель Вильгельмъ, и станешь за стойкой вмѣсто Вермельскирха, то скажу тебѣ напередъ: немного у тебя гостей будетъ.

Геншель. Такіе гости не находка.

Вермельскирхъ. Ну, выбирать не приходится. Гауфе тоже платитъ не фальшивыми деньгами.

Геншель. Но мнѣ, пусть платитъ, чѣмъ хочетъ. А теперь я тебѣ скажу: оставьте вы эту исторію. Я этого хозяйства не беру. Если бы я снималъ, то я бы раньше всѣхъ зналъ объ этомъ. Ну вотъ, когда буду снимать, я тебѣ скажу. Тогда ты мнѣ можешь давать совѣты, а если тебѣ это не понравится и ты не будешь ходить ко мнѣ, ну и ладно... не приходи, зятекъ... (Пожарный рѣзко захлопываетъ дверь и уходитъ).

Вальтеръ. Надо тоже уходить. (Собирается платить).

Вермельскирхъ. Господинъ Геншель, это нехорошо. Вы у меня всѣхъ гостей разгоняете.

Геншель. Ну и люди! Скажите на милость, если онъ теперь убѣгаетъ, — мнѣ что за дѣло! По мнѣ онъ пусть торчитъ здѣсь хоть до утра.

Вальтеръ (прячетъ деньги и начинаетъ кипятиться). Ты не имѣешь права никого отсюда выкинуть. Ты здѣсь не хозяинъ.

Геншель. Не скажешь ли ты мнѣ еще что-нибудь?

Вальтеръ. Кой-что могъ бы сказать, только лучше промолчимъ. Скверныя дѣла! Вермельскирхъ это хорошо знаетъ.

Вермельскирхъ. При чемъ же я? Нѣтъ, вы только послушайте.

Геншель (сдержанно и твердо). Что вы знаете?.. Говорите прямо. Одному это извѣстно, другому то... А въ концѣ концовъ вы оба шишъ знаете. (Молчаніе).

Вальтеръ (измѣнившимся голосомъ). Если бы ты былъ тотъ, что прежде... А то въ тебя невѣсть что въѣхало... Тогда ты у всѣхъ на виду стоялъ. Люди отвсюду къ Геншелю Вильгельму за совѣтомъ шли, и что онъ скажетъ, — это, можно сказать, закономъ было для всѣхъ, все равно, какъ «аминь» въ церкви. А теперь съ тобой никакъ нельзя поладить.

Геншель. Валяй дальше... Какъ по книгѣ!

Вальтеръ. Ну вотъ... Это, вѣрно, ты и самъ знаешь. Прежде у тебя были только друзья, а нынче къ тебѣ ни одинъ человѣкъ не заходитъ. А если бы и захотѣли придти,— остаются въ сторонѣ изъ-за твоей жены. Двадцать лѣтъ у васъ Гауфе служилъ, и вдругъ онъ не пришелся по нраву твоей женѣ, ты его берешь за шиворотъ и выкидываешь. На что это похоже! Она только кивнетъ, ты передъ ней прыгаешь, вмѣсто того, чтобы взять вожжи да дурь изъ нея выбить.

Геншель. А если ты сейчасъ не замолчишь, я тебя тоже возьму за шиворотъ.

Георгъ (къ Геншелю). Господинъ Геншель, только не горячитесь... Что этотъ человѣкъ понимаетъ! (Быстро исчезаетъ въ бильярдную).

Вальтеръ. Да, да, вѣрю... Ты это въ состояніи сдѣлать. Если кто придетъ и скажетъ тебѣ правду,—объ стѣну его! А такой прохвостъ, прощалыга, какъ этотъ Жоржъ,—онъ можетъ тебя обманывать день и ночь. Твоя жена и онъ

перещеголяютъ другъ друга! Ты хочешь быть обманутымъ и позволяешь себя надувать. Но если у тебя есть еще глаза во лбу, раскрой ихъ хорошенько да вглядись вокругъ себя, да вглядись хорошенько въ этого парня. Они тебя среди бѣла дня обманываютъ.

Геншель (хочетъ броситься на него, но сдерживается). Что ты сказалъ? А? Ничего... Хорошо... (Молчаніе).

Фабихъ. Сегодня настоящая апрѣльская погода: то солнце, то крупа...

Глуфе (голосъ снаружи). Я тебѣ отплачу! Смотри. Пусть! Мы поговоримъ! Мы на судѣ поговоримъ съ тобой!

Вальтеръ (поднимаетъ и встаетъ). Прощай... Не поминай лихомъ.

Геншель (лѣвой рукой хватаетъ руку Вальтера). Ни съ мѣста... Понялъ!

Вальтеръ. А что мнѣ здѣсь?..

Геншель. Найдется. Говорю тебѣ, — оставайся. (Франциске) Иди внизъ. Пусть придетъ моя жена! (Франциска уходитъ).

Вермельскирхъ. Любезный г. Геншель, ради Бога не дѣлайте здѣсь скандала. А то полиція сядетъ на шею мнѣ...

Геншель (въ страшномъ порывѣ ярости, съ багровымъ лицомъ). Прежде я васъ всѣхъ перебью! Ганна должна придти сію минуту!

Вальтеръ (потрясенный). Вильгельмъ, Вильгельмъ... Не дѣлай глупостей... Я ничего такого вѣдь не хотѣлъ сказать, а люди вѣдь все плетутъ вздоръ... Ей-Богу, не хотѣлъ! Люди все врутъ...

Гильдебрантъ. Вильгельмъ... Ты вѣдь славный парень. Образумься! На что ты похожъ. Успокойся... Ты такъ оралъ!.. Что съ тобой случилось?.. Вѣдь это на весь домъ было слышно.

Геншель. Мнѣ все равно,—пусть слышитъ, кто хочетъ. Но ты останешься здѣсь, и Ганна придетъ сейчасъ.

Вальтеръ. Что мнѣ здѣсь оставаться? Зачѣмъ? Твои дѣла меня не касаются. Я не вмѣшиваюсь и не хочу вмѣшиваться.

Геншель. Надо было раньше объ этомъ подумать.

Вальтеръ. А что до другого, — то это передъ судомъ выплывetъ. Посмотримъ, кто будетъ правъ. Деньги свои я ужъ получу. Можетъ-быть, твоя жена тоже призадумается передъ ложной присягой. До остального мнѣ нѣтъ дѣла. Говорю тебѣ — пусти... Мнѣ некогда. Я долженъ быть въ Гортау. Не могу ждать.

Зибенгааръ (входитъ снова). Что здѣсь случилось?

Вермельскирхъ. Ахъ, Боже мой, я не знаю! Я совсѣмъ не знаю, чего хочетъ г. Геншель!

Геншель (продолжая крѣпко держать Вальтера за руку). Пусть придетъ Ганна... Больше ничего.

Фрау Вермельскирхъ (Зибенгаару). Люди спокойно пили свое пиво... Приходитъ г. Геншель и затѣваетъ ссору, какъ будто онъ здѣсь хозяинъ дома.

Зибенгааръ (успокаивая ее). Тс... тс... Хорошо, хорошо. (Геншелю) Геншель, что съ вами такое случилось?

Геншель. Господинъ Зибенгааръ, я не виноватъ, что такъ вышло. Хотите—вѣрьте, хотите нѣтъ, я не при чемъ тутъ, г-нъ Зибенгааръ...

Зибенгааръ. Ахъ, Геншель, что тамъ!.. Я васъ не первый день знаю, какъ смирнаго человѣка.

Геншель. Я еще служилъ у вашего отца. И хотя бы десять тысячъ разъ это имѣло такой видъ,—я все-таки не виноватъ, что это такъ вышло. Я самъ не знаю, что я надѣлалъ! Я никогда не былъ безобразникомъ, но теперь это такъ вышло. Они, всѣ вмѣстѣ, царапаютъ, кусаютъ меня. Этотъ человѣкъ такую вещь сказалъ о моей женѣ... Пусть онъ докажетъ, а если нѣтъ,—помилуй Богъ!

Зибенгааръ. Ахъ, оставьте людей болтать!

Геншель. Доказать! Доказать! А то—помилуй Богъ!

Вальтеръ. Я могу доказать, и я докажу! Здѣсь вотъ мало такихъ, которые бы не знали этого такъ же хорошо, какъ и я. Твоя жена... что-жъ подѣлаешь... сбилась съ пути. Я не виноватъ... Я бы не сказалъ... Но развѣ мнѣ дать тебѣ избивать себя? Я не лгунъ — я всегда правду говорю. Спроси про меня всѣхъ, кого хочешь. Спроси хоть г. Зибенгаара... по совѣсти... Объ этомъ воробьи кричатъ на всѣхъ крышахъ—да и объ этомъ ли только?..

Зибенгааръ. Подумайте, что вы говорите, Вальтеръ!

Вальтеръ. Вѣдь онъ же меня вынуждаетъ. Пусть онъ меня отпуститъ. Почему же я долженъ страдать за другихъ людей! Вы же всѣ знаете такъ же хорошо, какъ и я. Въ какихъ отношеніяхъ вы были съ Геншелемъ, когда жива была первая жена его? Вы думаете, что никто этого не знаетъ. Вы больше вѣдь не заходите къ нему.

Зибенгааръ. Что между нами — это частныя дѣла, и я запрещаю всякое вмѣшательство.

Вальтеръ. Но, если умираетъ совершенно здоровая

жена, а черезъ восемь недѣль умираетъ Густли,—мнѣ кажется, это ужъ не частныя дѣла.

Геншель. Что?! Ганну сюда!

Фрау Геншель (быстро входитъ, прямо отъ работы, вытираетъ руки). Что ты орешь такъ?

Геншель. Хорошо, что ты здѣсь. Вотъ этотъ человѣкъ говоритъ...

Фрау Геншель (хочетъ уйти). Мерзость! Глупости!

Геншель. Остаться здѣсь!

Фрау Геншель. Вы, вѣрно, пьяны всѣ вмѣстѣ! Что вы вздумали! Что я вамъ обезьяну, что ли, буду представлять! (Хочетъ уйти).

Геншель. Ганна... Не совѣтую... Человѣкъ здѣсь говоритъ...

Фрау Геншель. О, про меня пусть говоритъ, что хочетъ.

Геншель. Что ты меня кругомъ обманываешь.

Фрау Геншель. Что?! Что?! Что?!

Геншель. Да? Смѣетъ онъ это сказать... И что мнѣ... моя жена...

Фрау Геншель. Я?.. Проклятая ложь! (Закрываетъ передникомъ глаза и убѣгаетъ).

Геншель. Чтобъ я!.. Моя жена!.. Что мы вмѣстѣ!.. Что наша Густля!.. Хорошо... хорошо... (Онъ отпускаетъ руку Вальтера и, хрипя, опускаетъ голову на столъ).

Вальтеръ. Что изъ меня лгуна строить!

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната та же, что и въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ. Ночь; довольно сильный лунный свѣтъ падаетъ въ окна. Комната пуста. Послѣ всего происшедшаго прошло немного времени.

Въ комнатѣ зажигаютъ свѣчу. Черезъ нѣсколько секундъ входитъ Геншель, со свѣчой въ жестяномъ подсвѣчникѣ. Онъ въ лосинахъ; на ногахъ туфли. Медленно подходитъ къ столу, нерѣшительно оглядывается назадъ и въ окно; ставитъ свѣчу на столъ, самъ же садится у окна. Подпираетъ руками подбородокъ и смотритъ на луну.

Фрау Геншель (ея не видно; зоветъ изъ другой комнаты). Мужъ! Мужъ! Что ты тамъ дѣлаешь? Что ты еще дуришь тутъ? (Выглядываетъ полуодѣтая). Гдѣ же ты? Иди спать. Пора! Завтра ты опять не поднимешься, будешь лежать, какъ мѣшокъ, а во дворѣ все пойдетъ вверхъ дномъ. (Выходитъ полуодѣтая; съ удивленіемъ останавливается, боязливо приближается къ Геншелю). Что ты дѣлаешь? А?

Геншель. Я?

Фрау Геншель. Что съ тобой? Сидишь и не говоришь ни слова.

Геншель. Я смотрю на тучи.

Фрау Геншель. Ну и народъ! Прямо съ ума сойдешь! Что это тамъ, наверху, хотѣла бы я знать! Такъ вотъ каждую ночь... толчея! Нѣтъ покоя на свѣтѣ... Ну, что ты не смотришь? Скажи хоть слово.

Геншель. Тамъ, наверху, они.

Фрау Геншель. Во снѣ ты, что ли? Ты, Вильгельмъ, очнись! Ложись въ постель да выспись. Наверху тучи и больше ничего.

Геншель. У кого глаза, — тотъ видитъ.

Фрау Геншель. Кто рехнулся, — тотъ разумъ потерялъ.

Геншель. Я не рехнулся.

Фрау Геншель. Я не говорю. Но если ты будешь продолжать, то можетъ статься. (Она дрожитъ, надѣваетъ кофту и кочергой разгребаетъ золу въ печкѣ).

Геншель. Который часъ?

Фрау Геншель. Четверть второго.

Геншель. Что ты часы перевѣсила? Они вѣдь всегда висѣли около двери.

Фрау Геншель. Выдумывай еще! Они висятъ тамъ, гдѣ всегда висѣли.

Геншель (встаетъ). Я пойду схожу въ конюшню.

Фрау Геншель. Я тебѣ говорю, — иди спать, а то я шумъ подыму. Нечего тебѣ теперь искать въ конюшнѣ. Ночью ты долженъ быть въ постели.

Геншель (спокойно останавливается и смотритъ на Ганну). А гдѣ же Густли?

Фрау Геншель. Чего ты хочешь? Она въ постели, спитъ. Что ты всегда съ этой дѣвчонкой вяжешься? Ничего ей не станется.

Геншель. Ей ничего не станется. Она пошла спать. Слишкомъ рано пошла спать. Густли-то... Я не про Берту говорю.

Фрау Геншель (востъ, затыкая передникомъ ротъ). Я удеру! Я убѣгу! Я здѣсь не останусь больше!

Геншель. Иди спать, иди! Я послѣ приду. Твои вопли уже не помогутъ. Кто тутъ виноватъ, — Господь вѣдаетъ. Ты здѣсь не при чемъ, тебѣ нечего и выть. Богъ да я — мы оба знаемъ... (Запираетъ дверь на ключъ).

Фрау Геншель (быстро ее опять открываетъ). Что ты запираешь? Я не позволю себя запирать.

Геншель. Я самъ не знаю, почему я заперъ.

Фрау Геншель. Люди тебѣ голову задурили. Они когда-нибудь отвѣтятъ за то, что они тебѣ въ голову вбили. Я за твоей дѣвочкой смотрѣла, какъ и за моей. Отъ этого она, навѣрное, не умерла бы. Но мертвыхъ я поднимать не могу. Если кому суждено умереть, такъ и умретъ. Ничѣмъ не остановишь. Густель всегда была плохонькая, это ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я. Что же ты все съ меня спрашиваешь и смотришь на меня такъ, будто я Богъ вѣсть что съ ней надѣлала.

Геншель (подозрительно спрашивая). А можетъ-быть? Ничего невѣроятнаго тутъ нѣтъ.

Фрау Геншель (выходитъ изъ себя). Если бы мнѣ кто сказалъ это тогда, — я бы лучше пошла милостыню просить. Ну и народъ! Это надо было предвидѣть! Такія вещи приходится выслушивать! Вѣдь я же хотѣла уйти! Кто меня удерживалъ? А? Кто не пускалъ меня силой изъ этого дома? Я всегда могла себѣ кусокъ хлѣба добыть! Я не боялась. Работать могла! Но ты вѣдь не отставалъ, а теперь вотъ что изъ всего этого вышло. Все я должна расхлебывать.

Геншель. Можетъ-быть, это правда, что ты должна все расхлебывать. Что будетъ, то будетъ. Ничего не подѣлаешь! (Опять запираетъ дверь).

Фрау Геншель. Ты не смѣешь запирать, Вильгельмъ, а то я буду кричать о помощи.

Геншель. Тс... Молчи! Ничего не слышишь? Тамъ... по коридору... что-то бѣжитъ... Слышишь... приближается къ ушату?.. Слышишь плескъ?.. Она стоитъ и моется.

Фрау Геншель. Ты... Мужъ! Тебѣ чудится... Ушатъ здѣсь.

Геншель. Ну да... я знаю... Меня они не проведутъ. Кто знаетъ, тотъ знаетъ. (Быстро) Больше я говорить не стану. Пойдемъ, пойдемъ спать: утро вечера мудренѣе.

(Пока онъ подходитъ къ каморкѣ, фрау Геншель тихо открываетъ дверь и быстро исчезаетъ).

Геншель (снимаетъ съ притолоки кнутъ). Да это мое старое кнутовище! Откуда только оно взялось? Больше года его не видѣлъ. Оно еще при жизни матери куплено. (Прислушивается) Что ты думаешь? Ну да, конечно, естественно... ничего... А если бы даже... Почему бы и нѣтъ... Ну, да ладно... Я уже знаю, что мнѣ остается сдѣлать. Это ужъ оставь...

(Въ пріотворенную дверь входитъ Зибенгааръ, знаками показываетъ Вермельскирху и фрау Геншель, чтобы они оставались. Онъ вполнѣ одѣтъ, только вмѣсто воротника на шеѣ у него шелковый платокъ. Вермельскирхъ въ шлафрокѣ).

Зибенгааръ. Добрый вечеръ, господинъ Геншель. Что? Вы еще не спите? Вамъ нездоровится? Что вы хотите?

Геншель (сперва изумленъ. Просто). Не могу спать. Нѣтъ совсѣмъ сна. Я бы принялъ что-нибудь, коли знать. Не знаю, какъ и что... Богъ знаетъ что со мною.

Зибенгааръ. Я вамъ вотъ что скажу, старый другъ: ложитесь спокойно теперь въ постель, а завтра раненько я пришлю доктора. Вы должны серьезно заняться собой.

Геншель. Ни одинъ докторъ мнѣ не поможетъ.

Зибенгааръ. Ну, этого вы не говорите. Мы еще увидимъ... Докторъ Рихтеръ понимаетъ свое дѣло. Моя жена цѣлыми недѣлями не спала. Голова отъ боли чуть не трескалась, — а вотъ въ среду приняла порошокъ, теперь спитъ всѣ ночи, какъ мертвая.

Геншель. Да, да... такъ... Это все быть можетъ... Я былъ бы радъ, если бы могъ спать. А барыня, въ самомъ дѣлѣ, больна?

Зибенгааръ. Ахъ, мы всѣ не въ порядкѣ. Скорѣе бы ужъ понедѣльникъ прошелъ, — все опять устроится!

Геншель. Въ понедѣльникъ передача всего?

Зибенгааръ. Да, къ понедѣльнику надѣемся все устроить, а пока работы все прибываетъ. Составленіе инвентаря... все... я почти не раздѣваюсь. Слушайте, идите спать, Геншель. У каждаго своя бѣда. Жизнь не игрушка. Мы всѣ должны сладить съ ней. А если въ голову вступитъ что,— не принимайте этого такъ близко къ сердцу.

Геншель. Покорно васъ благодарю, господинъ Зибенгааръ. Не поминайте лихомъ, прошу васъ. Желаю вамъ на много лѣтъ здоровья съ вашей супругой.

Зибенгааръ. Мы вѣдь завтра опять увидимся, Геншель. Благодарить вамъ меня не за что. Мы не разъ оказывали другъ другу услуги, пока жили вмѣстѣ. Этому теперь конецъ. Противъ этого не встанешь. Но мы были друзья и, я полагаю, останемся ими.

Геншель (молча дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ окну и смотритъ изъ окна). Такія-то дѣла здѣсь. Время не ждетъ. Вотъ и Карлуша больше насъ не посѣщаетъ. Тутъ ничего не возразишь. Вѣрно, вы правы. Ничему хорошему мальчикъ здѣсь не научился бы. Прежде это было совсѣмъ иное.

Зибенгааръ. Я не понимаю, Геншель, о чемъ вы говорите.

Геншель. Вы вѣдь въ эту комнату тоже не входили... вотъ ужъ девять мѣсяцевъ.

Зибенгааръ. У меня было такъ много всякихъ заботъ...

Геншель. Раньше вы тѣмъ болѣе пришли бы. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, вы правы. И люди всѣ также правы. Я ужъ больше не могу постоять за себя.

Зибенгааръ. Геншель, подите, отдохните теперь.

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ... Мы можемъ немного потолковать объ этомъ. Видите ли, всему причиной я... Я знаю, что я виноватъ. Ну хорошо, пусть такъ. Но раньше, чѣмъ я Ганну взялъ, это уже началось потихоньку... Такъ потихоньку и шло подъ гору... Было у меня кнутовище изъ китоваго уса—сломалось. Затѣмъ вскорѣ.—я хорошо помню,—переѣхалъ я свою собаку. Это былъ самый лучшій шпицъ, какого я имѣлъ. Потомъ пали у меня три лошади, дорогой красивый жеребецъ. Триста талеровъ стоилъ. Наконецъ умерла жена. Я тогда примѣтилъ, что это судьба. Когда жена умерла, я подумалъ на минуту: теперь ужъ, вѣрно, конецъ этому горю,—теперь ужъ нечего у меня взять. Анъ нѣтъ, еще нашлось! Про Густлю я даже говорить не буду: теряешь жену, теряешь и ребенка. Но нѣтъ, — поставили мнѣ петлю, и въ эту петлю я попалъ.

Зибенгааръ. Кто вамъ петлю поставилъ?

Геншель. Можетъ-быть, дьяволъ, а можетъ—кто-нибудь другой. Удавиться я долженъ,—это вѣрно. (Молчаніе)

Зибенгааръ. Вотъ злосчастная выдумка!

Геншель. Нѣтъ, нѣтъ, я даже и не спорю... Скверный я сталъ, но только я не виноватъ. Влопался я... А пусть и виноватъ... Кто знаетъ!.. Надо было слѣдить лучше... Вѣдь дьяволъ-то хитрѣе меня. Я все шелъ прямо...

Зибенгааръ. Геншель, вы сами себѣ врагъ. Вы бьетесь съ какими-то призраками, которые никогда и нигдѣ не существовали. Дьяволъ вамъ ничего не сдѣлалъ. Ни въ какую петлю вы не попадали, и никто васъ не давитъ. Все это вздоръ! Опасная игра воображенья.

Геншель. Поживемъ—увидимъ.

Зибенгааръ. Скажите мнѣ прямо, что у васъ на душѣ. Вы увидите, что все пустое. Вы и не злой, и не скверный, и ни въ чемъ не виноваты.

Геншель. Это мнѣ лучше знать.

Зибенгааръ. Ну, въ чемъ же?..

Геншель. Вотъ здѣсь стояла кровать; она лежала въ ней, и я долженъ былъ дать ей обѣтъ. Я далъ обѣтъ и не сдержалъ.

Зибенгааръ. Какой обѣтъ?

Геншель. Вы сами знаете. Я не сдержалъ—и наказанъ. Свершилось,—вотъ я и проигралъ. Видите, теперь она не можетъ найти покоя.

Зибенгааръ. Вы говорите про вашу покойную жену?

Геншель. Да, да, я только про нее и говорю. Она не можетъ найти покоя въ могилѣ. Она уходитъ и приходитъ,— и все нѣтъ покоя. Я управляюсь съ лошадью, — она тутъ стоитъ. Я беру сито съ ящика, гдѣ кормъ, и вижу ее сидящей за дверью. Хочу лечь въ кровать въ каморкѣ,—она лежитъ тамъ и смотритъ на меня. Она перевѣсила часы; она стучитъ въ стѣнку; она царапается въ стекло. Она кладетъ мнѣ руку на грудь, и я задыхаюсь и глотаю воздухъ... Нѣтъ, нѣтъ, кому это знать, какъ не мнѣ! Такія исторіи надо пережить, пока поймешь. Всего не перескажешь... Все это я перенесъ... вѣрьте мнѣ!

Зибенгааръ. Геншель! Мое послѣднѣе слово: соберитесь съ духомъ, станьте на ноги; идите и спросите доктора. Представьте себѣ, что вы больны, очень больны, но прогоните всѣ эти призраки. Вѣдь это только призраки, фантазія!

Геншель. Тогда вы то же говорили... такъ, или въ этомъ родѣ...

Зибенгааръ. Можетъ-быть... Я и не отрекаюсь... Вы тогда женились,—въ этомъ вы были вполнѣ правы. О грѣхѣ и винѣ здѣсь рѣчи быть не можетъ.

Вермельскирхъ (входитъ). Пойдемте ко мнѣ, Геншель. Зажжемъ газъ и будемъ въ карты играть. Выпьемъ пивца, или чего вы хотите; выкуримъ по трубочкѣ... Пусть тогда сунутся только эти привидѣнія! Черезъ два часа будетъ свѣтло. Выпьемъ кофе и отправимся гулять. Чортъ бы меня побралъ, если вы не станете прежнимъ Геншелемъ!

Геншель. Можетъ-быть. Попробуемъ.

Вермельскирхъ. Такъ идемъ.

Геншель. Нѣтъ, къ вамъ я больше не пойду.

Вермельскирхъ. А, что за глупости! Ужъ не по тѣмъ ли вы пустякамъ!.. Это было все только недоразумѣніе. Все выяснилось. Я не пущу Гауфе совсѣмъ: онъ вѣдь всегда пьянъ. Ну, а въ задорѣ... поневолѣ какое-нибудь словцо вылетитъ... Въ одно ухо войдетъ, въ другое выйдетъ... Такъ по-моему.

Геншель. Это было бы самое лучшее. Вы тоже правы. А все-таки въ пивную я больше не пойду. Буду побольше въ разъѣздахъ... Такъ полагаю... Не будутъ же они за мной всюду ходить... Теперь спите на здоровье, и мнѣ хочется спать.

Зибенгааръ. А что, Геншель, если бы вы пошли со мной наверхъ? У меня въ конторѣ еще свѣтъ, натоплено... Тамъ мы сыграемъ втроемъ. Я и такъ едва ли лягу спать.

Геншель. Да, да, мы могли бы сыграть. Я уже давно въ карты не игралъ.

Фрау Геншель. Да, да, ступай наверхъ... Все равно спать не можешь.

Геншель. Я не пойду, поняла?

Фрау Геншель. А если ты здѣсь останешься, такъ я уйду отсюда. Кто знаетъ, что ты еще натворишь за ночь. Опять съ ножомъ начнешь играть. Да, да, онъ это вчера устроилъ... Тутъ нельзя быть увѣренной за жизнь!

Геншель. Этого еще недоставало, — чтобы я туда наверхъ пошелъ. Онъ самъ мнѣ первый посовѣтовалъ, чтобы я такъ поступилъ, а потомъ первый сталъ и презирать меня.

Зибенгааръ. Геншель, я никогда не презиралъ васъ! Вы честный человѣкъ; не убѣждайте себя въ безсмыслицѣ. Роковая судьба преслѣдуетъ человѣка. Надо перенести, а это не легко. Вы заболѣли, — но чести вы не потеряли... За это я руку положу въ огонь.

Геншель. Можетъ-быть, и такъ, г-нъ Зибенгааръ, будемъ о чемъ-нибудь другомъ говорить. Вы не виноваты,— я это всегда говорю. Зятя я тоже проклинать не буду. Онъ, вѣрно, знаетъ, откуда взялъ. Она сама ходитъ ко всѣмъ людямъ и каждому разсказываетъ. Она — вездѣ, то тутъ, то тамъ. У брата она тоже, вѣрно, была.

Вермельскирхъ. Кому ходить по людямъ! Объ этомъ ни одна человѣческая душа не думаетъ. Про эту недавнюю исторію люди ужъ и позабыли.

Геншель. Верти, какъ хочешь, она все-таки со мной. Она уже знаетъ, какъ быть, она вездѣ и каждому можетъ внушить. И если бы даже люди объ этомъ молчали и не преслѣдовали меня, какъ собаки, — ничего бы не помогло: это въѣлось въ меня.

Зибенгааръ. Геншель, мы не уйдемъ, пока вы не выкинете это изъ головы. Вы должны совершенно успокоиться.

Геншель. Я въ своемъ умѣ и совершенно спокоенъ.

Зибенгааръ. Ну, хорошо. Будемъ откровенны. Вы видите теперь, какъ ваша жена раскаивается. Кельнеръ уже за горами, его вы больше никогда не увидите. Каждый можетъ споткнуться, кто бы онъ ни былъ. Теперь просто подайте другъ другу руки, похороните все, что можно похоронить, и помиритесь между собою.

Геншель. Мнѣ не надо мириться. (Ганнѣ) Руку, пожалуй, могу тебѣ подать. Что ты преступила,—пусть судитъ Господь. Я судить тебя не стану. Только вотъ насчетъ Густли... Если бы можно было узнать что-нибудь вѣрное.

Фрау Геншель. Можешь убить меня здѣсь на мѣстѣ, пусть я буду сейчасъ мертвой, если я Густлю лишила жизни!

Геншель. Вотъ то-то я и говорю! Въѣлось въ меня... Ну, завтра мы можемъ еще поговорить. Пока мы договоримся, много воды утечетъ.

Вермельскирхъ. Затопите-ка себѣ печь да сварите себѣ горячій кофе... Послѣ дождя всегда солнце ярче. Между мужемъ и женой не бываетъ иначе. Безъ грозы супружества не бываетъ. Но послѣ грозы — всходы лучше. А самое главное, это—баю-бай... (Какъ бы качаетъ ребенка на рукахъ) Вотъ что должно быть. Непремѣнно завести это надо. (Развязно треплетъ Геншельшу по плечу). Старикъ вѣдь любитъ эту мелюзгу. Соберитесь и пріобрѣтите себѣ такую игрушку... Громъ и молнія, Геншель Вильгельмъ! Если бы не удалось, — это чортъ знаетъ что было бы!.. Такой силачъ, какъ вы... Ничего легче быть не можетъ! Спокойной ночи вамъ всѣмъ, господа.

Зибенгааръ. Все перемѣнится, только духомъ не падайте.

Вермельскирхъ. Потеплѣй платье да похолоднѣй кровь! (Уходитъ съ Зибенгааромъ).

Геншель (медленно идетъ къ двери и хочетъ опять ее запереть).

Фрау Геншель. Оставь, не запирай!

Геншель. Мнѣ все равно... Пусть! Что ты тамъ дѣлаешь?

Фрау Геншель (стоитъ прямо передъ печью. Вздрогнувъ, оборачивается). Ты же видишь, зажигаю огонь.

Геншель (тяжело опускается у стола). Пожалуй, и лампу зажги. (Выдвигаетъ ящикъ стола).

Фрау Геншель. Что ты ищешь?

Геншель. Ничего.

Фрау Геншель. Ну, такъ задвинь ящики. (Подходитъ и задвигаетъ ящикъ). Бертель еще разбудишь! (Молчаніе).

Геншель. Въ понедѣльникъ онъ уходитъ. Мы останемся одни.

Фрау Геншель. Кто уходитъ въ понедѣльникъ?

Геншель. Зибенгааръ. Кто знаетъ, что будетъ при новомъ.

Фрау Геншель. Новый-то богатъ. Онъ не будетъ у тебя занимать.

Геншель. Ганна... Одинъ изъ насъ долженъ уступить... изъ насъ двоихъ... Я? Да, да, это правда... Смотри на меня, какъ угодно... Не иначе.

Фрау Геншель. Я должна уйти? Прогнать меня хочешь?

Геншель. Это увидимъ, кому уходить. Можетъ—я: можетъ—ты. Если-бъ я ушелъ... Я знаю, тебѣ это не бѣда. Ты ведешь извозчичье дѣло, какъ мужчина. Но, какъ сказано, тутъ не во мнѣ дѣло.

Фрау Геншель. Если ужъ кому-нибудь уходить, такъ мнѣ. У меня еще есть силы. Соберусь, уйду, и ни одинъ человѣкъ не увидитъ больше. Лошади, повозки, всѣ вещи—твои. Ты не можешь покинуть отцовскаго добра, — стало-быть, я уйду и—конецъ всему.

Геншель. Это еще не рѣшено. Всему своя очередь.

Фрау Геншель. Только нечего тянуть. Что было, то было.

Геншель (тяжело встаетъ и идетъ къ каморкѣ). А Бертель? Что съ этой дѣвочкой?

Фрау Геншель. Ее надо отправить къ отцу... въ Квальсдорфъ.

Геншель (уже въ дверяхъ каморки). Ладно, довольно... Завтра успѣемъ... Все перемѣнится, — говоритъ Зибенгааръ. (Въ каморкѣ) Завтра все будетъ по-другому. (Молчаніе. Геншеля не видно). Берта опять вся въ поту.

Фрау Геншель. Пусть себѣ попотѣетъ, это не повредитъ. У меня тоже капли текутъ по шеѣ. Ну и жизнь! (Открываетъ окно). Ужъ лучше совсѣмъ не жить!

Геншель. Что ты говоришь? Я ничего не понимаю.

Фрау Геншель. Ложись спать и оставь меня въ покоѣ.

Геншель. А ты что же не идешь?

Фрау Геншель. Уже разсвѣтаетъ. (Заводитъ часы).

Геншель. Кто заводитъ часы?

Фрау Геншель. Замолчишь ли ты! Проснется Бертель.—заведетъ... Будетъ орать цѣлые полчаса. (Садится къ столу, ставитъ оба локтя на столъ). Самое лучшее было бы сбѣжать отсюда. (Зибенгааръ заглядываетъ въ дверь).

Зибенгааръ. Я пришелъ еще разъ... Вашъ мужъ успокоился?

Фрау Геншель. Мужъ! Вильгельмъ!

Зибенгааръ. Тс... Геншельша... Благодарите Господа... Идите-ка тоже спать. (Уходитъ).

Фрау Геншель. Что-жъ остается дѣлать! Надо попробовать. (Подходитъ къ двери комнаты, останавливается въ оцѣпенѣніи и прислушивается). Вильгельмъ! Мужъ! Ты могъ бы отозваться! (Громче. Со страхомъ) Вильгельмъ! Ты не долженъ меня пугать! Ты думаешь, я не знаю, что ты еще не спишь! (Все больше пугаясь) Мужъ! Я тебѣ говорю!.. (Бертель, проснувшись, плачетъ). Бертель, молчи! Молчи! Дѣвочка, да что же это такое? (Почти кричa) Вильгельмъ! Вильгельмъ! (Зибенгааръ опять заглядываетъ).

Зибенгааръ. Фрау Геншель, что случилось?

Фрау Геншель. Я кричу, а онъ все не отвѣчаетъ.

Зибенгааръ. Вы съ ума сошли! Что вы дѣлаете?

Фрау Геншель. Тамъ такъ тихо... Что-то случилось...

Зибенгааръ. Что? (Беретъ свѣчку и входитъ въ каморку). Геншель, вы уже заснули? (Входитъ. Молчаніе).

Фрау Геншель (не смѣя войти). Что?.. Что тамъ?..

Вермельскирхъ (заглядываетъ). Кто тамъ?..

Фрау Геншель. Господинъ Зибенгааръ... А тамъ такъ тихо. Никто не отвѣчаетъ...

Зибенгааръ (торопливо, смертельно-блѣдный, входитъ съ Бертой на рукахъ). Фрау Геншель, возьмите ребенка и идите туда, наверхъ, къ моей женѣ.

Фрау Геншель (уже съ ребенкомъ на рукахъ). Ради Бога, что случилось?

Зибенгааръ. Узнаете... Будетъ время.

Фрау Геншель (сперва сдержанно, а потомъ съ дикимъ крикомъ). Господи! Онъ что-то сдѣлалъ надъ собою! (Убѣгаетъ съ ребенкомъ).

Вермельскирхъ. Доктора!

Зибенгааръ. Поздно. Не поможетъ!

(Занавѣсъ падаетъ).

РОЗА БЕРНДЪ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ

Переводъ З. Н. Журавской.

«Роза Бернд» (Rose Bernd) заключаетъ собою циклъ соціальныхъ драмъ Гауптмана.

Написанная черезъ пять лѣтъ послѣ «Возчика Геншеля», она поставлена авторомъ непосредственно за нею. Ни съ одною изъ гауптмановскихъ драмъ она въ самомъ дѣлѣ не стоитъ въ такой близости замысла, манеры выполненія и родственности среды и обстановки. Нужно обладать самою элементарною читательскою наблюдательностью, чтобы безошибочно признать въ авторѣ «Розы Бернд» автора «Геншеля».

Роза Бернд» впервые увидѣла свѣтъ рампы 30 октября 1903 года въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ». На написаніе этой пьесы Гауптмана натолкнулъ дѣйствительный случай, съ какимъ онъ познакомился въ качествѣ присяжнаго засѣдателя при одномъ судебномъ разбирательствѣ.

Автора «Геншеля» естественно могъ заинтересовать трагическій надрывъ по существу вовсе не дурной женской души, изъ-за одного невѣрнаго шага покатившейся по наклонной плоскости въ бездну гибели.

Роза—славная, честная, во всѣхъ отношеніяхъ богато одаренная дѣвушка, которой не чуждо ничто человѣческое—дѣлаетъ ложный шагъ, сходясь съ помѣщикомъ и сельскимъ администраторомъ Фламмомъ. Она уже готова поставить крестъ надъ прошлымъ, вступить въ строгую «честную» жизнь, тѣмъ болѣе, что находится человѣкъ, готовый покрыть ея грѣхъ.—набожный Августъ. Но одно отклоненіе въ сторону слабости и порока влечетъ неизбѣжность дальнѣйшей путаницы и катастрофы. Паденіе съ Фламмомъ влечетъ паденіе съ Штрекманомъ. Жутко осложняется жизнь злополучной дѣвушки. Все туже и туже затягивается случайный узелъ. И въ концѣ надорвавшаяся несчастная женщина, затравленная негодяемъ, измученная позоромъ судебной волокиты, кончаетъ преступленіемъ,—удушеніемъ своего ребенка. «Коготокъ увязъ,—всей птичкѣ пропасть»—вотъ лучшій эпиграфъ къ пьесѣ Гауптмана и вотъ схема ея содержанія.

Отъ сопоставленій пьесы Гауптмана съ потрясающею драмой великаго русскаго художника никакъ невозможно удержаться. «Власть тьмы» просвѣчиваетъ сквозь строки, написанныя рукою нѣмецкаго драматурга. Основная идея толстовскаго произведенія, что грѣхъ засасываетъ, что первое звено порока неизбѣжно втянетъ человѣка въ непреодолимую пѣпь преступности и страданія.—есть и основная мысль Гауптмана.

И у того и у другого писателя эта мысль развивается на фонѣ деревенской жизни, въ разной мѣрѣ отданной во «власть» нравственной

«тьмы». Только въ такой тьмѣ возможны плотоядные Штрекманы и Фламмы. Даже антитеза этимъ животнымъ типамъ въ лицѣ старика Бернда и Августа, не разстающихся съ библіей и молитвенникомъ, напоминаетъ толстовское противопоставленіе своимъ героямъ—Акима съ его философіей жизни «по-Божьему».

Разница здѣсь только въ томъ, что Толстой покорно преклонился передъ народной правдой, высказанной устами косноязычнаго Акима, въ то время, какъ Гауптманъ полуиронически повернулъ предъ читателемъ нечуждую ханжества набожность Августа, отъ которой нѣтъ никому ни счастья ни радости.

Мѣстами грубоватое, рѣзко натуралистическое письмо Гауптмана,—достаточно, напримѣръ, вспомнить сцену перебранки Розы съ Штрекманомъ въ 3-мъ актѣ,—еще болѣе подчеркиваетъ вліяніе русскаго колосса на нѣмецкаго драматурга. Моментъ удушенія нежеланнаго ребенка общъ той и другой драмѣ.

Сдѣланное указаніе надо признать несравненно болѣе значительнымъ, чѣмъ указанія нѣмецкой критики на сходство «Розы Берндъ» съ старою мѣщанскою трагедіею Геббеля «Марія Магдалина» (1844 г.) или на связь ея съ цѣлымъ рядомъ нѣмецкихъ произведеній, гдѣ героинями являются поскользнувшіяся дѣвушки,—въ родѣ вещей Ленца, Г. Л. Вагнера, Фонтана и т. д.

Если еще дѣйствительно можно найти нѣкоторыя черты сходства положеній или настроеній съ трагедіей Геббеля, гдѣ также дѣвушка отдается нелюбимому человѣку, то другія сближенія надо отнести цѣликомъ на долю того нѣмецкаго критическаго педантизма, который никакъ не можетъ обойтись безъ подниманія пыли съ старыхъ литературныхъ образцовъ.

Колоритъ «Розы Берндъ» почти однороденъ съ колоритомъ «Геншеля». Здѣсь та же деревенская жизнь, которую Гауптманъ такъ идеально знаетъ. Разница только въ томъ, что на этотъ разъ драматургъ отрѣшился отъ своихъ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній деревни, отъ того этнографическаго элемента, какой онъ съ такой любовью вносилъ въ другія свои драмы. Здѣсь передъ читателемъ, такъ сказать, *деревня вообще*, безъ тѣхъ спеціальныхъ черточекъ, по которымъ нѣмецкій читатель всегда узналъ бы у Гауптмана опредѣленную силезскую деревню и могъ бы назвать ее собственнымъ ея именемъ.

Сказать это—не значитъ умалить цѣнность изображенія быта и нравовъ въ этой пьесѣ. Красочность Гауптмана осталась при немъ. Удалась и психологическая сторона драмы. Трагедія Розы понятна и правдива. Можно указать только развѣ на нѣкоторую оголенность преобладающаго ея настроенія. За исключеніемъ сценъ въ первомъ актѣ, читатель всюду видитъ Розу въ вѣчной борьбѣ, въ вѣчномъ страданіи за свою коренную ошибку. Это вноситъ цѣльность и стройность въ драму, но это же даетъ извѣстную однотонность образу и заслоняетъ въ немъ полноту человѣческихъ чертъ, лишаетъ Розу, такъ сказать, полножизненности.

Это не мѣшаетъ многимъ критикамъ очень высоко ставить драму Гауптмана. Бартельсъ видитъ въ ней «серьезнѣйшую попытку подняться до настоящей трагедіи». Настоящей трагедіи, по его мнѣнію, не вышло, но, во всякомъ случаѣ, вышла «жизненная драма, лучшая, какую Гауптманъ написалъ. Какими рѣзкими и сочными красками онъ изображаетъ выведенную въ пьесѣ среду, опять ему родную, какъ

полны настроенія сцены на полѣ, какъ тонко передана окружающая госпожу Фламмъ атмосфера, какъ явственно выступаетъ, — хотя въ данномъ случаѣ это и не такъ важно, — вся атмосфера деревни! Сама Роза, Фламмъ, его жена, отецъ Бериде, Августъ, Штрекманъ имѣютъ свою особенную, индивидуальную физіономію и тотъ прочный костякъ, какого часто недостаетъ гауптмановскимъ персонажамъ. Это вполнѣ закругленная бытовая картина, и, какъ драма, она совершенна. Взимая «драматическую пошлину» съ каждаго лица, Гауптманъ требуетъ и отъ каждой сцены драматическаго развитія и идетъ неуклонно своей дорогой вплоть до страшнаго конца».

Въ нѣкоторыхъ моментахъ, какъ въ выраженіи ужаса Розы передъ первымъ проявленіемъ наглости Штрекмана, въ сценахъ утѣшенія Розы г-жою Фламмъ, отказа Фламма скрѣпить брачный договоръ ея съ Кейлемъ, объясненій Фламмовъ, наконецъ въ финалѣ драмы, гдѣ мощно сгущается настроеніе,—Гауптманъ даетъ почувствовать себя, какъ истинный мастеръ и силачъ драматургіи.

Если Гауптману не удалось, какъ удалось Толстому, возвести единичный случай въ глубокую народную трагедію, — онъ написалъ бытовыя сцены съ истинно-драматическимъ подъемомъ и производящимъ сильное впечатлѣніе финаломъ.

РОЗА БЕРНДЪ.

ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Бернд'ъ.
Роза Бернд'ъ.
Мартель.
Кристофъ Фламмъ.
Г-жа Фламмъ.
Артуръ Штрекманъ.
Августъ Кейль.
Гапъ.
Гейнцель, Голитъ., Клейнертъ } поденщики.
Старая Голичиха.
Первая работница.
Вторая работница.
Жандармъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Ровная цвѣтущая мѣстность. Ясное, теплое, солнечное майское утро. Наискосъ, слѣва направо и изъ глубины къ авансценѣ идетъ проселочная дорога. Справа, нѣсколько повыше дороги, поля. На авансценѣ небольшое картофельное поле, на которомъ уже виднѣются зеленые всходы. Дорога и поле раздѣлены небольшой, поросшей цвѣтами, канавкой. Налѣво, на откосѣ, вышиною приблизительно въ человѣческій ростъ, старое вишневое дерево. Направо кусты орѣха и боярышника; приблизительно параллельно дорогѣ, но довольно далеко отъ нея, между зарослями вербъ и ольхъ, пробѣгаетъ ручеекъ. Отдѣльныя группы старыхъ деревьевъ придаютъ ландшафту видъ парка. Слѣва, на заднемъ планѣ, виднѣются кровли домовъ и колокольня деревенской церкви, утопающая въ зелени. День воскресный.

Роза Беридъ (красивая, сильная крестьянская дѣвушка 22 лѣтъ, выходитъ взволнованная, съ покраснѣвшими щеками, слѣва изъ-за куста, пугливо озираясь вокругъ, и садится на откосѣ. Она босая, въ короткой юбкѣ съ подоткнутымъ подоломъ, руки и шея голыя; бѣлокурые волосы расчесаны на двѣ косы, изъ которыхъ одна расплелась, и она ее торопливо заплетаетъ).

Кристофъ Фламмъ (старшина, нѣчто въ родѣ деревенскаго мэра, вскорѣ затѣмъ съ другой стороны выходитъ изъ кустовъ. Онъ тоже какъ будто чего-то боится и озирается вокругъ, но дѣлаетъ это съ такимъ видомъ, точно это его забавляетъ. Фламмъ — видный мужчина, лѣтъ подъ 40, здоровый, свѣжій, широкоплечій, жизнерадостный, наружность импонирующая и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичная. Одѣтъ какъ спортсменъ, но безъ шутовского франтовства. Башмаки со шнурками, охотничьи высокіе чулки, черезъ плечо перевязь и на ней кожаная фляга. Онъ тоже усаживается на откосѣ, на почтительномъ разстояніи отъ Розы).

Нѣкоторое время оба молча смотрятъ другъ на друга и вдругъ разражаются неудержимымъ смѣхомъ.

Фламмъ (напѣваетъ сначала тихо, потомъ все громче и задорнѣе, какъ капельмейстеръ, отбивая тактъ):

Въ лѣсу и въ полѣ чистомъ
Свою мы радость сыщемъ;
Мы ловкіе стрѣлки,
Мы ловкіе стрѣлки.

Роза (сначала испугалась пѣнія, потомъ развеселилась, отъ смущенія нѣсколько разъ принимается смѣяться). Нѣтъ, правда, господинъ Фламмъ...

Фламмъ (весело). Подпѣвай, Розина.

Роза. Я не умѣю пѣть, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Вотъ и неправда, Розина. Точно я не слыхалъ, какъ ты поешь на дворѣ (поетъ): «Охотникъ молодой...» Ну, что же ты? «Зеленымъ ѣдетъ боромъ».

Роза. Да я и пѣсни-то этой не знаю, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Что ты все меня зовешь господиномъ Фламмомъ? Ну, дѣвочка, цыпъ, цыпъ, цыпъ! подвинься-ка поближе.

Роза (пугливо). Сейчасъ изъ церкви станутъ выходить, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Ну, и пусть ихъ. (Встаетъ и вынимаетъ изъ дупла вишневаго дерева налѣво свое ружье). Во всякомъ случаѣ надо надѣть на себя свою пистолю. Вотъ такъ. Теперь давай сюда шляпу. Трубку... Ну, теперь пусть приходятъ. (Надѣлъ черезъ плечо ружье и сдвинулъ набекрень шляпу съ тетеревинымъ перомъ, досталъ изъ кармана коротенькую трубку и вложилъ ее въ роть). Гляди, какія славныя вишни, самыя что ни на есть сладкія—воробьиныя. (Показываетъ Розѣ полную пригоршню вишень. Искренно и сильно) Розина, я хотѣлъ бы, чтобъ ты была моей женой.

Роза. Ой, что вы, господинъ Фламмъ!

Фламмъ. Клянусь Богомъ, Розина.

Роза (испуганно отмахивается). Нѣтъ, нѣтъ! Что вы это!

Фламмъ. Роза, давай сюда свою славную честную лапку! (Удерживая ея руку, садится). Ей-Богу, я правду говорю, Розина. Видишь ли, я вѣдь большой чудакъ... Мамашу свою я чертовски люблю, а между тѣмъ...

Роза (закрываетъ лицо рукой). Впору сквозь землю провалиться.

Фламмъ. Такъ вотъ, изволишь ли видѣть, я чертовски люблю свою жену; это я тебѣ прямо говорю... а между тѣмъ... (Потерявъ терпѣнье) Да вѣдь это же ея не касается.

Роза (невольно расхохоталась). Ужъ вы такое скажете, господинъ Фламмъ.

Фламмъ (искренно любуясь ею). Слушай, дѣвка, а вѣдь ты красивая, ей-Богу... Прямо, можно сказать, красавица. Видишь ли, въ чемъ дѣло: мать... У насъ съ нею странныя отношенія. Этого въ двухъ словахъ не объяснишь. Генріэтта, сама знаешь, больная. Вотъ ужъ десять лѣтъ не встаетъ съ постели, развѣ что переползетъ на кресло, чтобъ ее выкатили на воздухъ... такъ, громъ меня разрази, какой же мнѣ отъ нея толкъ? (Схватываетъ дѣвушку за руку и порывисто цѣлуетъ).

Роза (испуганная поцѣлуями). Изъ церкви идутъ...

Фламмъ. И не думаютъ. Что тебѣ такъ далась эта церковь?

Роза. Августъ тоже въ церкви.

Фламмъ. Еще бы! Гдѣ святошѣ и быть, какъ не въ церкви! Да успокойся ты, Роза, вѣдь нѣтъ еще половины

одиннадцатаго: какъ станутъ выходить изъ церкви, звонить будутъ... Ну, иди сюда... и маманіи тебѣ нечего бояться.

Роза. Ахъ, Кристофъ, она такъ иногда посмотритъ, что я прямо готова сквозь землю провалиться.

Фламмъ. Ты не знаешь моей старухи. Мать хитрая, она сквозь четыре доски видитъ. Но это еще... вѣдь она и добра, какъ овца... если-бъ она даже какъ-нибудь узнала про насъ съ тобой,—ну, такъ что-жъ? Головы вѣдь не сниметъ...

Роза. Ой, нѣтъ, нѣтъ, и не говорите—ради Бога, господинъ Фламмъ!

Фламмъ. Ну, чего ты, Роза? Будетъ тебѣ. Нюхнуть развѣ? гм... (Беретъ понюшку табаку). Я тебѣ еще разъ повторяю: мнѣ это совершенно безразлично. (Разсердившись) Какъ же мнѣ прикажешь быть? Вѣдь я-то живой человѣкъ?.. Ну, будетъ, Роза. Что такое особенное случилось?.. Ты вѣдь знаешь, какъ я серьезно отношусь къ этому. Ну, дай я вытру тебѣ глазки.

Роза. Господинъ Кристофъ, вы такой добрый ко мнѣ (Со слезами на глазахъ, въ искреннемъ порывѣ цѣлуетъ руку Фламма) Но...

Фламмъ (нѣсколько смущенный). Добрый? Вздоръ, Розина! Какая это доброта, чортъ бы меня побралъ! Будь я свободенъ, я бы женился на тебѣ. Видишь ли, я вѣдь малый съ головой, кой-чему учился. Мое мѣсто скорѣй... Ну, да что объ этомъ говорить. Я бы могъ быть теперь старшимъ лѣсничимъ, а между тѣмъ, когда померъ старикъ, сразу рѣшилъ: айда домой, а карьеру на гвоздикъ. Не гожусь для всѣхъ этихъ тонкостей. Блокгаузъ, ружье, медвѣжій окорокъ—вотъ это по мнѣ. А подвернулся лихой человѣкъ — зарядъ дроби въ задъ...

Роза. Да вѣдь нельзя же такъ, господинъ Фламмъ. Надо же этому когда-нибудь положить конецъ.

Фламмъ (про себя). Ахъ, ты, громъ тебя разрази! Опять этотъ проклятый святоша. Да что онъ, не можетъ подождать, что ли? Мало ему останется? Хватитъ съ него. (Розѣ) Нѣтъ, дѣвка, ты его попридержи; это надо оттянуть.

Роза. И такъ слишкомъ долго тянули. Онъ ужъ больше двухъ лѣтъ ждетъ. А теперь надоѣло, пристаетъ: не хочу, говоритъ, больше ждать. Да и вправду, нельзя же такъ — безъ конца.

Фламмъ (взбѣшенный). Вздоръ, говорю-я тебѣ! До сихъ поръ ты день и ночь работала на отца, жила и жизни не видѣла, а теперь тебя еще переплетчикъ запряжетъ. Это

низость—выматывать изъ человѣка послѣднія жилы. Если ты только за этимъ, такъ на это будетъ еще время.

Роза. Нѣтъ, Кристофъ... Хорошо вамъ говорить, господинъ Фламмъ. А будь вы на моемъ мѣстѣ, вы бы, можетъ, совсѣмъ иначе заговорили. У отца здоровье плохое, я вѣдь знаю. Помѣщикъ отказалъ намъ отъ квартиры. Туда, кажется, хотятъ помѣстить новаго скотника. И вообще отцу давно уже хочется, чтобъ это наконецъ устроилось.

Фламмъ. Ну, такъ пусть твой отецъ самъ вѣнчается съ Августомъ Кейлемъ, коли ужъ онъ ему такъ полюбился. Вѣдь онъ души не чаетъ въ этомъ переплетчикѣ,—прямо помѣшался на немъ.

Роза. Вы несправедливы, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Скажи лучше... Да... что, бишь, я такое говорилъ? Не терплю я этихъ противныхъ физіономій: онъ мнѣ прямо противенъ, твой Августъ, прости меня, Господи,—да и тебѣ тоже, Розина. Почему мнѣ не сказать этого тебѣ откровенно? Можетъ-быть, у него и есть свои достоинства. Можетъ-быть, у него и гроши кой-какіе отложены. Но вѣдь это еще не причина, чтобы тебѣ лѣзть въ горшокъ съ клейстеромъ.

Роза. Нѣтъ, Кристофъ. Не говори такъ—и слушать-то грѣшно. Августъ столько натерпѣлся на своемъ вѣку... И болѣзнь и всякія напасти. Мнѣ его всей душой жалко...

Фламмъ. Васъ, женщинъ, не поймешь. Какъ будто и умница и разсудительная, и вдругъ натолкнешься на такой пунктикъ, что только дивишься, какія вы въ сущности глупыя. Ну, чистыя гусыни, ей-Богу. Скажите, пожалуйста,—«жалко всей душой». Ты и за каторжника способна выйти изъ состраданія — или по глупости. Ну, скажи на милость,—чѣмъ этотъ твой Августъ такъ ужъ несчастливъ? Выросъ онъ въ пріютѣ, но вѣдь въ концѣ концовъ пробилъ же себѣ дорогу... не захочешь ты,—почтенные отцы найдутъ ему другую невѣсту. На этотъ счетъ «братья о Христѣ» мастера.

Роза (рѣшительно). Нѣтъ, господинъ Фламмъ, пора это кончить. Что было, то было, и я о томъ не жалѣю, хоть и вдоволь наплакалась втихомолку. Этого ужъ не перемѣнишь. А кончить все-таки надо,—такъ дольше нельзя.

Фламмъ. Чего нельзя? Что ты хочешь сказать?

Роза. Да все то же. Тянуть больше невозможно, отецъ больше этого не потерпитъ, и онъ совершенно правъ. Господи Іисусе Христе! Понятное дѣло, это не легко...

Когда на душѣ такъ тяжело... Я не знаю, какъ и объяснить. (Хватается за грудь) Вотъ тутъ — такъ тѣснитъ... такъ душитъ... Иной разъ такъ сердце заболитъ,—прямо не вздохнуть... Надо же это какъ-нибудь по-другому устроить.

Фламмъ. Ну, пока этому горю трудно помочь. Однако пора. Мнѣ нужно домой. (Встаетъ и перекидываетъ ружье за спину). До свиданья. Прощай, Розина.

Роза (не отвѣчая, смотритъ прямо передъ собой).

Фламмъ. Что съ тобой, Розина? До свиданья?

Роза (отрицательно качаетъ головой).

Фламмъ. Не хочешь? Я тебя чѣмъ-нибудь обидѣлъ, Розина?

Роза. Никогда больше не надо такъ, какъ сегодня, господинъ Фламмъ.

Фламмъ (внезапно охваченный страстью). Роза, а если это сдѣлаетъ меня несчастнымъ?.. (Обнимаетъ и страстно цѣлуетъ ее).

Роза (черезъ нѣсколько мгновеній, въ страшномъ испугѣ). Ради Бога—кто-то идетъ, господинъ Фламмъ!

Фламмъ (испуганно отскочилъ отъ нея и скрылся въ кустахъ)

Роза (быстро встаетъ, наскоро поправляетъ волосы и платье тревожно озирается вокругъ, но, никого не замѣтивъ, беретъ заступъ и начинаетъ копать картофельное поле).

(Немного погодя къ ней подходитъ, незамѣченный ею, одѣтый по-праздничному, машинистъ Артуръ Штрекманъ. Штрекманъ—такъ-называемый красавецъ-мужчина, высокій, широкоплечій, фатоватый и самоувѣренный. У него длинная золотистая борода, ниспадающая на грудь. Его костюмъ, отъ сдвинутой на затылокъ форменной зеленой фуражки до блестящихъ, какъ зеркало, высокихъ сапогъ, длиннаго сюртука и вышитаго жилета, безупреченъ. И по платью и по манерѣ держать себя видно, что Штрекманъ много о себѣ думаетъ, весьма самонадѣянъ и вполнѣ убѣжденъ въ своей необычайной красотѣ).

Штрекманъ (какъ будто теперь только замѣтившій Розу, красиво-звучнымъ голосомъ). Добрый день, Розина Берндъ!

Роза (испуганно оборачиваясь). Здравствуй, Штрекманъ! (Неувѣренно) Откуда ты—изъ церкви?

Штрекманъ. Я вышелъ раньше, чѣмъ кончилась служба.

Роза (взволнованно, съ упрекомъ). Почему же это такъ? Развѣ ты не могъ дослушать проповѣди до конца?

Штрекманъ (испытующе глядя на нее). Почему?.. Да такъ, погода ужъ очень хорошая. Да и супруга моя осталась въ церкви. Надо же когда-нибудь побыть одному.

Роза. А вотъ я бы предпочла быть въ церкви.

Штрекманъ. Для женщины оно такъ и слѣдуетъ.

Роза. У тебя, навѣрное, цѣлый коробъ грѣховъ. Могъ бы помолиться хоть немного.

Штрекманъ. О, мы съ Господомъ Богомъ въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ на мои грѣхи смотритъ сквозь пальцы.

Роза. Да, да, разсказывай!

Штрекманъ. Обо мнѣ Онъ особенно не безпокоится.

Роза. Очень ужъ ты высоко о себѣ понимаешь.

Штрекманъ (смѣется громко и аффектированно).

Роза. Если-бъ ты былъ такой правдивый человѣкъ, ты-бъ не колотилъ своей жены.

Штрекманъ (сверкнувъ глазами). Именно потому! именно! Такъ и слѣдуетъ. Бабѣ необходимо показать, что ты господинъ.

Роза. Пожалуйста, не воображай о себѣ.

Штрекманъ. Понятное дѣло. Разъ это твое право,—и стой на своемъ правѣ. Съ этимъ я всегда добьюсь своего.

Роза (принужденно смѣется).

Штрекманъ. Мнѣ сказывали, ты хочешь уйти отъ Фламма?

Роза. Да вѣдь я теперь и не служу у Фламма. Самъ видишь, у меня на рукахъ другая работа.

Штрекманъ. Да вѣдь ты вчера еще работала тамъ.

Роза. Ну такъ что же? Хочу работаю, хочу нѣтъ. А ты не суйся не въ свое дѣло.

Штрекманъ. Правда, что твой отецъ перебрался?

Роза. Куда это?

Штрекманъ. Къ Августу, въ Лахмановъ домъ.

Роза. Августъ еще и не покупалъ этого дома. Видно, люди знаютъ больше меня.

Штрекманъ. Говорятъ также, что у васъ скоро свадьба будетъ.

Роза. Ну и пусть говорятъ.

Штрекманъ (помолчавъ, подходитъ къ ней ближе и останавливается, широко раздвинувъ ноги). Ты права, это еще успѣется. Такой красоткѣ, какъ ты, не страшно засидѣться въ дѣвкахъ. Пусть сначала нагуляется вдоволь,—вѣдь только и погулять, пока не замужемъ. (Помолчавъ) Хворый онъ у тебя, этотъ Августъ...

Роза. И слышать не хочу. Оставь меня въ покоѣ, и всѣ ваши наговоры ни къ чему. Онъ нисколько не хуже другихъ.

Штрекманъ. Ну, положимъ... пороху онъ не выдумаетъ.

Роза. Ладно, знаемъ мы твой порохъ... Послушать только, что бабы про тебя толкуютъ... Понятное дѣло, Августъ не такой.

Штрекманъ (самодовольно смѣется). Противъ этого не спорю.

Роза. Еще бы!

Штрекманъ (прищуривъ глаза, зорко смотритъ на нее). Со мной однѣми вишнями не отдѣлаешься. Коли я чего захочу отъ бабы,—добьюсь.

Роза (насмѣшливо). Скажите!..

Штрекманъ. Вотъ и «скажите». Хочешь, объ закладъ побьемся, Розина? (Шутливо) Ты вѣдь ужъ давно на меня заглядываешься. (Приближается къ ней и хочетъ обнять ее).

Роза. Что ты выдумалъ, Штрекманъ? Отстань!

Штрекманъ. Ну полно...

Роза (отталкиваетъ его). Штрекманъ, я тебѣ разъ сказала... надоѣли вы мнѣ—всѣ, мужики! И не глядѣла бы... Ступай своей дорогой...

Штрекманъ. Да что же я такого сдѣлалъ?.. (Помолчавъ, со смѣхомъ, полусмущеннымъ, полузлобнымъ) Ну погоди, попадешься ты мнѣ когда-нибудь. Ужо попадешься... Хоть ты и напускаешь на себя святость... ты думаешь, я ничего не знаю?.. Вонъ оно дерево. А подъ деревомъ-то... даже мнѣ совѣстно... что бы сказали отецъ съ Августомъ? Вотъ, напримѣръ, эта груша. И въ ней дупло теперь пустое... а тамъ стояло ружье...

Роза (продолжая работать, прислушивается все внимательнѣе. При послѣднихъ словахъ Штрекмана невольно вздрагиваетъ и блѣднѣетъ). Что ты такое говоришь?

Штрекманъ. Ничего. Проѣхали... А только когда человѣкъ ничего не подозрѣваетъ, когда у него даже мысли такой не было, — это прямо гнусность... это ужъ такой надо быть...

Роза (испуганная, не владѣя собой, бросается къ нему). Что ты сказалъ?

Штрекманъ (выдержавъ ея взглядъ). Ты слышала, что я сказалъ.

Роза. Что значитъ «такой»? Какой это «такой»?..

Штрекманъ. А ничего не значитъ.

Роза (сжимаетъ кулаки и впивается въ него взглядомъ, полнымъ гнѣва, ненависти, изумленія и страха; затѣмъ въ сознаніи своего безсилія опускаетъ руки и почти съ плачемъ выкрикиваетъ). Ты мнѣ за это поплатишься! (Плача, прикрываетъ глаза правой ру-

кой, а лѣвой подымаетъ конецъ передника и сморкается: потомъ, всхлипывая, совершенно разбитая, возвращается на прежнее мѣсто).

Штрекманъ (смотритъ ей вслѣдъ съ прежнимъ выраженіемъ холодной злости и рѣшимости. Понемногу имъ овладѣваетъ невольный смѣхъ, и онъ наконецъ начинаетъ громко смѣяться). Вотъ и всѣ вы такъ... Да будетъ тебѣ, дурочка. Успокойся, за кого ты меня принимаешь, Роза Бернды?.. Ну, что такое?.. ну было, такъ было — эка важность. Почему и не дурачить людей?.. Сами виноваты — зачѣмъ такъ глупы... Которая баба это умѣетъ, та мнѣ и мила. Меня, братъ, на это взять; я въ бабѣ толкъ знаю. Ты, можетъ, не повѣришь, а вѣдь я тебя съ самаго начала раскусилъ.

Роза (внѣ себя). Штрекманъ, я руки на себя наложу, если ты не уйдешь отсюда... Понялъ?.. я... мнѣ... уйти... не то быть бѣдѣ...

Штрекманъ (сидя на краю канавы, похлопываетъ себя ладонями по колѣнамъ). Ну, скажи на милость, чего ты воешь?. Ты думаешь, я сейчасъ пойду и буду обличать тебя всюду, всѣмъ стану про тебя сплетничать?.. Да мнѣ-то какое дѣло до твоихъ похожденій, желалъ бы я знать?..

Роза. Я повѣшусь на первомъ крюкѣ, какъ Шубертова Маріэль...

Штрекманъ. Маріэль—совсѣмъ другой табакъ. Та не такихъ еще штукъ натворила. Да у меня съ ней ничего не было. А если бы всѣ изъ-за этого вѣшались — скоро бы и бабъ на свѣтѣ не осталось. Вѣдь и вездѣ то же, куда ни глянь... Ну, и тово... понятное дѣло, смѣшно станетъ... Да и не о чемъ плакать... Ну, будетъ тебѣ. Вдругъ отецъ сверху увидитъ—вѣдь заругаетъ. Онъ у тебя стро-о-гій...

Роза (вся дрожа, въ поту отъ страха). Господи Іисусе, Пресвятая Дѣва, помилуй насъ!

Штрекманъ. Ну, скажи сама, развѣ я не правъ? Вѣдь вы всѣмъ въ носъ тычете своимъ благочестіемъ—и отецъ твой, и Августъ, да и ты тоже. А я, братъ, ханжества не уважаю...

Роза (съ новымъ отчаяннымъ порывомъ). Врешь ты все... Ничего и не видѣлъ...

Штрекманъ. Что-о?.. Не видѣлъ?.. Что-жъ, это мнѣ во снѣ приснилось, что ли?.. Развѣ что такъ. Я вѣдь не пьянъ, у меня сегодня капли во рту не было. Что же, скажешь, это былъ не старшина Фламмъ изъ Дисдорфа? Не заплеталъ онъ тебѣ косы? Не ташилъ тебя на лугъ? (Съ цинич-

нымъ смѣхомъ) Или, можетъ, вы еще раньше въ кустикахъ натѣшились всласть?

Роза. Штрекманъ, я тебѣ голову размозжу!

Штрекманъ (все еще смѣясь). Да ты слушай. Не бойся—ничего тебѣ не будетъ... Я вѣдь не въ претензіи. Кто первый пришелъ, тотъ и взялъ—только и всего. Я не въ претензіи.

Роза (безсильно плача и визжа и въ то же время продолжая судорожно тыкать заступомъ въ землю). Вѣдь надо же быть негодяемъ, чтобы этакое выдумать.

Штрекманъ (грубо, съ злостью). Это ты выдумываешь. Я ничего не выдумываю. А вотъ попользоваться не прочь. Куда старшинѣ Фламму ходъ, тамъ и мнѣ мѣстечко найдется.

Роза (уже совершенно не владѣя собой, кричитъ и плачетъ). Я всю свою жизнь была честной дѣвушкой, всегда хорошо вела себя, а онъ смѣетъ про меня «этакое» разсказывать. Я трехъ братьевъ и сестеръ выростила. Я до свѣту вставала, капли молока сама не выпью — все имъ... Это всѣ знаютъ, всякій ребенокъ на деревнѣ...

Штрекманъ. Зачѣмъ же такъ кричать объ этомъ? Вонъ ужъ люди изъ церкви идутъ, звонятъ уже. Другой разъ будь обходительнѣй. Очень ужъ вы всѣ носъ задираете, чуть не лопнете отъ чванства... Ну, да будетъ объ этомъ толковать. А только все-таки вы ничуть не лучше другихъ.

Роза (въ страшной тревогѣ вглядывается вдаль). Это не Августъ идетъ?

Штрекманъ (смотритъ въ томъ же направленіи. Презрительно). Гдѣ? Ну, конечно, онъ. Оба идутъ. Обходятъ пасторскій садъ. Ну такъ что же? Ты думаешь, мнѣ надо убираться? Я этого святоши не боюсь.

Роза (въ страхѣ и волнуясь). Штрекманъ, у меня отложено двѣнадцать талеровъ.

Штрекманъ. Розиночка, у тебя отложено гораздо больше.

Роза. Ну хорошо, я тебѣ отдамъ все, что скопила... Всѣ свои тряпки отдамъ... Деньги всѣ принесу до послѣдняго грошика, только сжалься... Штрекманъ... (Съ мольбой ловитъ его руки, онъ отнимаетъ ихъ).

Штрекманъ. Я денегъ не возьму.

Роза. Штрекманъ... Ради всего святого...

Штрекманъ. Вотъ я посмотрю, не образумишься ли ты?

Роза. Если хоть одинъ человѣкъ на деревнѣ узнаетъ...

Штрекманъ. Это зависитъ отъ тебя. Этого никому не нужно знать. Сама не станешь говорить, такъ никто не узнаетъ. (Другимъ тономъ, страстно) Вѣдь я влюбленъ въ тебя по уши...

Роза. Въ какую женщину ты не влюбленъ?

Штрекманъ. Ну, хорошо. Это уже не въ моей власти измѣнить. Нашъ братъ ужъ таковскій. Въ какое имѣніе ни придешь съ молотилкой, всюду потомъ разговоръ идетъ. Я самъ лучше всѣхъ знаю, каковъ я. Еще до Фламма,—объ Августѣ я не говорю,—ты мнѣ приглянулась. Сколько я боролся съ собой,—этого никто не знаетъ. (Съ желѣзнымъ упорствомъ) Но, чортъ побери, теперь ужъ это дудки... Будь что будетъ, теперь ужъ конецъ, Розина—теперь со мной шутки плохи. Теперь я нашелъ дорожку...

Роза. Что такое?

Штрекманъ. Скоро увидишь.

(На полевой тропинкѣ появляется Мартель, младшая сестра Розы, одѣтая чисто, по-праздничному. Мартель бѣжитъ вприпрыжку. Она совсѣмъ еще ребенокъ).

Мартель (зоветъ). Роза, это ты? Что ты тутъ дѣлаешь?

Роза. Надо же допахать этотъ кусокъ. Вы, небось, вчера не кончили, оставили.

Мартель. Брось, Роза. Боже упаси, отецъ увидитъ, что онъ скажетъ.

Штрекманъ. Не бойся,—если это выгодно, головы не сниметъ. Знаемъ мы стараго Бернда.

Мартель. Кто это такой?

Роза. Ахъ, не спрашивай!

(На дорогѣ изъ церкви показывается Бернд и съ нимъ Августъ Кейль; первый — сѣдой старикъ, второму лѣтъ 35; оба въ черныхъ праздничныхъ курткахъ; у каждаго въ рукахъ по молитвеннику. У старика Бернда сѣдая борода, голосъ слабый, какъ у людей, выдержавшихъ тяжелую легочную болѣзнь, видъ почтенный; онъ смотритъ господскимъ кучеромъ на пенсіи. У Августа Кейля, переплетчика, лицо блѣдное, рѣдкіе темные усы и остроконечная бородка; волосы на головѣ также успѣли порѣдѣть, движенія судорожныя. Онъ худъ, съ узкой грудью, вся фигура выдаетъ домосѣда).

Бернд. Это не Рузля?

Августъ. Она, отецъ Бернд.

Бернд. Вотъ вѣдь не отучишь дѣвку! Какъ нашло на нее, и отправилась пахать, все равно—въ будній день или въ праздникъ. (Подходя ближе) Тебѣ недѣли мало?

Августъ. Это ужъ слишкомъ. Роза, этого вовсе не нужно.

Бернд. Если-бъ это увидѣлъ нашъ добрый господинъ

пасторъ, онъ былъ бы глубоко огорченъ. Онъ бы глазамъ своимъ не повѣрилъ.

Августъ. Онъ опять спрашивалъ о тебѣ.

Штрекманъ (язвительно). Говорятъ, онъ хочетъ взять ее къ себѣ въ домъ за хозяйку.

Берндъ (только теперь замѣтивъ его). Да вѣдь это Штрекманъ.

Штрекманъ. Онъ самый. Работящая дѣвка. что и говорить. И пчелъ и муравьевъ за поясъ заткнетъ. Всѣ косточки ноютъ отъ работы... Ей некогда спать въ церкви...

Берндъ. И мы оба тамъ не спимъ. А вотъ иные и не въ церкви спятъ и, къ сожалѣнію, не хотятъ, чтобы ихъ будили. А женихъ близокъ.

Штрекманъ. Совсѣмъ дѣло на мази. Вотъ только невѣста что-то виляетъ.

Августъ. Ты сегодня расположенъ шутить?

Штрекманъ. Ужъ такое настроеніе; готовъ обняться хоть съ телеграфнымъ столбомъ... или съ церковной кружкой... Мнѣ сегодня чертовски весело,—прямо, чуть не лопну отъ смѣха.

Берндъ (Розѣ). Брось, пойдемъ домой. Нѣтъ, такъ нельзя, такъ я съ тобой не пойду. Положи заступъ туда, въ дупло. А то кто возьметъ еще, и выйдутъ непріятности...

Августъ. Тутъ иные даже съ ружьями ходятъ.

Штрекманъ. А есть такіе черти, что и съ флягой. (Вынимаетъ изъ кармана бутылку водки).

Августъ. Каждый живетъ за свой страхъ.

Штрекманъ. Правильно. И за свой счетъ. Ну, соберись съ духомъ, Августъ, выпей глоточекъ. (Протягиваетъ бутылку Августу, тотъ не обращаетъ вниманія).

Берндъ. Ты вѣдь знаешь,—Августъ непьющій. Гдѣ теперь стоитъ твоя молотилка?

Штрекманъ. Такъ ужъ вы, отецъ Берндъ, поддержите компанію. Вѣдь вы когда-то сами курили водку? Молотилка стоитъ тамъ внизу.

Берндъ (нерѣшительно береть флягу). Развѣ для васъ, Штрекманъ, а то вѣдь я не пью. Понятное дѣло, когда я служилъ управителемъ на заводѣ, всяко приходилось. Но только водочное дѣло мнѣ всегда было не по душѣ. А съ тѣхъ поръ я вовсе не пью.

Штрекманъ (обращаясь къ Августу, который кладетъ лежащую на землѣ лопату въ дупло). Ты, смотри, осторожнѣй съ этой вещью. Чего добраго выстрѣлитъ,—шифъ, пафъ, нажалъ и готово.

Берндъ. Есть такіе люди, что даже въ праздникъ охотятся.

Штрекманъ. Напримѣръ, старшина Фламмъ...

Берндъ. Вотъ, вотъ... Мы его встрѣтили. Нехорошо. Прямо жалко такихъ людей...

Штрекманъ (бросаетъ въ Розу пригоршней майскихъ жуковъ).

Роза (дрожа). Штрекманъ...

Берндъ. Что съ тобой?

Августъ. Это что еще такое?..

Штрекманъ. Ничего... Ужь и пошутить нельзя.

Августъ. Шути съ кѣмъ хочешь, но только ее не тронь.

Штрекманъ (лукаво и злобно). Берегись, Августъ, какъ бы тебѣ самому не влетѣло.

Берндъ. Будетъ вамъ, полно,—не ссорьтесь, ради Бога!

Штрекманъ. Жаба не можетъ, чтобъ не подскочить.

Августъ. Жаба тотъ, кто лежитъ въ канавѣ.

Штрекманъ. Не будемъ ссориться, Августъ. Отецъ правъ: надо любить другъ друга. А ты злишься. Это ужъ совсѣмъ не по-христіански. Ну, поди сюда, выпей. Давай, выпьемъ вмѣстѣ. Ты, правда, не красивъ, въ этомъ тебя упрекнуть нельзя, но зато грамотѣ умѣешь. Книги умѣешь переплетать... Итакъ, скоро вы, значитъ, веселымъ пиркомъ и за свадебку?

Берндъ (видя, что Августъ не сердится, беретъ флягу и отпиваетъ).

Штрекманъ. Это мы запишемъ, отецъ Берндъ.

Берндъ. За веселую свадебку и выпить не грѣхъ.

Штрекманъ. Правильно. Слѣдуетъ. Вотъ это хорошо. Это не то, что въ усадьбѣ, когда я былъ кучеренкомъ, а вы управителемъ, и вы меня держали въ ежовыхъ... Теперь и мы чего-нибудь стоимъ. У кого голова на плечахъ, тотъ себѣ дорогу пробьетъ...

Берндъ. Если Богъ поможетъ, конечно, пробьетъ. (Августу) Выпей и ты съ нами за веселую свадебку.

Августъ (беретъ флягу). Это какъ Богъ дастъ, за это пить нечего—отъ питья не станется.

Штрекманъ (ударяя себя ладонями по ляжкамъ). И за то, чтобъ у тебя были маленькіе Августики, а дѣдка бы на нихъ радовался, а старшій изъ нихъ чтобъ былъ старшиною. За это и Розочка должна выпить.

Берндъ. Чего ты ревешь, Роза,—что съ тобой?

Мартель. Она всегда такъ, у нея глаза на мокромъ мѣстѣ...

Августъ (Розѣ). Отпей глоточекъ, пусть ужъ будетъ по его.

Роза (дѣлая надъ собой усиліе, съ отвращеніемъ беретъ бутылку).

Штрекманъ. Ну, вотъ такъ, веселѣе, разъ, два и готово.

Роза (дрожа, отпиваетъ и съ нескрываемымъ отвращеніемъ отдаетъ бутылку Августу).

Берндъ (тихо, съ отцовской гордостью, Штрекману). Вотъ это такъ дѣвка. Ее вѣ какъ беречь надо.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Большая комната въ домѣ старшины Фламма: низкая, полъ вровень съ землею: дверь направо ведетъ въ сѣни. Вторая дверь въ задней стѣнѣ ведетъ изъ большой комнаты въ другую, поменьше, которую Фламмъ называетъ своей охотничьей кладовой. Тамъ у него хранится все необходимое для изготовленія патроновъ: на стѣнѣ развѣшано оружіе и чучела птицъ, которыя видны зрителямъ, когда отворятъ дверь: тамъ же стоитъ шкапъ съ документами. Въ большой комнатѣ налѣво три окна: потолокъ темный, съ балками, вся она имѣетъ уютный жилой видъ. Налѣво, въ углу, старомодный диванъ, передъ нимъ дубовый, съ темными разводами, раздвижной столъ. Надъ диваномъ, на стѣнѣ, тѣсно одинъ возлѣ другого оленьи и козьи рога. Надъ дверью охотничьей кладовой виситъ стеклянный ящикъ и въ немъ чучела цѣлаго выводка куропатокъ. Направо, близъ двери, доска для ключей и на ней ключи. Невдалекѣ оттуда стеклянный шкапъ, биткомъ набитый книгами. На шкапу чучело филина; возлѣ шкапа на стѣнѣ часы съ кукушкой. Весь правый уголъ занимаетъ большая кафельная печка съ синими разводами. На всѣхъ трехъ окнахъ налѣво горшки съ цвѣтами. Ближайшее къ столу окно открыто, равно и слѣдующее, поближе къ авансценѣ. У этого окна сидитъ на креслѣ на колесахъ г-жа Фламмъ. На окнахъ кисейныя занавѣски. Невдалекѣ отъ передняго окна старый брюхатый комодъ, покрытый вязаной скатертью, на немъ разныя семейныя реликвіи, бездѣлушки и т. п. Надъ комодомъ на стѣнѣ фотографическія карточки родственниковъ. Между печкою и ходомъ въ сѣни—повернутый клавіатурой къ печкѣ старый рояль съ вышитой табуреткой. На роялѣ въ стеклянныхъ ящикахъ коллекціи бабочекъ. Направо, на авансценѣ, свѣтлый полированный письменный столъ. Передъ нимъ простой стулъ. Еще нѣсколько такихъ стульевъ возлѣ письменнаго стола у стѣны. Между окнами старое, обитое темной кожей, прадѣдовское кресло. Надъ столомъ большая англійская висячая лампа, съ широкимъ мѣднымъ ободкомъ. Надъ письменнымъ столомъ на стѣнѣ большой портретъ хорошенькаго пятилѣтняго мальчика въ простой деревянной рамкѣ. Кругомъ портрета вѣнокъ изъ свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ. Передъ нимъ большая стеклянная ваза съ незабудками, посаженными въ мокрый песокъ. Чудное утро, уже почти лѣтнее, около 11 часовъ.

Г-жа Фламмъ (почтеннаго вида женщина, лѣтъ 40, съ симпатичнымъ лицомъ. На ней черное гладкое платье изъ альпага, старомоднаго покроя, на головѣ бѣлый кружевной чепчикъ, на шеѣ кружевной воротничокъ. Ея исхудалыя тонкія руки наполовину прикрыты кружевными манжетами. На колѣняхъ у нея книга и тонкій батистовый платокъ. Черты лица крупныя, глаза свѣтло-голубые, взглядъ проницательный, лобъ высокій и широкій. Волосы, уже сѣдые и рѣдкіе, раздѣлены на-двое аккуратнымъ проборомъ. Она часто слегка приглаживаетъ ихъ кончиками пальцевъ. Выраженіе лица довольное, серьезное, безъ суровости; въ выраженіи глазъ, носа и рта много лукавства).

Г-жа Фламмъ (задумчиво смотритъ въ окно, вздыхаетъ, углубляется въ книгу, затѣмъ прислушивается, закрываетъ книгу, заложивъ ее закладкой, затѣмъ оборачивается къ двери и говоритъ, нѣсколько возвысивъ голосъ). Кто тамъ?—войдите! (Слышенъ стукъ, дверь немного пріотворяется, въ нее просовывается голова стараго Бернда). Ну, кто тамъ такой? А, это вы, Берндъ, нашъ защитникъ сиротъ и церковный староста. Входите, входите, отецъ Берндъ, я не кусаюсь.

Берндъ. Намъ нужно поговорить съ господиномъ поручикомъ. (Входитъ, за нимъ слѣдуетъ Августъ Кейль. Оба одѣты по-праздничному).

Г-жа Фламмъ. Ого, что это вы такъ торжественно?

Берндъ. Добраго утра, г-жа поручица.

Г-жа Фламмъ. И вамъ тоже, отецъ Берндъ. Мой мужъ, кажется, тамъ, въ охотничьей комнатѣ. (Указываетъ на Августа) А это кто же будетъ? Вашъ зять?

Берндъ. Точно такъ, г-жа Фламмъ,—если Богъ поможетъ, такъ будетъ зятемъ.

Г-жа Фламмъ. Что же вы не садитесь? Вы, вѣроятно, насчетъ свадьбы? Значитъ, дѣло пошло на ладъ?

Берндъ. Пошло, благодаря Бога, пошло.

Г-жа Фламмъ. Это меня радуетъ. Чего тутъ ждать? Разъ ужъ рѣшили, откладывать нечего. Такъ она, значитъ, надумалась наконецъ?

Берндъ. Надумалась. У меня теперь точно камень съ души свалился. Она вѣдь долго упрямилась, а теперь сама торопитъ: хоть завтра же играй свадьбу.

Г-жа Фламмъ. Это хорошо, г-нъ Кейль. Это меня радуетъ, Берндъ... Кристель! Мой мужъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ. Такъ, значитъ, теперь дѣло на мази? Ну, отецъ Берндъ, вамъ везетъ, теперь вы должны быть довольны.

Берндъ. Еще бы! Это вы правду говорите, г-жа Фламмъ. Именно можно сказать, что Господь Богъ ниспослалъ намъ Свое благословеніе. Августъ ходилъ къ Гнадовской барышнѣ,—она столько добра дѣлаетъ бѣднымъ людямъ,—и она согласи-

лась дать ему взаймы 3.000 марокъ. Такъ что теперь онъ можетъ купить Лахмановъ домъ.

Г-жа Фламмъ. Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Что вы? Ну вотъ видите, отецъ Берндъ, вотъ вы и опять на ногахъ. Помните, какъ васъ господа уволили безъ копейки денегъ? Вы тогда совсѣмъ въ уныніе пришли. Ужъ и не надѣялись выбиться, и дѣйствительно съ вами низко поступили. А вотъ видите, Богъ-то и повернулъ все на лучшее.

Берндъ. Да ужъ, слабъ человѣкъ, что и говорить—малодушенъ.

Г-жа Фламмъ. Зато теперь вамъ будетъ хорошо. Во-первыхъ, домъ возлѣ самой церкви; ну, и земли при немъ хорошій кусочекъ, а Роза хорошая хозяйка. Да, да, вы можете быть довольны.

Берндъ. Вѣдь сколько добра можетъ сдѣлать такая вотъ барышня. Послѣ Господа Бога кому мы здѣсь больше всѣхъ обязаны? Если-бъ я служилъ у Гнадовской барышни и такъ старался, какъ здѣсь, у своихъ господъ, ужъ, навѣрное, мнѣ не пришлось бы жаловаться.

Г-жа Фламмъ. Теперь вамъ не на что жаловаться, Берндъ.

Берндъ. Ни-ни, теперь никакъ.

Г-жа Фламмъ. Благодарности въ этой жизни не жди. Мой отецъ сорокъ лѣтъ служилъ старшимъ лѣсничимъ, а мать потомъ какъ бѣдствовала! Вотъ у васъ зять будетъ хорошій, домъ хорошій и земля при немъ. Чего же еще? А чтобы все шло, какъ слѣдуетъ, впередъ, а не назадъ, объ этомъ ужъ позаботятся ваши дѣти.

Берндъ. Надо надѣяться, г-жа Фламмъ, надо надѣяться. Да я вѣдь и не сомнѣваюсь. Разъ человѣкъ сумѣлъ выбиться на дорогу,—вѣдь сначала онъ книгами торговалъ въ разносъ...

Г-жа Фламмъ. Вы, кажется, хотѣли сдѣлаться миссіонеромъ?

Августъ. Для этого у меня здоровье слишкомъ слабое.

Берндъ. Выучился и читать, и писать, и ремеслу, и при этомъ честный человѣкъ и добрый христіанинъ, такъ ужъ на него положиться можно. Теперь я могу умереть спокойно.

Г-жа Фламмъ. Кстати, вы знаете, отецъ Берндъ, что мой мужъ отказался отъ мѣста, такъ что вашу Розу ему, должно-быть, ужъ не придется вѣнчать.

Берндъ. Она тамъ брюкву копаетъ...

Г-жа Фламмъ. Я знаю, знаю. Она уже была у меня

сегодня утромъ. Если вы хотите пройти, это сейчасъ за дворомъ... Кристель... Это...

Фламмъ (невидимый, откликается). Иду, сію минуту...

Г-жа Фламмъ. Къ тебѣ пришли по дѣлу.

Фламмъ (безъ сюртука и жилета показывается въ дверяхъ. На немъ ослѣпительно-бѣлая сорочка, разстегнутая на груди. Онъ продолжаетъ чистить ружейный стволъ). Я знаю: машинистъ Штрекманъ только-что былъ у меня. Я бы предпочелъ сейчасъ же приняться за молотьбу, благо машина уже въ усадьбѣ. Но вѣдь они еще нескоро будутъ готовы... Боже мой, да вѣдь это отецъ Берндъ...

Берндъ. Да вотъ, г-нъ Фламмъ, мы къ вамъ пришли... Мы хотимъ...

Фламмъ. Погодите, все по порядку (подноситъ къ глазамъ ружейный стволъ и смотритъ въ него на свѣтъ). Если вы по дѣлу, отецъ Берндъ, то вы лучше обождите немного, пока я сдамъ должность моему преемнику, Штекелю. Тотъ это будетъ продѣлывать гораздо торжественнѣе.

Г-жа Фламмъ (все время внимательно слушавшая, приложивъ къ подбородку вязальную спицу и внимательно слѣдя за мужемъ). Полно тебѣ, Кристель, что за вздоръ ты говоришь.

Августъ (все время блѣдный, при упоминаніи о Штрекманѣ блѣднѣетъ еще больше. Теперь поднимается съ мѣста, взволнованный, торжественно). Г-нъ поручикъ, я хочу сдѣлать оглашеніе. Съ Божьей помощью, я имѣю намѣреніе вступить въ святой бракъ.

Фламмъ (опять подноситъ къ глазамъ ружейный стволъ. Небрежно). Да что вы? Развѣ это такъ къ спѣху?

Г-жа Фламмъ (юмористически). Да тебѣ-то что, Кристель? Дай ты человѣку спокойно жениться. Вотъ еще проповѣдникъ выискался... Если-бъ его воля, отецъ Берндъ, на свѣтѣ были бы только холостяки и незамужнія...

Фламмъ. Бракъ—это только ловушка. Вѣдь вы переплетчикъ, Августъ Кейль?

Августъ. Такъ точно.

Фламмъ. Вы живете въ Вандрисѣ? И купили Лахмановъ домъ?

Августъ. Точно такъ.

Фламмъ. Вы хотите открыть книжную торговлю?

Августъ. Книжную и бумажную. Да, можетъ-быть.

Берндъ. Главное: душеспасительныя книги...

Фламмъ. При лахмановскомъ домѣ вѣдь есть и земля. Это, должно-быть, возлѣ большой груши...

Бернд'ъ и Августъ (вмѣстѣ). Да, да.

Фламмъ. Такъ мы, значитъ, сосѣди. (Кладетъ ружье и шаритъ по карманамъ, ища ключей, потомъ зоветъ) Минна, увези отсюда барыню. (Не безъ замѣтнаго волненія, но покоряясь необходимости, садится за письменный столъ).

Г-жа Фламмъ. Вотъ такъ вѣжливый кавалеръ. Впрочемъ, онъ правъ. Я здѣсь лишняя. (Служанкѣ, которая вошла и стала за ея кресломъ) Вези меня въ охотничью. Ты бы хоть волосы причесала.

Минна (увозитъ г-жу Фламмъ).

Фламмъ. Жалко мнѣ Лахмановъ... (Кейлю) Что же, у васъ есть сбереженія? (Кейль смущенно кашляетъ). Да, впрочемъ, это безразлично. Васъ можно поздравить съ такой покупкой. Такъ вы хотите?.. Но я не вижу невѣсты. Какъ же это? Значитъ, невѣста не согласна?

Августъ (очень взволнованный, рѣшительно). Сколько мнѣ извѣстно, у насъ мысли однѣ.

Бернд'ъ. Я сейчасъ приведу ее сюда, г-нъ Фламмъ. (Быстро уходитъ).

Фламмъ (разсѣянно рывшійся въ ящикѣ письменнаго стола, только теперь замѣчаетъ отсутствіе Бернда). Вздоръ, къ чему такъ торопиться... (Нѣсколько мгновеній смущенно смотритъ на дверь, за которой скрылся Бернд'ъ, потомъ пожимаетъ плечами). А впрочемъ, дѣлайте, какъ знаете. Погодите, я только трубочку закурю. (Встаетъ, вынимаетъ изъ книжнаго шкапа кисетъ съ табакомъ, снимаетъ со стѣны коротенькую трубку, набиваетъ ее и зажигаетъ. Августу) Вы курите?

Августъ. Нѣтъ.

Фламмъ. И не нюхаете?

Августъ. Нѣтъ.

Фламмъ. И пива, водки, вина не пьете?

Августъ. Ничего, кромѣ вина за святымъ причастіемъ.

Фламмъ. Вотъ это я называю правилами — образцовый женихъ. Войдите. Кажется, въ дверь постучали? Или нѣтъ? Всякая сволочь тутъ шатается... Вы и шарлатанствуете иногда для препровожденія времени. (Августъ качаетъ головой). Какъ будто кто-то мнѣ говорилъ, что вы лѣчите молитвой.

Августъ. Это не имѣетъ ничего общаго съ шарлатанствомъ.

Фламмъ. Какъ такъ?

Августъ. Вѣра горами двигаетъ. И когда просишь съ истиннымъ усердіемъ... Вѣдь Отецъ Небесный и теперь еще всемогущъ.

Фламмъ. Войдите. Опять стучатъ? Войдите. Войдите же. А, чортъ!..

(Дверь отворяется. Старикъ Берндъ, самъ блѣдный, вводитъ блѣдную, упирающуюся Розу. Она и Фламмъ съ минуту смотрятъ другъ на друга въ глаза. Затѣмъ Фламмъ продолжаетъ).

Фламмъ. Хорошо, погодите минутку. (Уходитъ въ охотничью комнату).

(Слѣдующая сцена между Берндомъ, Розой и Августомъ должна быть очень живая, они переговариваются возбужденнымъ, сердитымъ шопотомъ).

Берндъ. Что тебѣ говорилъ Штрекманъ?

Роза. Кто?.. Да полно тебѣ, отецъ.

Берндъ. Я самъ видѣлъ Штрекмана. Онъ такъ тебя уговаривалъ...

Роза. Да нѣтъ же. Въ чемъ онъ можетъ меня уговаривать?

Берндъ. Вотъ я и спрашиваю.

Роза. Ничего не знаю.

Августъ. Не зачѣмъ тебѣ и разговаривать съ такимъ шалопаемъ.

Роза. Чѣмъ же я виновата, когда онъ пристаетъ.

Берндъ. Вотъ видишь, значитъ, онъ говорилъ съ тобой.

Роза. Ну, говорилъ, да я-то не слушала.

Берндъ. Я этого Штрекмана такъ не оставлю. Я на него жалобу подамъ. Давеча, какъ мы шли мимо молотилки, — вонъ она опять начинаетъ... (слышенъ отдаленный лязгъ и грохотъ машины)— онъ намъ вслѣдъ крикнулъ что-то обидное,—только я не разслышалъ хорошенько.

Августъ. Съ нимъ дѣвкѣ стоитъ два слова сказать, чтобъ о ней пошла худая слава.

Роза. Ну, такъ и ищи себѣ хорошую.

Фламмъ (входитъ слѣва, уже въ воротничкѣ и охотничьей куртке. Говоритъ твердо и рѣшительно). Еще разъ здравствуйте. Чѣмъ могу служить? Когда вы думаете вѣнчаться? Что это? Вы какъ будто повздорили? Объясните же кто-нибудь, будьте столь любезны. Послушайте, господа, вѣдь у васъ дѣло-то, очевидно, еще не налажено. Я вамъ вотъ что посовѣтую: ступайте-ка вы домой, выспитесь хорошенько и обсудите все снова. А когда окончательно рѣшите, приходите сюда.

Августъ (тономъ, не допускающимъ возраженій). Это дѣло нужно покончить сейчасъ.

Фламмъ. Я ничего не имѣю противъ. (Беретъ карандашъ). Итакъ, когда вѣнчаніе?

Берндъ. Мы такъ думали, что какъ можно скорѣе.

Августъ. Черезъ четыре-пять недѣль, не больше, если только возможно.

Фламмъ. Четыре-пять недѣль?

Августъ. Да, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Въ такомъ случаѣ прошу болѣе точно опредѣлить срокъ. Въ такихъ дѣлахъ нельзя же летѣть сломя голову и...

Роза (взволнованная: эти слова вырываются у нея невольно). Можно бы еще немного погодить: время терпитъ.

Фламмъ. Что ты говоришь? Что вы говорите?.. Я вѣдь ее ребенкомъ зналъ. Но, когда дѣвушка заневѣстилась, ей уже не говорятъ «ты». Итакъ, прошу замѣтить: невѣста, повидимому, не согласна такъ скоро.

Августъ (при возгласѣ Розы вздрогнулъ и уставился на нее. Теперь, поборовъ свое волненіе, говоритъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ). Ну что же, прощенія просимъ. Будьте здоровы, отецъ Берндъ.

Берндъ. Ты не уйдешь отсюда, Августъ! Слышишь? Я тебѣ говорю: останься. (Розѣ) А ты,—съ тобой я поговорю по-свойски. Что-нибудь одно. Поняла? Долго я спускалъ тебѣ. А Августъ такъ даже больше, чѣмъ нужно. Долго мы терпѣли твои капризы. Все думали: ничего, потерпимъ: авось, дастъ Богъ, образумится. А ты, что дальше, то хуже. Три дня тому назадъ ты мнѣ что обѣщала? И съ Августомъ вы ударили по рукамъ, и сама не могла дождаться свадьбы. А теперь опять и слышать не хочешь. Это что же такое значитъ? Что ты о себѣ воображаешь? Ты думаешь, что ты пригожая дѣвка и честная, такъ и все можешь себѣ позволить? Потому только, что ты работящая и себя соблюдала, и никто тебя не можетъ ни въ чемъ упрекнуть? Ты не одна такая. Такъ оно и быть должно. Это не причина воображать о себѣ: есть и другія дѣвушки, которыя не ходятъ на танцы. И другія воспитываютъ маленькихъ сестеръ и хозяйничаютъ у старика-отца. Что ты скромная, благочестивая дѣвушка, такъ это еще не значитъ, что всѣ прочія неряхи и потаскушки. Да другой ты и быть не могла,—иначе я давно бы тебя изъ дому выгналъ. Ты думаешь, ты Августу очень нужна. Ничего подобнаго. Такому человѣку стоитъ только пальцемъ поманить,— цѣлая куча невѣстъ прибѣжитъ, изъ самыхъ лучшихъ семействъ. Можетъ, еще много получше тебя. Это хоть кого выведетъ изъ себя. Прямо, всякое терпѣніе лопнетъ. Гордость, высокомѣріе, заносчивость. Помни одно: или ты сейчасъ же сдержишь свое обѣщаніе...

Фламмъ. Ну, ну, отецъ Берндъ, потише, не кипятитесь такъ.

Берндъ. Господинъ поручикъ, вы не знаете дѣла. Если она способна такъ крутить и мучить честнаго человѣка, она мнѣ не дочь.

Августъ (чуть не плача). Роза, чѣмъ я передъ тобой провинился? Почему ты стала такая недобрая? Недаромъ я не вѣрилъ своему счастью... Гдѣ ужъ намъ! Мнѣ на роду написано быть несчастнымъ, я вамъ всегда говорилъ это, отецъ Берндъ. А вѣдь я на совѣсть трудился и работалъ, и Богъ все-таки былъ милостивъ ко мнѣ: не далъ мнѣ пропасть. Ну, что тутъ! Слезами горю не поможешь. Видно, такая судьба. Видно, это для меня слишкомъ большое счастье. Выросъ въ сиротскомъ домѣ... Не удивительно, что я прилѣпился къ Христу... Ну, пусть я не изъ красивыхъ... Но вѣдь я тебя спрашивалъ: ты своей волей шла за меня. А теперь назадъ... Богъ, Онъ все видитъ... Ты еще горько раскаешься... (Хочетъ уйти, Берндъ удерживаетъ его).

Берндъ. Еще разъ, Августъ, говорю тебѣ: останься... Розина, ты поняла, что я тебѣ сказалъ? Я свое слово сдержу. Ты видишь этого человѣка?.. Или ты... Я этого не допущу. Онъ еще и не думалъ за тебя свататься, а мнѣ былъ, какъ сынъ родной. Когда я былъ боленъ, не могъ работать, никому до насъ не было дѣла, а онъ съ нами послѣднимъ кускомъ хлѣба дѣлился. (Августъ не въ силахъ совладать съ своимъ волненіемъ, поспѣшно взялъ шляпу и вышелъ). Онъ для насъ былъ все равно, что ангелъ небесный... Августъ...

Роза. Да вѣдь я же не отказываю... Можете же вы подождать немного.

Берндъ. И такъ три года ждали. Мало тебя господинъ пасторъ увѣщавалъ... А ему это надоѣло... И правъ, и никто его не осудитъ за это. Всему есть границы. Онъ совершенно правъ. Ну, а ты—иди, куда хочешь... Дѣлай, что хочешь... Я тебя больше знать не желаю. (Уходитъ).

Фламмъ. Ну, ну... Вотъ такъ расходился старикашка!

Роза (въ продолженіе предыдущей сцены постоянно мѣнялась въ лицѣ, то краснѣя, то блѣднѣя. Видно было, что въ душѣ ея идетъ жестокая борьба, минутами казалось, вотъ-вотъ она прорвется и заговоритъ. По уходѣ отца она, смертельно блѣдная, застыла на мѣстѣ въ какомъ-то жуткомъ спокойствіи).

Фламмъ (закрылъ церковную книгу и, собравшись съ духомъ, взглянулъ на Розу). Роза, проснись, что съ тобой? Неужели же

ты придаешь этому значеніе?.. (Дѣвушка, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, смотритъ на него большими неподвижными глазами, полными слезъ). Роза... ты слышишь? Что съ тобой?

Роза. Я знаю, что мнѣ нужно, и я это сдѣлаю... А если не выйдетъ? Ну пусть и пусть.

Фламмъ (взволнованно ходитъ по комнатѣ, по временамъ останавливается у дверей и прислушивается). Ну, понятно, почему же нѣтъ? (Занятый какъ будто исключительно ключами, онъ снимаетъ ихъ съ доски и, бренча ими, торопливо шепчетъ) Роза... Слушай, Роза... Роза, ты приходи на старое мѣсто, за усадьбой. Намъ надо еще разъ переговорить съ тобой, хорошенько обсудить. Тсс... Мать въ сосѣдней комнатѣ, здѣсь нельзя.

Роза (съ трудомъ выговариваетъ слова, но съ желѣзной энергіей). Нигдѣ и никогда, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Ты, кажется, всѣхъ насъ хочешь свести съ ума? Что за бѣсъ въ тебя вселился, скажи на милость? Я цѣлый мѣсяцъ бѣгаю за тобой, чтобы переговорить только, а ты отъ меня прячешься, какъ отъ прокаженнаго. Положительно... А теперь пошли такія исторіи...

Роза. И хоть бы еще въ десять разъ хуже... Можете меня хоть бить,—лучшаго я и не стою,—хоть ноги объ меня вытирайте, но только...

Фламмъ (стоя у стола, съ гнѣвнымъ изумленіемъ, круто поворачивается къ Розѣ, сдерживается, потомъ, не выдержавъ, ударяетъ кулакомъ по столу, такъ что гулъ пошелъ по комнатѣ). А, дьяволъ окаянный...

Роза. Ради Бога...

Г-жа Фламмъ (въ своемъ креслѣ, которое катитъ служанка, появляется въ дверяхъ охотничьей комнаты). Что здѣсь такое происходитъ, Фламмъ?

(Лицо Фламма покрывается сѣроватой блѣдностью; овладѣвъ собой, онъ снимаетъ со стѣны шляпу и палку и быстро уходитъ въ дверь направо).

Г-жа Фламмъ (съ изумленіемъ качая головой, смотритъ вслѣдъ мужу, затѣмъ вопросительно оборачивается къ Розѣ). Что случилось? Что съ нимъ такое?

Роза (глубоко потрясенная, потерявъ всякую власть надъ собой, бросается къ ногамъ г-жи Фламмъ и прячетъ лицо у нея на колѣняхъ). Ахъ, милая г-жа Фламмъ, я такъ несчастна!..

Г-жа Фламмъ. Ну, скажи же мнѣ... Ну, не надо, не надо... Не плачь. Ну, говори, дѣвочка, что съ тобой приключилось? Ты совсѣмъ другая стала... Я никакъ не пойму... (Служанкѣ, которая продолжаетъ стоять за ея кресломъ) Ты мнѣ больше не нужна. Потомъ придешь опять. Приготовь пока

въ кухнѣ все, что нужно. (Служанка уходитъ). Ну, такъ, въ чемъ же твое горе? что съ тобой случилось?.. Да говори же, облегчи душу. Что? Какъ? Что ты сказала? Не хочешь выходить за клейстернаго Августа... можетъ, тебѣ полюбился другой?.. Брось, всѣ они стоятъ другъ друга, и ни одинъ ничего не стоитъ.

Роза (наконецъ овладѣвъ собой, поднимается съ колѣнъ). Я знаю, чего я хочу,—ну и ладно.

Г-жа Фламмъ. Будто? А мнѣ вотъ сдается, что ты этого-то и не знаешь. Женщины часто не знаютъ, чего онѣ хотятъ,—особенно въ твои годы. Иной разъ тутъ старуха можетъ очень пригодиться. Но, если знаешь, тѣмъ лучше. Тогда ты и сама сумѣешь выпутаться. (Надѣла очки и зорко вглядывается въ Розу). Розина, ты ужъ не больна ли?

Роза (испуганно, смущенная). Больна?.. Какъ такъ?..

Г-жа Фламмъ. Да такъ,—больна, какъ другія бываютъ больны. Ты что-то очень перемѣнилась.

Роза. Вѣдь я же не...

Г-жа Фламмъ. Я и не говорю этого... Я спрашиваю только, — оттого и спрашиваю. А вотъ что намъ съ тобой надо выговориться на чистоту,—это вѣрно. Чего тутъ ходить вокругъ да около? Мы не въ прятки играть собрались. Вѣдь не думаешь же ты, что я тебѣ зла желаю? (Роза энергично отрицательно качаетъ головой). Ну, еще бы ты это думала. Ну, такъ вотъ — ты еще съ моимъ маленькимъ Куртомъ играла... Вы вмѣстѣ росли, пока Господу Богу не угодно было отнять его у меня... мое единственное дитя... вѣдь около этого времени померла и твоя мать... Помню, какъ она на смертномъ одрѣ просила меня, чтобы я въ случаѣ чего позаботилась о тебѣ. (Роза смотритъ въ пространство).

Роза. Самое лучшее въ воду кинуться... Коли ужъ такъ вышло... Прости мнѣ, Господи, этотъ грѣхъ...

Г-жа Фламмъ. Что «такъ вышло»? Что вышло-то? Не пойму я тебя. Могла бы ты хоть немного яснѣе выразиться. Во-первыхъ, я тоже женщина, отъ меня не скроешься: а во-вторыхъ, и я была матерью, хоть у меня теперь и нѣтъ дѣтей. Ой, дѣвка, неладное съ тобой творится. Я за тобой давно уже слѣжу, нѣсколько недѣль, хоть, быть-можетъ, ты этого и не замѣчала. Говори всю правду, чего тутъ—все равно скоро выйдетъ наружу. Пододвинь-ка меня къ комоду. (Роза исполняетъ). Такъ. Вотъ здѣсь въ ящикѣ всякое старье,— и дѣтскія платьица моего Куртеля... Твоя мать не разъ мнѣ говорила: «Моя Роза будетъ хорошею матерью; и ей нужно

дѣтей, а то у нея кровь очень горячая». Не знаю, можетъ, она и права была. (Вынимаетъ изъ ящика большую куклу). Что-жъ, и матерью быть не худо, какъ тамъ ни смотри. Вотъ съ этой вы съ Куртелемъ играли все, особенно ты. Ты ее и воспитывала, и мыла, и сушила, и кормила; разъ даже Фламмъ поймалъ тебя, когда ты собиралась кормить ее грудью... Это ты сегодня утромъ принесла цвѣты—вотъ эти незабудки, что тамъ въ вазѣ?.. И на Куртелевой могилкѣ въ воскресенье былъ новый вѣнокъ... Дѣти и могилы—это ужъ наше женское дѣло. (Вынимаетъ изъ ящика дѣтскую рубашечку и растягиваетъ ее передъ собой, держа за рукава). Правда, Роза, спасибо тебѣ. Твой отецъ вонъ все проповѣдуетъ, толкуетъ библію и все такое... Онъ говоритъ, что люди всѣ грѣшники, а онъ всѣхъ хочетъ сдѣлать ангелами. Можетъ, оно и такъ, я въ этомъ мало понимаю. Я только одно знаю: что такое мать, и сколько ей на этомъ свѣтѣ приходится всякаго горя терпѣть.

Роза (побѣжденная, съ глухимъ рыданіемъ падаетъ на колѣни и осыпаетъ безчисленными поцѣлуями руки г-жи Фламмъ).

Г-жа Фламмъ (у нея загорѣлись глаза, видно, что она угадала правду и поняла безмолвное признаніе Розы; тѣмъ не менѣе она спокойно продолжаетъ). Да, дѣвушка, этому я научилась. Я научилась, а свѣтъ позабылъ. О многомъ другомъ я и понятія не имѣю, или знаю не больше, чѣмъ всякій другой. А что всякій знаетъ, это еще немного. (Осторожно раскладываетъ рубашечку у себя на колѣняхъ). Ну, ступай теперь домой и не унывай. Надо мнѣ все это хорошенько обмозговать. Ладно. Больше я пока ни о чемъ не спрашиваю. Ты теперь сама не въ себѣ... Теперь тебѣ надо быть вдвойнѣ осторожной. Ничего не хочу знать, ужъ положись на меня. Меня вообще отцы мало интересуютъ: не все ли равно, кто отецъ — ландратъ или бродяга? Дѣтей-то вѣдь намъ самимъ придется рожать, тутъ ужъ никто не поможетъ... А вотъ обдумать нужно три вещи: какъ быть съ отцомъ, съ Августомъ... и... еще многое надо обсудить... Ну, да время есть. Я подумаю—на это я, слава Богу, еще гожусь.

Роза (вся выпрямилась и какъ будто застыла). Ахъ, нѣтъ, г-жа Фламмъ, не дѣлайте этого... не надо, не слѣдъ вамъ обо мнѣ заботиться. Я этого отъ васъ не заслужила: не стою я этого, я сама знаю... Я все это должна одна расхлебывать... Я не имѣю права разсчитывать на другихъ... я... Не могу я сказать яснѣе... Вы добры, какъ ангелъ, г-жа Фламмъ... Богу извѣстно, вы слишкомъ добры ко мнѣ... Но

этого не надо, не могу я этого принять... Прощайте, г-жа Фламмъ.

Г-жа Фламмъ. Погоди минутку. Не могу же я такъ отпустить тебя. Кто тебя знаетъ, что ты еще выкинешь.

Роза. Нѣтъ, нѣтъ, вы можете быть совершенно спокойны, г-жа Фламмъ,—до такой крайности я еще не дошла. Въ случаѣ чего, вѣдь я могу и сама заработать на ребенка: свѣтъ не клиномъ сошелся. Если-бъ тутъ дѣло было только во мнѣ, не будь отца и Августа, я бы особенно не тужила... Надо же ребенку имѣть отца.

Г-жа Фламмъ. Правильно. Ты храбрая. Впрочемъ. ты всегда была смѣлой. Это хорошо, что ты головы не теряешь. Но если такъ, то я опять-таки тебя не понимаю. Чего же ты замужъ не хочешь идти?

Роза (снова ушла въ себя, блѣдная, робкая). Что мнѣ вамъ сказать? Развѣ я знаю? Я и управилась бы, да вотъ... Штрекманъ...

Г-жа Фламмъ. Да говори ты откровенно... Ну. какъ знаешь. Хочешь, иди домой... А завтра опять приходи,—слышишь?.. Ты радоваться должна. Дитя—это радость.

Роза. Видитъ Богъ, я радуюсь. Ужъ я справлюсь какъ-нибудь, только помочь мнѣ не можетъ никто. (Быстро уходитъ).

Г-жа Фламмъ (одна, смотритъ ей вслѣдъ, вздыхаетъ, снимаетъ рубашечку съ колѣнъ и, какъ прежде, растягиваетъ ее на рукахъ). Да, дѣвушка, это къ тебѣ счастье пришло... Для женщины нѣтъ большаго счастья... Держи его крѣпко.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Плодородная мѣстность. На авансценѣ, направо, среди полей треугольный, словно вдавленный лужокъ; на немъ старое грушевое дерево. Подъ нимъ свѣтлый источникъ, грубо обложенный камнями. Средній планъ занятъ лугами. На заднемъ планѣ, окаймленный кустами ивняка, ольхи. орѣшника и букса, напоминающій озеро прудъ, съ тростниками и водяными лиліями. Къ нему примыкаютъ луга. На горизонтѣ полукругомъ старые дубы, ильмы, буки и березы. Въ просвѣты между кустами и деревьями видны колокольни и крыши дальнихъ селеній. Налѣво за кустами соломенныя кровли хозяйственныхъ построекъ. Жаркій лѣтній день въ началѣ августа. Издали слышно гудѣніе паровой молотилки.

Справа выходятъ, видимо усталые отъ работы и истомленные зноемъ, старикъ Беридъ и Августъ Кейль. На обоихъ надѣты рубахи, штаны и сапоги, на головахъ шапки; за спиной вилы, въ рукахъ косы у кожанаго пояса коровій рогъ и брусокъ.

Бернд'ъ. Вотъ жара-то сегодня. Надо отдохнуть немного. А все-таки отрадно работать на собственной землѣ.

Августъ. Не привыкъ я косить...

Бернд'ъ. А все-таки ты молодцомъ работаешь...

Августъ. Ну, гдѣ ужъ. Надолго ли меня хватитъ-то? У меня и такъ уже всѣ кости ноютъ.

Бернд'ъ. Не сѣтуй, зятюшка, къ такой работѣ привыкнуть надо. А ты прямо молодцомъ. Хоть въ рядъ тебя поставь косить съ привычными—не отстанешь.

Августъ. На одинъ день. А на другой свалюсь. Нездоровится мнѣ. Должно-быть, у меня какая-нибудь болѣзнь. Я давеча былъ у доктора—какъ всегда, только плечами пожимаетъ.

Бернд'ъ. Потому что ты, слава Богу, здоровъ. Ужъ коли тебѣ такая охота лѣчиться, положи въ воду пару ржавыхъ гвоздей и два-три раза въ недѣлю пей эту воду. Очень помогаетъ, и кровь очищаетъ и сердце крѣпитъ. Только бы вёдро продержалось подольше.

Августъ. Ужъ очень сильно припекать стало. Мнѣ давеча подъ заборомъ послышалось даже, будто громъ гремитъ.

Бернд'ъ (ставъ на колѣни у источника, нагнулся и пьетъ прямо ртомъ). А все-таки вода самый лучшій напитокъ.

Августъ. Который теперь часъ?

Бернд'ъ. Четыре, должно-быть. Удивляюсь, что это Роза не несетъ намъ полдника. (Поднимается съ колѣнъ, наставляетъ косу и осматриваетъ лезвіе. Августъ дѣлаетъ то же). Что—надо точить? Моя пока еще годится.

Августъ. Посмотри; можетъ, и моя годится.

Бернд'ъ (ложится на траву подъ грушей). Поди лучше сядь возлѣ меня. Можетъ, при тебѣ евангеліе есть? Почиталъ бы.

Августъ (усталый, тоже опускается на траву и съ облегченіемъ вздыхаетъ). Я просто скажу: слава и благодареніе Богу!

Бернд'ъ. Вотъ видишь, Августъ, я тебѣ сразу говорилъ: дай срокъ, дѣвка сама образумится. Такъ оно и вышло. Въ прежнія времена... еще до тебя... я самъ сколько голову ломалъ... Какъ заупрямится, бывало, ну, точно въ стѣну упрется, и ничего ты съ ней не подѣлаешь. Самое лучшее въ такихъ случаяхъ оставить ее въ покоѣ.

Августъ. И что тогда съ ней приключилось?.. Теперь я готовъ на колѣняхъ благодарить Бога... но тогда прямо не зналъ, какъ мнѣ быть. Вдругъ это она... и съ чего бы, кажется? Я этого до сихъ поръ въ толкъ не возьму.

Бернд. Какая разница теперь — и въ прошлый разъ когда мы у старшины были.

Августъ. Я радъ, что теперь уже не Фламмъ старшиною.

Бернд. Теперь она и не думала капризничать, въ пять минутъ все дѣло кончили. А другой разъ упрется. Женщины, онѣ всегда такъ...

Августъ. Ужъ не Штрекманъ ли тутъ замѣшанъ? Онъ вѣдь вамъ кричалъ что-то вслѣдъ и раньше ее все уговаривалъ...

Бернд. Можетъ статься, а можетъ, и нѣтъ... Этого я не знаю. У нея вѣдь ничего не выпытаешь, коли она не захочетъ сказать. Нехорошо это. Именно потому я радъ, что она выходитъ за человѣка, который можетъ повліять на нее и искоренить въ ней это упрямство. Вы созданы другъ для друга. Она вѣдь добрая; ею только руководить надо, а у тебя она будетъ въ хорошихъ рукахъ.

Августъ. Мнѣ всякій разъ, какъ увижу машиниста Штрекмана, такъ и хочется сказать: съ нами Богъ, сгинь, пропади, нечистая сила!..

Бернд. Можетъ, она боялась, что онъ скандалъ устроитъ... Онъ вѣдь еще мальчишкой былъ дрянь порядочная. Сколько разъ его мать жаловалась... Можетъ статься... Отъ него всего можно ждать...

Августъ. Какъ увижу этого человѣка, я самъ не свой. То въ холодъ, то въ жаръ меня кидаетъ; прямо готовъ роптать на Отца Небеснаго, что Онъ не сотворилъ меня сильнымъ, какъ Самсонъ... И такія, прости Господи, грѣшныя мысли въ голову лѣзутъ... (Слышно пыхтѣніе машины). Вонъ онъ—тамъ.

Бернд. Да плюнь ты на него.

Августъ. Только бы все кончилось поскорѣе! Запрусь я тогда у себя дома въ четырехъ стѣнахъ, и будемъ мы жить тихо и мирно.

Бернд. Дай тебѣ, Господи!

Августъ. А до свѣта мнѣ дѣла нѣтъ. Опротивѣли мнѣ и свѣтъ и люди... Такъ опротивѣли, что прямо... не знаю, отецъ, какъ и сказать. Иной разъ такъ горько станетъ,— прямо вотъ невтерпежъ, кажется, съ радостью умеръ бы. Думаешь, что смерть придетъ, и радуешься, какъ ребенокъ,— засмѣешься даже...

(Группа истомленныхъ жарой рабочихъ, въ томъ числѣ старуха и двѣ молодыя дѣвушки, все подеицики съ поля Фламма, поспѣшно идутъ полемъ къ источнику. Это: Ганъ, Гейнцель, Голишъ, старая

Голичиха. Мужчины въ однихъ штанахъ и рубахахъ; на женщинахъ подобраны юбки, косынки на груди и пестрые платки на головахъ).

Ганъ (30 лѣтъ, загорѣлый, здоровый парень). А все-таки я первый добѣжалъ, а вы сколько ни старайтесь, никому изъ васъ за мной не угнаться. (Становится на колѣни и наклоняется къ источнику). Кабы можно, я бы и самъ туда нырнулъ...

Младшая работница. Посмѣй только, мы тоже пить хотимъ. (Старшей работницѣ). Ты захватила съ собой ковшикъ зачерпнуть воды?

Старшая работница. Подождешь. Старшимъ первый чередъ.

Гейнцель (оттаскиваетъ обѣихъ женщинъ за плечи назадъ и протискивается между ними къ источнику). Первый чередъ мужчинамъ, потомъ ужъ бабамъ.

Клейнертъ. Всѣмъ мѣста хватитъ, — правда, дядя Берндъ?.. Съ полдникомъ васъ.

Берндъ. Да, да. Только полдника у насъ еще нѣтъ. Все ждемъ и не дождемся.

Голишъ. Я... я! меня пустите! Страсть пить хочется... Рубашку хоть выжми... Языкъ во рту словно колода...

Голичиха. Водицы...

Клейнертъ. Да вотъ же она, вода,—на всѣхъ хватитъ. (Всѣ жадно пьютъ, кто прямо ртомъ, кто изъ горсти, кто зачерпнувъ воды шапкой или принесенными ковшичками и горшечками. Слышно только, какъ они торопливо глотаютъ и потомъ съ наслажденіемъ отдуваются).

Гейнцель (вставая съ колѣнъ). Вода хорошая вещь, но пивца бы выпить еще лучше.

Ганъ. Или водки стаканчикъ—тоже не дурно.

Голишъ. Слышь ты... Августъ, ты бы намъ хоть четверть поставилъ.

Голичиха. Пусть лучше на свадьбу позоветъ.

Голишъ. На свадьбу мы всѣ придемъ. Свадьба-то вѣдь скоро...

Гейнцель. Я не пойду. Была охота воду сосать. Этого добра и здѣсь довольно. Лучшаго отъ него вѣдь не дождешься,—развѣ что кофеемъ угоститъ...

Ганъ. Да пѣніемъ и молитвами; чего добраго, еще придетъ пасторъ изъ Іенкау и начнетъ спрашивать десять заповѣдей.

Гейнцель. Или семь прошеній молитвы Господней. Вотъ штука была бы. Я вѣдь все перезабылъ.

Клейнертъ. Оставьте вы въ покоѣ Августа. Я вамъ го

скажу: будь у меня дѣвка, я бы лучшаго зятя не желалъ. Онъ малый съ головой, свое дѣло знаетъ...

(Работники и работницы усаживаются въ кружокъ полдничать. Пьютъ кофе изъ жестяныхъ чайниковъ и перочинными ножами отрѣзываютъ ломти отъ большихъ каравасвъ хлѣба).

Голичиха. Вонъ Берндова Роза вышла изъ-за угла.

Голишъ. Глядите, какъ прыгаетъ.

Клейнертъ. Ей ни почемъ втащить мѣшокъ пшеницы на вышку. Нынче утромъ я самъ видѣлъ, какъ она взвалила платяной шкапъ на телѣгу и отвезла въ новый домъ. Славная дѣвка,—кровь съ молокомъ. Эта управится со всякимъ хозяйствомъ.

Ганъ. Вотъ, братцы, кабы мнѣ такъ повезло, какъ Августу, и я бы, пожалуй, святошей сталъ...

Голичиха. Умѣй только на побѣгушкахъ быть, такъ повезетъ...

Ганъ. Какъ подумаешь, что онъ раньше съ сумой ходилъ и по деревнямъ книжки продавалъ, потомъ за деньги письма писалъ... а нынче, глядите, лучшій домъ на деревнѣ—его, и самая красивая дѣвка—тоже его.

(Входитъ Роза Берндъ. Она несетъ въ корзинѣ полдникъ для Августа и отца).

Роза. Хлѣбъ да соль!

Всѣ (вмѣстѣ). Здравствуй, и тебѣ тоже—спасибо.

Голичиха. Что же ты, Роза, милаго дружка голодомъ моришь?

Роза (весело распаковываетъ корзину). Ну вотъ еще. Такъ скоро съ голоду не помираютъ.

Гейнцель. Ты его хорошенько корми, Роза, а то онъ нестись не будетъ.

Голичиха. Да, да, а то гдѣ же ему супротивъ тебя выстоять.

Берндъ. Гдѣ ты такъ долго была? Мы уже съ полчаса ждемъ.

Августъ (вполголоса, сердито). Вотъ и опять тутъ вся деревня собралась. Если-бъ не ты, мы бы давнымъ-давно уже кончили...

Голичиха. Пусть поворчитъ, дѣвушка, ничего,—не обращай вниманія.

Роза. Кто ворчитъ, бабушка? кому здѣсь ворчать? Августъ никогда не ворчитъ...

Голичиха. Да хоть бы и ворчалъ, я тебѣ говорю: не обращай вниманія.

Гейнцель. Коли теперь не ворчитъ, послѣ будетъ. Это придетъ.

Роза. И ничего не будетъ, и ни капельки я не боюсь.

Голишъ. Какъ это вы вдругъ такъ поладили?

Роза. Мы и всегда ладили. Правда, Августъ? (Цѣлуетъ его; въ толпѣ смѣются). Чего вы смѣетесь! У насъ всегда такъ.

Голишъ. А я было-того... думалъ... какъ бы мнѣ къ тебѣ въ окошко влѣзть...

Клейнертъ. Гляди, дѣдка! Костей не соберешь.

Старшая работница (язвительно). Ой, ой, ой, какъ страшно! А я бы все-таки попробовала... Кто знаетъ?..

Берндъ (нахмурившись, но спокойно). Смотри, дѣвка, за собой.

Клейнертъ. Слыхала, что сказано: смотри за собой. Старый Берндъ шутить не любитъ.

Роза. Да вѣдь она уже молчитъ,—оставьте ее...

Клейнертъ (раскуривая трубку). Поглядѣть на него теперь,—кротокъ, какъ овца. А вѣдь, бывало, разсердится, ухъ, какой... вы и не повѣрите. Помню, какъ онъ еще управителемъ былъ,—у него бабы по стрункѣ ходили. Онъ бы съ десятью такими управился, какъ ты,— не посмѣли бы съ парнями путаться...

Старшая работница. Кто же это съ парнями то путается?

Клейнертъ. Объ этомъ надо машиниста Штрекмана спросить.

Старшая работница (вся вспыхнувъ). Ахъ, пожалуйста, спрашивайте... хоть у самого Бога... (Въ толпѣ смѣхъ).

(Входитъ машинистъ Штрекманъ, весь въ пыли, прямо отъ молотилки, слегка подвыпившій).

Штрекманъ. Кто тутъ поминалъ машиниста Штрекмана? Вотъ онъ самъ здѣсь передъ вами. Кто хочетъ помѣриться со мною? Хлѣбъ да соль всей честной компаніи. Здравствуйте.

Голичиха. Помянули чорта,—онъ ужъ тутъ какъ тутъ.

Штрекманъ. А ты чортова бабушка. (Снимаетъ фуражку съ кокардой и вытираетъ потъ со лба). Охъ, братцы, дайте посидѣть съ вами. Усталъ я. На этой работѣ кожу можно спустить... не то что! Здравствуй, Августъ, добрый день, Роза, здравствуйте, отецъ Берндъ! Господи Іисусе, да что у васъ языки отнялись, что вы не можете отвѣтить?..

Гейнцель. Оставь ихъ, имъ и безъ тебя хорошо...

Штрекманъ. Кого Богъ полюбитъ, тому и во снѣ посылаетъ... А мы вотъ сколько ни надрывайся, все толку

нѣтъ. (Протиснулся между Гейнцелемъ и Клейнертомъ, усѣлся и передаетъ Гейнцелю бутылку съ водкой).

Голичиха. Грѣха ты не боишься, Штрекманъ, чего тебѣ жаловаться? Это ли не житье: получаешь вдвое, втрое противъ другихъ, а только всего и работы, что постоять у машины.

Штрекманъ. Потому это умственная работа. Голову нужно имѣть на плечахъ. Коли у кого въ башкѣ солома вмѣсто мозга, тому, понятно, не потрафить. Да ну тебя, что ты, старая, смыслишь въ этомъ? А вотъ какое у меня горе...

Голишъ. Батюшки! у Штрекмана горе!..

Штрекманъ. Больше чѣмъ достаточно... Я и самъ не знаю, что со мной дѣлается... Не то животъ болитъ, не то сердце... Но до того скверно, что какую ни на есть пакость готовъ сотворить... Дѣвушка, можно къ тебѣ прилечь?

Младшая работница. Я те прилягу точиломъ по головѣ.

Голишъ. Вотъ это и есть его болѣзнь: сейчасъ это у него въ глазахъ потемнѣетъ, свѣту не взвидитъ—глядишь, и угодилъ къ дѣвкѣ въ постель. (Громкій смѣхъ).

Штрекманъ. Смѣйтесь, дурачье, деритe глотку. А вотъ мнѣ совсѣмъ не до смѣха. (Бахвалясь) Хоть бы мнѣ руку машиной оторвало, хоть бы меня поршнемъ придавило... Что же, дѣвушка, хочешь—убей меня. Я не прочь.

Ганъ. Ты, чего добраго, ригу подожжешь.

Штрекманъ (отмахиваясь). Что ты, что ты. Хотя, положимъ, огня во мнѣ достаточно... Вотъ Августъ счастливый человѣкъ.

Августъ. Счастливъ я или нѣтъ, это никого не касается.

Штрекманъ. Что я тебѣ сдѣлалъ? Могъ бы ты быть и повѣжливѣе...

Августъ. Для этого я поищу другой компаніи.

Штрекманъ (долго смотритъ на него съ тупой ненавистью, затѣмъ, проглотивъ обиду, тянется за бутылкой). Давай сюда. Надо хоть запить свое горе. (Розѣ) Нечего смотрѣть на меня, это дѣло конченное. (Встаетъ). Уйду—не хочу мѣшать.

Роза. По мнѣ хоть уходи, хоть оставайся. Мнѣ все равно.

Голичиха (окликая отходящаго Штрекмана). Штрекманъ, какъ же это вы такъ?.. А помнишь—три недѣли назадъ—у молотилки, когда мы брюкву копали? (Работницы и работники прыскаютъ отъ смѣха).

Штрекманъ. Что было, то прошло. Я ничего не помню.

Голичиха. А тогда какъ ты бахвалился передъ людьми...

Клейнертъ. Будетъ вамъ языки-то трепать.

Голичиха. Пускай другой разъ не хвастаетъ.

Штрекманъ (возвращается). Мое слово вѣрно. Что сказано, то и сдѣлано,—не то бы я минуты покоя не имѣлъ... А теперь будетъ... больше я ничего не скажу. (Идетъ).

Голичиха. Еще бы, молчать-то вѣдь легче всего.

Штрекманъ (опять возвращается, хочетъ что-то сказать, но удерживается). Ну, да ладно, изъ меня лишняго слова не выжмешь. А если хочешь знать больше, спроси вонъ Августа, или дядю Бернда.

Бернд. Что такое? О чемъ спросить?

Голичиха. Какъ вы давеча къ старшинѣ шли, мимо мотопилки, и Штрекманъ вамъ вслѣдъ ввернулъ словечко...

Клейнертъ. Пора бы тебѣ, старая, и помолчать...

Голичиха. Что-жъ тутъ такого? Вѣдь я такъ, шутки ради... Такъ вотъ: столковались вы тогда? Или Роза не захотѣла?

Бернд. Прости вамъ Господь всѣ ваши прегрѣшенія. Я васъ только объ одномъ хочу спросить: почему вы не можете оставить насъ въ покоѣ? Кажется, мы никого не трогаемъ.

Роза. Хотѣла я тогда или не хотѣла, вамъ объ этомъ безпокоиться нечего. А теперь вотъ хочу, вотъ вамъ и весь сказъ.

Клейнертъ. Правильно, Роза. Ловко отвѣтила.

Августъ (до тѣхъ поръ, повидимому, углубленный въ чтеніе евангелія, теперь, захлопнувъ книгу, встаетъ). Пойдемъ, отецъ, пора на работу.

Ганъ. Куда тебѣ съ твоимъ здоровьемъ на такую работу... Это вѣдь не то, что молитвенники клеить и клейстеръ мѣшать...

Гейнцель. Вотъ послѣ свадьбы пусть побольше здоровья припасетъ... На такую дѣвку, какъ Роза, немало силы уйдетъ. (Смѣхъ).

Штрекманъ (тоже расхохотавшись). О, да! Чуть-было не проговорился... (Отходитъ къ другимъ). Вотъ я вамъ загадаю. Хотите? Въ тихомъ омутѣ черти водятся... Нѣтъ, не такъ: никогда не отвѣдывай крови,— отъ этого только жажда сильнѣе...

Голичиха. Что такое? Гдѣ же это ты крови отвѣдалъ?

Бернд. Онъ, должно-быть, о водкѣ говоритъ.

Штрекманъ. Ну, я ухожу. Адье-съ, я человѣкъ добрый... Мое почтеніе, отецъ Берндъ. Прощай, Августъ, прощай, Рузля. (Августу) Ну, чего ты? Ну, не дури. Ладно ужъ — мое слово крѣпко, вы меня больше не увидите. А ты—ты еще меня благодарить долженъ. Ты всегда исподтишка козни строилъ. А я все-таки тебѣ помогъ. Я разрѣшилъ— и все пошло гладко. (Штрекманъ уходитъ).

Роза (сильно). Пусть болтаетъ, Августъ, не обращай вниманія!..

Клейнертъ. Фламмъ идетъ. (Смотритъ на часы) Однако мы тутъ больше полчаса прохлаждались...

(Слышенъ свистъ локомобиля. Всѣ поднимаются).

Ганъ. Впередъ, пруссаки. Нужда зоветъ. (Работники съ косами и дѣвушки поспѣшно уходятъ. Остаются только: Роза, старый Берндъ и Августъ).

Берндъ. Сущій Содомъ и Гоморра. Одинъ Штрекманъ чего стоитъ. Что онъ тутъ болталъ? Скажи, Роза, ты поняла?

Роза. Ничего я не поняла. У меня есть о чемъ поважнѣе думать. (Подтолкнувъ Августа) Правда? Есть у насъ время на всякія глупости. Намъ надо въ эти шесть недѣль свое гнѣздо устроить. (Убираетъ въ корзину остатки полдника).

Августъ. Ты потомъ приди къ намъ на лугъ.

Роза. Мнѣ еще нужно стирать, гладить, петли метать... Если успѣю—приду.

Августъ (прежде чѣмъ уйти, серьезно). Ты меня любишь, Роза?

Роза. Люблю, Августъ. (Августъ уходитъ).

Роза (одна, слышны гудѣніе молотилки и глухой рокотъ надвигающейся грозы. Роза укладываетъ въ корзину остатки хлѣба, масла, чашки и кружки, потомъ выпрямляется съ корзиной въ рукѣ и смотритъ вдаль, какъ бы замѣтивъ тамъ что-то, что ее и пугаетъ и привлекаетъ. Затѣмъ съ внезапной рѣшимостью надвигаетъ на лобъ соскользнувшій съ головы платокъ и торопливо уходитъ. Но, прежде чѣмъ она успѣла скрыться изъ виду, появляется Фламмъ съ ружьемъ за плечами и окликаетъ ее).

Фламмъ. Роза! Стой! Да стой же, чортъ возьми! (Роза останавливается, отвернувъ голову). Дай мнѣ напиться. Неужели же я не стою глотка воды?

Роза. Вонъ она, вода.

Фламмъ. Вижу. Я не слѣпъ. Но вѣдь не могу же я пить, какъ корова. Развѣ у тебя нѣтъ чашки въ корзинѣ? Что? (Роза приподнимаетъ крышку корзины). Ну, вотъ видишь— даже кувшинъ. Изъ такихъ кувшинчиковъ лучше всего пьется. (Роза, опять-таки не глядя на него, подаетъ ему кофейникъ).

Будьте столь добры, немножко повѣжливѣй, ужъ потрудитесь для меня. (Роза идетъ къ источнику, выполаскиваетъ кувшинъ, наполняетъ его водой, ставитъ возлѣ источника, идетъ къ своей корзинѣ, поднимаетъ ее и ждетъ, повернувшись спиной къ Фламму). Нѣтъ, Роза, и это не годится. Можетъ-быть, какой-нибудь проходящій монашекъ удовольствовался бы этимъ, мнѣ эта порода мало знакома, но я еще пока, слава Богу, старшина Фламмъ. Дашь ты мнѣ пить, или нѣтъ? Ну, разъ... два... три... Будетъ капризничать... Изволь слушаться, пошевеливайся... (Роза опять подошла къ источнику, взяла кувшинъ и подаетъ его Фламму, попрежнему отвернувъ лицо). Вотъ такъ, ближе, ближе. Все еще не такъ.

Роза. Держите же сами.

Фламмъ. Кто же такъ пьетъ.

Роза (противъ воли разсмѣявшись, поворачивается къ нему лицомъ). Нѣтъ, право...

Фламмъ. Вотъ такъ лучше. Такъ хорошо. (Какъ будто нечаянно и только для того, чтобы помочь Розѣ удержать кувшинъ, кладетъ свои руки на ея руки и, не отнимая кувшина отъ губъ, наклоняется все ниже, пока не опустился на одно колѣно). Вотъ такъ. Спасибо, Роза. Ну, теперь можешь отпустить меня.

Роза (дѣлая слабыя попытки вырваться). Ахъ, нѣтъ. Вы отпустите меня, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Да, ты думаешь? Такъ я долженъ тебя отпустить теперь, когда я наконецъ поймалъ тебя? Нѣтъ, моя прелесть, это не такъ просто, этотъ номеръ не пройдетъ; и не проси, и не старайся—ты отъ меня не уйдешь. Прежде всего посмотри на меня, какъ слѣдуетъ. Я все тотъ же. Вотъ, прямо въ глаза. Все знаю, все... Мнѣ разсказывалъ Штекель, какъ онъ васъ записывалъ. Благодареніе Богу, я теперь уже не чиновникъ по своднымъ дѣламъ. У этой западни стоитъ теперь другой человѣкъ. Я даже знаю, когда похороны, чортъ возьми, то, бишь, свадьба. И себя я въ руки взялъ. Да, Роза, эту пилюлю трудно проглотить. Ну, да, авось, не подавлюсь.

Роза. Не слѣдъ мнѣ съ вами здѣсь стоять, г-нъ Фламмъ.

Фламмъ. Ты должна. А слѣдъ или не слѣдъ—это мнѣ совершенно безразлично. То-есть въ высокой степени наплевать. Если ужъ дѣйствительно такъ суждено, я, какъ солдатъ, требую увольненія въ отставку по всей формѣ. Нельзя же такъ просто выставить человѣка за дверь. Роза, я виноватъ передъ тобой?

Роза (отрицательно покачиваетъ головой, мягко). Вы ни въ чемъ передо мною не виноваты, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Правда? Ты это по совѣсти говоришь? (Роза утвердительно киваетъ головой). Хоть это утѣшительно. Я самъ всегда такъ думалъ... по крайней мѣрѣ, хоть не будешь поминать меня лихомъ... Ахъ, Роза, славное это было времечко...

Роза. А теперь вы должны вернуться къ вашей женѣ...

Фламмъ. Если-бъ только оно не такъ скоро промелькнуло... Сладкое времечко... А что отъ него осталось?..

Роза. Вы должны быть очень добры къ вашей женѣ, г-нъ Фламмъ. Ваша жена ангелъ, она спасла меня.

Фламмъ. Розочка, знаешь что, пойдемъ, сядемъ подъ грушей. Хорошо? Ну, что такое? Да вѣдь я и такъ ласковъ съ женой. У насъ отличныя отношенія. Идемъ, Роза, разскажи толкомъ. Такъ какъ это было? Ты говоришь: спасла? Что? Отъ чего спасла? Ну, понятно, это меня интересуетъ. Что же съ тобой такое приключилось? Мать разные намеки мнѣ дѣлала, да я что-то въ толкъ не возьму...

Роза. Г-нъ Кристофъ... г-нъ Фламмъ... Я не могу сидѣть тутъ съ вами. Зачѣмъ вамъ это?.. Вѣдь все равно ничего не будетъ: все прошло и кончено. Я знаю, Богъ проститъ мнѣ мой грѣхъ... Онъ не взыщетъ съ невиннаго младенца... Для этого Онъ слишкомъ милосердъ.

Фламмъ (намекаетъ на гудѣніе молотилки, которое становится все слышнѣе). Ишь, проклятая, не унимается. Что? Роза, да присядь ты на минутку. Я ничего тебѣ не сдѣлаю. Я тебя не трону. Честное слово, Роза. Ну, выскажись на чистоту... Имѣй же ко мнѣ хоть каплю довѣрія...

Роза. Ну да... Такъ оно и есть... А больше я и сама ничего не знаю. Когда я ужъ буду замужемъ, вы тогда спросите у своей жены,—можетъ, она вамъ скажетъ, что со мной теперь. Августу я ничего еще не говорила. Я знаю, онъ добрый. Оттого мнѣ и не страшно. У него и сердце доброе и душа христіанская. А теперь прощайте, Кристофъ. Живите счастливо. Еще цѣлая жизнь впереди: можно быть вѣрнымъ, работать, умерщвлять свою плоть,—долгъ выплатить и все искупить.

Фламмъ (не выпуская руки Розы). Роза, останься еще минутку. Я вѣдь не спорю. На твою свадьбу я, видитъ Богъ, не приду. Но если я и не буду на твоей свадьбѣ, все же я понимаю, что ты теперь права. Ахъ, дѣвочка моя, я такъ тебя любилъ... всей душой... не умѣю сказать, какъ

любилъ... Чортъ знаетъ съ какихъ поръ... Кажется, всегда. Я еще ребенкомъ тебя полюбилъ,—ты такая была славная дѣвочка... такая искренняя, даже въ пустякахъ... Такая правдивая... Никогда ни вранья ни увертокъ, даже когда, помнишь, ты зеркало разбила. Я много женщинъ зналъ и въ Тарантѣ и послѣ, въ училищѣ въ Оберсвальдѣ, и когда военнымъ былъ—мнѣ на этотъ счетъ чертовски везло. А все-таки счастливъ я былъ въ первый разъ въ жизни только съ тобой...

Роза. Ахъ, Кристофъ, и я васъ любила!

Фламмъ. Ты вѣдь еще дѣвочкой была въ меня влюблена... Ты и тогда мнѣ глазки строила... Будешь ты иногда вспоминать стараго грѣховодника Фламма?

Роза. Конечно, буду, вѣдь у меня памятка есть...

Фламмъ. Ахъ, да, колечко съ камешкомъ... Будешь ты иногда приходить къ намъ?..

Роза. Нѣтъ, этого нельзя. Слишкомъ ужъ сердцу больно. Это была бы двойная мука... Нѣтъ, надо кончить... Я запрусь у себя дома, буду работать за двоихъ. Начинается новая жизнь, старое позабыть надо... На землѣ все равно только одна мука и горе,—авось на томъ свѣтѣ лучше будетъ...

Фламмъ. Такъ мы, значитъ, въ послѣдній разъ видимся, Роза?

Роза. Отецъ съ Августомъ и то дивятся...

Фламмъ. Да пусть хоть и рыбы въ водѣ дивятся, и цапли перевернутся кверху ногами отъ удивленія. Изъ-за этого я не позволю ни секунды у себя украсть... Такъ, значитъ, совсѣмъ конецъ? И мамашу не будешь навѣщать...

Роза. Не могу я смотрѣть ей въ глаза... Можетъ-быть, послѣ когда-нибудь... Лѣтъ черезъ десять... можетъ, къ тому времени все забудется. Прощай, Кристофъ... Прощайте, господинъ Фламмъ...

Фламмъ. Да, да... Ахъ, дѣтка моя, если-бъ не мать... я и теперь бы не сталъ мѣшкать... Живо бы съ тобой управился...

Роза. Да, если-бъ тутъ не было словечка «если». Если-бъ не отецъ и Августъ, кто знаетъ, что бы я сдѣлала... Скорѣй всего ушла бы, куда глаза глядятъ...

Фламмъ. И я съ тобой, Роза. Да, все было бы иначе... Ну, дай же мнѣ твою ручку на прощанье... (Сжимаетъ ея руку, долгій прощальный взглядъ). Ну, чему быть, того не миновать. Значитъ, прощай навсегда... (Рѣшительно поворачивается и уходитъ твердыми шагами, ни разу не оглянувшись).

Роза (смотритъ ему вслѣдъ, страшнымъ усиліемъ воли сдерживая свое волненіе). Чему быть, того не миновать... Ну, и хорошо...

(Кладетъ кувшинъ обратно въ корзину и хочетъ уйти въ другую сторону. Въ это время появляется Штрекманъ).

Штрекманъ (блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, съ дикимъ взглядомъ; идетъ крадучись, зоветъ). Роза... Роза Берндъ... Ты не слышишь? Здѣсь опять былъ этотъ бездѣльникъ Фламмъ... Ну, попадись онъ мнѣ только, я ему всѣ ребра переломаю... Что это опять? Я этого не потерплю... Чѣмъ я хуже его?.. Этакъ ты отъ меня не отдѣлаешься...

Роза. Что вы говорите? Кто вы такой, чтобы такъ со мной разговаривать?

Штрекманъ. Кто я такой? Чортъ возьми, ты скоро это узнаешь...

Роза. Кто вы такой? Гдѣ я васъ видѣла раньше?

Штрекманъ. Ты? Меня?.. Гдѣ ты меня видѣла?.. Ну, дѣвка, морочь кого другого, а меня...

Роза. Что вамъ нужно? Кто вы такой? Чего вы хотите отъ меня?

Штрекманъ. Надо... Вотъ чего... Поняла? Да не ори ты, ради Бога.

Роза. Я всю деревню созову, если вы не оставите меня въ покоѣ...

Штрекманъ. Вспомни винтю, вспомни пригорокъ...

Роза. Кто вы такой?.. Ложь!.. Что вамъ нужно отъ меня?.. Или вы сейчасъ уберетесь отсюда... или я позову на помощь...

Штрекманъ. Дѣвка, да ты рехнулась!

Роза. Тогда я бы по крайней мѣрѣ не мучилась. Кто вы такой? Врете вы все! Ничего вы не видѣли! Я закричу... Сію же минуту убирайтесь отсюда, не то я во всю глотку закричу караулъ!

Штрекманъ (испуганный). Роза, я уйду! Замолчи только... Уйду, уйду!

Роза. Сейчасъ же, сію минуту. Понялъ?

Штрекманъ. Иду, иду... Мнѣ что? Я и уйти могу. (Дѣлаетъ комическое движеніе, какъ бы убѣгая отъ неожиданнаго ливня).

Роза (съ безумной ненавистью). Ага, теперь удираешь, гнусная тварь. Хорошо, что хоть спину повернулъ, все лучше твоей рожи! И этакій негодяй прельщать вздумалъ! Тьфу ты! Снаружи изукрашенъ, а внутри всего черви съѣли... Тошнитъ отъ тебя!

Штрекманъ (поворачивается къ ней блѣдный, страшный). А. вотъ оно что... Вотъ ты какъ обо мнѣ понимаешь. Не аппетитное кушанье! Чего же ты такъ на него набросилась?..

Роза. Я? Набросилась?..

Штрекманъ. Забыла, небось...

Роза. Негодяй!

Штрекманъ. Каковъ есть...

Роза. Мерзавецъ! Подлецъ! Теперь-то ты чего за мной подглядываешь? Кто ты такой? Кто вы такой? Что я такое сдѣлала? Ты за мной по пятамъ ходилъ, травилъ меня... какъ дикаго звѣря... Негодяй! Ты хуже всякой нищенки!

Штрекманъ. Это ты за мной бѣгала!

Роза. Что?..

Штрекманъ. Ты пришла ко мнѣ въ домъ, соблазнила меня...

Роза. А ты...

Штрекманъ. Ну такъ что-жъ такое?

Роза. А ты? А ты?

Штрекманъ. Я отъ сладкаго куска не отказываюсь.

Роза. Штрекманъ, вѣдь и ты помирать будешь... Слушай. Подумай о твоемъ послѣднемъ часѣ... Вѣдь тебѣ передъ Богомъ придется отвѣтъ держать... Я къ тебѣ прибѣжала, сама себя не помня отъ страха... Я тебя Христомъ Богомъ молила... Я на колѣняхъ ползала передъ тобой... А ты говоришь—я къ тебѣ на шею вѣшалась. Такъ я же тебѣ скажу: ты преступникъ! Ты надо мной совершилъ преступленіе... Это больше, чѣмъ низость... Ты вдвойнѣ, втройнѣ преступникъ! Богъ тебя накажетъ!

Штрекманъ. Ну и пусть накажетъ!

Роза. Да? Ты такъ? Пусть накажетъ?.. Дьяволъ! Я тебѣ въ рожу плюну...

Штрекманъ. Вспомни вишню, вспомни пригорокъ...

Роза. Ты мнѣ клялся никогда не поминать про это... Ты мнѣ святую присягу далъ. Ты руку клалъ на крестъ и на крестѣ мнѣ присягалъ, а теперь опять начинаешь травлю сначала?..

Штрекманъ. Чѣмъ я хуже Фламма? Ты не должна больше съ нимъ путаться...

Роза. Каналья ты этакая—тебѣ-то что?

Штрекманъ. А вотъ тамъ видно будетъ...

Роза. Что? Ты меня силой взялъ... Ты меня на полъ

повалилъ. Всю меня изломалъ... Какъ хищная птица на меня кидался... Я помню. Я все къ двери рвалась... Ты мнѣ юбку и кофту въ клочки изорвалъ. Я вся въ крови была... Я хотѣла уйти... Ты дверь на ключъ заперъ... Это преступленіе! Я на тебя въ судъ подамъ...

(Одинъ за другимъ входятъ Берндъ и Августъ, потомъ Клейнертъ, Голишъ и др. рабочіе).

Берндъ (становится передъ Штрекманомъ). Что здѣсь такое?.. Что ты сдѣлалъ съ моей дочерью?

Августъ (отодвигаетъ Бернда и проталкивается впередъ). Пусти, отецъ!.. Тебя спрашиваютъ, чѣмъ ты обидѣлъ Розу?

Штрекманъ. Ничѣмъ.

Берндъ (опять протискиваясь впередъ). Что ты сдѣлалъ съ моей дѣвкой?..

Штрекманъ. Ничего.

Августъ (проталкиваясь впередъ). Нѣтъ, ты мнѣ скажешь!

Штрекманъ. Ни черта я ей не сдѣлалъ.

Августъ. Или ты сію минуту скажешь мнѣ, что ты съ ней сдѣлалъ, или...

Штрекманъ. Или?.. Ну, что-жъ такое «или»? Руки прочь! Пусти, говорятъ тебѣ!

Клейнертъ (пытаясь разнять ихъ). Стойте!

Штрекманъ. Пустите!

Берндъ. Теперь самъ видишь, или...

Августъ. Что ты сдѣлалъ съ дѣвчонкой?

Штрекманъ (вдругъ испугавшись, отступаетъ къ грушѣ, крича). Караулъ!..

Августъ. Что ты съ ней сдѣлалъ? Отвѣчай. Отвѣчай же! Я хочу знать! (Вырвался и снова кидается на Штрекмана).

Штрекманъ (со всего размаху ударяетъ его кулакомъ въ лицо). Вотъ тебѣ мой отвѣтъ...

Клейнертъ. Штрекма...

Голичиха. Держите Августа,—онъ падаетъ...

Старшая работница (подхватываетъ шатающагося Августа). Августъ!

Берндъ (не обращая вниманія на Августа, Штрекману). Ты за это отвѣтишь... Это тебѣ такъ не пройдетъ.

Штрекманъ. Свинство! Изъ-за бабы, которая путается со всякимъ... (Уходитъ).

Берндъ. Какое онъ слово сказалъ?..

Клейнертъ (вмѣстѣ со старикомъ и старухой Голишъ, старшей работницей и Ганомъ поддерживая почти безчувственнаго Августа). Такъ и есть,—глазъ выбитъ...

Голичиха. Отецъ Берндъ! Августу-то вѣдь плохо...

Клейнертъ. Дорого ему обошлось его сватовство...

Берндъ. Что? Какъ? Царь Небесный! (Бросаясь къ нему) Августъ...

Августъ. Лѣвый глазъ... такъ болитъ...

Берндъ. Роза, вод...

Голичиха. Вотъ напасть-то!

Берндъ. Роза, принеси же воды!.. Ты оглохла?..

Голичиъ. За такую штуку меньше какъ годомъ тюрьмы не отдѣлаешься...

Роза (какъ бы теперь только очнувшись). Онъ сказалъ... онъ сказалъ... Да... Что это значитъ?.. Я вѣдь... Мнѣ куклу подарили на Рождество...

Младшая работница (Розѣ). Ты бредишь, что ли?

Роза. Этого никому нельзя... говорить... Нѣтъ, дѣвушка, этакъ нельзя, не годится! А хорошо... у кого есть мать...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ Фламма, что и во второмъ дѣйствіи. Время—суббота, послѣ полудня, въ началѣ сентября. За письменнымъ столомъ сидитъ Фламмъ, нагнувшись надъ счетами. Невдалекѣ отъ дверей въ сѣни стоитъ Штрекманъ.

Фламмъ. По счету вамъ слѣдуетъ еще получить 206 марокъ и 30 пфенниговъ.

Штрекманъ. Точно такъ, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Что такое у васъ приключилось съ машиной? Вы одинъ день до обѣда не работали.

Штрекманъ. Съ машиной ничего не случилось. Въ тотъ день меня вызывали въ судъ.

Фламмъ. Это по дѣлу съ... Кейлемъ?

Штрекманъ. Да. И кромѣ того Берндъ подалъ на меня въ судъ за безчестье дочери...

Фламмъ (вынулъ изъ отдѣльнаго ящика деньги и считаетъ ихъ на большомъ столѣ). Итакъ, двѣсти... двѣсти шесть марокъ и пятьдесятъ пфенниговъ. Съ васъ слѣдуетъ 20 пфенниговъ сдачи.

Штрекманъ (прячетъ деньги въ карманъ и кладетъ на столъ 20 пфенниговъ). Точно такъ. Прощайте, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Прощайте, Штрекманъ. А скажите, чѣмъ же кончится эта ваша исторія?

Штрекманъ (останавливается и пожимаетъ плечами). Да, должно-быть, ничѣмъ особеннымъ, господинъ Фламмъ.

Фламмъ. Какъ такъ?

Штрекманъ. Да такъ, надо полагать.

Фламмъ. Иногда изъ-за пустяковъ выходитъ серьезное. И съ чего вы это тогда сцѣпились?

Штрекманъ. Я теперь и самъ не понимаю. Втѣпоры я, должно-быть, здорово выпивши былъ... А теперь, хоть убейте, ничего не припомню.

Фламмъ. Вѣдь переплетчикъ слыветъ очень миролюбивымъ человѣкомъ.

Штрекманъ. Положимъ, меня онъ всегда задираетъ... А все-таки я теперь не могу припомнить, какъ это у насъ вышло. Помню только, что они набросились на меня, какъ бѣшеные волки. Я думалъ, тутъ мнѣ и конецъ. Не думай я этого, у меня и рука бы не поднялась.

Фламмъ. А глаза нельзя было спасти?

Штрекманъ. Нѣтъ. Жалко, конечно, тѣмъ болѣе, что... Ну, да теперь ужъ ничего не подѣлаешь. Въ этомъ несчастіи я не виноватъ.

Фламмъ. Это само по себѣ скверная исторія. А разъ дѣло дошло до суда—еще того хуже. Главное, мнѣ дѣвушку жаль.

Штрекманъ. На мнѣ все платье виситъ, какъ на вѣшалкѣ, такъ я это къ сердцу принялъ. Я позабылъ, что такое сонъ, господинъ поручикъ. Вѣдь я, въ сущности, ничего не имѣю противъ Августа. Сейчасъ вотъ... Ну, ровно ничего...

Фламмъ. Вы бы сходили къ Бернду, если вы оскорбили его дочь, будучи въ то время не въ своемъ видѣ. Вы просто могли бы извиниться и взять ваши слова.

Штрекманъ. Я тутъ не при чемъ. Это его дѣло. Конечно, если-бъ онъ зналъ, куда оно клонится, онъ бы самъ взялъ назадъ свою жалобу. Ну, это ужъ пусть ему кто другой скажетъ, что онъ дѣвкѣ оказываетъ плохую услугу. Такъ-то, господинъ поручикъ. Честь имѣю кланяться.

Фламмъ. Прощайте.

Штрекманъ (уходитъ).

Фламмъ (про себя, взволнованный). Съ радостью придушилъ бы этого молодца.

(Служанка выкатываетъ изъ сосѣдней комнаты въ креслѣ госпожу Фламмъ).

Г-жа Фламмъ. Что ты тамъ бормочешь, Кристель? (Дѣ-

вушка по знаку ея удалится). Тебя разсердили? Опять непріятности?

Фламмъ. Да, спасибо. Достаточно.

Г-жа Фламмъ. Это не Штрекманъ здѣсь былъ?

Фламмъ. Красавецъ Штрекманъ? Да, это былъ красавецъ Штрекманъ.

Г-жа Фламмъ. Ну, какъ у нихъ теперь? Вы не о Кейлѣ говорили?

Фламмъ (скрипя перомъ). Какіе у меня теперь счета въ головѣ!

Г-жа Фламмъ. Я тебѣ не мѣшаю, Кристель?

Фламмъ. Нѣтъ, сиди только смирно.

Г-жа Фламмъ. Въ чемъ другомъ, а въ этомъ я за себя ручаюсь.

(Пауза).

Фламмъ (вскакивая съ мѣста). А, сто тысячъ чертей! Иной разъ просто готовъ сбѣгать въ охотничью за ружьемъ и пристрѣлить вотъ этакаго паршивца. И отвѣта бы не побоялся.

Г-жа Фламмъ. Фу, Кристель, какъ ты меня напугалъ!

Фламмъ. Ужъ извини. Я самъ напуганъ... Ну, мать, я тебѣ скажу: человѣкъ—это низкая тварь, такая подлая каналья. По крайней мѣрѣ, бываютъ такіе... Хуже всякой гадины,—прямо съ души воротитъ... И вѣдь сколько ни живи, не научишься разбирать людей. Можно всѣ четыре факультета проглотить, канатъ и камни переварить, но въ такихъ вещахъ, въ такихъ подлостяхъ... Нѣтъ, тутъ дальше азбуки не пойдешь...

Г-жа Фламмъ. Что тебя такъ взволновало?..

Фламмъ (опять пишетъ). Нѣтъ, я говорю такъ—вообще.

Г-жа Фламмъ. А я думала, ты про Штрекмана. Послушай, Кристель, эта исторія у меня изъ головы не выходитъ. И мнѣ бы очень хотѣлось потолковать съ тобой объ этомъ. Когда ты будешь въ настроеніи, разумѣется...

Фламмъ. Со мной? Да мнѣ-то какое дѣло до Штрекмана?

Г-жа Фламмъ. Собственно не о Штрекманѣ,—тутъ дѣло не въ немъ. Но о старомъ Берндѣ и Розѣ... Видишь ли, что касается дѣвушки,—это очень серьезно. И не будь я прикована къ своему креслу, я давно бы ужъ у нея побывала. Сама она не показывается...

Фламмъ. Ты—у Розы? Что тебѣ тамъ нужно?

Г-жа Фламмъ. Да ты выслушай, Кристель. Вѣдь она

для насъ не первая встрѣчная. Должна же я о ней позаботиться.

Фламмъ. Ну, какъ хочешь, мать. Коли должна, такъ заботься. Только врядъ ли ты чего-нибудь добьешься отъ этой дѣвчонки.

Г-жа Фламмъ. Какъ такъ? Что ты хочешь сказать этимъ?

Фламмъ. А то, что не нужно мѣшаться въ чужія дѣла... Кромѣ неблагодарности и непріятностей все равно ничего не добьешься...

Г-жа Фламмъ. Хотя бы и такъ. Непріятности нужно умѣть переносить. А благодарности въ этомъ мірѣ и вовсе не жди. Что касается Берндовой Розы,—не знаю, но мнѣ всегда какъ-то казалось, что она немножко и моя дочь. Видишь ли, Кристель, сколько я помню себя... Когда отецъ еще былъ старшимъ лѣсничимъ, ея мать тогда уже стирала у насъ въ домѣ бѣлье. А потомъ — на кладбищѣ, у могилки Куртеля—я какъ сейчасъ вижу ея лицо, хоть и сама была тогда чуть жива... Кромѣ насъ съ тобой, никто такъ искренно не горевалъ о немъ. Это ужъ ты мнѣ можешь повѣрить...

Фламмъ. Можетъ-быть. Но что у тебя теперь-то на умѣ? Я совершенно не могу себѣ этого представить...

Г-жа Фламмъ. Прежде всего мнѣ любопытно знать...

Фламмъ. Что именно?

Г-жа Фламмъ. Да ничего особеннаго... Я вѣдь вообще не мѣшаюсь въ твои дѣла. Но теперь... мнѣ все-таки хотѣлось знать, что съ тобой творится въ послѣднее время?

Фламмъ. Со мной? Я думалъ, ты говоришь о Розѣ Берндъ.

Г-жа Фламмъ. Сейчасъ я говорю о тебѣ.

Фламмъ. Ну, это ты, мать, оставь. Мои дѣла тебя не касаются.

Г-жа Фламмъ. Легко сказать! Хорошо тебѣ говорить. А когда такъ сиднемъ сидишь, какъ я, и видишь, какъ человѣкъ постоянно въ тревогѣ, и видишь, что онъ по ночамъ не спитъ, и слышишь, какъ онъ тяжко вздыхаетъ, и когда-это твой собственный мужъ, тутъ поневолѣ думать начнешь...

Фламмъ. Ну, матушка, ты совсѣмъ рехнулась. Ты хочешь изъ меня какое-то посмѣшище сдѣлать. По ночамъ не спитъ! вздыхаетъ! Вѣдь это нужно быть идіотомъ какимъ-то. Я, слава Богу, не портняжный подмастерье!

Г-жа Фламмъ. Нѣтъ, Кристель, ты не увертывайся.

Фламмъ. Послушай, мать, зачѣмъ ты собственно затѣяла этотъ разговоръ? Ты хочешь, чтобы мнѣ тошно стало дома? Что? Хочешь скуку на меня навести? Изъ дому меня выгнать? Такъ, что ли? Умнѣе средства ты не могла придумать!

Г-жа Фламмъ. А я все-таки стою на своемъ: ты что-то отъ меня скрываешь.

Фламмъ (пожимая плечами). Если тебѣ угодно такъ думать... Ну, допустимъ даже, что это такъ... Вѣдь ты меня знаешь... Въ этомъ отношеніи ужъ пора тебѣ знать меня... Хоть весь свѣтъ перевернись вверхъ дномъ, изъ меня вотъ эстолько не вытянешь (щелкаетъ пальцами). А непріятностей у всякаго человѣка достаточно. Вчера я долженъ былъ разсчитать пивовара, третьяго-дня прогналъ къ чорту винокура... да и независимо отъ этого, такая жизнь, какую мы здѣсь ведемъ, сама по себѣ способна нагнать силинъ на порядочнаго человѣка...

Г-жа Фламмъ. Отчего же ты въ обществѣ не бываешь? Поѣзжай въ городъ.

Фламмъ. Дѣйствительно. Играть на бильярдѣ въ трактирѣ или ходить на ходуляхъ съ ландратомъ? Нѣтъ, слуга покорный. Сытъ по горло. Этимъ меня не выманишь изъ дому. Если-бъ не охота да не моя пистоля... Нѣтъ, мнѣ слѣдовало сдѣлаться морякомъ.

Г-жа Фламмъ. Ну вотъ видишь, развѣ я не правду говорю? Ты совсѣмъ другой сталъ, точно тебя подмѣнили. Еще два-три мѣсяца тому назадъ ты былъ совершенно доволенъ своей жизнью: стрѣлялъ себѣ птицъ, набивалъ чучела, собиралъ растенія и птичьи яйца и по цѣлымъ днямъ пѣсни пѣлъ. Бывало, душа радуется глядѣть на тебя... А теперь ты совсѣмъ другой.

Фламмъ. Если бы, по крайней мѣрѣ, нашъ мальчикъ остался живъ!..

Г-жа Фламмъ. А что, если-бъ мы съ тобой взяли ребенка на воспитаніе?

Фламмъ. Теперь? Такъ, вдругъ? Нѣтъ, мать, теперь я не желаю. Прежде ты все никакъ не могла рѣшиться,— а теперь и у меня прошла охота.

Г-жа Фламмъ. Легко сказать,— взять чужого ребенка въ домъ. Мнѣ самая мысль объ этомъ сначала казалась измѣной нашему Куртелю. Мнѣ казалось... Какъ объяснить тебѣ это?.. Ну, словомъ, что вотъ мы задумали совсѣмъ вытолкнуть нашего мальчика изъ нашего дома, — изъ его

комнаты, изъ кроватки и, наконецъ, изъ нашихъ сердецъ. А главное, гдѣ взять такого ребенка, отъ котораго можно надѣяться, что онъ будетъ намъ въ радость?.. Впрочемъ, оставимъ это пока. Поговоримъ о Розѣ. Ты знаешь, Фламмъ, что̀ съ ней такое?

Фламмъ. Ну да... Конечно... Что-жъ тутъ знать? Штрекманъ опорочилъ ея поведеніе, и старый Берндъ не стерпѣлъ этого... Конечно, глупо было жаловаться въ судъ; въ такихъ случаяхъ всегда расплачивается женщина.

Г-жа Фламмъ. Я написала Розѣ нѣсколько писемъ, звала ее къ себѣ,—она не идетъ. Дѣйствительно, ея положеніе трудное, она не знаетъ, какъ ей быть...

Фламмъ. То-есть почему же это?

Г-жа Фламмъ. Да потому, что Штрекманъ правъ...

Фламмъ (озадаченный, съ глупымъ видомъ). Что̀ такое, мать? Говори яснѣе.

Г-жа Фламмъ. Только ты, Кристель, не разсердись опять, какъ давеча. Я до сихъ поръ скрывала это отъ тебя, потому что я знаю, какъ ты относишься къ этимъ вещамъ. Вспомни, какъ ты безъ разговоровъ выгналъ изъ дома нашу работницу и приколотилъ разносчика. Дѣвочка мнѣ давно уже призналась... Ужъ больше двухъ мѣсяцевъ... Теперь она не одна... Тутъ замѣшано еще другое существо... Въ этомъ-то и все дѣло... Фламмъ, ты понялъ? Ты понимаешь...

Фламмъ (удрученный). Нѣтъ, мать... Признаться, не совсѣмъ. У меня что-то... вотъ здѣсь... сегодня... сейчасъ... Мнѣ иногда такъ вдругъ кровь ударитъ въ голову, точно... отвратительная штука... Голова кружится... да... нѣтъ... Мнѣ надо на воздухъ. Это пустяки, мать, ты не тревожься...

Г-жа Фламмъ (надѣвъ очки). Куда же ты идешь съ патронташемъ?

Фламмъ. Да никуда. И къ чему это я взялъ патронташъ? (Швыряетъ прочь отъ себя нечаянно взятый имъ патронташъ). Живешь такъ,—ничего не знаешь, ничего не слышишь; немудрено, что какимъ-то идіотомъ станешь. Иной разъ чувствуешь себя на свѣтѣ совсѣмъ чужимъ...

Г-жа Фламмъ (недовѣрчиво). Послушай, Кристель, это что̀ же такое?

Фламмъ. Ничего, мать. Ровно ничего. Ровнешенько ничего. Это сейчасъ пройдетъ,—вотъ и голова опять свѣжа. Но иногда вдругъ явится такое чувство... Такой страхъ нападетъ... Я не умѣю тебѣ этого объяснить. Ну, точно вотъ

него мной нѣтъ больше твердой почвы, и я сейчасъ полечу кувыркомъ...

Г-жа Фламмъ. Ты говоришь такія странныя вещи.. (Въ дверь постучали). Кто тамъ? Войдите.

Августъ (еще не показываясь). Это я, г-жа Фламмъ.

Фламмъ (быстро уходитъ въ охотничью комнату).

Августъ (показывается въ дверяхъ. Онъ блѣднѣе прежняго, исхудалъ и носитъ темныя очки. На лѣвомъ глазу черная повязка). Прошу извиненія, госпожа поручица. Добраго утра, госпожа поручица.

Г-жа Фламмъ. Благодарствуйте, г-нъ Кейль.

Августъ. Моя невѣста вызвана въ судъ, г-жа поручица а то бы она сама пришла. Можетъ, она еще вечеркомъ забѣжитъ.

Г-жа Фламмъ. Я рада, что вижу, по крайней мѣрѣ, васъ. Ну, какъ же вы поживаете? Присядьте.

Августъ. Пути Господни неисповѣдимы. И когда Господь посылаетъ испытаніе, не нужно роптать: напротивъ, нужно радоваться. Такъ и со мной теперь, г-жа Фламмъ. Ничего,—я доволенъ. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Тѣмъ больше растетъ сокровище въ вѣчности...

Г-жа Фламмъ (тяжко вздохнувъ). Желала бы я, чтобы это было такъ, г-нъ Кейль. Роза получила мои письма?

Августъ. Она дала мнѣ ихъ прочесть. И я ей прямо сказалъ, что такъ не годится, что она должна пойти къ вамъ.

Г-жа Фламмъ. Признаюсь, меня удивляетъ, Кейль, что она послѣ всѣхъ этихъ исторій ни разу не собралась ко мнѣ. Вѣдь она же знаетъ, что я принимаю въ ней участіе...

Августъ. Она въ послѣднее время стала такая робкая... Извините, что я позволю себѣ сказать: вы не сердитесь на нее за это. Во-первыхъ, она все время со мной возилась.—вѣдь за мной нуженъ былъ уходъ, и она такъ за мной ухаживала... Богъ ей воздастъ за это... А потомъ, въ тѣхъ поръ, какъ этотъ человѣкъ такъ ужасно осрамилъ ее, она просто боится показаться на улицѣ.

Г-жа Фламмъ. Да я и не сержусь на нее, Кейль. Ну, что, какъ она себя чувствуетъ? Что подѣлываетъ?

Августъ. Охъ, ужъ это... что, бишь, я хотѣлъ сказать? Какъ она это сегодня въ одиннадцать часовъ собиралась въ судъ.—вотъ бы вы послушали. Просто жутко становилось, какія она странныя рѣчи вела... Сначала она было-совсѣмъ не хотѣла идти.—потомъ хотѣла меня взять съ собой.—потомъ

вдругъ, какъ молнія, выскочила на улицу и кричитъ мнѣ, чтобъ я за ней не ходилъ. А то иной разъ реветъ цѣлыми днями. Конечно, у каждаго свои мысли...

Г-жа Фламмъ. Какія мысли?

Августъ. Да такъ, всякія... Во-первыхъ, объ этомъ несчастьѣ, что со мной приключилось. Она это и высказывала не разъ. Должно-быть, это ей глубоко врѣзалось въ душу... Ну, и объ отцѣ Берндѣ, что онъ такъ это къ сердцу принялъ...

Г-жа Фламмъ. Вѣдь мы здѣсь свои люди, г-нъ Кейль. Почему намъ не поговорить откровенно? Вамъ никогда не приходило въ голову... по поводу этой исторіи съ Штрекманомъ... вамъ ли, отцу ли Бернду,—что тутъ можетъ быть доля правды?

Августъ. Объ этомъ я вовсе не думаю.

Г-жа Фламмъ. Это хорошо. Я васъ отнюдь за это не браню. Иной разъ, дѣйствительно, самое лучшее, какъ страусъ, спрятать свою голову въ песокъ. Но отцу это не подобаетъ.

Августъ. Ну, г-жа Фламмъ, что касается старика, онъ такъ далекъ отъ подобныхъ мыслей; ему даже въ голову не можетъ придти, чтобы тутъ могло быть неладное... Онъ готовъ дать обѣ руки на отсѣченіе, такъ онъ твердо убѣжденъ. И какъ онъ строгъ въ этихъ вещахъ, вы не повѣрите. Давеча г-нъ поручикъ Фламмъ были у него и все уговаривали его взять жалобу назадъ...

Г-жа Фламмъ (взволнованно). Кто у него былъ?

Августъ. Г-нъ поручикъ.

Г-жа Фламмъ. Мой мужъ?..

Августъ. Ну да, они долго говорили. Видите ли, что касается меня, хоть я и лишился глаза,—я не стремлюсь непремѣнно, чтобы Штрекманъ былъ наказанъ... «Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ» — глаголетъ Господь. Но отецъ ни за что не хочетъ мириться. Онъ твердитъ свое: требуйте отъ меня чего хотите, только не этого.

Г-жа Фламмъ. Мой мужъ былъ у стараго Бернда?

Августъ. Да. Какъ получилъ повѣстку, такъ и пришелъ.

Г-жа Фламмъ. Какую повѣстку?

Августъ. Да отъ слѣдователя.

Г-жа Фламмъ (еще взволнованнѣе). Кто? Старикъ Берндъ?

Августъ. Г-нъ поручикъ Фламмъ.

Г-жа Фламмъ. Да... такъ, значитъ, моего мужа тоже допрашивали? При чемъ онъ-то тутъ?..

Августъ. Да, это тоже допрашивали.

Г-жа Фламмъ (потрясенная). Вотъ какъ... Это для меня новость. Объ этомъ я ничего не знала. И что Кристель былъ у стараго Берида, тоже не знала. Куда это дѣвался мой одеколонъ? Нѣтъ, Августъ, вы теперь лучше идите домой. Я теперь немножко... Не знаю, какъ сказать, только я сейчасъ не могу быть вамъ хорошей совѣтчицей. Мнѣ что-то такъ вдругъ сдѣлалось нехорошо... Ступайте домой и ждите... Ступайте. Но если вы такъ ужъ любите эту дѣвушку, — посмотрите на меня, я эту пѣсенку знаю... Если ужъ человѣкъ такой уродился,—будь то мужчина, которому бабы вѣшаются на шею, или женщина, за которой вѣчно, какъ полоумные, ходятъ хвостомъ мужчины, — тутъ нужно одно: терпѣть, терпѣть и терпѣть... Терпѣніе нужно. Я двадцать лѣтъ такъ жила... (прикладываетъ руку къ глазамъ и смотритъ сквозь пальцы) и если ужъ смотрѣла, то только сквозь пальцы.

Августъ. Вотъ ужъ никогда бы этому не повѣрилъ, г-жа Фламмъ...

Г-жа Фламмъ. Вѣрите вы мнѣ или нѣтъ, объ этомъ жизнь не спрашиваетъ. Со мной то же, что и съ вами. Я тоже этого никогда не понимала... Но не въ этомъ дѣло,— нужно подумать, какъ выйти изъ этого положенія. Я обѣщала Розѣ... Иногда обѣщать легче, чѣмъ сдержать... Но, во всякомъ случаѣ, все, что я въ силахъ сдѣлать... Прощайте, — конечно, я не могу предположить, чтобы и вы... Ну, да авось,—Богъ милостивъ...

Августъ (взволнованный, торопливо пожимаетъ протянутую ему руку и молча уходитъ).

(Г-жа Фламмъ, откинувъ голову на спинку кресла, грустно смотритъ вверхъ, время отъ времени тяжело вздыхая. Входитъ Фламмъ, очень блѣдный, искоса поглядываетъ на жену и, тихонько насвистывая, отворяетъ книжный шкапъ, какъ будто что-то тамъ отыскиваетъ).

Г-жа Фламмъ. Да, да, свисти, тебѣ все ни по чемъ!.. Все-таки этого я отъ тебя не ожидала...

Фламмъ (поворачивается къ ней молча, потомъ смотритъ ей прямо въ глаза, слегка поднялъ обѣ руки, высоко вздернувъ плечи и опять вяло опустивъ ихъ, просто и безъ смущенія смотритъ въ землю, скорѣй задумчиво, чѣмъ со стыдомъ).

Г-жа Фламмъ. Вамъ, мужчинамъ, все легко... Что-жъ теперь будетъ?

Фламмъ (та же мимика, какъ и въ первый разъ, только слабѣе). Не знаю: пока я могу только спокойно ждать. Я тебѣ разскажу, какъ это вышло. Можетъ-быть, тогда ты будешь

судить меня не такъ строго. А если нѣтъ, — ну что-жъ, мнѣ будетъ очень грустно...

Г-жа Фламмъ. Такое легкомысліе нельзя судить не строго.

Фламмъ. Легкомысліе? Здѣсь было не одно только легкомысліе. А ты, мать, что бы предпочла: чтобъ это было только легкомысліе или что-нибудь посерьезнѣе?

Г-жа Фламмъ. Такъ исковеркать дѣвушкѣ все ея будущее, когда мы... когда на насъ лежитъ отвѣтственность... Мы сами уговаривали ее жить у насъ... Намъ такъ слѣпо довѣряли... Я прямо готова сквозь землю провалиться. Точно мы все это заранѣе подстроили.

Фламмъ. Ты кончила, мать?

Г-жа Фламмъ. Далеко не кончила.

Фламмъ. Ну, такъ я подожду.

Г-жа Фламмъ. Кристель, ты помнишь, что я тебѣ сказала, когда ты дѣлалъ мнѣ предложеніе?

Фламмъ. Ну?

Г-жа Фламмъ. Что я слишкомъ стара для тебя. Женщина можетъ быть на шестнадцать лѣтъ моложе, но на три-четыре года старше—нѣтъ. Зачѣмъ ты тогда не послушалъ меня?

Фламмъ. Ты не находишь, что это праздное занятіе—вспоминать теперь такую старину? Не найдется ли у насъ поговорить о чемъ-нибудь поважнѣе? Мнѣ кажется, мать, что самъ я тутъ ничего не могу подѣлать. О положеніи Розы я до сегодняшняго дня и не подозрѣвалъ. Иначе я, конечно, поступалъ бы не такъ. Теперь вопросъ: нельзя ли это какъ-нибудь поправить?.. Вотъ почему, мать, я просилъ бы тебя не быть мелочной и попробовать разобраться въ этомъ дѣлѣ. До тѣхъ поръ, пока Розу не вздумали выдавать замужъ за этого юродиваго, — все было по чести. А вотъ какъ они это рѣшили, тутъ и пошло... Можетъ-быть, у меня и путаные взгляды. Дѣвочка выросла на моихъ глазахъ... На нее какъ бы перешла частица моей привязанности къ Куртелю... Сначала мнѣ хотѣлось только оберечь ее отъ такого несчастія, а потомъ... какъ это всегда бываетъ... Это еще Платонъ хорошо изобразилъ въ «Федрѣ», тамъ, гдѣ говорится про двухъ коней: «И вотъ дурной конь понесъ меня, и тутъ прорвало всѣ плотины...»
(Длинная пауза).

Г-жа Фламмъ. Ты это все очень красиво разсказалъ,— даже ученостью приправилъ... Вы, мужчины вѣдь всегда

правы. А бѣдная женщина выпутывайся, какъ знаешь.. Выходитъ, что ее только осчастливилъ и еще себя при этомъ въ жертву принесъ... Этому прямо нѣтъ оправданія...

Фламмъ. Хорошо, мать, оставимъ этотъ разговоръ. Вспомни только, что послѣ смерти Куртеля я не могъ видѣть этой дѣвушки... Кто ее удержалъ? Кто ее уговаривалъ остаться у насъ?

Г-жа Фламмъ. Да вѣдь это же изъ-за тебя. Мнѣ хотѣлось, чтобы у насъ въ домѣ было не такъ тоскливо и пусто... Я въ ней не нуждалась...

Фламмъ. А я изъ-за тебя не противился.

Г-жа Фламмъ. Обидно за каждую слезу, которая проливается изъ-за васъ. Можешь избавить меня отъ твоихъ объясненій. (Служанка вноситъ кофе).

Служанка. Тамъ Бердова Роза пришла, сидитъ.

Г-жа Фламмъ (служанкѣ). Поди сюда, Минна. Увези меня. (Фламму) Могъ бы и ты помочь убрать меня отсюда. Можетъ-быть, гдѣ-нибудь найдется комнатка и для меня. Я не мѣшаю. Потомъ можешь позвать ее.

Фламмъ (служанкѣ строго). Скажи ей, чтобы подождала минутку. (Служанка уходитъ).

Фламмъ. Мать, ты должна поговорить съ ней. Я не могу. У меня руки связаны.

Г-жа Фламмъ. О чемъ же намъ съ ней говорить, Фламмъ?

Фламмъ. Мать, ты это знаешь лучше меня. Ты сама знаешь, — сама сказала... Только, ради Бога, не будь ты теперь мелочной... Нельзя же такъ отпустить ее.

Г-жа Фламмъ. Не прикажешь ли въ ноги ей кланяться?..

Фламмъ. Никто тебя объ этомъ не проситъ. Не о томъ рѣчь, — но вѣдь ты сама велѣла ей придти. Не могла же ты вдругъ такъ измѣниться, чтобы позабыть всякую жалость и состраданіе. Что ты мнѣ раньше говорила? Вѣдь это значитъ—обречь дѣвушку на погибель. А если она погибнетъ...—не считаешь же ты меня такимъ мерзавцемъ, чтобы я послѣ этого остался жить? Выбирай одно изъ двухъ.

Г-жа Фламмъ. Ну, Кристель... стоитъ ты этого, конечно, не стоишь, а все-таки, въ сущности, что тутъ подѣлаешь... Сердце кровью обливается... Мы сами виноваты, сами васъ во всемъ оправдываемъ... Кажется, ужъ и состарилась, и ума-разума набралась, а все изъ-за деревьевъ

лѣса не видишь... Только ты, Кристель, не обманывай себя... Ну, да ладно. Будь по-твоему. Я поговорю съ ней... Не ради тебя, но потому, что такъ должно. Только не воображай, что я могу поправить всѣ твои грѣхи и склеить разбитое... Вы, мужчины, въ такихъ вещахъ словно дѣти... (Входитъ служанка).

Служанка. Она не хочетъ больше ждать.

Г-жа Фламмъ. Пришли ее сюда. (Служанка уходитъ).

Фламмъ. Мать, я даю тебѣ слово...

Г-жа Фламмъ. Не давай—не придется ломать...

Фламмъ (уходитъ).

Г-жа Фламмъ (вздыхаетъ и берется за вязанье. Немного погодя входитъ Роза Берндъ).

Роза (одѣта по-праздничному, разряжена, щеки впали, въ глазахъ болѣзненный блескъ). Здравствуйте, мадамъ.

Г-жа Фламмъ. Садись. Здравствуй. Ну, Роза, я просила тебя придти, чтобы... Ты, вѣроятно, помнишь, о чемъ мы съ тобой говорили послѣдній разъ? Хотя съ тѣхъ поръ многое измѣнилось... По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ... Ну, такъ вотъ, я хотѣла съ тобой переговорить. Ты, правда, и тогда говорила, что я не могу тебѣ помочь: ты хотѣла все расхлебать сама... Теперь мнѣ многое стало ясно,—и твое странное поведеніе, и то, что ты не хотѣла принять отъ меня помощи. Но какъ ты сама выкарабкаешься,—я все-таки не вижу. Поди сюда къ столу, выпей чашку кофе. (Роза садится на кончикъ стула за кофейный столикъ). У меня только-что былъ Августъ. Будь я на твоемъ мѣстѣ, я давно бы ужъ собралась съ духомъ и сказала ему всю правду. (Зорко глядя ей въ глаза) Впрочемъ, теперь я не имѣю права давать тебѣ совѣты... Не правда ли?

Роза. Ахъ, почему же, мадамъ?

Г-жа Фламмъ. Вотъ ужъ подлинно, чѣмъ больше живешь, тѣмъ меньше понимаешь людей. Всѣ мы одинаково рождаемся на свѣтъ, а вотъ говорить объ этомъ не принято. Всѣ одной дверью входятъ въ жизнь, отъ королей и архіепископовъ до послѣдняго мальчишки на конюшнѣ, и всѣ считаютъ это самою что ни на есть грязью. И гдѣ только листъ сядетъ на трубу, тамъ сейчасъ страшный переполохъ, и каждый спѣшитъ удрать. Такой гость никогда не бываетъ въ пору...

Роза. Ахъ, мадамъ, все это давно уже выяснилось, если-бъ не этотъ злодѣй и негодяй Штрекманъ... Онъ такой лгунъ...

Г-жа Фламмъ. Послушай, дѣвочка, я тебя не понимаю. Какъ у тебя хватаетъ духу говорить, что онъ лжетъ? Вѣдь это скоро будетъ уже всѣмъ замѣтно.

Роза. Онъ лжетъ! Онъ лжетъ! Я знаю только, что онъ все вретъ и ничего больше...

Г-жа Фламмъ. Въ какомъ отношеніи онъ солгалъ?

Роза. Во всѣхъ, во всѣхъ!

Г-жа Фламмъ. Ты, кажется, неясно понимаешь, о чемъ я говорю. Подумай, съ кѣмъ ты говоришь. Опомнись! Во-первыхъ, ты сама вѣдь мнѣ во всемъ призналась. Да кромѣ того я теперь знаю и больше прежняго, знаю и то, что ты тогда скрыла отъ меня...

Роза (вся дрожа, словно въ ознобѣ, упрямо). Хоть убейте меня, ничего больше не знаю...

Г-жа Фламмъ. Вотъ какъ? А! Ты такъ теперь стала разговаривать? Я о тебѣ судила иначе. Этого я все-таки не ожидала. Надо надѣяться, что на допросѣ ты изъяснилась не такъ туманно.

Роза. Я и тамъ сказала то же самое.

Г-жа Фламмъ. Дѣвка, образумься. Ты городишь вздоръ... На судѣ такъ врать нельзя. Слушай-ка, что я тебѣ скажу. Выпей глоточекъ кофе... Да ты не пугайся. Никто тебя не преслѣдуетъ, и я тебя не съѣмъ. Со мной ты поступила не очень-то красиво, за это никто тебя не похвалитъ. Если-бъ ты, по крайней мѣрѣ, сразу призналась мнѣ во всемъ, тогда, можетъ-быть, легче было бы найти выходъ; теперь это дѣло трудное. Во всякомъ случаѣ, не будемъ тратить времени даромъ и попробуемъ сегодня же что-нибудь придумать. Можетъ-быть, еще можно помочь горю. Ну-съ, итакъ — насчетъ главнаго ты можешь быть совершенно покойна. — нужды вы терпѣть не будете. Если даже и отецъ твой отречется отъ тебя, и Августъ, можетъ-быть, пойдетъ своей дорогой,—о тебѣ и о ребенкѣ позаботятся.

Роза. Не понимаю, что вы такое говорите, мадамъ?

Г-жа Фламмъ. Ну, дѣвка, такъ я тебѣ прямо скажу: если ты этого не знаешь и позабыла, это значитъ просто, что у тебя совѣсть нечиста. Значитъ, ты еще что-нибудь натворила... Если у тебя есть еще тайна, тутъ замѣшанъ не кто иной, какъ Штрекманъ, — вотъ кто причина всѣхъ твоихъ горестей.

Роза (запальчиво). Нѣтъ, какъ вы только могли подумать,

мадамъ... Богъ знаетъ, что вы такое говорите... Этого я отъ васъ не заслужила. Если-бъ только мой Куртель, мое милое дитятко... (Истерически ломаетъ руки передъ портретомъ ребенка).

Г-жа Фламмъ. Роза, только не это, прошу тебя. Можетъ-быть, ты и не заслужила... Объ этомъ мы теперь спорить не станемъ. Ты такъ перемѣнилась... Прямо, понять невозможно, какъ ты могла такъ измѣниться.

Роза. Зачѣмъ меня маменька не взяла къ себѣ! Она все говорила: какъ умру, приду за тобой.

Г-жа Фламмъ. Да образумься ты, дѣвка. Что съ тобой?

Роза. Ничего у меня съ Штрекманомъ не было... Я чиста, какъ снѣгъ; онъ все налгалъ на меня...

Г-жа Фламмъ. Что налгалъ? Онъ это подъ присягой показывалъ...

Роза. Подъ присягой или безъ присяги, это мнѣ безразлично.

Г-жа Фламмъ. И ты тоже присягала?

Роза. Не знаю... Вѣдь для этого не нужно непремѣнно быть дурнымъ человѣкомъ... Иначе бы я совершила преступленіе... Что Августъ лишился глаза, вѣдь это... Вѣдь не я же это сдѣлала. Травятъ человѣка, не даютъ ему покоя ни днемъ ни ночью... Сколько онъ муки натерпѣлся... Другой давно бы плюнулъ на меня... А ты все тянешься, тянешься изъ всѣхъ силъ, хочешь хоть что-нибудь спасти... И вотъ тутъ-то тебѣ и конецъ, тутъ-то тебѣ и переломаютъ всѣ кости...

(Фламмъ входитъ, взволнованный).

Фламмъ. Кто тебѣ ломаетъ кости? Ты погляди на мать! Напротивъ, мы хотимъ тебя спасти.

Роза. Теперь ужъ поздно. Теперь нельзя уже...

Фламмъ. Что это значитъ?

Роза. Ничего, я не могу больше ждать. Прощайте! Я пойду своей дорогой.

Фламмъ. Стой... Стой, ни съ мѣста! Я все слышалъ и теперь хочу знать всю правду...

Роза. Я правду и говорю.

Фламмъ. Про Штрекмана...

Роза. Ничего между нами не было,—вретъ онъ.

Фламмъ. А развѣ онъ говорилъ, что было?

Роза. Я говорю только, что онъ вретъ.

Фламмъ. Значитъ, онъ солгалъ подъ присягой?

Роза (молчитъ).

Фламмъ (долго и зорко вглядывается въ Розу, затѣмъ, другимъ тономъ). Ну, мать, только не сердись на меня: прости, если можешь... А объ этомъ дѣлѣ я знаю только одно,—что оно меня теперь ничуть не интересуетъ. Мнѣ только смѣшно. Начихать мнѣ на него!

Г-жа Фламмъ (Розѣ). Такъ ты, значитъ, отъ всего отреклась?

Роза. — — — — —

Фламмъ. Я, само собой, сказалъ правду. И Штрекманъ не солжетъ въ такую минуту. За ложную клятву садятъ въ тюрьму. Тутъ никто не станетъ врать.

Г-жа Фламмъ. Роза, неужели ты не сказала правды? Неужто ты солгала подъ присягой?.. Неужели же ты не понимаешь, какой это грѣхъ и преступленіе?.. Какъ тебѣ могла придти въ голову такая нелѣпая мысль? Какъ ты додумалась до этого?

Роза (совершенно разбитая, вскрикиваетъ). Мнѣ стыдно было...

Г-жа Фламмъ. Но, Роза...

Фламмъ. Ты напрасно тратишь слова... Зачѣмъ ты лгала судьѣ?

Роза. Мнѣ стыдно было! Мнѣ стыдно было!

Фламмъ. А я? А мать? А женихъ твой? Зачѣмъ ты насъ всѣхъ обманула? Да, должно-быть, и Штрекмана на придачу? Съ кѣмъ же ты еще спуталась?.. Да, да, у тебя правдивое лицо, но тебѣ дѣйствительно было... чего стыдиться.

Роза. Онъ меня преслѣдовалъ. Бѣгалъ за мной по слѣду, какъ собака.

Фламмъ (смѣясь). Ну, полно. Вы, женщины, сами превращаете насъ въ собакъ. Сегодня одинъ, завтра другой. Пріятнаго мало. Ну, теперь дѣлайте, что хотите. Выпутывайтесь, какъ знаете... Если я хоть пальцемъ шевельну по этому дѣлу, такъ я ужъ самъ совью себѣ веревку и буду ею стегать себя по своимъ ослинымъ ушамъ, пока у меня въ глазахъ не помутится...

Роза (въ ужасѣ смотритъ на Фламма широко раскрытыми глазами).

Г-жа Фламмъ. Все остается, какъ было, Роза,—я сдержу свое слово—о васъ обоихъ позаботиться...

Роза (какъ прежде, машинально шепчетъ). Мнѣ стыдно... Мнѣ стыдно было...

Г-жа Фламмъ. Ты слышишь, Роза?.. (Роза быстро уходитъ). Роза!.. Она ушла... Ангелы небесные!

Фламмъ (глубоко потрясенный, съ сдавленнымъ рыданіемъ). Прости меня, Боже... Я не могу иначе...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Жилая комната въ домикѣ стараго Бернда, довольно просторная Стѣны сѣрыя; потолокъ давно не бѣленый, съ балками. Дверь на заднемъ планѣ ведетъ въ кухню, дверь налѣво въ сѣни; направо два окошка. Между окошками желтый комодъ, на немъ не зажженная керосиновая лампа; надъ комодомъ на стѣнѣ зеркало. Въ углу налѣво деревенская печь. Въ углу направо накрытый клеенкой диванъ, столъ, на немъ скатерть и надъ нимъ висячая лампа. Надъ диваномъ на стѣнѣ картина. Ниже фотографическія карточки Бернда въ военной формѣ; на нѣкоторыхъ онъ снятъ вмѣстѣ съ женой. Налѣво, ближе къ авансценѣ, стеклянный шкапъ съ расписными чашками, стаканами и проч. Надъ дверью въ сѣни картина масляными красками, изображающая Христа въ терновомъ вѣнцѣ. На полу коврики, на окнахъ кисейныя занавѣски. Четыре-пять желтыхъ деревянныхъ стульевъ, разставленныхъ аккуратно по мѣстамъ. Вся комната ,имѣетъ очень опрятный и очень суровый видъ. На шкапу лежатъ библія и нѣсколько молитвенниковъ. На косякѣ двери, ведущей въ сѣни, виситъ сборная кружка.

Это дѣйствіе происходитъ въ одинъ день съ четвертымъ, около семи часовъ вечера. Дверь въ сѣни открыта, точно также и дверь въ кухню. Сумерки. Въ комнатѣ почти темно.

Съ улицы слышны голоса, нѣсколько разъ повторяющійся стукъ въ окно. Потомъ голоса за окномъ.

Голосъ (за сценой). Берндъ, Берндъ?.. Никого дома нѣтъ, что ли? Попробуемъ съ другой стороны.

(Все затихаетъ, но вскорѣ открывается задняя дверь; въ сѣняхъ слышны голоса и шаги. Въ дверяхъ, ведущихъ въ сѣни, показываются Клейнертъ и Роза Берндъ. Послѣдняя едва стоитъ на ногахъ. Клейнертъ поддерживаетъ ее).

Роза (слабымъ голосомъ, съ усиліемъ). Никого дома нѣтъ... темно какъ!

Клейнертъ. Я не могу тебя оставить здѣсь одну.

Роза. Почему же, Клейнертъ? Я теперь совсѣмъ здорова.

Клейнертъ. Ну, это ты разсказывай кому другому, а не мнѣ. Иначе мнѣ не пришлось бы тебя поднимать.

Роза. Да нѣтъ же,—у меня просто немного голова закружилась, право же. Теперь мнѣ совсѣмъ хорошо. Вы мнѣ больше не надобны.

Клейнертъ. Нѣтъ, нѣтъ, дѣвушка, нѣтъ. Этого не будетъ.

Роза. Да, да, отецъ Клейнертъ. Благодарю васъ очень...

Теперь мнѣ хорошо... Ничего не болитъ... Я совсѣмъ здорова... Бываетъ иногда, что вдругъ закружится голова,— это пустяки.

Клейнертъ. Да вѣдь ты полумертвая лежала, тамъ, подъ вербою. Ты, словно червякъ, извивалась...

Роза. Ступайте съ Богомъ, Клейнертъ. Я сейчасъ зажгу огонь... Мнѣ надо печку растопить... Идите себѣ! Сейчасъ наши придутъ ужинать. Ахъ, нѣтъ, Клейнертъ. Клейнертъ! я такъ устала! Такъ страшно устала, вы не повѣрите, какъ устала!

Клейнертъ. А еще хочешь печку растапливать? Куда ужъ тебѣ,—ты бы легла...

Роза. Клейнертъ, ступайте домой. Уходите. Если отецъ... Если Августъ... Они не должны знать. Ну, ради меня, Клейнертъ... Ну, я васъ прошу...

Клейнертъ. Да развѣ я тебѣ что дурное хочу сдѣлать?

Роза. Нѣтъ, нѣтъ, я знаю, вы всегда были добры... (Поднялась со стула направо отъ двери, на который почти упала, войдя, достала съ печки свѣчку и зажгла ее). Ну, вотъ видите... Я теперь совсѣмъ молодцомъ. У меня ничего не болитъ. Вы можете быть совсѣмъ спокойны.

Клейнертъ. Это ты такъ только говоришь.

Роза. Нѣтъ, право же...

(Входитъ Мартель съ голыми руками и оосая, прямо съ поля).

Роза. Вотъ и Мартель вернулась.

Мартель. Роза, это ты? Гдѣ ты пропадала цѣлый день?

Роза. Мнѣ снилось, что я была на судѣ...

Клейнертъ. Нѣтъ, нѣтъ, ей не снилось: она дѣйствительно была на судѣ. Присмотри за сестрой, Марта, по крайней мѣрѣ, пока отецъ вернется, — съ дѣвкой что-то неладно!

Роза. Марта, живо, затопи печку, а то картошка не успѣетъ свариться. Гдѣ же отецъ?

Мартель. На Августовомъ полѣ.

Роза. А Августъ?

Мартель. А не знаю, гдѣ онъ. Его нынче не было на полѣ.

Роза. Принесла молодой картошки?

Мартель. Полный передникъ. (Высыпаетъ картофель на полъ за кухонную дверь).

Роза. Принеси блюдо и горшокъ. Я сейчасъ буду чистить. Самой мнѣ не дойти.

Клейнертъ. Можетъ, нужно купить?—такъ я схожу.

Роза. Куда?.. Развѣ къ могильщику... Нѣтъ, нѣтъ, крестный, и этого мнѣ не нужно... Меня положатъ на совсѣмъ особенномъ мѣстѣ.

Клейнертъ. Ну, прощай.

Роза. Прощайте.

Мартель (весело). Приходите опять къ намъ, крестный. (Клейнертъ, не выпускавшій все время трубки изъ рта, качая головой, уходитъ).

Мартель (растапливаетъ печь). Тебѣ нехорошо, Рузля?

Роза. О, нѣтъ. Мнѣ хорошо. (Тихо, ломая руки) Боже, сжалься надо мной!

Мартель. Роза?

Роза. Что тебѣ?

Мартель. Что съ тобой такое?

Роза. Ничего... Давай сюда горшокъ и картошку.

Мартель (развела огонь, идетъ въ кухню, возвращается съ глиняной миской, полной картофеля. Наверху лежитъ ножикъ). Охъ, Рузля, какой у тебя ужасный видъ, — мнѣ даже страшно.

Роза. Какой же у меня видъ? Ну-ка, скажи: какой? Есть у меня что-нибудь въ рукахъ? Можетъ-быть, это мнѣ отъ печки глаза нажгло? Мнѣ все представляется, будто что-то маячитъ. (Зловѣщій смѣхъ). Ну, что это? Теперь я не вижу твоего лица. Теперь вижу только руку... Теперь два глаза... А теперь точки... Марта, я, должно-быть, ослѣпну.

Мартель. Рузля, съ тобой, навѣрно, что-нибудь случилось?

Роза. Храни тебя Богъ отъ того, что со мной случилось! Лучше пожелай себѣ ранней смерти... — когда кто умираетъ, говорятъ, что онъ успокоился. Ему ужъ не нужно жить и маяться... Какъ это было съ маленькимъ Куртелемъ?.. Не знаю... Голова кружится... Забыла... Все забыла... Ахъ, какъ тяжко жить! Если-бъ такъ остаться... Если-бъ никогда не просыпаться!.. И за что это все на меня обрушилось?..

Мартель (боязливо). Хоть бы скорѣй отецъ пришелъ!

Роза. Марта, иди сюда, — слушай. Ты отцу не говори, что я здѣсь была... Что я здѣсь... Хорошо?.. Марта? Да? Ты обѣщаешь мнѣ это?.. Я для тебя много дѣлала... Да, Марта. Ты этого не забыла?.. Хоть теперь и... стало темно...

Мартель. Хочешь выпить немножко кофе? Тамъ еще осталось въ кофейникѣ. Я такъ боюсь, Роза!

Роза. Не бойся, бояться нечего... Я пойду въ свою комнату, — немного полежу. Я только устала,—а то ничего, мнѣ теперь совсѣмъ хорошо...

Мартель. Такъ отцу ничего не говорить?

Роза. Ни-ни, избави Боже.

Мартель. И Августу нельзя?

Роза. Ни полслова... Дѣвочка моя, ты вѣдь не знала матери, — я съ тобой возилась, я тебя ростила... Сколько ночей не спала отъ заботъ, когда ты хворала... Я тогда была моложе, чѣмъ ты теперь. Я изъ-за тебя чуть кривая не сдѣлалась... Ты у меня съ рукъ не сходила... Если ты теперь предашь меня, все кончено между нами.

Мартель. Рузля, но тутъ нѣтъ ничего худого?.. То-есть, я хочу сказать—опаснаго?

Роза. Нѣтъ, не думаю... Поди сюда, Мартль, помоги мнѣ немножко, поддержи меня... Какъ мы всѣ на свѣтѣ одиноки! Слишкомъ ужъ одиноки. Если-бъ не быть только такой одинокой. Ахъ, какъ мы одиноки на этомъ свѣтѣ!..

(Роза и Мартель уходятъ въ сѣни. Нѣсколько мгновеній комната остается пустой, затѣмъ въ кухнѣ появляется старый Бернд; онъ ставитъ на полъ коробъ и лопату и съ озабоченнымъ видомъ заглядываетъ въ большую комнату. Тѣмъ временемъ Мартель опять выходитъ изъ сѣней).

Мартель. Это вы, папаша?

Бернд. И воды горячей нѣтъ. Ты вѣдь знаешь, что мнѣ нужно взять ножную ванну. Развѣ Розы нѣтъ дома?

Мартель. Нѣтъ еще, папаша.

Бернд. Какъ? Она еще не вернулась изъ суда? Но вѣдь это же невозможно, скоро половина 8-го. Августъ былъ?

Мартель. Нѣтъ, еще не былъ.

Бернд. Ахъ, еще не былъ? Такъ она, можетъ-быть, у него... Мартель, ты видѣла, какая страшная туча шла на насъ отъ Штейберга—такъ часовъ около шести?

Мартель. Да, папаша. Вдругъ такъ стемнѣло.

Бернд. И еще темнѣе станетъ... Зажги-ка лампу на столѣ и приготовь мнѣ библію. Главное, надо быть готовымъ, Мартель. Ты думаешь когда-нибудь о загробной жизни? О томъ, что тебѣ придется предстать предъ вѣчнымъ судіей? Объ этомъ мало кто думаетъ... Давеча, какъ я шелъ домой берегомъ, опять мнѣ кто-то кинулъ вдогонку бранное слово. Когда я грабилъ людей? А онъ мнѣ именно крикнулъ: «живодеръ!». Я только исполнялъ свою обязанность... Племя злыхъ и понынѣ не искоренено... Шлу-

товать,—закрывъ глаза, сквозь пальцы смотрѣть, какъ другіе плутуютъ,—это можно, это люди терпятъ... Одно мое прибѣжище и опора—Христосъ... Всѣ мы, люди, нуждаемся въ этой опорѣ. Однихъ добрыхъ дѣлъ еще мало. Если-бъ Роза получше помнила это, быть-можетъ, мы были бы избавлены отъ многихъ тяжкихъ наказаній...

(Въ дверяхъ показывается жандармъ).

Берндъ. Кто тамъ?

Жандармъ. Я принесъ повѣстку,—мнѣ нужно видѣть вашу дочь.

Берндъ. Старшую?

Жандармъ (читаетъ). Розѣ Берндъ.

Берндъ. Моя дочь еще не вернулась изъ суда... Не могу ли я передать ей пакетъ?

Жандармъ. Нѣтъ, я обязанъ вручить повѣстку лично адресату. Завтра около восьми я опять приду.

(Поспѣшно входитъ Августъ).

Берндъ. Вотъ и Августъ...

Августъ. Розы нѣтъ?

Берндъ. Нѣтъ. Вотъ и г-нъ вахмистръ ее спрашиваетъ. Я думалъ, можетъ-быть, вы гдѣ-нибудь вмѣстѣ.

Жандармъ. Я долженъ еще навести справку по одному пункту и вручить повѣстку.

Августъ. Опять штрекмановское дѣло. Мало того, что глаза лишился, еще всѣ эти хлопоты въ придачу! Вѣдь этому, прости Господи, конца не будетъ.

Жандармъ. Добрый вечеръ. Такъ, значитъ, завтра въ восемь. (Уходитъ).

Августъ. Мартель, ступай въ кухню... Батюшка, мнѣ нужно поговорить съ вами... Иди, Мартель, иди и запри дверь. Мартель, вѣдь ты не видѣла Розы?

Мартель. Нѣ-ѣтъ. (Украдкой дѣлаетъ ему знакъ пальцемъ) Я что-то тебѣ скажу, Августъ.

Августъ. Запри дверь, дитя мое, мнѣ теперь некогда. (Самъ запираетъ кухонную дверь).

Августъ. Батюшка, вы должны взять назадъ свою жалобу.

Берндъ. Все, что̀ хочешь, Августъ, только не это.

Августъ. Это не по-христіански. Вы должны взять ее назадъ.

Берндъ. Не думаю, чтобъ это было по-христіански. Почему же? Вѣдь это безсовѣстно такъ позорить дѣвушку. Это преступленіе, достойное кары.

Августъ. Какъ мнѣ сказать вамъ?.. Отецъ... Берндъ... Вы слишкомъ погорячились...

Берндъ. Этого требуетъ моя жена, которая лежитъ въ могилѣ. Этого требуетъ моя честь, честь моего дома... честь моей дочери... Наконецъ твоя честь...

Августъ. Отецъ Берндъ... батюшка, ну какъ мнѣ убѣдить васъ, когда вы такъ непримиримы! Вы вотъ все говорите о чести. Надо искать не своей чести, а лишь славы Господней,—остальное приложится.

Берндъ. Только не въ этомъ дѣлѣ. Честь женщины самъ Богъ велѣлъ защищать. Развѣ ты можешь пожаловаться на Розу?

Августъ. Я вѣдь уже говорилъ, что не жалуюсь.

Берндъ. Или можешь въ чемъ-нибудь упрекнуть ее?

Августъ. Вѣдь вы меня знаете, отецъ Берндъ. Если я хоть сколько-нибудь сверну съ пути...

Берндъ. Ну, конечно, я знаю. Я всегда это зналъ. Значитъ, и нужно предоставить правосудію дѣлать свое дѣло.

Августъ (отирая потъ со лба). Если-бъ только знать, гдѣ Роза...

Берндъ. Я даже не знаю, вернулась ли она изъ города.

Августъ. Такой допросъ не можетъ долго продолжаться. Къ пяти ей уже слѣдовало быть дома.

Берндъ. Она, должно-быть, рѣшила заодно ужъ купить все, что надо. Вѣдь она собиралась покупать и то и другое. У васъ вѣдь еще много чего не хватаетъ.

Августъ. Она и денегъ съ собой не взяла. А купить намъ для лавки осталось немного, только матеріи на витрину и на входную дверь,—такъ это мы собирались покупать вмѣстѣ.

Берндъ. А я думалъ, вы вмѣстѣ придете...

Августъ. Я ходилъ ей навстрѣчу... Съ версту прошелъ, но ея и не видать и не слыхать. Вмѣсто того мнѣ попался Штрекманъ.

Берндъ. Все равно, что дьяволъ навстрѣчу...

Августъ. Ахъ, отецъ, у него тоже есть жена и ребенокъ... Чѣмъ они виноваты? Что мнѣ въ томъ, что его посадятъ? Разъ человѣкъ раскаялся, — больше мнѣ ничего не надо.

Берндъ. Этакій негодяй раскается? Какъ бы не такъ!

Августъ. Однако похоже на то.

Берндъ. Ты говорилъ съ нимъ?

Августъ. Онъ не отставалъ отъ меня. Бѣжитъ со мной рядомъ и все заговариваетъ... Кругомъ ни души... Это было на господскомъ шоссе. Ну, наконецъ мнѣ жалко его стало. Я не могъ иначе.

Берндъ. Ты ему отвѣтилъ? Что же онъ говорилъ?

Августъ. Говоритъ, чтобъ вы взяли жалобу назадъ.

Берндъ. Чтобъ не имѣть ни минуты покоя? Если-бъ это касалось только меня, я бы это снесъ. Мнѣ что! Я мужчина и вдобавокъ христіанинъ. Но дѣвочка — это совсѣмъ другое дѣло. Какъ же бы я могъ смотрѣть тебѣ въ глаза, если-бъ я оставилъ ее съ этимъ пятномъ? Да еще послѣ такого страшнаго несчастія. Нѣтъ, Августъ, этого нельзя... Этого я не смѣю... И такъ вся деревня травила насъ за то, что мы живемъ не такъ, какъ другіе. И такъ насъ называли ханжами, и лицемѣрами, и пролазами, и какъ только ни называли! И все обѣщали какъ-нибудь изловить насъ. Что же бы это теперь было? Прямо загрызли бы. Да и помимо того—дѣвушка воспитана въ страхѣ Божіемъ, къ работѣ пріучена—такъ воспитана, чтобы, когда на ней женится хорошій человѣкъ, она могла бы устроить христіанскій домъ. Вотъ оно какъ! вотъ какой я ее отдаю тебѣ. Такъ какъ же я могу оставить на ней это безчестье? Какъ же я потомъ въ глаза тебѣ смотрѣть буду? Тогда лучше ужъ я буду одной картошкой съ солью питаться, чѣмъ приму отъ тебя хоть одинъ пфеннигъ.

Августъ. Отецъ Берндъ, пути Господни неисповѣдимы... Инымъ Онъ непрестанно посылаетъ испытанія... Нельзя человѣку быть такъ увѣрену въ себѣ. И радъ бы пощадить васъ, отецъ, да не могу... Наша Роза—тоже человѣкъ.

Берндъ. Что ты хочешь сказать, Августъ?

Августъ. Не спрашивайте, отецъ...

Берндъ (до сихъ поръ сидѣлъ сбоку стола, на стулѣ, такъ что лицо его было обращено къ стѣнѣ. При послѣднихъ словахъ поворачивается къ Августу и нѣсколько мгновеній смотритъ на него съ недоумѣніемъ широко раскрытыми глазами, затѣмъ опять поворачивается къ столу, отъ волненія перелистывая страницы то въ одну, то въ другую сторону. Потомъ останавливается, опять смотритъ на Августа. Наконецъ складываетъ руки и опускаетъ на нихъ голову, время отъ времени конвульсивно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Такъ онъ остается нѣсколько секундъ, затѣмъ опять выпрямляется). Да нѣтъ же! Я, должно-быть, не понялъ тебя. Вѣдь если я тебя правильно понялъ, такъ вѣдь это же... я не знаю что... У меня все вертится передъ глазами... значитъ, я былъ все время глухъ и слѣпъ... Нѣтъ, Августъ, я не былъ глухъ и слѣпъ! Не

вѣрь ты штрекмановскимъ рѣчамъ! Штрекманъ ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ теперь попался въ западню... Ему круто приходится... Ну, вотъ онъ и хочетъ какъ-нибудь вывернуться, вотъ онъ и наговариваетъ тебѣ на дѣвушку... Нѣтъ, Августъ... только не это, Боже тебя сохрани! Не слушай ты его. Вѣдь это все бѣлыми нитками шито. Мало онъ гонялся за дѣвушками... Не удалось однимъ путемъ, такъ теперь другимъ пробуетъ. Можетъ, ему и удастся разлучить васъ. Это не разъ бывало, что дьяволъ своими кознями разлучалъ людей, самимъ Богомъ созданныхъ другъ для друга. Они всѣ злились на тебя за то, что ты женишься на Розѣ... Ну, что же... по мнѣ, какъ знаешь... Я тебѣ Розу не навязывалъ и навязывать не стану. Были же мы до сихъ поръ сыты. Но, коли хочешь послушать меня,— я правую руку даю на отсѣченіе, что...

Августъ. Однако г-нъ Фламмъ присягалъ...

Берндъ. По мнѣ пусть хоть десять разъ присягаетъ. Хоть двадцать разъ... Значитъ, онъ далъ ложную присягу: погубилъ себя навѣкъ и въ этой жизни и въ будущей.

Августъ. Отецъ Берндъ...

Берндъ. Погоди минутку... Вотъ я беру книги... шляпу... кружку,—все это кладу на столъ. Если правда то, что ты говоришь, если въ этомъ есть хоть искра правды, я сейчасъ же иду къ господину пастору и говорю: «Такъ и такъ, г-нъ пасторъ, я не могу больше быть церковнымъ старостою, не могу завѣдывать церковной кассою. Прощайте». И тогда ужъ меня ни одинъ человѣкъ въ глаза не увидитъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Ну, теперь ты говори. Говори, что ты хочешь сказать. Не томи меня понапрасну.

Августъ. У меня была та же мысль. Я хочу продать домъ и землю. Можетъ-быть, можно будетъ устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Берндъ (въ несказанномъ удивленіи). Ты хочешь продать домъ и землю? Августъ — откуда это все вдругъ? Да что это, свѣтъ перевернулся вверхъ дномъ? Или мы наканунѣ страшнаго суда? Можетъ, это мой послѣдній часъ наступилъ... Отвѣчай же, Августъ! Отвѣчай! Заклинаю тебя спасеніемъ твоей души!

Августъ. Какъ бы тамъ ни было, отецъ Берндъ, я ее не оставлю.

Берндъ. Это ты какъ знаешь. Это меня не касается. Если кто можетъ терпѣть такого человѣка у себя въ домѣ, пусть! Мнѣ дѣла нѣтъ. Я не такой человѣкъ. Ну, итакъ...

Августъ. Ничего я больше не могу сказать, — только видимое дѣло, что-то въ этомъ родѣ съ ней было... ужъ не знаю, съ Фламмомъ или со Штрекманомъ...

Берндъ. А можетъ-быть, и съ обоими?

Августъ. Это мнѣ неизвѣстно.

Берндъ. Ну, такъ я иду къ г-ну пастору. Возьми, Августъ, щетку, почисти меня. У меня какой-то зудъ во всемъ тѣлѣ. (Идетъ въ сѣни. Въ то же мгновеніе изъ кухни выбѣгаетъ испуганная Мартель и въ страхѣ хватается за Августа).

Мартель. Съ Розой, должно-быть, несчастье случилось... Роза наверху... Она давно дома...

Берндъ (возвращается съ перекошеннымъ отъ испуга лицомъ). Тамъ наверху кто-то есть.

Августъ. Мартель говоритъ, что тамъ Роза...

Мартель. Ну да, она. Она спускается съ лѣстницы...

Берндъ. Господи, прости меня грѣшнаго! Не могу я ее видѣть. (Садится, какъ прежде, къ столу, затыкаетъ большими пальцами уши и низко склоняетъ голову).

(Въ дверяхъ показывается Роза. На ней домашняя юбка и свободная ситцевая блузка. Она судорожно усиливается держаться прямо. Волосы наполовину распущены, наполовину заплетены въ косу. Въ лицѣ какая-то страшная рѣшимость, ожесточенное упорство. Она обводитъ взглядомъ комнату, смотритъ на старика, на Августа, который медленно отошелъ отъ двери и смотритъ въ окно съ такимъ видомъ, какъ будто тамъ за окномъ что-то необычайно-интересное. Затѣмъ, ища опоры, начинаетъ говорить дѣланно-бодрымъ тономъ).

Роза. Добрый вечеръ всѣмъ... Добрый вечеръ...

Августъ (не сразу). Спасибо.

Роза (съ горечью, холодно). Если вамъ непріятно, что я здѣсь, я могу уйти.

Августъ (просто). Куда ты еще пойдешь? Гдѣ ты была?

Роза. Кто много спрашиваетъ, много и узнаётъ. Иной разъ больше, чѣмъ ему желательно. Мартель, поди сюда ко мнѣ. (Мартель подходитъ. Роза сѣла неподалеку отъ печки и держитъ руку сестры. Потомъ громко) Что такое съ отцомъ?

Мартель (изумленно и робко, вполголоса). Я и сама не знаю...

Роза. Что такое съ отцомъ? Ты можешь говорить громко. И съ тобой тоже, Августъ... Что съ тобой? Впрочемъ, ты дѣйствительно имѣешь право презирать меня. Это ты можешь. О, да! Этого я не опровергаю.

Августъ. Я никого на свѣтѣ не презираю...

Роза. А я всѣхъ... всѣхъ... всѣхъ... до единаго...

Августъ. Темно какъ-то ты говоришь. Не понимаю я.

Роза. Темно?.. О, да! Не спорю. О, какъ темно!.. И слы-

шенъ ревъ дикихъ звѣрей... А потомъ вдругъ — сразу вдругъ свѣтло становится... Вотъ когда можно извѣдать, какъ жжетъ въ аду... Мартля!

Берндъ (прислушавшись, встаетъ и вырываетъ руку Марты изъ руки Розы). Не развращай мнѣ хоть ребенка. Руку прочь! Маршъ наверхъ спать. (Мартель, плача, уходитъ). Не слышать... Не видѣть... Умереть бы! (Снова углубляется).

Роза. Отецъ... Я жива... Я сижу здѣсь... Это что-нибудь да значитъ. Это чего-нибудь да стоитъ, что я здѣсь сижу... Мнѣ кажется, отецъ, вы должны бы понять это. Это цѣлый міръ... а вы такъ погружены... Вы ничѣмъ уже не можете меня оскорбить. О, Боже, въ какой крошечной келейкѣ вы всѣ живете! И ничего не знаете, что происходитъ за ея стѣнами. Я знаю! Я въ мукахъ узнала это. Вдругъ, не знаю какъ, все отъ меня отошло... словно стѣна за стѣной выросла кругомъ... И я стояла одна подъ грозой... и ничего не было ни подо мной ни надо мной... Въ сравненіи со мной вы все равно, что маленькія дѣти...

Августъ (тревожно). Слушай, Роза, если правда то... что Штрекманъ говоритъ... значитъ, ты дала ложную клятву?..

Роза (съ горькимъ смѣхомъ). Не знаю. Можетъ-быть,—все можетъ быть... Я теперь не припомню. Такъ ужъ ведется на свѣтѣ: все ложь и обманъ...

Августъ. Вотъ какъ ты относишься къ клятвопреступленію!

Роза. Стоитъ ли объ этомъ говорить? Это такой пустякъ. Это ничего не значитъ... Вотъ то, что лежитъ тамъ, подъ вербою, — это значитъ. Тамъ, подъ вербою... Это значитъ! А остальное меня не трогаетъ. Тамъ я смотрѣла на звѣзды... Тамъ я кричала и звала... И никакой Отецъ Небесный не тронулся моей мукой...

Берндъ (испуганный, дрожа). Ты богохульствуешь. Ты поносишь Отца Небеснаго... Если ты до этого дошла, я тебя больше не знаю...

Роза (подползла къ нему на колѣняхъ). Да, дошла... И ты меня знаешь, отецъ. Ты меня на рукахъ качалъ, и я не разъ была тебѣ доброй помощницей... Это напасть какая-то на насъ всѣхъ обрушилась... Какъ я боролась, какъ противилась!

Берндъ (пораженный). Что она такое говоритъ?

Роза. Не знаю... не знаю... (Остается на колѣняхъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, уставившись въ одну точку въ полу).

Августъ (не въ силахъ вынести ея униженія, съ порывомъ). Рузля, встань, я не оставлю тебя, я не могу видѣть тебя такой. Кто изъ насъ не грѣшенъ? Всѣ мы грѣшны. Кто такъ кается, тотъ будетъ прощенъ. Встань, Роза. Батюшка, подымите ее. Мы не изъ тѣхъ, кто... по крайней мѣрѣ... я... не фарисей... Вы же видите, какъ она мучится... Будь что будетъ, я тебя не оставлю! Я тебѣ не судья... Я никого не сужу... Нашъ Спаситель на небесахъ тоже никого не судилъ... Можетъ-быть, и мы отчасти виноваты. Я много думалъ... И я себя оправдать не могу... Развѣ она знала меня какъ слѣдуетъ, когда вы ее заставили дать мнѣ слово? Что мнѣ до людей? Пусть судятъ, какъ хотятъ. Мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ...

Роза. Августъ, они за меня, какъ репей, цѣплялись... мнѣ нельзя было черезъ улицу перейти... Всѣ мужчины гонялись за мной... Я пряталась... я боялась... Я такъ боялась мужчинъ! Ничего не помогло... Что дальше, то хуже — изъ петли въ петлю,—я и опомниться не успѣла...

Берндъ. Прежде ты была куда какъ строга. И ту осуждала и эту. Хвасталась: пусть, молъ, ко мнѣ кто сунется, мельникову батраку въ морду дала... Говорила: дѣвушку, которая этакое дѣлаетъ, не стоитъ жалѣть, пусть вѣшается. А теперь говоришь: петля...

Роза. Теперь я умнѣе стала.

Августъ. Что бы ни случилось, я буду съ тобой, Роза... Я продамъ свою землю... Уѣдемъ куда-нибудь. Свѣтъ не клиномъ сошелся... У меня есть дядя въ Бразиліи... Уѣдемъ вмѣстѣ... Теперь мы уживемся... Можетъ, мы теперь только созрѣли для этого...

Роза. О, Боже, Боже, что со мной? Зачѣмъ я сюда приползла? Зачѣмъ не осталась возлѣ своей дѣтки?..

Августъ. Возлѣ кого?

Роза (поднимаясь съ колѣнъ). Августъ, я конченный человѣкъ. Какъ это вышло?.. Сначала мнѣ все тѣло какъ огнемъ жгло... Потомъ голова пошла кругомъ... точно пьяная была... Потомъ явилась надежда, и я носилась съ ней, какъ кошка съ котенкомъ... А собаки насъ затравили...

Берндъ. Августъ, понимаешь ты хоть одно слово?

Августъ. Нѣтъ... Это нѣтъ...

Берндъ. Знаешь, какъ я себя теперь чувствую? Точно земля уходитъ изъ-подъ ногъ... одна бездна за другой разверзается... Что мы еще услышимъ?..

Роза. Проклятіе! Проклятіе! Я тебя видѣла... Мы еще

встрѣтимся съ тобой на страшномъ судѣ, встрѣтимся... Я вырву у тебя твой языкъ вмѣстѣ съ челюстью... Ты мнѣ отвѣтишь... Ты мнѣ отвѣтишь...

Августъ. Про кого ты говоришь, Рузля?

Роза. Кому надо, тотъ пойметъ... (Совершенно обезсилѣвъ, почти безъ чувствъ падаетъ на стулъ. Длинная пауза).

Августъ (хлопочетъ около нея). Что это на тебя нашло?.. Ты какъ-то вдругъ...

Роза. Не знаю... Если-бъ вы меня раньше объ этомъ спросили, можетъ-быть... Теперь я ничего не знаю... Никто меня не любитъ такъ, какъ надо...

Августъ. Кто знаетъ, какая любовь сильнѣй—счастливая или несчастливая...

Роза. Я сильна... я сильна... Я была сильна! А теперь ослабѣла... Теперь я пропащій человѣкъ...

(Входитъ жандармъ).

Жандармъ (спокойнымъ голосомъ). Дочка-то ваша, должно-быть, дома. Мнѣ старый Клейнертъ сказывалъ, что она уже вернулась.

Августъ. Совершенно вѣрно, только тогда мы этого не знали.

Жандармъ. Я и рѣшилъ зайти опять,—лучше сегодня сбыть это... Вотъ здѣсь надо подписаться. (Кладетъ на столъ бумаги, въ полумракѣ не замѣчая Розы).

Августъ. Роза, тебѣ нужно что-то подписать.

Роза (иронически расхохоталась страшнымъ истерическимъ смѣхомъ).

Жандармъ. Если это вамъ писано, тутъ нечего смѣяться, барышня. Пожалуйте...

Роза. Подождите минутку...

Августъ. Ну, зачѣмъ это?

Роза (съ горящими глазами, злобно). Вы задушили моего ребенка...

Августъ. Что она говоритъ? Ради Бога, что ты говоришь?

Жандармъ (вытягивается въ струнку, смотритъ на нее испытующе, не отвѣчаетъ, дѣлая видъ, какъ будто ничего не слышалъ). Это по Штрекмановскому дѣлу.

Роза (какъ прежде, отрывисто выкрикивая слова). Штрекманъ! Это онъ задушилъ мое дитя!

Берндъ. Дѣвка, молчи, ты не въ своемъ умѣ!

Жандармъ. Вѣдь у васъ нѣтъ никакого ребенка?..

Роза. Что?.. А какъ же я его задушить могла, — вотъ этими самыми руками?.. Я своими руками задушила свое дитя...

Жандармъ. Она какая-то бѣсноватая... Очнитесь! Что̀ съ вами?

Роза. Я въ своемъ умѣ... Я не бѣснуюсь... Я не брежу... Теперь мнѣ все ясно... (Холодно, съ дикимъ, свирѣпымъ упорствомъ) Она не должна была жить... Я этого не хотѣла... Чтобъ и ей мучиться, какъ я мучилась? Нѣтъ... Пусть лучше лежитъ тамъ подъ вербою...

Августъ. Роза, опомнись! Не терзай себя... Ты сама не знаешь, что̀ говоришь. Ты всѣхъ насъ въ отчаяніе приводишь...

Роза. Это вы ничего не знаете... Вы ничего не видите... Вы никогда не смотрѣли открытыми глазами... Пусть поищутъ подъ большой вербой... подъ ольхами... за церковнымъ полемъ... у пруда... тамъ лежитъ она, моя дѣвочка...

Берндъ. И ты пошла на такое страшное дѣло?

Августъ. Ты могла совершить такое неслыханное преступленіе?

(Роза падаетъ безъ чувствъ. Мужчины испуганно и безпомощно переглядываются. Августъ хлопочетъ около Розы).

Жандармъ. Самое лучшее вамъ вмѣстѣ съ ней придти въ управленіе. Тамъ она можетъ добровольно во всемъ сознаться. Если это не фантазія... такое признаніе послужитъ ей очень на пользу...

Августъ (изъ глубины комнаты, серьезно). Нѣтъ, это не фантазія, господинъ вахмистръ. Эта дѣвушка... Сколько она должна была выстрадать!..

(Занавѣсъ падаетъ).

СТРѢЛОЧНИКЪ ТИЛЬ.

Переводъ З. Н. Журавской.

Изъ своихъ беллетристическихъ вещей Гауптманъ вводитъ въ собраніе своихъ сочиненій два, какъ онъ ихъ назвалъ, «новеллистическихъ этюда»: «Стрѣлочникъ Тиль» (Bahnwärter Thiel) и «Апостолъ».

«Стрѣлочникъ Тиль» написанъ въ 1887 г., еще до знакомства Гауптмана съ Арно Гольцемъ, оказавшимъ такое сильное вліяніе на нашего поэта. Рѣзкости натурализма поэтому выступаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ первой драмѣ, хотя природный наклонъ Гауптмана къ смѣлому реализму уже сказывается здѣсь вполнѣ.

Основная идея «Тиля»—борьба въ человѣкѣ человѣческаго и животнаго, «власть плоти», власть надъ мужчиною женщины. Добрый, привязчивый, впечатлительный, стрѣлочникъ Тиль—жертва этой власти. Чисто-женское обаяніе второй жены держитъ его у себя въ плѣну. Но когда изъ-за небрежности мачехи ребенокъ гибнетъ на рельсахъ поѣзда, звѣрь просыпается въ Тилѣ, и онъ убиваетъ жену и перерѣзываетъ горло ея малюткѣ.

Сходство нѣкоторыхъ положеній и психологическихъ мотивовъ «Стрѣлочника Тиля» съ психологическими мотивами «Возчика Геншеля» мы отмѣтили ранѣе, въ своемъ мѣстѣ. Безъ особенной натяжки можно уловить черты сходства нѣкоторыхъ частностей «Тиля» и съ «Ганнеле».

Въ юности Гауптманъ могъ быть непосредственнымъ наблюдателемъ жизни людей, подобныхъ Тилю. Въ одномъ изъ раннихъ своихъ стихотвореній онъ изображаетъ ночное настроеніе маленькаго полустанка съ кашляющимъ и кряхтящимъ сторожемъ, слѣдящимъ за сигналами. Въ другомъ, подъ названіемъ: «Въ ночномъ поѣздѣ» (Im Nachtzug), онъ дѣлится впечатлѣніями пассажира, несущагося лунною ночью сквозь тьму и мракъ «словно бы въ царство духовъ», подъ грохотъ колесъ и лязгъ поршней.

Свистокъ паровоза, прорѣзавшій тишь нѣмецкихъ полей и деревушекъ, вспугнулъ поэзію старины. Но онъ же вдохновилъ новыхъ поэтовъ на новыя произведенія. Въ связи съ этими лирическими набросками, очевидно, надо поставить и мысль Гауптмана о драмѣ, которая могла бы разыграться на одномъ изъ такихъ полустанковъ, съ однимъ изъ такихъ одинокихъ и незамѣтныхъ людей.

«Стрѣлочникъ Тиль» появился въ 1887 году въ изданіи Конрада «Общество». Въ характерѣ гауптмановскаго письма критика справедливо видѣла вліянія на него Зола и, если угодно, въ частности романа «Человѣкъ-звѣрь». Злое могущество женщины надъ мужчиной, «власть физіологіи» показаны Гауптманомъ дѣйствительно въ той же

натуралистической, откровенной и трезвой манерѣ, въ какой это дѣлалъ «творецъ экспериментальнаго романа».

Гауптманъ скромно назвалъ свое произведеніе этюдомъ, но оно вполнѣ заслуживаетъ названія разсказа. Въ немъ есть для этого необходимая стройность, округленность и содержательность. Художникъ искусно озаряетъ «темную глубину человѣческаго сердца, борьбу и побѣду тайныхъ силъ, уничтожившихъ въ своемъ натискѣ четыре жизни». Здѣсь въ обрисовкѣ человѣка, сохранившаго идеальную любовь къ первой женѣ и безсильнаго предъ чисто-физическимъ обаяніемъ второй, — уже видна способность рѣдкаго постиженія людей въ ихъ психологической противорѣчивости.

«Художественно схваченныя реалистическія черточки въ изображеніи душевной борьбы сторожа,—пишетъ авторъ книги о Гауптманѣ, Вернеръ *): — дѣйствуютъ такъ, что читателю становится ясна вся мистика внутренней жизни этого героя въ прошломъ и настоящемъ. Ничто не упущено, никакая мелочь, ни одна сторона его существа, будь то педантическая совѣстливость или дѣтская небрежность, смутный мистицизмъ или острая и твердая сознательность».

Что касается самой формы перваго разсказа Гауптмана, то характерно, какъ въ этомъ отношеніи здѣсь еще мало чувствуется будущій драматургъ. Форма разсказа почти сплошь описательная. Здѣсь почти нѣтъ діалога. Дѣйствіе течетъ чрезвычайно ровно и спокойно, становясь драматичнымъ только въ концѣ разсказа. Только встрѣчѣ съ Арно Гольцемъ суждено было пробудить дремавшія въ душѣ Гауптмана силы драматурга и совершить рѣшительный поворотъ его къ творчеству сцены. Сильно драматическій конецъ разсказа уже являлся залогомъ будущихъ успѣховъ автора, какъ драматурга.

«Въ цѣломъ,—пишетъ Вернеръ:—разсказъ являетъ уже всѣ достоинства будущихъ произведеній Гауптмана, не имѣя ни одного изъ ихъ недостатковъ». Бартельсъ справедливо отмѣчаетъ въ немъ отсутствіе слабостей натурализма, своеобразную красоту картинъ природы и мастерство изображенія среды и одинокой жизни сторожа.

Недочеты «Стрѣлочника Тиля» чисто внѣшняго свойства. Полныя настроенія описанія природы иногда проигрываютъ отъ чрезмѣрнаго юношескаго пафоса. Иногда они недостаточно просты, и въ нихъ улавливается нѣкоторая банальность выраженій, естественная въ ранней работѣ.

Но уже въ этомъ первомъ опытѣ чувствуется будущій сильный писатель. Подобный сюжетъ такъ легко могъ увлечь въ сентиментальность. Гауптмана спасли отъ этого не только рѣзкіе эффекты финала, но и его психологическая чуткость и тонкое ощущеніе природы. Чувства Тиля вышли меланхоличными, но никакъ не сентиментальными.

При первомъ своемъ появленіи разсказы Гауптмана прошли совершенно незамѣченными нѣмецкой критикой.

*) Woerner, Geh. Hauptmann. 1897, München.

СТРѢЛОЧНИКЪ ТИЛЬ.

I.

Стрѣлочникъ Тиль каждое воскресенье ходилъ въ церковь въ Новый Цитау; онъ пропускалъ богослуженіе только тогда, когда бывалъ дежурнымъ или больнымъ. Но за десять лѣтъ онъ былъ боленъ всего два раза. Въ первый разъ съ тендера проходящаго поѣзда упалъ большой кусокъ угля и ударилъ его по ногѣ; ударъ былъ такъ силенъ, что стрѣлочнику раздробило кость, и онъ свалился съ насыпи въ ровъ. Въ другой разъ ему попала въ грудь бутылка, выброшенная изъ окна вагона курьерскаго поѣзда.

Кромѣ этихъ двухъ несчастныхъ случаевъ, въ свободные дни ничто не могло помѣшать ему придти въ церковь.

Первыя пять лѣтъ онъ совершалъ свой путь изъ Шорнштейна, колоніи на берегу Шпрее, въ Новый Цитау въ полномъ одиночествѣ. Въ одинъ прекрасный день онъ появился въ сопровожденіи худенькой, болѣзненнаго вида женщины; по мнѣнію сосѣдей, она была совсѣмъ не подстать его геркулесовской фигурѣ. Тѣмъ не менѣе черезъ нѣсколько времени, и опять-таки въ воскресенье, онъ повелъ эту самую женщину къ алтарю и торжественно протянулъ ей руку въ знакъ союза на жизнь и смерть. Два года на скамьѣ рядомъ съ нимъ сидѣла кроткая молодая жена; два года рядомъ съ его потемнѣвшимъ отъ непогоды лицомъ склонялось надъ книгой псалмовъ худенькое личико съ впалыми щечками... но разъ стрѣлочникъ опять пришелъ одинъ.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ въ церкви звонили по мертвой,—вотъ и все.

Люди увѣряли, что въ стрѣлочникѣ не было замѣтно никакой перемѣны.

Пуговицы его праздничнаго мундира были заботливо вычищены, какъ всегда; рыжіе волосы, какъ всегда, напомажены и расчесаны съ пробором, по-военному; только широкій, волосатый затылокъ его какъ будто немного согнулся, да пѣлъ онъ и прислушивался къ проповѣди еще съ бо́льшимъ усердіемъ, чѣмъ прежде.

Всѣ были убѣждены, что Тиль перенесъ довольно спокойно утрату первой жены, и мнѣніе это подтвердилось, когда, по истеченіи года, онъ женился вторично, выбравъ на этотъ разъ крѣпкую и сильную дѣвушку, коровницу изъ Альтгрунда.

Когда Тиль пришелъ сообщить пастору о своей помолвкѣ, тотъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

— Такъ вы опять намѣрены вступить въ бракъ?

— Вѣдь хозяйка-то моя померла, господинъ пасторъ.

— Да, конечно... но, мнѣ кажется, не слишкомъ ли вы поторопились?

— Мальчишка вѣдь у меня на рукахъ, господинъ пасторъ.

Жена Тиля умерла родами, но мальчикъ, котораго она произвела на свѣтъ, остался живъ и былъ названъ Товіемъ.

— Ахъ, правда, мальчикъ,—сказалъ священникъ и сдѣлалъ жестъ, ясно показывавшій, что онъ только теперь вспомнилъ о ребенкѣ. — Это, конечно, нѣсколько мѣняетъ дѣло... На кого же вы его оставляли все это время, когда уходили на службу?

Тиль разсказалъ ему, что онъ поручилъ-было Товія одной старухѣ, но та разъ чуть не сожгла его, другой разъ уронила на землю; счастье еще, что онъ отдѣлался только шишкой на лбу. Такъ не можетъ продолжаться, тѣмъ болѣе, что мальчикъ слабенькій и нуждается въ особомъ уходѣ. Вотъ это-то, да еще клятва, данная имъ умирающей—позаботиться о сынѣ, и заставили его рѣшиться на такой шагъ.

Противъ новой парочки, являвшейся теперь по воскресеньямъ въ церковь, люди не могли ничего возразить.

Коровница и стрѣлочникъ были какъ будто созданы другъ для друга. Она была только на полголовы ниже его ростомъ, но зато полнѣе, а черты лица были такъ же грубы, какъ у него, только добродушія въ нихъ было меньше.

Если Тиль желалъ найти въ своей второй женѣ неутомимую работницу и образцовую хозяйку, то его желанія вполнѣ осуществились. Но, кромѣ этихъ достоинствъ, жена

принесла ему еще въ приданое три качества, о которыхъ онъ прежде не зналъ: наклонность властвовать, сварливый характеръ и грубую страстность.

Черезъ полгода по всей деревнѣ было извѣстно, кто изъ нихъ кѣмъ командуетъ.

Стрѣлочника Тиля жалѣли.

Женатые люди возмущались и говорили:

— Счастливъ твой Богъ, баба, что тебѣ досталась въ мужья такая овца: наскочи на другого, плохо бы тебѣ пришлось. Этакого «звѣря» надо непремѣнно укротить, — не лаской, такъ палкой. Ну, да погоди, когда-нибудь такивздуетъ онъ тебя!

Но Тиль, несмотря на свою силу, былъ далекъ отъ мысли исправлять свою жену побоями. Онъ не ломалъ себѣ головы надъ тѣмъ, что такъ возмущало другихъ. Большею частью онъ терпѣливо и безмолвно выслушивалъ безконечную воркотню жены, а если и возражалъ иногда, то его медлительная рѣчь и спокойный тихій голосъ представляли полный контрастъ съ ея крикомъ и бранью. Внѣшній міръ, казалось, не производилъ на него никакого впечатлѣнія, онъ какъ будто носилъ внутри себя нѣчто, съ избыткомъ вознаграждавшее его за все зло, приходившее извнѣ.

Несмотря на его невозмутимое равнодушіе, бывали минуты, когда съ нимъ не слѣдовало шутить. Это случалось обыкновенно, когда дѣло касалось маленькаго Товія. Въ дѣтски-добродушномъ, уступчивомъ характерѣ стрѣлочника появлялись тогда упорство и настойчивость, съ которыми не рѣшалась бороться даже сама неукротимая Лена.

Но съ теченіемъ времени такого рода проявленія внутренней жизни Тиля становились все рѣже и наконецъ исчезли совершенно. На второй годъ онъ не оказывалъ уже ни малѣйшаго сопротивленія стараніямъ Лены захватить власть въ свои руки. Послѣ стычки съ ней онъ уже не могъ, какъ прежде, хладнокровно пойти на службу, не успокоивъ ее раньше. Онъ даже не разъ унижался до того, что начиналъ упрашивать ее быть съ нимъ добрѣе.

Одинокая сторожка въ лѣсу, его любимое мѣстопребываніе, теперь утратила для него прежнее значеніе. Тихія грезы, сладкія воспоминанія о покойной женѣ нарушались мыслями о живой. Онъ возвращался домой уже не съ неохотой, какъ въ первое время, но съ лихорадочной поспѣшностью, а на посту считалъ часы и минуты, остававшіеся ему до срока освобожденія.

Привязанный къ первой женѣ скорѣе духовными узами, онъ поддался обаянію грубой страсти второй и почти всецѣло подпалъ подъ ея вліяніе. По временамъ только его начинали мучить угрызенія совѣсти, и тогда онъ прибѣгалъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Такъ, онъ рѣшилъ про себя, что его сторожка и отведенный ему желѣзнодорожный участокъ останутся чѣмъ-то въ родѣ таинственнаго святилища, посвященнаго исключительно памяти покойной жены. Дѣйствительно, до сихъ поръ, съ помощью разныхъ уловокъ и подъ разными предлогами, онъ мѣшалъ женѣ сопровождать его на службу и надѣялся, что ему это удастся и въ будущемъ. Жена не знала, въ какой сторонѣ находился его участокъ, не знала даже нумера его сторожки. Дѣля такимъ образомъ свое время поровну между живой и мертвой, Тиль сдѣлался спокойнѣе и пересталъ терзаться укорами совѣсти. Несмотря на это, часто, особенно въ минуты одиночества и благоговѣйнаго, таинственнаго общенія съ покойной, его настоящее состояніе духа представлялось ему въ истинномъ свѣтѣ, и въ душѣ его подымалось отвращеніе.

Если дежурство его приходилось днемъ, его духовное общеніе съ покойной ограничивалось грезами о ней и свѣтлыми воспоминаніями изъ временъ ихъ совмѣстной жизни. Зато въ глухую полночь, когда на дворѣ бушевала вьюга и верхушки сосенъ сгибались надъ полотномъ дороги, сторожка стрѣлочника, освѣщенная тусклымъ мерцаніемъ фонаря, напоминала часовню. Поставивъ передъ собой на столѣ выцвѣтшую фотографическую карточку покойницы, развернувъ библію и книгу псалмовъ, стрѣлочникъ попеременно то читалъ, то пѣлъ всю ночь напролетъ, прерываемый только пробѣгающими время отъ времени поѣздами, и доводилъ себя до экстаза, до видѣній, въ которыхъ образъ покойницы являлся ему облеченнымъ въ плоть и кровь.

Мѣстоположеніе сторожки было какъ будто нарочно выбрано для того, чтобы способствовать развитію въ Тилѣ его мистическихъ наклонностей. Она стояла въ лѣсу, возлѣ самаго перехода черезъ рельсы, загороженнаго шлагбаумами, порученными наблюденію стрѣлочника, и была удалена со всѣхъ четырехъ сторонъ по крайней мѣрѣ на три четверти часа ходьбы отъ всякаго человѣческаго жилья. Лѣтомъ по цѣлымъ днямъ, а зимой иногда и по цѣлымъ недѣлямъ, никто не переходилъ въ этомъ мѣстѣ черезъ рельсы, кромѣ стрѣлочника и его собратій. Этотъ пустынный уголокъ не зналъ перемѣнъ, кромѣ перемѣнъ

погоды и времени года. Кромѣ двухъ несчастныхъ случаевъ, нарушившихъ на время правильное теченіе службы Тиля, всѣ выдающіяся событія здѣсь были наперечетъ. Четыре года тому назадъ мимо этого мѣста промчался экстренный поѣздъ, съ которымъ ѣхалъ въ Бреславль самъ король. Однажды, зимней ночью, скорый поѣздъ переѣхалъ косулю.

Нѣкоторое развлеченіе доставлялъ стрѣлочнику ручей, протекавшій позади самой сторожки. Иногда сюда приходили напиться рабочіе, занятые поблизости починкой дороги или телеграфа, при чемъ естественно завязывалась бесѣда. Порою и самъ лѣсничій приходилъ утолить жажду.

Товій росъ и развивался медленно; онъ только къ концу второго года началъ говорить и ходить. Отцу онъ выказывалъ всегда особое расположеніе. По мѣрѣ того, какъ мальчикъ становился понятливѣе, развивалось и въ Тилѣ чувство отцовской любви; зато привязанность мачехи къ Товію одновременно съ этимъ уменьшалась и перешла въ полную антипатію, когда черезъ годъ у самой Лены родился также мальчикъ.

Съ этого дня плохо стало жить маленькому Товію; мачеха постоянно мучила его, особенно въ отсутствіе отца, награждала колотушками и злоупотребляла его слабыми силенками, заставляя его нянчить маленькаго крикуна-брата. Трудъ этотъ съ каждымъ днемъ изнурялъ Товія все больше и больше: необыкновенныхъ размѣровъ голова, огненно-красные волосы и блѣдное, какъ мѣлъ, лицо дѣлали его некрасивымъ, а жалкая, тощая фигурка невольно вызывала состраданіе. Когда блѣдный заморышъ Товій, таща на рукахъ пышущаго здоровьемъ братишку, еле плелся по улицѣ, пробираясь къ берегу Шпрее, изъ оконъ глядѣли сосѣди и втихомолку ругали мачеху. Тотъ же, кого это касалось ближе всѣхъ, какъ будто ничего не замѣчалъ и не хотѣлъ понимать намековъ, хотя доброжелатели-сосѣди и пытались подчасъ открыть ему глаза.

II.

Однажды въ іюнѣ мѣсяцѣ Тиль вернулся домой около семи часовъ утра. Не успѣлъ онъ поздороваться съ женой, какъ она уже начала ныть и причитать. Поле, на которомъ они въ прошлые года сажали картофель, вотъ уже нѣсколько недѣль какъ сдано въ аренду, а Ленѣ до сихъ поръ не удалось замѣнить его другимъ. Или, можетъ-быть, онъ думаетъ, что и эта забота входитъ въ ея обязанности;

такъ пусть запомнитъ себѣ, что никто, кромѣ него, не будетъ виноватъ, если имъ придется расплачиваться чистыми денежками за десять мѣшковъ картофеля.

Тиль только пробормоталъ себѣ что-то въ бороду и, не обращая вниманія на воркотню Лены, подошелъ прямо къ постели старшаго сына; въ тѣ ночи, когда онъ не былъ дежурнымъ, они спали вмѣстѣ. Онъ сѣлъ на кровать и съ озабоченнымъ выраженіемъ на добродушномъ лицѣ смотрѣлъ на спящаго ребенка, отгоняя отъ него докучливыхъ мухъ; но въ концѣ концовъ все-таки разбудилъ его. Голубые впалые глаза мальчика засвѣтились трогательной радостью, онъ быстро схватилъ руку отца, и на углахъ его рта заиграла какая-то жалкая улыбка. Стрѣлочникъ помогъ ему одѣться, и по лицу его пробѣжала тѣнь, когда онъ замѣтилъ на правой, слегка опухшей щечкѣ сына ясно выступавшіе красные слѣды пальцевъ.

За завтракомъ Лена съ удвоеннымъ жаромъ стала распространяться о своей хозяйственной неудачѣ, но мужъ остановилъ ее извѣстіемъ, что начальникъ станціи предоставилъ въ его распоряженіе кусокъ земли, находившійся по сосѣдству съ будкой, потому что для него, начальника, это было слишкомъ далеко. Лена сначала не хотѣла вѣрить, но мало-по-малу сомнѣнія ея разсѣялись, и она видимо пришла въ хорошее расположеніе духа. Она засыпала мужа вопросами о размѣрахъ поля и качествѣ земли, а когда узнала, что кромѣ всего прочаго тамъ есть еще два фруктовыхъ деревца, расхохоталась, какъ сумасшедшая. Наконецъ спрашивать было больше не о чемъ, а колокольчикъ у дверей мелочной лавочки, который, кстати сказать, былъ слышенъ въ каждомъ домикѣ мѣстечка, не переставалъ звенѣть. Лена встала и побѣжала разсказать о своей радости сосѣдкамъ.

Въ то время, какъ Лена болтала съ подругами въ темномъ помѣщеніи лавочки, заваленной всевозможными товарами, стрѣлочникъ былъ занятъ исключительно Товіемъ. Мальчикъ сидѣлъ у него на колѣняхъ и игралъ сосновыми шишками, принесенными изъ лѣсу отцомъ.

— Чѣмъ ты хочешь быть? — спрашивалъ отецъ. Этотъ стереотипный вопросъ повторялся каждый день, равно какъ и отвѣтъ мальчика: «начальникомъ станціи». Вопросъ предлагался не въ шутку: мечты стрѣлочника дѣйствительно заносились такъ высоко, и онъ надѣялся, что, съ Божьей помощью, изъ Товія выйдетъ нѣчто необыкновенное. Лишь

только безкровныя губки ребенка, въ сущности не сознававшаго значенія своего отвѣта, пролепетали: «начальникомъ станціи», угрюмое лицо Тиля стало проясняться и наконецъ засіяло тайнымъ восторгомъ.

— Иди, Товій, иди играть, мой мальчикъ!– сказалъ онъ потомъ, вытаскивая изъ печки лучину и раскуривая трубку, и ребенокъ съ пугливой радостью выбѣжалъ за двери. Тиль раздѣлся, легъ въ постель, долго и задумчиво смотрѣлъ на низкій, разсѣвшійся потолокъ, потомъ заснулъ. Около двѣнадцати часовъ онъ проснулся, снова одѣлся и, пока Лена, гремя посудой, накрывала столъ къ обѣду, вышелъ на улицу. Товій былъ недалеко; отбивъ отъ стѣны кусокъ штукатурки, онъ выковыривалъ пальцами глину и набивалъ себѣ ею ротъ. Стрѣлочникъ взялъ его за руку и повелъ на самый конецъ мѣстечка, состоявшаго всего изъ восьми домиковъ, къ Шпрее. Подъ зелеными тополями словно застыла темная гладь рѣки. На самомъ берегу лежалъ большой обломокъ гранита: Тиль опустился на него.

Обыватели мѣстечка привыкли видѣть его здѣсь каждый день, если погода была хоть мало-мальски сносна. Особенно къ нему льнули дѣти; они называли его «дядя Тиль», а онъ училъ ихъ разнымъ играмъ, когда-то въ дѣтствѣ забавлявшимъ его самого. Но лучшими изъ его воспоминаній дѣтства пользовался Товій. Отецъ вырѣзывалъ ему стрѣлы, залетавшія выше стрѣлъ всѣхъ его товарищей, дѣлалъ ему чудесныя дудки изъ тростника и, сбдирая кору карманнымъ ножикомъ съ роговой рукояткой, самъ напѣвалъ при этомъ своимъ заржавленнымъ басомъ родныя пѣсни. Люди осуждали его за такое нелѣпое занятіе; они не понимали, какъ онъ можетъ терять время съ этими сопляками. Но въ сущности они были довольны этимъ, такъ какъ подъ его присмотромъ дѣти были въ совершенной безопасности; кромѣ того Тиль иногда и серьезно занимался съ ними, у старшихъ спрашивалъ уроки и слушалъ, какъ они читаютъ библію и псалмы, а малышей училъ складывать: б-а—ба, в-а—ва и т. д.

Послѣ обѣда стрѣлочникъ опять ненадолго пришелъ отдохнуть, затѣмъ пополдничалъ стаканомъ кофе и сталъ собираться на службу. Сборы эти, какъ и все, что онъ дѣлалъ, отнимали у него много времени; каждое движеніе его руки было разсчитано; предметы, разложенные на маленькомъ орѣховомъ комодѣ: ножъ, записная книжка, гребень, лошадиный зубъ, старые часы въ видѣ луковицы — отпра-

влялись одинъ за другимъ въ его карманы въ неизмѣнномъ порядкѣ, установленномъ много лѣтъ тому назадъ. Особенно бережно обращался онъ съ маленькой книжечкой, обернутой въ красную бумагу; ночью она лежала у него подъ подушкой, а днемъ онъ носилъ ее въ боковомъ карманѣ своего форменнаго мундира. На обложкѣ было написано прямымъ вычурнымъ почеркомъ, рукою Тиля: «Книжка сберегательной кассы—Товія Тиля».

Стрѣлка стѣнныхъ часовъ, съ длиннымъ маятникомъ и желтымъ циферблатомъ, показывала безъ четверти пять, когда Тиль вышелъ изъ дому. Въ маленькой собственной лодочкѣ онъ переѣхалъ черезъ рѣку. На томъ берегу онъ нѣсколько разъ остановился, прислушиваясь къ звукамъ, долетавшимъ изъ мѣстечка. Наконецъ онъ пошелъ по широкой лѣсной тропинкѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ дремучемъ сосновомъ бору; вершины сосенъ, глухо шумя, волновались, подобно темно-зеленому морю. Шаговъ не было слышно, влажный мохъ и слой иглъ, устилавшихъ землю, заглушали ихъ, словно войлокъ. Дорога была хорошо извѣстна Тилю; онъ шелъ увѣренно, не глядя, сначала черезъ густой старый лѣсъ, потомъ черезъ молодую поросль; дальше начинались порубки, осѣненныя отдѣльными высокими и стройными соснами, оставленными для защиты юнаго поколѣнія. Отъ земли поднимался голубоватый, прозрачный, пропитанный ароматами паръ и легкой дымкой окутывалъ стволы деревьевъ. Тяжелое, молочнаго цвѣта небо низко нависло надъ вершинами сосенъ; въ воздухѣ купались стаи воронъ, испуская пронзительные крики. Въ колеяхъ и рытвинахъ дороги темными лужицами стояла вода и отражала мрачную зелень и сѣрое небо, дѣлая ихъ еще болѣе непривѣтными.

«Славная погода для хлѣба»,—подумалъ Тиль, очнувшись отъ глубокаго раздумья и оглядываясь кругомъ.

Но внезапно мысли его приняли другое направленіе: онъ смутно почувствовалъ, что забылъ что-то дома, и началъ шарить по карманамъ: не оказалось куска хлѣба съ масломъ, который онъ обыкновенно бралъ съ собой на дежурство. Съ минуту онъ постоялъ въ нерѣшительности, потомъ повернулся и быстро зашагалъ по направленію къ мѣстечку.

Скоро онъ достигъ берега Шпрее, съ помощью нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ веселъ переправился на другую сторону и, весь обливаясь потомъ, сталъ подыматься въ гору по отлогому склону. Посрединѣ улицы лежалъ старый

облѣзлый пудель лавочника; на вымазанномъ дегтемъ лощатомъ заборѣ сидѣла ворона; она чистила себѣ перья, отряхивалась, кивала головкой, потомъ съ раздирающимъ душу крикомъ: «кра, кра!» поднялась на воздухъ, и вѣтеръ унесъ ее по направленію къ лѣсу.

Маленькая колонія состояла всего-навсего изъ двадцати семействъ рыбаковъ и дровосѣковъ. Въ настоящую минуту никого изъ обитателей ея не было видно.

Вдругъ среди всеобщей тишины пронесся такой громкій и пронзительный вопль, что стрѣлочникъ невольно замедлилъ шаги. За этимъ воплемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ, нестройныхъ, дикихъ, сопровождаемыхъ какимъ-то страннымъ шумомъ, словно отъ ударовъ. Звуки выходили, повидимому, изъ окна низенькаго домика, слишкомъ хорошо знакомаго стрѣлочнику.

По возможности заглушая шумъ своихъ шаговъ, онъ подкрался ближе и теперь уже совершенно ясно различалъ голосъ жены. Еще минута,—и стали слышны слова:

— Ахъ, ты, безжалостный, безсердечный негодяй! Бѣдное дитя совсѣмъ надорвалось отъ крика!.. Что?.. Постой! постой, я тебя выучу ходить за нимъ! Будешь долго помнить!—Нѣсколько секундъ все было тихо, потомъ послышался звукъ, словно отъ разстегиванія пуговицъ на платьѣ, и тотчасъ же вслѣдъ за этимъ новый потокъ ругательствъ.

— Ахъ, ты, жалкій уродецъ!—Слова сыпались градомъ:— Ты думаешь, я позволю морить голодомъ своего ребенка такой дряни, какъ ты? Придержи языкъ! (послышался жалобный плачъ) не то закачу тебѣ такую порцію, что цѣлую недѣлю будешь облизываться!

Плачъ не прекращался.

Стрѣлочникъ чувствовалъ, какъ билось его сердце тяжелыми неправильными ударами; тѣло его охватила легкая дрожь; глаза были прикованы къ землѣ и ничего не видѣли; рука то и дѣло отводила въ сторону непокорную прядь волосъ, тотчасъ же снова падавшихъ на покрытый потомъ лобъ.

Съ минуту ему казалось, что онъ не совладаетъ съ собою. Судорога напрягала его мускулы, сжимала пальцы въ кулакъ. Потомъ возбужденіе исчезло, смѣнившись тупой усталостью.

Невѣрной походкой, какъ-то волоча ноги, онъ вошелъ въ вымощенныя кирпичомъ сѣни и медленно, вяло поднялся по скрипучей деревянной лѣстницѣ.

— Тьфу, тьфу, тьфу!—прозвучало снова, и слышно было, какъ кто-то три раза подъ рядъ выразилъ свое презрѣніе яростнымъ плевкомъ.—Злая ты, низкая, хитрая тварь! Подлый трусъ! Жалкій дуракъ!—Съ каждымъ словомъ голосъ звучалъ громче и по временамъ прерывался отъ волненія.— Что? ты будешь колотить моего мальчика? Ахъ, ты, гадина! Ты смѣешь бить бѣдное, безпомощное дитя?.. Что?.. Какъ?.. Рукъ только не хочется объ тебя марать, а то бы...

Въ эту минуту Тиль открылъ дверь, и продолженіе застряло въ горлѣ испуганной женщины. Она вся побѣлѣла отъ гнѣва, ротъ ея искривился злою усмѣшкой; она подняла было правую руку, потомъ опустила ее и взялась за горшокъ съ молокомъ, чтобы наполнить рожокъ для ребенка. Но дѣло не ладилось, бо́льшая часть молока проливалась на столъ; она бросила работу на половинѣ и, внѣ себя отъ волненія, хваталась то за одно, то за другое, но ничего не могла удержать въ рукахъ; наконецъ собралась съ духомъ и рѣзко спросила мужа: что́ означаетъ его возвращеніе домой въ такое неурочное время? не шпіонить ли за ней онъ пришелъ? — Этого только недоставало! — воскликнула она и тотчасъ же заявила, что совѣсть ея чиста, и что она всякому можетъ смотрѣть прямо въ глаза.

Тиль почти не слыхалъ, что́ она говорила; бѣглымъ взоромъ онъ окинулъ фигурку плачущаго Товія, и съ минуту казалось, что онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдержать бѣшенство, кипѣвшее въ его груди; потомъ выраженіе лица его смягчилось, замѣнилось обычной флегмой, и только по временамъ глаза украдкой сердито сверкали. Онъ смѣрилъ взглядомъ сильную, плотную фигуру жены. Она сновала по комнатѣ, стараясь не смотрѣть на него, и все еще не могла придти въ себя. Ея полная, полуобнаженная грудь бурно вздымалась отъ волненія; платье было подоткнуто сбоку, и широкіе бока казались еще шире. Отъ этой женщины какъ будто исходила какая-то непобѣдимая, присущая ей сила, и Тиль не чувствовалъ въ себѣ мужества возстать противъ нея.

Легко, словно тонкая паутина, и въ то же время крѣпко, какъ желѣзная сѣть, охватывало его обаяніе этой силы, сковывая, усмиряя, покоряя его душу. Въ такомъ состояніи онъ совсѣмъ не могъ говорить съ ней, не только что браниться, и бѣдный, избитый Товій, тихо всхлипывавшій въ своемъ уголкѣ, долженъ былъ видѣть, какъ отецъ, не обращая больше на него вниманія, взялъ съ лежанки забытую

краюшку хлѣба, протянулъ ее, въ видѣ безмолвнаго объясненія, матери и, разсѣянно кивнувъ головою, снова исчезъ.

III.

Какъ ни спѣшилъ Тиль, возвращаясь въ свою одинокую, затерявшуюся въ лѣсу хижинку, все же онъ не могъ наверстать потеряннаго времени и пришелъ на четверть часа позже обыкновеннаго

Помощникъ его, котораго онъ долженъ былъ смѣнить,—хилый и тщедушный человѣчекъ, получившій чахотку вслѣдствіе рѣзкихъ перемѣнъ температуры, неизбѣжно связанныхъ съ этой службой на открытомъ воздухѣ,—дожидался, уже совсѣмъ готовый, на маленькой, усыпанной пескомъ площадкѣ передъ будкой. Нумеръ ея, крупными цифрами выведенный чернымъ по бѣлому, еще издали бросался въ глаза.

Товарищи пожали другъ другу руки, обмѣнялись нѣсколькими словами и разошлись. Одинъ исчезъ въ дверяхъ будки, другой перешелъ наискось черезъ рельсы и зашагалъ по той самой дорогѣ, по которой пришелъ Тиль. Сначала изъ-за деревьевъ доносился его судорожный кашель; потомъ и этого не стало слышно, и ни одинъ звукъ больше не выдавалъ присутствія человѣка въ этой пустынѣ. Тиль, какъ всегда, началъ по-своему устраиваться на ночь въ своей узкой каменной клѣткѣ; но дѣлалъ онъ это механически: душа его еще не могла освободиться отъ только-что пережитаго впечатлѣнія. Онъ положилъ краюху хлѣба на небольшой, выкрашенный въ черную краску столъ, приставленный къ одному изъ двухъ узкихъ, врѣзанныхъ въ стѣну оконъ, откуда на далекое разстояніе виденъ былъ желѣзнодорожный путь. Потомъ развелъ огонь въ заржавленной печуркѣ и поставилъ горшокъ холодной воды на канфорку; затѣмъ привелъ въ порядокъ посуду и разную хозяйственную утварь, въ родѣ лопаты, заступа, тисковъ и проч., наконецъ принялся чистить свой фонарь и наливать въ лампу свѣжаго керосину.

Когда все было готово, колоколъ тремя рѣзкими ударами, повторившимися черезъ небольшой промежутокъ времени, возвѣстилъ, что съ ближайшей станціи вышелъ поѣздъ на Бреславль. Но стрѣлочникъ не торопился; онъ еще долго провозился надъ лампой, потомъ такъ же спокойно взялъ значокъ и патронташъ, медленно вышелъ изъ будки и лѣниво поплелся по узкой песчаной дорожкѣ. До перехода черезъ рельсы было шаговъ двадцать, не больше; Тиль всякій разъ

добросовѣстно отиралъ и запиралъ ворота, хотя рѣдко кому случалось переходить линію въ этомъ мѣстѣ.

Покончивъ свою работу, онъ прислонился, въ ожиданіи, къ полосатому столбу у воротъ.

Дорога прямой, узкой лентой ложилась направо и налѣво, врѣзываясь въ зеленую чащу лѣса; по обѣ стороны ея разступались высокія угрюмыя сосны, давая мѣсто желѣзнодорожной дамбѣ, усыпанной красноватымъ гравіемъ.

Поднялся вѣтеръ, и зеленое море вершинъ подернулось легкой зыбью. Загудѣли телеграфные столбы по сторонамъ дороги. На проволоки, гигантской паутиной перекинувшіяся отъ одного столба къ другому, чирикая, слетались стаи птицъ. Дятелъ, словно въ насмѣшку, пролетѣлъ надъ самой головой Тиля, но тотъ не удостоилъ его даже взглядомъ. Солнце садилось на горизонтѣ за цѣпью изломанныхъ вершинъ и, прежде чѣмъ потонуть окончательно, заливало сосновый лѣсъ потоками пурпура. По обѣ стороны дамбы высокіе стволы деревьевъ, освѣщенные солнцемъ, пламенѣли, точно раскаленное желѣзо. Рельсы тоже вспыхнули-было на минуту, словно огненныя змѣи, но тотчасъ же и потухли; зарево заката медленно уходило въ высь; сначала сумракъ окуталъ землю, потомъ стволы, потомъ зеленыя короны, вскорѣ только самыя верхушки еще свѣтились красноватымъ отблескомъ. Волшебное представленіе было окончено; занавѣсъ опускался беззвучно и торжественно. Стрѣлочникъ долго еще стоялъ неподвижно, прислонившись къ столбу, потомъ ступилъ шагъ впередъ. На горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходились рельсы, показалась черная точка; она росла съ каждой секундой, но, повидимому, оставалась неподвижной; затѣмъ вдругъ начала приближаться. Рельсы дрогнули и глухо загудѣли; издалека неслись какіе-то тяжелые, ритмическіе звуки: они становились все громче и громче, напоминали собою топотъ копытъ отъ быстро несущагося отряда конницы. Воздухъ и земля стонали отъ тяжелыхъ, прерывистыхъ толчковъ. Мгновеніе—и все слилось въ сплошномъ гулѣ и звонѣ; рельсы выгибались, насыпь дрожала; еще мгновенье, — сильный токъ воздуха, облако дыма, копоти и пыли, — и черное, огнедышащее чудовище было уже далеко. Шумъ постепенно замиралъ вдали. Облако дыма разсѣялось; поѣздъ, уменьшаясь все болѣе, снова обратился въ черную точку и исчезъ на горизонтѣ; надъ лѣснымъ уголкомъ водворилась прежняя святая тишина.

* * *

— Мнина! — прошепталъ стрѣлочникъ, словно пробудившись отъ сна, и пошелъ назадъ въ свою будку. Сваривъ себѣ жиденькій кофе, онъ сѣлъ отдохнуть и, отъ времени до времени подкрѣпляя себя глоткомъ, принялся пробѣгать грязный обрывокъ газеты, подобранный имъ гдѣ-то на линіи.

Мало-по-малу имъ овладѣло странное безпокойство; онъ приписалъ его легкому угару, стоявшему въ комнатѣ отъ сильно натопленной печки, и снялъ мундиръ и жилетку, чтобы облегчить себя; но, видя, что это не помогаетъ, взялъ заступъ въ углу и пошелъ на отведенный ему участокъ земли.

Это была узкая песчаная полоса, густо поросшая сорными травами; два небольшихъ деревца — ея украшенія—всѣ въ цвѣту, были точно покрыты бѣлоснѣжной пѣной.

Тиль успокоился; на душѣ у него стало тихо и легко.

Ну, теперь за работу!

Заступъ со скрипомъ врѣзался въ сырую песчаную почву; комья земли отлетали назадъ и разсыпались въ мелкіе куски. Нѣсколько времени онъ копалъ, не останавливаясь; потомъ вдругъ задумался, налегъ на заступъ и сказалъ громко и внятно, качая головой: «Нѣтъ, нѣтъ, это не годится!» И опять: «Нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не годится!»

Ему пришло на умъ, что Лена теперь будетъ часто приходить сюда, чтобы смотрѣть за полемъ, и привычный строй его жизни неизбѣжно долженъ нарушиться. И чувство радости, вызванное пріобрѣтеніемъ этого куска земли, быстро смѣнилось отвращеніемъ. Поспѣшно, какъ будто уклоняясь отъ начатаго неправаго дѣла, онъ вытащилъ заступъ изъ земли и понесъ его назадъ, въ будку. Здѣсь его опять охватила смутная тревога. Онъ самъ не зналъ почему, но—какъ онъ ни старался примириться съ мыслью, что Лена будетъ проводить здѣсь цѣлые дни — мысль эта съ каждой минутой становилась невыносимѣе. Ему представилось, что ему надо защитить что-то милое и дорогое, что кто-то посягаетъ на его святыню, и, помимо его воли, легкая судорога снова свела въ кулакъ его пальцы, а изъ груди вырвался отрывистый, вызывающій смѣхъ. Испуганный отголоскомъ этого смѣха, онъ поднялъ глаза, и нить его мыслей оборвалась. Но вскорѣ опять углубился въ свои думы.

И вдругъ точно черная, плотная завѣса разорвалась

на-двое передъ его глазами; туманъ, окутывавшій его, разсѣялся, и онъ сталъ видѣть ясно. Онъ почувствовалъ внезапный приливъ бодрости; словно проснувшись отъ тяжелаго двухлѣтняго летаргическаго сна, онъ оглядывался назадъ и недовѣрчиво качалъ головой, припоминая все то возмутительное и ужасное, что онъ терпѣлъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ. Онъ мысленно прослѣдилъ всю исторію страданій своего бѣднаго мальчика, завершившуюся тѣмъ, что было нѣсколько часовъ тому назадъ. Жалость и раскаяніе терзали его душу, а также глубокій стыдъ при мысли, что за все это время онъ ни разу не могъ отрѣшиться отъ своей жалкой покорности и не только не вступался за бѣднаго безпомощнаго ребенка, но даже не смѣлъ себѣ сознаться, какъ тяжело приходится бѣдняжкѣ. Среди этого мучительнаго самобичеванія за всѣ свои грѣхи попустительства, имъ овладѣла сильная усталость, и онъ заснулъ, какъ сидѣлъ, согнувшись, опершись локтемъ на столъ, а головой на руку.

Такъ онъ просидѣлъ довольно долго; по временамъ губы его тихо шептали: «Минна». Въ ушахъ его стоялъ какой-то ревъ и гулъ, словно рокотъ морского прибоя; вокругъ было темно; онъ съ усиліемъ открылъ глаза и проснулся.

Всѣ члены у него ломило, на тѣлѣ выступилъ холодный потъ, ужасъ леденилъ кровь, пульсъ бился неправильно, лицо было мокро отъ слезъ.

Кругомъ—полный мракъ; онъ хотѣлъ взглянуть на дверь и не зналъ, въ какую сторону повернуться. Онъ поднялся, шатаясь; страхъ все еще сжималъ его сердце. Лѣсъ шумѣлъ и волновался, точно море; вѣтеръ завывалъ вокругъ будки; дождь и градъ стучали въ окна. Тиль безпомощно развелъ руки, ощупывая окружающіе предметы. На мгновеніе ему показалось, будто онъ пьянъ, но вдругъ передъ нимъ блеснулъ голубоватый огонекъ, словно лучъ небеснаго свѣта проникъ въ тяжелую и мрачную атмосферу земли. Она тотчасъ же поглотила его, но этого мгновенія было достаточно, чтобы стрѣлочникъ пришелъ въ себя. Онъ потянулся за фонаремъ и по счастью нашелъ его какъ разъ въ ту самую минуту, какъ вдали, гдѣ-то на рубежѣ ночного неба, послышались первые раскаты грома. Сначала глухіе и сдержанные, они перекатывались, росли, близились,— и скоро весь воздухъ наполнился грозными, оглушительными, могучими ударами.

Земля тряслась, стекла звенѣли.

Тиль зажегъ лампу и, овладѣвъ собой, прежде всего посмотрѣлъ на часы. До прибытія скораго поѣзда оставалось меньше пяти минутъ. Думая, что проспалъ сигналъ, онъ пошелъ къ рогаткѣ такъ быстро, какъ только позволяли мракъ и буря; не успѣлъ онъ запереть ворота, какъ раздался звукъ сигнальнаго колокола. Вѣтеръ подхватывалъ звуки и разносилъ ихъ во всѣ стороны. Сосны гнулись и непріятно скрипѣли, толкая другъ друга вѣтвями. На минуту между облаками показался-было мѣсяцъ, подобный блѣдно-золотой, опрокинутой чашкѣ. При свѣтѣ его видно было, какъ вѣтеръ свирѣпо качалъ темныя верхушки сосенъ. Лунный свѣтъ пятнами ложился на линію, и въ этихъ мѣстахъ рельсы, мокрые, омытые дождемъ, ярко блестѣли.

Тиль сорвалъ съ себя шапку и подставилъ подъ дождь свою пылающую голову; капли дождя, смѣшиваясь со слезами, стекали по лицу стрѣлочника: отъ этого становилось легче. Въ головѣ у него скользили смутные обрывки мыслей, неясныя воспоминанія о томъ, что онъ видѣлъ во снѣ; они толпились, сталкивались, обгоняли другъ друга. Ему чудилось, что кто-то обидѣлъ Товія, и такъ ужасно, что и теперь, при одной мысли объ этомъ, у него замирало сердце. Другое видѣніе помнилось явственнѣе. Онъ видѣлъ свою покойную жену; она шла откуда-то издалека, по рельсамъ; видъ у нея былъ жалкій, болѣзненный, вмѣсто платья какія-то лохмотья. Она прошла, не глядя, мимо домика Тиля, но все же онъ не понялъ ясно, почему она прошла какъ будто нехотя, съ большимъ трудомъ, и даже нѣсколько разъ оступилась. Тиль сталъ вдумываться и понялъ наконецъ, что за ней гнались. Это было внѣ всякаго сомнѣнія, иначе зачѣмъ бы ей съ такимъ мучительнымъ страхомъ оглядываться назадъ, зачѣмъ продолжать путь, когда усталыя ноги отказываются служить ей? О, какъ ужасенъ былъ ея взглядъ!

Въ рукахъ она несла что-то завернутое въ платокъ,— что-то блѣдное, окровавленное, недвижное; видъ ея, когда она склонилась надъ нимъ, напомнилъ ему нѣкоторыя сценки изъ прошлаго.

Онъ подумалъ о покойной женѣ, вспомнилъ, какъ она, умирая, не могла оторвать глазъ отъ своего только-что родившагося первенца, котораго такъ скоро должна была покинуть; какъ глядѣла на него взоромъ, полнымъ невыразимой тоски и мѵки: взора этого Тиль не могъ забыть, какъ не могъ забыть, что когда-то у него были отецъ и мать.

Куда она шла? Онъ не зналъ; одно только было для него ясно, что она отреклась отъ него, не обратила вниманія на его мольбы, ускользнула и скрылась во мглѣ этой бурной ночи. А онъ все звалъ ее: «Минна! Минна!» Такъ и проснулся съ ея именемъ на устахъ.

Два круглыхъ, красныхъ огня горѣли во мракѣ, словно два огромныхъ глаза какого-то чудовища. Изъ каждаго глаза падалъ снопъ яркихъ лучей, и въ свѣтѣ ихъ капли дождя казались каплями крови. Чудилось, будто съ неба льется кровавый дождь.

Тилю стало жутко; по мѣрѣ того, какъ приближался поѣздъ, страхъ его все увеличивался; сонъ и дѣйствительность слились для него въ одно цѣлое. Ему все еще представлялось, что по рельсамъ идетъ женщина, и рука его невольно искала патронташа, какъ будто онъ хотѣлъ остановить на всѣхъ парахъ несущійся поѣздъ. Къ счастію, было уже поздно; въ то же мгновеніе въ глазахъ у стрѣлочника зарябило отъ мелькающихъ, освѣщенныхъ вагоновъ, и поѣздъ промчался мимо.

Весь остатокъ ночи Тиль провелъ неспокойно. Его тянуло домой, тянуло взглянуть на маленькаго Товія, начинало казаться, что онъ не видалъ его цѣлые годы, и въ возрастающей тревогѣ за ребенка онъ не разъ порывался уйти съ дежурства. Чтобъ убить время, Тиль, едва только разсвѣло, пошелъ обозрѣвать свой участокъ. Въ грязновато-сѣромъ свѣтѣ занимающагося дня онъ шагалъ по рельсамъ съ палкой въ одной рукѣ и винтовымъ ключомъ въ другой, то укрѣпляя стрѣлку, то ударяя по одному изъ круглыхъ желѣзныхъ болтовъ, связывавшихъ между собой рельсы.

Дождь и вѣтеръ утихли, и межъ разорванныхъ облаковъ тамъ и сямъ выглядывали клочки блѣдно-голубого неба. Однообразный стукъ подошвъ по жесткому металлу вмѣстѣ съ усиливающимся шелестомъ вѣтвей, стряхивающихъ съ себя капли дождя, мало-по-малу успокоили Тиля. Въ шесть часовъ утра онъ смѣнился и, не медля ни минуты, отправился домой.

Было чудное воскресное утро; небо очистилось; облака расцѣпились и постепенно исчезли за линіей горизонта. Восходящее солнце, подобное громадному кроваво-красному карбункулу, проливало цѣлые потоки свѣта на лѣсъ.

Снопы лучей врѣзывались въ чащу деревьевъ, то играя на нѣжной зелени папоротниковъ съ изящными, похожими

на тонкое кружево листами, то обращая въ кораллы серебристо-сѣрые лишаи, прильнувшіе къ корѣ сосенъ.

На иглахъ, стволахъ и травѣ искрились и сверкали капли огненной росы. Словно свѣтовой дождь лился на землю. Свѣжесть, разлитая въ воздухѣ, проникала въ самое сердце: подъ вліяніемъ этого чуднаго утра въ Тилѣ невольно стушевались и поблѣднѣли ночныя видѣнія; когда же онъ вошелъ къ себѣ въ комнату, они совсѣмъ исчезли.

Маленькій Товій лежалъ на его постели и спалъ; щечки мальчика отъ яркаго свѣта казались краснѣе, чѣмъ когда-либо.

Правда, въ теченіе этого дня Лена не разъ замѣчала въ мужѣ присутствіе чего-то новаго, незнакомаго ей: такъ, въ церкви, вмѣсто того, чтобы смотрѣть въ молитвенникъ, онъ все время украдкой разглядывалъ ее; потомъ, послѣ обѣда, когда Товій, по обыкновенію, поднялъ малютку, чтобы нести его гулять на улицу, отецъ, не говоря ни слова, взялъ у него ребенка и положилъ на руки матери. Но, помимо этого, онъ ничѣмъ особеннымъ не проявилъ своего настроенія.

Во весь день Тилю ни разу не удалось прилечь, но въ девять часовъ вечера онъ уже сталъ раздѣваться, такъ какъ на другой день у него было дневное дежурство. Лишь только онъ улегся въ постель, жена объявила ему, что на утро она вмѣстѣ съ нимъ пойдетъ въ лѣсъ, чтобы вспахать поле и засадить его картофелемъ.

Тиль содрогнулся; сонъ у него совсѣмъ прошелъ, но глаза онъ держалъ плотно закрытыми.

Лена говорила, что за картофель давно пора приниматься, если хочешь, чтобы изъ него вышелъ какой-нибудь толкъ, и прибавила, что она возьметъ съ собой и дѣтей, такъ какъ на работу уйдетъ, вѣроятно, цѣлый день. Стрѣлочникъ что-то невнятно пробормоталъ: впрочемъ, Лена и не слушала его. Повернувшись къ нему спиной, она распускала корсетъ и развязывала юбки.

Вдругъ, сама не зная почему, она быстро обернулась и увидала передъ собой землистое, искаженное страстью лицо мужа: полуприподнявшись, опираясь руками на кровать, онъ пожиралъ ее воспаленными, горящими дикимъ огнемъ глазами.

— Тиль! — воскликнула женщина, полугнѣвно, полуиспуганно.

И, подобно лунатику, когда его назовутъ по имени, онъ очнулся отъ своего оцѣпенѣнія, смущенно пролепеталъ нѣ-

сколько словъ извиненія, откинулся на подушки и натянулъ одѣяло на голову.

На слѣдующее утро Лена первая въ домѣ поднялась съ постели. Стараясь не шумѣть, она приготовила все, что было нужно, положила малютку въ дѣтскую колясочку, потомъ разбудила и одѣла Товія. Узнавъ, куда они собираются идти, онъ не могъ не засмѣяться отъ радости. Тиль проснулся, когда все уже было готово, и кофе стоялъ на столѣ. Когда онъ увидѣлъ всѣ эти приготовленія, въ немъ опять шевельнулось непріятное чувство. Онъ охотно помѣшалъ бы ей идти, но не зналъ, съ чего начать. Да и какую причину могъ онъ противопоставить уважительнымъ доводамъ Лены?

Мало-по-малу сіяющее личико Товія сдѣлало свое дѣло. Видя, какъ радуется ребенокъ при одной мысли о предстоящей прогулкѣ, отецъ не рѣшался и думать о сопротивленіи. Тѣмъ не менѣе все время, пока они шли лѣсомъ, какое-то безпокойство не покидало Тиля. Онъ тяжело тащилъ за собою по глубокому песку колясочку малютки, то и дѣло бросая туда цвѣты, собранные по дорогѣ Товіемъ.

Мальчикъ былъ необычайно оживленъ и веселъ; онъ бѣгалъ, прыгалъ, довольно неуклюже гонялся за легкокрылыми, прозрачными стрекозами; его бархатная коричневая шапочка такъ и мелькала между верхушками папоротниковъ. По приходѣ на мѣсто, Лена прежде всего занялась полемъ. Она бросила на траву подъ березами принесенный съ собой мѣшечекъ съ нарѣзанными кусками картофеля, стала на колѣни и запустила въ темный песокъ свои грубые, жесткіе пальцы.

Тиль напряженно наблюдалъ за нею.

— Ну, что, какъ земля?

— Отличная, нисколько не хуже, чѣмъ на прежнемъ участкѣ.

У стрѣлочника отлегло отъ сердца,—онъ боялся, что она будетъ недовольна,—и онъ успокоенно почесалъ себѣ бороду.

Подкрѣпившись толстой краюхой хлѣба, Лена сбросила съ себя платокъ и кофту и принялась копать землю, съ терпѣніемъ и ловкостью машины. Въ равномѣрные промежутки времени она разгибала спину и долгими глотками втягивала въ себя воздухъ; потъ лилъ съ нея градомъ, грудь дышала тяжело и прерывисто; но тотчасъ же она снова принималась за работу, если только не нужно было успокоить и покормить ребенка.

— Мнѣ надо обойти участокъ, я возьму съ собой Товія,— крикнулъ ей, нѣсколько времени спустя, стрѣлочникъ съ платформы передъ будкой.

— Ну, вотъ еще вздоръ! —откликнулась она.—А кто же останется съ ребенкомъ? Сюда пусть идетъ! — прибавила она громче: но стрѣлочникъ, будто не слыша ея словъ, ушелъ вмѣстѣ съ Товіемъ.

Въ первую минуту она рванулась-было за ними, но мысль о потерѣ времени удержала ее. Тиль и Товій были уже далеко. Мальчикъ находился въ сильномъ возбужденіи: все было для него ново, чуждо. Онъ никакъ не могъ понять назначенія этихъ узкихъ, черныхъ, нагрѣтыхъ солнцемъ желѣзныхъ полосъ. Онъ осаждалъ отца самыми странными вопросами: больше всего его поражало гудѣніе телеграфныхъ столбовъ. Тиль же до того прислушался къ нему, что различалъ столбы по звуку и могъ съ закрытыми глазами опредѣлить, въ какой именно части стрѣлки они находятся. Часто, держа Товія за руку, онъ останавливался, внимая этимъ чуднымъ звукамъ, выходившимъ изъ дерева, словно голоса хора изъ запертой церкви. Особенно красивый и полный аккордъ издавалъ столбъ на южномъ концѣ участка. Внутри его какъ будто таилась цѣлая семья звуковъ, стройно и согласно вырывавшихся наружу, и маленькій Товій нѣсколько разъ обѣжалъ вокругъ стараго, обвѣтрившагося столба, стараясь найти отверстіе, чтобы заглянуть внутрь и открыть причину этихъ ласкающихъ звуковъ. Стрѣлочникъ былъ настроенъ благоговѣйно, словно въ церкви. Среди звуковъ онъ отличалъ голосъ, напоминавшій ему голосъ покойной жены. Онъ представилъ себѣ, что слышитъ хоръ райскихъ духовъ, что въ хорѣ участвуетъ и она, и эта мысль наполнила его душу тоской и блаженствомъ, растрогала его до слезъ.

Товію захотѣлось нарвать цвѣтовъ, росшихъ по ту сторону насыпи, и Тиль, какъ всегда, уступилъ ему.

Лѣсныя полянки такъ густо поросли голубыми цвѣтами, что, казалось, кусочки небесной лазури упали въ рощу. Пестрыя бабочки кружились и порхали между ослѣпительно-бѣлыми стволами березъ, а въ нѣжной зелени ихъ листвы стоялъ нескончаемый, тихій шелестъ.

Товій рвалъ цвѣты, а отецъ задумчиво слѣдилъ за нимъ взглядомъ. Порой онъ отводилъ взоръ отъ сына и устремлялъ его въ высь, гдѣ, сквозь промежутки въ листвѣ, синѣло безоблачное, лазурное небо, гигантскимъ, хрустальной

нымъ куполомъ опрокинутое надъ землей, залитой солнечнымъ блескомъ.

— Папа, это Боженька? — вдругъ спросилъ ребенокъ, указывая на коричневую бѣлочку, которая, цѣпляясь когтями за кору, быстро пробѣжала вверхъ по стволу высокой, особнякомъ стоявшей въ сторонкѣ сосны.

— Глупенькій ты! — только всего и отвѣтилъ ему Тиль, а клочки оторванной коры такъ и валились къ ногамъ ребенка.

Вернувшись домой, Тиль и Товій застали Лену еще за работой. Половина поля была уже вскопана.

Поѣзда слѣдовали одинъ за другимъ съ короткими промежутками, и Товій, разинувъ ротъ, слѣдилъ, какъ они пролетали мимо.

Даже мачеха не могла не засмѣяться, — такія уморительныя гримасы онъ корчилъ.

Пообѣдали они въ будкѣ. Обѣдъ состоялъ изъ картофеля и холодныхъ остатковъ вчерашней жареной свинины.

Лена была весела, и самъ Тиль видимо старался примириться съ неизбѣжнымъ. Во время обѣда онъ занималъ жену, разсказывая ей разныя подробности о своей службѣ. Такъ, напримѣръ, онъ спросилъ ее, можетъ ли она себѣ представить, что въ каждомъ рельсѣ однихъ винтиковъ цѣлыхъ сорокъ шесть штукъ.

До обѣда Лена покончила всю работу; послѣ обѣда надо садить картофель. Она настояла, чтобы Товій остался смотрѣть за малюткой, и взяла его съ собой.

— Слѣди хорошенько!.. — крикнулъ ей Тиль, подъ вліяніемъ внезапно охватившаго его смутнаго опасенія: — слѣди, чтобъ онъ не подходилъ близко къ рельсамъ.

Лена въ отвѣтъ только пожала плечами.

* * *

Колоколъ возвѣстилъ о приближеніи силезскаго скораго поѣзда; Тилю пора было идти на свой постъ. Не успѣлъ онъ стать у барьера, какъ поѣздъ уже показался вдали.

Онъ подходилъ ближе, вырисовывался яснѣе; паръ толчками, прерывисто вырывался изъ черной трубы локомотива. Вотъ, одинъ за другимъ, три молочно-бѣлыхъ клуба поднялись прямо вверхъ, словно свѣчи, и въ воздухѣ пронесся свистъ машины. Три свистка, одинъ за другимъ — короткіе, пронзительные, тревожные. «Тормозятъ, — подумалъ Тиль: — зачѣмъ?» А тревожный свистъ послышался

снова, будя далекое эхо; только теперь звуки слѣдовали непрерывно, долгіе, протяжные.

Тиль сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы осмотрѣть стрѣлку: онъ машинально вынулъ изъ футляра красный флагъ и, вытянувъ руку, поднялъ его надъ рельсами. — «Господи Боже! ослѣпъ онъ, что ли? Господи Боже!.. о, Боже, Боже, Боже! Что это тамъ! Тамъ, между рельсами... Это... ой!» — крикнулъ стрѣлочникъ изо всѣхъ силъ. Слишкомъ поздно: темная масса уже подъ локомотивомъ: ее, словно мячикъ, перебрасываетъ отъ одного колеса къ другому. Еще нѣсколько мгновеній, слышится трескъ, скрипъ тормоза — и поѣздъ сталъ.

Пустынная стрѣлка оживилась. Кондуктора и контролеры бѣгутъ по насыпи въ самый конецъ поѣзда. Изъ оконъ выглядываютъ любопытныя лица, возлѣ вагоновъ толпится народъ.

Тиль задыхается, онъ дѣлаетъ надъ собой страшныя усилія, чтобъ удержаться на ногахъ, не свалиться, словно быкъ, убитый наповалъ.

«Что это? Правда ли ему машутъ?—нѣтъ?!»

Вдругъ съ того мѣста, гдѣ случилось несчастіе, доносится страшный крикъ, потомъ какой-то животный ревъ и вой. Чей это голосъ?! Лены?! Это не ея голосъ, а между тѣмъ... Кто-то спѣшитъ къ нему по насыпи.

— Стрѣлочникъ!

— Что случилось?

— Несчастье!..—Посланный въ испугѣ отступаетъ. Глаза у стрѣлочника свѣтятся какимъ-то страннымъ блескомъ, шапка на боку, рыжіе волосы, кажется, шевелятся и приподымаются на головѣ.

— Онъ еще живъ: можетъ-быть, можно еще помочь.

Въ отвѣтъ слышно только хрипѣніе.

— Идите туда. Скорѣй!

Тиль страшнымъ усиліемъ воли приходитъ въ себя: мускулы его напрягаются, онъ весь точно выросъ, лицо его мертвенно-блѣдно.

Онъ бѣжитъ вмѣстѣ съ посланнымъ, не замѣчая блѣдныхъ, испуганныхъ лицъ въ окнахъ вагоновъ. Вотъ выглядываетъ молоденькая женщина, за ней купецъ въ фескѣ: дальше юная парочка, вѣроятно, новобрачные, совершающіе свое свадебное путешествіе. Что ему до нихъ? Онъ и прежде никогда не думалъ о тѣхъ, кто ѣздитъ въ этихъ ящикахъ. До слуха его доносится неистовый ревъ Лены. Передъ глазами у него мелькаютъ и кружатся желтыя точки, словно

свѣтлячки; сколько ихъ — не сосчитать. Вотъ онъ уже на мѣстѣ — и въ ужасѣ отступаетъ назадъ.

Изъ вихря кружащихся свѣтлячковъ выдѣляется что-то блѣдное, окровавленное. Лобъ весь въ подтекахъ, синихъ и коричневыхъ; губы помертвѣли, съ нихъ каплетъ черная кровь. Это онъ, его Товій.

Тиль ничего не говоритъ; лицо его принимаетъ грязно-бѣлый оттѣнокъ, онъ безсмысленно улыбается, потомъ наклоняется и поднимаетъ ребенка; безжизненное вялое тѣло тяжело ложится ему на руки; вокругъ членовъ мальчика обвился красный флагъ.

Тиль хочетъ нести его...

Куда?

— Къ доктору, къ доктору! — слышится вокругъ.

— Мы сейчасъ возьмемъ его съ собой, — кричитъ ему таможенный чиновникъ и наскоро устраиваетъ въ своемъ вагонѣ постель изъ казенныхъ вещей.

— Согласны?

Но Тиль и не думаетъ выпустить изъ рукъ сына. Его убѣждаютъ. Напрасно. Таможенный чиновникъ велитъ достать носилки изъ товарнаго вагона и приказываетъ одному изъ служащихъ помочь отцу.

Время дорого. Кондукторъ даетъ первый свистокъ. Изъ оконъ вагоновъ сыплются монеты.

Лена жестикулируетъ, какъ безумная. «Бѣдная, бѣдная женщина!»—говорятъ въ купе. — Бѣдная мать!

Второй сигналъ. Изъ цилиндра машины со свистомъ вырывается бѣлый клубъ пара; она расправляетъ свои желѣзные мускулы. Еще нѣсколько секундъ, и курьерскій поѣздъ съ удвоенной скоростью мчится по лѣсу.

Стрѣлочникъ успѣлъ уже передумать и кладетъ полумертваго ребенка на носилки. Худенькая фигурка дитяти скорчена; изъ-подъ разорванной рубашки видна костлявая грудь; порою ее приподымаетъ долгій вздохъ, и тогда слышится хрипѣніе. Ручки и ножки не только сломаны въ суставахъ, но совсѣмъ раздавлены и приняли самые неестественные изгибы. Одна изъ пятокъ вывернута впередъ; руки свѣсились съ носилокъ и болтаются, какъ у неживого.

Лена продолжаетъ ревѣть и визжать; съ лица ея исчезли всѣ слѣды былого упорства. Она все повторяетъ одну и ту же исторію, которая должна снять съ нея всякую отвѣтственность за это несчастье.

Тиль, повидимому, не обращаетъ на нее никакого вниманія: глаза его прикованы къ ребенку, въ нихъ выражается смертельный ужасъ и тревога.

Вокругъ тишина, мертвая тишина: нагрѣтые черные рельсы рѣзко выдѣляются на ослѣпительно-бѣломъ гравіи. Къ полудню вѣтеръ стихъ; въ воздухѣ не шелохнетъ; лѣсъ стоитъ, точно окаменѣлый.

Окружающіе тихо шепчутся между собой. Чтобы поскорѣе попасть въ Фридрихсгагенъ, надо вернуться назадъ, на станцію, по направленію къ Бреславлю; ближайшій поѣздъ, скорый пассажирскій, не останавливается на слѣдующей станціи, болѣе близкой къ Фридрихсгагену.

Тиль какъ будто раздумываетъ, идти ли ему съ ними. Въ данную минуту замѣнить его по службѣ некому. Движеніемъ руки онъ велитъ женѣ взяться за носилки. Она не смѣетъ противиться, хотя ее тревожитъ малютка, оставшійся безъ всякаго присмотра. Носилки ей помогаетъ нести какой-то незнакомый человѣкъ. Тиль провожаетъ ихъ до границы своего участка, потомъ остается одинъ и долго смотритъ имъ вслѣдъ. И вдругъ ударяетъ себя ладонью плашмя по лбу, такъ что отголосокъ удара разносится далеко вокругъ.

Онъ хочетъ разбудить себя. «Это, вѣрно, сонъ, какъ и вчера». — думается ему. Напрасно. Кое-какъ, шатаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ добѣжалъ до будки и ничкомъ повалился на полъ. Шапка его покатилась въ уголъ, заботливо оберегаемые часы выпали изъ кармана, крышка отскочила, стекло разбилось. Чьи-то желѣзные пальцы давили ему затылокъ такъ крѣпко, что онъ не могъ двинуться хотя всѣми силами, охая и стеная, старался освободиться. Лобъ у него былъ холодный, глаза сухіе, во рту горѣло.

Его вывели изъ забытья звуки сигнальнаго колокола. Подъ впечатлѣніемъ привычныхъ трехъ ударовъ, онъ стряхнулъ съ себя оцѣпенѣніе, нашелъ силу подняться и исполнить свою обязанность. Правда, ноги его были тяжелы какъ свинецъ, а рельсы вертѣлись передъ его глазами, словно спицы огромнаго колеса, осью котораго была его голова; но все же онъ былъ въ состояніи хоть нѣсколько времени продержаться на ногахъ и сдѣлать, что надо.

Подходилъ пассажирскій поѣздъ. Товій долженъ былъ находиться тамъ, въ одномъ изъ вагоновъ. По мѣрѣ его приближенія какое-то облако застилало глаза Тиля. Подъ конецъ онъ видѣлъ только раздавленнаго ребенка съ окро-

вавленнымъ ротикомъ. Потомъ все смѣшалось, и наступила ночь.

Нѣсколько времени спустя обморокъ прошелъ, и онъ очнулся. Онъ лежалъ на горячемъ пескѣ, возлѣ самой рогатки. Онъ поднялся на ноги, стряхнулъ песчинки, приставшія къ платью, выплюнулъ ихъ изо рта. Головѣ его стало немного полегче, онъ могъ спокойнѣе думать и разсуждать.

Вернувшись въ будку, онъ прежде всего поднялъ часы и положилъ ихъ на столъ. Несмотря на толчокъ при паденіи, они не остановились. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ считалъ минуты и секунды, представляя себѣ въ то же время, что теперь происходитъ съ Товіемъ. Вотъ пришелъ поѣздъ; вотъ Лена у доктора. Онъ смотритъ, изслѣдуетъ ребенка и качаетъ головой:

«Плохо, очень плохо — но, кто знаетъ? можетъ - быть...» Онъ щупаетъ еще.—«Нѣтъ... нѣтъ, все кончено».

— Кончено, кончено! — простоналъ несчастный отецъ; но потомъ выпрямился и крикнулъ, дико вращая глазами, безсознательно сжимая въ кулаки вытянутыя руки, голосомъ, отъ котораго дрогнули стѣны маленькой комнатки:

— Онъ долженъ, долженъ жить! Говорю тебѣ, онъ долженъ жить! — Съ этими словами онъ сильно толкнулъ дверь; она распахнулась, навстрѣчу ему ворвалось зарево заката, но онъ не видалъ его; онъ уже мчался назадъ, къ рогаткѣ. Здѣсь онъ простоялъ нѣсколько минутъ, какъ вкопанный, потомъ вышелъ на середину насыпи и широко разставилъ руки, словно желая задержать что-то, двигающееся въ одномъ направленіи съ послѣднимъ пассажирскимъ поѣздомъ. Глаза его, широко раскрытые, производили впечатлѣніе глазъ слѣпого.

Отступая назадъ, словно что-то надвигалось на него, онъ невнятно бормоталъ сквозь зубы:

— Ты... слышишь ты?.. Останься... ты... послушай же... оставь... отдай его... онъ весь разбитъ, весь синій и темный... да, да... хорошо... я такъ разобью и ее... слышишь ли?.. Оставь же... отдай его мнѣ назадъ!

Что-то какъ будто прошло мимо него; онъ повернулся и пошелъ въ другомъ направленіи, точно преслѣдуя кого-то.

— Ты, Минна! — Голосъ его звучалъ жалобно, какъ у маленькаго ребенка. — Минна, слышишь?.. Отдай мнѣ его... я... — Онъ хваталъ руками воздухъ, словно пытаясь удер-

жать кого-то. — Женушка... я... тогда я ее тоже... тоже изобью... до синяковъ... тоже... и потомъ... ножомъ... видишь?.. Тѣмъ, что въ кухнѣ... кухоннымъ ножомъ ударю ее. — и она околѣетъ... А потомъ... да, кухоннымъ ножомъ... да... черная кровь!..

По угламъ рта у него выступила пѣна; зрачки были словно стеклянные и не переставали двигаться.

Легкій вечерній вѣтерокъ приносилъ съ собой ароматное дыханіе лѣса: на западѣ виднѣлось яркое розовое облачко.

Около ста шаговъ прошелъ онъ такъ, преслѣдуя невидимое нѣчто, потомъ вдругъ остановился, словно робость сковала его члены. Вся его фигура выражала смертельный ужасъ; руки были протянуты впередъ: онъ заклиналъ, молилъ. Потомъ онъ напряженно вперилъ взоръ въ пространство и заслонилъ глаза рукой отъ свѣта, словно стараясь разсмотрѣть вдали что-то невидимое, безплотное. Спустя нѣсколько минутъ руки его опустились, напряженное выраженіе лица смѣнилось тупо-безучастнымъ: онъ повернулся и побрелъ назадъ тою же дорогой, какою пришелъ.

Послѣдніе лучи солнца еще золотили лѣсъ, потомъ и они потухли: стволы сосенъ просвѣчивали между иглами, словно блѣдная, истлѣвшая кость, а вершины казались нависшимъ на нихъ слоемъ грязно-бураго ила. Гдѣ-то долбилъ клювомъ дятелъ, нарушая тишину.

Съ холоднаго, отливавшаго сталью небосклона исчезло послѣднее запоздалое облачко. Вѣтеръ обдавалъ холодомъ, точно изъ погреба; стрѣлочникъ весь прозябъ и дрожалъ. Все было какъ-то ново и чуждо для него. Онъ не зналъ, гдѣ онъ и зачѣмъ онъ идетъ. Черезъ дорогу перебѣжала бѣлка, и стрѣлочникъ, самъ не зная почему, вспомнилъ, что это, по народному повѣрью, дурной знакъ.

Онъ повторилъ это про себя нѣсколько разъ, монотонно, внимательно, стараясь добраться до смысла. Потомъ лучъ свѣта блеснулъ въ его мозгу, и онъ перебилъ самъ себя: «Но, Боже мой, это безуміе!» Забывъ обо всемъ остальномъ, онъ ополчился противъ этого новаго врага и попытался привести въ порядокъ свои мысли. Тщетно! Въ головѣ его царилъ полный хаосъ. Онъ ловилъ себя на самыхъ нелѣпыхъ представленіяхъ и ужасался, сознавая свое безсиліе.

Изъ сосѣдней березовой рощи послышался крикъ ребенка. Это былъ сигналъ къ бѣшенству. Почти противъ воли онъ побѣжалъ туда и нашелъ малютку, оставленнаго и забытаго

всѣми; ребенокъ барахтался въ колясочкѣ и плакалъ; тюфячокъ его свалился на землю. Чего онъ хочетъ? Что влекло его сюда? Цѣлый вихрь мыслей и чувствъ закружился въ его головѣ.

Да, и это видѣніе и это дурное предзнаменованіе — теперь онъ зналъ, что это значило. «Товій... она убила его... Лена... онъ былъ оставленъ на ея попеченіи... мачеха, жестокая, безсовѣстная мачеха!.. А ея отродье живо!..» Онъ заскрежеталъ зубами: ему казалось, что вокругъ него плаваетъ какой-то красный туманъ; сквозь туманъ этотъ свѣтилась только пара дѣтскихъ глазокъ, да между пальцами онъ чувствовалъ что-то пухлое, мягкое. Чей-то хрипъ и клокотанье, и одновременно съ этимъ рѣзкіе, свистящіе звуки, происхожденія которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить, рѣзнули его по уху.

Что-то кануло въ его мозгъ, словно капля расплавленнаго сургуча; оковы, давившія его душу, распались, и онъ пришелъ въ сознаніе. Въ воздухѣ дрожали отголоски сигнальнаго звона.

Тогда онъ вдругъ понялъ, что хотѣлъ сдѣлать,— и разжалась рука его, сжимавшая горло ребенка. Тотъ шевельнулся, втянулъ въ себя воздухъ и началъ кашлять и кричать.

«Онъ живъ, слава Богу, онъ живъ!» Стрѣлочникъ оставилъ ребенка, какъ онъ былъ, въ колясочкѣ и поспѣшилъ къ рогаткѣ. Низко, надъ самой линіей стлались клубы дыма; вѣтеръ пригибалъ ихъ къ землѣ. Слышно было пыхтѣнье машины, неровное, прерывистое, словно дыханіе больного гиганта.

Холодныя сумерки окутывали окрестность. Нѣсколько мгновеній спустя облака дыма разсѣялись, и стрѣлочникъ узналъ поѣздъ, утромъ отвозившій песокъ на станцію. На пустыхъ платформахъ возвращались рабочіе, поправлявшіе насыпь на линіи. Поѣздъ шелъ, не торопясь и постоянно останавливаясь, чтобы забрать съ собой или высадить кое-гдѣ еще доканчивавшихъ починку рабочихъ. Тормозить начали еще задолго до будки Тиля. Тишина была нарушена: поднялся трескъ, скрипъ, послышался лязгъ желѣза и грохотъ цѣпи, потомъ особый, рѣзкій, протяжный звукъ, и поѣздъ остановился. На платформахъ ѣхало до пятидесяти работниковъ и работницъ. Всѣ почти стояли; изъ мужчинъ нѣкоторые были безъ шапокъ. На всемъ лежалъ отпечатокъ какой-то загадочной торжественности. Завидя

стрѣлочника, рабочіе начали перешептываться между собой. Старики повынимали трубки изъ желтыхъ зубовъ и въ знакъ почтенія держали ихъ въ рукахъ. Тамъ и сямъ женщины отворачивались, чтобы высморкаться. Кондукторъ спрыгнулъ на землю и подошелъ къ Тилю. Рабочіе видѣли, какъ онъ торжественно пожалъ Тилю руку, и какъ послѣ этого Тиль медленно, по-военному, твердымъ шагомъ, пошелъ къ послѣднему вагону. Никто изъ рабочихъ не осмѣливался заговорить съ нимъ, хотя знали его всѣ.

Изъ послѣдняго вагона вынесли маленькаго Товія.

Онъ былъ мертвъ.

За нимъ вышла Лена: лицо у нея было изжня-блѣдное: глаза обведены темными кругами.

Тиль не удостоилъ ее взглядомъ, но она испугалась при видѣ своего мужа. Щеки его впали, волосы на усахъ и бородѣ спутались и слипались, проборъ казался шире, и на головѣ какъ будто прибавилось сѣдинъ. По всему лицу видны были слѣды засохшихъ слезъ, а въ глазахъ бѣгали огоньки, внушавшіе ей непобѣдимый ужасъ. Привезены были и носилки, чтобы перенести тѣло. Было какъ-то жутко. Съ минуту стояла полная тишина. Глубокая, тупая покорность овладѣла Тилемъ. Темнѣло.

На желѣзнодорожную насыпь забралось стадо косуль. Козелъ, предводительствовавшій ими, остановился по самой серединѣ, между рельсами, и любопытно осматривался вокругъ, поворачивая во всѣ стороны свою выгнутую шею. Но послышался свистъ машины, — и быстрѣе молніи онъ исчезъ, вмѣстѣ со своимъ стадомъ.

Какъ только поѣздъ тронулся, Тиль замертво повалился на землю.

Поѣздъ опять остановился. Стали держать совѣтъ, какъ быть, что дѣлать. Рѣшено было на время перенести мертваго ребенка въ сторожевую будку, а безжизненнаго отца, котораго никакъ не удавалось привести въ сознаніе, на носилкахъ отнести домой.

Такъ и сдѣлали. Двое рабочихъ понесли носилки: за ними шла Лена; не переставая всхлипывать и обливаясь слезами, она толкала передъ собой по песку колясочку малютки.

Изъ-за стволовъ сосенъ выглядывалъ мѣсяцъ, словно гигантское огненное ядро. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становился меньше и блѣднѣе. Скоро онъ, подобно лампадѣ, повисъ надъ лѣсомъ: въ каждую скважину и щель

между вѣтвями пробирались его лучи, и матовый блескъ ихъ придавалъ лицамъ идущихъ призрачную блѣдность.

Быстро, но осторожно шагали носильщики сначала сквозь густую молодую поросль, потомъ мимо большихъ правильныхъ порубокъ, окаймленныхъ высокими деревьями. Больной отъ времени до времени хрипѣлъ или начиналъ бредить, но чаще всего онъ сжималъ кулаки, не открывая глазъ, и пытался приподняться. Переправиться черезъ Шпрее оказалось довольно трудно; пришлось возвращаться второй разъ за Леной и ребенкомъ. Когда шествіе подымалось по береговому откосу, навстрѣчу попалось нѣсколько жителей мѣстечка, тотчасъ же разнесшихъ повсюду вѣсть о случившемся несчастіи. Вся колонія поднялась на ноги.

При видѣ знакомыхъ, Лена опять принялась вопить и жаловаться.

Больного съ трудомъ втащили по узкой лѣстницѣ въ домъ и тотчасъ же уложили въ постель. Рабочіе, не отдыхая, отправились обратно, за тѣломъ Товія.

Старые, опытные люди посовѣтовали холодные компрессы, и Лена ревностно принялась за дѣло. Она мочила сложенные платки въ холодной, какъ ледъ, ключевой водѣ и мѣняла компрессъ, лишь только онъ согрѣвался на пылающемъ лбу стрѣлочника. Она тревожно слѣдила за дыханіемъ больного; съ каждой минутой, казалось ей, онъ дышалъ ровнѣе и правильнѣе.

Усталость и треволненія этого дня сильно утомили ее, и она рѣшила уснуть немного, но не могла. И съ открытыми и съ закрытыми глазами она постоянно видѣла передъ собой страшныя картины пережитаго. Малютка спалъ; противъ обыкновенія, сегодня она мало думала о немъ. Вообще она стала совсѣмъ другая. Прежняго упрямства не осталось и слѣда. Теперь больной мужъ, съ безкровнымъ, блестящимъ отъ пота лицомъ и въ обморокѣ, властвовалъ надъ нею.

Облако закрыло мѣсяцъ; въ комнатѣ стало темно; Лена слышала только тяжелое, но ровное дыханіе мужа. Она раздумывала, не зажечь ли свѣчу; въ темнотѣ ей было какъ-то не по себѣ. Она хотѣла встать, но въ эту минуту руки и ноги ея упали, словно налитыя свинцомъ, вѣки закрылись, и она заснула.

Черезъ нѣсколько часовъ, когда вернулись рабочіе съ тѣломъ маленькаго Товія, они нашли дверь открытою настежь. Удивленные этимъ обстоятельствомъ, они поднялись

по лѣстницѣ въ верхнюю горницу, дверь которой также оказалась отворенной.

Вездѣ было темно. Стали звать хозяйку, неоднократно называя ее по имени, но отвѣта не было; наконецъ чиркнули объ стѣну спичкой, и вспыхнувшій огонекъ освѣтилъ страшную картину.

— Убійство, убійство!

Лена плавала въ крови, съ разбитымъ черепомъ; лицо ея было неузнаваемо.

— Онъ убилъ свою жену! Онъ убилъ свою жену!

Всѣ съ растерянным видомъ метались по комнатѣ. Пришли сосѣди, одинъ изъ нихъ заглянулъ въ колыбель— и отступилъ, блѣдный, съ застывшимъ отъ ужаса взоромъ.— «Господи Боже!» Ребенокъ лежалъ мертвый, съ перерѣзаннымъ горломъ.

Стрѣлочникъ исчезъ; его тотчасъ же отправились разыскивать, но въ эту ночь поиски оказались безуспѣшными. На утро стрѣлочникъ, пришедшій на дежурство, нашелъ его сидящимъ между рельсами, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ локомотивомъ переѣхало Товія.

Въ рукѣ онъ держалъ коричневую бархатную шапочку и все время гладилъ и ласкалъ ее, словно живое существо.

Дежурный задалъ ему нѣсколько вопросовъ, но отвѣта не получилъ и скоро убѣдился, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ.

Онъ оповѣстилъ объ этомъ сторожа при блокгаузѣ, а тотъ по телеграфу далъ знать на станцію, чтобы прислали помощь.

Сначала на Тиля пытались подѣйствовать лаской, убѣждая его сойти съ рельсовъ, но это было напрасно.

Скорый поѣздъ, проходившій въ это время, долженъ былъ остановиться, и только съ помощью всего персонала служащихъ на станціи помѣшаннаго еле-еле удалось силою стащить съ насыпи; онъ все время вырывался и неистовствовалъ.

Пришлось связать его по рукамъ и по ногамъ и, подъ конвоемъ вызваннаго по телеграфу жандарма, препроводить въ Берлинъ, въ домъ предварительнаго заключенія, откуда, впрочемъ, его въ тотъ же день перевели въ госпиталь, въ отдѣленіе буйныхъ умалишенныхъ. Но и тамъ онъ не выпускалъ изъ рукъ коричневой шапочки и оберегалъ ее съ невыразимой нѣжностью и заботой.

АПОСТОЛЪ.

Переводъ З. Н. Журавской.

Въ «Стрѣлочникѣ Тилѣ» Гауптманъ далъ опытъ изслѣдованія бурнаго человѣческаго аффекта, душевнаго взрыва, изступленія, приводящаго къ кровавой катастрофѣ. Какъ бы намѣренно онъ берется въ «Апостолѣ» (Der Apostel) за контрастъ, за другую половину этой художественно-психологической задачи. Здѣсь передъ читателемъ мирное, внѣшне такое спокойное религіозное помѣшательство, завершающееся экстазомъ маніи величія.

«Апостолъ» (1890 г.)—превосходный психопатологическій разсказъ, предлагающій зрѣлище души, вышедшей изъ-подъ власти воли и стремящейся по наклонной плоскости къ тому безумію, которое, съ одной стороны, несомнѣнно есть достояніе психіатріи, съ другой—даетъ высшія прозрѣнія и рождаетъ экстазъ подвига.

Предъ читателемъ — образъ человѣка съ великимъ и сильнымъ духомъ, плѣненнаго красотою апостольства и спускающагося съ горъ идеализма въ долины земли. Потрясенный страданіями человѣчества и грязью міра, облекшійся въ рясу аскета, онъ идетъ принести людямъ «единственное, волшебное, драгоцѣнное слово «миръ». Благороднѣйшая и великая идея овладѣла имъ до маньячества. Его мысль путается. Его сны назойливо переплетаются съ дѣйствительностью. Онъ на шагъ отъ совершенно необузданнаго визіонерства. Плѣнительный образъ Христа болѣзненно отожествляется имъ съ собственнымъ «я».

И онъ кончаетъ уже явнымъ и безспорнымъ безуміемъ. Въ звонѣ колоколовъ онъ слышитъ голосъ Бога Отца, говорящаго къ нему,—Своему Сыну.

Если на «Стрѣлочникѣ Тилѣ» несомнѣнны вліянія Зола, то на «Апостолѣ» надо искать вліяній на Гауптмана сѣверныхъ писателей,—нашихъ Достоевскаго и Толстого и, пожалуй, Ибсена («Брандъ»). Чисто-сѣверная нѣжность, чуткость, напряженность исканія правды и святости обвѣваетъ этотъ чудесный разсказъ нѣмецкаго писателя. Завѣты Достоевскаго и Толстого чувствуются въ героѣ Гауптмана, борющемся на пути ранить хоть что-нибудь, что имѣло жизнь», хотя бы комара или букашку, питающаго жалость къ сорванному цвѣтку, проникнутаго трогательно-поэтическимъ обожаніемъ природы. Въ самой мечтѣ насажденія «святого, безцѣннаго, всесвѣтнаго мира» на землѣ, освобожденія человѣчества отъ убійства и крови, обжорства и пьянства—слышится то трепетаніе сердца колоссовъ сѣвернаго творчества, какое только въ слабой степени отражено въ литературахъ нѣмецкой и французской.

Если искать въ собственныхъ произведеніяхъ Гауптмана сходствъ и подобій, то до извѣстной степени «Апостолъ» послужилъ прототи-

помъ для литейщика Генриха изъ «Потонувшаго колокола». Не было бы трудности указать положительно параллельныя мѣста въ этихъ двухъ произведеніяхъ, которыя съ несомнѣнностью показали бы, что, сознательно или помимовольно, въ умѣ Гауптмана эти два образа моментами соприкасались.

Анализъ тихаго религіознаго помѣшательства сдѣланъ молодымъ Гауптманомъ съ мастерствомъ и красотою. Послѣдовательная побѣда больного вышедшею изъ береговъ фантазіей, поработившею его разсудокъ, показана съ мѣткостью истиннаго художника-психолога. Одинъ изъ нѣмецкихъ критиковъ готовъ отдать «Апостолу» предпочтеніе предъ «Двойникомъ» Достоевскаго и гоголевскими «Записками сумасшедшаго». Нѣмецкій критикъ взялъ слабѣйшую патологическую работу Достоевскаго и произведеніе Гоголя, признанное русскими психіатрами далекимъ отъ научности и правды романовъ Достоевскаго. Сравненіе это не приходится признать удачнымъ, и его можно не оспаривать. Что касается лучшихъ патологическихъ вещей Достоевскаго, то самъ по себѣ совершенный разсказъ Гауптмана все же далекъ отъ ихъ мучительной глубины. Изъ позднѣйшихъ вещей къ гауптмановскому «Апостолу», алчущему чуда, можно приблизить героя разсказа Леонида Андреева: «Жизнь Василія Фивейскаго».

Сюжетъ «Апостола» напрасно было бы отнести къ области чистой фантазіи. У каждаго въ памяти найдется не одно газетное сообщеніе о такихъ «Христахъ», время отъ времени появляющихся съ проповѣдью то на площадяхъ городовъ Америки, то на улицахъ Вѣны или Мюнхена, и въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ подходящихъ подъ то психологическое объясненіе, какое дастъ Гауптманъ въ своемъ разсказѣ. Бартельсъ даже называетъ возможный прототипъ «Апостола» въ лицѣ нѣкоего Іоганна Гутцейта. Это не совсѣмъ точно. По крайней мѣрѣ самъ Гауптманъ по поводу такого упрека заявлялъ печатно, что въ своихъ произведеніяхъ онъ чуждъ портретности.

Беллетристическіе пріемы Гауптмана во второмъ разсказѣ однородны съ пріемами перваго, и такъ же до странности мало въ его манерѣ угадывается будущій драматургъ. Здѣсь уже полное отсутствіе діалога,—сплошь описательная форма.

Интересно отмѣтить двѣ черты Гауптмана, какъ новеллиста, которыя выдѣляютъ его изъ разсказчиковъ его поры положительно въ ряды новыхъ беллетристовъ. Всѣ описанія природы, всѣ картины разсказа онъ пропускаетъ съ удивительной выдержанностью сквозь призму больного мечтателя, все это окрашиваетъ его восторженнымъ настроеніемъ и настолько властно подчиняетъ ему читателя, что онъ невольно какъ бы переносится въ атмосферу чуднаго утра Троицына дня въ окрестностяхъ Цюриха. Этотъ прекрасный пріемъ, всего ярче создающій настроеніе, съ такою рѣшительностью провозглашенъ только въ послѣднее десятилѣтіе.

Другая черта, какою Гауптманъ не менѣе далеко обогналъ современность,—это сокращеніе внѣшней характеристики героя, устраненіе дѣловыхъ подробностей его прошлаго и настоящаго,—вплоть до умолчанія объ его имени,—«оголеніе психологіи» въ интересахъ цѣльности захвата читателя только внутреннимъ міромъ своего героя. Это тоже характерный пріемъ модернистовъ.

Справедливо замѣчаніе Вернера, что, выступивъ разъ въ жизни въ качествѣ разсказчика, Гауптманъ словно хотѣлъ создать образцы для двухъ видовъ современной новеллы: мрачно-реалистическаго, проник-

нутаго голодной нуждой или ужасомъ, и такого, который весь слагается изъ настроеній и душевныхъ аккордовъ, по временамъ до того прозрачныхъ и духовныхъ, что въ памяти не остается никакого образа, хотя Гауптманъ придалъ и имъ пластически-художественную видимость.

Со стороны техники «Апостолъ» много совершеннѣе «Тиля». Мастерство беллетриста навсегда осталось за Гауптманомъ. Былой беллетристъ чувствуется въ тѣхъ многочисленныхъ и часто истинно-художественныхъ ремаркахъ, которыя онъ дѣлаетъ для актера въ своихъ драмахъ. Въ изобиліи онѣ испещрили раннія его драмы, и что посейчасъ Гауптманъ не считаетъ этого ошибкой начинающаго драматурга, мы видимъ изъ того, что одна изъ совсѣмъ недавнихъ пьесъ, какъ «Роза Берндъ», пестритъ такими примѣчаніями ничуть не меньше, чѣмъ «Предъ восходомъ солнца» или «Праздникъ мира».

АПОСТОЛЪ.

Въ Цюрихъ онъ пришелъ поздно вечеромъ. Комнатка подъ крышей въ «Голубѣ», немного хлѣба и чистой воды на сонъ грядущій—вотъ и все, что было ему нужно.

Онъ спалъ неспокойно и недолго; въ пятомъ часу утра онъ уже былъ на ногахъ. У него болѣла голова. Онъ приписывалъ это вчерашнему переѣзду по желѣзной дорогѣ. Для того, чтобы выдерживать такія поѣздки, надо имѣть не нервы, а веревки. Онъ ненавидѣлъ желѣзныя дороги, эту вѣчную стукотню, шумъ и трескъ, безпрестанную смѣну картинъ; онъ ненавидѣлъ ихъ и вмѣстѣ съ ними большинство такъ-называемыхъ благодѣяній такъ-называемой культуры.

Одинъ уже туннель Сенъ-Готарда—настоящая пытка. Сидѣть неподвижно въ вагонѣ, при свѣтѣ мерцающей лампочки, и знать, что надъ твоей головой высится страшная каменная громада... А тутъ еще этотъ стукъ, наполняющій уши, потрясающій мозгъ. Отъ такой пытки можно сойти съ ума! Трудно повѣрить, что съ нимъ сдѣлалось, какой страхъ на него напалъ, когда этотъ шумъ на минуту прекратился, и потомъ вдругъ снова поднялся неистовый трескъ и топотъ, точно цѣлый адъ бѣшено ринулся на него... Нѣтъ, никогда въ жизни не поѣдетъ онъ больше черезъ Готардъ!

У человѣка только одна голова на плечахъ. Стоитъ ей помутиться немного, стоитъ подняться тамъ этому гудѣнію, точно въ пчелиномъ ульѣ — и дьяволъ останется доволенъ: все выйдетъ изъ границъ, потеряетъ равновѣсіе и, точно съ цѣпи сорвавшись, своевольно бросится вразсыпную.

Всю ночь это его мучило, теперь, должно-быть, перестанетъ. Ясное, холодное утро сдѣлаетъ свое дѣло. Впрочемъ, отсюда онъ пойдетъ въ Германію уже пѣшкомъ.

Онъ умылся и одѣлся. Завязывая ремни сандалій, онъ

бѣгло припомнилъ, какъ онъ додумался до этого костюма, отличавшаго его отъ всѣхъ другихъ людей; передъ нимъ прошла фигура мейстера Диффенбаха. Потомъ однимъ скачкомъ онъ погрузился въ дѣтство: онъ увидѣлъ себя самого идущимъ въ школу, въ такъ-называемомъ нормальномъ костюмѣ; изъ-за прилавка аптеки выглядывала плѣшивая голова отца и добродушно подсмѣивалась надъ формой сына. Недаромъ мать говорила всегда, что ужъ папа-то не заболѣетъ ипохондріей. Изъ-за лысины старика выдвинулось молоденькое женское личико. Какая чудовищная разница! Странно, что онъ раньше не замѣчалъ этого.

Сандаліи были укрѣплены. Поверхъ бѣлой фланелевой рясы онъ опоясался веревкой и повязалъ шнурокъ вокругъ головы.

Въ сѣняхъ гостиницы висѣло старое зеркало. Проходя мимо, онъ на мгновенье остановился поглядѣть на себя. Дѣйствительно — онъ имѣлъ видъ апостола. Длинные бѣлокурые волосы; густая, рыжая, клинообразная борода; смѣлое, строгое и въ то же время безконечно кроткое лицо; бѣлая монашеская ряса, не стѣсняющая свободы движеній его красиваго, стройнаго, гибкаго, закаленнаго солдатской выправкой тѣла.

Онъ съ удовольствіемъ оглядывалъ себя. Почему бы и нѣтъ? Отчего бы ему и не восхищаться самимъ собой? Вѣдь восхищается же онъ природой на каждомъ шагу, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Вѣдь, странствуя по свѣту, онъ все время переходитъ отъ чуда къ чуду, и вещи, незамѣтныя для другихъ, вызываютъ въ немъ священный трепетъ.

Къ тому же это нововведеніе, въ сущности, только дополняетъ костюмъ. Легко можно подумать, что шнурокъ на головѣ повязанъ, чтобы поддерживать волосы. Не всякій замѣтитъ, что онъ походитъ на вѣнчики вокругъ ликовъ святыхъ. Да святыхъ и нѣтъ больше, или, лучше сказать: ореолъ святости подобаетъ каждому созданію природы, даже самому маленькому цвѣточку или жучку, и только глазъ профана не замѣтитъ вокругъ всего живущаго этого сіянія святости.

Улица была еще пустынна. Только солнце обливало ее своими лучами; тамъ и сямъ на землю ложились длинныя, слегка косыя тѣни домовъ. Онъ свернулъ въ узкій боковой проулокъ и вскорѣ очутился между лугами съ одной стороны и фруктовыми садами съ другой.

Изрѣдка попадался старомодный домикъ, съ остроконечной

крышей, съ узенькимъ, сплошь заросшимъ цвѣтами палисадникомъ; потомъ опять шли луга и виноградники. Мѣстами воздухъ былъ напоенъ благоуханіемъ бѣлаго жасмина, голубой бузины и темно-красной лакфіоли, и онъ съ наслажденіемъ впивалъ въ себя этотъ воздухъ, чистый и крѣпкій, будто настоенное на пряностяхъ вино.

Съ каждой минутой онъ чувствовалъ себя свободнѣе.

Природа имѣла для него неодолимо-притягательную силу; оглядываясь кругомъ, онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто изъ сердца у него вынули занозу. Окружающій свѣтъ разсѣялъ мракъ его души. Желтыя головки львинаго зѣва, подобно безчисленнымъ маленькимъ солнцамъ, выглядывавшія изъ молоденькой травки по краямъ дороги, почти ослѣпляли его. Косые лучи солнца, прорѣзывая цвѣточный дождь, ниспадавшій съ фруктовыхъ деревьевъ, золотыми блестками ложились на лугъ. Березы испускали сладкій медовый запахъ. Столько жизни, довольства и трудолюбія сказывалось въ звонкомъ жужжаніи раннихъ пчелокъ!

По пути онъ заботливо избѣгалъ уничтожить или повредить что-нибудь, въ чемъ таилась жизнь. Онъ обходилъ каждаго маленькаго жучка, осторожно отгонялъ отъ себя надоѣдливую осу. Онъ любилъ братской любовью даже мухъ и комаровъ, и убить хотя бы обыкновеннѣйшую капустную гусеницу казалось ему тяжкимъ преступленіемъ.

Онъ подбиралъ въ пыли полуувядшіе цвѣты, брошенные дѣтскими руками, съ тѣмъ, чтобы гдѣ-нибудь поставить ихъ въ воду. Самъ онъ никогда не рвалъ ни розъ ни фіалокъ, ибо терпѣть не могъ вѣнковъ и букетовъ; онъ любилъ видѣть каждую вещь на своемъ мѣстѣ.

На душѣ у него было легко и спокойно. Жалѣлъ онъ только о томъ, что не можетъ видѣть самъ себя. Онъ, съ его величавой осанкой, раннимъ утромъ взбирающійся на гору: зрѣлище это могло бы вдохновить великаго художника. И мысленно онъ уже видѣлъ картину...

Онъ оглянулся, — не было ли поблизости какого-нибудь человѣческаго существа, чтобы полюбоваться имъ. Но ни души не было видно.

А странный шумъ и голоса--не то въ ушахъ, не то въ головѣ—онъ самъ не могъ хорошенько опредѣлить, гдѣ именно—опять давали себя чувствовать. Это мучило его уже нѣсколько недѣль. Навѣрное, это приливы крови къ мозгу. Надо бѣгать, напрягать мускулы, заставить кровь быстрѣй бѣжать по жиламъ...

И онъ ускорилъ шаги.

Мало-по-малу онъ поднялся такъ высоко, что крыши домовъ оказались далеко внизу, у его ногъ. Онъ стоялъ спокойно и отдыхалъ, любуясь всѣмъ этимъ великолѣпіемъ. Оно потрясало его. Онъ былъ глубоко растроганъ. Долго впивался онъ восхищеннымъ взоромъ въ прекрасную даль, долго обводилъ имъ окрестность. Напротивъ высилась гора; ея морщинистые, изрытые трещинами склоны до самой вершины поросли нѣжной и густой, какъ щетка, травой. Въ глубинѣ долины синѣло озеро, съ отлогими, похожими на зеленый коверъ, берегами: вездѣ, куда простиралась живительная сила воды, росли цвѣты. Отдѣльные домики, виллы и цѣлыя деревни тонули въ зелени; окна блестѣли электрическимъ блескомъ: красныя крыши и башенки сверкали на солнцѣ.

Только на югѣ, вдали, вода и небо сливались вмѣстѣ въ серебристый туманъ: но и сквозь него, вырѣзываясь тонкими очертаніями на блѣдно-голубомъ фонѣ воздуха, расплывчатой серебряной цѣпью бѣлѣли снѣговыя вершины горъ.

На нихъ остановился его пристальный взоръ и покоился долго-долго. Когда онъ отвелъ наконецъ глаза, въ душѣ его не осталось никакой твердости. Все какъ-то ослабѣло и размягчилось. Слезы и рыданія душили его.

Онъ пошелъ дальше.

Сверху, оттуда, гдѣ начиналась уже полоса буковъ, до него донесся крикъ кукушки: двѣ нотки равномѣрно и монотонно звенѣли въ воздухѣ, то умолкая на минуту, то раздаваясь снова. Онъ шелъ дальше, раздумывая о самомъ себѣ.

Мистическое настроеніе, охватившее его подъ вліяніемъ природы, не было для него новостью, но никогда еще оно не имѣло такой власти надъ нимъ, какъ сегодня. Чувство природы видимо становилось въ немъ сильнѣе и глубже. Ничего не могло быть естественнѣе; изъ-за этого еще нечего было предаваться ипохондріи. Впрочемъ, и безъ того его мысли и чувства начинали снова крѣпнуть, принимать формы и укладываться стройными рядами. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ все попрежнему стало ясно и твердо въ его душѣ.

Онъ остановился и опять оглядѣлся вокругъ. Теперь его привлекалъ городъ внизу—привлекалъ и вмѣстѣ отталкивалъ. Онъ казался ему какимъ-то сѣрымъ, отвратительнымъ струпомъ, случайно занесеннымъ въ этотъ рай и распространявшимъ заразу вокругъ.

Повсюду высились каменныя громады, убивая скудную растительность, окружавшую ихъ.

Онъ понялъ, что человѣкъ—самый опасный изъ гадовъ. Да, это внѣ сомнѣнія: города—не что иное, какъ злокачественные наросты цивилизаціи. Видъ ихъ вызывалъ въ немъ боль и отвращеніе.

Дойдя до буковъ, онъ опустился на землю. Вытянувшись во всю длину, прижавшись головой къ землѣ, онъ вдыхалъ въ себя запахъ почвы и травъ; передъ глазами у него прозрачной стѣной стояли зеленые стебли. Блаженное чувство переполняло его душу — чувство безконечной любви, опьяняющаго счастья. Стволы буковъ казались ему серебряными колоннами. Надъ нимъ шумѣлъ и волновался зеленый навѣсъ листвы, пронизанной солнечными лучами. Вокругъ него все радовалось, ликовало, пѣло и смѣялось. Онъ закрылъ глаза и весь отдался наслажденію...

Въ памяти его встали опять грезы ночи. Сначала какая-то странная тревога, біеніе сердца, потомъ возбужденное состояніе, вызывавшее въ мозгу образы, происхожденія которыхъ онъ не могъ себѣ объяснить. Наконецъ пришло и воспоминаніе. Сумерки. Безконечная пыльная улица въ Италіи; знойное дыханіе еще не остывшей, раскаленной земли. Съ поля возвращаются крестьяне: мужчины, женщины, дѣти — загорѣлые, въ пестрыхъ лохмотьяхъ; ихъ жгучіе черные глаза горятъ болѣзненной жаждой вѣры. По обѣимъ сторонамъ улицы бѣдныя, покосившіяся хижины. Въ воздухѣ стоитъ звонъ колоколовъ, призывающихъ къ вечерней молитвѣ. Самъ онъ, покрытый пылью, усталый, жаждущій, голодный, медленно идетъ улицей, а по сторонамъ ея люди падаютъ на колѣни, молитвенно складывая руки. Онъ кротокъ и великъ.

Все время, пока онъ лежалъ, эта картина стояла у него передъ глазами. Тревога, радость, священный трепетъ передъ Божествомъ бушевали въ его груди. Онъ поднялся, равный Богу.

Но, открывъ глаза, изумился: видѣніе мгновенно исчезло, разсѣялось, какъ смерчъ.

Въ глубинѣ лѣса онъ заглянулъ въ свое сердце и призвалъ себя къ отвѣту. Онъ упрекалъ себя за безумныя грезы, но онѣ являлись помимо его желанія и воли. Яркость этихъ грезъ пугала его,—но, быть-можетъ, его страхъ не имѣлъ основаній.

А между тѣмъ страхъ терзалъ его все сильнѣе, хотя

теперь ему было уже совершенно ясно, что бояться нечего.

Они дѣйствительно чтили его, какъ святого, эти итальянцы, жители селеній, черезъ которыя онъ проходилъ. Они приносили ему своихъ дѣтей для благословенія. Почему же ему не благословлять? Вѣдь благословляютъ же священники. У него есть, что дать, и больше, чѣмъ у нихъ. Онъ давалъ одно слово—единственное дивное слово-алмазъ: Миръ! Это слово онъ и принесъ людямъ; въ немъ было заключено все—все...

Запахъ крови висѣлъ надъ міромъ. Пролитая кровь—знакъ битвы. Шумъ этой битвы онъ слышалъ непрестанно, наяву и во снѣ. Братья убивали братьевъ, сестры—сестеръ. А онъ любилъ ихъ всѣхъ и, видя, какъ они ярятся, ломалъ руки въ отчаяніи и скорби.

Чтобы голосъ его гремѣлъ, какъ громъ—вотъ чего страстно желалъ онъ. Въ самый разгаръ битвы стать на скалѣ, на виду у всѣхъ, и крикнуть, и подать знакъ. Предостеречь отъ братоубійства, указать путь къ миру. Это—его долгъ, велѣніе его совѣсти.

Онъ знаетъ этотъ путь. Къ нему ведутъ ворота съ надписью на нихъ: Природа.

Ревность о счастіи людей и мужество вытѣснили страхъ изъ его сердца. Онъ шелъ, самъ не зная куда, проповѣдуя въ Духѣ, и говорилъ:

— Вы обжоры и пьяницы. На трапезахъ вашихъ вы, какъ людоѣды, пожираете трупы животныхъ. Перестаньте бражничать! Перестаньте, нечестивые, убивать живыхъ тварей! Пусть вашей пищей будутъ плоды земли! Возьмите ваши пуховыя постели, шелковыя одѣяла, дорогую мебель и платья, снесите все въ одну кучу и бросьте туда факелы, чтобы всепожирающее пламя поднялось до самаго неба. А потомъ, когда сдѣлаете это, приходите ко мнѣ—приходите всѣ труждающіеся и обремененные и слѣдуйте за мной! Я поведу васъ въ страну, гдѣ буйволъ и тигръ пасутся рядомъ, гдѣ змѣи лишены яда, а пчелы—жалъ. Тамъ умретъ въ васъ ненависть и будетъ жить вѣчная любовь.

Сердце его переполнилось. Бурнымъ, неудержимымъ потокомъ хлынули изъ устъ его рѣчи укора, утѣшенія и мольбы. Все его тѣло дрожало въ страстномъ порывѣ. Съ невыразимой силой охватила его потребность излить свою душу, переполненную жаркой любовью. Онъ долженъ былъ проповѣдывать, хотя бы цвѣтамъ и птицамъ. Онъ чувство-

валъ, что сила его рѣчи должна быть неотразима. Стоитъ ему сказать слово— и эта бѣлка, что такъ беззаботно перепрыгиваетъ съ одного дерева на другое, спустится внизъ и покорно прильнетъ къ его ногамъ. Онъ зналъ это, зналъ навѣрное, какъ знаютъ, что камень, брошенный въ воздухъ, долженъ упасть на землю. Въ немъ была всемогущая сила—сила истины.

Лѣсъ неожиданно кончился.

Ослѣпленный, почти испуганный, словно пробудившись отъ крѣпкаго сна, онъ оглядѣлся вокругъ. Но воображеніе его не переставало работать. Шаги его какъ-то сразу приняли опредѣленное направленіе. Отъ опушки лѣса дорога круто спускалась внизъ; онъ почти бѣгомъ сбѣжалъ по ней.

Самъ онъ себѣ представлялся солдатомъ, бѣгущимъ на приступъ. Остановиться было трудно. Сильное, быстрое движеніе что-то будило въ его груди: какую-то дикую радость, безумное воодушевленіе.

Потомъ пришло сознаніе, и онъ съ ужасомъ увидалъ себя опрометью сбѣгающимъ съ горы. Что-то въ немъ стремилось удержать его, загородить ему дорогу; но море уже прорвало плотину. Въ глубинѣ его души притаились, подавленные этимъ напоромъ, удивленіе, испугъ, какой-то безыменный ужасъ.

Тѣло его точно стало ему чужимъ и неистовствало, какъ бѣшеное. Онъ билъ въ ладоши, скрежеталъ зубами, топалъ ногами по землѣ. Онъ смѣялся — смѣялся все громче и громче, и никакъ не могъ остановиться.

Внезапно онъ вздрогнулъ и пришелъ въ себя. Замирая отъ ужаса, онъ стоялъ, охвативъ стволъ молодой липы. Потомъ пошелъ дальше, но уже осторожно и все опасаясь, что *то* страшное, невѣдомое вернется. Но мало-по-малу у него на душѣ опять стало свободнѣе и легче, и въ концѣ концовъ онъ самъ началъ смѣяться надъ своимъ страхомъ.

Приближаясь къ первымъ домамъ города, подъ мѣрный звукъ своихъ шаговъ, онъ вспомнилъ свой полкъ и военную службу. Какъ часто, будучи лейтенантомъ, вступалъ онъ въ города, во главѣ своего отряда, подъ звуки боевого марша, съ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія въ сердцѣ. И едва успѣлъ онъ подумать объ этомъ, какъ въ ушахъ его уже загремѣла сильная, рѣзкая музыка, столько разъ опьянявшая его восторгомъ фанатика. Подъ вліяніемъ этой музыки, онъ невольно двигался въ тактъ, гордо неся голову и выпрямивъ грудь. На губахъ его играла побѣдо-

носная улыбка, глаза свѣтились оживленіемъ. Онъ маршировалъ, какъ въ былое время, прислушиваясь къ тому, что творилось у него въ головѣ, и удивлялся, что такъ ясно отличаетъ каждый звукъ, каждую ноту, звукъ каждаго инструмента, вплоть до заключительнаго потрясающаго аккорда литавровъ и тарелокъ. Онъ самъ не зналъ—радоваться ему такой силѣ воображенія или пугаться ея. Безъ сомнѣнія, эта была особая способность. Талантъ къ музыкѣ у него былъ врожденный. Въ этой области онъ бы навѣрное могъ создать великое. Сколько вообще заглохло въ немъ силъ и способностей!.. Впрочемъ, это все равно. Всѣ искусства безсмысленны и вредны. У него другія задачи, болѣе важныя.

Навстрѣчу ему шла дѣвушка, въ голубомъ ситцевомъ платьѣ, съ розовымъ платочкомъ на груди, съ жестянкой въ рукѣ, наполненной, повидимому, молокомъ. Онъ скользнулъ по ней взглядомъ и замѣтилъ, какъ она при видѣ его остановилась и раскрыла глаза отъ изумленія; потомъ тихонько, съ почтительной ноткой въ голосѣ, пожелала ему добраго утра. Онъ сдержанно и серьезно поблагодарилъ ее и прошелъ мимо.

Все въ немъ какъ-то сразу замерло. Онъ въ одно мгновеніе точно переросъ головой свои прежнія мелкія чувства и мысли. Въ ушахъ его еще раздавались какіе-то звуки, но это уже не была земная мелодія. Онъ испытывалъ такое чувство, какъ будто шелъ по водѣ, не погружаясь. Онъ самъ себѣ представлялся такимъ великимъ и могучимъ, что долженъ былъ самъ себѣ проповѣдывать смиреніе. И при этомъ невольно вспоминалъ вступленіе Христа въ Іерусалимъ и слова: «Смотри: се Царь твой грядетъ къ тебѣ, кроткій...»

Онъ чувствовалъ, что дѣвушка нѣсколько минутъ смотрѣла ему вслѣдъ. Почему-то онъ все время старался держаться, по возможности, середины дороги, даже и тогда, когда, завернувъ за уголъ, попалъ въ большую, свѣтлую, идущую по наклону улицу. Словно подчиняясь какому-то принужденію, онъ внутренно еще и еще повторялъ: «Се Царь твой грядетъ къ тебѣ».

Ему чудились дѣтскіе голоса, пѣвшіе эти слова. Они вертѣлись у него на языкѣ, слышались ему въ невнятномъ шумѣ его собственнаго дыханія. Съ ними сливались крики: «Осанна!», шелестъ пальмовыхъ вѣтвей, возгласы радости и ликованія; вокругъ — блѣдныя, восторженныя лица. Потомъ, внезапно—снова тишина, одиночество.

Онъ съ изумленіемъ поднялъ глаза. Кругомъ — точно пустыя кулисы. Направо и налѣво — каменные дома, сонные, спокойные, безмолвные. Онъ обвелъ вокругъ себя испытующимъ взглядомъ. Дома стояли прочно, картина не исчезала, и мало-по-малу его душевный міръ началъ подчиняться вліянію дѣйствительности. Онъ точно отрезвился, сдѣлался опять маленькимъ, обыкновеннымъ.

Тамъ и сямъ отворялись окна, выглядывала голова служанки, вытряхивали коверъ. Студентъ съ черными волосами и пухлыми губами,—видимо, русскій,—сидя на подоконникѣ, вертѣлъ папироску. Улица постепенно оживлялась. Онъ шелъ, потупивъ глаза, но украдкой все время наблюдалъ за тѣмъ, что происходило. Нерѣдко ему случалось подмѣчать веселую или дерзкую улыбку. Часто удивленіе прогоняло насмѣшку. Но онъ проходилъ—и опять звучалъ смѣхъ за его спиной, и вдогонку ему посылались язвительныя, колкія рѣчи.

Подъ градомъ этихъ насмѣшекъ и уколовъ, его радужное настроеніе съ каждымъ шагомъ блекло, замѣнялось обыкновеннымъ, будничнымъ. Спазма сжимала ему горло. Въ груди просыпалось знакомое чувство горькой, безнадежной тоски. Толстой стѣной, непреодолимой преградой вставала передъ нимъ ужасная слѣпота людская.

Но теперь ему казалось, что лгать самому себѣ безполезно. Очевидно, онъ только мелкая, узкая, пошлая натура. Всѣ эти гоненія и насмѣшки—заслуженныя: онъ получаетъ только должное. Минутами ему становилось до боли стыдно, точно его изобличили во лжи, и хотѣлось убѣжать на край свѣта, куда-нибудь скрыться, спрятаться, вообще какъ-нибудь положить конецъ своей жизни.

Будь онъ теперь одинъ, онъ тотчасъ сорвалъ бы этотъ шнурокъ, обвивавшій его голову на подобіе сіянія вокругъ ликовъ святыхъ, и сжегъ бы его. Онъ сгоралъ отъ стыда; ему казалось, что на головѣ у него дурацкій колпакъ.

Теперь онъ шелъ по безконечному лабиринту узкихъ, извилистыхъ переулковъ, куда не проникало солнце. Его вниманіе привлекло окошко пекарни, заваленное булками. Онъ открылъ стеклянную дверь и вошелъ. Булочникъ и булочница удивленно смотрѣли на него; онъ ничего не сказалъ, выбралъ маленькій хлѣбецъ и вышелъ.

У дверей уже собралось нѣсколько человѣкъ любопытныхъ, какая-то старуха, дѣти, мальчишка изъ мясной лавки съ лоткомъ на плечѣ. Онъ бѣгло окинулъ взглядомъ ихъ

лица; въ нихъ не было ничего дерзкаго; они разступились и дали ему дорогу.

Съ какимъ выраженіемъ всѣ они смотрѣли на него! Прежде всего булочникъ съ женой... Какъ будто онъ взялъ хлѣбецъ не для того, чтобы съѣсть его, но чтобы сотворить съ нимъ чудо. Эти люди ждали его у дверей? Вѣдь должна же быть какая-нибудь причина! И теперь этотъ шопотъ и топотъ сзади. Зачѣмъ они бѣгутъ за нимъ? Зачѣмъ преслѣдуютъ его?

Онъ напряженно прислушивался и скоро понялъ, что за нимъ бѣжитъ толпа дѣтей. Онъ наискось переходилъ улицы, пересѣкалъ маленькія площади со старыми колодцами, нарочно возвращался назадъ и мѣнялъ направленіе, но свита дѣтей неотступно слѣдовала за нимъ.

Зачѣмъ они бѣжали за нимъ, не довольствуясь тѣмъ, что видѣли его? Или ждали отъ него бо́льшаго? Надѣялись узнать отъ него нѣчто новое, необычное, чудесное? И мнилось: этотъ однотонный, торопливый топотъ дѣтскихъ ногъ говоритъ о твердой вѣрѣ,—больше того: объ увѣренности. И вдругъ ему стало ясно, почему пророки, истинно великіе и чистые люди, такъ часто подъ конецъ становились низкими обманщиками. Имъ вдругъ овладѣла жгучая потребность сдѣлать что-нибудь необычайное, сотворить чудо, и величайшій позоръ казался ему ничѣмъ въ сравненіи съ сознаніемъ своего безсилія.

Онъ успѣлъ уже дойти до набережной, а дѣти все бѣжали за нимъ. Нѣкоторыя бѣжали рысью, тѣ, что̀ постарше, дѣлали непомѣрно большіе шаги, чтобы поспѣть за нимъ. Перебрасывались между собой отрывистыми словами, благоговѣйнымъ шопотомъ, какъ въ церкви. До сихъ поръ ему не удалось разобрать, что̀ они говорили между собой. Потомъ вдругъ онъ совершенно явственно разслышалъ слова: «Іисусъ Христосъ».

Какое-то волшебство было въ этихъ словахъ. Они дали ему подъемъ, новыя силы; онъ чувствовалъ себя возрожденнымъ.

Надъ Іисусомъ смѣялись, били Его, плевали Ему въ лицо, пригвоздили Его къ кресту. Презрѣніе и насмѣшки — награда пророковъ. Его собственныя страданія такъ ничтожны, что о нихъ не стоитъ и думать. Мелкіе, трусливые булавочные уколы. Только нѣженка можетъ погибнуть отъ нихъ.

Онъ здѣсь для борьбы. По ранамъ узнаютъ побѣдителя. Гоненія, насмѣшки, издѣвательства—да есть ли на свѣтѣ

лучшіе, высшіе знаки отличія?! Съ такими знаками отличія на груди можно смотрѣть гордо и смѣло. И кромѣ того «изъ устъ дѣтей и младенцевъ совершилъ Ты хвалу».

Передъ лоткомъ торговки апельсинами онъ остановился. Пріостановились и дѣти; съ крыльца ратуши глазѣла на него толпа зѣвакъ. Онъ охотно купилъ бы себѣ фруктовъ безъ всякихъ разговоровъ. Но люди эти напряженно ждали отъ него слова; онъ робѣлъ и смущался. Вѣрное чувство подсказывало ему, что надо щадить ихъ иллюзію, что отъ того, какъ и что онъ скажетъ, будетъ зависѣть, послѣдуютъ ли за нимъ его слушатели или, обманутые въ своихъ надеждахъ, отвернутся отъ него. Избѣжать этого было невозможно: словоохотливая торговка слишкомъ много болтала и разспрашивала; надо было наконецъ заговорить.

При первыхъ же звукахъ своего голоса онъ успокоился и ободрился; въ нихъ было что-то глубокое и пѣвучее, какое-то величавое и вмѣстѣ грустное достоинство, которое— онъ былъ въ томъ убѣжденъ—должно было произвести впечатлѣніе. Онъ никогда еще не слыхалъ у себя такого голоса; онъ говорилъ и самъ наслаждался своей рѣчью, какъ пѣвецъ своимъ пѣніемъ. На мосту, о сваи котораго бились зеленовато-синія волны озера, онъ опять остановился. Перегнувшись черезъ перила, онъ впивалъ въ себя свѣтъ, краски и свѣжесть утра. Рѣзкій, бодрящій вѣтеръ, подымавшійся съ озера, развѣвалъ ему бороду по плечамъ, освѣжалъ голову и грудь, словно холодная ванна.

Подъ вліяніемъ этого радостнаго, смѣлаго подъема духа въ немъ складывалось твердое рѣшеніе. Время приспѣло. Неизбѣжное должно было свершиться. Онъ чувствовалъ въ себѣ силу встряхнуть человѣчество. Да! они могутъ смѣяться, и гнать, и презирать его,—все же онъ освободитъ ихъ — всѣхъ, всѣхъ!

Онъ испытующимъ взоромъ заглянулъ въ свою душу. Что это должно случиться, было несомнѣнно; какъ — это надо было еще обдумать. Сегодня празднуютъ Троицынъ день: это хорошо. Въ этотъ день Духъ Святой огненными языками сошелъ на апостоловъ. Праздничное настроеніе обусловливаетъ воспріимчивость. Въ такіе дни души людей подобны вспаханной и подготовленной нивѣ.

Онъ все болѣе и болѣе углублялся въ свою душу, пока не достигъ той области, гдѣ все было далеко, высоко, безконечно. Онъ весь ушелъ въ этотъ второй міръ своей души и двигался безсознательно, словно во снѣ. Изъ всего окру-

жающаго до сознанія его доходилъ только топотъ маленькихъ дѣтскихъ ногъ позади.

Шумъ ихъ шаговъ постепенно усиливался, какъ будто къ немногимъ, бѣгущимъ за нимъ, присоединились другіе. Онъ становился все громче и громче, словно изъ единицъ образовывались сотни, а изъ сотенъ—тысячи.

Это привлекло его вниманіе: теперь ему уже казалось, что за нимъ галопируетъ цѣлое войско.

Отъ сотрясенія земли мурашки бѣгали у него по ногамъ, отъ пятокъ къ лодыжкамъ. Онъ слышалъ позади себя прерывистое, свистящее дыханіе, горячій, торопливый шопотъ. Онъ слышалъ возгласы ликованія, отрывистые, сдержанные; но все же они разносились далеко вокругъ и замирали вдали, подобно эху.

Онъ хорошо зналъ, что это значило. Но онъ не ожидалъ, чтобы оно пришло такъ поразительно скоро. Гордое чувство власти надъ этой толпой вливалось жгучей волной въ его жилы, и сознаніе неизмѣримой, неслыханной отвѣтственности давило его не тяжеле, чѣмъ шнурокъ на его головѣ. Вѣдь онъ, *онъ* былъ ихъ вождемъ. И зналъ, какой дорогой вести ихъ. Радостный порывъ его души говорилъ ему, что близокъ часъ, когда онъ дастъ имъ то конечное счастье міра, котораго люди-слѣпцы столько вѣковъ искали напрасно, утопая въ крови.

Онъ шелъ впереди—наконецъ! А по пятамъ его, словно морскія волны, стремились народы. Глаза милліардовъ людей были съ упованіемъ обращены на него. Послѣдній, кто смѣялся надъ нимъ, давно умолкъ. Послѣдній, кто презиралъ его, сдѣлался мнѣомъ.

Онъ шелъ впереди, шелъ по направленію къ горамъ. Тамъ, наверху, былъ предѣлъ; за нимъ лежала земля, гдѣ счастье вѣчно покоилось въ объятіяхъ мира. Уже и теперь это счастье охватило его съ такою силой, что онъ понялъ, какіе желѣзные мускулы надо имѣть, чтобы вынести его.

Онъ обладалъ ими, онъ былъ атлетомъ. Онъ жилъ каждымъ нервомъ, расправляя крылья, наслаждаясь собственной силой.

Ему пришла охота поиграть скалами и деревьями. Но за нимъ шумѣли шелковыя знамена; его настигала, спѣша и волнуясь, необъятная масса людей.

Они звали, манили къ себѣ, кивали ему; черныя, синія, красныя знамена рѣяли въ воздухѣ; бѣлокурые локоны

женщинъ развѣвались по вѣтру; темныя и сѣдыя головы склонялись; нервно вздымались упругіе мускулы на обнаженныхъ рукахъ; очи, горящія чистымъ пламенемъ вѣры, были возведены къ небу или устремлены на него—на него, идущаго впереди.

И вотъ наконецъ онъ выговорилъ тихо, едва слышно, священныя, завѣтныя слова: «Миръ всего міра!» Но они было услышаны и переходили изъ устъ въ уста. Надъ толпой стоялъ ропотъ умиленія и торжества; издалека вѣтеръ принесъ первые аккорды начинающагося хорала. Глухо рокотали трубы, робко и тихо пѣли человѣческіе голоса; но вдругъ точно пала преграда, и къ небу вознеслась громкая, побѣдная пѣснь, словно тысячи органовъ загремѣли разомъ. Пѣснь эта была вся—жизнь, вся—буря; но мелодія была старая, знакомая ему: «Хвалите Господа съ небесъ!»

Онъ пришелъ въ себя. Сердце его стучало, какъ молотокъ. Онъ готовъ былъ разрыдаться. Передъ глазами у него мелькали какія-то бѣлыя точки. Весь онъ былъ точно разбитый.

Онъ опустился на скамью и началъ ѣсть купленный имъ хлѣбецъ. Потомъ очистилъ апельсинъ и приложилъ холодную корку къ пылающему лбу. Самый плодъ онъ съѣлъ съ благоговѣніемъ.

Руки его устало опустились. Ему хотѣлось бы отдохнуть немного, уснуть. Да, если бы это было такъ легко! Какъ отдыхать, когда въ головѣ шумитъ, а мысли бродятъ и волнуются безъ конца; когда сердце рвется наружу; какая-то сила неудержимо тянетъ въ невѣдомую даль; когда у человѣка есть миссія, которую онъ долженъ выполнить, — а люди ждутъ его, ломаютъ себѣ головы, не понимая, зачѣмъ онъ медлитъ. Какой тутъ отдыхъ и сонъ, когда необходимо дѣйствовать!

Онъ переживалъ тяжелое состояніе. Все вопросы, вопросы,—и всегда безъ отвѣта. Сѣрая, томительная пустота и по временамъ какія-то болѣзненныя паузы въ мышленіи. Ему вспомнились такъ-называемые колодцы-журавли. Тамъ бываетъ иногда то же: вы стоите, дергаете изо всей силы за веревку, но колесо упрямо не хочетъ вертѣться. Вы упираетесь тверже, дергаете сильнѣе. Ведро необходимо вытащить. Вы задыхаетесь отъ жажды. А колесо не подается—ни взадъ ни впередъ. Это было мученіе, пытка,—почти физическое страданіе. Послышались шаги — онъ

обрадовался имъ, какъ избавленію. Богъ ты мой! Что за фантазія въ самомъ дѣлѣ—спать теперь!

Онъ всталъ, дивясь, какимъ образомъ онъ очутился въ своей камерѣ, и отворилъ дверь въ коридоръ. Онъ зналъ, что тамъ за дверью стоитъ его мать, и надо впустить ее. Она вошла и смотрѣла на него съ изумленіемъ, сіяя радостью; губы ея дрожали, она молитвенно сложила руки. Онъ возложилъ ей руки на голову, сказалъ:—«встань!»—и вотъ—она встала и пошла. И когда она выпрямилась, онъ понялъ, что это не мать его, а *Онъ*—страдалецъ изъ Назарета. Онъ не только исцѣлилъ Его, онъ Его оживилъ. Погребальныя пелены еще обвивали тѣло Іисуса. Онъ подошелъ къ Нему вплотную и вошелъ въ Него. Въ этотъ моментъ раздалась неописуемая дивная музыка. Онъ совершенно ясно чувствовалъ, какъ таинственнымъ образомъ тѣло Іисуса растворяется въ его тѣлѣ. Онъ увидѣлъ учениковъ, искавшихъ Его. Изъ нихъ выдѣлился Петръ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Учитель!

— Это Я,—былъ отвѣтъ.

Петръ подошелъ ближе, совсѣмъ близко, дотронулся до своего глазного яблока и началъ вертѣть его: апостолъ вертѣлъ земной шаръ. Насталъ часъ показаться народу. Онъ вышелъ на балконъ. Внизу волновалась толпа, и сквозь шумъ и ропотъ человѣческаго моря одинъ единственный тоненькій дѣтскій голосокъ пѣлъ: «Христосъ воскресъ!»

Но только запѣлъ голосокъ, какъ желѣзная рѣшетка балкона подалась впередъ...

Онъ сильно испугался, вскочилъ, протеръ глаза и понялъ, что заснулъ на скамьѣ.

Было, должно-быть, около полудня. Онъ хотѣлъ опять подняться наверхъ, въ буковый лѣсъ, чтобы выждать время. Тамъ, съ высоты небесъ, его благословитъ солнце.

Онъ сталъ подниматься на гору. Воздухъ былъ попрежнему чистъ и прохладенъ. Птицы пѣли хвалы Творцу. Небо казалось блѣдно-голубымъ, опрокинутымъ хрустальнымъ колпакомъ. Все было такъ ново, такъ непорочно!

И самъ онъ былъ не тотъ, что прежде, — новый. Онъ взглянулъ на свою руку — это была рука Бога. А какъ свободенъ и чистъ былъ его духъ! А эта непринужденность движеній всѣхъ членовъ его тѣла, эта полная внутренняя увѣренность и отсутствіе угрызеній! Раздумье и сомнѣнія были теперь далеко! Онъ сострадательно улыбался, думая

о философахъ здѣшняго міра. Всѣ ихъ мудрыя измышленія такъ же мало могутъ создать что-нибудь, какъ не можетъ ребенокъ подняться на воздухъ съ помощью однѣхъ только своихъ маленькихъ ручекъ.

Нѣтъ, нѣтъ: для этого нужны крылья,—широкія, могучія крылья орла и сила Бога!

Онъ несъ въ головѣ словно драгоцѣнный алмазъ гигантской величины, освѣщавшій яркимъ свѣтомъ всѣ темныя пропасти и бездны: мракъ исчезалъ при его приближеніи... Наступалъ разсвѣтъ истины, знанія.

Въ церквахъ зазвонили въ колокола. Могучіе звуки понеслись въ пространство. Казалось, воздухъ заговорилъ на своемъ собственномъ языкѣ.

И онъ слегка наклонился впередъ, прислушиваясь къ этому звону, точно къ голосу стараго друга: вѣдь это былъ Богъ Отецъ, говорящій со Своимъ Сыномъ.

Оглавленіе

I ТОМА.

I. Соціальныя драмы и проза.

	стр.
Гергартъ Гауптманъ, этюдъ проф. *И. А. Котляревскаго*	3
Предъ восходомъ солнца	27
Ткачи	107
Бобровая шуба	181
Красный пѣтухъ	243
Возчикъ Геншель	305
Роза Бернд̀ъ	371

II. Проза.

Стрѣлочникъ Тиль	443
Апостолъ	477

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

ГЕРГАРТА ГАУПТМАНА.

Съ критическимъ очеркомъ Н. А. Котляревскаго, предисловіями А. А. Измайлова и съ приложеніемъ портрета Гергарта Гауптмана.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф МАРКСЪ, Измайл. пр., № 29.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

Семейная катастрофа въ трехъ дѣйствіяхъ.

Переводъ В. М. Саблина.

Это произведеніе было благоговѣйно посвящено Теодору Фонтану, здравствующему. Посвящаю его теперь памяти отшедшаго.

Герартъ Гауптманъ.

«Праздникъ мира» (Das Friedensfest) открываетъ въ собраніи сочиненій Гауптмана циклъ «семейныхъ драмъ» (Familiendramen), въ который входятъ еще: «Одинокіе», «Коллега Крамптонъ» и «Михаэль Крамеръ».

«Праздникъ мира» по времени написанія всего лишь вторая пьеса Гауптмана. Она появилась черезъ годъ послѣ «Предъ восходомъ солнца», въ началѣ 1890 года, въ журналѣ «Свободная сцена», и въ іюнѣ того же года прошла послѣднимъ представленіемъ сезона въ театрѣ общества Свободной сцены. Въ томъ же году въ берлинскомъ Лессингъ-театрѣ она имѣла большой успѣхъ.

Она названа авторомъ «Семейной катастрофой» (eine Familienkatastrophe) и посвящена извѣстному писателю Теодору Фонтану, какъ данъ почтительной благодарности молодого автора старому художнику, который первый призналъ крупный талантъ въ написавшемъ драму Лота и Елены.

Драмѣ предпосланъ слѣдующій эпиграфъ изъ Лессинга, устанавливающій здравый взглядъ на драматическое дѣйствіе: «Въ каждомъ драматическомъ произведеніи они (плохіе критики) видятъ дѣйствіе только тамъ, гдѣ любовникъ упадаетъ къ ногамъ и т. п. Они никакъ не хотятъ согласиться, что любая внутренняя борьба страстей, любой рядъ различныхъ, взаимно опровергающихъ другъ друга мыслей уже составляютъ драматическое дѣйствіе. Не потому ли это, что сами они думаютъ и чувствуютъ слишкомъ ужъ механически, чтобы при этомъ у нихъ возникло ощущеніе какой-нибудь дѣятельности. Возражать такимъ умамъ серьезно трудъ безполезный».

Гауптманъ предвидѣлъ, что его упрекнутъ въ скудости внѣшняго движенія, въ бѣдности сюжета. И на этотъ разъ, и много разъ впереди ему дѣйствительно приходилось слишкомъ часто слышать этотъ упрекъ. Раздается онъ иногда и посейчасъ.

Идея наслѣдственности легла въ основу «Предъ восходомъ солнца». Она же царитъ и въ «Праздникѣ мира». Въ этомъ смыслѣ вторая драма Гауптмана еще болѣе, чѣмъ первая — дарвинистическій этюдъ, какъ выразился Шлентеръ. Драматургъ какъ бы задался цѣлью оправдать Лота, героя своей первой драмы, испугавшагося ужасовъ наслѣдственности и отказавшагося, въ виду этого, отъ любимой дѣвушки и счастья съ нею.

Лотъ былъ правъ, какъ бы говоритъ Гауптманъ, показывая въ «Праздникѣ мира» трагедію семьи, гибнущей и агонизирующей подъ гнетомъ страшнаго закона происхожденія отъ больного отца. Съ безжалостнымъ спокойствіемъ естествоиспытателя онъ подводитъ чита-

теля къ семьѣ Шольцевъ и показываетъ, въ какой адъ можетъ иногда обратиться семья, этотъ мирный и милый уголокъ, когда она создается на основѣ печальной наслѣдственности.

Великолѣпный мастеръ, онъ пользуетъ ослѣпительный эффектъ контраста свѣтлой рождественской ночи вѣчному мраку, царящему въ душахъ его героевъ, объединившихся въ этотъ вечеръ у зеленой елки.

Больной отецъ передалъ неврозъ всѣмъ своимъ дѣтямъ, и вѣчный разладъ царитъ въ этой семьѣ. Вражда, ненависть, раздоръ господствуютъ въ ней. На мгновеніе какъ будто спускается сюда свѣтлый небесный миръ примиренія. Чужая, сторонняя дѣвушка Ида несетъ его съ собой въ психопатическую семью. Но семейному аду, слагавшемуся десятокъ лѣтъ, не превратиться въ рай въ мгновеніе ока. Карточный домикъ мнимаго счастья разлетается подъ первымъ дуновеніемъ бури раздора. Та же черная туча ненависти и несчастія нависаетъ надъ финаломъ драмы.

Разница между первой, столь же безотрадно кончающейся драмой Гауптмана, и «Праздникомъ мира» — только въ томъ, что здѣсь въ это страшное темное царство пробивается все-таки хоть одинъ свѣтлый лучъ. Это — Ида, точно свѣтлый посланникъ изъ какого-то другого царства,—царства здоровыхъ, бодрыхъ, призванныхъ къ радости жизни.

Замѣтимъ, что вообще у Гауптмана очень часто воплощеніемъ бодрости, силы и радости бытія являются дѣвушки. Близкія къ природѣ, здоровыя, чистыя, онѣ несутъ свѣтъ и миръ въ мужскія души, надломленныя, вывихнутыя, сложныя и растерянныя. И не ихъ вина, если тѣ не могутъ принять этотъ свѣтъ и согрѣться въ немъ, какъ герои этой драмы, какъ герой «Одинокихъ».

«Праздникъ мира» есть трагедія характеровъ, которые по самому существу своему не могутъ проявляться рядомъ, совмѣстно жить и работать, потому что они признаютъ только свой эгоизмъ и подчиненіе своей волѣ. Сами несчастные, они дѣлаютъ несчастными всѣхъ кругомъ. Ихъ, какъ горбатыхъ, исправитъ только смерть. Соприкосновеніе съ семьею Шольцевъ даже свѣтлой Иды не привело ни къ чему.

Гауптманъ далъ почувствовать эту идею,—но фактически въ пьесѣ не далъ этого «примиренія въ смерти». Нѣкоторые критики ставили ему это въ упрекъ и признавали драму незаконченной. Къ этой идеѣ «мира въ смерти», къ гимну «всепримиряющей смерти» Гауптманъ вернулся позднѣе—въ «Михаилѣ Крамерѣ».

Во второй пьесѣ Гауптмана уже не уловить никакихъ соціальныхъ задачъ. Это дѣйствительно только «семейная катастрофа», чистѣйшая «семейная драма», которая можетъ совершаться и совершается подъ какою угодно широтою, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ условіяхъ. Такъ всегда можетъ быть тамъ, гдѣ склонный къ психозу, сильно тронутый цивилизаціей человѣкъ, давно пережившій молодость, свяжетъ свою жизнь съ шестнадцатилѣтней необразованной дѣвушкой.

Поддавшійся модному въ то время теченію въ наукѣ и литературѣ, можетъ-быть, слишкомъ высоко оцѣнившему значеніе наслѣдственности, Гауптманъ хотѣлъ показать во всемъ ужасѣ банкротство такого брака, обезцѣнивающаго дѣтей.

Автобіографически такой интересъ въ нашемъ писателѣ могъ обусловливаться недавними его увлеченіями этою областью знанія.

Здѣсь могли много значить его впечатлѣнія, вынесенныя изъ Мюнхена, гдѣ въ 1888 году онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ обществѣ психіатра Фореля, живо интересуясь областью его работъ. Что это увлеченіе не было простой данью модѣ, за это говоритъ и то, что почти одновременно съ этой драмой онъ писалъ и свой разсказъ «Апостолъ», посвященный разработкѣ такой же психопатологической темы. Только апостолъ кончаетъ маніей религіознаго величія тамъ, гдѣ Шольцъ становится жертвой маніи преслѣдованія.

Совершенно невозможно отрицать однако и чисто-внѣшнихъ литературныхъ вліяній на Гауптмана. Всѣ критики единодушно указываютъ на огромное вліяніе на него драмы Ибсена «Призраки» и въ меньшей мѣрѣ, можетъ-быть, «Отца» Стриндберга. Искать вліянія на Гауптмана со стороны толстовской «Крейцеровой сонаты», появившейся въ томъ же 1890 году,—совершенно напрасно.

Герой «Призраковъ» Освальдъ—такая же трагическая жертва проклятой наслѣдственности, оставленной ему отцомъ, такая же игрушка рока, какъ и дѣти Шольцевъ. Гауптманъ цѣликомъ присоединился къ походу Ибсена противъ семьи. Къ чести его нужно сказать, что онъ тоньше и глубже посмотрѣлъ на вопросъ наслѣдственности. Если у Ибсена передъ вами чистая наслѣдственность *физическаго недуга*, наслѣдственность больной клѣтки головного мозга, пораженной прогрессивнымъ параличомъ, то у Гауптмана *наслѣдственность больного характера, больного духа* у людей физически вполнѣ здоровыхъ.

Конечно, хорошее знаніе широкою публикою названныхъ пьесъ Ибсена и Стриндберга не могло послужить къ выгодѣ Гауптмана.

Болѣзненный колоритъ драмы Гауптмана настолько сгущенъ, что можно понять дѣлавшіеся ему упреки за чрезмѣрную исключительность, за эксцентричность и героевъ драмы и ихъ катастрофы. Критика не разъ по поводу этой драмы указывала на то, что жизнь клиникъ, больницъ, домовъ сумасшедшихъ едва ли можетъ претендовать на общечеловѣческій интересъ, едва ли можетъ глубоко задѣвать здороваго зрителя, и что Гауптманъ напрасно еще болѣе сгустилъ тона ибсеновскаго сюжета. Указывалось на то, что «Празднику мира» еще болѣе, чѣмъ первой драмѣ, недостаетъ типическаго значенія (Бартельсъ).

Послѣднее десятилѣтіе, выдвинувшее рядъ замѣчательныхъ произведеній не психологическаго, а психопатологическаго характера, сильно ослабило значительность такихъ упрековъ. Больной и нервный вѣкъ призналъ за писателемъ неотъемлемое право касаться больного духа и изслѣдовать недуги мысли и воли. Пусть это клиника, но впечатлѣніе, оставляемое «Праздникомъ мира» на сценѣ, — властно и неотразимо. Гауптманъ точно гипнотизируетъ зрителя.

Можно не стоять ни въ какомъ отношеніи къ этой и подобной больнымъ семьямъ, но нельзя остаться равнодушнымъ передъ этимъ зрѣлищемъ возможнаго человѣческаго страданія, возбуждающимъ истинный драматическій ужасъ. Больной вѣкъ, умножая число больныхъ семей и людей, подверженныхъ психозу, все болѣе и болѣе устанавливаетъ право на признаніе за такими вещами общечеловѣческаго значенія.

Въ смыслѣ техники, вторая драма — безспорный шагъ Гауптмана впередъ. «Въ «Праздникѣ мира».—пишетъ Штейгеръ:—Гауптманъ находился еще всецѣло подъ вліяніемъ Ибсена. Весь обликъ молодого человѣка, котораго онъ хотѣлъ изобразить, долженъ былъ механически

объясняться дарвинистическими законами наслѣдованія и приспособленія. Краткія и рѣзкія слова циническаго Роберта, въ которыхъ онъ самъ сообщаетъ о наслѣдственности семьи, напоминаютъ даже Зола... Но если сравнить эту драму съ первой, то нельзя не удивляться сильной, цѣлостной композиціи и искусной постройкѣ его трагической семейной идилліи. Сейчасъ чувствуется, что авторъ сбросилъ съ себя всѣ натуралистическія причуды, обязанныя своимъ существованіемъ только духу противорѣчія, китайщинѣ школьныхъ правилъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать одному своему художественному чувству. Какъ прекрасно здѣсь выработано сценическое настроеніе! Въ «Праздникѣ мира», гдѣ все ссора и споръ, рѣзкая иронія тамъ и здѣсь проявляется и во внѣшней сценической обстановкѣ. Рождественская елка и семейная перебранка, рождественская пѣсня и сцена ссоры—контрасты настолько рѣзкіе, что ожиданіе Норы въ рождественскую ночь кажется рядомъ съ ними прямо дѣтской игрой (ein Kinderspiel). И такъ же ужасенъ въ концѣ видъ сына, желающаго обнять отца, который убѣгаетъ отъ страха побоевъ».

Патологическій наклонъ драмы не препятствуетъ Шлентеру признать большія достоинства за драмой. «Большинство первыхъ критиковъ Гауптмана,—пишетъ онъ:—категорически отвергли «Праздникъ мира». Но кто признаётъ право драматурга изслѣдовать человѣческую душу и человѣческую судьбу въ ихъ высшемъ подъемѣ и глубочайшемъ паденіи, тотъ не найдетъ достойнымъ порицанія, что поэтъ былъ вынужденъ психологическія наблюденія свести къ психопатическимъ выводамъ. И тотъ признаетъ художественной строгую, суровую, серьезную форму, въ какую вылился «Праздникъ мира».

Брандесъ видитъ въ пьесѣ проявленіе «большого драматическаго таланта» и подчеркиваетъ выгодную частность пьесы—то, что «по ибсеновской манерѣ въ драмѣ скрывается тайна, которая лишь къ концу объясняется зрителямъ».

Манеру Гауптмана давать многое въ драмѣ не въ формѣ живого дѣйствія, а въ формѣ разсказа, не приходится отнести къ драматическимъ достоинствамъ, но Гауптманъ пользуетъ ее съ такимъ искусствомъ, что она не влечетъ за собою скучнаго и отнюдь не чувствуется, какъ недостатокъ.

Въ техническихъ пріемахъ въ своей первой «интимной» драмѣ драматургъ остается вѣренъ себѣ: немногія изъ пьесъ его такъ изрѣзаны авторскими примѣчаніями для актера, какъ эта.

ПРАЗДНИКЪ МИРА.

СЕМЕЙНАЯ КАТАСТРОФА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Докторъ медицины Фрицъ Шольцъ, 68 лѣтъ.
Минна Шольцъ, его жена, 46 лѣтъ.
Августа, 29 лѣтъ
Робертъ, 28 лѣтъ — ихъ дѣти.
Вильгельмъ, 26 лѣтъ.
Г-жа Марія Бухнеръ, 42 лѣтъ.
Ида, ея дочь, 20 лѣтъ.
Фрицъ, слуга, 50 лѣтъ.

Насколько возможно, въ ихъ лицахъ должно выражаться семейное сходство.

Событія этой поэмы происходятъ въ рождественскій вечеръ, въ 80-хъ годахъ, въ одинокомъ деревенскомъ домикѣ на Шютценхюгелѣ, близъ Эркнера (Бранденбургъ).

Всѣ три акта происходятъ въ высокой просторной залѣ, съ выбѣленными стѣнами, которыя увѣшаны старинными картинами, рогами и разными звѣриными головами. Съ середины потолка изъ балокъ свѣшивается люстра изъ оленьихъ роговъ съ цѣльными свѣчами. По серединѣ задней стѣны, выдаваясь впередъ—тамбуръ со стеклянной дверью, черезъ которую виденъ тяжелый, рѣзного дуба подъѣздъ. Наверху, надъ тамбуромъ—чучело токующаго тетерева. Направо и налѣво отъ тамбура—по окну, съ замерзшими, частью занесенными снѣгомъ стеклами.

Въ стѣнѣ направо—открытая, въ родѣ воротъ, арка, ведущая на лѣстницу въ верхній этажъ. Въ той же стѣнѣ—двѣ низкія двери, одна—въ погребъ, другая—въ кухню. Въ стѣнѣ напротивъ—также двѣ двери, въ ту же комнату. Между этими дверями—старинные стѣнные часы; на ихъ верхней крышкѣ—чучело совы. Мебель въ комнатѣ состоитъ изъ старинныхъ, массивныхъ дубовыхъ столовъ и стульевъ. Направо отъ зрителя, параллельно боковой стѣнѣ—столъ подъ бѣлой скатертью. Направо, въ глубинѣ сцены—небольшая желѣзная печь съ идущими вдоль стѣны трубами. Всѣ двери разрисованныя: примитивные рисунки изображаютъ попугаевъ и т. п.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Зала убрана зелеными вѣтками. На каменныхъ плитахъ пола лежитъ елка безъ подставки. Фрибэ на верхней ступенькѣ лѣстницы въ погребъ сколачиваетъ подножку. У противоположныхъ концовъ стола г-жа Бухнеръ и г-жа Шольцъ прикрѣпляютъ разноцвѣтныя восковыя свѣчи къ подсвѣчникамъ. У г-жи Бухнеръ видъ здоровой, хорошо упитанной, ласковой женщины; одѣта просто, солидно и очень опрятно. Гладко причесана. Все ея существо дышитъ сердечностью, вполнѣ искреннею, даже когда ея проявленія порою производятъ впечатлѣніе нѣкотораго жеманства. Рѣчь ея намѣренно чистая, въ минуты возбужденія—съ декламаціей. Ото всей точно вѣетъ довольствомъ и благополучіемъ.

Совсѣмъ другая — г-жа Шольцъ. Она кажется много старше своихъ лѣтъ, съ начинающимися недугами старости. Въ ея фигурѣ — нездоровая полнота. Цвѣтъ кожи—блѣдно-сѣрый. Одѣта болѣе чѣмъ просто. Волосы сѣды и въ безпорядкѣ. Носитъ очки. Г-жа Шольцъ въ движеніяхъ порывиста, безпокойна; говоритъ по большей части слезливо или писклиро; производитъ впечатлѣніе, что постоянно возбуждена. Въ то время, какъ г-жа Бухнеръ какъ будто живетъ лишь для другихъ, г-жа Шольцъ занята только собою.

На столѣ—двѣ жирандоли въ пять развѣтвленій со свѣчами. Ни люстра ни жирандоли еще не зажжены. Горитъ керосиновая лампа.

Фрибэ (ударяетъ топоромъ). Вотъ какъ, у меня безъ промашки!

Г-жа Шольцъ. Фу! Не могу этого слышать, Фрибэ! Сколько разъ говорила я вамъ... Вѣдь топоръ можетъ такъ легко сорваться. На камнѣ не рубятъ дровъ!

Фрибэ. За это ужъ поручусь. Къ чему же я тогда былъ десять лѣтъ на службѣ.

Г-жа Бухнеръ. На службѣ?

Г-жа Шольцъ. Онъ служилъ въ королевскихъ лѣсныхъ дачахъ.

Фрибэ. Нѣ-ѣтъ, безъ промашки (ударяетъ). Вотъ та-акъ! (ударяетъ). Ужъ за это могу ручаться. (Онъ поднимается, осматриваетъ свою работу при свѣтѣ лампы, затѣмъ укрѣпляетъ елку, такъ что она стоитъ. Фрибэ — маленькаго роста, слегка сгорбленный, кривоногій, плѣшивый. Маленькое, подвижное обезьянье лицо не брито. Волосы на головѣ и въ бородѣ—пожелта-сѣдые. Сюртукъ на немъ весь въ порошкѣ, маслѣ, ваксѣ, пыли и т. д., сшитъ на человѣка въ два раза выше, оттого рукава засучены, борта сильно заходятъ одинъ на другой. На немъ коричневый, относительно чистый фартукъ, изъ-за котораго онъ время отъ времени вытаскиваетъ табакъ, чтобы съ чувствомъ понюхать. Елка укрѣплена. Фрибэ поставилъ ее на столъ, стоитъ передъ ней и оглядывается). Отличнѣйшее... красивое... настоящее... деревцо! Ель! (Глядитъ на женщинъ съ презрительнымъ превосходствомъ). Развѣ не ель, а?

Г-жа Бухнеръ. Какъ бывшій лѣсничій, вы должны умѣть различать.

Фрибэ. Ну, разумѣется, не сумасшедшій! Не сосна же это.

Г-жа Шольцъ (нетерпѣливо его перебиваетъ). Да, да, только не задерживайте насъ, Фрибэ! Моя дочь прямо сказала: «Пришли мнѣ Фрибэ».

Фрибэ. Что-жъ!.. По мнѣ... (Уходитъ въ дверь, ведущую въ кухню, сдѣлавъ презрительное движеніе рукою).

Г-жа Бухнеръ. Должно-быть, возня вамъ съ нимъ?

Г-жа Шольцъ. О, еще бы! Несносный! Если бы не мой мужъ... Да что съ нимъ, съ мужемъ, можно было поладить... Нуженъ былъ ему зачѣмъ-то этотъ старый табачный носъ, чтобы былъ онъ цѣлый день около него, а то ему уже было не по себѣ. Удивительный человѣкъ!

Августа (торопливо, съ шумомъ входитъ. Войдя, съ силою запираетъ стеклянную дверь на замокъ и заслоняетъ собою дверь, точно желая загородить кому-то входъ).

Г-жа Шольцъ (страшно испуганная, скороговоркой). Ахъ, Господи! Господи, Господи!!!

Г-жа Бухнеръ. Да что?..

Августа (длинная, поразительно худая; одѣта по послѣдней модѣ, но безвкусно. Плюшевая кофточка, плюшевая шапочка, муфта. Лицо и ноги длинныя. Лицо суровое, съ узкими, крѣпко сжатыми губами, съ выраженіемъ горечи. Носитъ лорнетъ. Съ возбужденностью матери соединяетъ болѣзненную обидчивость. Такое лицо должно разливать кругомъ атмосферу недовольства, досады и уныній). На улицѣ... честное слово... кто-то гнался за мною.

Г-жа Бухнеръ (вынимая часы). Можетъ-быть, это уже Вильгельмъ... Нѣтъ, онъ не можетъ еще быть. Поѣздъ еще не пришелъ. (Августѣ) Подожди-ка! (Берется за ручку двери, чтобы открыть).

Августа. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!

Г-жа Бухнеръ. Вы нервничаете, дитя мое. (Идетъ въ стеклянную дверь и отворяетъ наружную дверь. Немного робко) Кто здѣсь? (Рѣшительно) Кто здѣсь? (Пауза, никакого отвѣта).

Г-жа Шольцъ (сердито). Право, это замѣчательно!.. Кажется, и такъ у насъ предостаточно волненій. Право, можно отъ всего этого умереть. Всегда съ тобою что-нибудь!

Августа. Со мной, со мной! (Рѣзко) Но что такое всегда со мной?!

Г-жа Шольцъ. Однако ты очень любезно разговариваешь съ матерью!

Августа. А по мнѣ... Поневолѣ испугаешься, когда... въ такой темнотѣ... и совсѣмъ одна, ни души...

Г-жа Бухнеръ (обнимая ее за талію, мягко). Горячка, горячка!.. Ну, развѣ можно всегда такъ?.. Пойдемте. (Помогаетъ ей раздѣться). Вотъ такъ-то лучше.

Августа. Ахъ, г-жа Бухнеръ, правда.

Г-жа Бухнеръ. Послушайте вы меня, господа. Вотъ мы у васъ уже четыре долгихъ дня... Я думала... Хотите вы говорить мнѣ *ты*? Да? Отлично! Ну-съ, итакъ (обнимаетъ и цѣлуетъ Августу, потомъ г-жу Шольцъ).

Г-жа Шольцъ (прежде, чѣмъ отвѣтить на объятіе). Постой, постой, у меня руки въ воскѣ.

Г-жа Бухнеръ (Августѣ, которая подошла къ печкѣ погрѣться). Ну вотъ, теперь тебѣ уже гораздо лучше? Хорошо было въ церкви?

Августа. Во всякомъ случаѣ, я туда больше не ходокъ. Скверный воздухъ, невыносимая жара.

Г-жа Бухнеръ. Хорошо говорилъ пасторъ?

Августа. Вотъ какъ говорилъ: будь я нищая, я бы въ отвѣтъ на его проповѣдь... право, я бы швырнула имъ подъ ноги всю ихъ милостыню.

Г-жа Бухнеръ. Но для бѣдняковъ въ этомъ—великое утѣшеніе.

За сценой звонкій красивый женскій голосъ поетъ:

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встаетъ.

(Ида спускается съ лѣстницы. Ей двадцать лѣтъ. Простое черное шерстяное платье. Хорошенькая, полная; маленькая головка; длинные русые волосы распущены. На всемъ ея существѣ—печать тихой радости, сдерживаемаго веселья, увѣренной надежды на счастье. И потому въ умномъ лицѣ—выраженіе веселое; но вдругъ дѣлается нѣжно-серьезное или глубоко-просвѣтленное).

Ида (на плечахъ полотенце, въ рукѣ нѣсколько картонокъ). Какъ будто кто-то пришелъ?

Г-жа Шольцъ. Августа нагнала на насъ порядочно страху!

Ида (показывая на лѣстницу за своею спиною). Тамъ наверху тоже не очень ужъ уютно. (Смѣясь) Я рѣшила сползти внизъ.

Г-жа Шольцъ. Но, дѣтка! Вѣдь надъ тобою живетъ еще Робертъ.

Ида (ставитъ картонки на столъ, открываетъ ихъ и вынимаетъ изъ нихъ различныя вещи). Конечно! А все-таки весь этажъ всегда пустой.

Г-жа Бухнеръ. По-моему, твои волосы уже должны бы высохнуть.

Ида (граціозно подставивъ головку). Потрогай!

Г-жа Бухнеръ (трогаетъ). Э, нѣтъ! Тебѣ бы надо, дитя, выкупаться пораньше.

Ида. Ну что мнѣ дѣлать съ этой старой гривой! Вѣдь цѣлыхъ полчаса торчала у печки. (Вынула изъ одного картона желтый шелковый кошелекъ и протягиваетъ Августѣ). Цвѣтъ хорошъ, а? Правда, только пустячокъ. Былъ уже у Вильгельма когда-нибудь кошелекъ?

Августа (чиститъ свою плюшевую кофточку и пожимаетъ плечами). Не знаю. (Подноситъ кошелекъ къ своимъ близорукимъ глазамъ) Вещь не очень прочная. (Снова погружается въ свою прежнюю работу). Плюшъ уже никуда не годится.

Ида (прикрѣпляя къ елкѣ ящикъ съ сигарами). Я страшно рада... Вы никогда еще не убирали елку?

Августа. Серьезно говоря,—это вовсе не для взрослыхъ.

Г-жа Шольцъ. Никогда! Только попробовала бы я, могу себѣ представить, какую исторію поднялъ бы мой мужъ... Зато у покойныхъ родителей... Когда подумаю... какая это была прекрасная семейная жизнь! Ни одного Рождества безъ елки. (Копируетъ походку и манеры отца) Отецъ возвращался вечеромъ изъ конторы и приносилъ пре-е-лестные лемановскіе пряники! (Она подноситъ большой и указательный палецъ ко рту, точно держитъ кусочекъ этого восхитительнаго пряника). Да, все это прошло! Мой мужъ... Онъ ни разу не пообѣдалъ вмѣстѣ съ нами. Онъ жилъ наверху, мы—внизу. Отшельникъ какой-то! Если нужно было что-нибудь отъ него, надо было, ей-Богу, прятаться за Фрибэ.

Августа (у печки, подкладывая дрова). Да не говори ты всегда такъ.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, лучше ты не топи такъ безумно много.

Августа. Да вѣдь надо же, чтобы было тепло.

Г-жа Шольцъ. Сегодня все тепло улетаетъ въ трубу.

Августа (нерѣшительно, сердито). Что-жъ, значитъ, не подкладывать въ печку?

Г-жа Шольцъ. Оставь ты меня въ покоѣ.

Августа (съ шумомъ бросаетъ въ ящикъ лопату). Ну, и не надо! (Въ гнѣвѣ уходитъ налѣво).

Ида. Ахъ, Густя, останься. (Къ г-жѣ Шольцъ) Постой, я ее опять развеселю. (Уходитъ слѣдомъ за нею).

Г-жа Шольцъ (смиренно). Вотъ таковы всѣ мои дѣти!

Нѣтъ, дѣйствительно, что̀ за дѣвушка!.. И никакого удержу! То то̀, то другое... Потомъ вдругъ взбредетъ ей въ голову... она должна учиться. Запрется у себя наверху, цѣлую недѣлю слова отъ нея не услышишь. А то вообразитъ, что никому она не нужна... Ахъ, ты, Господи, Боже мой... да, тебѣ можно позавидовать. Твоя дочка—вотъ это прелесть...

Г-жа Бухнеръ. Ну, и Густя тоже.

Г-жа Шольцъ. Какъ великолѣпно она играетъ на роялѣ; и такой восхитительный голосокъ! Съ какимъ удовольствіемъ послушала бы я немного музыки!

Г-жа Бухнеръ. Почему же ты теперь сама совсѣмъ не играешь?

Г-жа Шольцъ. Я! Да тогда бы не осталось у меня и послѣдней капельки покоя. Вѣдь Августа такая нервная!.. Совершенно какъ ея отецъ, котораго игрой на роялѣ можно бы только прогнать изъ дому.

Г-жа Бухнеръ. Ты бы послушала, какъ теперь играетъ твой Вильгельмъ! Какъ онъ усовершенствовался! Что̀ стало бы съ Идой безъ него? У него научилась она всему, что̀ знаетъ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, да, ты уже говорила. Онъ талантливый. Тутъ и спора не можетъ быть. Учить его было удовольствіе.

Г-жа Бухнеръ. Да и онъ вспоминаетъ такъ трогательно то время, когда его мамочка стала давать ему первые уроки.

Г-жа Шольцъ. Правда?! Ахъ, Господи, да, это были хорошіе часы... Тогда я думала... Все выходитъ по-другому... И такъ меня волнуетъ...

Г-жа Бухнеръ. Волнуетъ... что?

Г-жа Шольцъ. Ну, вотъ то, что онъ пріѣзжаетъ. Какъ онъ теперь выглядитъ?..

Г-жа Бухнеръ. Хорошо... Пополнѣлъ... здоровъ... Ты не нарадуешься на сына.

Г-жа Шольцъ. Не могу не удивляться, что мальчикъ пріѣзжаетъ. Сколько разъ по-настоящему болѣло у меня сердце. И сколько извела я бумаги на письма. Но онъ ни разу не отвѣтилъ своей старой матери. Какъ же тебѣ удалось его убѣдить? Этого я не могу понять, не могу понять.

Г-жа Бухнеръ. Я? О, нѣтъ! Это Ида убѣдила его.

Г-жа Шольцъ. Роберту тоже, въ сущности, нѣтъ до насъ никакого дѣла, но, по крайней мѣрѣ, онъ каждый

годъ пріѣзжаетъ къ намъ на пару дней, на Рождествѣ. Это похвально! А Вильгельмъ... Вотъ уже цѣлыхъ шесть лѣтъ не былъ онъ здѣсь. Онъ и мой мужъ. —цѣлыхъ шесть лѣтъ! Что же, она съ нимъ ладитъ?

Г-жа Бухнеръ. Кто? Ида? Великолѣпно ладитъ, во всемъ.

Г-жа Шольцъ. Поразительно! Ты и представить себѣ не можешь, какой онъ всегда былъ замкнутый, совсѣмъ какъ отецъ. Никакихъ товарищей дѣтскихъ игръ, никакого школьнаго друга, никогда ничего.

Г-жа Бухнеръ. Да, да, и съ нами онъ былъ сначала такой же... Ни за что не хотѣлъ приходить къ намъ такъ,—только на урокъ музыки.

Г-жа Шольцъ. Но потомъ сталъ все-таки бывать?

Г-жа Бухнеръ. То-есть... да. Онъ сказалъ, чтобы мы его лишь на время оставили въ покоѣ, а потомъ онъ и самъ придетъ. И мы были настолько благоразумны, что не противорѣчили ему. И въ самомъ дѣлѣ. Подождали мы полгода,—ужъ и ждать перестали,—и онъ пришелъ. И уже приходилъ каждый день. И понемногу все совершенно измѣнилось.

Г-жа Шольцъ. Вы, должно-быть, умѣете колдовать. Уже одна эта помолвка—какое-то непостижимое чудо.

Г-жа Бухнеръ. Съ художниками надо умѣть обращаться. Я научилась,—вѣдь и мой покойный мужъ былъ художникъ.

Г-жа Шольцъ. А эта... исторія... съ отцомъ? Посвятилъ онъ васъ... и въ эту исторію?

Г-жа Бухнеръ. Н...нѣтъ. милая. Видишь ли, это—единственный пунктъ... я хочу сказать... лишь въ этомъ пунктѣ еще не могъ онъ себя преодолѣть. Это все равно, но, можешь мнѣ повѣрить, онъ страшно страдаетъ отъ воспоминанія объ этомъ. До сегодняшняго дня страдаетъ. И, навѣрное, больше всего оттого, что онъ скрываетъ всю исторію. Но, во всякомъ случаѣ, долженъ онъ наконецъ одолѣть и это.

Г-жа Шольцъ. О, избави Боже,—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Чти отца и мать: рука, которая поднялась на собственнаго отца... Изъ могилы вырастаютъ такія руки. Ну, конечно, мы ссорились! У обоихъ у насъ есть недостатки,—у мужа и у меня,—но это наше дѣло. Никто не смѣетъ въ это вмѣшиваться, меньше всего—собственный сынъ. А кому пришлось все расхлебывать? Разумѣется, мнѣ. Такая старуха должна все вынести на себѣ. Мой мужъ ушелъ изъ

дому въ тотъ же день, а полчаса спустя ушелъ и Вильгельмъ. Никакія слова не помогли. Сначала я думала, что они вернутся. Но они не вернулись. И только Вильгельмъ—одинъ онъ—виноватъ въ этомъ, никто другой.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, вѣроятно, очень виноватъ, убѣждена въ этомъ, но, послушай... послѣ долгихъ лѣтъ раскаянія и...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! Что ты думаешь? Не такъ-то легко перешагнуть черезъ это. Это было бы еще лучше! Очень хорошо съ твоей стороны, что ты привязалась къ мальчику. Очень тоже мило, что онъ пріѣзжаетъ, почему бы и нѣтъ? Но, въ сущности, къ чему все это? Не такъ легко заполнить пропасть... Да, да, это—пропасть, настоящая, глубокая пропасть между всѣми членами нашей семьи.

Г-жа Бухнеръ. Но я все-таки думаю, что мы, люди съ сильной, честной волей...

Г-жа Шольцъ. Воля, воля! Не говори мнѣ о ней! Это я знаю лучше тебя. Здѣсь можно хотѣть, хотѣть, сто разъ хотѣть,—и все-таки все остается по-старому. Нѣтъ, нѣтъ, твоя дочь,—это совсѣмъ другое дѣло. Она—такая, Вильгельмъ—такой, и оба остаются сами собой. Слишкомъ она хороша для одного изъ насъ, слишкомъ, слишкомъ хороша... Господи, воля, воля!.. Да, да, добрая воля... У тебя отличная воля, но сумѣешь ли ты достигнуть чего-нибудь? Я не вѣрю.

Г-жа Бухнеръ. Но я тѣмъ сильнѣе надѣюсь.

Г-жа Шольцъ. Все можетъ быть. Вовсе не хочу зарекаться. Въ сущности, и я рада отъ всего сердца за мальчика, только волнуетъ меня, очень волнуетъ, и имѣй въ виду—ты все представляешь себѣ слишкомъ легко.

Ида (входитъ слѣва, вкрадчиво говоритъ г-жѣ Шольцъ). Мамочка, она золотитъ орѣхи.

Г-жа Бухнеръ. Пора, Идочка! Ты должна принарядиться. Онъ можетъ теперь каждую минуту быть здѣсь.

Ида (испуганно). Да? Уже?

Г-жа Шольцъ. Да не дѣлайте вы никакихъ исторій! Для этого мальчика она и такъ слишкомъ хороша.

Г-жа Бухнеръ. Я приготовила тебѣ голубое. (Кричитъ Идѣ вслѣдъ) И приколи брошку, слышишь! (Ида уходитъ).

Г-жа Бухнеръ (обращаясь къ г-жѣ Шольцъ). Не обращаетъ никакого вниманія на драгоцѣнныя вещи.

(Открывается наружная дверь).

Г-жа Шольцъ. Постой... кто это? Сдѣлай мнѣ одолженіе... Я не могу еще сейчасъ его видѣть, я...

Г-жа Бухнеръ (кричитъ въ дверь, ведущую на лѣстницу). Ида, твой Вильгельмъ идетъ!

(Въ стеклянную дверь входитъ докторъ Шольцъ).

Д-ръ Шольцъ — необыкновенно высокаго роста, широкоплечій, очень тучный. Жирное лицо, съ сѣрой нечистой кожей. Глаза его то погасаютъ, то блестятъ, точно лакированные; блуждающіе взоры. У него сѣрые, взъерошенные бакенбарды. Движенія у него неуклюжія и вздрагивающія. Рѣчь его прерывается одышкою. Говоритъ такъ, точно роть у него набитъ мукою, спотыкается на каждомъ слогѣ. Одѣтъ небрежно. Когда-то коричневая, выцвѣтшая бархатная жилетка; сюртукъ и брюки безразличнаго цвѣта. Шапка съ большимъ козырькомъ, буро-сѣрая, странной формы. Галстукъ изъ суроваго шелка. Помятое бѣлье. Сморщается въ большой пестрый платокъ. Въ правой рукѣ—трость съ ручкой изъ оленьяго рога, на лѣвой виситъ—длинное дорожное военное пальто и мѣховой мѣшокъ для ногъ.

Д-ръ Шольцъ. Servus! Servus!

Г-жа Шольцъ (смотритъ на доктора, какъ на привидѣніе). Фрицъ!..

Д-ръ Шольцъ. Да, какъ изволишь видѣть.

Г-жа Шольцъ (съ крикомъ бросаясь мужу на шею). Фрицъ!

Августа (открываетъ дверь налѣво и сейчасъ же отскакиваетъ назадъ) Отецъ!

(Г-жа Бухнеръ уходитъ черезъ лѣвую боковую дверь, пятясь назадъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія).

Д-ръ Шольцъ. Это я, какъ видишь. Прежде всего вотъ что: Фрибэ здѣсь?

Фрибэ (выглядываетъ изъ двери въ кухню, пугается, затѣмъ входитъ). Господинъ докторъ! (Бросается къ нему, хватаетъ обѣ его руки, цѣлуетъ ихъ). Вотъ это штука! Точно Господь Богъ подарилъ мнѣ талеръ!

Д-ръ Шольцъ. Тссс!.. Смотрите, заприте крѣпко входную дверь.

(Фрибэ кланяется и съ радостнымъ усердіемъ исполняетъ приказаніе).

Г-жа Шольцъ (внѣ себя отъ изумленія). Да скажи ты мнѣ, Фрицъ, скажи мнѣ только... Я ничего не могу сообразить... (Обнимаетъ его со слезами). Ахъ, Фрицъ! Какъ ты истерзалъ меня за эти долгіе годы!

Д-ръ Шольцъ (нѣжно отстраняя жену). Ахъ, знаешь... и моя жизнь также... Лучше не станемъ съ самаго начала заниматься попреками... А ты, ты—все еще та же прежняя страдающая душа... (Съ нѣкоторою горечью) Впрочемъ, я бы, конечно, не обезпокоилъ тебя, если бы не... (Фрибэ

беретъ у него пальто. мѣшокъ для ногъ и т. д.). Бываютъ въ жизни, милая Минна, такія положенія... когда приходится имѣть дѣло, какъ вотъ мнѣ, съ вліятельными противниками.

(Фрибэ уходитъ съ вещами доктора на лѣстницу).

Г-жа Шольцъ (добродушно ворча). Вѣдь никто же не приказывалъ тебѣ, Фрицъ! Здѣсь у тебя былъ вѣрный, теплый домашній уголъ. Ты могъ бы жить такъ хорошо!

Д-ръ Шольцъ. Не сердись, но—этого ты не можешь понимать.

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно! Я вѣдь только простая женщина, очень можетъ-быть, но ты же былъ совершенно самостоятеленъ. И вовсе не было никакой необходимости, чтобы ты...

Д-ръ Шольцъ. Тссс! Было очень необходимо. (Не безъ таинственности) За виной слѣдуетъ искупленіе, за грѣхомъ—наказаніе.

Г-жа Шольцъ. Ну да, конечно, Фрицъ... Многое и отъ тебя зависѣло. (Начиная съ этого момента и до конца разговора все время бросаетъ боязливые взгляды на входную дверь, точно боится, что каждую минуту можетъ войти Вильгельмъ). Вѣдь мы могли бы такъ спокойно... такъ мирно... если бы ты только хотѣлъ...

Д-ръ Шольцъ. Все отъ меня зависѣло, все безъ исключенія!

Г-жа Шольцъ. Опять ты несправедливъ.

Д-ръ Шольцъ. Н!.. Я не хочу спорить: противъ меня соединилось столько низости. Это же извѣстно... Напримѣръ, вообрази себѣ: въ отеляхъ... кельнера... ни одной ночи не могъ я спать спокойно... все взадъ и впередъ по коридору, взадъ и впередъ, и непремѣнно мимо моей двери.

Г-жа Шольцъ. Такъ вѣдь въ концѣ концовъ не нарочно же они безпокоили тебя.

Д-ръ Шольцъ. Нѣтъ?.. Ну, знаешь, этого ты не понимаешь!

Г-жа Шольцъ. Впрочемъ, можетъ-быть; бываютъ иногда среди кельнеровъ негодяи.

Д-ръ Шольцъ. Негодяи? Да, именно,—негодяи! Впрочемъ, мы еще поговоримъ объ этомъ. У меня болитъ что-то голова. (Хватается за затылокъ) Вотъ здѣсь! Тоже такая подлость! Я отлично знаю, кого долженъ я за это поблагодарить... Я только хочу еще удостовѣриться, могу ли я прогнать эти боли, хорошенько выспавшись. Очень усталъ.

Г-жа Шольцъ. Но, Фрицъ, наверху не топлено.

Д-ръ Шольцъ. Представь себѣ только,—однимъ махомъ изъ Вѣны. Не топлено? Ничего не значитъ! Уже Фрибэ похлопочетъ... Ну, а какъ Фрибэ? Вотъ что я хотѣлъ спросить, все еще такой же надежный?

Г-жа Шольцъ. Фрибэ все такой же, какъ всегда.

Д-ръ Шольцъ. Я такъ и думалъ!.. До свиданія! (Пожавъ руку женѣ, поворачивается съ выраженіемъ глубокаго раздумья и идетъ къ лѣстницѣ. Замѣтивъ елку, останавливается и растерянно смотритъ на нее). Это что же такое?

Г-жа Шольцъ (колеблясь между страхомъ, стыдомъ и чувствительностью). Мы празднуемъ рождественскую ночь.

Д-ръ Шольцъ. Празднуемъ? (Послѣ долгой паузы, отдавшись воспоминаніямъ) Это... было... давно... (Поворачивается и говоритъ съ искреннимъ чувствомъ) И ты тоже стала сѣдая?

Г-жа Шольцъ. Да, Фрицъ, оба мы...

Д-ръ Шольцъ (кивнувъ головой, отворачивается и уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Бухнеръ (быстро входитъ слѣва). Значитъ, твой мужъ снова здѣсь?!

Г-жа Шольцъ. Это точно... какъ будто... не знаю! Іисусе Христе! какъ мнѣ понять все это?

Г-жа Бухнеръ. Что это, дорогой мой другъ,—воля Божья, и всѣ мы должны быть за это благодарны.

Г-жа Шольцъ. Ахъ! Какъ онъ выглядитъ!.. Сколько онъ пережилъ! Какая была его жизнь: изъ страны въ страну, изъ города... Ахъ, какъ она его истрепала!

Г-жа Бухнеръ (хочетъ подняться по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ (испуганно). Куда ты?

Г-жа Бухнеръ. Сказать Идѣ объ этомъ радостномъ событіи. (Уходитъ по лѣстницѣ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Нѣтъ, нѣтъ, что ты задумала! Этого не долженъ онъ даже замѣтить. Я слишкомъ хорошо знаю своего мужа! Если бы онъ узналъ, что живетъ наверху еще кто-то, кромѣ него... была бы исторія!

Г-жа Бухнеръ (уже на лѣстницѣ). Я потихоньку.

Г-жа Шольцъ. Только совсѣмъ потихоньку! А то какъ бы не вышло что-нибудь такое...

Г-жа Бухнеръ. Я ступаю совсѣмъ тихо.

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи! Только ужъ совсѣмъ-совсѣмъ тихо!

Августа (быстро входя слѣва). Отецъ здѣсь?!

Г-жа Шольцъ (совершенно растерянно). Да, конечно! Что же теперь дѣлать? И Вильгельмъ тоже. Я пережила смер-

тельный страхъ. А если бы онъ столкнулся съ отцомъ? Вѣдь онъ могъ войти каждую секунду. Сколько еще я, старуха, должна пережить!

Августа. Поразительное чувство, мама, такое поразительное! Такъ мы привыкли къ тому, что... Точно мертвецъ воскресъ, черезъ много лѣтъ! Мнѣ страшно, мама!

Г-жа Шольцъ. Значитъ, въ концѣ концовъ всѣ свои деньги онъ прожилъ?

Августа. Ну, это было бы... По мнѣ, это было бы послѣднее дѣло...

Г-жа Шольцъ. Да какъ же мы сводили бы концы съ концами... Пришлось бы скоро пойти по-міру.

Ида (одѣтая, спускается сверху, радостно жметъ Августѣ руку, съ чувствомъ). Густя! значитъ, правда? Ахъ, какъ я рада! (Г-жа Шольцъ и Августа болѣзненно взволнованы).

Робертъ—изъ двери налѣво. Средняго роста, худой, съ осунувшимся, блѣднымъ лицомъ. Глубоко впавшіе глаза иногда горятъ болѣзненнымъ блескомъ. Усы и эспаньолка. Куритъ турецкій табакъ изъ очень короткой трубки.

Робертъ (небрежно). Стало нескладно у тебя, мать!

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, теперь еще и этотъ начинаетъ!

Августа. Что касается меня... (Украдкой бросаетъ завистливые взгляды на костюмъ Иды).

Робертъ (Идѣ, которая взглянула на него). Да, я такой, фрейлейнъ Ида!

Ида (недовѣрчиво качаетъ головой). Нѣтъ... нѣтъ!

Робертъ. Какъ это—нѣтъ! По-моему, не стоитъ труда притворяться, показывать какія-то ничтожныя чувства. Въ самомъ дѣлѣ,—не стоитъ!

Ида. Нѣтъ... нѣтъ.

Августа (сердито). Ты возмутителенъ, Робертъ!

Робертъ. Не имѣю намѣренія кого-нибудь возмущать!

Августа. А по мнѣ...

Робертъ. Ну, и далѣе.

Августа. Далѣе, далѣе...

Робертъ (съ притворнымъ изумленіемъ). Прости... Я думалъ... ты же больше не придаешь никакого значенія внѣшней красотѣ...

Ида (стараясь замять ссору). Ахъ, г. Робертъ...

Робертъ. Да... Я-то тутъ при чемъ...

Августа (почти давясь слезами). Все ты!.. все ты!.. Только изъ-за тебя... Мои годы... слишкомъ подло!.. Г-жа Бухнеръ, развѣ это не такъ?.. Мнѣ... я... я... просидѣла здѣсь... у

матери... здѣсь... лучшіе... лучшіе годы... жизни... а вы... я... точно горничная...

Робертъ. О, какъ эффектно... въ самомъ дѣлѣ!.. Тебѣ бы на сцену! (Другимъ тономъ, грубо) Брось, пожалуйста, эти свои скверныя штуки! И слушай: ты и этотъ твой мученическій вѣнецъ — ерунда это все. Гдѣ-то тамъ тебѣ было еще гораздо хуже, чѣмъ дома, вотъ это правда.

Августа. Мама! Будь свидѣтельницей: развѣ я не отклонила три предложенія?

Робертъ. Какъ бы не такъ! Если бы только мать выложила нужныя денежки, ну, тогда, конечно, эти господа прихватили бы ужъ кстати и тебя.

Г-жа Шольцъ. Деньги? (Наступая на Роберта, хватая его за руку) Такъ возьми кухонный ножъ!.. Вырѣжь изъ меня! Вырѣжь изъ меня деньги!

Августа. Они — меня? Хочешь, я тебѣ сейчасъ покажу письма съ отказомъ?

Г-жа Шольцъ (перебивая). Дѣти! (Дѣлаетъ такое движеніе, точно подставляетъ грудь подъ смертельный выстрѣлъ) Вотъ сюда! Лучше сразу убейте меня! Неужели же нѣтъ у васъ хоть немного жалости ко мнѣ? Хоть вотъ столько?.. А?.. Великій Боже!.. пяти минутъ... Не знаю, что это за дѣти!.. Пяти минутъ не могутъ они пробыть мирно!

Робертъ. Ну, конечно, я же только-что сказалъ: опять будетъ здѣсь нескладно.

(Фрибэ спускается озабоченный съ верхняго этажа. Что-то шепчетъ г-жѣ Шольцъ, та даетъ ему ключъ. Фрибэ уходитъ въ погребъ).

Робертъ (молча слѣдилъ за всей этой сценой. Въ тотъ самый мигъ, когда Фрибэ исчезаетъ за дверью въ погребъ, восклицаетъ): Ага!

Августа (въ свой чередъ не сводитъ глазъ съ Роберта. Говоритъ съ раздраженіемъ). Нѣтъ у тебя ни къ чему уваженія, ни къ чему, ни къ чему!

Робертъ. Ну, и дальше?

Августа. Но ты играешь комедію, ты жалко лжешь, а это — самое отвратительное!

Робертъ. Ты имѣешь въ виду отца?

Августа. Конечно, отца!

Робертъ (пожимая плечами). Если ты думаешь...

Августа. Да... если бы... если бы это было иначе, тогда... да... тогда... ты былъ бы негодной тварью.

Г-жа Шольцъ (вставляетъ въ ихъ разговоръ). Будетъ этому скоро конецъ... или, или...

Робертъ. Въ такомъ случаѣ я—негодная тварь? Ну-съ, а затѣмъ?

(Ида чего-то тревожно ждетъ, уходитъ въ стеклянную дверь).

Августа. Фу, безстыжій!

Робертъ. Безстыжій, совершенно вѣрно.

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Не вѣрю я вамъ... Вы лучше, чѣмъ хотите заставить насъ думать... лучше, чѣмъ даже вы сами думаете...

Робертъ (со слабымъ, затѣмъ все взвинчивающимся сарказмомъ, холодно). Достоуважаемая г-жа Бухнеръ! Можетъ-быть, это чрезвычайно любезно... но, какъ говорится, — я не знаю хорошенько, чѣмъ могъ я заслужить такую честь... Но я долженъ отклонить вашу любезность. Мое самоуваженіе, по крайней мѣрѣ — пока, еще вовсе не такъ незначительно, чтобы нуждаться въ чьей-нибудь...

Г-жа Бухнеръ (съ нѣкоторымъ смущеніемъ). Да я вовсе и не думала. Только... вашъ отецъ...

Робертъ. Мой отецъ для меня — докторъ медицины Фрицъ Шольцъ.

Августа. Да, да, поговори!

Робертъ. И если для меня этотъ человѣкъ все-таки не совсѣмъ такой же безразличный, какъ какой-нибудь дуракъ X или Y, то это потому, что я... ну, и такъ далѣе... (Куритъ). Что я... ну, да—я все-таки въ нѣкоторомъ родѣ продуктъ его глупости.

Г-жа Бухнеръ (точно оглушенная). Простите! Тутъ ужъ я не могу... Какъ хватаетъ у васъ смѣлости говорить такъ?! Мнѣ прямо страшно.

Г-жа Шольцъ (обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ). Пускай, пускай! Ты еще и не то увидишь у насъ...

Августа. Что же съ этимъ подѣлаешь, мать! Мы—такіе, какіе есть. Другіе, которые Богъ знаютъ какъ поступаютъ,—ничѣмъ не лучше.

Робертъ. Въ самомъ дѣлѣ, все еще есть наивныя души, которыя чувствуютъ себя скверно, если не могутъ чинить и улучшать своихъ ближнихъ. Старые предразсудки! Рутина!..

Г-жа Бухнеръ (беря Роберта за обѣ руки, съ искреннимъ чувствомъ). Г. Робертъ! Я чувствую, что служу одной опредѣленной цѣли. Это подчиняетъ меня. Отъ всего сердца говорю вамъ—вы меня не обидѣли.

Робертъ (нѣсколько растерявшись). Вы поразительная женщина.

Фрибэ (приходитъ изъ погреба. Въ лѣвой рукѣ у него три бутылки краснаго вина: держитъ, зажавъ горлышки между пальцевъ: подъ лѣвой рукой, подъ мышкой—бутылка коньяку, въ правой рукѣ—ключъ отъ погреба. Подходитъ къ г-жѣ Шольцъ, говоритъ озабоченно). Теперь скорѣе сигары!

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Господи! Да не знаю я, Фрибэ, гдѣ онѣ.

Робертъ. Въ письменномъ столѣ.

Г-жа Шольцъ. Ахъ, правда! (Береть связку ключей и тревожно ищетъ нужный ключъ).

Августа. Ты же знаешь, какой ключъ отъ письменнаго стола.

Робертъ. Съ прямой бородкой.

Г-жа Шольцъ. Вѣрно! Постой!..

Робертъ. Дай-ка сюда...

Г-жа Шольцъ. Постой, постой!.. Вотъ! Ахъ, нѣтъ, не тотъ!.. Совсѣмъ спуталась!.. (Передавая Роберту связку) На!

Робертъ (снимаетъ нужный ключъ и передаетъ Фрибэ). Вотъ! Желаю, чтобы вамъ понравились сигары моего отца.

Фрибэ. Ну да! Какъ же! Онъ ихъ цѣлый день не выпускаетъ изъ зубовъ! (Сильный звонокъ). Иду, иду! (Фрибэ уходитъ наверхъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, теперь скоро отъ вина ничего не останется! Великій Боже! къ чему все это приведетъ?! Постоянно вино, дорогія крѣпкія сигары! Говорю вамъ, онъ погубитъ себя.

Робертъ. Что же, каждый воленъ...

Г-жа Бухнеръ. Что хотите вы этимъ сказать?..

Робертъ. Каждый воленъ доставлять себѣ тѣ удовольствія, какія ему нравятся. По крайней мѣрѣ, я ни за что не позволилъ бы посягать на это мое право, даже закону. А впрочемъ, странно!

Г-жа Бухнеръ. Что?

Робертъ. Странно!..

Г-жа Бухнеръ. Почему смотрите вы на меня такъ пристально? Страннымъ вамъ кажется что-то во мнѣ?

Робертъ. Какъ посмотрѣть. Вы уже столько дней у насъ и все еще не думаете о томъ, чтобы уѣхать.

Августа. Говорить такъ!

Г-жа Шольцъ. Конца этому не будетъ! (Съ отчаяніемъ качаетъ головой).

Робертъ (грубо и запальчиво). Что-жъ, мать, развѣ это не правда? Развѣ когда-нибудь кто-нибудь чужой могъ выдер-

жать у насъ больше половины дня?.. Развѣ всѣ они не убѣгали отъ насъ,—Ничше, Леманы?..

Августа. На что намъ чужіе люди?.. Довольно съ насъ насъ самихъ.

Робертъ. Да, совершенно вѣрно! (Грубымъ тономъ) Скажу я вамъ, г-жа Бухнеръ! Въ присутствіи совершенно чужихъ людей они такъ вцѣплялись другъ другу въ волосы, что клочья летѣли! Мать срывала скатерть, отецъ билъ графины съ водой. Весело, не правда ли?.. Веселыя сценки, веселыя дѣтскія впечатлѣнія?

Августа. Ты бы долженъ провалиться отъ стыда, подлецъ! (Быстро уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Теперь видишь? И вотъ такъ я жила десятки лѣтъ, десятки лѣтъ! (Уходитъ возбужденная).

Робертъ (продолжаетъ увѣренно). Впрочемъ, чему тутъ удивляться! Сорокалѣтній мужчина женился на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ и притащилъ ее съ собою въ этотъ глухой, всѣми забытый уголъ. Человѣкъ, служившій врачомъ въ турецкой арміи и путешествовавшій по Японіи. Развитой, предпріимчивый умъ. Человѣкъ, который еще вчера носился съ самыми широкими планами, связалъ себя съ женщиной, которая еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ была непоколебимо убѣждена, что можно разглядѣть въ небѣ Америку, какъ звѣзду. Да, да! Я не преувеличиваю. Только такіе результаты и могли получиться: стоячее, гнилое, бродящее болото, изъ котораго мы имѣли сомнительное удовольствіе произойти. Волосъ становится дыбомъ! Ни слѣда любви, ни тѣни взаимнаго пониманія, уваженія, — вотъ та почва, на которой выросли мы, дѣти.

Г-жа Бухнеръ. Г. Робертъ! Я бы очень просила васъ...

Робертъ. Хорошо!.. Не для чего мнѣ говорить! Да къ тому же исторія эта...

Г-жа Бухнеръ. Нѣтъ, нѣтъ! Я только хотѣла бы попросить васъ объ одномъ. Надо спѣшить.

Робертъ. Просить? меня?..

Г-жа Бухнеръ. Можетъ-быть, вы, ради меня... можетъ-быть... Развѣ это такъ ужъ совсѣмъ невозможно?.. Можетъ, вы хоть на сегодняшній вечеръ сбросили бы съ себя свою маску?

Робертъ. Великолѣпно!.. Сбросить маску?

Г-жа Бухнеръ. Да, потому что это—маска, а не ваше настоящее лицо.

Робертъ. Что вы говорите!

Г-жа Бухнеръ. Обѣщайте мнѣ, г. Робертъ...

Робертъ. Но я совсѣмъ не знаю...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ... Вашъ братъ Вильгельмъ можетъ каждую минуту пріѣхать и...

Робертъ (перебивая). Г-жа Бухнеръ! Если бы вы... захотѣли... мнѣ... повѣрить! Всѣ ваши усилія... увѣряю васъ... совершенно напрасны. Все это ни къ чему не приведетъ, абсолютно ни къ чему. Всѣ мы изгажены до самаго основанія! Изгажены отъ рожденія, окончательно изгажены воспитаніемъ. Тутъ уже ничего не подѣлаешь. На видъ все какъ будто такъ славно: елка... свѣчи... подарки... семейный праздникъ... Но это только такъ, сверху, а на самомъ днѣ—мучительная, грубая ложь—больше ничего! А теперь еще отецъ. Если бы я не зналъ, какъ трудно отъ него чего-нибудь добиться,—честное слово, я бы подумалъ, что это вы привезли его сюда.

Г-жа Бухнеръ. Ей-Богу, нѣтъ! И это оживило мои надежды. Это не можетъ быть случайность, это—судьба. И оттого отъ всей души прошу я васъ: встрѣтьте вы своего брата дружелюбно, ласково! Если бы вы знали, какъ хорошо онъ всегда говоритъ о васъ, съ какою любовью, съ какимъ уваженіемъ...

Робертъ (перебивая). Ну, и какая же цѣль?

Г-жа Бухнеръ. Т.-е. какъ?

Робертъ. Т.-е. чего ради долженъ я къ нему отнестись дружелюбно, ласково?

Г-жа Бухнеръ. Вы объ этомъ спрашиваете?

Робертъ. Да.

Г-жа Бухнеръ. Ну... прежде всего для того, чтобы не сдѣлать ему тягостнымъ возвращеніе въ родительскій домъ.

Робертъ. О, намъ нѣтъ другъ до друга никакого дѣла, какъ вы, вѣроятно, и предполагаете, а потомъ... впрочемъ, если вы думаете, что отъ появленія въ сихъ комнатахъ зашевелится въ немъ какое-то нѣжное чувство, вы...

Г-жа Бухнеръ. Вашъ братъ—такой хорошій, въ своей основѣ — такой благородный человѣкъ!.. Онъ выдержалъ страшную борьбу, прежде чѣмъ рѣшился на этотъ шагъ. Могу вамъ поручиться, онъ приходитъ сюда съ горячимъ желаніемъ примириться.

Робертъ. Совершенно не понимаю, что это значитъ: примириться! Съ чѣмъ же это хочетъ онъ примириться? Ничего подобнаго не понимаю. Вѣдь мы-то, братья, достаточно понимаемъ другъ друга. Это для меня совершенно

ново. Мнѣ не въ чемъ упрекать его. Съ другой стороны, фактовъ не скроешь. Позвольте васъ спросить: какъ вы полагаете? Питаю я какое-нибудь особое уваженіе къ своему отцу?.. Конечно, нѣтъ!.. Или, можетъ-быть, люблю его?.. Можетъ-быть, испытываю признательность сына?.. Ну, такъ знайте—для всего такого нѣтъ у меня ни малѣйшихъ основаній. Всю жизнь были мы другъ для друга, въ лучшемъ случаѣ, ничѣмъ. А иногда, когда каждый изъ насъ считалъ другого виновнымъ въ своемъ несчастіи, мы даже ненавидѣли другъ друга. Ну, такъ вотъ, вспыхнула та же ненависть между отцомъ и Вильгельмомъ. Вполнѣ это понимаю. Можетъ-быть, только случайность, что я не поступилъ такъ же, какъ Вильгельмъ. Словомъ, я ничего не имѣю противъ него, — notabene,—когда не вижу его. Но какъ только встрѣчусь съ нимъ, летятъ всѣ мои разсужденія къ чорту, и тогда становлюсь я... того... ну, какъ бы это сказать?.. тогда... тогда... вижу я въ немъ только человѣка, который ударилъ по лицу *моего* отца,—не своего, но моего отца.

Г-жа Бухнеръ. О, великій Боже!

Робертъ. И тогда я не могу ни за что поручиться, буквально—ни за что.

Г-жа Бухнеръ. Боже, Боже! Такъ вотъ въ чемъ дѣло. Ударилъ, говорите вы? По л...нцу?.. своего собственнаго отца?

Робертъ. Ну, и такъ дальше...

Г-жа Бухнеръ (почти безсознательно). Боже!.. Великій Боже!.. Но... въ такомъ случаѣ... я хочу... я должна сейчасъ же поговорить съ вашимъ славнымъ, старымъ отцомъ... въ такомъ случаѣ...

Робертъ (глубоко испуганный). Съ кѣмъ?

Г-жа Бухнеръ (почти плача). Съ вашимъ славнымъ, старымъ, бѣднымъ, оскорбленнымъ отцомъ.

Робертъ (хочетъ ее удержать). Ради Бога, что хотите вы?..

Г-жа Бухнеръ. Оставьте меня! Я должна, должна... (Уходитъ по лѣстницѣ).

Робертъ (кричитъ ей вслѣдъ). Г-жа Бухнеръ! (Оборачиваясь) Истерія! Проклятая!

(Онъ пожимаетъ плечами и ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ; нѣсколько разъ онъ вдругъ начинаетъ бѣжать, точно хочетъ ее догнать, но каждый разъ мѣняетъ это рѣшеніе, наконецъ совсѣмъ отказывается отъ него и заставляетъ себя успокоиться, доводитъ себя до наружнаго равнодушія. Въ этомъ состояніи онъ сначала возится съ трубкою: выколачиваетъ ее, набиваетъ свѣжимъ табакомъ, который вынимаетъ изъ табачницы, закуриваетъ и нѣсколько мгновеній какъ

будто всецѣло отдается наслажденію куреніемъ. Затѣмъ его вниманіе понемногу сосредоточивается на елкѣ и на подаркахъ, разложенныхъ на столѣ. Онъ стоитъ передъ ними, широко разставивъ ноги, все разглядываетъ и нѣсколько разъ горько смѣется, не выпуская трубки изо рта. Затѣмъ вдругъ приходитъ въ изумленіе и, вынувъ трубку изо рта, наклоняется низко къ столу. Выпрямившись, точно только въ это мгновеніе замѣчаетъ, что онъ одинъ въ комнатѣ. Боязливо оглядѣвшись кругомъ, точно воръ, снова наклоняется къ столу, торопливо хватаетъ кошелекъ изъ желтаго шелка, подноситъ его ближе къ глазамъ и затѣмъ—къ губамъ, порывистымъ, страстнымъ движеніемъ. Въ это мгновеніе видна въ немъ вспышка жуткой болѣзненной страстности. Какой-то шумъ пугаетъ его. Онъ сейчасъ же кладетъ кошелекъ на прежнее мѣсто. Робертъ хочетъ уйти потихоньку, идетъ на цыпочкахъ. Въ тотъ моментъ, когда онъ собирается исчезнуть въ боковую дверь налѣво, онъ замѣчаетъ, что въ сосѣднюю дверь входитъ г-жа Шольцъ, и, притаившись, останавливается).

Г-жа Шольцъ (тяжелыми шагами, но быстро идетъ черезъ залу къ выходу на лѣстницу. Здѣсь прислушивается).

Робертъ (оборачиваясь). Мать, скажи мнѣ! Чего, собственно, хочетъ эта женщина?

Г-жа Шольцъ (испуганно). О, Господи, Боже мой! Какъ ты напугалъ...

Робертъ. Что... зат... что, собственно, затѣваетъ здѣсь эта Бухнеръ? Я бы очень хотѣлъ знать...

Г-жа Шольцъ. Я бы лучше хотѣла знать... что отецъ... Чего онъ хочетъ?.. Да, скажи мнѣ! Чего... онъ хочетъ?

Робертъ. Не откажешь же ты ему все-таки въ крови?

Г-жа Шольцъ (почти плача, упрямо). Постичь не могу... Вѣдь столько времени не была... я ему нужна... По крайней мѣрѣ, можно было ни отъ кого не зависѣть... Теперь опять начнется все это... Теперь, на старости лѣтъ, опять придется быть точно маленькимъ ребенкомъ, кого-то слушаться.

Робертъ. Ты не можешь не преувеличивать! Всюду одно и то же: надо, во что бы то ни стало, преувеличивать.

Г-жа Шольцъ. Ты только посмотри, что будетъ, когда онъ завтра увидитъ, что оранжерея пустая. Не могу же я держать особаго садовника!.. И муравьиныхъ ящиковъ тоже уже нѣтъ. По мнѣ, совершенно ни къ чему цвѣты, отъ нихъ только головная боль! И эти скверныя насѣкомыя!.. Не знаю, на что они ему. Но почему-то нужно разоряться изъ-за нихъ. Какой подымется гамъ! Я уже боюсь до смерти... Скверно стало жить на бѣломъ свѣтѣ!

Робертъ (пока г-жа Шольцъ говоритъ это, пожимаетъ плечами и хочетъ уйти. При послѣднихъ словахъ останавливается и отвѣчаетъ). А развѣ когда-нибудь было лучше?

Г-жа Шольцъ. Ну, все-таки, я думаю!

Робертъ. Вотъ какъ? Во всякомъ случаѣ, это было до меня. (Уходитъ въ первую дверь налѣво).

Г-жа Шольцъ (снова прислушиваясь у лѣстницы). Когда я вспоминаю... Наверху говорятъ... (Глядитъ наверхъ, видитъ, что одна, снова тревожно вслушивается и наконецъ уходитъ, приложивъ руку къ уху, на лѣстницу. Лицо ея полно тоски, муки и любопытства).

(Въ стеклянную дверь входятъ Ида и Вильгельмъ. Вильгельмъ—средняго роста, сильный, на видъ—здоровый человѣкъ. Низко-остриженная русая голова. Платье на немъ сидитъ хорошо, но безъ щеголеватости. Пальто, шляпа, дорожная сумка. Лѣвая рука лежитъ на плечахъ Иды, она обняла его правой рукой. Онъ слегка упирается, она тянетъ его впередъ).

Ида. Ну вотъ видишь, ты ужъ и здѣсь! Главное уже сдѣлано.

Вильгельмъ (тяжело вздохнувъ). О, нѣтъ!

Ида. Можешь мнѣ повѣрить. Твоя мать очень, очень рада. И Густя тоже. (Она стягиваетъ съ него зимнія перчатки). Откуда онѣ у тебя?

Вильгельмъ. Значитъ, ты уже знаешь мою... мать?

Ида. Еще бы, всѣхъ, дорогой мой! Съ сегодняшняго дня мы даже говоримъ другъ другу *ты*.

Вильгельмъ. И что же, какъ? Понравились они тебѣ?

Ида. Отличные, душевные люди,—вѣдь ты самъ знаешь.

Вильгельмъ (съ каждой секундой все смущеннѣе, точно говоря съ самимъ собою). Пора...зительно... (Глаза его падаютъ на елку. Заглядѣвшись на нее, онъ помимо своей воли остановился).

Ида (разстегивая ему пальто). Но, золото мое! Вѣдь не въ первый же разъ видишь ты елку...

Вильгельмъ. Здѣсь—въ первый... И ты не можешь, не можешь почувствовать такъ, какъ я... какъ необычайно...

Ида (снимаетъ съ него пальто. Онъ механически позволяетъ дѣлать это). Прошу тебя, прошу, Вилли! (Стоитъ передъ нимъ съ пальто на рукѣ, со шляпой и сумкой въ рукахъ). Вилли, посмотри на меня!.. (Желая вызвать въ немъ бодрость) Будь силенъ! (Секунду стоитъ вся вытянувшись, затѣмъ быстро относитъ въ сторону вещи и опять возвращается къ Вильгельму). Ты мнѣ об... обѣщалъ...

Вильгельмъ. Видѣла ты когда-нибудь... Ида... видѣла ты когда-нибудь... склепъ съ вѣнками...

Ида (испуганно). Вильгельмъ! (Бурно обнимаетъ его, внѣ себя) Это зло! Это въ самомъ дѣлѣ зло! Въ самомъ дѣлѣ, очень, очень зло...

Вильгельмъ (нѣжно прижимаетъ ее къ себѣ, съ подавляемымъ

волненіемъ). Ахъ, все это совсѣмъ не важно... (Холодно, задумчиво) Ну, ничего, ничего!..

Ида. Вотъ ты какой!

Вильгельмъ (осматривая елку). А такъ, кромѣ этого, все... по-старому... Ида!.. Право, ты должна принять это въ расчетъ!

Ида. Мнѣ вдругъ стало такъ страшно, Вилли! Можетъ-быть, въ концѣ концовъ было бы лучше, если бы... Мама, навѣрное, не знала, что тебѣ будетъ такъ, такъ тяжело, а я... я только думала... потому что мама говорила... я вовсе и не хотѣла. Но теперь... теперь, разъ ты уже зашелъ такъ далеко, будь... слышишь? Сдѣлай для меня!.. Ахъ! (Обнимаетъ его).

Вильгельмъ (котораго рука Иды притянула еще немного впередъ, съ глубокимъ внутреннимъ потрясеніемъ). Каждый шагъ впередъ... Чего только ни пережилъ я здѣсь!

Ида. Только не вороши... не вороши стараго!

Вильгельмъ. Посмотри!.. Теперь мнѣ дѣлается ясно... Твоя мать не должна бы была совѣтовать мнѣ это... Она всегда такая увѣренная, такая... Вѣдь я же зналъ, я говорилъ ей... Но эта наивная, непоколебимая увѣренность... Я не долженъ былъ позволить ослѣпить себя...

Ида. Ахъ, Вилли, какъ тяжело все на тебя дѣйствуетъ. Повѣрь мнѣ, завтра ты будешь говорить иначе... когда опять увидишь ихъ всѣхъ... Ты будешь тогда, по крайней мѣрѣ, правъ передъ самимъ собою. Ты доказалъ, что серьезно хотѣлъ жить въ мирѣ со своей семьей.

Вильгельмъ. Когда видишь все снова... всѣ старыя мѣста... все воскресаетъ... Понимаешь? Прошлое подступаетъ такъ близко, такъ завладѣваетъ... кажется, что... дѣлаешься совершенно безоружнымъ.

Ида (обнимая его со слезами). Когда я вижу тебя такимъ, Вильгельмъ... только не подумай... ради Бога, не подумай, что я побуждала бы тебя, если бы я могла только предполагать... не подумай этого! Мнѣ такъ страшно больно за тебя!

Вильгельмъ. Ида!.. Говорю тебѣ... могу тебя увѣрить, я долженъ бѣжать отсюда... Несомнѣнно!.. Для такого натиска я не выросъ... несомнѣнно! Можетъ-быть, это погубитъ меня... навсегда... Вѣдь ты еще дитя!.. Милое, чистое дитя, Ида. Ты не можешь знать... Слава Богу, что ты даже не можешь подозрѣвать... то, что меня, что человѣка, который близокъ тебѣ... говорю тебѣ... ненависть! злоба!.. едва я вошелъ сюда...

Ида. Хочешь, уйдемъ отсюда? Сейчасъ же уйдемъ?

Вильгельмъ. Да, потому что... въ этой обстановкѣ... даже ты!.. Я ужъ едва отличаю тебя отъ другихъ... Я лишаюсь тебя!.. Я совершаю преступленіе уже однимъ тѣмъ, что *ты здѣсь.*

Ида. Ахъ, если-бъ ты говорилъ, Вильгельмъ, немного яснѣе! Навѣрное, здѣсь произошло что-то ужасное, что...

Вильгельмъ. Здѣсь? Преступленіе! И оно тѣмъ страшнѣе, что не считается преступленіемъ. Здѣсь дали мнѣ жизнь и здѣсь же эту самую жизнь, говорю тебѣ... я могъ бы сказать—портили почти систематически... такъ что она стала мнѣ отвратительной, что я несъ, волочилъ ее, сгибаясь подъ ея тяжестью, какъ вьючное животное... И я спрятался, глубоко зарылся, не знаю, какъ назвать... Но вѣдь страдаешь и не говоря... Ненависть, ярость, раскаяніе, отчаяніе... нѣтъ покоя!.. День и ночь та же жгучая, пожирающая боль... (показываетъ на лобъ) здѣсь!.. (показываетъ на сердце) и здѣсь...

Ида. Что же мнѣ дѣлать, Вильгельмъ? Я уже не рѣшаюсь... что-нибудь посовѣтовать тебѣ... такая я...

Вильгельмъ. Вы бы должны были быть довольны... что я былъ счастливъ вдали. Тамъ, вдали отсюда, все было такъ хорошо, все прошлое такъ поблекло... Теперь только понимаю я, какъ далеко все то ушло отъ меня... (Сломленный напряженіемъ, падаетъ на стулъ).

Ида (подавляя крикъ). Вильгельмъ!

Г-жа Бухнеръ (быстро вбѣгаетъ черезъ арку передъ лѣстницей, бросается къ Вильгельму). Вильгельмъ, выслушайте меня, Вильгельмъ! Подумайте о томъ, о чемъ мы говорили. Теперь... если я дорога вамъ... заклинаю васъ... теперь докажите... Да, я требую... Я, какъ мать моего ребенка, хочу, чтобы вы... Вильгельмъ!.. Отъ васъ зависитъ... отъ васъ одного... Вильгельмъ, вы были страшно виноваты!.. На васъ ужасная вина... Вы узнаете снова радость... Я сдѣлала это... Я говорила съ вашимъ отцомъ. Онъ...

Вильгельмъ (вскакиваетъ съ выраженіемъ оцѣпенѣнія. Голосъ прерывается). Съ от... отцомъ?.. Какъ... съ м...моимъ от... цомъ? (Шатается, точно помѣшанный, хочетъ взять свои вещи).

Ида (страшно испуганная). Виль... В...

Вильгельмъ (знаками объясняетъ, чтобы его не удерживали).

Ида. Ахъ... мама... Вильгельмъ... ты... ты не должна была... сказать ему это такъ сразу.

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Вѣдь вы — мужчина! Вы

не могли обманывать насъ... Если есть въ васъ еще хоть искра любви къ намъ... къ Идѣ... Я взываю къ вамъ... Я женщина...

Ида (бросается къ Вильгельму, который уже взялъ свои вещи, и, обвивъ его руками, удерживаетъ его). Ты не долженъ уходить, или я... Мать! Если онъ уйдетъ, и я уйду съ нимъ!

Вильгельмъ. Почему... почему вы скрыли это отъ меня?

Ида. Мы ничего... ты не можешь такъ дурно объ насъ... мы ничего не скрыли.

Г-жа Бухнеръ. Всѣ мы—ваша мать, ваша сестра—также не имѣли никакого понятія... совершенно такъ же, какъ вы сами. Онъ появился лишь нѣсколько минутъ назадъ... не предупредивъ. И тогда я сейчасъ же подумала...

Вильгельмъ. Кто вамъ сказалъ о... *томъ*?

Г-жа Бухнеръ (беря со слезами его руку). Вы страшно, страшно виноваты.

Вильгельмъ. Значитъ, вы знаете?..

Г-жа Бухнеръ. Да, теперь...

Вильгельмъ. Все?

Г-жа Бухнеръ. Да, все... Вотъ видите, я была права... что носили вы какое-то бремя. Это была тайна.

Вильгельмъ. Вы знаете, что я...?

Г-жа Бухнеръ (киваетъ утвердительно головой).

Вильгельмъ. А Ида?.. Должна ли она пасть жертвою такого человѣка... такого, какъ я... она знаетъ?.. И ты, Ида, ты тоже знаешь?

Ида. Нѣтъ. Вильгельмъ... только... знаю я, или нѣтъ... право же, это совершенно безразлично.

Вильгельмъ. Нѣтъ... Эта рука, которую ты... которую ты часто... Эта рука... (Обращаясь къ г-жѣ Бухнеръ) Вѣдь вы это?..

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Вильгельмъ (Идѣ). Какъ постыдно обманулъ я тебя!.. Не могу этого вынести... Потомъ!..

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ! Я знаю, чего я хочу, но я... Вы *должны* унизиться передъ вашимъ бѣднымъ отцомъ... Только тогда почувствуете вы себя снова совсѣмъ свободнымъ. Молите его! Просите его! Ахъ, Вильгельмъ, вы должны это сдѣлать! Вы должны обнять его колѣни... И если онъ наступитъ на васъ ногой, — не противьтесь! Не проронite ни слова! Будьте кротки, какъ ягненокъ! Повѣрьте мнѣ—женщинѣ, которая хочетъ вамъ только самаго лучшаго.

Вильгельмъ. Вы не знаете... Вы не понимаете, чего вы отъ меня... О, вы должны благодарить Бога, г-жа Бухнеръ, что Онъ скрылъ отъ васъ вашу собственную жестокость. Пусть это мерзко. Пусть то, что я сдѣлалъ, мерзко. Но то, что я вытерпѣлъ, вотъ тутъ, что я перестрадалъ, какъ боролся съ самимъ собою... Эти ужасныя муки... Все взвалилъ онъ на меня... и наконецъ ко всему еще и эту проклятую вину... И все-таки!.. (Долго, глубоко смотритъ въ глаза Идѣ и приходитъ къ твердому рѣшенію). Можетъ-быть, все-таки мнѣ удастся!..

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната пуста. Она освѣщается частью краснымъ фонаремъ, спускающимся надъ лѣстницей, но главнымъ образомъ свѣтомъ изъ сосѣдней комнаты, который проникаетъ черезъ открытыя двери налѣво. Въ сосѣдней комнатѣ ужинаютъ, какъ можно судить по звону стакановъ, стуку тарелокъ, ножей и вилокъ.

(Ида, слѣдомъ за ней Вильгельмъ выходятъ изъ сосѣдней комнаты).

Ида. Наконецъ-то! (Привѣтливо) Теперь, Вилли, нужно тебѣ подумать объ отцѣ! Не сердись на меня, но если ты долженъ въ чемъ-то извиниться передъ отцомъ,—не надо ждать, когда онъ спустится внизъ къ тебѣ...

Вильгельмъ. Отецъ хотѣлъ сойти къ ужину?

Ида. Разумѣется. Мама ему...

Вильгельмъ (вдругъ стремительно, въ порывѣ страсти, обнимаетъ Иду и прижимаетъ къ себѣ).

Ида. Ой!.. Ахъ, ты... вдругъ кто-нибудь... Ты мнѣ всѣ волосы...

(Руки Вильгельма оезсильно скатываются. Онъ складываетъ руки, опускаетъ голову. Быстро придя въ себя, онъ стоитъ передъ нею, точно пойманный преступникъ).

Ида (поправляя волосы). Какой ты... точно буря...

Вильгельмъ. Ты зовешь это бурей... я называю... совсѣмъ... иначе...

Ида. Ну, Вилли! Чего же ты опять сталъ сразу такой убитый? Право, ничего съ тобою нельзя подѣлать.

Вильгельмъ (судорожно беретъ ея руки, кладетъ ей свою руку на плечо и быстро увлекаетъ ее впередъ по комнатѣ). Ничего нельзя подѣлать... Да, видишь... Именно этого... ничего я такъ не боялся, какъ того, чтобы я... чтобы всѣ твои уси-

лія изъ-за меня не были напрасными... Я такъ отвратительно быстро мѣняюсь! (Показывая на лобъ) Здѣсь никогда не бываетъ спокойно. Въ секунду рѣшаются всѣ судьбы. Я боюсь самого себя. Бѣжать отъ самого себя, — можешь ты себѣ это представить? А вотъ я, понимаешь ты, такъ бѣгу отъ себя... всю свою жизнь.

Ида. Въ концѣ концовъ... Ахъ, нѣтъ, это не годится...

Вильгельмъ. Говори, говори!..

Ида. Иногда... уже нѣсколько разъ думала я... въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько разъ казалось мнѣ, будто... только ты не сердись... будто ничего того, отъ чего ты долженъ былъ бы бѣжать, вовсе и нѣтъ. И я даже... уже...

Вильгельмъ. О, нѣтъ, не вѣрь этому! Слѣдила ты за Робертомъ, видѣла ты?

Ида. Нѣтъ. А что?

Вильгельмъ. Замѣтила ты, какъ онъ со мной поздоровался? Вотъ онъ, видишь, онъ знаетъ, что я долженъ бѣжать. Вотъ этотъ знаетъ меня. Спроси его, — этотъ тебѣ объяснитъ! И онъ этимъ угрожаетъ мнѣ. Ты, ты... это я лучше знаю. Ты только обрати вниманіе, какъ онъ всегда глядитъ на меня! Точно говоритъ: «тебѣ, должно-быть, страшно, ты долженъ бояться». Ха-ха-ха!.. Нѣтъ, любезный братецъ, все-таки до такой степени мы еще не жалки. Теперь ты, конечно, понимаешь, Ида, что я не долженъ этого допустить... я хочу сказать, не должно быть у тебя на мой счетъ иллюзій. Тутъ возможно только одно: все во мнѣ должно быть открыто передъ тобой... Я добиваюсь этого... И когда ты будешь знать меня всего, тогда... Я хочу сказать, если и тогда я не буду тебѣ противенъ... или если ты... будешь въ состояніи любить меня... тогда... это было бы... тогда воскресло бы во мнѣ что-то... бодрое, гордое.. Тогда могъ бы я жить. даже если бы они всѣ презирали меня... (Ида очень довѣрчиво прислоняется къ нему). А теперь... теперь я и тебѣ... прежде чѣмъ подымусь наверхъ къ отцу... Ты знаешь, что я думаю?!

Ида (наклоняетъ голову).

Вильгельмъ. Теперь ты... я долженъ пересилить себя и сказать тебѣ, что было между мною... и моимъ... отцомъ... Да, Ида, я хочу это сдѣлать... (Они ходятъ, взявъ другъ друга подъ-руку). Ты представь себѣ! Я пріѣзжалъ сюда погостить... нѣтъ... нельзя начинать только съ этого... Нужно начать раньше... Ты вѣдь знаешь, я тогда уже довольно долгое

время самъ пробивалъ себѣ дорогу въ жизни... Да развѣ я тебѣ ничего не разсказывалъ объ этомъ?..

Ида. Нѣтъ... Только спокойнѣе... только, Вилли, не волнуйся напрасно...

Вильгельмъ. Видишь, вотъ тебѣ еще доказательство того, что я—трусъ. До сихъ поръ не хватило у меня смѣлости разсказать тебѣ о моемъ прошломъ. Во всякомъ случаѣ, и на это нужна смѣлость... Чѣмъ-то рискуешь,—и передъ самимъ собою... Все равно! Если бы я не могъ преодолѣть себя въ этомъ, какъ бы нашелъ я въ себѣ силъ—подняться къ отцу?!

Ида. Ахъ, не мучь ты себя!... Теперь столько всего надвигается на тебя.

Вильгельмъ. Тебѣ страшно?.. Какъ? Ты боишься услыхать что-то такое...

Ида. Фу, фу, ты не долженъ такъ говорить!

Вильгельмъ. Ну, итакъ, — представь ты себѣ: тамъ наверху жилъ отецъ. Пока онъ не женился на матери, онъ жилъ одиноко и скоро опять сталъ жить такъ же; опять сталъ вести свою одинокую, уединенную жизнь... Затѣмъ вдругъ набросился на насъ — на Роберта и меня; на Августу онъ не обращалъ никакого вниманія... Каждый день цѣлыхъ десять часовъ корпѣли мы надъ книгами... Когда я вижу, даже теперь, эту тюрьму... Она около его рабочей комнаты... Ты же видѣла!

Ида. Это большая зала наверху?..

Вильгельмъ. Да... Когда мы входили въ эту комнату,—для насъ наступала ночь, хотя бы солнце било яркими лучами въ окна... Ну, вотъ видишь, тогда мы бѣжали къ матери... Мы попросту убѣгали отъ него... И тогда разыгрывались всякія сцены... Мать тащила меня къ себѣ за лѣвую руку, отецъ—за правую... Доходило до того, что Фрибэ хваталъ насъ и волочилъ наверхъ. Мы отбивались, кусали ему руки; конечно, все это ничему не помогало, жизнь наша только дѣлалась еще болѣе несносной... Но мы не хотѣли покориться. И—теперь я знаю это—отецъ началъ насъ ненавидѣть. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ разъ не спустилъ насъ съ лѣстницы. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ насъ переносить, видъ нашъ сталъ ему противенъ.

Ида. Но вѣдь твой отецъ — ты признаёшь это? — хотѣлъ вамъ только добра. Вы должны были много учиться...

Вильгельмъ. Да, пожалуй, до нѣкоторой степени...

тогда были у него хорошія намѣренія. Но въ то время вѣдь мы были мальчиками девяти или десяти лѣтъ. А затѣмъ добрыя намѣренія прекратились. Напротивъ, тогда у него явилось желаніе, чтобы мы совершенно погибли... Да, да! На зло матери... Цѣлыхъ пять лѣтъ были мы всецѣло предоставлены самимъ себѣ... на насъ махнули рукой... Мы стали бандитами и ворами... У меня все-таки еще что-то было,—я набросился на музыку. У Роберта же не было ничего... Но мы набросились и на совсѣмъ другое... и врядъ ли когда-нибудь отдѣлаемся мы отъ послѣдствій этого... Наконецъ отецъ все-таки опомнился. Между нимъ и матерью происходили ужасныя сцены. Насъ забрали и помѣстили въ какое-то учебное заведеніе. Но я уже никакъ не могъ привыкнуть къ тамошней подневольной жизни и бѣжалъ. Тогда отецъ велѣлъ меня поймать и доставить въ Гамбургъ: онъ рѣшилъ сослать негодяя въ Америку... Конечно, негодяй снова бѣжалъ. Я забылъ о существованіи родителей, я голодалъ и собственными кулаками прокладывалъ себѣ дорогу въ жизни. У Роберта была приблизительно такая же жизнь. Тѣмъ не менѣе, въ глазахъ отца такъ и остались мы ни на что негодными людьми... Какъ-то разъ потомъ я былъ настолько наивенъ, что потребовалъ—не попросилъ, а потребовалъ отъ него поддержки. Я хотѣлъ поступить въ консерваторію. Въ отвѣтъ онъ написалъ мнѣ на открыткѣ: «сдѣлайся сапожникомъ!»... Такимъ-то образомъ, Ида, сдѣлались мы своего рода self made man... Но мы не очень горды этимъ.

Ида. Право, Вилли... право, я не могу иначе... я во всемъ сочувствую тебѣ... но... сейчасъ я не могу въ серьезъ... не смотри на меня такъ странно, прошу тебя... прошу...

Вильгельмъ. Право, это очень печально... а совсѣмъ не смѣшно...

Ида (не умѣя сдержать себя). Это — чувство торжества, Вильгельмъ! Я должна тебѣ сказать... пускай это эгоистично... но я такъ страшно рада... что тебѣ нужно все это... Я хочу такъ любить тебя, Вильгельмъ!.. Я такъ сразу увидала, къ чему, къ какой цѣли стремиться. Ахъ, я совсѣмъ смущена!.. Я очень жалѣю тебя. Но чѣмъ больше жалѣю, тѣмъ сильнѣе моя радость. Понимаешь ты, что я хочу сказать? Я думаю... мнѣ кажется... можетъ-быть, я могла бы тебѣ... все, чего у тебя не было... всю любовь... я хочу сказать... я могла бы тебѣ... такъ полно...

Вильгельмъ. Если бы только я... заслуживалъ... По-

тому что сейчасъ я долженъ разсказать... что̀ касается... меня одного... Нѣсколько лѣтъ назадъ... нѣтъ, т.-е... Я потомъ пріѣхалъ сюда, чтобы навѣстить мать... Пойми это вполнѣ ясно, Ида!.. Когда я снова увидалъ здѣсь все горе... Пойми, пойми вполнѣ... какъ тяжело было мнѣ...

Ида. Твоя мать... очень страдала?

Вильгельмъ. Во многихъ отношеніяхъ я думаю теперь о матери иначе. Но, во всякомъ случаѣ, главная вина лежитъ на отцѣ. Тогда же мнѣ представлялось, что онъ насильно держитъ мать около себя. И я захотѣлъ, чтобы она разсталась съ нимъ.

Ида. Но... этого... твоя мать не могла...

Вильгельмъ. Она и не послушалась меня. У нея не было для того мужества... Теперь... теперь ты, вѣроятно, можешь себѣ представить, какими глазами я смотрѣлъ на отца.

Ида. Послушай, Вильгельмъ, можетъ-быть, все-таки ты не былъ вполнѣ правъ относительно твоего отца...

Вильгельмъ (не обращая вниманія на замѣчаніе Иды). Одинъ разъ... я сдѣлалъ... глупость... У меня былъ другъ... Нѣтъ, чепуха, не другъ... случайный знакомый... музыкантъ... Ну, такъ вотъ, я привезъ его сюда съ собою... Это подѣйствовало освѣжающе на мать... Она играла съ нимъ каждый день... цѣлую недѣлю... въ четыре руки. И вотъ... Это ужасно, волосы встаютъ дыбомъ... Я говорю правду, вотъ какъ то, что я стою передъ тобою... Не было и тѣни чего-нибудь... И въ концѣ недѣли... горничная бросила ей въ лицо... что она...

Ида. Прости!.. Я не п... что̀?..

Вильгельмъ. Будто мать!.. будто она... будто моя мать... ты представь себѣ!.. Они осмѣлились открыто упрекать ее, что она... въ какихъ-то отношеніяхъ... съ... т.-е... *я* заставилъ говорить... Нахалы!.. Сказали, будто бы кучеръ... Я къ кучеру, и онъ... онъ... онъ прямо заявляетъ мнѣ, что онъ отъ барина... отъ самого барина... Разумѣется... Какъ же могъ я ему повѣрить?!. Или... по крайней мѣрѣ... я отказывался вѣрить... пока я не подслушалъ... разговоръ... какъ отецъ... въ конюшнѣ... говорилъ съ этимъ парнемъ... и... можешь мнѣ... повѣрить... у меня... отнялись руки... когда я... тамъ... услыхалъ... какъ онъ... говоритъ... о... моей... матери...

Ида. Только успокойся... не надо... не волнуйся такъ страшно... Вѣдь ты совсѣмъ...

Вильгельмъ. Не знаю... Знаю только... — захватываетъ насъ что-то... воля... соломинка... Нужно это испытать... Точно что-то рухнуло на меня... Такое состояніе, какъ будто... И въ такомъ состояніи я вдругъ оказался въ комнатѣ отца... Я взглянулъ на него... Онъ что-то... не могу теперь припомнить, — что... И тогда я его... буквально... этими... обѣими... руками... по...ка...ралъ... (Онъ съ трудомъ держится на ногахъ).

Ида (ея глаза полны слезъ; она ихъ вытираетъ, нѣсколько секундъ смотритъ въ упоръ на Вильгельма, блѣдная, потрясенная, затѣмъ, тихо плача, цѣлуетъ его въ лобъ).

Вильгельмъ. Ты милосердна.

(Наверху, на лѣстницѣ, слышенъ голосъ доктора).

Вильгельмъ. Ну, а теперь... (Выпрямляется. Ида еще разъ цѣлуетъ его. Онъ судорожно схватываетъ ея руку. Когда голосъ доктора затихаетъ, изъ сосѣдней комнаты слышенъ веселый смѣхъ).

Вильгельмъ (говоритъ, подразумѣвая и этотъ смѣхъ и приближеніе доктора, спускающіеся шаги котораго слышны на лѣстницѣ). У васъ — поразительная сила! (Они ободряюще жмутъ другъ другу руку, затѣмъ Ида отходитъ отъ Вильгельма. Прежде чѣмъ уйти, она еще разъ оборачивается, беретъ Вильгельма за руку и говоритъ: «Будь твердъ!». Уходитъ).

Д-ръ Шольцъ (еще на лѣстницѣ). Э! Чепуха! Направо, Фрибэ... Э... За локоть... не держать, не держать... Чортъ побери!..

Вильгельмъ (чѣмъ ниже спускается по лѣстницѣ докторъ, тѣмъ сильнѣе возбужденіе Вильгельма. Краски на лицѣ часто мѣняются; проводитъ рукою по волосамъ; глубоко дышитъ; дѣлаетъ такія движенія правой рукой, точно играетъ на роялѣ, и т. д. Ясно видно, какъ борются въ немъ различныя чувства, какъ колеблется онъ въ своемъ рѣшеніи. Онъ какъ будто уже хочетъ бѣжать, но его приковываетъ къ мѣсту появленіе доктора. Онъ схватился за спинку стула, чтобы удержаться на ногахъ, и стоитъ, дрожа, весь блѣдный. Докторъ также остановился, вытянувшись во весь свой внушительный ростъ, и обмѣриваетъ сына взглядомъ, въ которомъ—испугъ, ненависть и презрѣніе. Тихо. Фрибэ, который также вошелъ въ комнату, поддерживая доктора и свѣтя ему, пользуется этой минутой, чтобы ускользнуть въ кухню. Вильгельмъ, повидимому, съ физической болью переживаетъ душевную борьбу. Онъ хочетъ говорить, но горло сжалось, нѣтъ звука, и только беззвучно шепчутъ что-то губы. Снимаетъ руку со спинки стула и идетъ къ старику. Идетъ неувѣренно, шатается, останавливается, снова хочетъ говорить, но не въ силахъ, плетется дальше и падаетъ, сложивъ руки, къ ногамъ старика. Въ лицѣ доктора послѣдовательно мѣняются выраженія ненависти, изумленія, нарастающаго состраданія, смущенія).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ... мой милый мальчикъ! мой... (Старается поднять его) Встань же... (Беретъ обѣими руками поникшую голову Вильгельма и поворачиваетъ къ себѣ) Погляди

на меня... мальчикъ... погляди же на меня... Ахъ, да что же... съ..?

Вильгельмъ (шевелитъ губами).

Д-ръ Шольцъ (дрожащимъ голосомъ). Что... что... ты говоришь? Я...

Вильгельмъ. От... отецъ... я...

Д-ръ Шольцъ. Какъ?.. Что ты говоришь?..

Вильгельмъ. Я... тебя... тебя... о...

Д-ръ Шольцъ. Глупости, глупости!.. Не будемъ теперь... о такихъ...

Вильгельмъ. Я... съ тобою... какъ преступникъ...

Д-ръ Шольцъ. Глупости! Глупости!.. Я не знаю, зачѣмъ ты... что было—быльемъ поросло. Сдѣлай мнѣ такое одолженіе, мальчикъ!

Вильгельмъ. Теперь... сними съ меня... сними съ меня эту тяжесть...

Д-ръ Шольцъ. Простилъ и забылъ, мальчикъ! Простилъ и забылъ...

Вильгельмъ. Благодарю... (Глубоко вздохнулъ и потерялъ сознаніе).

Д-ръ Шольцъ. Мальчикъ! Да что же это, что ты со мною дѣлаешь!.. Что... (Поднимается, тащитъ упавшаго въ обморокъ къ ближайшему стулу. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ усадить его, быстро входитъ изъ сосѣдней комнаты Ида, Роберть, Августа, г-жа Шольцъ и г-жа Бухнеръ, изъ кухни—Фрибэ).

Д-ръ Шольцъ. Вина! Скорѣе немного вина! (Ида уходитъ и сейчасъ же возвращается съ виномъ).

Г-жа Шольцъ. О, Господи, Господи, Господи!.. Скорѣе опрыскайте водою!

Д-ръ Шольцъ (вливаетъ ему въ ротъ вина).

Августа. Что такое произошло?

Ида (блѣдная, въ слезахъ, прижимается щекою къ лицу Вильгельма). Холодный, какъ ледъ.

Г-жа Шольцъ. Я хотѣла бы только знать, изъ-за чего мальчикъ такъ взволновался... Мнѣ совершенно...

Робертъ (хватаетъ ее за руку и перебиваетъ). Мать!

Г-жа Бухнеръ. Опрыскать, опрыскать, г. докторъ!

Д-ръ Шольцъ. Шш... шш... Нѣтъ ли у васъ одеколона?

Г-жа Бухнеръ. Есть. (Передаетъ ему флаконъ) Вотъ!

Д-ръ Шольцъ. Благодарю... (Онъ третъ Вильгельму лобъ).

Ида (доктору). Но вѣдь, надѣюсь... не правда ли?.. Это только... (Она рыдаетъ). Ахъ, у него такой страшный видъ... точно... точно мертвый...

Робертъ (утѣшаетъ Иду).

Г-жа Шольцъ. Мальчикъ весь въ поту! (Отираетъ ему лобъ).

Вильгельмъ (зѣваетъ).

Д-ръ Шольцъ. Шшш... (Онъ и всѣ другіе напряженно смотрятъ на Вильгельма).

Вильгельмъ (откашливается, потягивается, открываетъ и сейчасъ же закрываетъ глаза. Точно въ полуснѣ, укладываетъ голову какъ будто для сна).

Д-ръ Шольцъ (внятно). Слава Богу! (Поднимается, отираетъ лобъ платкомъ и, взволнованный, немного смущенный, оглядываетъ окружающихъ. Ида, смѣясь и плача, бросается на шею къ матери. Робертъ едва сдерживаетъ волненіе, стоитъ со сложенными руками и скользитъ глазами послѣдовательно по всѣмъ присутствующимъ. Августа быстро ходитъ взадъ и впередъ, прижимая скомканный платокъ ко рту, и каждый разъ, проходя мимо Вильгельма, на мгновеніе останавливается, испытующе взглядываетъ на него. Фрибэ уходитъ на цыпочкахъ. Взглядъ доктора встрѣчается съ глазами жены. Она робко и несмѣло подходитъ, тихо береть его руку и похлопываетъ его по плечу).

Г-жа Шольцъ. Старичокъ мой!..

Августа (подражаетъ матери, обнимаетъ и цѣлуетъ отца. Тотъ позволяетъ, не вынимая руки изъ руки жены).

Августа (обнявъ отца). Мой дорогой папочка!

Робертъ (вдругъ рѣшившись, подходитъ къ отцу и трясетъ ему руку).

Г-жа Шольцъ (выпускаетъ руку доктора и подводитъ къ нему Иду).

Д-ръ Шольцъ (взглядываетъ на Иду, затѣмъ на Вильгельма, потомъ смотритъ вопрошающе на г-жу Бухнеръ).

Г-жа Бухнеръ (утвердительно киваетъ головой).

Д-ръ Шольцъ (дѣлаетъ движеніе, которое выражаетъ приблизительно слѣдующее: «Я не хочу что-либо сказать, я, можетъ-быть, ошибаюсь». Затѣмъ протягиваетъ руку дѣвушкѣ).

Ида (подходитъ, беретъ его руку, наклоняется и цѣлуетъ ее).

Д-ръ Шольцъ (испуганно отдергиваетъ руку).

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ. Всѣ пугаются).

Августа (въ дверяхъ въ сосѣднюю комнату, дѣлаетъ знакъ г-жѣ Шольцъ и уходитъ).

Г-жа Шольцъ (дѣлаетъ знаки доктору, которые должны означать: «для больного лучше, если всѣ уйдутъ въ сосѣднюю комнату»).

Д-ръ Шольцъ (киваетъ утвердительно головою и осторожно уходитъ рука объ руку съ г-жою Шольцъ).

Г-жа Бухнеръ (которой Ида даетъ понять, что она хочетъ остаться подлѣ Вильгельма, также уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (тихо). Фрейлейнъ Ида, быть-можетъ, вы... позволите мнѣ подежурить...

Ида (радостно изумленная). Отъ всей души! (Она жметъ ему руку и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Робертъ (подвигаетъ стулъ къ стулу Вильгельма и опускается на него, смотря на спящаго брата. Черезъ нѣсколько мгновеній вынимаетъ изъ кармана трубку, чтобы закурить, но во-время вспоминаетъ о присутствіи больного и сейчасъ же прячетъ ее назадъ).

Вильгельмъ (вздыхаетъ и потягивается).

Робертъ (тихо и осторожно). Вильгельмъ!

Вильгельмъ (откашливается, съ изумленіемъ, не понимая, гдѣ онъ, открываетъ глаза и говоритъ послѣ паузы, точно только сейчасъ дошло до него обращеніе Роберта). Да!

Робертъ. Какъ ты себя теперь чувствуешь?

Вильгельмъ (посмотрѣвъ нѣкоторое время съ раздумьемъ на Роберта, говоритъ слабымъ голосомъ). Робертъ?.. Да?..

Робертъ. Да, это я... Робертъ... Ну, какъ мы сейчасъ?..

Вильгельмъ. Хорошо... (Откашливается). Теперь совсѣмъ хорошо... (Онъ принужденно смѣется, дѣлаетъ слабое усиліе подняться и сейчасъ же снова падаетъ).

Робертъ Что ты! Еще слишкомъ рано, да?

Вильгельмъ (утвердительно киваетъ головой, вздыхаетъ, безсильно закрываетъ глаза. Потомъ широко открываетъ ихъ. Спокоенъ, говоритъ тихо, но отчетливо). Что такое, собственно, произошло?

Робертъ. Знаешь, Вильгельмъ, по-моему—самое лучшее—оставимъ пока это, не будемъ касаться... Увѣряю тебя лишь въ одномъ: что мнѣ, во всякомъ случаѣ, это всегда казалось невозможнымъ.

Вильгельмъ (воодушевленно). И мнѣ—также.

Робертъ. Да и какъ бы... а! Чепуха! Этого абсолютно немыслимо было предусмотрѣть! А все-таки случилось.

Вильгельмъ. Да... теперь мнѣ кажется... все болѣе... это... было... такъ хорошо... (Глаза его наполняются слезами).

Робертъ (съ легкой дрожью въ голосѣ). Все-таки мы сентиментальны, какъ женщины... Только одно совершенно несомнѣнно: обвинили мы человѣка... такъ, зря... старикато мы не знали.

Вильгельмъ. Отца?.. Нѣтъ! Вѣдь всѣ мы — такіе слѣпые, слѣпые!

Робертъ. Да, видитъ Богъ,—это правда...

Вильгельмъ. Какъ все это странно! Вѣдь онъ насъ любитъ! Вѣдь онъ, этотъ старикъ, — такой безграничнодобрый!..

Робертъ. Да, онъ можетъ быть добрымъ; до сихъ поръ я этого не зналъ.

Вильгельмъ. Я начинаю что-то различать сквозь весь этотъ туманъ!..

Робертъ. Какъ тебѣ объяснить... Умомъ... и такъ какъ-то... я уже давно это понялъ. И все такъ и случилось. Я не винилъ отца... Т.-е., я хочу сказать, уже давно пересталъ винить... ни за себя, вообще ни за кого изъ насъ. Но сегодня я это *почувствовалъ*; а это, можешь ты мнѣ повѣрить, совсѣмъ другое... Честное слово, это все во мнѣ спутало... Когда я увидалъ его такимъ... какъ онъ хлопоталъ около тебя... точно что ошеломило меня! И я все время спрашиваю себя: такъ почему же... почему же... Вотъ, вѣдь теперь же это ожило въ насъ, значитъ — было это въ насъ... Такъ почему же раньше не прорвалось это наружу? въ отцѣ, въ тебѣ... и, ей-Богу, и во мнѣ... Жило же это въ насъ! А онъ... я хочу сказать — отецъ, да и мы... столько лѣтъ душили все это въ себѣ...

Вильгельмъ. Теперь стало мнѣ ясно: человѣкъ не только каждому изъ своихъ ближнихъ показываетъ себя съ какой-то особой стороны, но и на самомъ дѣлѣ для каждаго онъ—иной...

Робертъ. Почему же должно быть такъ между нами? Почему непремѣнно должны мы всегда отталкивать другъ друга?

Вильгельмъ. Я тебѣ отвѣчу. Нѣтъ въ насъ сердечной доброты! Возьми, напримѣръ, Иду! То, что ты надумалъ умомъ, въ ней живетъ. Она никогда не судитъ. Все принимаетъ она такъ мягко, съ такимъ состраданіемъ.—все. И это дѣйствуетъ такъ, понимаешь ты,—такъ, что... И это-то, думаю я, и есть...

Робертъ (вставая). Какъ ты себя теперь чувствуешь?..

Вильгельмъ. Такъ свободно...

Робертъ. Э! Къ чему все это!.. Да... Что это я хотѣлъ... сказать?.. Да, можетъ-быть, все у васъ и устроится!

Вильгельмъ. Т.-е. что?

Робертъ. Ну, какъ же... ты и Ида... ну, и Ида, разумѣется.

Вильгельмъ. Можетъ-быть... У нихъ у обѣихъ есть сила... и у г-жи Бухнеръ... но главнымъ образомъ у Иды. Я подумалъ, что это могло бы меня спасти... Сначала я противился...

Робертъ (задумчиво). Да, въ нихъ есть... въ нихъ есть сила, и оттого-то... сперва... говоря откровенно... я осуждалъ тебя.

Вильгельмъ. Я это ясно чувствовалъ.

Робертъ. Ты пойми, — я слышалъ о помолвкѣ, затѣмъ увидалъ Иду; бѣгаетъ вверхъ и внизъ по лѣстницѣ и поетъ, такъ радостно... безъ какой-нибудь мысли о...

Вильгельмъ (встаетъ). И я понималъ тебя, я даже признавалъ, что ты правъ, чего же ты хочешь!

Робертъ. Ну, конечно! Вѣдь и я тоже... Вѣдь разъ такъ, то это совсѣмъ другое дѣло... Я долженъ согласиться... какъ говорится... вообще... Ну, теперь чувствуешь себя хорошо?

Вильгельмъ. Совершенно.

Робертъ. Значитъ, сейчасъ пойдешь туда?

Вильгельмъ. Хочу только еще... Ступай пока ты!

Робертъ. Хорошо! (Идетъ, затѣмъ возвращается). Послушай! Не могу иначе, долженъ сказать тебѣ, — все твое поведеніе .. съ отцомъ... и... вообще — это заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія... Я тоже такъ... обрушился на тебя... со своей проклятой тупостью. А, чортъ бы побралъ! Понимаешь ты, въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ почувствовалъ я снова какую-то такую непреодолимую потребность... плюнуть самому себѣ въ лицо! Удовлетворенъ ты, а?.. Да, того... сдѣлай мнѣ еще такое одолженіе... если я тебя... вотъ именно... все время причинялъ тебѣ боль, съ тѣхъ поръ, какъ ты здѣсь... Ну, такъ вотъ, — я очень объ этомъ жалѣю! Слышишь!

Вильгельмъ. Братъ! (Они съ чувствомъ жмутъ другъ другу руки).

Робертъ (спокойно вынимаетъ свою руку изъ руки Вильгельма, вытаскиваетъ свою трубку, закуриваетъ, затягивается и говоритъ въ пространство). Акробатскія... души! Пф... пф... Ну, и такъ далѣе. (Поворачивается, чтобы идти. Прежде, чѣмъ открыть дверь въ сосѣднюю комнату, говоритъ черезъ плечо Вильгельму). Я сейчасъ... пошлю ее къ тебѣ!

Вильгельмъ. Нѣтъ... оставь... впрочемъ... если ты...

Робертъ (киваетъ утвердительно головой и исчезаетъ за дверью).

Вильгельмъ (облегченно вздыхаетъ. Имъ овладѣваетъ громадная радость изъ-за того, что произошло).

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты, бросается ему въ объятія). Вилли!

Вильгельмъ. Теперь... теперь... ты... вы обѣ... ваши золотыя души спасли меня. Теперь... иная, новая жизнь!.. Ты не повѣришь, какъ это поднимаетъ меня! Я кажусь себѣ такимъ большимъ!.. О, знаешь... Только теперь вижу я это... Это лежало на мнѣ такимъ гнетомъ... Зато теперь,

теперь и я чувствую въ себѣ силу! Понимаешь, чувствую силу! Ужъ повѣрь мнѣ, теперь я сумѣю! Я покажу ему, на что способенъ никуда негодный! Я докажу отцу. Увидитъ онъ, что есть во мнѣ что-то — есть сила, талантъ, передъ которыми они преклонятся... Самыя упрямыя головы склонятся, чувствую это!.. Только это пригибало меня книзу, повѣрь! А теперь концы пальцевъ такъ и горятъ отъ нетерпѣнія!.. Творить бы теперь, творить!..

Ида. Да, да, правда! Наконецъ-то нашелъ ты опять себя... Любимый мой, я готова кричать отъ восторга... кричать... ликовать... Видишь, какъ я была права: ничто не умерло въ тебѣ! Только дремало! И все проснется, — я всегда говорила тебѣ. Видишь, теперь проснулось...

(Они обнимаются, цѣлуются и идутъ по залѣ, обнявшись, въ нѣмомъ блаженствѣ).

Вильгельмъ (останавливается, смотритъ со счастливымъ изумленіемъ въ глаза невѣстѣ, затѣмъ скользитъ дальше взглядомъ по всей комнатѣ и говоритъ). Точно эти холодныя, какъ ледъ, стѣны наполнила своимъ очарованіемъ весна! (Нѣсколько поцѣлуевъ: прижавшись другъ къ другу, безмолвные отъ счастья, они идутъ дальше).

Ида (тихо поетъ, лукаво намекая на что-то въ прошломъ, какъ будто желая сказать приблизительно слѣдующее: «вотъ видишь, какъ я была права»).

Какъ только липа по веснѣ
Въ Гаагѣ зацвѣтетъ,
Рой грезъ забытыхъ, какъ во снѣ,
Передо мной встаетъ.

Г-жа Шольцъ (входитъ, замѣчаетъ ихъ обоихъ, хочетъ поскорѣе уйти).

Ида (замѣтивъ ее, обрываетъ пѣсенку и подбѣгаетъ къ г-жѣ Шольцъ). Куда вы, мамочка! Не убѣгайте!

Г-жа Шольцъ. Да нѣтъ, зачѣмъ! Я вамъ мѣшаю.

(Вильгельмъ обнимаетъ мать, цѣлуетъ ее и помогаетъ Идѣ втянуть ее въ комнату).

Г-жа Шольцъ (весело). Какой ты неловкій... Право, вы... Вы разорвете мнѣ...

Вильгельмъ. Ахъ, ну, что тамъ, мама! Вѣдь теперь все это неважно. Мама, ты видишь передъ собою другого человѣка. (Онъ стоитъ между матерью и невѣстою, держитъ обѣихъ за руки). Иди сюда, мамочка моя старенькая!.. Поглядите другъ другу въ глаза!.. Вотъ такъ... Протяните другъ другу руку!..

Г-жа Шольцъ. Ахъ, ты, глупенькій!

Вильгельмъ. Поцѣлуйтесь!

Г-жа Шольцъ (вытирая фартукомъ губы). Ну, какой ты глупый!.. Точно ты долженъ насъ... точно мы и безъ тебя... Правда, Ида? (Онѣ смѣются и цѣлуются).

Вильгельмъ. Теперь—миръ!

(Фрибэ идетъ изъ кухни въ сосѣднюю комнату съ дымящеюся миской съ пуншемъ).

Вильгельмъ. Ого!.. Вотъ какъ!.. Что-жъ, Фрибэ, хорошъ пуншъ?

Фрибэ (на ходу). И! Да сколько бы вы меня ни угощали этимъ пойломъ, я бы не взялъ въ ротъ ни глоточка.

Вильгельмъ. Да не можетъ быть, Фрибэ!

Фрибэ. Прежде — пожалуй, а теперь... давно бросилъ... Теперь пью... только... главнымъ образомъ... г...горькую водочку... (Уходитъ).

Ида (поправляетъ Вильгельму галстукъ и сюртукъ). Ну, такъ...

Вильгельмъ. Спасибо, милая!.. Отецъ веселъ?

Г-жа Шольцъ. Да, говоритъ, что... Иногда ничего нельзя у него понять.

Вильгельмъ. Опять такъ хорошо бьется у меня сердце.

Г-жа Шольцъ. Если бы только Робертъ не пилъ такъ много.

Вильгельмъ. Ахъ, мать, сегодня... сегодня ужъ все равно! Сегодня...

Ида. Теперь идемъ скорѣе, прежде чѣмъ тебѣ опять...

Вильгельмъ (г-жѣ Шольцъ). Ты идешь съ нами?

Г-жа Шольцъ. Ступайте, ступайте!

(Ида и Вильгельмъ уходятъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (стоитъ задумавшись, проводитъ рукою по лбу и, охваченная какою-то неожиданною мыслью, подходитъ къ дверямъ сосѣдней комнаты и прислушивается).

Фрибэ (входитъ черезъ ту же дверь. Онъ замѣтно подъ хмелькомъ). Г-жа докторша!

Г-жа Шольцъ. Что вамъ?

Фрибэ (таинственно-лукаво). Чудеса, г-жа Шо-ольценъ.

Г-жа Шольцъ (испуганно). Вы слишкомъ много выпили! Вы...

Фрибэ. Я... ужъ... того... подсматривалъ... на всяческіе лады, говорю я... и долженъ вамъ доложить...

Г-жа Шольцъ. Ну, хорошо, хорошо! Только говорите скорѣе, что тамъ такое...

Фрибэ. Я... того... думаю только, что...

Г-жа Шольцъ. Ахъ, Фрибэ, да говорите же!..

Фрибэ. Я только думаю, что... не годится это... Въ этой д...должности... много есть такого... о чемъ я долженъ мол-

чать... Я только думаю... Вашъ мужъ... нѣтъ, того, недолго ему жить...

Г-жа Шольцъ. О, Господи Іисусе! Развѣ онъ вамъ... О, Іисусе!.. Развѣ онъ на что-нибудь жаловался? Развѣ онъ боленъ?..

Фрибэ. Да, кое-на-что... Вѣдь я же понимаю!

Г-жа Шольцъ. На что же онъ жалуется?

Фрибэ. Но... я не долженъ бы... говорить...

Г-жа Шольцъ. Что же, это серьезно? (Фрибэ утвердительно киваетъ головой). Но неужели же онъ говорилъ о смерти?

Фрибэ. Онъ даже... еще больше... Онъ приготовилъ себѣ такія вещи... только...

Г-жа Шольцъ. Да говорите вы, наконецъ, яснѣе!.. До чего напивается этотъ человѣкъ!..

Фрибэ (сердито). Все я... и садовникъ... и сапоги чищу... и все, что угодно... Нѣ...ѣтъ!.. Я не гожусь на всякую должность... Что относится къ этой должности... Нѣ...ѣтъ!.. Ну, теперь вамъ... все... ясно... И кончено! (Поворачивается и уходитъ въ кухню).

Г-жа Шольцъ. Онъ съ ума сошелъ.

Ида (входитъ изъ сосѣдней комнаты черезъ дальнюю дверь и запираетъ ее за собой. Затѣмъ, немного спустя, опять открываетъ и кричитъ въ ту комнату). Подождите, господа! ждите спокойно, терпѣливо!

Вильгельмъ (вбѣгая). Я хочу тебѣ помочь!

Ида. Только больше никого! (Ида и Вильгельмъ зажигаютъ елку).

Г-жа Шольцъ. Вильгельмъ!.. Послушай-ка...

Вильгельмъ (продолжаетъ зажигать свѣчи). Сейчасъ, мамочка!.. Мы сейчасъ кончимъ...

(Свѣчи на елкѣ, люстрѣ и жирандолѣ зажжены. Ида снимаетъ большую скатерть, которой покрыты подарки на столѣ).

Вильгельмъ (подходитъ къ матери).

Ида (кричитъ черезъ дверь въ столовую). Теперь можно.

Г-жа Шольцъ (хочетъ что-то сообщить Вильгельму, но останавливается, видя, что вошелъ д-ръ Шольцъ. За нимъ входятъ Августа, Робертъ и г-жа Бухнеръ).

Д-ръ Шольцъ (лицо его покраснѣло отъ вина. Восклицаетъ съ аффектированнымъ изумленіемъ). А! а!

Г-жа Бухнеръ. Сказочно!

Августа (начинаетъ смѣяться).

Робертъ (обходитъ комнату съ трубкой во рту. Сначала смущенъ, затѣмъ смѣется все съ большею ироніею).

Ида (подводитъ Вильгельма, который этимъ весьма смущенъ, къ тому мѣсту, гдѣ лежатъ подарки). Только не подымай меня на смѣхъ, Вилли! (Протягиваетъ ему кошелекъ).

Вильгельмъ. Ну, зачѣмъ это, Ида!.. Я же просилъ тебя...

Ида. Я какъ-то связала для папы. Въ послѣдній годъ передъ смертью онъ часто носилъ его. Я и подумала...

Вильгельмъ (всѣ смотрятъ на него, и онъ приходитъ отъ ихъ взглядовъ все въ большее замѣшательство). Да, да, конечно... очень благодарю тебя, Ида!

Робертъ. Подарки должны бы быть попрактичнѣе.

Г-жа Шольцъ (которую г-жа Бухнеръ также подвела къ столу). Ну, къ чему ты это?.. Я же ничего не могу вамъ... у меня нѣтъ для васъ ничего... (Г-жа Бухнеръ подаетъ ей вязаный платокъ). Нѣтъ... нѣтъ... неужели ты... пожалуйста! Ты это связала для меня?.. Скажи... для меня, для старухи? Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! (Цѣлуются).

Г-жа Бухнеръ. Ахъ, я... такъ рада, если тебѣ понравилось.

Г-жа Шольцъ. Великолѣпно! Очаровательно! Замѣчательно красиво! Сколько нужно было надъ этимъ работать!..

Ида. И вамъ я хотѣла бы, г. Робертъ... Только не смѣйтесь надо мной!

Робертъ (краснѣя все сильнѣе). Э... къ чему это!

Ида. Я подумала... Ваша трубка... она скоро будетъ обжигать вамъ кончикъ носа... Ну, я и сжалилась надъ вами и вчера наскоро... (Она показываетъ трубку, которую держала за спиною, и передаетъ ему). Вотъ эта замѣчательная вещь.

(Всѣ очень веселы).

Робертъ (не беря у нея трубки). Вы шутите, фрейлейнъ!

Ида. Ну, вотъ! Дарю это вамъ совершенно серьезно.

Робертъ. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю!

Г-жа Шольцъ (говоритъ тихо, но раздраженно Вильгельму). Робертъ невыносимъ!

Ида. Ну, право же!

Робертъ. Видите ли... къ этой вотъ штукѣ... я такъ привыкъ... Да вѣдь и вы только шутите!

Ида (глаза у нея полны слезъ. Старается побѣдить свое огорченіе, говоритъ дрожащимъ голосомъ). Ну, конечно, разъ вы думаете... (Кладетъ трубку назадъ на столъ).

Г-жа Бухнеръ (во время этого разговора нѣсколько разъ негромко подзывала къ себѣ Иду, теперь сама поспѣшно подходитъ къ ней). Идочка... развѣ ты забыла?

Ида. Что, мама?

Г-жа Бухнеръ. Да вѣдь ты же знаешь! (Обращаясь къ другимъ) Теперь вы должны еще выслушать...

Ида (обрадовавшись, что можетъ такимъ образомъ скрыть свое волненіе, слѣдуетъ за матерью, которая взяла ее за руку, въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (Роберту). Почему ты испортилъ ей радость?

Вильгельмъ (ходитъ взволнованный по комнатѣ, нервно пожевывая концы усовъ, и бросаетъ угрожающіе взгляды на Роберта).

Робертъ. Т.-е. какъ, т.-е. чѣмъ? Я совершенно не понимаю, что ты хочешь сказать?

Августа. Ну, очень любезно это, во всякомъ случаѣ, не было!

Робертъ. Оставь меня въ покоѣ! И вообще какое мнѣ до всего этого дѣло?

(Этотъ разговоръ прерывается пѣніемъ и звуками рояля изъ сосѣдней комнаты. Всѣ смотрятъ испуганно другъ на друга).

Голосъ Иды:

О, дѣти! Спѣшите
Вы къ яслямъ скорѣй
Среди виѳлеемскихъ
Пустынныхъ полей!
Священною ночью
Съ небесныхъ высотъ
Великую радость
Создатель намъ шлетъ... *)

Д-ръ Шольцъ (дѣлавшійся все мрачнѣе отъ поведенія Роберта. При началѣ пѣнія онъ боязливо озирается кругомъ, какъ человѣкъ, который боится, что на него нападутъ, и старается, по возможности незамѣтно, сдѣлать такъ, чтобы было извѣстное разстояніе между нимъ и каждымъ изъ присутствующихъ).

Г-жа Шольцъ (едва началось пѣніе). Ахъ, какъ красиво! (Одно мгновеніе внимательно вслушивается, затѣмъ разражается рыданіями).

Робертъ (медленно двигается. Когда пѣніе началось, лицо его выражаетъ: «Ну, теперь довольно!». Идетъ дальше, иронически усмѣхается и нѣсколько разъ качаетъ головой. Проходя мимо, говоритъ что-то вполголоса Августѣ).

Августа (все болѣе растроганная, громко вскрикиваетъ).

Вильгельмъ (До сихъ поръ стоялъ, опершись о столъ, во власти противоположныхъ чувствъ, и нервно барабанилъ пальцами по крышкѣ стола; теперь лицо его заливается краскою негодованія).

Робертъ (подъ конецъ пѣнія, повидимому, испытываетъ отъ звуковъ физическое страданіе. Невозможность высвободиться изъ-подъ ихъ впечатлѣнія, повидимому, терзаетъ его и все больше наполняетъ

*) Стихотворный переводъ сдѣланъ для настоящаго изданія *Б. П. Никоновымъ*.

горечью. Сейчасъ же послѣ того какъ кончилась строфа, у него непроизвольно вырываются, точно обрывокъ какого-то внутренняго монолога, слова: «Дѣтская комедія». Онъ говоритъ ихъ зло, презрительнымъ тономъ).

(Всѣ, и докторъ въ томъ числѣ, разслышали эти слова и въ ужасѣ смотрятъ на Роберта).

Г-жа Шольцъ.
Августа. } Робертъ!

Д-ръ Шольцъ (подавляетъ въ себѣ приступъ раздраженія).

Вильгельмъ (блѣдный отъ ярости, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Роберту).

Г-жа Шольцъ (бросается къ нему, обнимаетъ). Вильгельмъ! Если ты меня любишь!..

Вильгельмъ. Хорошо, мама. (Онъ ходитъ возбужденный по комнатѣ, стараясь пересилить себя. Въ этотъ моментъ начинается вторая строфа. Едва касаются его слуха первые звуки, складывается въ немъ какое-то рѣшеніе, и онъ идетъ, подъ его вліяніемъ, къ дверямъ въ сосѣднюю комнату).

На сѣнѣ лежитъ Онъ
Подъ кровомъ глухимъ,
Іосифъ съ Маріей
Любуются Имъ...
Съ мольбой преклонился
Трудящійся людъ,
И ангелы въ небѣ,
Ликуя, поютъ.

Г-жа Шольцъ (становится ему на дорогѣ). Вильгельмъ!.. Что ты дѣлаешь!

Вильгельмъ (вспыливъ). Пусть онѣ перестанутъ пѣть!

Августа. Ты съ ума сошелъ!

Вильгельмъ. Оставьте меня! Говорю вамъ, пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ. Ну, послушай... Ты въ самомъ дѣлѣ... Хорошо же, но, въ такомъ случаѣ, ты сегодня вечеромъ меня уже не увидишь.

Робертъ. Оставь, мать! Не мѣшай ему! Это его частное дѣло.

Вильгельмъ. Не заходи такъ далеко! Совѣтую тебѣ! Ты прежде разыгралъ передо мною трогательную сцену,—и оттого ты только отвратительнѣе.

Робертъ. Совершенно правильно: трогательную сцену... Самъ того же мнѣнія...

Вильгельмъ (снова хочетъ идти въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Шольцъ (удерживая его), О, Господи, Господи, Господи! Зачѣмъ ты хочешь, мальчикъ, ее...

(Кончается вторая строфа).

Вильгельмъ. Потому что всѣ вы недостойны ея.

Робертъ (подступая вплотную къ Вильгельму, смотря ему въ глаза дерзкимъ, многоговорящимъ взглядомъ). Что-жъ, ты, можетъ-быть, достоинъ?

Г-жа Шольцъ. О, Іисусе! Не надо! Опять вы Богъ знаетъ до чего дойдете...

И радостно дѣти
Спѣшатъ въ Божій домъ
И съ медомъ, и съ масломъ,
И съ теплымъ млекомъ.
И пурпурно-алыхъ
Приносятъ плодовъ,
И бѣлаго агнца
Въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ...

Вильгельмъ. Пусть онѣ перестанутъ!

Г-жа Шольцъ (опять удерживая его). Мальчикъ!

Вильгельмъ. Прямо... слишкомъ унизительно! Это—кощунство. Мы совершаемъ преступленіе относительно этихъ людей, если мы... я... Клянусь честью, я краснѣю отъ стыда за всѣхъ васъ!..

Августа (задѣтая). Ну, въ концѣ концовъ не такъ ужъ мы особенно скверны, не такъ презрѣнны...

Вильгельмъ. Августа!.. Мнѣ такъ отвратительно!..

Августа. Ну что-жъ! Да, да, теперь вотъ вдругъ скатилась куда-то въ самый низъ. Теперь можно послать сестру ко всѣмъ чертямъ. И то гадко, и это скверно. Но фрейлейнъ Ида...

Вильгельмъ (внѣ себя, перебиваетъ ее). Не смѣй произносить это имя!

Августа. Ахъ, вотъ какъ! Я объ Идѣ, конечно...

Вильгельмъ. Оставь ее, говорю тебѣ!

Августа. Ты, должно-быть, съ ума сошелъ? И все-таки я... Вѣдь и она тоже—не какой-то ангелъ небесный...

Вильгельмъ (кричитъ). Молчи, говорю я тебѣ!

Августа (поворачивается къ нему спиной). Ахъ, да что тамъ, просто—ты влюбленъ.

Вильгельмъ (грубо схвативъ Августу за плечо). Слушай, ты! Я...

Робертъ (схватываетъ Вильгельма за руку, говоритъ холодно, отчеканивая каждое слово). Вильгельмъ!.. Опять... ты... собираешься?..

Вильгельмъ. О, дьяволъ!

Августа. Это говоришь ты?.. Фу! Ты?! Ты, поднявшій руку на родного отца.

Д-ръ Шольцъ (гнѣвнымъ голосомъ, рѣзко-повелительнымъ тономъ). Августа! Уйди! Сію секунду!

Августа. Но... я хотѣла бы знать...

Д-ръ Шольцъ. Ты уйдешь сію же секунду!

Г-жа Шольцъ. О, Боже милосердый, почему не возьмешь ты меня къ Себѣ! (Со слезами) Августа, слышишь! Повинуйся отцу!

Робертъ. Э... мать!.. Я бы очень осудилъ ее за это. Вѣдь она уже не дѣвочка. Теперь, ей-Богу, уже совсѣмъ не тѣ времена, чтобы...

Д-ръ Шольцъ. Но я-то—все тотъ же! Я хозяинъ въ домѣ. Я докажу вамъ это!

Робертъ. Смѣшно!

Д-ръ Шольцъ (кричитъ). Раз...бойники и... убій...цы!!. Я лишаю васъ наслѣдства! Я вышвырну васъ на улицу!

Робертъ. Это просто смѣшно.

Д-ръ Шольцъ (побѣждаетъ въ себѣ вспышку страшнаго гнѣва и говоритъ съ наводящимъ ужасъ спокойствіемъ и твердостью). Ты или я, одинъ изъ насъ оставитъ этотъ домъ... сейчасъ же.

Робертъ. Конечно, я... съ великой радостью.

Г-жа Шольцъ (полупрпказывая, полупрося). Робертъ, ты останешься!

Д-ръ Шольцъ. Онъ уйдетъ.

Г-жа Шольцъ. Фрицъ! Послушай, что я скажу! Онъ одинъ... за долгіе одинокіе годы не забывалъ онъ насъ... онъ...

Д-ръ Шольцъ. Онъ или я!..

Г-жа Шольцъ. Уступи, Фрицъ, сдѣлай это ради меня!

Д-ръ Шольцъ. Оставь меня! Онъ или я!

Г-жа Шольцъ. Ахъ... Вѣдь вы можете даже не встрѣчаться... можно все такъ устроить... Но...

Д-ръ Шольцъ. Хорошо. Я уступаю... Уступаю тебѣ и твоей шайкѣ... Ты и твоя шайка—вы всегда побѣждали!

Вильгельмъ. Останься, папа! А если ты уйдешь, позволь и мнѣ на этотъ разъ уйти вмѣстѣ съ тобою.

Д-ръ Шольцъ (невольно отодвигаясь отъ него въ гнѣвѣ и ужасѣ). Оставь ты меня въ покоѣ... негодяй! (Ничего не сознавая, пищетъ свои вещи). Бандиты и тунеядцы!.. Негодяи!

Вильгельмъ (вспыхнувъ). Отецъ!.. Такъ называешь ты насъ... да вѣдь это ты же насъ... Ахъ, нѣтъ, папа, нѣтъ, вовсе не то хочу я сказать! Позволь мнѣ уйти съ тобою, я хочу быть подлѣ тебя, позволь мнѣ исправить все, что я... (Положилъ руку на плечо отца).

Д-ръ Шольцъ (отступаетъ, точно разбитый испугомъ и отвра-

щеніемъ). Оставь! Говорю тебѣ... Всѣ козни преслѣдователей, можетъ-быть, будутъ... навѣрное будутъ посрамлены! Неужели вотъ эти люди... эти сильные... И неужели эти сильные люди... мужчины?.. Человѣкъ, на которомъ, какъ на мнѣ, есть вина, но во всемъ остальномъ вполнѣ... и... насквозь... и, однимъ словомъ...

Вильгельмъ. Отецъ! Отецъ! Папа! Приди въ себя, приди же въ себя!

Д-ръ Шольцъ (качаясь въ тактъ словамъ, вполголоса) И, однимъ словомъ... и вполнѣ...

Вильгельмъ (обнимая его, съ инстинктивнымъ желаніемъ утишить его порывъ). Приди въ себя! Возьми себя въ руки!

Д-ръ Шольцъ (защищаясь, какъ дитя). Ахъ, не бей меня! Не наказывай меня!..

Вильгельмъ. Но, ради Бога...

Д-ръ Шольцъ. Не бей!.. Не бей... опять... (Дѣлаетъ мучительное усиліе высвободиться изъ объятій Вильгельма).

Вильгельмъ. Пусть отсохнетъ моя рука... Папочка, не думай... Папочка, повѣрь...

Д-ръ Шольцъ (высвободился и бѣжитъ, крича о помощи. Вильгельмъ за нимъ).

Вильгельмъ. *Ты* ударь меня! Ударь *ты!*

Д-ръ Шольцъ Сюда, сюда, сюда!.. Помогите!..

(Ида въ дверяхъ сосѣдней комнаты, смертельно блѣдная).

Вильгельмъ (настигаетъ отца и снова обнимаетъ его). Ударь ты меня!

Д-ръ Шольцъ (падаетъ подъ объятіями Вильгельма на стулъ). Я... а... ахъ!.. А... ахъ!.. Я... кажется... я... конецъ мой... смерть...

Вильгельмъ. Отецъ!

(Г-жа Шольцъ и Августа въ отчаяніи бросаются другъ другу въ объятія. Робертъ, смертельно блѣдный, не тронулся съ мѣста. Лицо его выражаетъ непоколебимую твердость).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ залѣ—полумракъ. Свѣчи погасли, кромѣ немногихъ въ люстрѣ и одной на елкѣ. У стола, ближе къ печкѣ, спиною къ сосѣдней комнатѣ, сидитъ Вильгельмъ, опершись на локти, ушедшій въ мрачныя, безпросвѣтныя думы. Изъ сосѣдней комнаты одновременно входятъ Робертъ и г-жа Шольцъ.

Г-жа Шольцъ (изнемогающая, подавленнымъ голосомъ). Нѣтъ,

мальчикъ!.. Не затѣвай исторій! Теперь... ужъ не знаешь, куда и дѣваться... Если и тяжело, ну, что же дѣлать.

Робертъ. Но вѣдь ты не одна, мать!

Г-жа Шольцъ. Только скажи ты мнѣ!.. Не можетъ же это быть, чтобы ты серьезно! Вѣдь безуміе это! Ну, куда ты сейчасъ пойдешь, ночью?

Робертъ. Ну, это-то пустяки! Поѣздовъ сколько угодно,— а отсюда я долженъ бѣжать! На этотъ разъ я дѣйствительно ужъ не могу больше выдержать,—да вообще... для всѣхъ насъ это будетъ самое лучшее!

Г-жа Шольцъ (слезливо). Въ послѣдніе годы было все время такъ хорошо. Я же говорила, — надо было опять пріѣхать этимъ!.. Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь Бухнеры, опять все перепуталось, все.

Робертъ. Будь рада, мать, что онѣ подлѣ тебя!

Г-жа Шольцъ. Э, все это я отлично могла бы и сама сдѣлать.

Робертъ. Я думаю, онъ... отецъ... не потерпитъ никого изъ насъ около себя?!

Г-жа Шольцъ (плача). Точно я ему сдѣлала что-нибудь дурное... А вѣдь я... навѣрное... всегда... была такая... Я всегда дѣлала, что только могла... Будь справедливъ, Робертъ!.. Я готовила ему его любимыя кушанья... и теплые чулки были у него...

Робертъ. Ахъ, оставь это, мать!.. Чему помогутъ эти безконечныя причитанія?!

Г-жа Шольцъ. Да, это ты говоришь .. Хорошо тебѣ говорить!.. А когда всю жизнь бьешься... ломаешь голову, какъ бы это все сдѣлать получше... и вдругъ приходятъ какіе-то чужіе люди, и имъ оказывается предпочтеніе...

Робертъ. Ида все еще около него?

Г-жа Шольцъ. Совершенно чужой человѣкъ... Ахъ!.. лучше бы мнѣ умереть... И этотъ негодяй!.. Этотъ Фрибэ!.. Что только онъ раздѣлываетъ!.. Но Густя ему показала!.. Августа выложила ему всю правду!.. Этотъ мужикъ смѣетъ... Онъ прямо выгналъ ее изъ комнаты. Дѣвочка была внѣ себя... Вѣдь это же его дочь... Нѣтъ... знаете, дѣти... никому не пожелала бы я того, что перенесла я въ своей жизни.

Робертъ (невольно, съ легкимъ вздохомъ). И отецъ также.

Г-жа Шольцъ. Что?

Робертъ. Ничего. Я только сказалъ: и отецъ тоже.

Г-жа Шольцъ. Что—тоже?

Робертъ. Ну, и отецъ тоже немало перенесъ.

Г-жа Шольцъ. Только ужъ, навѣрное, не изъ-за меня. На меня онъ не очень-то обращалъ вниманіе, и я-то ужъ навѣрное ничего не требовала.

Робертъ (скептически). Ну-у...

Г-жа Шольцъ. Вотъ подожди, когда я буду лежать въ гробу, тогда вы поймете...

Робертъ. Ахъ, мать, перестань!.. Я слышалъ это ужъ сотню разъ.

Г-жа Шольцъ. Хорошо, пускай! Вы еще увидите... и замѣть... очень скоро.

Робертъ. Ахъ, мать, да я же вовсе и не спорю, что тебѣ пришлось много вытерпѣть... отъ отца... Вы оба страдали... Я, право, не понимаю, зачѣмъ ты мнѣ это...

Г-жа Шольцъ. Глупыя слова!.. Чего же такого ему не хватало, хотѣла бы я знать?

Робертъ (рѣшительно). Если ты непремѣнно хочешь знать,—изволь: чтобы его понимали!

Г-жа Шольцъ. Что-жъ, какая есть, я не могу себя сдѣлать умнѣе.

Робертъ. Да никто этого и не требовалъ. Вообще... вообще глупо опять такъ много говорить объ этомъ.

Г-жа Шольцъ. Ну вотъ, ну вотъ... (Со слезами) Въ концѣ концовъ оказывается, что это я виновата, что онъ заболѣлъ, что...

Робертъ. Да я вовсе и не говорилъ этого.

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ, это именно ты и сказалъ.

Робертъ. Ахъ, мать!.. Лучше я уйду... я... право, мать, не въ силахъ я больше...

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ!.. Хотѣла бы я знать... въ чемъ я должна упрекать себя... Моя совѣсть чиста.

Робертъ. Ну, и оставайся съ нею! Пожалуйста! Прошу тебя,—довольно!

Г-жа Шольцъ. Ты, можетъ-быть, имѣешь въ виду исторію съ деньгами?

Робертъ. Да не имѣю я въ виду никакой исторіи!

Г-жа Шольцъ. Мои родители заработали ихъ тяжелымъ трудомъ... Какая женщина допустила бы это? Твой отецъ бросилъ ихъ за окно.

Робертъ. Но вѣдь это твой дядя обманулъ тебя.

Г-жа Шольцъ. Этого никто не могъ знать.

Робертъ. И именно отецъ опять вернулъ эти деньги!

Г-жа Шольцъ. Но вѣдь онъ такъ же легко могъ бы и потерять все.

(Робертъ горько смѣется).

Г-жа Шольцъ. Конечно, я—человѣкъ простой... отецъ былъ для меня слишкомъ важный... Въ его матери тоже было что-то важное. А мой отецъ былъ раньше совсѣмъ бѣдный... И во мнѣ течетъ кровь бѣдности! Я не могу себя передѣлать. Ну что-жъ,—на годъ - другой еще хватитъ, а потомъ милосердый Богъ во-время избавитъ меня.

Робертъ. Лучше бы отъ Бога избавиться!

Г-жа Шольцъ. Фу! Только негодяй можетъ говорить такъ. Ахъ!.. избавиться отъ Бога... тогда лучше возьму я иглу и воткну себѣ... сюда... въ сердце... подъ ребра. Какъ это отвратительно—избавиться отъ Бога! Что бы сталось со мною, если бы не было у меня моего Господа!.. Что же, Робертъ, ты серьезно хочешь уйти?

Робертъ (уже на лѣстницѣ). Ахъ, молчи ужъ, мать! Покой нуженъ мнѣ... покой. (Уходитъ).

Г-жа Шольцъ. Ну, конечно!.. Ну, конечно!.. Какъ тяжело отъ васъ жить! (Обращаясь къ Вильгельму, который по-прежнему сидитъ у стола, безучастный къ происходящему) Нѣтъ, ты представь себѣ только: Робертъ хочетъ уйти!

Вильгельмъ. Ну такъ что-жъ!

Г-жа Шольцъ. Да скажи ты мнѣ,—чего ты все сидишь такъ? Вѣдь ничему этимъ не поможешь! Будь же благоразуменъ!

Вильгельмъ (глубоко вздыхаетъ). Ахъ, да!

Г-жа Шольцъ. Что пользы отъ того, чтобы вздыхать! Погляди на меня!.. Я—старуха... Если бы я захотѣла засѣсть на одномъ мѣстѣ, вотъ какъ ты... Что случилось — случилось... Ужъ не передѣлаешь этого. Послушай! Ну, почитай что-нибудь!.. Встань, возьми книгу, разсѣйся немного!

Вильгельмъ (со вздохомъ). Ахъ, мать!.. Оставь ты меня! Я же никому не мѣшаю!.. Вернулся Фрибэ отъ врача?..

Г-жа Шольцъ. Нѣтъ еще. Я же говорю, когда нуженъ врачъ, ужъ навѣрно ни одного не найдешь.

Вильгельмъ. Это опасно, а? Или можетъ стать опаснымъ?

Г-жа Шольцъ. Господи, кто же можетъ это знать!

Вильгельмъ (смотритъ на мать, затѣмъ вдругъ всхлипываетъ, опустивъ голову на руки).

Г-жа Шольцъ. Да, да, мой мальчикъ... Кто бы могъ подумать?.. Я не хочу сказать, я никого не хочу винить...

но сегодня вамъ бы не надо было опять ссориться... Ну, будемъ надѣяться на лучшее... По крайней мѣрѣ, онъ пересталъ бредить... Только бы вотъ Ида чего-нибудь не спутала!.. Каждый изъ насъ во сто разъ опытнѣе... Почему же вотъ къ Идѣ онъ относится дружелюбно?.. Вѣдь я тоже не кусаюсь!.. Конечно, Ида очень славная дѣвочка, это правда... Ну, чего ты!.. (Похлопывая его по головѣ) Ты можешь возблагодарить Господа... Нескоро найдешь ты такую, какъ Ида... (Осторожно, дружелюбно) Скажи-ка мнѣ... что Бухнеры... хорошее у нихъ положеніе?..

Вильгельмъ (вспыливъ). Ахъ, оставь ты меня въ покоѣ!.. Почемъ я знаю!.. Что мнѣ за дѣло до этого?

Г-жа Шольцъ. Ну, чего ты опять?!. Неужели нельзя и спросить?.. Ахъ, ты, брюзга!

Вильгельмъ. Ахъ, мама... пощади ты меня!.. Если есть въ тебѣ хоть тѣнь состраданія ко мнѣ,—оставь меня!.. Не безпокойся обо мнѣ... оставь...

Г-жа Шольцъ. Ну, еще бы, конечно!.. Я всегда стою вамъ поперекъ дороги... Такая старуха,—она только на то и годится, чтобы вытолкать ее вонъ.

(Изъ сосѣдней комнаты быстро выходятъ Августа и г-жа Бухнеръ).

Августа. Мать!

Г-жа Шольцъ. О, Господи! Что такое?

Августа. Фрибэ сейчасъ вернулся.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не привелъ съ собою врача.

Августа. Отецъ спросилъ его, и онъ сказалъ...

Г-жа Бухнеръ. Онъ не желаетъ никакого врача!

Августа. Онъ такъ ужасно ругается... хочетъ вышвырнуть его вонъ.

Г-жа Бухнеръ. Фрибэ не хочетъ идти еще разъ.

Августа. Поговори ты опять съ Фрибэ!

Г-жа Бухнеръ. Да, поговори ты съ нимъ! Вѣдь страшно необходимо, чтобы...

Августа. Врачъ долженъ придти... А то я сама побѣгу за нимъ. Я не боюсь, хотя бы пришлось бѣжать до Фридрихсгагена.

Г-жа Шольцъ. Ну да. Еще бы! Сейчасъ, ночью... Постой, постой... я сдѣлаю! (Г-жа Шольцъ, г-жа Бухнеръ и Августа быстро уходятъ назадъ въ сосѣднюю комнату).

Г-жа Бухнеръ (сейчасъ же возвращается. Еще прежде, чѣмъ уйти, она украдкою, съ тоскою нѣсколько разъ взглядывала на Вильгельма. Вильгельмъ все еще остается на своемъ мѣстѣ, безмолвный и мрачный. Оглядѣвъ комнату, г-жа Бухнеръ убѣдилась, что нѣтъ ни-

кого, кромѣ нея и Вильгельма. Сначала быстро, затѣмъ все болѣе колеблясь, подходитъ она къ Вильгельму).

Вильгельмъ (замѣтивъ ея приближеніе, поднимаетъ голову). Чего вы хо... хотите? Я же... я вамъ... уже раньше все сказалъ.

Г-жа Бухнеръ. Но я не хотѣла вамъ вѣрить... Я не могла себѣ представить...

Вильгельмъ. А теперь... вѣрите?!.

Г-жа Бухнеръ. Я... не... знаю...

Вильгельмъ. Зачѣмъ вы меня обманываете?.. Скажите же... спокойно—да. Вѣдь было же... было до смѣшного очевидно... что должно это случиться... Какъ я могъ позволить такъ ослѣпить себя!..

Г-жа Бухнеръ (лихорадочно). Вильгельмъ! Сегодня, какъ и прежде, я считаю васъ хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ. Увѣряю васъ, ни на мгновеніе не усомнилась я въ васъ. И теперь, когда стало мнѣ вдругъ такъ страшно, такъ жутко...

Вильгельмъ (встаетъ, глубоко вбираетъ въ себя воздухъ, точно сдавило ему грудь). Я только... вѣдь я уже давно зналъ, и все-таки...

Г-жа Бухнеръ. Я обращаюсь къ вамъ, Вильгельмъ! Я откровенно говорю вамъ... Вдругъ такъ охватило меня... Вдругъ такъ страшно мнѣ стало за Иду.

Вильгельмъ. Долженъ согласиться... только именно теперь...

Г-жа Бухнеръ. Я знаю, вы любите это дитя. Никто не могъ бы любить ее сильнѣе!.. Я знаю, вы напряжете всѣ свои силы, чтобы сдѣлать мою дочь счастливою. Недостатка въ желаніи у васъ не будетъ... но теперь... теперь я столько видѣла здѣсь и... узнала. И только теперь стало мнѣ понятно многое... многое изъ того, о чемъ вы мнѣ раньше говорили... Я не понимала васъ... Я считала васъ мнительнымъ, пессимистомъ. Многаго не принимала въ серьезъ. Съ твердою, радостною вѣрою пріѣхала я сюда... Мнѣ просто стыдно... на что считала я себя способной!.. Я—слабый, простой человѣкъ—хотѣла направлять такія натуры!.. И вотъ все рушится! Сразу почувствовала я, какая лежитъ на мнѣ страшная отвѣтственность,—я отвѣчаю за мое дитя, за мою Иду. Говорите же, Вильгельмъ! Скажите мнѣ, что все будетъ еще хорошо! Скажите мнѣ: мы еще будемъ счастливы!.. Вы и Ида! Докажите мнѣ, Вильгельмъ, что напрасно я тревожусь, напрасно я боюсь!..

Вильгельмъ. Зачѣмъ... вы допустили... чтобы это зашло такъ далеко?.. Я столько разъ предостерегалъ васъ, предостерегалъ. Что я вамъ говорилъ? Я говорилъ: всѣ мы... братья, сестра... неизлѣчимо-больные... больше всего я... Что мы волочимъ за собою... Не связывайте своей дочери съ калѣкой... Я говорилъ вамъ... Почему вы не хотѣли мнѣ повѣрить?

Г-жа Бухнеръ. Не знаю, сама не знаю.

Вильгельмъ. И вотъ вы меня усыпили... заставили мою совѣсть задремать... и теперь... я точно обезумѣлъ отъ счастья... Я пережилъ эти минуты... и еще другія... вынесъ самую страшную борьбу въ моей жизни... и теперь вы хотите... Хорошо, посмотримъ... можетъ-быть, да, можетъ-быть...

Г-жа Бухнеръ. Вильгельмъ, я такъ уважаю васъ!.. Я знаю, въ концѣ концовъ вы принесете всякую жертву... Но Ида... Если для нея уже слишкомъ это поздно... если это погубитъ ее!..

Вильгельмъ. Такъ зачѣмъ же вы не хотѣли повѣрить мнѣ? Вы не знаете... Чего мнѣ это теперь стоитъ... Ступенька за ступенькой поднимался я, о, съ такими усиліями!.. Этотъ домъ остался далеко позади меня... Я былъ почти спасенъ... Теперь это опять захватило меня въ свои лапы... Почему вы допустили, чтобы зашло такъ далеко? Почему...

Г-жа Бухнеръ (сквозь слезы). Не знаю! Сама не знаю! Я воспитала свою дочь. Она была для меня всѣмъ, всѣмъ; единственнымъ моимъ призваніемъ въ жизни стало—работать для ея счастья. И вотъ... появились вы въ нашемъ домѣ... я... полюбила васъ... я думала и о вашемъ счастьѣ, я... можетъ-быть, не слѣдовало мнѣ это дѣлать... можетъ-быть, я такъ же сильно думала и о вашемъ счастьѣ... и... кто знаетъ?.. Въ сущности... больше всего... о... *вашемъ* счастьѣ. (Одно мгновенье смотрятъ другъ другу смущенно въ глаза).

Вильгельмъ. Г-жа Бухнеръ!!

Г-жа Бухнеръ (закрываетъ лицо руками, какъ человѣкъ, которому стыдно. Въ слезахъ уходитъ по лѣстницѣ).

Вильгельмъ (дѣлаетъ механически нѣсколько шаговъ слѣдомъ за нею, останавливается, старается побѣдить свое волненіе, затѣмъ, зарыдавъ, прислоняется къ стѣнѣ).

Ида (лицо ея блѣдно, серьезно и озабоченно. Тихо подходитъ къ Вильгельму, обнимаетъ его и прижимается лицомъ къ его лицу). Ахъ, Вилли! Посмотри... Приходятъ темные дни... и про-

ходятъ... вѣдь правда, Вилли?.. и снова приходятъ дни свѣтлые. Такъ зачѣмъ же такъ... такъ терять всякую бодрость.

Вильгельмъ (страстно лепечетъ). Ида!.. Единственная! обожаемая!.. Нѣжная... какъ же я теперь... какъ же мнѣ теперь жить безъ тебя?.. Твой голосъ, твои слова, все твое нѣжное, дивное существо, твои руки... твои милыя вѣрныя руки!..

Ида. И ты думаешь, что я... Ты думаешь, что я могла бы жить безъ тебя? О, нѣтъ, нѣтъ!.. Мы обнимемся... и уже не отпустимъ другъ друга... будемъ крѣпко, крѣпко... И пока будемъ такъ...

Вильгельмъ. Да, да!.. Но... если бы случилось иначе?

Ида. Ахъ, не говори такъ!

Вильгельмъ. Я только думаю... Никогда вѣдь ничего нельзя знать... одинъ изъ насъ можетъ умереть...

Ида. Ахъ, мы вѣдь молоды.

Вильгельмъ. Все-таки... когда-нибудь это же случится... До старости я все равно не доживу.

Ида (горячо). Тогда я обниму тебя... прижмусь къ тебѣ... и уйду... вмѣстѣ съ тобою.

Вильгельмъ. Ида!.. Такъ только говорится... Этого ты не сдѣлаешь.

Ида. Сдѣлаю!

Вильгельмъ. Ты это теперь такъ думаешь... ты не знаешь, какъ скоро забываютъ.

Ида. Я бы не могла дышать безъ тебя!

Вильгельмъ. Это такъ только кажется...

Ида. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Такъ любить... было бы... даже безсмысленно. Нельзя же все ставить на *одну* карту.

Ида. Я не вполнѣ... понимаю тебя.

Вильгельмъ. Такъ только... я... видишь ли... (Угрюмо) Перестанемъ лучше!.. Невеселая это тема!.. Что отецъ?

Ида. Онъ теперь спитъ... но... что такое съ тобою?

Вильгельмъ (ходитъ по комнатѣ). Случается такъ... не знаешь, какъ. (Вдругъ заскрежетавъ) Бываютъ моменты, говорю я тебѣ... когда нападаетъ безумное отчаяніе... Въ такія мгновенія могу себѣ представить... въ такія мгновенія доходятъ люди до того, что бросаются... внизъ головой... на мостовую... съ пятаго этажа... Отъ такого зрѣлища можно, право, придти въ восторгъ!

Ида. Избави Боже! Ты долженъ, Вилли, гнать отъ себя такія картины!

Вильгельмъ. Почему же, хотѣлъ бы я знать? Почему такіе молодцы, какъ я, должны болтаться между небомъ и землею?.. Никчемныя твари!.. Забраковать себя самого... это все-таки было бы хоть что-нибудь... все-таки сдѣлалъ бы хоть одинъ разъ что-то полезное.

Ида. Въ сущности, чему-жъ тутъ удивляться: ты истерзался, ты усталъ.

Вильгельмъ (рѣзкимъ пренебрежительнымъ тономъ). Оставь меня, этого ты не понимаешь! (Испугавшись собственныхъ словъ, мѣняетъ тонъ). Ты не должна на меня сердиться за это... Лучше уйди теперь! Я не хотѣлъ бы оскорбить тебя. А въ такомъ настроеніи, какъ сейчасъ... не могу я ручаться за себя.

Ида (молча цѣлуетъ Вильгельма въ губы и уходитъ въ сосѣднюю комнату).

Вильгельмъ (смотритъ ей вслѣдъ, останавливается. Лицо его полно страха и изумленія. Прижимаетъ руку ко лбу, точно человѣкъ, который поймалъ себя въ чемъ-то дурномъ. Въ это время Робертъ спускается съ лѣстницы).

Робертъ (шляпа въ правой рукѣ, черезъ руку перекинуты пальто и пледъ, въ лѣвой рукѣ ремни для пледа. Подходитъ къ столу и кладетъ на него вещи).

Вильгельмъ (замѣчаетъ его и, поглядывая на него, говоритъ). Ты куда?

Робертъ. Ухожу.

Вильгельмъ. Теперь?

Робертъ. Почему же нѣтъ? (Расправляетъ пледъ). Довольно съ меня... слишкомъ довольно. Теперь матери придется рождественскіе дни... проводить безъ меня. (Взглянувъ на печку) Холодно здѣсь.

Вильгельмъ. На улицѣ морозъ.

Робертъ (свертывая пледъ). Такъ! А въ десять часовъ таяло.

Вильгельмъ. Погода перемѣнилась.

Робертъ. Какъ теперь спускаться съ горы? Такъ скользко.

Вильгельмъ. Луна свѣтитъ!

Робертъ. А все-таки...

Вильгельмъ. Онъ больше не бредитъ?

Робертъ. Да, да.

Вильгельмъ. Онъ не хочетъ врача.

Робертъ. Да. да.

Вильгельмъ. Все это случилось такъ внезапно.

Робертъ. Гм!.. Да, да.

Вильгельмъ. Должно-быть, болѣзнь уже таилась въ немъ.

Робертъ. Конечно... иначе онъ бы, навѣрное, не вернулся домой.

Вильгельмъ. Боюсь, чѣмъ все это кончится?!

Робертъ. Что-жъ дѣлать.

Вильгельмъ. Честное слово... не знаю, какъ мнѣ быть, если онъ умретъ... У меня теперь такое чувство!.. Послѣ того, какъ я все это узналъ... Прежде я не зналъ... А теперь—раскаяніе, угрызенія совѣсти... Какъ же быть со всѣмъ этимъ?!..

Робертъ. Старикъ немножко другой. Правда... не очень онъ соотвѣтствовалъ нашему представленію о немъ. Конечно! Но въ существѣ—это все-таки ничего не мѣняетъ.

Вильгельмъ. Говорю тебѣ... говорю со всею серьезностью... Съ радостью отказался бы я сейчасъ отъ всего жалкаго остатка моей жизни, если бы могъ этимъ помочь ему.

Робертъ (надѣвая пальто). Безсмысленно это... На мой взглядъ... Вотъ посмотри, пойду я теперь въ крохотную нетопленную контору... сяду спиною къ печкѣ... скрещу ноги подъ столомъ... закурю эту... самую трубку и буду писать, вѣроятно—очень спокойно, такія... ну, ты знаешь, такія шутки... рекламныя шутки: путешественникъ по Азіи... изнемогаетъ отъ жажды... Ну, тутъ я обыкновенно выпускаю караванъ, который везетъ наши товары... Мой шефъ очень доволенъ... Шутка гуляетъ по отдѣлу объявленій во всевозможныхъ газетахъ. Но что самое главное: когда я тамъ такъ сижу и цѣлый день слышу, какъ пыхтитъ подо мною газъ... я бросаю время отъ времени взглядъ во дворъ... такой... фабричный дворъ—это нѣчто поразительное!.. Что-то романтическое, увѣряю тебя!.. Однимъ словомъ, тогда нѣтъ мнѣ ни до чего никакого дѣла.

Вильгельмъ. Нѣтъ, я предпочелъ бы умереть.

Робертъ. Вопросъ вкуса! А вотъ для меня это—прямо идеальный уголокъ. Такъ стоитъ ли то и дѣло выходить изъ равновѣсія, стоитъ ли сумасшествовать? И такъ вотъ понадобится дня два-три, чтобы разобраться въ своей маленькой житейской мудрости.

Вильгельмъ. Говори, что тебѣ угодно: я называю это трусостью.

Робертъ. Ну, и такъ далѣе, зови хоть такъ. Рано или поздно ты все равно придешь къ моей точкѣ зрѣнія. Отецъ

тоже подъ конецъ пришелъ къ этой точкѣ зрѣнія. Ты и отецъ, вы такъ похожи другъ на друга, можно спутать васъ. Вы оба—такіе же идеалисты. Въ 48 году отецъ дебютировалъ на баррикадахъ, а кончаетъ, какъ одинокій ипохондрикъ... Нужно во-время привыкнуть къ міру и къ себѣ самому, понимаешь ты,—прежде, чѣмъ обломаютъ тебѣ рога.

Вильгельмъ. Или же надо поработать надъ собою, чтобы стать другимъ.

Робертъ. Ну нѣтъ! Я такой, какой есть. Я имѣю право быть такимъ, какой есть.

Вильгельмъ. Тогда открыто требуй своего права!

Робертъ. Нѣтъ, остерегусь, потому что хочу дойти до своего права. Вѣдь филистеры морали теперь въ большинствѣ... А впрочемъ, мнѣ пора отправляться... Итакъ, если позволишь, вотъ тебѣ мой совѣтъ: берегись такъ-называемыхъ добрыхъ намѣреній!

Вильгельмъ (холодно). Что ты хочешь сказать?

Робертъ. Очень просто: не нужно желать дѣлать того, чего не можешь дѣлать по всему складу своей натуры.

Вильгельмъ. Напримѣръ?

Робертъ. Ну... Ко мнѣ приходятъ, напримѣръ, иногда такіе молодцы,—они Богъ знаетъ какъ распаляютъ мнѣ голову, болтаютъ объ идеалахъ. Нужно, видите ли, бороться за идеалы человѣчества и все такое! Я—и бороться за другихъ! Сказочныя требованія!.. За что это, для чего? Но, насколько я тебя знаю, тебя такія вещи тревожатъ. Ты бы сталъ метаться, точно человѣкъ, который укралъ. Ты бы сейчасъ же сказалъ себѣ: «что я за жалкое ничтожество!» Развѣ я не правъ? Ну, вотъ тогда-то и является благое намѣреніе и начинаетъ мучить, я это знаю. Я самъ прежде носился съ сотнею такихъ намѣреній... цѣлые годы... а это совсѣмъ не доставляетъ удовольствія, повѣрь мнѣ!

Вильгельмъ. Я не совсѣмъ понимаю, о чемъ ты хлопочешь?

Робертъ. Собственно, ничего опредѣленнаго у меня, конечно, нѣтъ въ виду... То безпокойство, которое теперь съѣдаетъ тебя... есть у него и другія причины... Я, во всякомъ случаѣ... если я раньше замѣчалъ... Въ прежнія времена и со мною бывало это... Но какъ только я замѣчалъ, что такое дѣло выше моихъ силъ,—я обыкновенно недолго раздумывалъ и рѣшительно поворачивался къ нему спиною.

Вильгельмъ. Это—намекъ

Робертъ. Намекъ?.. Я не зналъ... Ну-съ, еще разъ— всего тебѣ хорошаго и...

Вильгельмъ. Скажи ты мнѣ... вполнѣ объективно... это имѣетъ для меня извѣстное значеніе... только потому, что...

Робертъ. Пожалуйста,—что ты хочешь услышать отъ меня?

Вильгельмъ. Ты самъ раньше сказалъ.

Робертъ. Когда—раньше?

Вильгельмъ. Когда мы говорили объ отцѣ.

Робертъ. А, вѣрно... такъ что же я сказалъ тогда?

Вильгельмъ. Ты сказалъ, что, можетъ-быть, у насъ съ Идой все устроится.

Робертъ. А, вотъ что... Ваши отношенія... Это я сказалъ?

Вильгельмъ. Да, сказалъ.

Робертъ. Ну, да, я же многое говорилъ.

Вильгельмъ. Значитъ, ты... Ты теперь отказываешься отъ многаго изъ того, что говорилъ?

Робертъ. Совершенно вѣрно, отказываюсь.

Вильгельмъ. И отъ того... отъ того, что... относилось къ этому?..

Робертъ. Къ вашимъ отношеніямъ?

Вильгельмъ. Да.

Робертъ. Да развѣ для тебя это важно?

Вильгельмъ. Да, можетъ-быть.

Робертъ. Да.

Вильгельмъ. Значитъ, ты теперь уже не думаешь... что мы...

Робертъ. Нѣтъ.

Вильгельмъ. Хорошо... благодарю тебя... ты откровенъ... благодарю... Но предположимъ... допустимъ, что я брошу все это... Посмотримъ сначала, совершенно не считаясь съ тѣмъ, какое это имѣло бы значеніе для меня... Итакъ, допустимъ, что я вотъ сейчасъ ушелъ бы съ тобою... Что было бы тогда съ Идою?

Робертъ. Гм... Ида?.. Ида?.. (Пожимаетъ плечами). Гм, да, да... Это не такъ-то просто... то-есть очень ужъ это меня бы не безпокоило.

Вильгельмъ. Какъ! Это—твое старое вѣроломство! Я знаю его.

Робертъ. Вѣроломство? Почему это? Нѣтъ, ты ошибаешься! Чтобы быть вѣроломнымъ, для этого я еще недостаточно заинтересованъ... я хочу сказать — заинтересованъ въ этомъ дѣлѣ. Я, право, не думаю...

Вильгельмъ. Это я лучше знаю. Ужъ не хочешь ли ты раскрывать мнѣ глаза, какая это дѣвушка?! Это ужъ такъ, положись въ этомъ на меня! У нея есть ко мнѣ чувство, я не могу этого передѣлать... Я не заблуждаюсь... Такъ что же будетъ съ нею, если я убѣгу отъ нея?

Робертъ. Гм... такъ ты серьезно думаешь объ этомъ?

Вильгельмъ. Да, безусловно.

Робертъ. Тогда отвѣть мнѣ, пожалуйста, сначала вотъ на что: а когда вы женитесь, что будетъ съ Идой?

Вильгельмъ. Этого никто не можетъ знать.

Робертъ. О, нѣтъ, отчего же? Это можно знать: съ нею будетъ то, что стало съ нашей матерью.

Вильгельмъ. Нельзя сравнивать Иду съ матерью.

Робертъ. Но можно тебя—съ отцомъ.

Вильгельмъ. Каждый человѣкъ—*иной* человѣкъ.

Робертъ. Тебѣ хочется вѣрить, что это такъ. Оставь! Ты слишкомъ многаго требуешь отъ себя! Вѣдь ты самъ—олицетворенное противорѣчіе.

Вильгельмъ. Не знаю, не думаю.

Робертъ. Э, отлично знаешь!

Вильгельмъ. Наконецъ, отъ этого можно освободиться, развиться.

Робертъ. Да, конечно; но можетъ только тотъ, кто подготовленъ для этого воспитаніемъ.

Вильгельмъ. Ахъ нѣтъ никакого смысла продолжать разговаривать.

Робертъ. И я совершенно того же мнѣнія.

Вильгельмъ. Ни къ чему это не поведетъ. (Вспыливъ, внѣ себя) Вамъ хочется совсѣмъ погубить меня! Я — жертва заговора! Вы всѣ сговорились противъ меня, хотите доконать меня!.. Хотите доконать до конца!..

Робертъ. Вотъ совсѣмъ такъ говорилъ всегда и отецъ.

Вильгельмъ. Смѣшно! Твои замѣчанія просто смѣшны! Развѣ нѣтъ у меня основаній сказать это? Развѣ не хотите вы разлучить меня съ Идой? Это... говоря правду... не нахожу словъ... это — такая сказочная наглость... такая грубость... прямо превыше всякой мѣры! Я долженъ пожалѣть Иду!.. А кто же пожалѣлъ меня, скажи? Назови мнѣ хоть одного человѣка!.. Ну, кто?..

Робертъ. Само собою разумѣется... разъ ты такъ разсуждаешь... разумѣется!..

Вильгельмъ. Отъ меня требуютъ жертвы!.. Я почему-то

долженъ вдругъ принести безсмысленнѣйшую жертву! Я долженъ...

Робертъ. Ты можешь смѣло не тратить словъ. Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ... Это вполнѣ твое право — удержать у себя дѣвушку.

Вильгельмъ. При такихъ условіяхъ?.. При какихъ это условіяхъ? Скажи, скажи, прошу тебя!

Робертъ. Ты говорилъ раньше... насколько я понимаю... объ Идѣ?

Вильгельмъ. Да, конечно... Ну такъ что же?

Робертъ. А теперь говоришь о себѣ... Такъ вышло... Ну, однимъ словомъ: если тебѣ все равно, что будетъ съ этой дѣвушкой... если есть у тебя нужная доза... ну, скажемъ, безразличія, что ли... если ты берешь ее... ну, какъ новый сюртукъ, или шляпу, или вообще что-нибудь такое...

Вильгельмъ. Робертъ! Быть до того, до того безсердечнымъ... Но на этотъ разъ ты правъ... Я иду съ тобою... Я хочу сказать... ухожу изъ этого дома... съ тобою... только недалеко... вотъ теперь... теперь... покончилъ я съ вами со всѣми... Да, да, теперь я... Молчи... Теперь я покончилъ... совсѣмъ, совсѣмъ...

Робертъ (смотритъ на него съ изумленіемъ, пожимаетъ плечами).

Вильгельмъ (все возбужденнѣе). Оставь, оставь!.. Не утруждай себя... тебѣ не удастся... меня ты не обманешь своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ... Ты, во всякомъ случаѣ, правъ... Но тебя привела къ вѣрнымъ мыслямъ... я скажу тебѣ это прямо въ лицо—привела гадкая зависть... только скверная, жалкая зависть!.. Ты отлично знаешь, что я бы честно боролся, чтобы когда-нибудь все-таки сдѣлаться хоть немного достойнымъ ея... Ты отлично знаешь, какъ эта дѣвушка очищаетъ меня своей чистотой. Но ты этого не хочешь! Ты не хочешь, чтобы я очистился... Почему ты этого не хочешь?.. Да потому... потому, что ты самъ обреченъ остаться всегда такимъ, какъ сейчасъ... потому, что меня она любитъ, а тебя—нѣтъ!.. И оттого-то ты сегодня весь вечеръ шпіонилъ за мною глазами полицейскаго... все время старался дать мнѣ понять, что что-то ты такое обо мнѣ знаешь... Да, да! Ты совершенно правъ! Я—порочный человѣкъ, весь пропитанъ порокомъ. Нѣтъ во мнѣ больше ничего чистаго. Весь въ грязи, не смѣю я стоять рядомъ съ этимъ непорочнымъ существомъ; и я рѣшился, я не совершу преступленія. Но ты, Робертъ, ты отъ этого не

станешь чище. Твое счастье, что ты уже больше не можешь знать стыда!

Робертъ (во время послѣдней трети словъ Вильгельма взялъ свои вещи и пошелъ къ выходу. Взявшись за дверную ручку, онъ останавливается, точно собирается говорить, но раздумываетъ, покорно пожимаетъ плечами и очень спокойно уходитъ).

Вильгельмъ (ему вслѣдъ). Робертъ!.. Робертъ!

Ида (входя изъ сосѣдней комнаты). Кого это ты зовешь?

Вильгельмъ. Ахъ, ты здѣсь?

Ида. Докторъ пришелъ, Вильгельмъ... онъ говоритъ... это серьезно, это...

Причитающій голосъ г-жи Шольцъ. Любимый мой, хорошій мой мужъ... О... любимый, хорошій мой!

Вильгельмъ. Что я надѣлалъ! Что я опять надѣлалъ!

Ида. Щемитъ у меня сердце... я бы очень не хотѣла тебя спрашивать, но... навѣрное, что-то такое... Что-то случилось-съ тобою, Вилли!

Вильгельмъ. Да ровно ничего... Надо бы мнѣ опять въ одиночество... тамъ—наше мѣсто, Ида.

Ида. Почему? Я не понимаю.

Вильгельмъ (сурово и возбужденно). Да, да, да! старая пѣсня: я не понимаю тебя, я не понимаю тебя!.. Отецъ и мать тоже всю жизнь говорили на разныхъ языкахъ. Ты не понимаешь меня! Ты не знаешь меня!.. У тебя—плоскія иллюзіи подростка, и мнѣ нечего здѣсь дѣлать. Остается только таиться отъ тебя, таиться, пока не сдѣлаюсь окончательнымъ лгуномъ и мошенникомъ.

Ида (смотритъ на Вильгельма вся растерянная, начинаетъ плакать).

Вильгельмъ. Вотъ теперь ты видишь: вотъ это я — настоящій. И стоитъ мнѣ лишь на секунду забыть, какую я играю передъ тобою роль, и опять это выступаетъ наружу. Меня настоящаго ты не можешь выносить,—ты плачешь, и тебѣ пришлось бы плакать цѣлые годы, если бы я не сжалился надъ тобою... Нѣтъ, Ида, между нами ничего не должно быть... Я пришелъ къ твердому рѣшенію.

Ида (бросаясь ему на шею). Неправда!.. Неправда!

Вильгельмъ. Подумай о томъ, что ты видѣла здѣсь! Неужели же должны и мы сызнова продѣлать все это? Неужели должны и мы сызнова строить такой самый домъ?

Ида. Будетъ по-другому! Станетъ лучше, Вильгельмъ!

Вильгельмъ. Какъ можешь ты это сказать?

Ида. Я чувствую это.

Вильгельмъ. Нѣтъ, Ида, ты бросаешься съ закрытыми глазами въ гибель! Я тащу тебя къ гибели!

Ида. Я не боюсь... Этого я не боюсь, Вильгельмъ! Снова повѣрь ты мнѣ! Дай мнѣ снова твою руку! И я сумѣю быть для тебя чѣмъ-нибудь... только не отталкивай меня отъ себя... Я не буду больше плакать... обѣщаю тебѣ...

Вильгельмъ. Отпусти меня!.. Ты любишь въ первый разъ! Ты любишь свою мечту. Я растратилъ всю свою жизнь .. Я опозорилъ твой полъ въ другихъ... Я — ничтожество...

Ида (обнимаетъ его со стономъ и слезами). Ты мой! Ты мой!

Вильгельмъ. Я недостоинъ тебя!

Ида. О, не говори такъ! Передъ тобою я — такая маленькая, ахъ, такая маленькая! Какъ крошечная мошка... Безъ тебя, Вильгельмъ, я—ничто! И все—благодаря тебѣ... Не отнимай у меня своей руки... у меня... у жалкой!..

Вильгельмъ. Ида! Я—у тебя? Ида, я?.. (Они обнимаются сквозь смѣхъ и слезы). Чтобы я не отнималъ у тебя своей руки... Да что... ты... говоришь... Нехорошая...

Ида. Такъ... обѣщай же мнѣ... обѣщай...

Вильгельмъ. Клянусь тебѣ теперь... (Его слова обрываетъ душу раздирающій крикъ изъ сосѣдней комнаты. Пораженные, полные отчаянія, смотрятъ Вильгельмъ и Ида другъ другу въ глаза).

Голосъ г-жи Шольцъ. Мой мужъ... онъ умираетъ!.. Мой хорошій, любимый супругъ... онъ умираетъ... мой мужъ... (Громкій плачъ).

Вильгельмъ. Боже!.. Господи, что это?.. Отецъ! Отецъ! (Хочетъ броситься въ сосѣднюю комнату. Ида пересѣкаетъ ему дорогу).

Ида. Вильгельмъ!.. Приди въ себя! и... не иди безъ меня!.. (Изъ сосѣдней комнаты выходитъ Фрибэ, трясясь отъ рыданій, и уходитъ въ кухню).

Августа (идетъ слѣдомъ за Фрибэ. Останавливается передъ Вильгельмомъ и съ усиліемъ произноситъ). На комъ же теперь вина? На комъ?.. На комъ?.. (Падаетъ на столъ. Изъ ея груди вырывается глухой, сдавленный стонъ. Все слышнѣе доносится громкій плачъ г-жи Шольцъ).

Ида (у его груди, стараясь успокоить, дрожащимъ голосомъ). Вильгельмъ... кажется... твоего отца... не стало...

(Вильгельмъ готовъ снова вспыхнуть гнѣвомъ. Ида успокаиваетъ его. Онъ побѣждаетъ свое горе, ищетъ руку Иды, беретъ ее, съ мукой сжимаетъ въ своей рукѣ и, рука объ руку съ дѣвушкою, идетъ твердыми шагами въ сосѣднюю комнату).

(Занавѣсъ падаетъ).

ОДИНОКІЕ.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Переводъ **В. М. Саблина.**

Отдаю эту драму въ руки тѣхъ, которые ее пережили.

Герхартъ Гауптманъ.

Изъ писателя-соціолога и теоретика ученія о наслѣдственности, какимъ Гауптманъ явился въ первыхъ двухъ драмахъ, онъ превращается въ третьей—«Одинокіе» (Einsame Menschen)—въ психолога-индивидуалиста, ставящаго предъ собою вопросъ о человѣческомъ взаимопониманіи, одиночествѣ человѣка и истинной свободѣ. Изъ психіатрическихъ безднъ онъ восходитъ къ нормальной, здоровой жизни.

Время написанія этой драмы совпало съ временемъ похода сѣвернаго богатыря драматургіи—Ибсена противъ семьи и съ страстными возвѣщеніями Ницше ученія о сверхчеловѣкѣ, сильномъ и прекрасномъ, пока одинокомъ, но побѣдителемъ міра впереди. Въ «Одинокихъ» слышится тотъ мотивъ возвеличенія одиночества, который впослѣдствіи властно и смѣло прозвучалъ въ «Потонувшемъ колоколѣ».

Затронутая Гауптманомъ тема была какъ нельзя болѣе въ духѣ времени. Нѣмецкій драматургъ поставилъ предъ обществомъ самые захватывающіе, самые назойливые вопросы о нравственныхъ устояхъ современной личности, объ ея свободѣ, о значеніи міровоззрѣнія, объ одиночествѣ,—той темѣ, которую человѣчество ставило передъ собою съ той минуты, какъ создался мифъ о Прометеѣ. Пьеса не могла не всколыхнуть умы мыслящихъ людей. Гауптманъ сдѣлалъ ею для своей эпохи болѣе, чѣмъ какою-либо другою изъ своихъ пьесъ первой поры. Въ частности, въ Россіи она вызвала многочисленные литературные отклики и обсужденія.

11-го января 1891 года она была поставлена въ театрѣ «Свободной сцены», затѣмъ прошла въ берлинскомъ «Нѣмецкомъ театрѣ», въ цѣломъ рядѣ другихъ сценъ и удержалась въ европейскомъ репертуарѣ. Въ мартѣ она вышла отдѣльнымъ изданіемъ. Ею упрочилось имя Гауптмана, какъ писателя, достойнаго мірового вниманія.

«Одинокіе»—трагедія человѣческаго взаимонепониманія. Эта трагедія была мучительна въ «Праздникѣ мира», въ осложненіи мрачною наслѣдственностью. Здѣсь Гауптманъ хочетъ показать, что она разрѣшается не легче и тогда, когда дѣло идетъ о совершенно здоровой и нормальной семьѣ, обвѣянной даже атмосферой любви и ласки, но лишенной единства міровоззрѣнія и потому не озаренной взаимнымъ пониманіемъ. На этотъ разъ это трагедія благородныхъ характеровъ, гибнущихъ подъ непосильной жертвой, какой отъ нихъ требуетъ жизнь.

Молодой ученый Іоганнесъ Фокератъ—холеное дѣтище своихъ родителей. По существу, это положительно хорошіе люди. У него любящая жена, которую и самъ онъ любитъ. Молодой четъ только бы жить да радоваться. Но по религіознымъ воззрѣніямъ, по умствен-

нымъ интересамъ всѣ окружающіе Іоганнеса—ему чужіе. Онъ ушелъ отъ религіозныхъ понятій родителей, ему чужда его жена Кэте, не питающая ни малѣйшаго интереса къ его книгѣ, которая для него—все. Случайная гостья въ семьѣ, русская швейцарская студентка Анна Маръ оказывается несравнимо ближе къ нему, чѣмъ его жена. Между молодыми людьми происходитъ духовное сближеніе, дающее полноту ихъ жизни. Ихъ дружба чиста, какъ дружба ангеловъ. Но никто не хочетъ увидѣть ихъ отношеній въ надлежащемъ свѣтѣ. Старый вѣкъ съ своею ревностью, съ моралью приличій разрушаетъ возможность выхода для Іоганнеса изъ одиночества. И когда Анна уѣзжаетъ изъ его дома, онъ кончаетъ самоубійствомъ.

Задумывались надъ тѣмъ, хотѣлъ ли Гауптманъ изобразить въ Іоганнесѣ геніальнаго человѣка, надъ которымъ тяготѣла драма одиночества, не подозрѣваемая никѣмъ до конца пятаго акта, или, наоборотъ, онъ хотѣлъ показать слабаго и безвольнаго человѣка, поставившаго предъ собою задачи ницшеанскаго возвышенія надъ толпой и погибшаго безъ поддержки среды.

Можетъ-быть, первая задача предносилась Гауптману, но совершенно явно онъ скоро повернулъ отъ нея на второй путь. Человѣкъ, съ перваго появленія на сценѣ жалующійся на непониманіе, плаксиво просящій капли вниманія къ своему любимому дѣлу, представляющій себя Пегасомъ въ хомутѣ, на самомъ дѣлѣ—увы!—не Колумбъ, не геній, не титанъ, не сверхчеловѣкъ.

Онъ многообѣщающе говоритъ о своемъ трудѣ, но Гауптманъ ни разу и ничѣмъ не поспѣшилъ объективно подтвердить его выдающуюся талантливость и яркость. Ниоткуда не явствуетъ, что книга, написанная имъ, дѣйствительно замѣчательна. Брандесъ справедливо подчеркиваетъ его педантизмъ, его нечуткость, когда онъ постоянно твердитъ своей женѣ о достоинствахъ гостьи. Только въ проповѣди нравъ духовной дружбы онъ на минуту кажется величественнымъ.

Іоганнесъ Фокератъ—немногимъ выше средняго, слабый человѣкъ, болѣе ученый, чѣмъ умный, болѣе нервный, чѣмъ тонкій, «вопіющій о единеніи мыслей, а на самомъ дѣлѣ жаждущій близости сердецъ». Это «женатый Вильгельмъ Шольцъ изъ «Праздника мира»,—какъ хорошо сказалъ Штейгеръ. Это типичный слабякъ съ благими порывами и безъ силы свершеній.

Читая сужденія нѣмецкой критики о Іоганнесѣ, почти съ раздраженіемъ чувствуешь отсутствіе властно напрашивающагося сравненія Фокерата съ чеховскими героями. Іоганнесъ—типичный чеховскій образъ человѣка съ надтреснутой душой изъ семьи Ивановыхъ и Астровыхъ. Чеховъ былъ слишкомъ мало извѣстенъ въ Германіи, когда нѣмецкой критикѣ приходилось высказываться объ «Одинокихъ».

Въ лицѣ Анны Маръ мы имѣемъ одну изъ художественныхъ попытокъ набросать образъ женщины-сверхчеловѣка, приближающейся къ ибсеновской «Норѣ» или героинѣ бьернсоновской «Перчатки».

Если ясно сознаются общественныя вѣянія, подъ которыми Гауптманъ создалъ «Одинокихъ», то съ неменьшею ясностью можно указать здѣсь и нѣкоторыя литературныя вліянія. Вліяніе ибсеновскаго «Росмерсгольма» (1886) вѣетъ надъ драмой. Кабинетный ученый Росмеръ, подчиняющійся могучему вліянію пріѣзжей сильной женщины Ребекки и забывающій о своей женѣ, настолько же похожъ на Іоганнеса Фокерата, насколько радикалка Ребекка на соціалистку Маръ и законная жена Росмера, Беата, на Кэте. Глубокая дума Ибсена о

«тѣснотѣ семьи» для ищущаго себя человѣка захватила Гауптмана, и даже самыя формы выраженія ея, самая структура «клича освобожденія человѣка» увлекли его.

Отмѣчая это, конечно, нельзя забывать, сколько самобытнаго внесъ ученикъ Ибсена въ свой трудъ, съ какою психологическою глубиною и реалистической красотой возсоздалъ онъ жизнь. Сюжеты огромнаго большинства пьесъ Шекспира заимствованы, однако это не умаляетъ величія Шекспира ни на одинъ дюймъ.

Другое литературное вліяніе—драма нѣмецкаго драматурга Германа Бара: «Новые люди» (Die neuen Menschen), появившаяся въ 1887 г. и, въ свою очередь, подсказанная «Росмерсгольмомъ». Уже названіе сближаетъ эти пьесы. Георгъ Бара такъ же вводитъ въ свой домъ Гедвигу при живой женѣ. Георгъ такъ же мечтаетъ о новомъ свободномъ строѣ жизни и такъ же находитъ смерть въ озерѣ.

Сходство подтверждается даже частностями. У Гауптмана Анна Маръ—дѣятельница русскаго освобожденія, носящая кольцо женщины, ушедшей за мужемъ въ Сибирь. У Бара Анна—фанатичка, замышляющая убійство одного высокаго лица и кончающая полнымъ анархизмомъ. Обѣ пьесы начинаются со сцены крещенія съ легкой попыткой разговоровъ о христіанствѣ (Бартельсъ).

Отличаетъ Бара отъ Гауптмана его попытка выставить идеалъ новыхъ людей сейчасъ, въ современности. Фокератъ только лелѣетъ о нихъ далекую мечту. По художественному значенію, разумѣется, суховатая и разсудочная вещь Бара несравнима съ превосходной драмой Гауптмана.

Вѣчная близость гауптмановской темы человѣческой душѣ, глубина его психологическихъ проникновеній, вся вообще художественная техника «Одинокихъ» ставятъ пьесу въ рядъ прекраснѣйшихъ созданій новой драматургіи. Какъ психологъ, Гауптманъ «обнажаетъ здѣсь тончайшіе нервы современныхъ душъ» (Шлентеръ). Жизненность пьесы поразительна. Конечно, Гауптманъ могъ сдѣлать своего Фокерата побѣдителемъ, но онъ устоялъ передъ соблазномъ и предпочелъ утопическому герою—живого человѣка съ плотью и кровью и съ неизбѣжною слабостью плоти и крови. Анна Маръ, которая, конечно, любитъ своего друга не одною любовью дружбы, прелестна въ своей мукѣ двухъ финальныхъ актовъ. Штейгеръ отмѣчаетъ минорную красоту окончаній актовъ, въ которыхъ медленно замираютъ громкіе тона дѣйствія. Хорошо даже побочное,—въ родѣ старухи Леманъ, представляющей съ своимъ мужемъ пародію-параллель Кэте и Іоганнесу.

«Одинокіе», какъ художественное произведеніе,—пишетъ Брандесъ:—поражаетъ своей серьезностью и правдивостью. Оно захватываетъ читателя, возбуждаетъ его состраданіе и заставляетъ мыслить. Если пьеса производитъ такое значительное и прочное впечатлѣніе, то это зависитъ отъ глубины, съ какою Гауптманъ почувствовалъ и понялъ, что каждый моральный фактъ—единственный въ своемъ родѣ, unicum».

«Если бы,—пишетъ Штейгеръ:—я хотѣлъ перечислить всѣ красоты «Одинокихъ», все снова восхищающія меня при чтеніи и на сценѣ, мнѣ пришлось бы переписать приблизительно всю драму. Я знаю, что были указаны и большіе недостатки въ этомъ произведеніи. Но почти всѣ они были недостатками не автора, а самихъ критиковъ,—ихъ, если угодно, обманомъ зрѣнія».

Шлентеръ цѣнитъ «Одинокихъ» такъ же высоко, какъ и «Потонувшій колоколъ».

«Въ «Одинокихъ»,—говоритъ Бартельсъ:—Гауптманъ есть подлинный Ибсенъ. Нигдѣ онъ такъ близко не подходилъ къ этому господину и властелину «драмы-модернъ», какъ въ этой пьесѣ, написанной одновременно съ родственной съ нею «Геддой Габлеръ». Если не обращать вниманія на слабо мотивированное возвращеніе Анны въ домъ Фокератовъ, то драма развивается съ тою принудительною необходимостью, какую умѣетъ придавать Ибсенъ своимъ образамъ. Всѣ переливы настроеній вышли очень удачно, даже если иногда сюда привходитъ нѣчто мелочное (какъ оса въ началѣ 2-го акта), и даже въ деталяхъ достигнуто истинное психологическое искусство. Ни въ какомъ другомъ своемъ произведеніи Гауптманъ не былъ такъ «тонокъ», какъ здѣсь... «Одинокіе»—это шагъ впередъ по сравненію съ двумя первыми драмами, и если не по направленію къ натуралистической драмѣ, то вообще къ драматической законченности и художественности... Поэтъ Гауптманъ выявляетъ себя здѣсь во весь ростъ».

Изъ біографическихъ чертъ, проскользнувшихъ въ «Одинокихъ», небезынтересно отмѣтить то, что прототипомъ пастора, по сообщенію Шлентера, могъ послужить дядя Гауптмана, Густавъ Шубертъ, въ строгой и религіозной семьѣ котораго молодой Гергартъ провелъ нѣкоторое время жизни.

Лучшимъ сценическимъ воплотителемъ роли Іог. Фокерата по справедливости считается знаменитый итальянскій трагикъ Эрметэ Цаккони.

ОДИНОКІЕ.

(ДРАМА ВЪ 5-ТИ ДѢЙСТВІЯХЪ).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ФОКЕРАТЪ.
Г-ЖА ФОКЕРАТЪ.
ІОГАННЕСЪ ФОКЕРАТЪ.
КЭТЕ ФОКЕРАТЪ.
БРАУНЪ.
АННА МАРЪ.
ПАСТОРЪ КОЛЛИНЪ.
Г-ЖА ЛЕМАНЪ.
КОРМИЛИЦА.
СЛУЖАНКА.
ТОРГОВКА.
СЦѢПЩИКЪ ВАГОНОВЪ.

Событія этого произведенія происходятъ въ загородномъ домѣ въ Фридрихсгагенѣ, около Берлина; садъ примыкаетъ къ Мюггельскому озеру. Въ продолженіе всѣхъ пяти дѣйствій сцена остается безъ измѣненій. Комната, подобная залѣ—въ одно и то же время гостиная и столовая. Зажиточная буржуазная обстановка. Піанино, книжный шкапъ. Вокругъ него портреты-фотографіи и гравюры современныхъ ученыхъ (въ томъ числѣ и богослововъ), среди нихъ Дарвинъ и Геккель. Надъ піанино масляный портретъ пастора въ облаченіи. На стѣнѣ много картинъ библейскаго содержанія—Шпорра фонъ-Карольсфельда. Налѣво—одна дверь, направо—двѣ. Лѣвая дверь ведетъ въ рабочій кабинетъ Іоганнеса Фокерата, правыя двери—въ спальню и наружу. Комната не особенно глубокая. Черезъ два сводчатыхъ окна и стеклянную дверь въ задней стѣнѣ видны веранда и садъ, а за нимъ озеро и по ту сторону его—Мюггельскія горы.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната пуста. Черезъ пріотворенную дверь кабинета доносится голосъ пастора, произносящаго проповѣдь. Спустя нѣсколько секундъ голосъ затихаетъ, и слышны звуки хорала, исполняемаго на фисгармоніи. Во время первыхъ тактовъ дверь открывается, и входятъ— Г-ЖА ФОКЕРАТЪ, КЭТЕ ФОКЕРАТЪ и КОРМИЛИЦА съ ребенкомъ въ конвертикѣ. Всѣ одѣты по-праздничному.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (почтенная женщина лѣтъ 50, въ черномъ шелковомъ платьѣ, волнистая прическа. Беретъ Кэте за руку и гладитъ). Онъ очень хорошо говорилъ, правда, Кэтхенъ?

(Кэте 21 годъ, средняго роста, хрупкая, блѣдная, нѣжная брюнетка, еще не совсѣмъ оправившаяся отъ родовъ. Она принужденно улыбается, машинально киваетъ и наклоняется къ ребенку).

КОРМИЛИЦА. Бай-бай. (Качаетъ его). Ну, вотъ и засыпаетъ... Шш... шш... шш... (Поправляетъ мѣшающій ребенку бантъ). Такъ... такъ... Шш... шш... шш... Спи, крошка, спи. (Тихо напѣваетъ на мотивъ: «Спи, дѣтка, спи»). Какъ онъ на пастора-то уставился. (Передразниваетъ его) Вотъ такъ! Ха-ха-ха!.. А какъ до воды дошло — не вытерпѣлъ. (Напѣваетъ) «Батюшка, родименькій, не стегай ребеночка»... Ха-ха-ха!.. Какъ закатился! Ой-ой-ой! Шш... шш... шш... Спи, дѣтка, спи... (Отбиваетъ тактъ ногой. Кэте смѣется искренно, но нервно).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Ты только взгляни, Кэтхенъ, какая прелесть! Какія у него длинныя рѣсницы!

КОРМИЛИЦА. Ого! Весь въ мамашу. Спи, дѣтка... Чисто кисточки висятъ!

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. А вѣдь правда, Кэтхенъ, весь въ мать. (Кэте, не соглашаясь, энергично качаетъ головой). Въ самомъ дѣлѣ.

КЭТЕ (говоритъ съ трудомъ). Ахъ, мама, я бы этого не хотѣла! Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ не долженъ на меня походить! Я... (Она не договариваетъ).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ (старается перемѣнить разговоръ). Здоровый ребенокъ.

КОРМИЛИЦА. Богатырь.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. А какіе кулачки! Ты взгляни, Кэте.

КОРМИЛИЦА. Кулаки! Кулаки точно у Голіаоа. (Кэте цѣлуетъ ребенка).

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Правда, и грудь хорошо развита?

КОРМИЛИЦА. Прямо генеральская! Шш... шш... шш... Вырастетъ, одинъ пятерыхъ свалитъ.

Г-ЖА ФОКЕРАТЪ. Ну, ужъ знаете! (Она и Кэте смѣются).

КОРМИЛИЦА. У него кровь здоровая. Шш... шш... шш... У дѣтей все здоровье отъ крови. Шш... шш... шш...

(Полупѣвая) Ну вотъ, ну вотъ, и пойдемъ, и пойдемъ... Мы въ постельку пойдемъ... Да, въ постельку пойдемъ... Шш... шш... шш... Спи, дѣтка. (Уходитъ въ спальню).

Г-жа Фокератъ (затворивъ за кормилицей дверь, возвращается, весело покачивая головой). Ну, и субъектъ! Но все-таки старательная. Я рада, Кэте, что тебѣ посчастливилось.

Кэте. Генеральская... Господи! (Она смѣется. Смѣхъ становится судорожнымъ, и въ концѣ концовъ въ немъ больше слезъ, чѣмъ смѣха).

Г-жа Фокератъ (испуганно). Что съ тобою, что съ тобою? (Кэте себя сдерживаетъ. Г-жа Фокератъ ее обнимаетъ). Что ты, Кэте?

Кэте. Ничего, ничего. Въ самомъ дѣлѣ, ничего.

Г-жа Фокератъ. Вотъ такъ ничего! Впрочемъ, неудивительно. Ты еще не оправилась. Поди, приляг на минутку.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ! Все ужъ прошло, мама.

Г-жа Фокератъ. Ну, хоть на секунду.

Кэте. Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не надо! Сейчасъ и обѣдать пора.

Г-жа Фокератъ (подходитъ къ столу, на которомъ стоятъ вино и печенье, и наливаетъ стаканъ вина). Ну, сдѣлай хоть глотокъ! Попробуй! Вкусное... (Кэте пьетъ). Вино подкрѣпляетъ, правда? И что это съ тобою, дѣтка? Беречься должна больше, и все пойдетъ хорошо. И не выдумывай никакихъ тревогъ. Все устроится... У васъ теперь ребенокъ... Все пойдетъ подругому... Іоганнесъ станетъ спокойнѣе...

Кэте. Если бы въ самомъ дѣлѣ, мама.

Г-жа Фокератъ. Да ты вспомни только, какъ онъ обрадовался, когда родился мальчикъ. Онъ вообще до безумія любитъ дѣтей. Ужь повѣрь... Всегда такъ... Бракъ безъ дѣтей ничего не стоитъ,—ни то ни се. Я только и молила Бога, чтобы Онъ благословилъ вашъ бракъ ребенкомъ. А у насъ какъ было?.. Первые четыре года послѣ свадьбы... развѣ это была жизнь? И только, когда Господь услышалъ наши молитвы и послалъ намъ Іоганнеса, только тогда и началась наша жизнь, Кэте. Имѣй только терпѣніе... дай пройти мѣсяца три, и увидишь, какой онъ уморительный станетъ... Нѣтъ, нѣтъ! Ты должна быть довольна. У тебя есть ребенокъ, есть мужъ, который тебя любитъ. Можете безъ заботъ жить. Чего еще тебѣ надо?

Кэте. Можетъ-быть, это и въ самомъ дѣлѣ глупо. Я понимаю, что иногда сама разстраиваю себя по пустякамъ.

Г-жа Фокератъ. Ну, вотъ видишь... Только не сердись

на меня! Ты бы чувствовала себя гораздо покойнѣе, Кэте, гораздо покойнѣе, если бы... Знаешь, если меня что-нибудь безпокоитъ, я горячо помолюсь, выскажу все, что̀ есть на сердцѣ, и мнѣ сразу становится такъ легко, такъ радостно... Нѣтъ, нѣтъ! Пусть ученые говорятъ, что̀ имъ угодно, но Богъ существуетъ, Кэте. Мужчина невѣрующій—нехорошо, а ужъ женщина... Только не сердись, Кэте. Ну, хорошо, хорошо, больше не буду говорить. Я много молюсь, каждый день прошу Господа; я знаю,—Онъ услышитъ мою молитву. Вы оба хорошіе люди. Господь вамъ и вѣру пошлетъ. (Цѣлуетъ дочь. Хоралъ кончается). Болтаю я тутъ.

Кэте. Скорѣй бы мнѣ поправиться, мама. Мнѣ такъ непріятно смотрѣть, какъ ты хлопочешь.

Г-жа Фокератъ (около наружной двери). Ну, есть о чемъ говорить! У васъ мнѣ отдыхъ. Вотъ, когда ты выздоровѣешь совсѣмъ, тогда я заставлю тебя ухаживать за мною. (Уходитъ. Кэте направляется въ спальню, но еще не успѣваетъ выйти, какъ входитъ изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, Браунъ. Ему 26 лѣтъ. Лицо блѣдное, съ усталымъ выраженіемъ. Подъ глазами круги. Небольшіе усы, голова острижена почти наголо. Костюмъ модный, изящный, но потертый. Флегматиченъ, большей частью неудовлетворенъ и потому не въ духѣ).

Браунъ. Такъ! (Останавливается и вынимаетъ изъ портсигара папиросу). И эту муку претерпѣлъ.

Кэте. Вы отлично выдержали, г. Браунъ.

Браунъ (закуривая). Я бы съ бо̀льшимъ удовольствіемъ теперь рисовалъ. Стыдъ и позоръ бить баклуши въ такую погоду.

Кэте. Еще нагоните.

Браунъ. Ахъ, всѣ мы бездѣльники. (Садится около стола). А все-таки есть что-то въ крещеніи.

Кэте. Вы обратили вниманіе на Іоганнеса?

Браунъ (быстро). Онъ ужасно нервничалъ. Я все время боялся, что произойдетъ какая-нибудь исторія, что онъ перебьетъ рѣчь пастора... Да и проповѣдь въ самомъ дѣлѣ была!

Кэте. Неправда, г. Браунъ!

Браунъ. Нѣтъ, это ужъ не подлежитъ сомнѣнію!.. Впрочемъ, я совершенно доволенъ. Еще, пожалуй, когда-нибудь картину напишу. Сюжетъ исключительный.

Кэте. Вы это серьезно, г. Браунъ?

Браунъ. Если я напишу эту картину, то отъ нея будетъ вѣять густымъ ароматомъ воспоминаній... Понимаете,— смѣсь бѣлаго вина, пироговъ, нюхательнаго табаку и во-

сковыхъ свѣчей... Чтобъ дурманъ пріятный былъ, чтобъ такъ и пахнуло юностью.

(Изъ комнаты, гдѣ происходило крещеніе, входитъ Іоганнесъ Фокератъ. Ему 28 лѣтъ, онъ средняго роста, блондинъ, одухотворенное лицо, живая мимика, движенія безпокойны, одѣтъ безупречно: фракъ, бѣлый галстукъ, перчатки. Онъ вздыхаетъ и снимаетъ перчатки).

Браунъ. Разсердился?

Іоганнесъ. Не могу этого сказать. А какъ насчетъ обѣда, Кэтхенъ?

Кэте (нерѣшительно). Я думаю, на верандѣ.

Іоганнесъ. Что, и тамъ накрыто?

Кэте (робко). Ты недоволенъ? Я думала...

Іоганнесъ. Только не такъ жалобно, Кэте! Не съѣмъ же я тебя! Это просто невыносимо!

Кэте (заставляетъ себя говорить твердо). Я велѣла накрыть на верандѣ.

Іоганнесъ. Ну, понятно... И превосходно... Какъ будто я людоѣдъ какой!

Браунъ (ворчитъ). Да не брюзжи ты!

Іоганнесъ (обнимая Кэте, ласково). Въ самомъ дѣлѣ, Кэте, у тебя всегда такой видъ, точно я тиранъ какой, въ родѣ дяди Отто. Надо отъ этого отвыкнуть.

Кэте. Но вѣдь ты же бываешь иногда недоволенъ, Іоганнесъ.

Іоганнесъ (опять вспыливъ). Если даже и такъ, что за бѣда! Давай мнѣ отпоръ, защищайся. Со своимъ характеромъ я ничего не могу подѣлать. А ты не покоряйся! Для меня нѣтъ ничего противнѣе, какъ эта терпѣливость, эта мадонистая...

Кэте. Ну, не волнуйся изъ-за пустяковъ, Ганнесъ! Стоитъ объ этомъ говорить!

Іоганнесъ (гнѣвно). Ахъ, ты заблуждаешься въ самомъ корнѣ. Я и не думаю раздражаться... Ничего подобнаго! Странно въ самомъ дѣлѣ — подозрѣвать, что я вѣчно раздражаюсь! (Браунъ хочетъ что-то замѣтить). Ну, да хорошо! Вы вѣдь всегда лучше знаете! Довольно!.. Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ... Да, да, да...

Браунъ. До чего скучны эти вѣчные вздохи!

Іоганнесъ (хватается за грудь; лицо вытягивается съ выраженіемъ страданія). А!

Браунъ. Ну, что еще?

Іоганнесъ. Ничего новаго. Старая исторія... колетъ въ груди.

Браунъ. А ты совсѣмъ отколи, Гансъ!

Іоганнесъ. Мнѣ-то, братъ, не до шутокъ!.. А-ахъ!

Кэте. Не волнуйся, Ганнесъ! Серьезнаго нѣтъ ничего.

Іоганнесъ. Если ужъ было два раза воспаленіе легкихъ...

Браунъ. А еще офицеръ запаса.

Іоганнесъ. Какое это имѣетъ отношеніе?

Браунъ. Старый ипохондрикъ! Не кисни, съѣшь что-нибудь! Просто, это отъ проповѣди.

Іоганнесъ. Знаешь, Брео... говорить такъ о крестинахъ... Какъ я лично отношусь къ этому, тебѣ извѣстно. Во всякомъ случаѣ, не съ точки зрѣнія христіанской религіи. Но все-таки для весьма и весьма многихъ это— священный обрядъ.

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, не для меня.

Іоганнесъ. Знаю. Лично для меня — тоже нѣтъ. Такъ же, какъ и для тебя. Но надо же имѣть хоть нѣкоторое благоговѣйное чувство къ торжеству, которое...

Браунъ. Ты со своимъ благоговѣйнымъ чувствомъ...

Іоганнесъ. А слѣдовало бы и тебѣ имѣть его хоть немножко.

Браунъ. Знаешь, это чувство...

Іоганнесъ. Не обижайся, пожалуйста... Въ другой разъ, быть-можетъ, я болѣе терпимо смогу выслушивать тебя, но сегодня... (Уходитъ на веранду. Видно, какъ онъ тамъ продѣлываетъ гимнастическія упражненія).

Браунъ (смущенно встаетъ и безпричинно смѣется).

Кэте (стоя у рабочаго столика). Вы оскорбили его, г. Браунъ.

Браунъ (смущенно улыбается, затѣмъ грубовато). Внѣ моихъ силъ... До смерти ненавижу все половинчатое.

Кэте (послѣ нѣкоторой паузы). Вы несправедливы къ нему.

Браунъ. Чѣмъ?

Кэте. Не знаю... Не умѣю вамъ выразить этого... Во всякомъ случаѣ... Ганнесъ борется честно...

Браунъ. Съ какихъ это поръ, хотѣлъ бы я знать, онъ сталъ опять такъ раздражителенъ?

Кэте. Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ о крещеніи. Я - было ужъ такъ обрадовалась... А это опять лишило его покоя. Вѣдь нельзя же было причинять изъ-за этого старикамъ-родителямъ такое страшное горе!.. Нѣтъ, и подумать невозможно. Вѣдь они такіе набожные, религіозные люди. Съ этимъ и вы согласитесь, г. Браунъ!

Іоганнесъ (открываетъ стеклянную дверь и говоритъ громко).

Я, господа, накапризничалъ... Ну, развеселитесь! Видите, я уже веселый! (Уходитъ въ садъ).

Браунъ. Агнецъ! (Пауза).

Кэте. Онъ меня иногда прямо трогаетъ. (Пауза).

(Изъ комнаты, гдѣ происходили крестины, выходятъ старшій Фокератъ и пасторъ Коллинъ. Оба очень веселы. Фокерату уже за пятьдесятъ. Сѣдая голова, борода рыжая, на лицѣ и на рукахъ веснушки. Силенъ, широкъ, склоненъ къ тучности. Немного горбится, ходитъ мелкими шажками. Весь дышитъ любовью и добродушіемъ. Веселая, наивная жизнерадостная натура. Пасторъ Коллинъ—старикъ 73 лѣтъ. Носитъ шапочку, нюхаетъ табакъ).

Фокератъ (вводитъ пастора подъ-руку, говоритъ ему мягкимъ, слегка подавленнымъ голосомъ). Очень, очень вамъ благодаренъ, г. пасторъ! Большое вамъ спасибо за это возвышающее наслажденіе, да... Я испыталъ истинный подъемъ духа... да... А, вотъ ты гдѣ, милая дочка. (Подходитъ къ Кэте, обнимаетъ и сердечно цѣлуетъ ее). Ну, славная моя, хорошая Кэте, желаю тебѣ счастья отъ всей души. (Цѣлуетъ ее). Милосердый Богъ... да... опять проявилъ Себя въ Своей великой благости, да, да... въ Своей безпредѣльной благости. (Поцѣлуй). Его милость и доброта неизмѣримы. И Онъ поддержитъ теперь, да... поддержитъ Своей отеческой рукой... Да... да... и молодой побѣгъ... да... (Брауну) Позвольте, г. Браунъ, и вамъ пожать руку. (Входитъ Іоганнесъ, Фокератъ идетъ ему навстрѣчу). А, вотъ и ты, Іоганнесъ! Родной мой! (Поцѣлуй, крѣпкія объятья. Растроганъ почти до смѣха). Радъ за тебя! (Поцѣлуй). Искренно радъ. Не знаю, какъ и благодарить Господа, да... да...

Пасторъ Коллинъ (слегка трясется, страдаетъ одышкой. Торжественно пожимаетъ Кэте руку). Еще разъ, да благословитъ васъ Господь! (Пожимаетъ руку Іоганнесу). Да благословитъ васъ Господь!

Фокератъ. Ну, дорогой пасторъ, чего позволите? Ничего? Пожалуйста!

Іоганнесъ. Ну, стаканъ вина, г. пасторъ! Я сейчасъ принесу новую бутылку.

Пасторъ Коллинъ. Только не безпокойтесь! Пожалуйста, не безпокойтесь!

Іоганнесъ. Бѣлаго или...

Пасторъ Коллинъ. Какого угодно... Какого вамъ угодно. Только, пожалуйста, не безпокойтесь, пожалуйста. (Іоганнесъ уходитъ). А пока я... (Ищетъ свои вещи. Его шляпа, пальто и пледъ висятъ на вѣшалкѣ около двери).

Фокератъ. Вы уже собираетесь уходить, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. А какъ же! А моя проповѣдь? Да кто же будетъ завтра говорить за меня проповѣдь?

Браунъ (держитъ пастору пальто).

Пасторъ Коллинъ (надѣвая пальто). Благодарю васъ, молодой человѣкъ!

Кэте. Неужели же вы не окажете намъ честь, г. пасторъ, раздѣлить нашъ скромный обѣдъ...

Пасторъ Коллинъ (одѣваясь). Очень вамъ благодаренъ, милѣйшая г-жа Фокератъ, но...

Фокератъ. Право же, г. пасторъ, вы бы могли доставить намъ это удовольствіе.

Пасторъ Коллинъ (колеблется). Но какъ же?.. Какъ же это?..

Фокератъ. Мы всѣ такъ васъ просимъ.

Пасторъ Коллинъ. А проповѣдь? Завтрашняя проповѣдь? Да, да... понимаете... проповѣдь... завтра...

(Іоганнесъ возвращается и наливаетъ вино).

Фокератъ (беретъ стаканъ). Ну, наконецъ, отъ этого-то ужъ вы не откажетесь.

Пасторъ Коллинъ (беретъ у него стаканъ). Отъ этого... нѣтъ, конечно. Итакъ, за здоровье... за здоровье новокрещеннаго. (Чокаются). За то, чтобы онъ всегда остался хорошимъ, вѣрнымъ сыномъ церкви.

Фокератъ (тихо). Дай Богъ!

Іоганнесъ (предлагаетъ пастору сигары). Вы курите, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Благодарю васъ. (Беретъ сигару и обрѣзываетъ ее). Благодарю... (Беретъ у Іоганнеса спички). Пф... Пф... (Съ трудомъ закуриваетъ. Наконецъ сигара курится. Оглядываетъ комнату). А вы хорошо устроились! Пф... пф... Да, знаете, съ большимъ вкусомъ! (Продолжаетъ осматривать комнату, разглядываетъ картины, останавливается передъ картиною, изображающей борьбу Іакова съ ангеломъ): «Не оставлю тебя!— пф... пф...—пока не благословишь меня». (Довольный, мычитъ).

Кэте (съ оттѣнкомъ страха). Папочка, я бы предложила... Въ саду теперь такъ хорошо... Гораздо теплѣе, чѣмъ въ комнатѣ... Быть-можетъ, ты пройдешь съ г. пасторомъ? А я велю перенести туда стаканы...

Пасторъ Коллинъ (подходитъ къ портретамъ ученыхъ надъ шкапомъ съ книгами). Пестрая компанія! Это, конечно, пф... пф... ваши учителя, г. докторъ?

Іоганнесъ (нѣсколько смущенъ). Да... т.-е., за исключеніемъ Дарвина, конечно!

Пасторъ Коллинъ. Дарвинъ? Такъ, такъ! Ахъ, да! Хм! (Читаетъ по складамъ) Эрнстъ... Геккель... Даже автографъ! Пф... пф... (Не безъ иронiи) Значитъ, онъ былъ вашимъ учителемъ?

Іоганнесъ (быстро, вспыхнувъ). Да... горжусь этимъ.

Фокератъ. Моя дочь права, дорогой пасторъ. На воздухѣ гораздо теплѣе. Если вы не имѣете ничего противъ... Я захвачу вино и стаканы...

Пасторъ Коллинъ. Съ удовольствiемъ! Пф... пф... Прекрасно! Пф... пф... Только, знаете, на нѣсколько минутъ... не больше. (Идетъ за Фокератомъ. Колкимъ тономъ) Человѣкъ, г. судья, человѣкъ, слышите, больше ужъ... пф... пф... не образъ и подобiе Божiе. Нѣтъ, просто—обезьяна... Къ этому заключенiю пришли, по крайней мѣрѣ, естественныя науки... (Уходятъ на веранду, оттуда, оживленно жестикулируя, спускаются въ садъ).

Браунъ (смѣется про себя).

Іоганнесъ. Чего ты смѣешься?

Браунъ. Чему смѣюсь? Радуюсь!

Іоганнесъ. Радуешься?

Браунъ. Да. Развѣ нельзя?

Іоганнесъ. Пожалуйста, пожалуйста! (Ходитъ взадъ и впередъ, вздыхаетъ и вдругъ обращается къ Кэте, которая собралась уходить). Можетъ-быть, я былъ рѣзокъ?

Кэте. Немного, да.

Іоганнесъ (пожимая плечами). Ну, господа! Я просто не въ состоянiи. Не выношу я этого. Всему есть границы. Если имъ угодно провоцировать...

Кэте. Да, но все было очень деликатно.

Іоганнесъ. Да!..

Кэте. Онъ, можетъ-быть, и не замѣтилъ даже.

Іоганнесъ (ходитъ по комнатѣ, почесывая голову). Все-таки непрiятно.

Браунъ. Новая причина для огорченiй. Гансъ!

Іоганнесъ (вдругъ выходитъ изъ себя). Да оставьте вы меня въ покоѣ, чортъ возьми! Слишкомъ далеко заходите... Если у меня лопнетъ терпѣнiе...

Браунъ. Было бы очень недурно!

Іоганнесъ (къ Брауну). Вы слѣпые фанатики, больше ничего! Какой смыслъ выкладывать старику правду? Знаешь, что я тебѣ скажу: когда ты такъ говоришь, мое раздраженiе исчезаетъ. Мнѣ дѣлается совершенно ясно, что это просто ребячество—раздражаться на такихъ людей. То же

самое, если бы я сталъ возмущаться тѣмъ, что у сосны иглы, а не листья. Надо быть объективнымъ, другъ мой.

Браунъ. Въ наукѣ, пожалуй, но не въ жизни.

Іоганнесъ. Ахъ, господа! Какъ мнѣ надоѣлъ весь этотъ вздоръ... Такъ надоѣлъ... Вы представить себѣ не можете, до какой степени... (Носится взадъ и впередъ по комнатѣ).

Браунъ (отходитъ отъ печки, у которой онъ стоялъ, къ столу и кладетъ окурокъ въ пепельницу). А мнѣ нѣтъ? И очень даже! Но вѣчно изъ-за этого ныть и хныкать? Нѣтъ, чортъ возьми!

Іоганнесъ (мѣняя тонъ, смѣется). Ну, ну, не горячись! О томъ, чтобы вѣчно ныть и хныкать, и рѣчи нѣтъ. А если иной разъ и вздохнешь... Что-жъ—просто не хватаетъ воздуха, вотъ и все! Нѣтъ, нѣтъ! Жизнь моя вовсе не такъ ужъ плоха, и, во всякомъ случаѣ, въ такого банкрота, какъ ты, я еще не скоро превращусь.

Браунъ. Можетъ-быть.

Іоганнесъ. Характеръ показываешь?

Браунъ. Ничуть.

Іоганнесъ. Да, банкротъ, банкротъ! А что, собственно, значитъ банкротъ? Въ концѣ концовъ и ты не банкротъ, такъ же, какъ и я. Вотъ только если-бъ я не испортилъ настроенія своему старику и пастору!

Кэте (обнимая Іоганнеса). О, Ганнесъ, Ганнесъ! Не падай духомъ!

Іоганнесъ. Вотъ и работа моя меня мучитъ. Уже двѣ недѣли не могу работать.

Браунъ. Трусливъ! Самому себѣ не хочешь признаться, какъ это ничтожно...

Іоганнесъ (не дослышавъ). Что?

Браунъ. Ничего... Знаешь поговорку? «Если дождикъ—станетъ сыро... Если снѣгъ — то будетъ бѣло... А замерзнетъ—станетъ ледъ...»

Іоганнесъ. Глупо!

Кэте. Не грусти, Фрицъ! Подумай о нашемъ маленькомъ Филиппѣ. Зимой намъ будетъ здѣсь такъ уютно! Посмотри, какъ ты начнешь работать.

Іоганнесъ. Знаешь, Брео, ужъ четвертая глава готова!

Браунъ (безучастно). Да?

Іоганнесъ. Вотъ рукопись! Однихъ источниковъ двѣнадцать страницъ. Это—работа! А? И затрясутся же старые парики.

Браунъ. Полагаю.

Іоганнесъ. Вотъ, посмотри, напримѣръ... (Перелистываетъ рукопись). Здѣсь я нападаю на Дюбуа-Реймона.

Браунъ. Только не читай сейчасъ. Такая лѣнь напала... Въ другой разъ.

Іоганнесъ (покорно). Конечно, конечно! Я и не хотѣлъ. Я...

Кэте. Да сейчасъ и обѣдать будемъ.

Іоганнесъ. Конечно, конечно... Я вовсе и не хотѣлъ... Я хотѣлъ только... Э! (Со вздохомъ кладетъ рукопись назадъ въ книжный шкапъ).

Кэте. Развеселись. Ганнесъ!

Іоганнесъ. Ахъ, Кэте, я и такъ веселъ!

Кэте. Нѣтъ, ты опять сталъ грустный...

Іоганнесъ. Хоть бы одинъ человѣкъ во всемъ мірѣ поддержалъ меня! Не такъ ужъ много и требуется! Немножко сочувствія, немножко пониманія моей работы!

Кэте. Будь благоразуменъ, не мучь ты самъ себя! Подожди, еще придетъ время, и всѣ они поймутъ...

Іоганнесъ. А до тѣхъ поръ? Ты думаешь, легко быть совсѣмъ безъ поддержки?.. Развѣ можно долго выдержать это?

Кэте. Думаю, Ганнесъ... если тяготитъ какая-нибудь мысль, нужно освободиться отъ нея. Поди взгляни на Филиппа. Когда онъ спитъ, онъ такой славный. Лежитъ такъ... (Показываетъ, какъ онъ складываетъ ручонки). Лапки — въ кулачки. Умереть можно со смѣху. Пойдемъ.

Іоганнесъ (Брауну). Пойдемъ съ нами?

Браунъ. Ну ужъ нѣтъ... Ни малѣйшей слабости не питаю къ маленькимъ дѣтямъ... Я похожу немного по саду. (Уходитъ на веранду).

Іоганнесъ. Странный малый!

Кэте (осторожно открываетъ дверь въ спальню). Что за прелесть! Тсс... тише, тише... (Оба, держась за руки, уходятъ на цыпочкахъ. Г-жа Фокератъ и горничная между тѣмъ накрываютъ на верандѣ на столъ. Вдругъ раздается сильный шумъ отъ упавшей на камни посуды и разбившейся груды фарфора. Короткій крикъ, и блѣдная горничная пробѣгаетъ черезъ комнату, отъ веранды къ входной двери. За горничной входитъ г-жа Фокератъ, браня ее вслѣдъ).

Г-жа Фокератъ. Это, наконецъ, невозможно, Минна! Каждый день бьете! И такой чудный майонезъ! (Горничная уходитъ въ наружную дверь). У меня бы не случилось ничего подобнаго... Ихъ надо учить!

Іоганнесъ (выходитъ на стукъ изъ спальни). Что такое, мамочка? (Обнимаетъ ее и старается успокоить) Ну, успокойся, успокойся! Разстраиваться нечего!

Кэте (въ дверяхъ). Что случилось?

Іоганнесъ. Да ровно ничего!

Кэте (исчезаетъ).

Г-жа Фокератъ. Ничего... Благодарю покорно! На десять марокъ набила посуды — и ничего! Да и майонеза нѣтъ... Ахъ... (Отталкиваетъ Іоганнеса).

Іоганнесъ. Ну, мама, мама! И безъ майонеза отлично обойдемся.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы слишкомъ легкомысленны! У васъ нѣтъ средствъ, чтобы швыряться такъ. Вы слишкомъ много спускаете прислугѣ. Вотъ съ ней и нѣтъ сладу...

Іоганнесъ. Но вѣдь ей же приходится всегда возиться съ посудою и...

Г-жа Фокератъ. Я тоже не тиранка... У меня горничныя по шести, по семи лѣтъ жили. Но если онѣ разобьютъ, онѣ должны купить. Конечно, у васъ имъ—и пирожное, и икра!.. Все новыя идеи! Ну, и оставьте меня въ покоѣ!

Іоганнесъ (весело). Ну, мамочка, будь подобрѣе!

Г-жа Фокератъ. Да я и такъ добра, родной мой! (Цѣлуетъ его). Ахъ, ты, верченая голова! Не годишься ты для жизни! (Видно, какъ на верандѣ горничная вытираетъ и подбираетъ осколки).

Іоганнесъ (смущенно). Это правда, мама! (Весело) Но зачѣмъ у тебя всегда такой... такой взглядъ? Страхъ какой-то... Напряженность...

Г-жа Фокератъ. У меня? Право, не знаю... Какой у меня взглядъ?

Іоганнесъ. Ну-ка, взгляни на меня еще разъ.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! (Пристально смотритъ на него).

Іоганнесъ. Вотъ теперь хорошо.

Г-жа Фокератъ. Глупый ты! Какъ бы я хотѣла, чтобы ты былъ всегда доволенъ!.. Былъ бы удовлетвореннымъ человѣкомъ!

Іоганнесъ. Этого, мама, тебѣ не дождаться. Удовлетворенные люди—это трутни въ ульѣ. Жалкія существа!

Г-жа Фокератъ. Но къ чему все это?

Іоганнесъ (серьезнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе взволнованно). И ребенокъ нашъ тоже долженъ быть настоящимъ «неудовлетвореннымъ человѣкомъ».

Г-жа Фокератъ. Избави Боже!

Іоганнесъ. Впрочемъ, онъ долженъ быть не такимъ, какъ я... Другимъ! Ужъ я позабочусь объ этомъ!

Г-жа Фокератъ. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Мы вѣдь тоже дѣлали все, что могли.

Іоганнесъ. Ну, мамочка, въ концѣ концовъ и я ужъ не такой неудачникъ.

Г-жа Фокератъ. Конечно, нѣтъ! Я и не говорю этого! И не думала говорить! Но вѣдь ты же самъ говоришь, что Филиппъ долженъ быть не такимъ... и... послушай: ты не вѣришь... не вѣришь въ Бога. У тебя нѣтъ никакой религіи... А это очень тяжело.

Іоганнесъ. Религія, религія! Да, конечно, я не вѣрю, что Богъ имѣетъ наружность человѣка и человѣческіе поступки, что у Него есть Сынъ и т. д.

Г-жа Фокератъ. Но вѣдь въ это надо же вѣрить, Іоганнесъ!

Іоганнесъ. Нѣтъ, мама, можно не вѣрить въ это и все-таки имѣть религію. Кто старается познать природу, тотъ стремится и къ познанію Бога. Богъ — въ природѣ. «Что это за Богъ, который дѣйствуетъ извнѣ и однимъ прикосновеніемъ пальца приводитъ все кругомъ въ движеніе. Ему подобаетъ двигать мірами изнутри»...—говоритъ Гёте, мамочка, а онъ понималъ это лучше, чѣмъ пасторы и суперинтенденты всего міра.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, милый мой! Когда я слушаю, какъ ты говоришь... какъ больно, что ты не остался теологомъ. Я помню, что сказалъ мнѣ твой наставникъ послѣ твоей пробной проповѣди...

Іоганнесъ (весело). Ну, мамочка, было и прошло! (Раздается звонокъ).

Г-жа Фокератъ. Вѣдь дверь, кажется, не заперта. (Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ входной двери. Стукъ въ дверь).

Прачка Леманъ (въ синемъ полинявшемъ ситцевомъ платьѣ. Входитъ робко). Здравствуйте.

Г-жа Фокератъ } (не совсѣмъ одновременно). Здравствуйте,
Іоганнесъ } г-жа Леманъ!

Г-жа Леманъ. Я только хотѣла спросить... ужъ вы простите, г-жа Фокератъ... я ищу своего жильца, давно ужъ ищу...

Іоганнесъ. Понятно, г-жа Леманъ... Г-нъ Браунъ здѣсь.

Г-жа Леманъ. Тс... тс... (Оглядываясь вокругъ) Да, кому такъ посчастливится!

Г-жа Фокератъ. Какъ поживаете, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Ахъ, г-жа Фокератъ! Плохо, очень плохо! Старика своего пришлось выгнать. Невозможно было. Какъ быть теперь... съ пятью ребятами... Просто не знаю.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Но...

Г-жа Леманъ (дѣлаясь все разговорчивѣе). Да видите ли, г-жа Фокератъ, если бы я-то еще не такъ ослабла! А я совсѣмъ стала слабая. А злость-то, г-жа Фокератъ, такъ и грызетъ... И никто меня не можетъ осудить за это. Я и сказала своему старику: Адольфъ, говорю я, иди ты, говорю, ради Бога, къ своимъ братьямъ. Да! Иди къ своимъ собутыльникамъ. Ступай, говорю... А ужъ для своихъ пятерыхъ-то сама буду тянуться. Если ты и заработаешь что, все самъ, говорю я ему, сейчасъ и пропьешь. Ума въ тебѣ, говорю, нѣтъ! Если бы былъ у тебя умъ, говорю, такъ не довелъ бы ты жену и дѣтей до нищеты... говорю... Да, г-жа Фокератъ, такъ я ему все и сказала, а самоё такъ и прокололо насквозь, точно жало какое впилось въ меня, да. Да развѣ поможешь! По правдѣ сказать, такъ-то лучше! Ну, думаю, Господь поддержитъ меня съ моими пятью ребятишками, да... (Сморкается и вытираетъ слезы).

Г-жа Фокератъ. Намъ всѣмъ приходится...

Г-жа Леманъ. Вотъ, вотъ, и я то же сказала. Ступай ты, говорю, хоть къ индѣйцамъ. Уходи. Если бы ты былъ человѣкъ честный, говорю я, и могъ работать, говорю я, и хоть нѣсколько приносить пфенниговъ, говорю, тогда еще можно было бы жить. А я честная женщина, г-жа Фокератъ. Будь что угодно, не трону... пальцемъ не дотронусь...

Іоганнесъ. Вы хотѣли поговорить съ Брауномъ, г-жа Леманъ?

Г-жа Леманъ. Нѣтъ!.. Ахъ, я и забыла совсѣмъ... Барышня тутъ одна его спрашиваетъ. (Черезъ входную дверь показывается голова Фрейлейнъ Маръ и сейчасъ же исчезаетъ. Іоганнесъ замѣтилъ ее).

Іоганнесъ. Пожалуйста... Пожалуйста, войдите! (Спрашиваетъ мать и г-жу Леманъ, ничего не замѣтившихъ) Вотъ эта барышня? (Г-жѣ Леманъ) Да вы попросили бы ее войти. (Отворяя входную дверь) Прошу васъ, пожалуйте сюда. Вы хотѣли бы видѣть моего друга Брауна? Будьте любезны, входите!

(Анна Маръ—дѣвушка 24-хъ лѣтъ, средняго роста, съ небольшой головой и темными, гладко причесанными волосами. Тонкое нервное лицо. Въ ея непринужденныхъ движеніяхъ—грація и сила. Нѣкоторая увѣренность и рѣзкость на ряду со скромностью и тактомъ нисколько не нарушаютъ впечатлѣнія женственности. Анна одѣта въ черное).

Анна Маръ (входитъ). Извините, ради Бога. Мнѣ такъ непріятно, что я побезпокоила васъ.

Іоганнесъ. Да, пожалуйста, пожалуйста, прошу васъ!

Анна. Г-жа Леманъ пропала... И я только хотѣла ска-

зать ей... что я могу повидать г. Брауна какъ-нибудь въ другой разъ.

Іоганнесъ. Да что вы! Я сейчасъ же позову Брауна. Садитесь, пожалуйста.

Анна. Очень вамъ благодарна. (Продолжаетъ стоять). Нѣтъ, право, мнѣ такъ непріятно...

Іоганнесъ. Да пожалуйста... Я сейчасъ позову Брауна.

Анна. Я доставила вамъ безпокойство...

Іоганнесъ. Нисколько. Простите на одну минуту. (Уходитъ на веранду).

(Небольшая пауза—въ силу легкаго замѣшательства).

Г-жа Леманъ. Ну, такъ я пойду. (Аннѣ) Назадъ вы и одна найдете дорогу.

Анна. Да, да, благодарю васъ, что проводили. Пожалуйста! (Даетъ ей деньги).

Г-жа Леманъ. Очень вамъ благодарна, очень благодарна! (Г-жѣ Фокератъ) Вотъ и весь мой заработокъ сегодня, г-жа Фокератъ, ей-Богу! Да, не легко приходится. А все-таки, говорю я, лучше собственную шкуру продать, чѣмъ жить съ такимъ пьяницей. Да... надо только надежды на Бога не терять! Господь Богъ никогда еще не оставлялъ меня. (Берется за дверную ручку). Ну, теперь прямо въ лавочку купить чего-нибудь своей пятеркѣ. (Уходитъ).

Г-жа Фокератъ (ей вслѣдъ). Зайдите-ка на кухню! Найдется что-нибудь... (Переноситъ свой стулъ къ стулу, около котораго стоитъ Анна, и садится). Пожалуйста. Присядьте!

Анна (медленно опускаясь на стулъ). Я совсѣмъ не устала, я...

Г-жа Фокератъ. Вы знаете эти края?

Анна. Нѣтъ. Я изъ русскихъ остзейскихъ провинцій, я... (Пауза смущенія).

Г-жа Фокератъ. Здѣсь все пески. Не нравится мнѣ здѣсь. Я изъ-подъ Бреславля. А какъ здѣсь все дорого,— вы и представить себѣ не можете. Мой мужъ арендуетъ дворянское имѣніе. Ну, это еще ничего, мы даже кое-что можемъ посылать дѣтямъ. А озеро видѣли? Дѣйствительно, очень красиво! И у насъ очень хорошо... Мы на самомъ берегу. У насъ двѣ лодки. Но я не люблю, когда дѣти катаются на лодкѣ. Знаете, я боюсь... Позвольте спросить, вы живете теперь въ Берлинѣ?

Анна. Да... Я тамъ въ первый разъ. Мнѣ бы хотѣлось хорошенько осмотрѣть Берлинъ.

Г-жа Фокератъ. О, да! Берлинъ стоитъ посмотрѣть! Только ужъ очень шумно.

Анна. Да, шумно. Особенно, если привыкла къ маленькому городку.

Г-жа Фокератъ. Вы откуда сами?

Анна. Изъ Ревеля, возвращаюсь въ Цюрихъ. Послѣдніе четыре года я жила въ Цюрихѣ.

Г-жа Фокератъ. Вотъ какъ! Прелестная Швейцарія! У васъ, вѣроятно, родственники въ Цюрихѣ?

Анна. Нѣтъ... я учусь.

Г-жа Фокератъ. Вы... въ университетѣ?

Анна. Да, въ университетѣ.

Г-жа Фокератъ. Да не можетъ быть! Значитъ, вы—студентка? Что вы говорите? Это очень, очень интересно! Въ самомъ дѣлѣ студентка?

Анна. Въ самомъ дѣлѣ.

Г-жа Фокератъ. Нѣтъ, подумайте только! И что-жъ, вамъ нравится такъ много учиться?

Анна (весело). О, да, до извѣстной степени, конечно.

Г-жа Фокератъ. Просто невѣроятно.

(На верандѣ показываются Іоганнесъ и Браунъ. Дамы видятъ, что они подходятъ, и встаютъ).

Анна. Мнѣ, право, непріятно, что я побезпокоила васъ.

Г-жа Фокератъ. Да что вы! Я ужасно рада, что своими глазами и такъ близко видѣла настоящую студентку. У насъ такія дикія представленія о нихъ. Вы родственница г. Брауну?

Анна. Нѣтъ... Мы познакомились съ нимъ въ Парижѣ, на выставкѣ.

Г-жа Фокератъ (подавая ей руку). Всего хорошаго! Очень пріятно.

Анна. Еще разъ... извините...

(Г-жа Фокератъ уходитъ съ поклономъ во входную дверь. Іоганнесъ и Браунъ нѣсколько секундъ совѣщаются на верандѣ. Іоганнесъ остается на верандѣ, а Браунъ входитъ въ комнату).

Браунъ (удивленно). Фрейлейнъ Маръ! Вы?!

Анна. Я! Надѣюсь, вы не считаете меня настолько безтактной... Въ томъ, что я попала сюда, виновата ваша хозяйка, эта оригинальная г-жа Леманъ...

Браунъ. Бимбамъ милостивый!

Анна. Все еще существуетъ... вашъ Бимбамъ?

Браунъ. И во снѣ не снилось! Упоительно!

Анна. И «упоительно» существуетъ? У васъ вѣдь все всегда упоительно. Совсѣмъ, совсѣмъ не измѣнились!

Браунъ. Думаете? Ну, снимайте пальто.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Мнѣ только хотѣлось взгля-

нуть, что съ вами. (Лукаво) А больше всего хотѣлось узнать о вашей большой картинѣ. Можно полюбоваться ею?

Браунъ. И намека нѣтъ, фрейлейнъ Маръ... полотно даже не куплено!

Анна. Нехорошо. Въ самомъ дѣлѣ,—очень нехорошо! А вы еще такъ твердо мнѣ обѣщали!

Браунъ. Человѣкъ предполагаетъ... а кучеръ располагаетъ... Снимайте же...

Анна. Нѣтъ! Я васъ повидала, г. Браунъ, и надѣюсь...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы должны остаться.

Анна. Здѣсь?

Браунъ. Да. Вѣдь вы не знаете, гдѣ мы?.. У Іоганнеса Фокерата. По моимъ разсказамъ вы его отлично знаете. Кстати сегодня здѣсь крестины. Вы попали какъ разъ во-время.

Анна. Нѣтъ, нѣтъ! Неудобно... И мнѣ надо еще побывать сегодня въ городѣ въ тысячѣ мѣстъ.

Браунъ. Магазины сегодня всѣ заперты.

Анна. Ничего. Мнѣ надо къ знакомымъ. Но не воображайте, что вы отдѣлались отъ меня. Намъ нужно еще длинный разговоръ имѣть. Я должна еще прочитать вамъ хорошую нотацію. Вы... клятвопреступникъ! Вы попрежнему, кажется мнѣ, художникъ только въ вашемъ воображеніи!

Браунъ. Сперва надо идею выносить въ себѣ. А кисти не уйдутъ.

Анна. Ну, кто знаетъ!

Браунъ. Во всякомъ случаѣ, я васъ отсюда не выпущу.

Анна. Нѣтъ, г. Браунъ, оставьте вы меня въ покоѣ!

Браунъ (зоветъ). Гансъ! Гансъ!

Анна. Ради Бога!

(Іоганнесъ входитъ, краснѣя).

Браунъ. Позвольте васъ познакомить. Мой другъ Іоганнесъ Фокератъ. Фрейлейнъ Анна Маръ.

Анна } (вмѣстѣ). Я такъ много слышала о васъ.
Іоганнесъ } Я такъ много слышалъ о васъ.

Браунъ. Представь, Гансъ, фрейлейнъ Маръ хочетъ уже уходить.

Іоганнесъ. Вы очень огорчите этимъ и мою жену и всѣхъ насъ... Подарите намъ сегодняшній день.

Анна. Право, не знаю... Впрочемъ, если, правда... я не стѣсню васъ... я съ удовольствіемъ останусь.

Іоганнесъ. Да нисколько, нисколько. (Помогаетъ ей снять кофточку и передаетъ ее Брауну). Повѣсь, пожалуйста. Я сей-

часъ скажу женѣ... (Подходитъ къ двери въ спальню). Кэте! (Уходитъ въ спальню).

Анна (оправляется передъ зеркаломъ). Вашъ другъ очень любезенъ.

Браунъ. Пожалуй, даже слишкомъ!

Анна. Почему?

Браунъ. Шучу, конечно. Онъ, дѣйствительно, хорошій малый. Только, когда дѣло доходитъ до его работы, онъ становится невыносимъ. Вотъ увидите, если вы останетесь здѣсь вечеромъ, онъ не пропуститъ случая почитать вамъ что-нибудь изъ своей работы.

Анна. Что это за работа?

Браунъ. Для меня слишкомъ ученая—философско-критико-психо-физіологическая. Почемъ я знаю!

Анна. Это интересно. Вѣдь я тоже, какъ говорится, «прикосновенна къ философіи».

Браунъ. Ну, тогда вы нескоро уйдете отсюда. Если вы заинтересуетесь его работою, вы несказанно его обрадуете.

Іоганнесъ (выходя изъ спальни). Браунъ!

Браунъ. Ну?

Іоганнесъ. Поди-ка къ Кэте. Успокой ее немного. Оказывается, у мальчугана одно ребрышко слишкомъ выдается!

Браунъ. Еще что?

Іоганнесъ. Конечно, пустяки. Но все-таки зайди къ ней. Всегда сама себя разстраиваетъ.

Браунъ. Да ужъ хорошо, хорошо! Иду. (Уходитъ въ спальню).

Іоганнесъ. Жена проситъ извинить ее. Она черезъ нѣсколько минутъ придетъ. Она поручила мнѣ пока показать вамъ нашъ садъ. Если вы не имѣете ничего противъ...

Анна. О, съ удовольствіемъ!

Іоганнесъ (улыбаясь). У насъ, правда, очень хорошенькое имѣніе... то-есть мы арендуемъ его. Самая красота, конечно,—озеро. Вы знаете Мюггельское озеро? (Онъ передаетъ ей зонтикъ. Оба, разговаривая, идутъ къ двери на веранду). Я ненавижу городъ. Мой идеалъ—уединенный паркъ, со всѣхъ сторонъ окруженный высокою стѣною. Никто не мѣшаетъ, можно жить для своихъ цѣлей.

Анна. Эпикурейство.

Іоганнесъ. Да, вы правы. Но, увѣряю васъ иначе я не могу... Вамъ не будетъ холодно?

Анна. О, нѣтъ! Я человѣкъ не изнѣженный. (Іоганнесъ пропускаетъ Анну впередъ и идетъ вслѣдъ за нею на веранду. Здѣсь они остаются нѣсколько секундъ. Видно, какъ Іоганнесъ показываетъ и объясняетъ ей открывающійся съ веранды видъ. Наконецъ оба они исчезаютъ въ саду).

(Браунъ и за нимъ Кэте выходятъ изъ спальни).

Браунъ (оглядываясь). Они ушли.

Кэте. Ну?

Браунъ. Нѣтъ, ничего... Совершенно естественное ребро.

Кэте. Знаете, у меня какое-то щемящее чувство.

Браунъ. Щемящее? Почему?

Кэте (улыбаясь). Сердцебіеніе...

Браунъ. Нервы еще не въ порядкѣ.

Кэте. Она очень гордая?

Браунъ. Кто?

Кэте. Эта барышня.

Браунъ. Маръ? Гордая? Нисколько.

Кэте. Почему же нѣтъ? Если бы я была на ея мѣстѣ, я бы...

Браунъ. Нѣтъ, нѣтъ! Вы, право, унижаете ее!

Кэте. Напротивъ! Я чувствую къ ней безграничное уваженіе.

Браунъ. Ну вотъ еще!.. Впрочемъ, иногда она бываетъ немного высокомѣрна... Ну, тутъ надо просто отучать ее. (Пауза).

Кэте. Ганнесъ оставилъ здѣсь листъ изъ своей рукописи... Понимаетъ она что-нибудь въ этомъ?

Браунъ. Еще бы!

Кэте. Вотъ какъ! Рядомъ съ образованными людьми такія, какъ я, играютъ жалкую роль...

Браунъ. Э, что тамъ! Я тоже не очень разбираюсь въ этомъ. Мало учился. Но мнѣ эта школьная мудрость не импонируетъ.

Кэте. Говоритъ, навѣрное, блестяще?

Браунъ. Блестяще? Нѣтъ. Говоритъ такъ... да какъ всѣ мы говоримъ... Она очень умна,—да, но изъ этого еще...

Кэте (улыбаясь). Когда я была дѣвочкой, я была страшной болтушкой... Цѣлые дни безъ умолку болтала о всякихъ пустякахъ. Отъ этого я отучилась. Но зато теперь боюсь вообще разговаривать, боюсь слово сказать. (Подходитъ къ двери на веранду). Мамочка, надо еще приборъ поставить!

Г-жа Фокератъ (съ веранды, гдѣ она опять накрываетъ на столъ). А кто же еще будетъ?

Кэте. Фрейлейнъ.

Г-жа Фокератъ. Кто? Ахъ, да! Хорошо, хорошо, Кэте.

Кэте (обращается опять къ Брауну, со вздохомъ). Да, теперь уже все пропало! Стараешься, да что толку? Время ушло! (Подходя къ букету) Посмотрите, какъ красиво. Еще розы. (Даетъ понюхать Брауну). И какъ сильно еще пахнутъ!

Браунъ. Превосходно.

Кэте (ставитъ букетъ на мѣсто). Она молода?

Браунъ. Кто?

Кэте. Фрейлейнъ Маръ.

Браунъ. Сколько ей лѣтъ,—не знаю.

Кэте. Мнѣ уже двадцать два года. Да... Дѣло ужъ къ старости!

Браунъ. И къ глубокой! (Смѣется).

Кэте. И какая маленькая, узкая!

(Г-жа Фокератъ просовываетъ въ дверь голову).

Г-жа Фокератъ. Господа, у меня все готово! (Исчезаетъ. Кричитъ съ веранды въ садъ) Папа! Папа!

(Г-нъ Фокератъ и пасторъ, оба въ очень хорошемъ настроеніи, поднимаются по лѣстницѣ на веранду).

Фокератъ (въ дверяхъ, держитъ пальто пастора). Ну, вотъ! Войдите и разоблачайтесь! Ха-ха-ха! (Отъ души хохочетъ).

Пасторъ Коллинъ (со шляпой, палкой и пледомъ въ рукахъ; то хохочетъ, то пускаетъ клубы дыма). Ха-ха-ха! Въ самомъ дѣлѣ, очень смѣшно. Пф... пф... очень смѣшно. (Хохочетъ).

Фокератъ. И вѣдь это фактъ, г. пасторъ. (Несетъ его пальто).

Пасторъ Коллинъ. «Господинъ новопреставленный»... (Хохочетъ). Пф... пф... «Господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Смѣется, вѣшаетъ пледъ, шляпу, но шапочки не снимаетъ).

Фокератъ (смѣясь вмѣстѣ съ нимъ). Г. новопреставленный... (Брауну) Это у насъ въ деревнѣ были какъ-то похороны, г. Браунъ. Стоятъ всѣ провожающіе покойника вокругъ гроба, и вдругъ... (Изображая ужасъ, быстро) вдругъ что-то зашевелилось... Можетъ-быть, стуломъ кто двинулъ или чѣмъ еще... Словомъ, что-то зашевелилось... (Изображаетъ ужасъ) Всѣ вздрогнули. Только сторожъ церковный, ха-ха-ха, не потерялся, — отчаянный онъ... Подходитъ къ гробу, ха-ха-ха, и стучитъ. (Подражаетъ голосу церковнаго сторожа и стучитъ пальцемъ по столу) «Господинъ новопреставленный, господинъ новопреставленный, можетъ, вамъ еще что угодно?» (Усиленно смѣется).

Пасторъ Коллинъ (смѣется). Можете себѣ представить?

Пф... пф!.. Это вѣрно. Я знаю этихъ церковныхъ сторожей.

Г-жа Фокератъ (входитъ). Ну, папочка, пожалуйте! А то супъ простынетъ.

Фокератъ. Пожалуйста, г. пасторъ!

Пасторъ Коллинъ. Обошли вы меня все-таки! (Кладетъ сигару въ пепельницу и подаетъ г-жѣ Фокератъ руку) Г-жа Фокератъ!

Фокератъ (собираясь подать руку невѣсткѣ). А гдѣ же Іоганнесъ?

Г-жа Фокератъ. И фрейлейнъ? Право, это нехорошо со стороны Іоганнеса. Такой хорошій обѣдъ и весь...

Фокератъ (весело). Да, знаете, г. пасторъ, «между ртомъ и межъ ѣдой»,—ха-ха-ха!

Пасторъ Коллинъ. «Силы темныя толпой»,—ха-ха-ха!

Фокератъ. Должно-быть, это та самая дама. Мы видѣли на озерѣ какую-то парочку. Правда, г. пасторъ?

Пасторъ Коллинъ. Какъ же... какъ же... Они, навѣрно, на лодкѣ уѣхали.

Г-жа Фокератъ. Ну, начнемъ безъ нихъ.

Фокератъ. Кто опоздалъ...

Браунъ (наблюдавшій съ веранды, входитъ въ комнату). Идутъ, идутъ!

Фокератъ. Какъ разъ вò-время!

(Съ веранды входятъ Іоганнесъ и Анна).

Іоганнесъ. Мы опоздали?

Фокератъ. Нѣтъ, какъ разъ вò-время.

Іоганнесъ. Ради Бога, простите. Мы... На озерѣ такъ хорошо. Позвольте познакомить. (Представляетъ) Г. пасторъ Коллинъ, мой отецъ, моя мать.

Г-жа Фокератъ. Мы уже познакомились.

Іоганнесъ. Моя жена. Фрейлейнъ Маръ.

(Всѣ оправляютъ платье и идутъ на веранду: г-жа Фокератъ подъ-руку съ пасторомъ, Кэте подъ-руку съ старымъ Фокератомъ, Анна—съ Іоганнесомъ. Одинъ, сзади всѣхъ, идетъ Браунъ).

(Комната пустѣетъ. Изъ спальни долетаетъ тихое пѣнье кормилицы: бай-баю-бай... Съ веранды доносится звонъ посуды. Вдругъ входитъ Кэте и достаетъ что-то изъ выдвижного ящика стола. За нею поспѣшно входитъ Іоганнесъ).

Іоганнесъ. Послушай, Кэте... тебѣ же нельзя... нельзя такъ бѣгать. Позволь, я...

Кэте. Что ты, я ужъ не такъ слаба.

Іоганнесъ (съ пламеннымъ воодушевленіемъ). Знаешь, это поразительный человѣкъ! Такой запасъ знаній, такая самостоятельность сужденій! И подумать только, что такой

человѣкъ еле-еле сводитъ концы съ концами. Помнишь, Браунъ много разсказывалъ о ней. Собственно говоря, нашъ долгъ... да, просто наша обязанность уговорить ее погостить у насъ здѣсь хоть нѣсколько недѣль.

Кэте. Если хочешь...

Іоганнесъ. Вовсе я не хочу. Тебѣ это гораздо нужнѣе, чѣмъ мнѣ. Ты должна этого хотѣть: отъ такой дѣвушки ты можешь многому научиться.

Кэте. Какой ты иногда бываешь злой, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Да развѣ я не правъ? Тебѣ слѣдуетъ лихорадочно хвататься за каждый случай хоть немного расширить свое развитіе... Ты должна стремиться къ этому. Ты должна удержать ее у насъ. Я не понимаю, какъ можно быть такой равнодушной.

Кэте. Да я всей душой за это, Ганнесъ.

Іоганнесъ. Никакого огня нѣтъ въ васъ, никакой иниціативы! Ужасно!

(Пасторъ на верандѣ стучитъ ножомъ по стакану).

Кэте. Ступай, Ганнесъ, ступай! Пасторъ произноситъ тостъ. Я сейчасъ приду... А я... Я всей душой за то, чтобы она осталась. Ну, ступай,—надо же, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ тамъ былъ...

Іоганнесъ. Ну, будь милой, Кэте... будь милой. (Цѣлуетъ ее въ полные слезъ глаза и поспѣшно идетъ на веранду. Слышенъ голосъ пастора. Все еще доносится тихое пѣніе кормилицы. Съ Кэте что-то произошло. Послѣ ухода Іоганнеса она сразу какъ бы вянетъ, слабѣетъ и направляется къ верандѣ, ища руками, о что бы опереться. Мгновеніями у нея кружится голова. Наконецъ она не въ состояніи идти и опускается на стулъ. Остановившійся взглядъ ея устремленъ въ одну точку, губы беззвучно шевелятся, на рѣсницахъ капли слезъ. Пасторъ кончилъ тостъ. Слышно, какъ чокаются. Кэте собирается съ силами, подымается со стула и идетъ).

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Превосходное осеннее утро. Г-жа Фокератъ въ домашнемъ платьѣ, въ фартукѣ со связкою ключей, накрываетъ на столъ къ завтраку. Слышенъ хоръ мужскихъ голосовъ, поющій пѣсню: «Кого Господь захочетъ наградить». Мимо дома проходитъ «общество пѣнія». Изъ сада подымается на веранду Анна Маръ съ корзиной винограда. Она останавливается, прислушивается къ пѣнію, затѣмъ смотритъ вдаль черезъ озеро, прикрывая отъ солнца глаза рукой. Пѣніе понемногу стихаетъ. Анна входитъ. На ней черное утреннее платье съ короткими рукавами. На головѣ и вокругъ шеи черный кружевной шарфъ. На груди букетъ изъ пестрыхъ осеннихъ листьевъ.

Г-жа Фокератъ. А, доброе утро!

Анна (ставитъ корзину въ сторону, спѣшитъ къ г-жѣ Фокератъ и цѣлуетъ ей руку). Доброе утро, тетушка Фокератъ!

Г-жа Фокератъ. Такъ рано и ужъ встали?

Анна. Мы собираемъ съ г. Іоганнесомъ виноградъ.

Г-жа Фокератъ. Да, ужъ пора. (Пробуетъ ягоды изъ корзины) Слаще не будетъ... Неужели вамъ не холодно? (Трогаетъ пальцами обнаженную руку Анны). Вы такъ легко одѣты. Сегодня, по-моему, совсѣмъ свѣжо!

Анна (во время разговора тщательно вынимаетъ вѣтки винограда и раскладываетъ ихъ на деревянной дощечкѣ). Довольно свѣжо. Но мнѣ ничего. Я привыкла къ холоду. Поразительный воздухъ! Сван въ озерѣ — знаете, къ которымъ привязываютъ лодки — утромъ были совершенно бѣлыя отъ инея. Такъ оригинально. Вообще здѣсь замѣчательно красиво... Можетъ-быть, помочь вамъ, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Передайте мнѣ, пожалуйста, сахарницу.

Анна (ставитъ сахарницу на столъ. Наклонившись къ столу, смотритъ въ сторону). Вы не сердитесь на меня, что я зову васъ тетушкой Фокератъ?

Г-жа Фокератъ (смѣется). Почему же?

Анна. Я такъ рада, что вы позволяете. (Порывисто и горячо цѣлуетъ г-жу Фокератъ). Ахъ, я такъ благодарна, что вы позволяете мнѣ жить здѣсь.

Г-жа Фокератъ. Да что вы, фрейлейнъ Анна!

Анна. Я чувствую себя такъ хорошо въ вашей семьѣ. Вы всѣ такъ сердечны ко мнѣ. И вообще всѣ вы такіе хорошіе люди.

Г-жа Фокератъ. Ахъ, ты!.. Сколько паутины на васъ! (Снимаетъ паутинки съ платья Анны).

Анна. Сколько счастья можетъ дать семья! До сихъ поръ все это было мнѣ такъ чуждо!

Г-жа Фокератъ (все еще снимая паутину). Ну, ну... Не сглазьте!.. Погодите... настоящія веревки!

Анна. А вы суевѣрны, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. О, нѣтъ, нѣтъ, милая! Это правда, Господь милостивъ къ намъ. И все-таки и у насъ.. не совсѣмъ такъ, какъ могло бы быть.

Анна. Не знаю. Но вѣдь вы всѣ такъ... Ахъ, нѣтъ, вамъ не на что жаловаться...

Г-жа Фокератъ. Да, да, вы правы. Не слѣдуетъ роптать... (Уклончиво) Удивительно хорошо, что вы теперь у насъ! (Таинственно) И для Іоганнеса вы—добрый геній.

Анна (смущенная, то краснѣетъ, то блѣднѣетъ, потомъ говоритъ съ горячностью). Такъ вы, правда, ничего не имѣете противъ меня?

Г-жа Фокератъ. Я васъ очень люблю.

Анна. Все-таки не такъ, какъ я васъ. Я люблю васъ, какъ родную мать. (Беретъ пустую корзину, собираясь идти опять въ садъ). У г. Іоганнеса слишкомъ доброе, слишкомъ мягкое сердце.

Г-жа Фокератъ. Почему?

Анна. Да такъ... вообще... Вотъ, напримѣръ, вчера мы встрѣтили на улицѣ пьянаго. Какъ разъ въ это время возвращались изъ школы ребятишки. Да и взрослые даже не оставляли его въ покоѣ. У Мюггельскаго замка собралась цѣлая толпа...

Г-жа Фокератъ. Да, да! Этого онъ не выноситъ. Въ такихъ случаяхъ его не удержишь. У него уже было изъ-за этого столько непріятностей.

Анна. Развѣ это нехорошо, тетушка Фокератъ?

Г-жа Фокератъ. Хорошо? Да, конечно, онъ очень добрый. Но если хорошенько подумать, какая отъ этого польза... Какая польза отъ всей этой доброты! А потомъ, хоть онъ и добръ, а отъ Бога онъ отвернулся... Повѣрьте, это очень тяжело, фрейлейнъ, для матери... для родителей... которые всю свою душу отдали за то, чтобы сдѣлать изъ сына добраго христіанина. (Сморкается, чтобы скрыть волненіе). Ахъ, этотъ глупый насморкъ! Ужъ сколько дней!.. (Стираетъ пыль. Послѣ паузы) Да, онъ добрый, да! И это очень хорошо, только отъ этого еще вдвое больнѣе... И это безъ возмездія не проходитъ... Это замѣтно, — ему ни въ чемъ нѣтъ успѣха, да... Вѣчное безпокойство, вѣчное стремленіе куда-то... Какая-то погоня... И хоть бы выходило изъ этого что-нибудь! А то вѣдь — нѣтъ... впередъ онъ не идетъ! А какой онъ былъ раньше... ребенкомъ... Поразительный ребенокъ былъ... Помню, пасторъ Шмидель... Всѣ удивлялись. Тринадцати лѣтъ — уже въ старшемъ отдѣленіи, въ семнадцать—кончилъ гимназію. А теперь? А теперь почти всѣ обогнали его... Теперь ужъ многіе, у которыхъ и въ половину не было его способностей, уже давно на службѣ!

Анна. Собственно говоря, это вполнѣ естественно. Это только доказываетъ, что г. Іоганнесъ выше средняго уровня... Торныя дороги—не для всѣхъ. Г. Іоганнесъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ищутъ новыхъ путей.

Г-жа Фокератъ. Но кому же это нужно, фрейлейнъ

Заявленъ Отдѣлу Промышленности

Переплетная „НИВЫ", СПБ.